

2024
4 (78)

ФИЛОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

*PHILOLOGY
AND CULTURE*

**Казанский
федеральный
УНИВЕРСИТЕТ**

**Филология и культура.
Philology and Culture**

*Журнал основан в 2003 году. Выходит 4 раза в год.
Учредитель и издатель – ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»*

*Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-47510 от 23.11.2011 г.*

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ
Материалы журнала размещаются на сайте Научной электронной библиотеки, включаются в национальную
информационно-аналитическую систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)*

Редакционный совет журнала:

Бак Дмитрий Петрович – профессор Российского государственного гуманитарного университета, директор Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля (Государственного литературного музея) (Россия).

Головко Евгений Васильевич – член-корреспондент Российской академии наук, директор Института лингвистических исследований Российской академии наук (Россия).

Гусейнова Махира Наги Кызы – профессор, декан филологического факультета, проректор по международным связям Азербайджанского государственного педагогического университета (Азербайджан).

Дзиффер Джорджо – профессор Университета в Удине (Италия).

Кибрик Андрей Александрович – профессор, директор Института языкознания Российской академии наук (Россия).

Леблан Сесиль – профессор университета «Париж-3, Новая Сорбонна» (Франция).

Лефельдт Вернер – профессор Гёттингенского университета (Германия).

Онер Мустафа – профессор Эгейского университета (Турция).

Сривастава Анамика – научный сотрудник Глобального Университета Джиндал (Индия).

Шаймердинова Нурила Габбасовна – профессор Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева (Казахстан).

Шайтанов Игорь Олегович – профессор, заведующий кафедрой истории литературы Российского государственного гуманитарного института.

Ширинова Раима Хакимовна – доктор филологических наук, профессор, проректор по международным связям Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека (Узбекистан).

Главный редактор – **Замалетдинов Радиф Рифкатович**, д-р филол. наук, профессор, директор Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Заместитель главного редактора – **Ярмакеев Искандер Энгелевич**, д-р пед. наук, профессор, заместитель директора по научной деятельности Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Состав редколлегии:

Агеева Юлия Викторовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Бакиров Марсель Хаернасович, д-р филол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра по изучению наследия Льва Толстого Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Бочина Татьяна Геннадьевна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков в сфере международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Бреева Татьяна Николаевна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Галимуллина Альфия Фоатовна, д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Галиуллина Гульшат Раисовна, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой татарского языкознания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Гафиятова Эльзара Васильовна, д-р филол. наук, доцент, заместитель директора по международной деятельности и развитию Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Горобец Елена Анатольевна, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой прикладной и экспериментальной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Ерофеева Ирина Валерьевна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Есин Радий Германович, д-р мед. наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИЛ «Нейрокогнитивные исследования», Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Жолобов Олег Феофанович, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Закирзянов Альфат Магсумзянович, д-р филол. наук, профессор, и.о. заведующего отделом литературоведения Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан.

Закирова Ильсеяр Гамиловна, д-р филол. наук, доцент, главный научный сотрудник отдела народного творчества Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан.

Зинин Сергей Александрович, д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет.

Каюмова Диана Фердинандовна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Крылов Вячеслав Николаевич, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Кулькова Мария Александровна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Мардиева Ляйля Агъдасовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Мингазова Ляйля Ихсановна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры татарской литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Мухаметзянова Лилия Хатиповна, д-р филол. наук, доцент, главный научный сотрудник отдела народного творчества, Институт языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан.

Мухаметшина Резеда Фаилевна, д-р пед. наук, профессор, декан Высшей школы русского языка и межкультурной коммуникаций имени И. А. Бодуэна де Куртенэ Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Неселова Ольга Олеговна, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Николаева Наталия Геннадьевна, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой латинского языка и медицинской терминологии, Казанский государственный медицинский университет.

Пашкуров Алексей Николаевич, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Поляков Олег Юрьевич, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры культурологии и журналистики, Вятский государственный университет.

Сайфулина Флера Сагитовна, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой татарской литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Салехова Ляйля Леонардовна, д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры билингвального и цифрового образования, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Солнышкина Марина Ивановна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Соловьев Валерий Дмитриевич, д-р физ.-мат. наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИЛ «Текстовая аналитика», Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Тарасова Фануза Харисовна, д-р филол. наук, доцент, декан высшей школы русской и зарубежной филологии имени Льва Толстого Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Файзуллина Гузель Чахваровна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры теории и методики начального и дошкольного обучения, Тобольский педагогический институт имени Д. И. Менделеева (филиал Тюменского государственного университета в г. Тобольск).

Фаттахова Наиля Нурыхановна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Хабибуллина Лилия Фуатовна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Харисов Фираз Фахразович, д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры татарского языкознания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Юсупова Альфия Шавкетовна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и тюркологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Явгильдина Зилия Мухтаровна, д-р пед. наук, профессор, проректор по научной работе, Казанский государственный институт культуры.

Сотрудники:

Ответственный редактор:

Хабутдинова М. М., кандидат филологических наук.

Выпускающий редактор:

Умарова Л. Д., кандидат филологических наук.

Ведущие редакторы:

Свирина Л. О., кандидат филологических наук.

Хасанова Л. И.

Компьютерная верстка – Герасимова Н. В.

Адрес издателя: 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Адрес редакции: 420021, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2

Контактный телефон: (843) 292-92-06

Сайт журнала: <http://philology-and-culture.kpfu.ru>

E-mail: journal@ifi.kpfu.ru

Подписной индекс: 66015

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Лингвистика

<i>Аглеева З., Кудряшов И.</i> Иронический прагматический эффект в русскоязычном диалогическом общении.	7
<i>Ашрапова А., Свирина Л., Макаров И.</i> Язык как способ идентификации национального культурного кода (на примере произведений Г. П. Вудхауса).	14
<i>Барышева Я., Нелюбова Н.</i> Употребление интертекстуальных элементов в заголовках текстов франкоязычных СМИ об Олимпиаде 2024: лингвокультурная интерпретация.	20
<i>Борисова Н., Галиуллина Г.</i> Язык саха: Культурный код нации в медиатексте интернет-изданий газет.	25
<i>Варламова Е.</i> Латиница и кириллица в эргонимиконе центральных улиц Казани: этимология наименований как отражение проблем и перспектив графической репрезентации.	32
<i>Габитов А.</i> Семантика английского предлога «over» в синтагматическом аспекте на примере публицистических текстов.	40
<i>Галеева И.</i> К вопросу об особенностях субстантивов, характеризующих человека, в романе-эссе М. Уэльбека «Расширение пространства борьбы».	48
<i>Гордеева Л.</i> «Театр уж полон; ложи блещут...»: лингвокультурологическое описание.	53
<i>Дубровская Е.</i> Репрезентация образов казаков и казачества в паремиологическом фонде русского языка.	59
<i>Замалетдинова Г., Саттарова М.</i> Жил ('ветер') как лингвокультурный символ в татарском языковом сознании (на материале паремий).	64
<i>Карташова Е., Михеев А.</i> Репрезентация вымышленного (художественного) мира творящим субъектом.	70
<i>Коновалова Ж.</i> Особенности функционирования советизмов в американском художественно-документальном дискурсе (на материале книги Н. Мейлера «История Освальда»).	77
<i>Королькова А., Новикова Т.</i> Лингвопрагматические характеристики субстандарта в дискурсивном художественном пространстве начала XXI века.	83
<i>Лазарева О.</i> Дискурсивное пространство романов Жоржи Амаду «Исчезновение святой», «Габриэла, гвоздика и корица».	90
<i>Мамаева Е.</i> Возможности искусственного интеллекта при переводе фразеологизмов в условиях художественного текста.	96
<i>Маслова А., Компаньева Л.</i> Невербальные проявления позитивных эмоций языковой личностью американского политика.	104
<i>Набиуллина Г., Кириллова З.</i> Коммуникемы со значением утверждения и отрицания в татарском языке.	111
<i>Насибуллова Г.</i> Вербализация пространственной модели мира в современной русской и английской женской прозе (на материале произведений А. Матвеевой и Э. Гилберт).	119
<i>Непомнящих Е.</i> Лингвистическая креативность современного подарочного маркетинга (на примере алкогольной продукции).	127
<i>Никольский Е., Папилова Е.</i> Конфессиональный антагонизм и этностереотипы в историческом романе В. С. Соловьева «Жених царевны».	132
<i>Новоспаская Н., Хаддад А.</i> Кинодискурс как ресурс для диалектного словаря.	139
<i>Пильгун М., Ерофеева И.</i> Манипулятивные технологии в больших объемах лингвистических данных: социальные медиа.	146
<i>Родионова А., Родионова С., Григорьева Т.</i> Актуальные тенденции в семантике и функционировании иноязычных приставок в русском языке начала XXI века.	154
<i>Селиверстова Е.</i> Фразеологизм <i>на зубах</i> в свете новых контекстуальных прочтений.	163

Чжоу Чуньянь, Бочина Т. Частотность функционирования параметрических прилагательных в газетном подкорпусе НКРЯ.	169
Шадрина О. Структурно-семантические особенности эпонимов терминосистемы «искусственный интеллект» в английском языке.	175

Литературоведение

Абашева М., Киосе О. Русские идеи. Дискурсивная организация романа Владимира Шарова «Возвращение в Египет».	187
Аюпова К. Экфрасис как стилистическое средство создания образа в биографии (на материале биографий Джорджианы Девонширской).	194
Бекметов Р. Мемуары исследователя как литературный факт (на материале воспоминаний В. А. Иванова о Востоке).	201
Вафина А., Коновалова Ж. Авторская коммуникативная стратегия в женском англоязычном художественно-документальном дискурсе.	207
Воронченко Т., Фёдорова Е., Круглова Ю. Мифопоэтический хронотоп повести Рудольфо Анайя «Деревня, которую боги выкрасили в желтый цвет» в парадигме магического реализма.	215
Галимова М. Текст и интертекст в шекспировских пьесах Дона Нигро.	222
Гилязов Т. Репрезентация человеческого тела в поэзии Габдуллы Тукая.	228
Зуева Е. Языковая игра в британской анималистике второй половины XX века.	236
Иваницкий А., Нагина К. Зимний путь и зимний сон у Пушкина и Л. Толстого.	242
Колышева Е. «Жизнь господина де Мольера» в контексте разработки темы «художник и власть» в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».	250
Королькова Я. Образ леса и культурная модель инициации в романе Е. Дворецкой «Ольга, лесная княгиня».	260
Котомцев Д. Жанровые параметры интеллектуального романа (на материале романистики В. В. Набокова).	267
Кудряшов И., Аглеева З. Проблема концептуального моделирования взросления ребенка в контексте детской литературы.	277
Куликова Д. Мотивы хоррора в романе Э. Веркина «Снарк снарк».	283
Лебедева А. Индексальная ретардация как основа эпической пьесы (на материале драматургии А. Н. Островского).	293
Приказчикова Е. Формирование национальных культурных мифов о Европе в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина.	301
Прудюс И. «Преступление и наказание» Б. Лукья как пример графического романа-адаптации. .	308
Саяпова А. Прием остранения в трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность». .	317
Селитрина Т. Рецепция романа Генри Джеймса «Крылья голубки» в иноязычной среде.	323
Хабутдинова М., Нурмухаметова Р., Латыпов Р. Вклад И. А. Мухаматгалиева в развитие современной татарской детской драматургии.	328
Хохряков А. Местоименные метаморфозы в композиции Р. Дж. Дио «The man who would be king». .	334
Чан Ваньцзюн, Бочина Т. Роль перевода в исследовании конфуцианства: труды ученых Института Китая и современной Азии Российской Академии наук.	341

ПЕДАГОГИКА

Абдуллина Л., Рахматуллина Ш., Саттарова Л. Регионоведческие возможности уроков башкирского языка в начальной школе.	348
Агеева Ю., Гмызина В. Категория одушевленности / неодушевленности в обучении русскому языку как иностранному: результаты опытно-экспериментальной работы.	356
Закирьянов К., Замалетдинов Р. Три аспекта работы над предложением (из опыта обучения русскому языку как неродному).	363
Кривошеева Н. К вопросу об эффективных методах при обучении устной иноязычной речи студентов.	370
Никитина Т., Роголёва Е. Региональный компонент в обучении русскому языку как иностранному: содержание и способы реализации (Псковский опыт).	376
Петрова С., Петрова М. Роль русского языка в профессиональной подготовке иностранных студентов-медиков (из опыта работы в Северо-Восточном федеральном университете им. М. К. Аммосова).	382
Ярмакеев И., Ахмадуллина Р., Валиахметова Н. Полилингвальная среда вуза: опыт организации.	387

CONTENTS

PHILOLOGICAL STUDIES

Linguistics

<i>Agleeva, Z., Kudryashov, I.</i> Ironic pragmatic effect in Russian dialogical communication.	7
<i>Ashrapova, A., Svirina, L., Makarov, I.</i> Language as a means of identifying a national cultural code (based on the works of G. P. Wodehouse).	14
<i>Barysheva, Ya., Neliubova, N.</i> Intertextual elements in French-language media headlines about the 2024 Olympics: A linguocultural analysis.	20
<i>Borisova, N., Galiullina, G.</i> The Sakha language: Cultural code of the nation in the media text of online newspaper editions.	25
<i>Varlamova, E.</i> Latin and Cyrillic alphabets in the ergonimicon of the central streets in Kazan: Etymology of names as a reflection of problems and perspectives of graphic representation.	32
<i>Gabitov, A.</i> Semantics of the English preposition “over” in the syntagmatic aspect based on publicist texts.	40
<i>Galeeva, I.</i> On the issue of the substantives’ features characterizing the person in M. Houellebecq’s novel-essay “Expansion of the Space of Struggle”.	48
<i>Gordeeva, L.</i> “The theatre’s full, the boxes glitter...” linguistic and cultural description.	53
<i>Dubrovskaya, E.</i> Representation of Cossacks and Cossack culture in the paremiological fund of the Russian language.	59
<i>Zamaletdinova, G., Sattarova, M.</i> Gil (‘wind’) as a linguocultural symbol in the Tatar linguistic consciousness (based on proverbs).	64
<i>Kartashova, E., Mikheev, A.</i> Representation of a fictional (artistic) world by a creative subject.	70
<i>Konovalova, Zh.</i> Functions of sovietisms in American literary nonfiction discourse (based on N. Mailer’s book “Oswald’s Tale: An American Mystery”).	77
<i>Korolkova, A., Novikova, T.</i> Substandard linguopragmatic characteristics in the discursive fictional space of the early 21 st century.	83
<i>Lazareva, O.</i> Discursive space of Jorge Amado’s novels “The Disappearance of the Saint” and “Gabriela, Carne and Cinnamon”.	90
<i>Mamaeva, E.</i> Artificial intelligence in translating phraseological units of a literary text.	96
<i>Maslova, A., Kompaneeva, L.</i> Nonverbal expressions of positive emotions by the linguistic personality of an American politician.	104
<i>Nabiullina, G., Kirillova, Z.</i> Communication systems with the meaning of affirmation and negation in the Tatar language.	111
<i>Nasibullova, G.</i> Verbalization of the spatial model of the world in modern Russian and English women’s prose (based on the works of A. Matveeva and E. Gilbert).	119
<i>Nepomniashchikh, E.</i> Linguistic creativity of the modern gift marketing (based on alcoholic products).	127
<i>Nikolsky, E., Papilova, E.</i> Confessional confrontation and ethnostereotypes in Vsevolod Solovyov’s historical novel “The Princess’s Groom”.	132
<i>Novospasskaya, N., Haddad, A.</i> Film discourse: A resource for creating a dialect dictionary.	139
<i>Pilgun M., Erofeeva I.</i> Manipulative technologies in a large amount of linguistic data: Social media.	146
<i>Rodionova, A., Rodionova, S., Grigoreva, T.</i> Current trends in the semantics and functions of foreign-language prefixes in the Russian language in the early 21 st century.	154
<i>Seliverstova, E.</i> Phraseological unit <i>na zubakh</i> (on the teeth) in the light of new contextual interpretations.	163
<i>Zhou Chunyan, Bochina, T.</i> Frequency of parametric adjectival functions in the newspaper sub-corpus of the National Corpus of the Russian language.	169
<i>Shadrina, O.</i> Structural and semantic features of English eponyms in the “artificial intelligence” terminology system.	175

Literary Studies

<i>Abasheva, M., Kiiose, O.</i> Russian ideas. Discursive organisation of Vladimir Sharov’s novel “Return to Egypt”.	187
<i>Ayupova, K.</i> Ekphrasis as a stylistic means of creating an image in biography (based on the biographies of Georgiana, Duchess of Devonshire).	194
<i>Bekmetov, R.</i> Memoirs of a researcher as a literary fact (based on V. Ivanov’s memoirs about the East).	201

Vafina, A., Kononova, Zh. Authorial communicative strategy in female English-language literary nonfiction discourse.	207
Voronchenko, T., Fyodorova, E., Kruglova, Yu. Mythopoetic chronotope of Rudolfo Anaya's short novel "The Village the Gods Painted Yellow" in the paradigm of magical realism.	215
Galimova, M. Text and intertext in Shakespeare plays by Don Nigro.	222
Gilazov, T. Representation of the human body in Gabdulla Tukay's poetry.	228
Zueva, E. Language play in British animalistics in the second half of the 20 th century.	236
Ivanitskiy, A., Nagina, K. The winter path and the winter dream by Pushkin and Leo Tolstoy.	242
Kolysheva, E. "The life of Mr. de Moliere" in the context of the development of the theme "artist and power" in the novel "The Master and Margarita" by M. Bulgakov.	250
Korolkova, Ya. The image of the forest and the cultural model of initiation in the novel "Olga, the Forest Princess" by E. Dvoretzskaya.	260
Kotomtsev, D. Genre parameters of an intellectual novel (based on V. Nabokov's novelistics).	267
Kudryashov, I., Agleeva, Z. The problem of conceptual modeling of the child growing up in the context of children's literature.	277
Kulikova, D. Horror motifs in E. Verkin's novel "Snark Snark".	283
Lebedeva, A. Index retardation as the basis of an epic play (a case study of A. Ostrovsky's dramaturgy).	293
Prikazchikova, E. Formation of national cultural myths about Europe in "Letters of a Russian Traveler" by N. Karamzin.	301
Prudius, I. Bastien Loukia's "Crime and Punishment" as an example of a graphic novel adaptation.	308
Sayapova, A. Method of "detachment" in Leo Tolstoy's trilogy "Detstvo", "Otrochestvo", "Yunost".	317
Selitrina, T. Reception of Henry James's novel "The Wings of the Dove" in a foreign-language environment.	323
Khabutdinova, M., Nurmukhametova, R., Latypov, R. I. A. Mukhamatgaliev's contribution to the development of modern Tatar children's drama.	328
Khokhryakov, A. Pronounal metamorphoses in "The Man Who Would Be King" by R. J. Dio.	334
Chang Wanjun, Bochina, T. The role of translation in the study of Confucianism: Works of scholars from the institute of China and modern Asia of the Russian Academy of Sciences.	341

PEDAGOGY

Abdullina, L., Rakhmatullina, Sh., Sattarova, L. Regional studies scope of Bashkir language lessons in primary school.	348
Ageeva, Yu., Gmyzina, V. The animate/inanimate category in teaching Russian as a foreign language: The results of experimental work.	356
Zakiryanov, K., Zamaletdinov, R. Three aspects of working on a sentence (from experience of teaching Russian as a non-native language).	363
Krivosheeva, N. On the issue of effective methods in teaching oral foreign language speech to students. .	370
Nikitina, T., Rogaleva, E. Regional component in teaching Russian as a foreign language: The content and methods of its implementation (the experience of Pskov University).	376
Petrova, S., Petrova, M. The role of the Russian language in the professional training of international students of medicine at Ammosov North-Eastern Federal University.	382
Yarmakeev, I., Akhmadullina, R., Valiakhmetova, N. Experience in organizing polylingual environment at university.	387

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.
ЛИНГВИСТИКА**

УДК 811.111-26

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-7-13

**ИРОНИЧЕСКИЙ ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ
В РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИАЛОГИЧЕСКОМ ОБЩЕНИИ**

© Зухра Аглеева, Игорь Кудряшов

**IRONIC PRAGMATIC EFFECT IN RUSSIAN DIALOGICAL
COMMUNICATION**

Zukhra Agleeva, Igor Kudryashov

The article critically analyzes various approaches to the ironic effect of judgments developed in different linguistic disciplines. In addition to the traditional definitions of irony dating back to antiquity, as well as modern linguistic models, we describe a psychological point of view on this mechanism of influence on the interlocutor. As the analysis shows, all the discussed approaches reflect exclusively monological speech; therefore, they do not provide a holistic view of the communicative functions of ironic judgments in the everyday Russian language usage. In this regard, a dialogical perspective is proposed, emphasizing communicative effects of ironic speech, neglected by the identified models.

The article concludes that in the format of Russian-language communication, irony is used by the speaking subject not so much to avoid direct criticism, a conflict dialogical situation or psychological inconsistencies in the emotional and volitional state of the communication participants, but to play a role of a skillful pragmatic technique that encourages the interlocutor to act for the benefit of himself or others. The basic properties of irony can be attributed to the expression of rhetorical, satirical and heuristic categories. As a rhetorical device, it strengthens the meaning of a statement, as a satirical device it is used to discursively attack the interlocutor's point of view, and its heuristics allows the interlocutor to see that the discussed state of affairs is not as difficult as it seems to be at first glance. Irony is a kind of technical device used for deeply heuristic cognition of objective reality, through which the addressee is confronted with the inconsistencies that surround him/her. Irony acquires illocutionary force through an implicitly expressed negative meaning and, consequently, through the denial of the actual state of affairs.

Keywords: dialogic communication, pragmatics, ironic effect, absurdity, disconnection of the interlocutor's cognitive state

В статье критически анализируются различные подходы к ироническому эффекту суждений, разработанные в разных лингвистических дисциплинах. Помимо традиционных определений иронии, восходящих к эпохе античности, а также современных лингвистических моделей, дается психологическая точка зрения на данный механизм воздействия на собеседника. Как свидетельствует анализ, все обсуждаемые подходы отражают исключительно монологическую речь, а поэтому не обеспечивают целостного представления о коммуникативных функциях иронических суждений в повседневном русскоязычном общении. В связи с этим предлагается диалогическая перспектива, подчеркивающая коммуникативные эффекты иронической речи, которыми пренебрегают выявленные модели.

Делается вывод о том, что в формате русскоязычного общения ирония задействуется говорящим субъектом не столько для того, чтобы избежать прямой критики, конфликтной диалогической ситуации или компенсировать психологические несоответствия в эмоционально-волевом состоянии участников общения, сколько в качестве искусного прагматического приема, побуждающего собеседника действовать во благо себе или окружающим. Базовые свойства иронии могут быть отнесены к выражению риторических, сатирических и эвристических категорий. Как риторический прием, она призвана усилить смысл высказывания, как сатирический прием задействуется для дискурсивной атаки на точку зрения собеседника, а ее эвристика позволяет собеседнику увидеть, что обсуждаемое положение дел не так сложно, как кажется на первый взгляд. Ирония – это своего рода технический прием глубоко эвристического познания объективной действительности, с помощью которого адресат сталкивается с несоответствиями, которые его окружают.

Ирония приобретает иллюкутивную силу через неявно выражаемый негативный смысл и, следовательно, через отрицание действительного положения дел.

Ключевые слова: диалогическое общение, прагматика, иронический эффект, абсурд, разобщение когнитивного состояния собеседника

Для цитирования: Аглеева З., Кудряшов И. Иронический прагматический эффект в русско-язычном диалогическом общении // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 7–13. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-7-13

Иронические высказывания относятся к числу тех лингвистических объектов, которые на многомерной основе освещают некоторые из центральных проблемных узлов в изучении семантики в контексте русскоязычного межличностного взаимодействия. Эти высказывания фиксируют своеобразный зазор между буквальными значениями и скрытыми смыслами, которые активируются адресантом. Несоответствия между буквальной семантикой и подразумеваемым смысловым содержанием проявляют черты сходства с парадоксальными высказываниями. Порождая иронические эффекты, в формате целостного суждения говорящий субъект одновременно инициирует два противоречащих друг другу высказывания. Ср.:

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ: *Фамилия.*

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДОЛЬСКА: *Моя?*

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ: *Нет, выдающегося австрийского композитора Вольфганга Амадея Моцарта. Ну, чья еще, ну ваша, конечно [1, с. 8].*

Столкнувшись с мнимым непониманием задержанного человека, полицейский моделирует иронический подтекст межличностного взаимодействия, фактически нейтрализуя логическую полярность утверждения и отрицания, что, в свою очередь, опровергает действенность реакции собеседника, требуемой в данной ситуации. Ирония порождается за счет того, что отрицание имплицитно утверждает, о чем свидетельствует последующий детализующий сегмент высказывания, реализующий буквальное значение (... *ваша, конечно...*).

Учитывая теоретические концепции, принятые в разных дисциплинарных сферах лингвистики и предопределяемые ими определения языка, можно утверждать, что общепринятого понимания иронии не существует. По этой причине она по-прежнему остается весьма спорной проблемой исследования. Иронический эффект соответствует универсальному прагматическому принципу: «Чем меньше мы говорим, тем больше мы имеем в виду» [2, с. 17]. С точки зрения монологической речи, в центре внимания находятся преимущественно лингвистические механизмы, стоящие за преобразованием заурядных высказываний в иронические суждения [3]. Пер-

вичная коммуникативная функция иронической речи приобретает второстепенное значение. Такая исследовательская позиция фокусируется исключительно на деятельности адресанта, игнорирует собеседника и его реакцию на иронические высказывания. Этот методологический редукционизм неизбежно приводит к чрезвычайно узкому пониманию иронической речи, исключает существенные функции, которые проявляются в формате диалогичности.

Вербально реализуемая ирония становится предметом лингвистических исследований еще в античную эпоху. Римский ритор Квинтилиан задается целью изучить использование иронических высказываний, лингвистические механизмы, которые лежат в основе иронического преобразования словесной семантики. В «Риторических наставлениях» он иронично утверждает, что «мы должны понимать противоположно тому, что на самом деле говорится» [4, с. 89]. В трактате «Об ораторе» Цицерон расширяет эту точку зрения: подразумеваемый смысл не обязательно должен быть полной противоположностью тому, что было сказано [5, с. 37]. Его определение иронических высказываний также предполагает семантические искажения слов, входящих в исходное намерение говорящего. На протяжении длительного времени данная модель иронии играет доминирующую роль в риторике и смежных с ней дисциплинах.

Согласно этой точке зрения, иронический эффект объясняется на основе элементарного риторического механизма: говорящий активирует ироническое содержание посредством особой техники, с помощью которой исходное высказывание преобразуется в его полярную противоположность. Как следствие, семантика производного высказывания в той или иной степени противоречит конвенционально предполагаемому значению [6]. Ирония обуславливается явным преувеличением утвердительной пропозиции высказывания, что приводит к семантическому сдвигу в сферу неявно выражаемого отрицания.

В формате психоаналитической концепции З. Фрейд придерживается сходного понимания техники иронизирования. Говоря о ее функциональных характеристиках, он акцентирует внимание

на эффектах психологической компенсации как для говорящего, так и для собеседника: ирония «дает человеку преимущество, позволяя ему легко избегать трудностей прямого выражения, например, в виде оскорблений. Это доставляет слушателю комическое удовольствие, вероятно, потому, что побуждает к противоречивой трате энергии, которая сразу же осознается как ненужная» [7, с. 94].

Еще одна характерная черта, объединяющая все эти взгляды, заключается в общем предположении, что ироничный говорящий обладает целостным намерением. В результате, если считается, что ироническое высказывание подразумевает две различные интерпретации (то есть основное и дополнительное значение), то эти значения следует трактовать как находящиеся в последовательной связи друг с другом. Соответственно, собеседник должен предположить, что говорящий субъект не может иметь в виду два или более противоречивых значения одновременно. Буквальный уровень иронического высказывания объясняется как трансформация исходной семантики, лежащей в основе высказывания; одно из значений, которое вытекает из иронического высказывания, впоследствии должно быть отвергнуто как гипотетически потенциальное. Тем не менее это предположение остается сомнительным. Зачем адресанту сообщать о том, чего он на самом деле не имеет в виду? Если мы не хотим, чтобы ирония жила своей собственной жизнью, кажется нецелесообразно отбрасывать одно из значений в соответствующем регистре речи.

Согласно другой точке зрения, ироническое высказывание не «используется» говорящим, как при утверждении или реализации вопроса, а интерпретируется как повторное упоминание мнения, первоначально высказанного каким-либо другим индивидом [8, с. 129]. Упоминая это оригинальное высказывание при определенных обстоятельствах, адресант, таким образом, имеет намерение охарактеризовать это другое мнение как смехотворно неуместное или не относящееся к делу.

Ср.: – *Сочувствую тебе. – Спасибо, Света. Ты всегда так мне сочувствуешь. – Да не за что. А что? Плохо сочувствую? Надо еще как-то? Какая-то ирония слышится в твоём ... голосе* [9, с. 35].

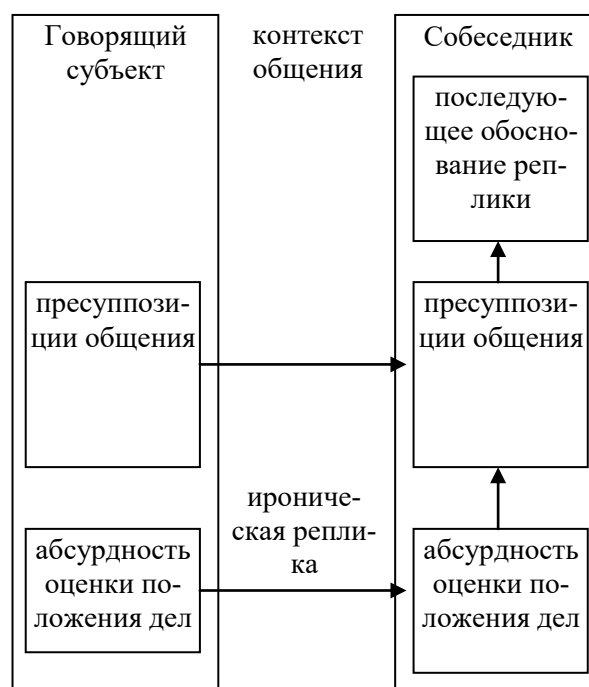
Реагирующий собеседник в обобщенном виде повторяет утверждение адресанта. Он не использует это утверждение в том же смысле, что и адресант, а упоминает его. Другими словами, он прибегает к недословной цитации первоначального утверждения с целью показать его неумест-

ность в нынешней ситуации. В контексте диалогического взаимодействия одно из отличий иронического суждения от обычного цитирования заключается в том, что вышеупомянутый характер иронических высказываний не подчеркивается явно. Напротив, ирония лишь косвенно передается собеседнику. Что касается идентификации цитируемых источников, то степень их эксплицитного выражения может варьироваться. Некоторые высказывания являются непосредственными отголосками только что реализованных утверждений, другие – отложенными. Некоторые утверждения имеют своим источником реальные высказывания, другие – мысли и мнения. У одних высказываний обнаруживается реальный источник, у других – воображаемый. Ироническое высказывание – это не более чем косвенная эхочитата, выражающая неодобрение говорящего субъекта исходным стимулом. Реагирующий собеседник может повторить стимулирующее сообщение, чтобы дать понять, что он считает его неверным, неуместным, отвергает его как ложное.

Основная проблема этого подхода остается такой же, как и у традиционных моделей, рассмотренных выше. Помимо аргумента прямой критики, не объясняется, почему в намерение говорящего субъекта входит использование иронического высказывания. Остается неясным, почему адресант эксплицитно не указывает, упоминает ли он высказывание или действительно использует его, как он определяет дистанцию между цитированием и исходным высказыванием. Кроме того, «эхо-ирония» также сводится к непреднамеренному взгляду говорящего, который, хотя и упоминает ироническое высказывание, на самом деле не имеет его в виду.

В период прагматического поворота в лингвистических исследованиях подход к ироническим высказываниям заметно изменяется: языковеды начинают поддерживать идею о том, что говорящий субъект может иметь в виду два намерения одновременно [10]. Как следствие, утверждается двусторонность иронических высказываний. Кодирова иронический смысл, адресант, задавая величину *x*, не отказывается от идеи заставить собеседника осознавать *x* в такой же степени, как и не-*x*. Пренебрежение этим многозначным намерением, желанием принять две изотопии одновременно приводит к смешению риторики и простого перекодирования, к идее о том, что переносный смысл является всего лишь декоративной трансформацией исходного значения. Таким образом, ирония начинает осознаваться не как элементарный прием семантического преобразования, который вкладывает

Схема 1.

Реализация иронического высказывания
в диалоге

предполагаемый смысл в противоречивые высказывания, а скорее как сложное целое, состоящее как из переносного смыслового содержания, так и буквального значения.

В этой связи считается, что многозначность является одним из основных компонентов иронических высказываний [11]. Их прагматический эффект был бы сведен на нет, если бы говорящий сразу указал диапазон того, что на самом деле имеется в виду. Тогда, конечно, было бы экономичнее прямо выразить то, что имеешь в виду. Смысловое содержание высказывания и его буквальное значение квалифицируются в качестве сущностных компонентов, которые необходимы для того, чтобы ирония действительно производила искомый эффект [12]. Ирония вызывает изменения в иерархии семантических уровней: как только она выявляется, производный смысл возводится в ранг денотативного значения, в то время как буквальное значение преобразуется в своего рода коннотативный след.

Таким образом, очевидно и в то же время отнюдь не противоречиво, что в ироничной речи говорящий субъект имеет в виду несколько намерений и значений одновременно. Вопрос в том, как на самом деле адресант позиционирует себя в отношении конкретных интерпретаций, которые доступны благодаря использованию иронических выражений.

Проанализируем и иной аспект иронических высказываний, а именно их мотивационную роль в дискурсе. В исследованиях, которые были рассмотрены выше, этот аспект игнорируется. Как представляется, причиной этого является то, что прежние подходы к иронии, как правило, сосредотачивались на исследовании отдельных типов иронических высказываний и лингвистических механизмов, лежащих в основе иронической техники восприятия текущего положения дел. Однако, если мы оставим в стороне чисто механическую картину и перейдем к диалогическому осознанию этого феномена, мы обнаружим гораздо больше разнообразных аспектов функционирования иронии. В связи с этим сосредоточимся на мотивационной силе ироничной речи, побуждающей собеседника делать то, что положительно повлияет на него самого или адресата. Для этого мы учитываем образ реципиента иронического высказывания, а также характер его реагирующих действий. Исходя из такой диалогической точки зрения, становится очевидным, что ирония может быть активирована для того, чтобы побудить индивида действовать для своего собственного блага или благополучия других людей. Эта диалогическая модель воспроизводится на схеме 1.

Как показано на схеме 1, в момент диалогического общения говорящий субъект и его собеседник находятся в культурном контексте, обусловленном ситуационными параметрами. Этот контекст порождается на эпистемологической основе предположений, которые являются областями общего знания (пресуппозициями) участников общения. В формате речевого сообщества собеседники могут, в частности, проецировать определенную систему ценностей, которая включает в себя набор стандартных норм ведения беседы и общепринятых убеждений. Если говорящий субъект сообщает информацию, которая явно противоречит актуальной стандартной норме, собеседник наверняка обнаруживает абсурдность, лежащую в основе высказывания адресанта. Учитывая тот факт, что собеседник находится в том же культурном и ситуативном контексте, что и говорящий субъект, он немедленно обнаружит, что стимулирующая реплика не может быть каким-либо образом согласована с универсальной стандартной нормой. Столкнувшись с абсурдом, собеседник попытается устранить несоответствия, созданные говорящим субъектом, отстраняясь от его высказывания. В конце концов, он восстанавливает диалогическое равновесие посредством мотивированного эффекта самодистанцирования, активизирует стандартную норму, соответствующую данной ситуации межличностного взаимодействия. Таким

образом, ироничное высказывание может быть намеренно использовано говорящим субъектом для того, чтобы вызвать саморазобшение собеседника с целью заставить его действовать в соответствии со стратегиями поведения, направленными на получение выгоды для себя или третьей стороны.

На этом этапе мы хотели бы вернуться к вопросу о том, почему адресант выражает намерение говорить в ироничной манере, вместо того чтобы напрямую передать собеседнику соответствующую информацию. Если принять во внимание фрагменты диалогического взаимодействия, анализируемые ниже, можно установить, что ключ к решению этой проблемы кроется в косвенном мотивационном эффекте иронического высказывания. Косвенно побуждая собеседника отмежеваться от стимулирующего высказывания, говорящий субъект, таким образом, не может напрямую определять ход своих мыслей и принимать окончательное решение. Он не находится под влиянием какого-либо внешнего авторитета, а принимает данное решение самостоятельно. Это, очевидно, имеет то преимущество, что адресант не занимает позицию, которая отпугивает собеседника. Напротив, собеседнику остается самому обнаружить возникшие несоответствия, найти выход из положения. Таким образом, говорящий субъект может ожидать, что собеседник будет действовать определенным образом, поскольку ироническая беседа ведется на основе общего эпистемологического фундамента, убеждений и норм. Следовательно, адресант может предсказать реакцию собеседника с большей или меньшей степенью вероятности.

Чтобы продемонстрировать, как эти закономерности срабатывают в диалогическом взаимодействии, приведем фрагмент из драматического текста. Хотя это разговор персонажей, вымышленный автором, его «как будто» характер раскрывает функциональные аспекты, которые мы стремимся проследить. Можно обоснованно ожидать, что функциональные возможности приведенного фрагмента с такой же вероятностью будут проявляться и в контексте реальной спонтанной диалогической коммуникации. Ср. разговор двух задержанных в полицейском участке после того, как один из сотрудников (Сергей) неожиданно и без всяких на то оснований спел гимн Москвы:

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДОЛЬСКА: ... Просто я, кажется, скоро тоже буду петь гимн Москвы, как Сергей.

ЧЕЛОВЕК ИЗ МЫТИЩ: ... Будешь, куда ты денешься. Они тебя еще заставят гимн Подоль-

ска выучить. А гимн Щербинки самому написать.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДОЛЬСКА: Все это интересно [1, с. 38].

Реакцию собеседника не стоит воспринимать за чистую монету. При естественных обстоятельствах само собой разумеется, что человек, задержанный в полицейском участке, не испытывает потребности петь, учить и сочинять торжественные песни. Произнеся это утверждение, Человек из Мытищ намеренно противоречит данному распространенному мнению. Он проецирует несоответствие между заурядной оценкой текущей ситуации и своим притворным убеждением, выраженным в реагирующей реплике, что неизбежно производит иронический эффект.

Человек из Подольска сразу же осознает это несоответствие, поскольку он разделяет общепринятое убеждение в том, что в данной ситуации общения отсутствует повод для пения, а также изучения и сочинения песен. В связи с этим он пытается устранить это несоответствие, отмежевывается от содержания утверждений собеседника. Таким образом, в данном случае диссоциация когнитивного состояния первого собеседника (Человека из Подольска) может выглядеть следующим образом: (абсурдность оценки ситуации) → (саморазобшение первого собеседника): будучи задержанным в полицейском участке, человек не испытывает причины петь, учить и сочинять торжественные песни.

Процесс разобшения когнитивного состояния Человека из Подольска, реагирующего на ироническое абсурдное суждение, систематизируется на схеме 2.

Схема 2.

Разобшение когнитивного состояния собеседника при реагировании на ироническое абсурдное высказывание

Ход рассуждений первого собеседника с учетом естественного положения дел:

Пресуппозиция 1	Если человек задержан полицейскими и доставлен в полицейский участок, ему, как правило, грустно в силу сложившейся ситуации (общепринятое мнение).
Пресуппозиция 2	Если человеку грустно, он обычно желает почувствовать себя лучше.
Пресуппозиция 3	Если человек откроется собеседнику, он действительно может почувствовать себя

лучше.

Вывод: Если человеку грустно, это может помочь открыться собеседнику.

Как свидетельствует финальная реплика первого собеседника, ход его мыслей не заканчивается формированием стандартных убеждений. Напротив, после восстановления равновесия в общении стандартное убеждение служит отправной точкой для дальнейших размышлений. В проанализированном выше примере это становится очевидным благодаря пресуппозициям 2 и 3, которые основаны на стандартном мнении, выраженном в пресуппозиции 1. Применительно к данному конкретному фрагменту это может означать, что Человек из Подольска не только вынужден признать, что он находится в состоянии депрессии, но и открыться собеседнику в надежде на облегчение, поддержать его ироническую диалогическую игру.

Фрагмент диалога, представленный выше, демонстрирует потенциальную мотивационную силу иронических высказываний в спонтанном межличностном взаимодействии. Само собой разумеется, что ирония в языковом употреблении – это в значительной степени сложное языковое средство, которое не ограничивается мотивационной функцией, описанной выше. Напротив, собеседники могут с таким же успехом задействовать иронические приемы, которые подразумеваются традиционными подходами. Без сомнения, можно предположить, что говорящий субъект прибегает к ироническим высказываниям с целью избежать прямой критики или высмеивания третьей стороны. Тем не менее очевидно, что монологические модели не способны охватить весь спектр коммуникативных функций, которые потенциально могут быть задействованы в диалогическом взаимодействии. Анализ изолированных речевых актов вне их взаимосвязи с последующими репликами как таковой не является полным.

Преодолев искусственность структурной и генеративной лингвистики, современные языковедческие теории должны взять за отправную точку использование языка в условиях конкретного контекста. Как следствие, категории говорящего субъекта и его собеседника должны быть вовлечены в анализ, чтобы можно было прийти к релевантному осознанию того, что на самом деле происходит в реальной спонтанной диалогической коммуникации. Именно взаимная зависимость между стимулирующим речевым действием и реакцией при использовании языка является

основной отправной точкой для дальнейшего анализа. Кроме того, мы должны осознавать, что собеседники, возможно, задействуют неограниченный набор коммуникативных средств. Что касается использования иронических высказываний, это означает, что мы не должны ограничивать лежащий в их основе лингвистический прием элементарно реализуемым сдвигом, который неявно наделяет высказывание противоположным смыслом. Помимо вербальных средств, собеседники могут использовать специально выделенный тон голоса или определенный язык тела, чтобы подчеркнуть ироничность своих высказываний. Поэтому считаем необходимым задействовать диалогический аспект в русистике, чтобы прийти к более многомерному осознанию объекта нашего изучения – русского языка в его употреблении. На этой основе открывается плодотворная перспектива изучения иронических высказываний, которую, по-видимому, стоит использовать в будущих лингвистических исследованиях.

Список источников

1. Данилов Д. «Человек из Подольска» и другие пьесы. М.: ИД «Городец», 2021. 254 с.
2. Levinson S. C. The dark matter of pragmatics. Known unknowns. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. 62 p.
3. Шилихина К. М. Семантика и прагматика вербальной иронии. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014. 304 с.
4. Квинтилиан М.Ф. Двенадцать книг риторических наставлений. СПб: Типография Императорской Российской Академии, 1834. 328 с.
5. Черданцева И. В. Ирония: от понятия к методу философствования, или до чего доводят исследователей насмешки. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. 166 с.
6. Иванова И. Н. Ирония в поэзии русского модернизма (1890–1910 годы). Ставрополь: СГУ, 2006. 420 с.
7. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. М.: Азбука, 2022. 301 с.
8. Шумкова Т. Л. Ирония в русской литературе первой половины XIX в. в свете традиций немецкого романтизма. М.: Флинта, Наука, 2007. 370 с.
9. Данилов Д. Саша, привет! М.: АСТ, 2022. 248 с.
10. Султанова Р. М. Сопоставительный анализ стилистических средств выразительности в русском и таджикском языках: сравнение и эпитет. Душанбе: РТСУ, 2020. 122с.
11. Ермакова О. П. Ирония и ее роль в жизни языка. М.: Флинта, 2011. 204 с.
12. Бочина Т. Г. Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц. Казань: Казанский университет, 2002. 196 с.

References

1. Danilov, D. (2021). *“Chelovek iz Podol’ska” i drugie p’esy* [“The Man from Podolsk” and Other Plays]. 254 p. Moscow, AST. (In Russian)
2. Levinson, S. C. (2024). *The Dark Matter of Pragmatics. Known Unknowns*. 62 p. Cambridge, Cambridge University Press. (In English)
3. Shilichina, K. M. (2014). *Semantika i pragmatika verbal’noi ironii* [Semantics and Pragmatics of Verbal Irony]. 304 p. Voronezh, Nauka-Unipress. (In Russian)
4. Quintilian, M. F. (1834). *Dvenadtsat’ knig ritoricheskikh nastavlenii* [Twelve Books of Rhetorical Instructions]. 328 p. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Rossiiskoi Akademii. (In Russian)
5. Cherdantseva, I. V. (1999). *Ironiya: ot ponyatiya k metodu filosofstvovaniya, ili do chego dovodyat issledovatelei nasmeshki* [Irony: From the Concept to the Method of Philosophizing, or What Ridicule Leads Researchers to]. 166 p. Yekaterinburg, bank kul’turnoi informatsii. (In Russian)
6. Ivanova, I. N. (2006). *Ironiya v poezii russkogo modernizma (1890–1910 gody)* [Irony in the Poetry of Russian Modernism (1890–1910)]. 420 p. Stavropol, SGU. (In Russian)
7. Freud, Z. (2022). *Ostroumie i ego otnoshenie k bessoznatel’nomu* [Wit and Its Relation to the Unconscious]. 301 p. Moscow, AST. (In Russian)
8. Shumkova, T. L. (2007). *Ironiya v russkoi literature pervoi poloviny XIX v. v svete traditsii nemetskogo romantizma* [Irony in Russian Literature of the First Half of the 19th Century in the Light of the Traditions of German Romanticism]. 370 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)
9. Danilov, D. (2022). *Sasha, privet!* [Sasha, Hi!]. 248 p. Moscow, AST. (In Russian)
10. Sultanova, R. M. (2020). *Sopostavitel’nyi analiz stilisticheskikh sredstv vyrazitel’nosti v russkom i tadzhikskom yazykakh: sravnenie i epitet* [Comparative Analysis of Stylistic Means of Expression in Russian and Tajik Languages: Comparison and Epithet]. 122 p. Dushanbe, RTSU. (In Russian)
11. Ermakova, O. P. (2011). *Ironiya i ee rol’ v zhizni yazyka* [Irony and Its Role in the Life of Language]. 204 p. Moscow, Flinta. (In Russian)
12. Bochina, T. G. (2002). *Stilistika kontrasta: Ocherki po yazyku russkikh poslovits* [The Stylistics of Contrast: Essays on the Language of Russian Proverbs]. 196 p. Kazan, Kazanskii Universitet. (In Russian)

The article was submitted on 16.09.2024

Поступила в редакцию 16.09.2024

Аглеева Зухра Равильевна,
доктор филологических наук,
доцент,
Астраханский государственный университет
им. В.Н. Татищева,
414056, Россия, Астрахань,
Татищева, 20 А.
z.agleeva@yandex.ru

Кудряшов Игорь Александрович,
доктор филологических наук,
профессор,
Южный федеральный университет,
344008, Россия, Ростов-на-Дону,
Б. Садовая, 105 / 42.
igalk@mail.ru

Agleeva Zukhra Ravil’evna,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
V. N. Tatishchev Astrakhan State University,
20 A Tatishchev Str.,
Astrakhan, 414056, Russian Federation.
z.agleeva@yandex.ru

Kudryashov Igor Aleksandrovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Southern Federal University,
105/42 B. Sadovaya Str.,
Rostov-on-Don, 344008, Russian Federation.
igalk@mail.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-14-19

ЯЗЫК КАК СПОСОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ П. Г. ВУДХАУСА)

© Алсу Ашрапова, Людмила Свирина, Индир Макаров

LANGUAGE AS A MEANS OF IDENTIFYING A NATIONAL CULTURAL CODE (BASED ON THE WORKS OF P. G. WODEHOUSE)

Alsu Ashrapova, Lyudmila Svirina, Indir Makarov

This article investigates the issue of interpreting cultural codes from a linguistic perspective, as well as the strategies for decoding these codes with a particular focus on the works of P. G. Wodehouse. The discussion centers on the interrelationship between language and the national cultural code, analyzing the latter's role as a linguistic marker that influences the formation and preservation of linguistic identity. It is a reflection of the British worldview, which makes it possible to use the works of the humorist as a basis for decoding ethnocultural information encrypted in the fictional text. The work is based on cultural, comparative-historical and historical-biographical analysis of the literary text to determine the ethnocultural specificity of the meanings embedded in the language of the author and his characters. The language of P. G. Wodehouse is a striking example of how literary text can serve as a means of transmitting and preserving a national cultural code. The study demonstrates that the cultural codes, embedded within linguistic units and their interactions, are crucial for understanding the specificities of national thought, information perception and its expression in speech. The practical significance of the work is the possibility of using the results of the research both in translation practice and in the study of the ethnocultural features of the foreign language information transmission by means of a cultural code.

Keywords: cultural code, linguistic picture of the world, representation of cultural codes, language, national specificity and identity

В статье рассматриваются проблема выражения культурных кодов в лингвистическом аспекте и способы их декодирования на примере произведений П. Г. Вудхауса. Рассмотрена тесная связь между языком и национальным культурным кодом, анализируется роль последнего как маркера языка, влияющего на формирование и сохранение языковой идентичности. Язык П. Г. Вудхауса является ярким примером того, как литературный текст может служить средством передачи и сохранения национального культурного кода, отражением мировоззрения британского социума, что позволяет использовать произведения писателя-юмориста как основу декодирования этнокультурной информации, зашифрованной в художественном тексте. В работе использовался культурологический, сравнительно-исторический и историко-биографический анализ литературного текста для определения этнокультурной специфики заложенных в языке автора и его персонажей смыслов. Было продемонстрировано, что культурные коды языковых единиц и их взаимодействие имеют важное значение для понимания особенностей национального мышления и восприятия иноязычной информации, закодированной в речи представителя иного мировоззрения, отраженного в языковой картине мира. Практическая значимость работы заключается в возможности использовать результаты исследования как в переводческой практике, так и для изучения этнокультурных особенностей передачи иноязычной информации средствами культурного кода.

Ключевые слова: культурный код, языковая картина мира, репрезентация культурных кодов, язык, национальная специфика и идентичность

Для цитирования: Ашрапова А., Свирина Л., Макаров И. Язык как способ идентификации национального культурного кода (на примере произведений П. Г. Вудхауса) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 14–19. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-14-19

В настоящее время вопрос о культурном коде выходит за рамки чисто научных интересов, что обусловлено непосредственным влиянием государственных, политических, социальных и этнокультурных процессов. Это связано с тем, что культурный код нации, народа – это своеобразный механизм, направленный на сохранение ее идентичности в динамично меняющейся социокультурной среде. Он играет ключевую роль в контексте межкультурной коммуникации и культурной трансформации.

Особую роль в изучении культурного кода играет язык. Современная лингвистика признает его не только как инструмент общения и познания, но и как важнейший элемент национального культурного кода (В. фон Гумбольдт, А. А. Потебня, Э. Сапир, Э. Бенвенист, М. М. Копыленко и др.).

Язык не просто отражает реальность и является инструментом передачи информации, он представляет собой мощный механизм, с помощью которого формируется и передается культурная идентичность и активно ее интерпретирует, создавая особую «картину мира», в которой живет человек. В. А. Маслова, описывая язык как «культурный код нации», подчеркивает его ключевую роль в формировании и передаче национальной идентичности [1, с. 20]. Таким образом, теория «лингвистического определения» утверждает, что языковая структура определяет восприятие мира и мышления, формируя «картину мира».

Д. Хаймс и Дж. Гумперц подчеркивают, что язык является инструментом социальных взаимодействий, отражая социальные нормы, иерархии и культурные практики. Идеи Хаймса и Гумперца определили новый взгляд на язык как на инструмент социальных взаимодействий, акцентируя внимание на том, что язык – это не только средство передачи информации, но и важный фактор, формирующий и регулирующий социальные отношения между людьми. Подобно тому, как язык отражает картину мира определенной нации, культурные коды формируют национальную картину мира. Представители одной культуры разделяют единый набор культурных кодов, что делает их уникальными и отличает от представителей других культур. В этом смысле язык и мышление выступают как системы репрезентации этих кодов.

Процесс формирования культурных кодов является длительным и многоступенчатым, охватывающим несколько поколений. Как отмечают А. Аванесова и О. Купцова, для формирования и обновления институционализированных и рационально значимых культурных кодов требуется как минимум 70-100 лет, что соответствует периоду активной жизни 2-3 поколений. При

этом основные культурные коды, которые зачастую трудно идентифицировать и описать, формируются гораздо дольше – возможно, в течение нескольких столетий. Их изменения происходят крайне медленно [2, с. 35].

Понимание культурных кодов – это задача, представляющая значительные трудности, даже для носителей одной и той же культуры. Представляя собой сложную систему, в которую входят знаки – слова, символы, модели поведения, используемые для передачи сообщений в контексте определенной культуры, культурные коды выражаются с помощью вербальных и невербальных средств.

Многоплановость понятия «культурный код», включающего пространственный, временной, предметный, количественный, космогонический, соматический, природноландшафтный, зооморфный, архитектурный, растительный, пищевой и множество других видов [3, с. 101] позволяет использовать его как этнокультурный идентификатор.

Исследователи считают, что «в качестве культурного кода может выступать практически любая чувственно воспринимаемая часть действительности: небесные тела, явления природы, флора, фауна, человеческое тело, предметы хозяйственного обихода, техника, оружие и т. д. и т. п.» [4, с. 15]. Возможно с большой долей уверенности говорить о том, к какой лингвокультуре принадлежит индивидуум, если он или она используют маркированные для принадлежащих к данной культуре фразы, отражающие окружающие реалии.

Языковая картина мира охватывает особенности проживания человека и его этноспецифическое восприятие мира, которое складывается под влиянием многих факторов: культурных, исторических, экономических, социальных, географических, политических и т. д. Если британец говорит, что он в детстве питался не одной рыбой с жареной картошкой (not only fish and chips), для слушающих его речь понятно, что он или она хотят сказать о том, что детство было не совсем бедным, так как это самое дешевое блюдо на вынос, которое можно себе позволить в британской торговой сети. Назвать комнату для гостей лаундж (lounge) вместо гостиной (drawing room) означает для окружающих британцев, что вы не принадлежите к определенной части привилегированного общества, имеющей большой дом и много комнат разного назначения, у каждой из которых есть свое четкое предназначение. Таким образом, язык становится символом, кодом, который с большой долей уверенности позволяет идентифицировать этнокультурную при-

надлежность личности, зашифрованную в «особенности его мышления, языка, а также его культуры, истории, бытия» [5, с. 119].

Изменения в воспринимаемом субъектом окружающем мире находят свое воплощение в новой семантике слов, привычной для говорящего на данном языке в момент продукции речи или вызывающие определенные ассоциации, поясняющие, что хотел сказать ваш собеседник, например, описывающий человека с прической премьер министра с патологическим отвращением к расческам (who has a pathological aversion to combs), имея в виду Бориса Джонсона (Boris Johnson), премьер-министра Великобритании в 2019–2022 гг. Приблизительно данная ситуация была бы похожа на сравнение лопухого человека с Чебурашкой – популярным героем российских книг и мультфильмов, но, возможно, совсем неизвестного представителям другого этнокультурного сообщества. Образы литературных героев детской классики, безусловно, переживут политических деятелей, чей яркий сиюминутный имидж со временем поблекнет, уступив место новым персонажам. Именно благодаря литературным произведениям у большинства жителей других стран восприятие британцев укладывается в традиционные рамки консервативной, спортивной, невозмутимой и любящей путешествовать нации.

Сложившийся консервативный и сдержанный стереотип несколько нарушает английское чувство юмора, концепт, который исследователи неизменно включают в языковую картину мира жителей Британских островов. Исследователь проблем межкультурной коммуникации М. В. Цветкова наиболее важными концептами английского культурного мира считает дом, свободу, личное пространство, здравый смысл, чувство юмора, умение быть джентльменом, честную игру, умение стойко переносить невзгоды и наследие (поддержание традиций) (home, freedom, privacy, common sense, sense of humour, gentlemenliness, fair play, stiff upper lip, heritage) [6, с. 158–183]. Более того, исследователи отмечают умение британцев посмеяться над собой (self-deprecation), что отразилось в их характерных чертах, запечатленных в культурном коде.

Ярким представителем юмористического направления в англоязычной литературе является П. Г. Вудхаус (P. G. Wodehouse), чьи комические произведения и уникальный стиль языка сделали его одним из самых любимых авторов XX в. Его творчество не только развлекает, но и открывает окно в британскую культуру и социальные нормы того времени, отражая национальный культурный код Великобритании, включающие в се-

бя языковые, культурные и социальные особенности британского общества.

Одной из отличительных особенностей языка Вудхауса является его богатая и разнообразная лексика. Он использует слова и выражения, которые отражают специфические черты британского общества начала XX в.

Описывая встречу в Нью Йорке своих героев, англичанина и американца, британский автор дает яркий пример использования языка как способа идентификации: «*His compliments to this pint-size bozo on his virtuosity. The 'Oh, thanks awfully' which betrayed the other's English origin*». – «Его комплименты этому типу размером с пинту. И в ответ „О, спасибо большое“, что выдало его английское происхождение» (здесь и далее перевод наш. – А. А., Л. О., И. М.) [7, с. 2]. Использование американского сленга *bozo* и английская манера благодарить позволяют автору создать необходимый контекст для продолжения развития событий и создания особой атмосферы встречи представителей «двух стран, разделенных одним языком». В данной ситуации лингвистический компонент этнокультурной среды поддержан восклицанием «*Fry me for an oyster!*». – «Поджарь меня как устрицу!») [Там же] – любимое выражение частного детектива Берты Кул (Bertha Cool) из серии популярных американских детективов Эрла Стэнли Гарднера (Erle Stanley Gardner), которым американский персонаж выражает свое чувство удивления и восторга.

Национальную принадлежность героев, которые после принятия излишнего количества горячительных напитков оказались в полицейском участке, выдает и лексика, используемая для обозначения места их ареста: если англичанин использует для этой цели слово *jug* ‘кувшин, бутылка для виски’, то американец называет кутузку словом *hoosegows* испанского происхождения: «*'What's this place?' he asked in a faint whisper. 'Is it a jug of some description?' 'That's just about what it is, Willie. We call them hoosegows over here, but the general effect is the same'*» [Там же, с. 3], комментируя при этом, что по сути это одно и то же.

Различия в значениях слов, словоупотреблении и некоторых грамматических конструкциях – это хрестоматийные примеры британского и американского варианта английского языка, которые также можно отнести к языковому коду.

Интересны акценты, которые расставляют герои Вудхауса при восприятии реалий другой этнокультурной среды. Так, неприятие британских сословных различий в подчеркнуто равноправной среде американского общества выразилось фразой полицейского («*Oh, one of those? Right*». – «А, один из этих? Понятно»), произне-

сенной, когда ему пояснили, что нужно позвонить и попросить к телефону графа Эмсворта, а он лорд (*«Ask for the Earl of Emsworth. He's a lord»*) [7, с. 12]. Возникает образ типичного представителя определенной этнокультурной среды с присущим ему вербальным оформлением речи и отраженным в письменной форме восприятием окружающего мира, что позволяет идентифицировать его национальную принадлежность.

Исследователи культурного кода очень часто обращаются к продуктам питания людей как яркому проявлению этнокультурных особенностей повседневной жизни народа. Названия национальных блюд содержат большое число безэквивалентной лексики и связаны с традиционными способами приготовления и потребления напитков и привычной пищи.

В одной из книг, посвященной жизни аристократов в загородном поместье Блэндингс, автор описывает, что владелец поместья Лорд Эмсворт, недавно вернувшийся из поездки в Америку, куда он ездил на свадьбу племянницы, жаловался на два американских блюда, что составляют ежедневный рацион британца: чай и яйца. Лорда Эмсворта неприятно удивляло, что в Америке ему подают чай в пакетиках, а яйца всмятку в стакане. Подобный англоцентризм – характерная черта жителей британских островов, которые ко всему отличному от привычных им традиций повседневной жизни относятся с большой долей недоверия и скепсиса.

Резюмируя свои исследования в области английского характера, В. И. Карасик и Е. А. Ярмахова пишут: «Английский национальный характер представляет собой сплав разных и порой противоречивых качеств личности, он представлен в своих социальных вариантах, его наиболее яркие свойства обусловлены островным положением Англии, высокой плотностью населения, историей страны, население которой неоднократно подвергалось завоеваниям и этническим трансформациям. Основу английского характера составляют любовь к свободе (неприятие контроля), признание права личности на независимое поведение, уважение к закону, привязанность к традициям, высокий эмоциональный самоконтроль» [8, с. 102].

Юмористические произведения П. Г. Вудхауса уделяют много страниц описанию другой немаловажной черты британцев: их любовь к братьям меньшим.

В одной из книг, посвященной жизни аристократов в загородном поместье Блэндингс, автор описывает, что владелец поместья Лорд Эмсворт, несмотря на первый приз, присужденный его тык-

вам, и серебряной медали, трижды полученной его свиньей Императрицей на ежегодном фестивале, не смог подняться на вершину общественной жизни Англии (*you could not say that he had really risen to eminence in the public life of England*). Отмечая заслуги Лорда Эмсворта именно в сельском хозяйстве, автор с юмором подчеркивает британскую привязанность к природе, фермерству, что является характерной чертой всех слоев британского общества, включая королевскую семью. Целая книга из серии о Блэндингс Касл П. Г. Вудхауса посвящена суете вокруг свиньи-призерки, которая становится фактически одной из главных героинь произведения, отражая истинную британскую привязанность к домашним любимцам: собакам, лошадям, свиньям. При встрече с братом после поездки в Америку главу семейства волнует не столько здоровье его родственников, сколько самочувствие его любимицы Императрицы:

«Well, I suppose the first thing you'll want to hear is how the Empress has been getting on in your absence. You'll be relieved to learn that she's as robust as ever..... Rosy cheeks and sparkling eyes». – «Ну, полагаю, первое, что бы ты хотел услышать, это как поживала Императрица в твоё отсутствие. Ты с облегчением узнаешь, что она крепка как никогда.....Розовые щеки и блеск в глазах» [6, с. 41].

Очеловечивание животного, придание ему женского облика, говорит как о проявлении уважения к чувствам брата, так и о том, что, как британец, он его чувства в какой-то мере разделяет.

Подобное же чувство восхищения испытывает британец при виде пейзажей сельской местности, радующей глаз своей пасторальной красотой:

«Its decorous High Street, its lichened church, its red-roofed shops and its age-old inns with their second storeys bulging comfortably over the pavements combine to charm the eye». – «Его благопристойная Хай-стрит, его покрытая лишайником церковь, его магазины с красными крышами и его старинные гостиницы, чьи вторые этажи уместно нависают над тротуарами, – все это очаровывает глаз».

Описанное очарование становится тем более очевидным, что следующее предложение в качестве контраста предлагает оживленную улицу Лондона: «...and this is particularly so if that eye has been accustomed to look daily on Halsey Court, London W1». – «...в особенности, если ваш глаз привык ежедневно смотреть на Хэлси Корт в Лондоне» [7, с. 61]. В глазах британца красота сельской местности не может сравниться с городским пейзажем. Здесь же проявляется неиз-

менное преклонение перед стариной и традиционным укладом жизни, которое можно прочесть в описании деревенской церкви и гостиницы.

Идентифицируемый П. Г. Вудхаусом тип британца при всей его узнаваемости значительно отличается от устоявшегося стереотипа, приобретая благодаря юмористическому описанию привлекательные в общечеловеческом плане черты характера, имеющие позитивную окраску.

И безусловным указанием на национальную принадлежность героев П. Г. Вудхауса являются его ссылки на авторов и героев английской классической литературы. На протяжении всей книги автор обращается к именам создателей классических художественных произведений и их персонажам, которые стали символами, позволяющими лучше понять описываемый автором образ. В большинстве случаев это не сюжетная линия литературных произведений, а сама репутация писателей, поэтов и их героев как имидж в глазах британских читателей. Как автор юмористического произведения, Вудхаус приводит сравнения с великими литераторами в комическом контексте. Наиболее часто встречаются ссылки на Шекспира: когда Лорда Эмсворта упрекают в том, что он выдумал историю про разорившегося жениха его племянницы, он возражает, что неспособен придумать подобную историю, так как он – не Шекспир: «*Dash it, do you think I'm capable of making up a story like that? I'm not Shakespeare*» [Там же, с. 57]. Вудхаус сравнивает нерешительность Типтона с колебаниями Гамлета («*Like Hamlet, he had become irresolute*») [Там же, с. 11], а опасения Уилфреда по поводу решительных действий своей деспотичной тетушки с разговором Макбета и леди Макбет («*...he had been feeling like Macbeth talking things over with Lady Macbeth*») [Там же, с. 146]. Описывая Уилфрида Элсопа, который был бледен, с остекленевшим взглядом и растрепанными волосами, автор сравнивает его вид с поэтом Шелли после разгульной ночи с Лордом Байроном («*He looked like the poet Shelly after a big night out with Lord Byron*») [Там же 7, с. 3]. Диккенс предстает как автор произведений исключительно позитивного настроения и солнечной атмосферы:

«The sunny mood in which he had begun the day had changed completely. Five minutes before, he had been the little friend of all the world and could have stepped straight into a Dickens' novel and no questions asked, but now he viewed the human race with a jaundiced eye and could see no future for it») [Там же, с. 68].

Стихотворение Киплинга приходит на ум Лорду Эмсворту, когда якобы разорившийся же-

них племянницы демонстрирует удивительную бодрость духа [Там же, с. 76]. Выбор авторов литературных произведений и интерпретация их творений, безусловно, носят субъективный характер, но позволяют автору, используя культурный код, заложенный в языке, создать яркую картину британских образов.

П. Г. Вудхаус в своих произведениях мастерски использует языковые особенности, чтобы передать британский юмор и менталитет, что делает произведений не просто забавными, но и познавательными, погружая читателя в уникальную атмосферу британского менталитета. Юмор писателя пронизан национальным колоритом, который передает общие представления о британском обществе: классовые стереотипы, отношения между людьми разных социальных слоев, увлечение природой и любовь к животным, домашним любимцам – все то, что возникает в виде привычных образов при восприятии языковых сигналов. Результатом этого является создание культурного кода, который передает социальные акценты и пристрастия. П. Г. Вудхаус интегрирует в свой текст специфические британские сленговые выражения и идиомы, которые не всегда понятны не носителям языка, что создает атмосферу аутентичности и погружает читателя в реальность британской культуры: *to pass beyond the veil* ‘умереть’ [7, с. 4], *on the nights of wine and roses* ‘ночи счастья и процветания’ [Там же, с. 6], *to shoot the breeze* ‘поболтать’ [Там же, с. 7], *the only onion in the stew* ‘единственный достойный внимания в данной заварушке’ [Там же, с. 23], *to be on velvet* ‘весь в «шоколаде»’ etc. [Там же, с. 34]. Фразеологические единицы как компонент культурного кода часто становятся предметом лингвокультурологических исследований.

Для зарубежного читателя этнокультурная символика, заложенная в языке литературного произведения, требует особого осмысления, предполагающего наличие фоновых знаний для адекватной интерпретации культурного кода, отражающего мировосприятие представителя иноязычной культурной среды, что также налагает особую ответственность на переводчика, декодирующего информацию, заложенную в иноязычном культурном коде.

Список источников

1. Маслова В. А. Национальные ценности и язык: духовный код культуры // Лингвистика. 2010. № 2 (20). С. 19–30.
2. Аванесова Г. А., Купцова И. А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике // В мире науки и искусства: во-

просы филологии, искусствоведения и культурологии. № 4 (47). Новосибирск: СибАК, 2015. С. 28–37.

3. Розенкова Х. Е., Шустова С. В. Лингвокультурный код: определение, проблема классификации, роль в межкультурной коммуникации // Научный журнал. 2017. № 2. С. 101–104.

4. Савицкий В. М., Гашимов Э. А. Лингвокультурный код (состав и функционирование): Монография. М.: Изд-во Моск. гор. пед ун-та, 2005. 70 с.

5. Язык как культурный код нации // Отв. ред. А. В. Зеленщиков, Е. Г. Хомякова. СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та. 2014. 264 с.

6. Цветкова М. В. Английское // Межкультурная коммуникация. Учебное пособие. Совместно с В. П. Григорьевой, В. В. Кулаковой и др. Нижний Новгород: изд. Нижегород. гос. лингв. ун-та. 2001. С. 158–183.

7. Wodehouse P.G. Galahad at Blandings // Penguin Books. 1966. 206 p.

8. Карасик В. И., Ярмахова Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чужак». М., Гнозис, 2006. 240 с.

References

1. Maslova, V. A. (2010). *Natsionalnye tsennosti i yazyk: dukhovnyi kod kul'tury* [National Values and Language: The Spiritual Code of Culture]. *Lingvistika*. No. 2 (20), pp. 19–30. (In Russian)

2. Avanesova, G. A., Kuptsova, I. A. (2015). *Kody kul'tury: ponimanie sushhnosti, funktsional'naya rol' v kul'turnoi praktike* [Codes of Culture: Understanding the

Essence, Functional Role in Cultural Practice]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii*. No. 4 (47), pp. 28–37. Novosibirsk, SibAK. (In Russian)

3. Rozenkova, Kh. E., Shustova, S. V. (2017). *Lingvokul'turnyi kod: opredelenie, problema klassifikatsii, rol' v mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Linguocultural Code: Its Definition, Classification Problem and Role in Intercultural Communication]. *Nauchnyi zhurnal*. No. 2, pp. 101–104. (In Russian)

4. Savitskii, V. M., Gashimov, E. A. (2005). *Lingvokul'turnyi kod (sostav i funktsionirovanie): Monografiya* [Linguocultural Code (Composition and Functioning): A Monograph]. 70 p. Moscow, izd-vo Mosk.gor.ped un-ta. (In Russian)

5. *Yazyk kak kul'turnyi kod natsii* (2014) [Language as a Cultural Code of a Nation]. *Otv.red. A. V. Zelenshnikov, E. G. Homyakova*. 264 p. Izd. dom Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta. (In Russian)

6. Tsvetkova, M. V. (2001). *Angliiskoe. Mezhkul'turnaya kommunikatsiya. Uchebnoe posobie* [The English. Intercultural Communication. A Study Guide]. *Sovmestno s V. P. Grigor'evoi, V. V. Kulakovoi i dr. Nizhnii Novgorod*. Pp. 158–183. Izd. Nizhegorod. gos.lingv.un-ta. (In Russian)

7. Wodehouse, P. G. (1966). *Galahad at Blandings*. 206 p. Penguin Books. (In English)

8. Karasik, V. I., Yarmahova, E. A. (2006). *Lingvokul'turnyi tipazh "angliiskii chudak"* [Linguocultural Type "English Weirdo"]. 240 p. Moscow, Gnozis. (In Russian)

The article was submitted on 02.11.2024

Поступила в редакцию 02.11.2024

Ашрапова Алсу Халиловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Alsu.Ashrapova@kpfu.ru

Свирина Людмила Олеговна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
l.o.svirina@yandex.ru

Макаров Индир Михайлович,
ассистент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
IndMMakarov@kpfu.ru

Ashrapova Alsu Khalilovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Alsu.Ashrapova@kpfu.ru

Svirina Lyudmila Olegovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
l.o.svirina@yandex.ru

Makarov Indir Mikhailovich,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
IndMMakarov@kpfu.ru

УДК 811.133.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-20-24

УПОТРЕБЛЕНИЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ЗАГОЛОВКАХ ТЕКСТОВ ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ СМИ ОБ ОЛИМПИАДЕ 2024: ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

© Ярослава Барышева, Наталия Нелюбова

INTERTEXTUAL ELEMENTS IN FRENCH-LANGUAGE MEDIA HEADLINES ABOUT THE 2024 OLYMPICS: A LINGUOCULTURAL ANALYSIS

Yaroslava Barysheva, Natalia Neliubova

The article presents the results of our analysis of intertextual inclusion functions in the headlines of the French press during the 2024 Olympic Games in Paris. Within the framework of intertextuality theory, it examines the role of intertextual figures – such as allusion, quotation and paraphrase – in shaping associations that activate the cultural memory and background cultural knowledge of readers. The study is based on publications from “Le Monde”, “L’Humanité”, “Libération”, “Les Echos”, “Le Figaro” and “Le Parisien”. By analyzing 700 texts, published from May to September 2024, the research identifies the mechanisms through which intertextual inclusions influence the audience perception and their emotional responses.

The results indicate that the inclusion of intertextual elements in media texts serves to create interpretative resonance by appealing to the cultural experience of the reader and activating associations and memories related to previously familiar statements, events or cultural phenomena. Out of 300 identified inclusions, allusions and quotations are the most frequently used, each accounting for 20%, while paraphrases and textual applications are significantly less common, each representing only 5%. This prevalence may be attributed to the fact that allusions and quotations tend to reference well-known texts or expressions, rendering them more accessible to a broader audience compared to paraphrases and textual applications.

Keywords: French press, media text, 2024 Olympic Games, intertext, figures of intertextuality, allusions

В статье представлены результаты анализа функционирования интертекстуальных включений в заголовках французской прессы в период проведения Олимпийских игр в Париже в 2024 году. В рамках теории интертекстуальности рассматривается роль фигур интертекста: аллюзии, цитирования, парафраза и др. в формировании ассоциаций, активирующих культурную память и фоновые лингвокультурные знания читателя. Исследование проведено на материале публикаций из изданий «Le Monde», «L’Humanité», «Libération», «Les Echos», «Le Figaro» и «Le Parisien». Анализ 700 текстов, опубликованных с мая по сентябрь 2024 года, позволяет выявить механизмы воздействия интертекстуальных включений на восприятие информации аудиторией, а также на эмоциональную реакцию читателей.

Результаты показали, что включение интертекстуальных элементов в медиатекст служит созданию интерпретационного резонанса путем апелляции к культурному опыту читателя и активизации у него ассоциаций и воспоминаний, связанных с ранее знакомыми высказываниями, событиями или культурными явлениями. Из 300 выявленных включений наиболее часто используемыми являются аллюзия и цитата (по 20%), в то время как парафраз и текстовая аппликация (по 5%) встречаются значительно реже, так как аллюзии и цитаты, как правило, в большей степени ссылаются на известные тексты или выражения, что делает их более доступными для широкой аудитории.

Ключевые слова: французская пресса, медиатекст, Олимпийские игры 2024, интертекст, фигуры интертекста, аллюзии

Для цитирования: Барышева Я., Нелюбова Н. Употребление интертекстуальных элементов в заголовках текстов франкоязычных СМИ об Олимпиаде 2024: лингвокультурная интерпретация //

В современных лингвистических исследованиях пристальное внимание вызывают вопросы, связанные с изучением языковых явлений в контексте культурных и социальных факторов на материале дискурса средств массовой информации. С проблемой понимания и интерпретации текста газетного жанра тесно связана, в частности, теория интертекстуальности. Термин «интертекстуальность» был предложен Ю. Кристевой и обозначает весь спектр отношений между текстами [1]. Ряд научных трудов посвящен проблеме определения понятий интертекстуальности и интертекста [2], [3], [4], прецедентности и цитатного слова [5], [6], развитию теории интертекстуальности с точки зрения различных ее аспектов [1], [2], [7], [8].

В рамках данной проблематики наше внимание привлекло исследование интертекстуальных стратегий в текстах французских СМИ в период проведения Олимпийских игр в 2024 году с точки зрения их лингвокультурной интерпретации. Актуальность обращения к данному материалу связана с тем, что Олимпийские игры представляют собой значимое культурное и спортивное событие, вызывающее широкий общественный интерес и активное обсуждение в медиа, что создает благоприятную среду для проявления интертекстуальности. Для адекватной интерпретации содержания информационных сообщений важна пресуппозиция, то есть погружение в контекст и владение историко-культурологическими фоновыми знаниями [9, с. 36].

Цель исследования – анализ функционирования интертекстуальных включений во франкоязычной прессе в период проведения Олимпийских игр 2024 г. в Париже. Материалом послужили тексты французской прессы: изданий газет «Le Monde», «L'Humanité», «Libération», «Les Echos», «Le Figaro», «Le Parisien». Проанализировано 700 публикаций за период с мая по сентябрь 2024 г. на предмет содержания в них интертекста, а именно более 300 содержащихся в заголовках интертекстуальных включений.

Под интертекстуальными включениями понимаются цитаты, цитатные заглавия, аллюзии, реминисценции и др. [10, с. 121]. По утверждению Ю. Кристевой любой текст представляет собой впитывание и трансформацию других текстов [1, с. 167], причем последние могут в нем присутствовать «на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах» [2, с. 418]. Отметим, что в процессе интертекстуального анализа

степень осознанности интертекстуальных включений определить невозможно [11, с. 81].

Новый текст и ранее использованные текстовые элементы составляют интертекстуальное пространство, которое формирует смысловую корреляцию между двумя текстами и более. Данная корреляция осуществляется путем «включения в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [12, с. 351].

Исследования в области интертекста позволяют, таким образом, определить интертекстуальность как диалог между текстами, маркированный специальными языковыми сигналами [4, с. 20], как соприкосновение двух текстов или более, выраженное посредством традиционной практики цитирования [3, с. 32]. Относительно разграничения различных видов интертекстуальных включений уточним, что реминисценция рассматривается как периферийный элемент аллюзии [11, с. 80]. Под процессом аллюзирования понимается инкорпорирование «предшествующих текстовых элементов в новый текст» [13, с. 80]. Кроме того, аллюзию можно отнести и к родовому понятию для цитаты ввиду ее номинативной и цитатной функций: денотат номинативной аллюзии может быть любым, а в цитатной речь идет о тексте и объектах, метонимически связанных с ним [14, с. 7].

События современной жизни, факты из истории и литературы могут быть источниками аллюзий [15, с. 34]. Разновидность источника необходимо учитывать, когда речь идет о различении аллюзий и цитат: у аллюзии может быть как текстовый, так и внетекстовый источник, а для цитат это «только текст как материальный объект, зафиксированный в печатной практике» [16, с. 47]. В качестве внетекстового источника выступают реальные факты и события [17, с. 20].

К активному использованию интертекстуальных элементов с целью создания глубины и многослойности своих сообщений активно обращаются, в частности, авторы текстов СМИ Франции, обладающих уникальной культурной и исторической спецификой. Употребление таких элементов не только обогащает текст, но и служит средством передачи культурных кодов, которые могут быть поняты лишь в контексте французской лингвокультуры, иллюстрируя факт непосредственного соотношения языка с жизнью, историей и деятельностью человека, представляющего ту или иную культуру [18, с. 16].

Рассмотрим обозначенные выше формы интертекста и их функционирование на примерах из нашей картотеки. В частности, заголовок статьи Le Monde содержит аллюзию: *La Chine, une fabrique à champions* [19] – ‘Китай – фабрика чемпионов’ (здесь и далее перевод примеров наш – Б. Я., Н. Н.). Первая ассоциация с Китаем – их заводы, здесь можно наблюдать отсылку к тому, что в этой стране «штампуют» чемпионов, словно на фабрике. Данный пример аккумулирует в себе опыт читателей, их фоновые знания о культурах народов мира, в данном случае Китая.

В качестве примера цитаты приведем заголовок *La piétonnisation, „с’est top !“* [20] – ‘Опешехоживание – «это топ!»’, в котором содержится дословное восклицание жителя Парижа, зафиксированное под одним из постов в социальных сетях, который поддерживает тенденцию к предоставлению пешеходам преимущества на дороге в центре города, что было сделано в период Олимпиады.

Также в материале функционируют аппликация и парафраз. Аппликацию вслед за В. П. Москвиным мы понимаем как использование «фрагментов текста без указания на источник» [21, с. 42], в частности, фразеологизмов, в том числе пословиц и поговорок, а также фрагментов известного текста, например, стихотворных произведений. Известный текст подразумевает, например, название популярных песен: в строках *Après avoir vu la vie en rose durant de longues semaines, Paris va doucement retirer sa robe, arracher le décor* [22] – ‘После жизни в розовом цвете в течение долгих недель Париж постепенно будет снимать с себя платье, срывать декорации’ содержится название песни “*La vie en rose*” (1946 г.) Эдит Пиаф.

Для текстовой аппликации (в отличие от цитаты) характерно отсутствие ссылки, при этом «она сохраняет грамматические и лексические формы прецедентного текста, а также графическое маркирование» [11, с. 81]. Во французской прессе наблюдается укоренившийся термин “*effet JO*”, ставший гипотекстом во внушительном количестве французских заголовков, то есть текстом, ставшим источником заимствования [23, с. 2]. “*Effet JO*” – так называемый «эффект Олимпиады» представляет собой положительную динамику, скачок роста в сфере экономики, сопровождающийся привлечением инвесторов, строительством объектов инфраструктуры и развитием туризма. *Paris 2024 Pour les artistes des cérémonies, „un effet JO“* [24] – ‘Париж 2024 для выступающих на церемониях артистов: «эффект Олимпиады»’. Термин “*effet JO*” укоренился во французском газетном дискурсе с начала олим-

пиады. Столь масштабное событие способствует популяризации спорта, искусства и артистов, выступивших на церемонии.

В отличие от аппликации и тем более цитаты, парафраз видоизменяет лексический и грамматический состав первичного фрагмента текста, при этом источник может отсутствовать. Парафраз является результатом изменения «вторичного высказывания на основе частичного преобразования смысла опорного (первичного) высказывания» [25, с. 5]. Такие заголовки могут содержать название фильмов: заголовок “*Les grands huit*”, отсылает к фильму “*Grand Huit*” (1982 г.), который является документальной драмой, посвященной встрече лидеров восьми ведущих экономик мира (G8) [26]. В статье с данным заголовком описаны истории 8 параспортов-медалистов, демонстрируя, что Олимпиада подняла важный вопрос о полном принятии лиц с ограниченными возможностями здоровья во французское общество, о чем символично свидетельствует следующий заголовок: *Jeux Paralympiques: Un tremplin vers l’inclusion?* [Там же] – ‘Олимпийские игры: трамплин к принятию?’. Использование парафразы способствует формированию более сложных и многослойных смыслов, что делает тексты более привлекательными и запоминающимися для читателей.

Проанализировав заголовки статей франкоязычной прессы, посвященных Олимпийским играм, мы пришли к следующему выводу: более 40% из них содержат интертекстуальные включения, что способствует более облегченному восприятию информации за счет опоры на знакомые читателю культурные коды и медиатексты.

Результаты исследования показали, что наиболее часто встречающимися фигурами интертекста являются аллюзия и цитата: они были задействованы практически в равном количестве заголовков – по 20 % каждого вида от всех проанализированных. Около 5 % от всех заглавий составили парафраз и текстовая аппликация. На наш взгляд, данный факт связан с тем, что аллюзия и цитата, как правило, ссылаются на известные и широко распространенные тексты или выражения, что делает их более «узнаваемыми» для широкой аудитории, в то время как парафраз и текстовая аппликация могут ссылаться на более специфические источники, что делает их менее доступными для всех читателей.

Список источников

1. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М.: Роспэн, 2004. 377 с.

2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
3. Genette, G. *Palimpsestes. La littérature au second degré* / G. Genette. Paris: Editions du Seuil, 1982. 468 p.
4. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах поэтического языка. М.: Ком-Книга, 2007. 268 с.
5. Вербицкая М. В. К обоснованию теории «вторичных текстов» // Филол. науки, 1989. № 1. С. 29–36.
6. Березина А. Г. Роман В. Набокова «Отчаяние», прочитанный германистом: проблема цитирования // Вест. СПбГУ. 1994. С. 92–105.
7. Лотман Ю. М. Лермонтов. Две реминисценции из «Гамлета». СПб.: Искусство-СПб, 1996. С. 543–545.
8. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. 280 с.
9. Ломакина О. В., Нелюбова Н. Ю. Текст художественной литературы как основа для интернет-мема: из опыта анализа современных рецензий // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437. С. 36–44.
10. Николаева М. Н., Трунова О. В. Функции интертекстуальных включений в современном публицистическом дискурсе // Дискурс. 2023. Т. 9, № 5. С. 117–128.
11. Жишкевич А. И. Типология форм интертекстуальных включений на основе реминисцентного поля // Журнал Белорусского государственного университета. Филология, № 1. Минск: БГУ, 2018. С. 79–83.
12. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 443 с.
13. Цырендоржиева Т. Б. Дискурсивная модель аллюзивных средств (на материале современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук: Москва, 1999. 167 с.
14. Евсеев А. С. Основы теории аллюзии (на материале русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: Москва, 1990. 15 с.
15. Барышева Я. С. Аллюзии в заголовках газеты «Libération». // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: материалы докладов и сообщений Всероссийской студенческой научно-практической конференции. Москва, РУДН. 2022. С. 32–37.
16. Казаева С. А. Особенности реализации категории интертекстуальности в современных английских научных и газетных текстах: дис. ... канд. филол. наук: СПб., 2003. 169 с.
17. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия «Кругосвет». URL: <https://www.krugosvet.ru/> (дата обращения: 01.10.2024)
18. Бочина Т. Г., Бастриков Д. А. Лингвокультурный потенциал художественного текста на занятиях по русскому языку как иностранному // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2024. С.15–24.
19. Le Monde, 26 août 2024
20. Le Parisien, 25 août 2024
21. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры. Терминологический словарь-справочник. М.: Едиториал УРСС, 2004. 373 с.
22. Le Figaro, 9 septembre 2024. URL: <https://www.lefigaro.fr/sports/jeux-olympiques/paris-2024-plus-audacieux-plus-emouvant-plus-grand-20240908> (дата обращения: 22.09.2024)
23. Шапкина Г. Роман Владимира Набокова «Лолита» как интертекст. // Филология и культура. Philology and Culture, 2021 (3). С.160–166.
24. Le Monde, 2024, 14 septembre
25. Теучеж З. Г. Структурно-семантическая и коммуникативно-прагматическая специфика лингвистической парафразы (на материале русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: Майкоп, 2008. 23 с.
26. Libération, 9 septembre 2024 URL: https://www.liberation.fr/sports/jeux-olympiques/jeux-paralympiques-2024-un-tremplin-vers-linclusion-20240908_7KFIABHM2VBHNE2DX4GVEWZGMA/ (дата обращения: 05.10.2024)

References

1. Kristeva, Yu. (2004). *Izbrannye trudy: Razrushenie poetiki* [Selected Works: The Destruction of Poetics]. 377 p. Moscow, Rospen. (In Russian)
2. Barthes, R. (1989). *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics]. 616 p. Moscow, Progress. (In Russian)
3. Genette, G. (1982). *Palimpsestes. La littérature au second degré* [Palimpsests. Literature in the Second Degree]. 468 p. Paris, Editions du Seuil. (In French)
4. Kuz'mina, N. A. (2007). *Intertekst i ego rol' v protsessakh poeticheskogo yazyka* [Intertext and Its Role in the Processes of Poetic Language]. 268 p. Moscow, Kom-Kniga. (In Russian)
5. Verbitskaya, M. V. (1989). *K obosnovaniyu teorii "vtorichnykh tekstov"* [Towards the Justification of the Theory of "Secondary Texts"]. *Filologicheskie nauki*, No. 29–36. (In Russian)
6. Berezina, A. G. (1994). *Roman V. Nabokova "Otchayan'e", pročitannyy germanistom: problema tsitirovaniya* [V. Nabokov's Novel "Despair" as Read by a Germanist: The Problem of Quotation]. *Vestnik SPbGU*, pp. 92–105. (In Russian)
7. Lotman, Yu. M. (1996). *Lermontov. Dve reministsentsii iz "Gamleta"* [Lermontov. Two Reminiscences from "Hamlet"]. Pp. 543–545. St. Petersburg, Iskustvo-SPb. (In Russian)
8. Fateeva, N. A. (2000). *Kontrapunkt intertextual'nosti, ili intertext v mire tekstov* [Counterpoint of Intertextuality, or Intertext in the World of Texts]. 280 p. Moscow, Agar. (In Russian)
9. Lomakina, O. V., & Nelyubova, N. Yu. (2018). *Tekst khudozhestvennoi literatury kak osnova dlya internet-mema: iz opyta analiza sovremennykh retseptsii* [The Text of Artistic Literature as a Basis for Internet Memes: From the Experience of Analyzing Contemporary Reception]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 437, pp. 36–44. (In Russian)

10. Nikolaeva, M. N., & Trunova, O. V. (2023). *Funktsii intertextual'nykh vklyuchenii v sovremennoe publitsisticheskoe diskursy* [Functions of Intertextual Inclusions in Contemporary Journalistic Discourse]. *Diskurs*. Vol. 9, No. 5, pp. 117–128. (In Russian)
11. Zhiskevich, A. I. (2018). *Tipologiya form intertextual'nykh vklyuchenii na osnove reminiscentnogo polya* [Typology of Forms of Intertextual Inclusions Based on the Reminiscent Field]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 1, pp. 79–83. Minsk, BGU. (In Russian)
12. Arnold, I. V. (1999). *Semantika. Stilistika. Intertextual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. 443 p. St. Petersburg, izdatel'stvo SPbGU. (In Russian)
13. Tsyrendorzhieva, T. B. (1999). *Diskursivnaya model' allyuzivnykh sredstv (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka): dis... kand. filol. nauk* [Discursive Model of Allusive Means (Based on Modern English Language): Ph.D. Thesis]. Moscow, 167 p. (In Russian)
14. Evseev, A. S. (1990). *Osnovy teorii allyuzii (na materiale russkogo yazyka): avtoref dis... kand. filol. nauk* [Fundamentals of the Theory of Allusion (Based on the Russian Language): Doctoral Thesis Abstract]. Moscow, 15 p. (In Russian)
15. Barysheva, Ya. S. (2022). *Allyuzii v zagolovkakh gazety "Libération"* [Allusions in the Headlines of the "Libération" Newspaper]. Pp. 32–37. Moscow, RUDN. (In Russian)
16. Kazaeva, S. A. (2003). *Osobennosti realizatsii kategorii intertextual'nosti v sovremennykh angliyskikh nauchnykh i gazetnykh tekstakh: dis... kand. filol. nauk* [Peculiarities of Implementing the Category of Intertextuality in Modern English Scientific and Newspaper Texts: Ph.D. Thesis]. St. Petersburg, 169 p. (In Russian)
17. *Universal'naya nauchno-populyarnaya onlayn-entsiklopediya "Krugosvet"* [Universal Scientific Popular Online Encyclopedia "Krugosvet"]. URL: <https://www.krugosvet.ru/> (accessed: 01.10.2024). (In Russian)
18. Bochina, T. G., & Bastrikov, D. A. (2024). *Lingvokul'turnyy potentsial khudozhestvennogo teksta na zanyatiyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu* [Linguocultural Potential of Fictional Texts in Classes of Russian as a Foreign Language]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova*, pp. 15–24. (In Russian)
19. *Le Monde* (2024). August 26. (In French)
20. *Le Parisien* (2024). August 25. (In French)
21. Moskvina, V. P. (2004). *Vyrazitel'nye sredstva sovremennoi russkoi rechi: tropy i figury* [Expressive Means of Modern Russian Speech: Tropes and Figures]. *Terminologicheskii slovar'-spravochnik*. 373 p. Moscow, Editorial URSS. (In Russian)
22. *Le Figaro* (2024) [Le Figaro]. September 9 URL: <https://www.lefigaro.fr/sports/jeux-olympiques/paris-2024-plus-audacieux-plus-emouvant-plus-grand-20240908> (accessed: 22.09.2024). (In French)
23. Shashkina, G. (2021). *Roman Vladimira Nabokova "Lolita" kak intertekst* [Vladimir Nabokov's Novel "Lolita" as Intertext]. *Filologiya i kul'tura* (Philology and Culture), Vol. 3, pp. 160–166. (In Russian)
24. *Le Monde* (2024) [Le Monde]. September 14. (In French)
25. Teuchezh, Z. G. (2008). *Strukturno-semanticheskaya i kommunikativno-pragmaticheskaya spetsifika lingvisticheskoy parafrazy (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Structural-Semantic and Communicative-Pragmatic Specificity of Linguistic Paraphrase (Based on Russian and French Languages): Ph.D. Thesis Abstract]. Maykop, 23 p. (In Russian)
26. *Libération* (2024) [Libération]. September 9. URL: https://www.liberation.fr/sports/jeux-olympiques/jeux-paralympiques-2024-un-tremplin-vers-linclusion-20240908_7KFIABHM2VBHNE2DX4GVEWZGMA/ (accessed: 05.10.2024). (In French)

The article was submitted on 19.10.2024

Поступила в редакцию 19.10.2024

Барышева Ярослава Сергеевна,
аспирант,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,
117198, Россия, Москва,
Миклухо-Маклая, 6.
tukaizhiv@gmail.com

Нелюбова Наталия Юрьевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,
117198, Россия, Москва,
Миклухо-Маклая, 6.
nat.nelubova@mail.ru

Barysheva Yaroslava Sergeevna,
graduate student,
Peoples' Friendship University of Russia named
after Patrice Lumumba,
6 Mikluho-Maklaia Str.,
Moscow, 117198, Russian Federation.
tukaizhiv@gmail.com

Neliubova Natalia Yurievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Peoples' Friendship University of Russia named
after Patrice Lumumba,
6 Mikluho-Maklaia Str.,
Moscow, 117198, Russian Federation.
nat.nelubova@mail.ru

УДК 811.512.157

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-25-31

ЯЗЫК САХА: КУЛЬТУРНЫЙ КОД НАЦИИ В МЕДИАТЕКСТЕ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЙ ГАЗЕТ

© Надежда Борисова, Гульшат Галиуллина

THE SAKHA LANGUAGE: CULTURAL CODE OF THE NATION IN THE MEDIA TEXT OF ONLINE NEWSPAPER EDITIONS

Nadezhda Borisova, Gulshat Galiullina

For the first time, based on online editions of the Yakut print media, an attempt has been made to re-think lexical symbols, idioms and parodies as powerful factors in understanding the unique cultural characteristics of the Sakha people from the perspective of linguoculturology. By looking through the prism of ethnic culture at the original linguistic means of Yakut online publications, we better understand their cognitive aspect and the figurative abstraction both of an individual and the entire people as a whole. In this study, the mechanism of forming our picture of the world depends on the information of modern media, its implementation being related to the property of these texts, and this is a key factor. An important result of the study is that in media texts, the words-symbols of the Sakha people's original culture represent a non-equivalent vocabulary, their analogues are absent in other languages; moreover, Yakut phraseological expressions and proverbs help to avoid truisms and clichés, making the language of Sakha Internet publications more vivid and convincing. The identified Sakha language tools reflect the national identity of the ethnic group and connect people with their cultural and historical experience. In general, the specific lexical symbols, phraseological units and proverbs of the Yakut print online media reflect the worldview of the ethnic group, being a powerful factor in the formation of the national cultural code.

Keywords: online publications in the Sakha language, ethnic culture, Yakut words-symbols, phraseological units, proverbs

Впервые на примере в онлайн-изданиях якутских печатных СМИ была предпринята попытка переосмыслить лексические символы и паремии как мощные факторы понимания уникальных культурных особенностей народа саха с позиции лингвокультурологии. Взгляд сквозь призму этнической культуры на оригинальные языковые средства якутских сетевых изданий позволяет нам понять их когнитивный аспект, образную абстракцию не только отдельного человека, но и всей нации в целом. В данном исследовании механизм формирования нашей картины мира зависит от информации современных СМИ, реализация которой связана с отражающим свойством их текстов, и это является ключевым фактором. Важным результатом исследования является то, что слова-символы самобытной культуры народа саха в медиатекстах представляют собой безэквивалентную лексику, аналоги которой отсутствуют в других языках, а якутские фразеологические выражения и пословицы помогают избежать речевых штампов и клише, делают речь сахаязычных интернет-изданий более яркой, убедительной. Вычлененные нами языковые средства саха отражают национальную идентичность этнической группы и связывают народ с их уникальным культурным и историческим опытом. В целом специфические лексические символы, фразеологизмы и пословицы якутских печатных онлайн-СМИ как отражение мировоззрения этноса являются мощным фактором формирования культурного кода нации.

Ключевые слова: сахаязычные интернет-издания, этническая культура, якутские слова-символы, фразеологизмы, пословицы

Для цитирования: Борисова Н., Галиуллина Г. Язык Саха: Культурный код нации в медиатексте интернет-изданий газет // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 25–31. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-25-31

Как известно, «носители разных языков видят мир по-разному, то есть смотрят через призму своих языков, которые обладают свойством

неодинаково концептуализировать реальность» [1, с. 13]. Однако универсальные, глобальные знания фиксируются в любом языке, и они «вы-

полняют такие функции, как коммуникативная (общение), информативная (сообщение), воздействующая (эмотивная) и запоминающая (фиксация всего комплекса знаний и представлений о мире)» [2, с. 72]. В результате целостное, систематизированное мировоззрение определенной этнической группы опосредуется речью, а ее национальные особенности закрепляются в текстах.

Если первоначальные основы лингвокультурологии были определены в XX в. трудами В. фон Гумбольдта, А. Потебни, Л. Вейсгербера, Б. Уорфа и других исследователей, то в XXI в. роль культурного кода народа вновь актуализировалась в современной лингвокультурологии, и этому посвящен ряд работ исследователей Н. А. Земсковой [3], Т. В. Хвесько, О. В. Нагеля, Н. Ю. Басуевой [4], Р. Р. Замалетдинова [5], Г. Р. Галиуллиной [6], [7] и других.

В данном исследовании мы считаем, что механизм формирования нашей картины мира также зависит от информации современных СМИ, реализация которой связана с отражающим свойством их текстов, и это является ключевым фактором, поскольку «информационная картина мира культуроспецифична <...>, в текстах массовой информации происходит интереснейшее наложение языковой и информационной картин мира» [8, с. 185]. В частности, благодаря большому выбору рубрик и разнообразному подходу к создаваемым информационным материалам сетевых печатных СМИ создается достаточно целостная картина мира. Все это способствует тому, чтобы читатель имел возможность проанализировать разные взгляды на те или иные вещи и прийти к собственным индивидуальным выводам через призму своего национального мировоззрения.

Целью статьи является выявление факторов формирования культурного кода нации в медиатекстах газетных интернет-изданий. Исходя из цели определены следующие задачи: проанализировать предложения с лексическими символами и паремиями, которые были выявлены в сетевых изданиях, определить их толкования с помощью словаря.

Материалом для анализа послужили примеры предложений из журналистских материалов сайтов edersaas.ru, sakha-sire.ru и куум.ru. Анализ проводился с использованием лингвистических методов и приемов: эмпирических наблюдений, описаний и обобщений, которые направлены на семантический анализ языковых средств.

Итак, содержание медиатекстов новостных сообщений на сайтах edersaas.ru, sakha-sire.ru и куум.ru показывает схожесть общих тем по основным тематическим рубрикам. Между тем

можно выделить и устойчивые регулярные рубрики, характерные для конкретного сайта. Например, *Нацбырайыактар* 'Нацпроекты', *Сүбэһит* 'Советчик', *Тырааныспар* 'Транспорт', *Бэрээдэк* 'Порядок', *Архыып* 'Архив', *Интервью* (edersaas.ru); *Чэгиэн* 'Здоровый', *Байыаннай эһэрээссийэ* 'Военная операция' (sakha-sire.ru); *Эгэлгэ* 'Разнообразие', *Саха тыла* 'Якутский язык', *Умнуллубат мөссүүн* 'Незабываемый образ', *Кэм-кэрдии* 'Время', *Дьай* 'Влияй', *Видео*, *Аудио*, *Фоторепортаж* (куум.ru).

Следует отметить, что информационная картина мира в СМИ связана с идеологией. Обычно она основывается на «идеях, взглядах, системах ценностей и социальных отношениях» [Там же, с. 192], присущих данному обществу. Однако концепция этнокультуры имеет немаловажное значение для понимания когнитивного аспекта современных медиатекстов. Таким образом, языковая картина мира медиатекстов наиболее ярко отражает настроения современного общества, с одной стороны, с другой – транслируется через призму национального мировосприятия. В частности, язык якутских СМИ содержит богатейшую информацию о ценностях своего народа, о его национально-культурных особенностях. Это проявляется прежде всего в лексике, идиомах и паремиях. Итак, рассмотрим их по отдельности на примерах онлайн-изданий сахаязычных печатных СМИ.

Прежде всего, это слова-символы самобытной культуры народа, которые выражены в безэквивалентной лексике, поскольку их аналоги отсутствуют в других языках. «Каждая культура нуждается в пласте текстов <...> Способность сохранять в свернутом виде исключительно обширные и значительные тексты сохранилась за символами <...> С этим связана его существенная черта: символ никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры – он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения» [9, с. 192]. Следовательно, лексическими символами сетевых изданий могут быть этнографические термины народа саха. Рассмотрим их в следующих лексико-семантических группах.

- Слова-символы, связанные с древней обрядовой культурой.

«*Ыһыах* 'ысыах' – традиционный якутский национальный праздник, включающий в себя церемонию кумысопития, благопожелания алгысчыта, круговой танец осуохай (оһуохай), состязания в силе и ловкости, конные скачки, национальные игры» [БТСЯЯ, т. 14, с. 523].

«Саха былыргы үгэһинэн **ыһыабы** күүгэннээх **кымыһынан, алгыс** тыллаах **кылыһахтаах тойугунан көрсүөхтэрэ»** (куум.ру 27.06.2022 23:37) (здесь и далее выделено нами. – Н. Б., Г. Г.). – ‘По древнему якутскому обычаю праздник **ыһыах** встретят пенным кумысом, песней **тойук-кылысах** со словами благословения **алгыс**’. В данном примере также можем обозначить следующие слова-символы: «**КЫМЫС** ‘кумыс’ – кисломолочный напиток из кобыльего молока» [10, т. 5, с. 261]. «**АЛГЫС** ‘алгыс’ – особые слова, обращенные к людям с пожеланием им добра; слова, произносимые по разным жизненным случаям с просьбой, мольбой о благополучном исходе, благопожелания» [10, т. 1, с. 412]. «**КЫЛЫҤАХ** ‘кылысах’ – звук, производимый хорошо натренированными ложными голосовыми связками певца, являющийся украшением мелодии якутской народной песни» [10, т. 5, с. 252]. «**ТОЙУК** ‘тойук’ – якутская песня-импровизация с запевом “дьиэ-буо”» [10, т. 10, с. 425].

«**ЧОРООН** ‘чорон’ – якутская национальная посуда: украшенный резными узорами деревянный кубок на одной или трех ножках для питья кумыса, который может иметь различные размеры» [10, т. 14, с. 193]. «**Сарсын алгыстаах чороону Далыр нэһилиэгэр туттараары бэлэмнэнэллэр** (edersaas.ru)». – ‘Завтра готовятся вручить **чорон** с благословением **алгыс** наслегу Далыр’.

«**УРУЙ-АЙХАЛ** ‘уруй-айхал’ – благословение и благопожелание» [10, т. 12, с. 259]. «**VIII норуоттар икки ардыларынаабы успуорт оонньууларынан Уот эстафетата “Уруй-айхал!” тылларынан салгыы Ньурбага айаннаата»** (sakha-sire.ru 26.03.2024 13:10). – ‘Эстафета Огня VIII Международных спортивных игр с надписью “Уруй-айхал!” далее отправилась в Нюрбу’.

• Слова-символы, относящиеся к фольклору, народному пению и музыкальному инструменту.

«**ОЛОНХО** ‘олонхо’ – якутский героический эпос. Описательная часть исполняется речитативом, а монологи героев олонхо поются» [10, т. 7, с. 260]. «**Анастасия олонхону ыччат ылынарын, үөрэтэрин, олонхолуон бабарар санаата күүстээбин дакаастаан турар»** (sakha-sire.ru 26.09.2023 17:41). – ‘Анастасия доказала, что молодежь принимает **олонхо**, хочет учить и имеет сильное желание его исполнять’.

«**ОҺУОХАЙ** ‘осуохай’ – якутский национальный круговой танец, сопровождаемый хоровым пением и импровизацией участников» [10, т. 7, с. 359]. «**Санаттахха, билигин Саха сиригэр 2030 сылга диэри оһуохай сайдыытын кэнсиэспийэтин оноро сылдьаллар»** (куум.ру

24.05.2024 16:18). – ‘Напомним, что в настоящее время в Якутии разрабатывается концепция развития искусства **осуохай** до 2030 года’.

«**ХОМУС** ‘хомус’ – якутский народный музыкальный инструмент – варган» [10, т. 13, с. 567]. «**Хомуһу тыаһаһар 57 норуот үстүрүмүөннэрэ, барыта 2 тыһыынчаттан таһса эриэккэс хомус (варган) түмэлгэ мунньулан сытар»** (edersaas.ru). – ‘В музее представлены инструменты Варган 57 народов, всего их насчитывается более 2 тысяч уникальных хомусов (варганов)’.

• Слова-символы, связанные с мифологией.

«**БАЙАНАЙ** ‘Байанай’ – общее название духов леса, воды, покровительствующих охотничьим и рыболовным промыслам» [10, т. 2, с. 130]. «**Ол курдук күнүс 14.00 чаастан мустан, Байанай туһунан билиһиннэрдилэр, аал уоту отуннулар, Байанай ыйын бэлиэтин Обу онгоруон көрдүлэр»** (sakha-sire.ru 20.11.2022, 12:13). – ‘Итак, собравшись в 14:00 часа дня, рассказали о **Байане**, разожгли костер и попытались смастерить символ месяца **Байанай** – стрелу’.

«**ИЧЧИ** ‘иччи’ – особый ряд существ, пребывающих в определенных предметах и явлениях природы, духи-хозяева» [10, т. 3, с. 803]. «**Оччотообу обонньоттор сылыктааһыннарын, бу эбэ былыр-былыргыттан улахан иччилээбин биллэрэ эбитэ үһү»** (куум.ру 28.12.2023 13:40). – ‘Согласно верованиям стариков того времени, это озеро издревле было известно как место с сильной энергетикой, где обитают духи **иччи**’.

«**АБААҤЫ** ‘абаасы’ – чудовища, враждебные племени айыы и вступающие в сражения с богатырями светлого мира» [10, т. 1, с. 222]. «**Уолаттар, убайдарын тылын истээт, сонно тутта эмиэ абааһыны да, таһараны да итэҕэйбэт дьон буола түстүлэр»** (edersaas.ru). – ‘Услышав слова старших братьев, мальчики сразу же стали неверующими ни в дух **Абаасы**, ни в дух Божий’.

• Слова-символы, обозначающие традиционные постройки и метки памятных знаков.

«**САЙЫЛЫК** ‘сайылык’ – летняя усадьба с пастбищем, летнее жилище, летник» [10, т. 8, с. 157]. «**Кэнники ыһыллы-тобуллу саҕана сайылыкка көһүү тохтуу сылдьыбыта, кэлин сөргүтүллүбүтэ наһаа үчүгэй»** (edersaas.ru). – ‘В годы распада перекочевание в **сайылык** (летник) было приостановлено, и очень хорошо, что он возобновилось’.

«**СЭРГЭ** ‘сэргэ’ – в старину: устанавливаемый перед входом в дом, то есть с восточной стороны, столб для привязывания лошадей, коновязь (в настоящее время эти

коновязи, предназначенные для приема гостей, трансформировались в символ счастья и семейного благополучия, в символ якутского гостеприимства» [10, т. 9, с. 588]. «*Бу сырыыга уонтан тахса сыл тиһигин быспакка ытыллар ыһыах кэмигэр туох баар сиэри-туому тутуһан сэргэни туруордулар*» (куум.ру 19.07.2020 15:43). – ‘На этот раз во время *ысыаха*, который проводится уже более десяти лет подряд, с соблюдением всех ритуалов поставили *сэргэ* (коновязь)’.

• Слова-символы, связанные с военным делом и национальным видом спорта.

«*БООТУР* ‘боотур’ – у древних якутов: человек большой физической силы, обладающий также воинской выучкой, воин, витязь у древних якутов: человек большой физической силы» [10, т. 2, с. 382]. «*Кыайы уонна мэтээл иһин өрөспүүбүлүкэ бастын боотурдара күрэхтэһиэхтэрэ*» (edersaas.ru). – ‘Лучшие боотуры республики будут соревноваться за победу и медали’.

«*ХАПСАҔАЙ* ‘хапсагай’ – якутский национальный вид борьбы: участники независимо от личного веса должны стараться уронить противника; проигрывает тот, кто коснулся земли первым» [10, т. 13, с. 320]. «*Хапсагай өрөспүүбүлүкэ успуордун биир чабылхай көрүгэ буоларынан, бу күннэргэ дьону улаханник сэргэхситтэ*» (sakha-sire.ru 04.03.2024, 22:53). – ‘Хапсагай – один из самых ярких видов спорта в республике, в эти дни он по-настоящему оживил людей’.

Как видно из вышеприведенных примеров, генетическая память и особенности мировоззрения народа саха сохраняются в этнокультурных ценностях – так называемых словах-символах. Разумеется, как особый тип лексем, они представляют собой специфические существительные, выполняющие номинативную функцию, и встречаются в таких рубриках, как *сонуннар* ‘новости’, *култуура* ‘культура’, *уопсастыба* ‘общество’, *олох-дьаһах* ‘социальная жизнь’, *тыа сирэ* ‘сельская жизнь’, *дьон* ‘люди’, *успуорт* ‘спорт’ и других. Благодаря большому выбору рубрик и разнообразному подходу к создаваемым информационным материалам на сайтах печатных СМИ создается достаточно целостная картина мира. Мы считаем, что в эпоху глобализации использование журналистами слов-символов самобытной культуры народа саха в медиатекстах не только способствует развитию этнической культуры как национальной традиции, но и сохраняет исторический опыт, жизненные ценности, особенности менталитета этноса.

В них заключена истинная сила нации, которая не повторяется ни в одной другой стране мира.

Далее, современные масс-медиа используют экспрессивно-эмоциональные средства, присущие отдельным национальным языкам, а сочетание стандарта и экспрессии, в данном случае фразеологических оборотов, функционирующих в языке саха, позволяет усилить степень восприятия и воздействия на читателя посредством языковых кодов. Следовательно, рассмотрим якутские фразеологические единицы и пословицы на примерах онлайн-изданий сахаязычных печатных СМИ/

А. Наблюдается тенденция к использованию фразеологизмов следующих типов, которые сохранялись в языке народа на протяжении веков:

✓ фразеологизмы, которые связаны со схожим восприятием действительности.

«*ХОНОБОР (ХОРОБОР) МУОСТААХ* крупный рогатый скот [11, т. 2, с. 361]. *СЫСПАЙ СИЭЛЛЭЭХ* фольк. лошади. Букв. с длинными густыми гривами» [11, т. 2, с. 168]. «... *хоробор муостаахпытын, сыспай сиэллээхпитин тыа сириин дьоно ахсаанын аччаппакка, эспэккэ тутан кэллэ*» (куум.ру 22.12.2020 12:59). – ‘Сельчане сохранили *высокорогатого, густогривого* по сей день, не сокращая, не уничтожая поголовье’.

«*ИННИНЭН СИРЭЙДЭЭХ* фольк. человек. Букв. имеющий лицо впереди» [11, т. 1 с. 201]. «*ИККИ АТАХ (АТАХТААХ)* человек. Букв. двуногий (с двумя ногами)» [11, т. 1, с. 176]. «*БОКУЙАР СУҢҮӨХТЭЭХ (ТОБУКТААХ)* фольк. человек. Букв. со сгибающимися коленями» [11, т. 1, с. 138–139]. «*Орто дойду олобор иннинэн сирэйдээх, икки атахтаах, бокуйар тобуктаах аһыыр-таннар түбүгэр сылдьаахтыыр*» (куум.ру 09.11.2018 11:36). – ‘В срединном мире жизнь, *имеющего лицо впереди, двуногого, со сгибающимися коленями* (человека) проходит в хлопотах по добыванию еды и одежды’.

✓ фразеологизмы, которые служат устным кодексом моральных взглядов народа.

«*ТУЙАҔЫН ХАТАР* быть достойным кого-л. Букв. просушить его копыта» [11, т. 2, с. 208]. «*Кырдыаҕастар аҕатын туйаҕын хатарар уол төрөөбүт диэн сылыктыылара үһү*» (куум.ру 12.01.2023 12:23). – ‘Старейшины предсказывали, что родился мальчик, который *просушит копыта (пойдет по стопам)* своего отца’.

«*КҮӨХ ОТУ ТОСТУ УКТЭЭБЭТ* (куһу) очень тихий, смирный (человек). Букв. он не наступит на зеленую травинку, боясь переломить» [11, т. 1, с. 265]. «*Чахчыта даҕаны, Гоша Никифоров бэйэтэ оннук айылҕатынан... күөх оту тосту уктээбэт көнө, сымнаҕас майгытынан дьон-*

сэргэ ортоугар хайдах баарынан «эһээ, оннук» дии сылдьар судургу киһи» (sakha-sire.ru 25.02.2023, 14:00). – ‘Действительно, Гоша Никифоров такой по натуре... что не наступит на зеленую травинку, боясь переломить, тихий, смирный человек с мягким характером, говорит так, как есть, соглашается со всеми: “ага, да-да”’. Здесь происходит смещение чувственных восприятий.

✓ фразеологизмы, относящиеся к зрительным чувственным признакам.

«УУНУ ОМУРДАР кэпс. лишаться дара речи [11, т. 2, с. 283]. «Ууну омурдан ылы-чып оморор кыбыстыылааҕа уонна сатаммат да этэ» (kuum.ru 10.02.2023 10:45). – ‘Было стыдно сидеть молча, проглотив воду, и это было невозможно’.

«ХАРАХ БААЙЫЫТА преднамеренное украшивание чего-л. обман, очковтирательство [11, т. 2, с. 347]. «Табыгаһа суох эйгэ эбэтэр хаһан хараҕы баайан бүтэбит» (sakha-sire.ru 10.08.2023, 17:03). – ‘Неудобно жить или, когда мы перестанем преднамеренно приукрашивать (обманывать)’. Надо заметить, что данный фразеологизм по содержанию близкий русскому делать «для отвода глаза», то есть ввести в заблуждение.

В целом якутские фразеологизмы в основном формируются вокруг понятия «человек», и поэтому создаваемая картина мира во многом антропоцентрична.

Б. Умело используются в следующих темах пословицы, обобщающие жизненный опыт, идеи и образы народа:

✓ о коллективизме.

«ОЙУУРДААХ КУОБАХ ОХТУБАТ, ДЬОННООХ КИҢИ БЫСТЫБАТ. Заяц в чаще не пропадает, человек с родней не голодает» [12, с. 67]. "Светлана Диодорова: «Ойуурдаах куобах охтубат, дьонноох киһи тутайбат» (sakha-sire.ru 19.05.2024, 11:40). – ‘Светлана Диодорова: «Лесной заяц не попадет, человек с родней не пропадет»’.

«НОРУОТ КУҮҮЭ – КӨМҮӨЛ КУҮҮЭ. Сила народа – что сила ледохода» [12, с. 66]. «Биһиги дьыэ кэргэн сааскы халаан уутуттан эмсэҕэлээбит дьонго көмөлөһөр сыллаах „Норуот күүһэ – көмүөл күүһэ!“ аахсыйаҕа ыгырыны көрөн, уөрүүнү кытары сөбүлэһэн кытынныбыт» (kuum.ru 28.05.2018 10:54). – ‘Наша семья увидела приглашение на благотворительную акцию «Сила народа – сила ледохода!», и с радостью приняла в ней участие, чтобы помочь семьям, пострадавшим от наводнения’.

✓ о правде и справедливости.

«КЫРДЫК ҮРДҮГЭР СЫМЫЙА БИТТЫБАТ, АРЫЫ ҮРДҮГЭР УУ ДАГДАЙБАТ. Над правдой кривда не поднимается, над маслом вода не всплывает» [12, с. 76]. «Кырдык үрдүгэр сымыйа ыттыбат, үтүө аат син биир тиллэр» (kuum.ru 15.03.2023 15:58). – ‘Над правдой кривда не поднимется, как бы там ни было – доброе имя воскреснет’.

✓ о красноречивом слове.

«УСТАР УУНУ СОМОБОЛУУР УУС ТЫЛЛААХ. Так красноречив, что может превратить в комок текущую воду» [12, с. 16]. «Ол кэнниттэн, социальной ситимнэринэн билбитим, бырайыакка билэр киһим... устар ууну сомоболуур уус тыллаах поэт Елизавета Мигалкина үлэлэспит эбит» (kuum.ru 04.10.2022 13:37). – ‘После чего я узнала в соцсетях, что над проектом работала моя знакомая, красноречивая, что превращает в комок текущую воду поэтесса Елизавета Мигалкина’.

✓ о труде и трудолюбии.

«КӨРДӨӨБҮТ КӨҮҮЭ КӨМҮҮ БУЛАР. Ищущий найдет горшок золота» [12, с. 69]. «Алмаас тааһы сонордоһо сылдьан, „Көрдөөбүт көмүһү булар“ диэн өс хоһоонугар этиллэрини, геологтар илэ-бааччы кыһыл көмүскэ түбэхэ түспүттэрэ» (kuum.ru 04.04.2024 17:47). – ‘Как гласит пословица, «Ищущий найдет золота», геологи, разыскивая алмаз, наткнулись непосредственно на золото’.

✓ о счастье и радости.

«УОЛ ОҢО ДЬОЛЛООХ, СОНОБОС АТ СОРГУЛААХ. Юноша – со счастьем, молодой конь – с удачей» [12, с. 74]. Итини этэн эрдэхтэрэ, уол оҥо дьоллоох, сонобос ат соргулаах диэн» (kuum.ru 26.08.2021 17:17). – ‘Видимо, об этом говорили, что юноша – со счастьем, молодой конь – с удачей’.

Следует отметить, что в медиатекстах при использовании пословиц иногда происходят структурно-семантические изменения, а иногда и непосредственно индивидуально-авторская обработка. Например: «„Балык үөстээх, киһи үөннээх“: кимнээх кыайдылар?» (kuum.ru 21.06.2023 10:45). – ‘„Рыба с желчью, человек с лукавством“: кто победил?’. Данное выражение похоже по звучанию на поговорку «БАЛЫК БИМНААХ, КИҢИ КҮННЭЭХ. У рыбы бывает время метания икры, у человека – время красных дней» [12, с. 73]. Однако содержание получилось совсем другим.

Таким образом, якутские фразеологические единицы и пословицы в широком смысле делают речь сахаязычных сетевых изданий более яркой, убедительной и, как мы полагаем, помогают избежать речевых штампов и клише. На наш

взгляд, выявленные фразеологические выражения и пословицы сочетают в себе образность и переносной смысл. Кроме того, как форма мышления, они развивают образную абстракцию не только отдельного человека, но и всей нации в целом. Следует отметить, что фразеологические единицы в некоторых случаях могут перерабатываться журналистами, а иногда они переводятся с русского языка почти дословно или даже могут использоваться без перевода.

В итоге рассмотрения данного вопроса можно сказать, что в современном мире невозможно жить изолированно, не соприкасаясь с цивилизацией. Однако, как нам видится, самобытные слова-символы, идиоматические выражения и поговорки как отражение мировоззрения являются мощными факторами формирования культурного кода нации. Они отражают национальную идентичность этнической группы и связывают народ с их культурным и историческим опытом. Мы считаем, что языковые средства сахаязычных печатных онлайн-СМИ имеют особое значение в рамках общей проблемы национальной языковой картины мира и призваны способствовать дальнейшему исследованию национально-культурной специфики народа.

Исследование выполнено в рамках темы ФПСР-2/24

Список источников

1. Горобец А. Ф. Языковая и культурная картины мира: современный подход к проблеме // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 1 (26). С. 11–13.
2. Каналаш О. П. Национальная картина мира как компонент лингвистического исследования // Lingua Mobilis. 2012. № 6 (39). С. 70–73.
3. Земскова Н. А. Фразеологическая картина мира и культурный код нации: аспекты взаимокорреляции // Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития: сб. науч. тр. Краснодар: Изд.-полиграф. центр Кубанского гос. ун-та., 2021. С. 25–30.
4. Хвесько Т. В., Нагель О. В., Басуева Н. Ю. Фразеологизмы как проявления культурного кода // Язык и культура. 2021. № 54. С. 81–93.
5. Замалетдинов Р. Р., Замалетдинова Г. Ф. Язык – культурный код нации и ключ к культуре всего человечества // Филология и культура. 2012. № 2 (28). С. 49–53.
6. Галиуллина Г. Р. Татарские личные имена в контексте лингвокультурных традиций. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. 349 с.
7. Галиуллина Г. Р., Юсупова А. Ш., Хадиева Г. К., Денмухаметова Э. Н. Тюрко-татарская лексика

как проекция национального менталитета. Казань, 2011. 120 с.

8. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи. М.: КРАСАНД, 2020. 286 с.

9. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Избранные статьи в трех томах. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. 247 с.

10. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. Т. 1–15. Новосибирск: Наука, 2004–2018.

11. Нелунов А. Г. Якутско-русский фразеологический словарь. Т. 1–2. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998–2002.

12. Сборник якутских пословиц и поговорок / сост. Н. В. Емельянов. Якутск, 1965. 246 с.

References

1. Gorobets, A. F. (2008). *Yazykovaya i kul'turnyya kartiny mira: sovremennyy podkhod k probleme* [Linguistic and Cultural Worldviews: A Modern Approach to the Problem]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. No. 1(26), pp. 11–13. (In Russian)
2. Kanalash, O. P. (2012). *Natsional'naya kartina mira kak komponent lingvisticheskogo issledovaniya* [The National Picture of the World as a Component of Linguistic Research]. *Lingua Mobilis*. No. 6(39), pp. 70–73. (In Russian)
3. Zemskova, N. A. (2021). *Frazeologicheskaya kartina mira i kul'turnyi kod natsii: aspekty vzaimokorrelyatsii* [Phraseological Picture of the World and the Cultural Code of the Nation: Aspects of Mutual Correlation]. *Filologicheskie nauki v XXI veke: aktual'nost', mnogopolyarnost', perspektivy razvitiya: sb. nauch. tr.* Krasnodar: Izd.-poligraf. tsentr Kubanskogo gos. un-ta, pp. 25–30. Krasnodar. (In Russian)
4. Khvesko, T. V., Nagel, O. V., Basueva, N. Y. (2021). *Frazeologizmy kak proyavleniya kul'turnogo koda* [Phraseological Units as Manifestations of the Cultural Code]. *Yazyk i kul'tura*. No. 54, pp. 81–93. (In Russian)
5. Zamaletdinov, R. R., Zamaletdinova, G. F. (2012). *Yazyk – kul'turnij kod natsii i klyuch k kul'ture vsego chelovechestva* [Language is the Cultural Code of the Nation and the Key to the Culture of all Mankind]. *Filologiya i Kul'tura. Philology and Culture*. No. 2(28), pp. 49–53. (In Russian)
6. Galiullina, G. R. (2008). *Tatarskie lichnye imena v kontekste lingvokul'turnykh traditsii* [Tatar Personal Names in the Context of Linguistic and Cultural Traditions]. 349 p, Kazan, izd-vo Kazan. un-ta Unita. (In Russian)
7. Galiullina, G. R., Yusupova, A. Sh., Khazieva, G. K., Dinmukhametova, E. N. (2011). *Tyurko-tatarskaya leksika kak proektsiya natsional'nogo mentaliteta* [Turkic-Tatar Vocabulary as a Projection of National Mentality]. 120 p, Kazan. (In Russian)
8. Dobrosklonskaya, T. G. (2020). *Voprosy izucheniya mediatekstov: opyt izucheniya sovremennogo angliiskogo yazyka SMI* [Questions of Studying Media Texts: The Experience of Studying Modern English in the Media]. 286 p. Moscow, Krasin. (In Russian)

9. Lotman, Yu. M. (1992). *Simvol v sisteme kul'tury* [Symbol in the System of Culture]. Izbrannye stat'i v trekh tomakh. T. 1, 247 p. Tallinn, Alexandra. (In Russian)

10. *Bol'shii tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka* (2004–2018) = *Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта* [A Large Explanatory Dictionary of the Yakut Language]. Vol. 1–15. Novosibirsk, Nauka. (In Yakut)

11. Nelunov, A. G. (1998–2002). *Yakutsko-russkii frazeologicheskii slovar'* [Yakut-Russian Phraseological Dictionary]. Vol. 1–2. Novosibirsk, Izd-vo SO RAS. (In Yakut)

12. *Sbornik yakutskikh poslovits i pogovorok* (1965) [Collection of Yakut Proverbs and Sayings]. Sost. N. V. Yemelyanova. Yakutsk. (In Yakut)

The article was submitted on 15.11.2024

Поступила в редакцию 15.11.2024

Борисова Надежда Марковна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Северо-Восточный федеральный
университет,
677013, Россия, Якутск,
Кулаковского, 42.
borisovanm1963@mail.ru

Borisova Nadezhda Markovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
North-Eastern Federal University,

42 Kulakovsky Str.,
Yakutsk, 677013, Russian Federation.
borisovanm1963@mail.ru

Галиуллина Гульшат Раисовна,
доктор филологических наук,
профессор, ведущий научный сотрудник,
НОЦ стратегических исследований в области
родных языков и культур
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
caliullina@list.ru

Galiullina Gulshat Raisovna,
Doctor of Philology,
Professor, Leading Researcher at the Research
Center for Strategic Research in the Field
of Native Languages and Cultures
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
caliullina@list.ru

УДК 81'272

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-32-39

ЛАТИНИЦА И КИРИЛЛИЦА В ЭРГОНИМИКОНЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ УЛИЦ КАЗАНИ: ЭТИМОЛОГИЯ НАИМЕНОВАНИЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМ И ПЕРСПЕКТИВ ГРАФИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

© Елена Варламова

LATIN AND CYRILLIC ALPHABETS IN THE ERGONIMICON OF THE CENTRAL STREETS IN KAZAN: ETYMOLOGY OF NAMES AS A REFLECTION OF PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF GRAPHIC REPRESENTATION

Elena Varlamova

This research aims to investigate the graphic features of the central streets' ergonimicon in Kazan through the application of the linguistic landscape description method, etymological analysis and the method of continuous sampling, which have not been combined in the research of commercial names so far. Their combination is conditioned by the need to confirm the Research Hypothesis: The choice of the alphabet, representing an ergonym, depends on its origin and linguistic affiliation. The relevance of the study is conditioned by the close attention to the linguistic landscapes of the Russian Federation due to the fact that foreign languages and Latin often dominate in this case. The hypothesis and purpose of the study generate the following research questions: RQ1 – Is there an explanation for such an extensive use of Latin script in the linguistic landscapes of the Russian Federation; RQ2 – Is there a pattern in the use of Latin and Cyrillic; RQ3 – Is the prospect of more names in Cyrillic likely to be implemented. The Research Results demonstrated the fruitfulness of combining these methods in ergonimicon research, the hypothesis of the study was confirmed: RR1 – Names belonging to the native lexicon of official languages are transmitted in Cyrillic in the predominant number of cases; RR2 – For ergonyms-internationalisms, the word of the foreign language corresponding in external form and content is almost always chosen; RR3 – Ergonyms-proper names are written in Latin more often than in Cyrillic; RR4 – Ergonyms-foreign words are represented in Latin. The obtained results led to the following conclusions and opened directions for the research (Conclusions and Directions for Future Research): CDFR1 – the hypothesis of the study should be confirmed on a larger research material; CDFR2 – the search for new approaches to nomination with an emphasis on the native lexicon is recommended; CDFR3 – the need exists for a diachronic approach to the research of linguistic landscapes of the Russian Federation; CDFR4 – the application of programming methods to the description of ergonyms with the aim to solve linguistic problems is required.

Keywords: linguistic landscape, ergonym, Latin alphabet, Cyrillic alphabet, etymology, native lexicon

Целью данной работы является исследование графических особенностей эргонимикона центральных улиц Казани с применением методов описания лингвистического ландшафта, этимологического анализа и метода сплошной выборки, которые до настоящего момента не сочетались в исследованиях коммерческих наименований. Их комбинация обусловлена необходимостью подтверждения гипотезы исследования (Research Hypothesis): выбор алфавита репрезентации эргонима зависит от его происхождения и языковой принадлежности. Актуальность исследования обусловлена пристальным вниманием к лингвистическим ландшафтам Российской Федерации в силу того, что иностранные языки и латинский зачастую доминируют в них. Гипотеза и цель исследования обусловила решение следующих исследовательских вопросов (Research Questions): RQ1 – существует ли объяснение столь обширному использованию латиницы в лингвистических ландшафтах Российской Федерации; RQ2 – есть ли закономерность в использовании латиницы и кириллицы; RQ3 – вероятно ли перспектива большего количества наименований на кириллице. Результаты исследования (Research Results) показали перспективность сочетания данных методов в исследованиях эргонимикона, гипотеза исследования была подтверждена: RR1 – наименования, принадлежащие к исконной лексике официальных языков, в преобладающем количестве случаев передаются на кириллице; RR2 – для эргонимов-интернационализмов почти всегда выбирается

соответствующее по внешней форме и содержанию слово иностранного языка; RR3 – эргонимы-имена собственные передаются преимущественно на латинице; RR4 – эргонимы-иностранное слова репрезентованы на латинице. Полученные результаты привели к следующим выводам и открыли дальнейшие перспективы исследования (Conclusions and Directions for Future Research): CDFR1 – гипотезу исследования необходимо подтвердить на большем объеме материала; CDFR2 – рекомендательным является поиск новых подходов к номинации с акцентом на исконную лексику русского и татарского языков; CDFR3 – необходимость диахронического подхода к исследованиям лингвистических ландшафтов РФ; CDFR4 – применение методов программирования для решения лингвистических задач к описанию эргонимов.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт, эргоним, латинский алфавит, кириллический алфавит, этимология, исконная лексика

Для цитирования: Варламова Е. Латиница и кириллица в эргонимиконе центральных улиц Казани: этимология наименований как отражение проблем и перспектив графической репрезентации // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 32–39. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-32-39

Метод описания лингвистического ландшафта является одним из наиболее перспективных междисциплинарных методов в исследованиях мультилингвальных эргонимиконов, так как позволяет через язык надписей и вывесок, то есть визуальные знаки городского пространства, получить представление о статусе языковых сообществ, населяющих территорию, социальной и политической ситуации в конкретном городе, шире – стране и мире. Концепция данного метода возникла в трудах по социолингвистике и языковой политике, в которых исследовалось, как языки визуально отображаются и иерархируются в многоязычных обществах, от крупных мегаполисов до периферии [1]. Стало очевидным, что языковой ландшафт может выполнять важные информационные и символические функции [2].

В данном исследовании метод описания лингвистического ландшафта будет применен лишь к одному из многочисленных типов информационных единиц городского текста – эргонимам. В отечественном языкознании исследованиям эргонимов посвящено значительное количество работ, которые можно разделить на исследования прагматических, лексико-грамматических, функциональных, семантических, словообразовательных особенностей эргонимов. Таким образом, выражен сугубо лингвистический или психолингвистический интерес к данным информационным единицам городского текста. Метод описания лингвистического ландшафта применяется в незначительном количестве трудов. В настоящем исследовании мы комбинируем данный метод с методами сплошной выборки, этимологического анализа и языковой идентификации, что подразумевает исследование всех без исключения коммерческих эргонимов определенной улицы (улиц). На наш взгляд, сплошная фиксация единиц городского текста является необходимым

условием для достижения объективных выводов. Комбинация данных методов обусловлена необходимостью подтверждения гипотезы исследования, которая заключается в том, что выбор алфавита репрезентации эргонима зависит от его происхождения и языковой принадлежности. Актуальность отслеживания особенностей алфавитной репрезентации наименований в настоящий момент не вызывает сомнений. Очевидно, что требуется укрепление позиций родных языков народов Российской Федерации на самых разных уровнях, в том числе и в городских текстах. Об этом свидетельствуют законопроекты, представленные к рассмотрению в последнее время, а также закон, подписанный В. В. Путиным в феврале 2023 г., согласно которому запрещается использование иностранных слов, имеющих русские аналоги, в случае использования языка в качестве государственного [3]. В мае 2023 г. власти Краснодара запретили вывески на иностранном языке и с транслитерацией [4].

Данные законы являются реакцией на повсеместную вестернизацию и латинизацию лингвистических ландшафтов Российской Федерации. Может ли лингвистика дать объяснение столь обширному использованию латиницы и иностранных языков в лингвистических ландшафтах Российской Федерации? Существует ли некая закономерность в номинации коммерческих учреждений?

В качестве материала исследования были выбраны эргонимы трех центральных улиц Казани в количестве 150 единиц: ул. Московская (65 единиц), ул. Н. Столбова (19 единиц) и ул. Чернышевского (66 единиц).

Эргонимы были зафиксированы методом сплошной выборки в начале 2023 г. и являются частью фототеки автора.

Казань является крупнейшей столицей субъекта Приволжского федерального округа, много-

национальным городом с двумя официальными языками, титульным русским и местным этническим – татарским. Согласно данным переписи за 2020 г., население Казани составило 1 257 391 человек. «Крупнейшей национальностью в Казани являются татары (608 519 чел.), далее следуют русские (584 232 чел.), чуваша (9470 чел.), узбеки (6473 чел.), таджики (4193 чел.), азербайджанцы (4085 чел.) и другие» [5]. Уже известно, что оба официальных языка – татарский и русский – широко представлены на центральных улицах Казани на уровне контекста эргонима: дублирование информации об учреждении в 25 % случаев происходит на русском и татарском языках, в то время как количество самих эргонимов на татарском языке значительно ниже, уступает количеству эргонимов на иностранных языках [6].

В лингвистическом ландшафте ул. Московская было зафиксировано 65 эргонимов, среди которых есть слова, словосочетания и предложения. Разделяя слова на имена собственные (они-мы, перешедшие в разряд эргонимов из другого вида онимов – антропонимов, хремотонимов, мифонимов, космонимов и т. д.) и имена нарицательные, то есть такие слова, которые были онимизированы в целях номинации, было выделено 10 имен собственных и 28 имен нарицательных. Среди эргонимов, включающих два и более слова (всего 27 наименований), были выделены как словосочетания (23 единицы) так и предложения (4 единицы).

Имена собственные: VasilchukI, Kremlevskaya, Mathilde, mbulak, Rezeda Kazanceva, Афродита, Dali, Мацони, MERV, Almaz.

Имена нарицательные: ОТКРИТИЕ, Миг, Байбол, The Road, WEISERHOUSE, Forward, Фасоль, Mirage, Hotel, Parad, Шоколадница, Сауна, В кофейне, Gamma, Lux, Luxdry, Donerbox, Внебопарк, профсейф, BetCity, Акибанк, ВТБ, ПЗХР, Военторг, НК 13, NPC, ADS, Shoemaker.

Словосочетания: Fashion Light, Очарованный странник, Хот Енот, Coral travel, Наша аптека, Kazantel hotel, Murom Hockey, Imereti hotel, Burger King, Alfa Gym, QIWI БАНК, Византия Лаундж, Eichel Gallery, My Design, The good old Mad Man, iLina flowers, Семейная стоматология, ADELCHANO, Правовой путь, Italiano coffee, Lina Dent, GИTC engineering, ГАЗПРОМ ТРАНСГАЗ.

Предложения: стрижем и бреем, ОН, BUY ME, Носи усы, Мой Додыр.

Для подсчета общего количества слов в эргонимиконе улицы Московская был использован онлайн-сервис для подсчета количества симво-

лов, слов и предложений в тексте WordMeter. На этапе предобработки списка имен собственных были удалены пробелы между именем и фамилией (RezedaKazanceva), пробелы в нумеронимах (НК13), пробелы между артиклем и существительным (Theroad), предложениями и существительными (Вкофейне), так как в контексте исследования эргонимикона мы считаем артикль и предлог служебными словами и не включаем их в материал исследования в качестве значимых лексических единиц, если только они не несут дополнительного смысла и не выделены интенционально адресантом номинации.

При подготовке словосочетаний были удалены пробелы между артиклем и прилагательным (Thegood old Mad Man), пробелы между союзом «и» и следующим словом в эргониме (стрижем ибреем), междометия (BUY ME). Пробел между основой «Мой» и двумя слитно написанными основами «додыр» не удалялся, так как «Мой» написано отдельно интенционально для выделения данного эргонима не как части имени собственного, а как приложения («Мой Додыр» – название автомойки).

При подсчете количества слов в каждой из лексико-грамматических групп было выявлено 96 слов, из которых 58 переданы латиницей, что составляет 60 %. В данном исследовании метод компонентного анализа был применен при описании слов-композитов (Байбол, WEISERHOUSE, Luxdry, Donerbox, Внебопарк, профсейф, BetCity, Акибанк), когда каждая из словообразующих основ рассматривается как отдельное слово с определенной этимологией. Таким образом, в показатель 96 мы включаем и словообразующие основы слов-композитов как отдельные слова.

Из 10 имен собственных 5 относятся к российским (VasilchukI, Kremlevskaya, mbulak, RezedaKazanceva, Almaz), однако все они написаны латиницей; 2 относятся к европейским именам, способ передачи – латиница (Mathilde, Dali); одна единица является мифонимом – Афродита; Мацони – грузинское/армянское происхождение; MERV – древнейший известный город Средней Азии, стоявший на берегу реки Мургаб в юго-восточной части Туркмении, в 30 км к востоку от современного города Мары. В случае с именами «Афродита» и «Мацони» причина выбора кириллицы очевидна: сложное и непонятное написание данных слов на других алфавитах («Aphrodite» (англ., нем.), «ՁՖՐԵԾԲՈ» (груз.), «Վիշնվի» (арм.)). Выбор латиницы для передачи российских имен собственных возможно объяснить тем, что на латинице они будут понятны и жителям Казани (в том числе и

выходцам из ближнего зарубежья) и многочисленным гостям столицы.

Из 35 эргонимов-слов (группа включают в себя раздельнооформленные лексические единицы и производящие основы композитов) 2 единицы являются исконно русскими (общеиндоевропейская лексика) – ОТКРИТИЕ, Миг; 3 принадлежат к лексике иностранных языков – TheRoad, ShoeMaker, Forward; одно слово является заимствованием – Фасоль; 8 слов являются интернациональными, то есть имеют один и тот же источник заимствования, а также не утратили внешнее и семантическое сходство в принимающих разнотипных языках – Mirage, Hotel, Parad, Шоколадница, Сауна, Вкофейне, Gamma, Lux; 8 композитов – Luxdry, Donerbox, Внебопарк, профсейф, BetCity, Акибанк, Байбол, WEISERHOUSE; 6 сокращенных слов (аббревиатур) – ВТБ, ПЗХР, Военторг, НК13, NPC, ADS. Из 16 словообразующих основ композитов 4 относятся к лексике английского языка – dry, box, Bet, house; 1 к лексике немецкого языка – weiser; 6 принадлежат интернациональной лексике – Lux, Doner, проф, City, парк, банк; 1 основа является заимствованием – сейф; 2 относятся к исконным языкам официального Татарстана – небо (общеиндоевропейская лексика), ак (общетюркская лексика); 2 единицы принадлежат лексике тюркских языков (бай (узб.) ‘богатый зажиточный’, бол (узб.) ‘мед’ либо бай (кырг.) – ‘богач’, бол (кырг.) ‘становиться’.

В 23 словосочетаниях (43 слова) к интернациональной лексике относится 11 единиц (Coral, Design, стоматология, coffee, engineering, Hockey, Burger, QIWI, GALLERY, Alfa, Лаундж), к словам на иностранном языке – 13 единиц (Fashion, Light, travel, King, Gym, good, old, Mad, Man, flowers, хот, my, Dent), к исконной лексике – 6 единиц (Очарованный, странник, Наша, Правовой, путь, семейная), к заимствованной лексике – 2 единицы (Енот, аптека), к именам собственным – 8 единиц (Kazantel, Murom, Imereti, Византия, iLina, ADELCHANO, Italiano, Lina), к аббревиированной лексике – 3 единицы (ГИТС, ГАЗПРОМ, ТРАНСГАЗ).

В предложениях из 8 слов шесть относятся к исконной лексике русского языка (стрижем, брем, носи, усы, мой, дыра), 2 слова принадлежат словарному фонду английского языка (buy, me).

Результаты пословного этимологического анализа представлены в таблице 1. Аббревиированная лексика и имена собственные не были подвергнуты этимологическому анализу.

Результаты пословного этимологического анализа представлены в таблице 1. Аббревиированная лексика и имена собственные не были подвергнуты этимологическому анализу.

Таблица 1

Результаты пословного этимологического анализа

	Интерн.	Ин. слова	Иск. слова	Заимств.	Имена собственные	Аббр.
латиница	Mirage Hotel Parad Gamma Lux Coral Design coffee engineering Doner Hockey Burger QIWI GALLERY City Alfa	TheRoad ShoeMaker Forward Light travel King Gym good old Mad Man flowers my buy me dry box Bet house weiser Fashion Dent	ОТКРИТИЕ	-	VasilchukI Kremlevskaya mbulak RezedaKazanc eva Almaz Mathilde Dali MERV Kazantel Murom Imereti iLina ADELCHANO Italiano Lina	NPC ADS GITC
57 ед.	Всего: 16	Всего: 22	Всего: 1	Всего: 0	Всего: 15	Всего: 3
кирил-	Шоколадница	хот	Миг	Фасоль	Афродита	ВТБ

рил- лица	Сауна Вкофейне стоматология проф аптека БАНК Лаундж парк	бол	Очарованный странник Наша Правовой путь семейная стрижем бреем носи усы мой дыра небо ак бай	Енот сейф	Мацони Византия	ПЗХР Военторг НК13 ГАЗПРОМ ТРАНСГАЗ
39 ед.	Всего: 9	Всего: 2	Всего: 16	Всего: 3	Всего: 3	Всего: 6
96 ед.	Итого: 25	Итого: 24	Итого: 17	Итого: 3	Итого: 18	Итого: 9

Таким образом, интернациональная лексика, имена собственные и иностранные слова передаются в большинстве случаев на латинице, в то время как исконная и заимствованная (не являющаяся интернациональной) лексика русского и татарского языков – на кириллице. Данная тенденция ярко выражена в лингвистическом ландшафте ул. Московская. Выбор иностранного слова, а не созвучного по форме и идентичного или близкого по семантике русского слова при пере-

даче интернационализмов очевиден: ориентация на мультилингвальную аудиторию, следствие глобализационных процессов, экономия трат на вывеску.

Приведем в таблице 2 результаты анализа эргонимов ул. Столбова и Чернышевского. 85 эргонимов были разбиты на 4 группы. В ходе компонентного анализа было идентифицировано 121 единиц материала исследования.

Таблица 2

Результаты анализа эргонимов ул. Столбова и Чернышевского

	Интерн.	Ин. слова	Иск. слова	Заимств.	Имена собств.	Аббр.
латиница	ECLAIR Adept coffee UNIQUE studio mania Restaurant vintage Pioneer BBQ Company bar Studio PH Halal service plus Top Lady Wine Group café Avgust	Surf Stretch Home space ME OUTLET My Brisket shop MORE meat BRANCH Slow MIRA store Makers Mood Wood Gift Now How Fame Flow	Kedr Lomka Teplo MORE	-	Skuratov PERSEPOL GINA StefanoRicci Aron SandroTuoni ShaymardanovSabitov NatashaVorobei DASAEV THAI Poke	MTM ZR Reddiz

	Show	So fresh ZUKA green Felice Campana ROUND ramada Raum Gun begin WAI				
77 ед.	Всего: 24	Всего: 35	Всего: 4	Всего: 0	Всего: 11	Всего: 3
кириллица	МАГия Атмосфера технологии кафе Эйдэ сувенирлар Барные Кофе Май Банк офис	РОМЭЙН Чито Гврито	Крылья Пальчики Яратам Холка совреМенные охрана Вдох город Приют Холостяка вещи Солома конечно можно	Холдинг Урюк Бегемоть Бэхет	КУЛИБИН Агафредо СултанСулейман Ной Казани Ханума Алмаз Риолит Чак-Чак	ООО Татсоцбанк Татпрокат
44 ед.	Всего: 11	Всего: 3	Всего: 14	Всего: 4	Всего: 9	Всего: 3
121 ед.	Итог: 35	Итог: 38	Итог: 18	Итог: 4	Итог: 20	Итог: 6

Анализ эргонимов ул. Столбова и Чернышевского подтвердил, что именно иностранные слова и интернационализмы (как самостоятельные лексические единицы, так и производящие основы композитов) составляют наибольшее количество единиц на латинице в лингвистическом ландшафте трех центральных казанских улиц. Имена собственные также имеют тенденцию к латинизации. Из 217 единиц, подвергшихся анализу, 135 (62 %) на латинице, 82 (38 %) на кириллице. Такой значительный перевес достигается обилием иностранных слов и интернациональной лексики в наименованиях. Несмотря на то, что зафиксированная интернациональная лексика присутствует и в фондах русского и татарского языков, данные единицы передаются на латинице с помощью иностранных аналогов (например, “show” вместо “шоу”, “bar” вместо “бар”). Латинизация ландшафтов может быть значительно снижена путем выбора исконного слоя лексики русского и татарского языков для наименования, делатинизации имен собственных, а также креативного подхода к процессу номинации с использованием исконной лексики и заимствований, которые не относятся к интернациональной лексике.

Результаты исследования нуждаются в дальнейшем подтверждении на большем материале, источником которого могут стать эргонимиконы других казанских улиц или столиц других субъектов Приволжского федерального округа. Более того, возникает необходимость в диахроническом исследовании лингвистических ландшафтов, а обработка большого объема данных ставит вопрос о применении компьютерного программирования и машинного обучения для решения лингвистических задач.

Список источников

1. Shulist S. Signs of status: language policy, revitalization, and visibility in urban Amazonia // Language Policy. 2018. Vol. 17. No. 1. P. 523–543. DOI:10.1007/s10993-017-9453-3
2. Landry Rodrigue, Richard Y. Bourhis. Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality An Empirical Study // Journal of Language and Social Psychology. 1997. 16 (1). P. 23–49. DOI: 10.1177/0261927X970161002
3. Путин подписал регулирующий употребление иностранных слов закон // Известия. 2023. 28 февраля. URL: <https://iz.ru/1476755/2023-02-28/putin-podpisal->

reguliruiushchii-upotreblenie-inostrannykh-slov-zakon (дата обращения: 01.11.2024).

4. Павловская Т. В. Краснодаре запретили вывески на иностранных языках // Российская газета. 29.05.2023. URL: <https://rg.ru/2023/05/29/reg-ufo/vybirajte-vyrazheniia.html> (дата обращения 01.11.2024).

5. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан – Всероссийская перепись населения-2020. URL: <https://16.rosstat.gov.ru/vpn2020> (дата обращения 01.11.2024).

6. Варламова Е. В., Тарасова Ф. Х., Тарасов А. М. Контекстуальная репрезентация эргонима: русский, татарский и английский языки на центральных улицах города Казани // Современные исследования социальных проблем. 2022. Т. 14. № 2–3. С. 82–90.

Библиографический список

1. Интернационализмы // Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2014621> (дата обращения: 01.11.2024).
2. Кирилина А. В. Описание лингвистического ландшафта как новый метод исследования языка в эпоху глобализации // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2013. №24. Выпуск 5. С. 159–167. URL: <https://sciup.org/opisanie-lingvisticheskogo-landshafta-kak-novyy-metod-issledovaniya-jazyka-v-146121270> (дата обращения: 01.11.2024).
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <https://ozhegov.slovaronline.com/> (дата обращения: 01.11.2024).
4. Словари узбекского, туркменского и киргизского языков. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/86333/1/978-5-8295-0435-9_2016_020.pdf (дата обращения: 01.11.2024).
5. Татарско-русский и русско-татарский словари онлайн. URL: <https://tatpoisk.net/> (дата обращения: 01.11.2024).
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. URL: <https://vasmer.slovaronline.com/> (дата обращения: 01.11.2024).
7. WordMeter – Онлайн счетчик слов в тексте [сайт]. 2024. URL: <https://wordmeter.ru/> (дата обращения: 01.11.2024).

References

1. Shulist, S. (2018). *Signs of Status: Language Policy, Revitalization, and Visibility in Urban Amazonia*. Language Policy. Vol. 17. No. 1, pp. 523–543. DOI:10.1007/s10993-017-9453-3. (In English)
2. Landry Rodrigue, Richard Y. Bourhis (1997). *Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality. An Empirical Study*. Journal of Language and Social Psychology. No. 16 (1), pp. 23–49. DOI:10.1177/0261927X970161002. (In English)
3. *Putin podpisal reguliruyushchii upotreblenie inostrannykh slov zakon* (2023) [Putin Signed a Law

Regulating the Use of Foreign Words]. Izvestiya. 28 fevralya. URL: <https://iz.ru/1476755/2023-02-28/putin-podpisal-reguliruiushchii-upotreblenie-inostrannykh-slov-zakon> (accessed: 01.11.2024). (In Russian)

4. Pavlovskaya, T. V. *Krasnodare zapretili vyveski na inostrannykh yazykakh* [Signs in Foreign Languages Banned in Krasnodar]. Rossiiskaya gazeta. 29.05.2023. URL: <https://rg.ru/2023/05/29/reg-ufo/vybirajte-vyrazheniia.html> (accessed: 01.11.2024). (In Russian)

5. *Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Respublike Tatarstan – Vserossiiskaya perepis' naseleniya-2020* [Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Tatarstan – All-Russian Population Census-2020]. URL: <https://16.rosstat.gov.ru/vpn2020> (accessed: 01.11.2024). (In Russian)

6. Varlamova, E. V., Tarasova, F. Kh., Tarasov, A. M. (2022). *Kontekstual'naya reprezentatsiya ergonima: russkii, tatarskii i angliiskii yazyki na tsentral'nykh ulitsakh goroda Kazani* [Contextual Representation of the Ergonym: Russian, Tatar and English Languages on the Central Streets of Kazan]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. T. 14. No. 2–3, pp. 82–90. (In Russian)

Bibliograficheskii spisok

1. *Internatsionalizmy* [Internationalisms]. Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya 2004–2017. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2014621> (accessed: 01.11.2024). (In Russian)
2. Kirilina, A. V. (2013). *Opisanie lingvisticheskogo landshafta kak novyi metod issledovaniya yazyka v epokhu globalizatsii* [Description of the Linguistic Landscape as a New Method of Language Research in the Era of Globalization]. *Vestnik TvGU. Seriya "Filologiya"*. No. 24. Vypusk 5, pp. 159–167. URL: <https://sciup.org/opisanie-lingvisticheskogo-landshafta-kak-novyy-metod-issledovaniya-jazyka-v-146121270> (accessed: 01.11.2024). (In Russian)
3. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. *Tolkovy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. URL: <https://ozhegov.slovaronline.com/> (accessed: 01.11.2024). (In Russian)
4. *Slovari uzbekskogo, turkmenskogo i kyrgyzskogo yazykov* [Dictionaries of the Uzbek, Turkmen and Kyrgyz Languages]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/86333/1/978-5-8295-0435-9_2016_020.pdf (accessed: 01.11.2024). (In Russian)
5. *Tatarsko-russkii i russko-tatarskii slovari onlain* [Tatar-Russian and Russian-Tatar Dictionaries Online]. URL: <https://tatpoisk.net/> (accessed: 01.11.2024). (In Russian)
6. Fasmer, M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. URL: <https://vasmer.slovaronline.com/> (accessed: 01.11.2024). (In Russian)
7. *WordMeter – Onlain schetchik slov v tekste* (2024) [Online counter of words in text]. URL: <https://wordmeter.ru/> (accessed: 01.11.2024). (In Russian)

The article was submitted on 15.11.2024
Поступила в редакцию 15.11.2024

Варламова Елена Валерьевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
el-var@mail.ru

Varlamova Elena Valerievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
el-var@mail.ru

УДК 811.111

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-40-47

СЕМАНТИКА АНГЛИЙСКОГО ПРЕДЛОГА «OVER» В СИНТАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

© Азат Габитов

SEMANTICS OF THE ENGLISH PREPOSITION “OVER” IN THE SYNTAGMATIC ASPECT BASED ON PUBLICIST TEXTS

Azat Gabitov

This research aims at studying the semantics of the English preposition “over” in English journalistic texts. Existing scientific theories, describing the principles of conveying the meaning of movement in an English sentence, indicate the important role of the interaction between the verb, preposition and other elements of the sentence. Their relationships fall within the scope of syntagmatics and paradigmatics. We determined the semantic connections of the preposition “over” in terms of conveying the meaning of movement and path. The terms “trajectory”, “landmark” and “path”, introduced by researcher R. Langacker, were used as the basis for constructing a pattern of interaction between prepositions and verbs in a sentence from the point of view of semantics. The analysis of the semantic component is carried out using image-schemes. The semantic field, created by the preposition “over”, was studied separately and in-connection with verbs of motion, including the trajectory of motion, the meaning conveying motion, the interaction of the trajectory with the reference point and the horizontal extension. We have provided examples of sentences containing the preposition under study and their semantic analysis.

Keywords: syntagmatics, English language, semantics, prepositions, image schema

В данной работе на основе публицистических текстов на английском языке проведено лингвистическое исследование семантики английского предлога «over» с точки зрения синтагматики. Существующие научные теории, описывающие принципы передачи значения движения в английском языке, указывают на важную роль взаимодействия глагола, предлога и других элементов предложения. Отношения, возникающие между ними, попадают в область внимания синтагматики и парадигматики. Нами была проведена работа по определению семантических связей предлога «over» в передаче значения движения, прохождения пути. За основу шаблона построения схемы взаимодействия предлогов и глаголов в предложении с точки зрения семантики была использована терминология, введенная исследователем Р. Лангакером, включающая в себя понятия «траектор», «ориентир» и «путь». Определение семантического компонента выполнено с использованием понятия образ-схемы. Исследованию подверглось смысловое поле, создаваемое предлогом «over» по отдельности и совместно с глаголами движения, включая траекторию движения, смысл передачи движения, взаимодействие траектора с ориентиром и горизонтальное растяжение. Нами были приведены примеры предложений, полученных из публицистических текстов, содержащих исследуемый предлог, и дан их семантический анализ.

Ключевые слова: синтагматика, английский язык, семантика, предлоги, образ-схема

Для цитирования: Габитов А. Семантика английского предлога «over» в синтагматическом аспекте на примере публицистических текстов // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 40–47. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-40-47

Генерация высказывания на иностранном языке включает в себя мысленное выполнение говорящим действий, связанных с построением слов в этом высказывании. Структурные особенности иностранного языка существенно влияют на характер этих мыслительных действий при

создании иноязычной фразы, которая, в свою очередь, может функционировать во множестве концептуальных областей. В современном языкознании многочисленные понятия отражают линейные отношения языковых единиц, что обусловлено весьма сложным характером сочетае-

мости, которая по-разному проявляется в языковом функционировании. Следовательно, терминология, используемая в теории совместимости, зачастую неоднозначна и включает множество синонимичных выражений. Термин «синтагматика» используется как общее понятие, но имеет несколько значений: синтагматический аспект языка и речи; особый тип горизонтальных отношений между языковыми единицами внутри языковой системы; анализ линейных связей языковых знаков, которые появляются в речевой цепи [1, с. 447].

Согласно Фердинанду де Соссюру, существует два основных типа отношений между словами, которые, по его мнению, соответствуют основным операциям нашего мозга: синтагматические и парадигматические ассоциации. Между двумя словами существует синтагматическая связь при выполнении двух условий. Во-первых, слова должны встречаться в устной или письменной речи достаточно часто для исключения погрешности, вызванной случайностью, и для выявления определенных закономерностей. Во-вторых, слова должны выполнять разные грамматические роли в предложениях, в которых они встречаются [2, с. 156]. Типичными примерами являются пары слов *кофе – напиток*, *солнце – горячее* или *учитель – школа*. Отношения между двумя словами являются парадигматическими, если они могут заменять друг друга, занимая одну позицию в предложении и сохраняя приемлемость в плане семантики и сочетаемости членов предложения. Типичными примерами являются синонимы или антонимы. Обычно слова с парадигматическим отношением принадлежат к одной части речи, тогда как слова с синтагматическим отношением могут принадлежать к разным частям речи. Проблема сочетаемости различных грамматических элементов продолжает быть актуальной в современной лингвистике ввиду усложнения словарного запаса языка [3, с. 99].

Вопрос семантики и выбора правильного слова был подробно рассмотрен в исследовании В. Эванса. Автор выступал против понятия абсолютных категорий, охватывающих все возможные примеры. Он выдвинул несколько предположений касательно роли слов и контекста в определении смысла предложений. Контекст, как утверждает исследователь, является более важным в данной связке, смысл фраз вытекает преимущественно из информации, доступной человеку, и включает в себя знание языковых форм, но не использует их в отдельности. Слова являются «подсказками» к значению и не предоставляют все возможные трактовки лексического элемента. Они предлагают алгоритм для опреде-

ления индивидуальных значений лексических последовательностей и выявления их прототипических значений.

Наибольший контраст проявляется в случае с так называемыми предложениями движения, которые традиционно анализируются при помощи визуализации пространственных схем (*spatial schema*) и интерпретации смысла предложения, связанного с предложением, ограниченного и дополненного другими элементами предложения. Вышеупомянутые схемы представляют собой визуальное отображение сложных концептуализаций пространственных отношений, включающих динамизм и способных развиваться в течение определенного времени.

Американский лингвист Р. Лангакер предложил три термина: «траектор» (*trajectory*, *tr*), «ориентир» (*landmark*, *lm*) и «путь» (*path*) – для описания внутренней конструкции образ-схемы (*schema*), которую, в частности, можно использовать для объяснения функционирования предлогов в предложении на семантическом уровне [4, с. 10]. Расположенный в определенном месте и/илидвигающийся объект называется «траектором», а объект, который служит точкой начала движения, – «ориентиром». Таким образом, пространственное местоположение траектора определяется совместно с ориентиром в качестве его начальной точки. А маршрут или дистанция, которые прошел траектор, называется путь.

Образ-схема (*image schema*) представляет собой повторяющиеся динамические модели процессов восприятия и двигательной моторики. Данный термин был предложен М. Джонсоном и Дж. Лакоффом и связан с телесным опытом, возникающим в повседневном взаимодействии с окружающим миром в различных ориентациях и отношениях, например в позиционировании вверх-вниз, вперед-назад, в понятии часть-целое. Многие образ-схемы имеют «топологические» характеристики, поскольку они представляют собой определенные пространства, разделенные на области без указания фактической величины, формы или материала. Пространственная схема пути тесно связана с нашим семантическим анализом предлогов, основанным на передаче смысла движения тела человека.

Опираясь на предложенные Р. Лангакером термины, А. Ченки разработал свою модель пространственной образ-схемы «источник – путь – цель» для описания языковых выражений различных видов. Данная схема включает в себя отправную точку, пункт назначения и ряд соединительных точек на пути движения [5, с. 52]. С помощью данной модели можно представить цель как конечный пункт назначения; процесс дости-

жения конечного пункта можно представить как движение от начальной точки к конечной. Как пример данной визуализации можно привести фразы: *он далек от совершенства, это тормозит работу, отвлекает от разговора*. Данная образ-схема применима к пространственным и временным смыслам. Путешествия и длительные перемещения заключаются не только в преодолении дистанции, но и в прохождении длительного отрезка времени. Предложения и фразы, описывающие путешествия и движение, часто используют концепты точки отправления, серии промежуточных событий (пути) и конечной точки (цели). Данное наблюдение подтверждает идею о том, что время часто представляется теми же словами, что и пространственные выражения. Согласно А. Ченки, образ-схемы и связанные с ними преобразования могут помочь в семантическом анализе предлогов. Многие предлоги в английском и других индоевропейских языках выражают пространственные отношения в различных контекстах, что подчеркивает важность данных схем для понимания семантики предлогов. Исследования показывают, что мы понимаем абстрактные концепции как расширения или трансформации физических.

Анализируя предлоги, В. Эванс приходит к выводу, что основное значение вытекает из самих слов, образующих предложения, в то время как роль предлогов заключается в передаче смысла взаимодействия между точкой отсчета и характером движения траектора [6, с. 263]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что траектория движения объекта не вытекает из значений самого предлога. Исходя из полученных В. Эвансом выводов и наших собственных наблюдений, мы предполагаем, что семантическая структура предлога в отдельности не содержит достаточно информации, чтобы судить о траектории движения. В визуализации предложения человек мысленно учитывает передаваемое глаголом значение движения и, опираясь на свои знания о мире, формирует целостное представление о происходящем. Несмотря на то что предлоги выражают определенные пространственные отношения, полная интерпретация этих отношений опирается на более широкие контекстные и опытные знания. Значения предлогов не фиксированы в их семантических структурах, а динамически конструируются посредством взаимодействия с контекстными сигналами и нашим пониманием мира. Данная точка зрения смещает фокус со статических лингвистических определений на более контекстно-зависимую интерпретацию языка.

В исследовании К. Ковентри представлены важные сведения о семантической структуре лексических единиц, особенно предлогов. Автор утверждает, что функция точки отсчета относительно траектории движения имеет решающее значение при выборе подходящего предлога для описания связи между точкой расположения и траекторией движения [7, с. 2101]. Рассмотрим пример помещения мяча в коробку: «*The ball is in the box*». – ‘Мяч находится в коробке’ (здесь и далее перевод наш. – Г. А.). Однако, если мяч закрыт коробкой, даже если он находится в границах, определяемых ее контурами, большинство людей описали бы ситуацию как «мяч находится под коробкой, а не в коробке». Это различие иллюстрирует важность функционального контекста при выборе предлога.

Отдельное исследование, связанное с усвоением младшими учениками смысла пространственных предлогов в английском языке, было проведено С. Райс. Проведя анализ пересечения корпусов английского языка у учащихся младших классов, С. Райс обнаружила, что последовательность усвоения предоставленных ученикам предлогов не была идентичной, что идет в разрез с устоявшимися представлениями когнитивной лингвистики касательно генеративной грамматики. С. Райс подчеркивает важность экспериментальных данных в исследованиях когнитивной лингвистики, связанных с психологической обоснованностью моделей обучения, которые описывают отношения между различными значениями одной лексической единицы. Экспериментальное подтверждение имеет решающее значение для проверки моделей когнитивной лингвистики, гарантируя, что ее теоретические конструкции точно отражают процесс усвоения языка в реальных жизненных ситуациях [8, с. 226].

Позиция исследователя и полученные данные противоречат гипотезе когнитивной лингвистики о том, что обучающиеся раннего возраста усваивают значения от простых к более сложным. Согласно наблюдениям, ученики изначально усваивают абстрактные значения предлогов и только потом понимают их пространственное, часто более конкретное значение. Отдельно стоит отметить, что многие предлоги сначала используются в определенных, конкретных фразах, а их более широкие значения усваиваются позже. Можно прийти к выводу, что дети усваивают различные значения одного слова как омонимы, предполагая, что дополнительные значения возникают не из фундаментального смысла, а скорее из концептуальной интеграции, происходящей на более поздней стадии развития. Предполагать, что про-

странственный смысл, связанный с предлогами, содержится во фразе как в едином целом, не означает, что сам предлог в отдельности лишен значения. Напротив, предлоги имеют связанные с ними традиционные значения, включая функциональный элемент. Однако точная интерпретация предлогов ограничена контекстом предложения, включая позицию в предложении и влияние других грамматических элементов, присутствующих в нем.

А. Герсковиц одной из первых обозначила проблемы семантического описания пространственных предлогов. Она изучила аспекты, связанные с семантической формулой, известной как «критерий предсказуемости», и ввела понятие «семантической пластичности», присущей пространственным предлогам. Эта концепция предполагает, что, хотя носители языка понимают пространственные предлоги, они часто несут разные значения, что приводит к трудностям в представлении их семантики. Под «представлением значения» А. Герсковиц понимает уровень абстракции, на который влияет специфика, позволяющая говорящим отличать значение определенного предлога от других в зависимости от контекста его использования [9, с. 20].

Таким образом, предлоги – это слова, которые отражают определенные отношения в лингвистической системе. Эти отношения делятся на три основные категории: пространственные, временные и абстрактные. В то время как в русском языке для выражения этих отношений используются как падежные окончания, так и предлоги, английский полагается исключительно на предлоги из-за отсутствия падежных окончаний. Сочетание относительного значения предлогов с контекстом предложения порождает лексическое значение для ситуаций, включающих в себя пространственные, причинные и временные связи. Следует подчеркнуть возможность тесной связи между предлогами и глаголами. Явление, контролируемое предлогом, следует рассматривать как расширение структурной единицы «глагол-предлог». Предлоги иногда могут действовать исключительно как грамматические инструменты в синтаксических структурах, их значения ясны и конкретны при выражении пространственных и временных отношений. Не следует ограничивать употребление предлогов исключительно построением глагольных и именных словосочетаний.

Прежде чем начать анализировать взаимодействие предлогов и их семантики с другими членами предложения, необходимо сделать несколько важных теоретических замечаний. Согласно В. Эванс, понимание семантики высказы-

вания содержит три основных компонента: семантика языковых форм, составляющих высказывание; неязыковое знание мира; контекстуальные подсказки. Смысл языковой формы в конечном счете заключается в индивидуальном понимании реальности, которое, по своей сути, неязыковое. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что должен существовать способ описания семантики лексической единицы в неязыковых терминах. В частности, такие ученые, как Дж. Лакофф, используют геометрические схемы для выяснения значений английских предлогов. Исследователи подчеркивают, что человеческая концептуализация визуальных сцен не соответствует принципам евклидовой геометрии. Вместо этого она тесно связана с человеческим телом и способами, которыми люди взаимодействуют со своей средой [10, с. 111]. Данная точка зрения подчеркивает важность воплощенного познания в понимании языка и смысла, подчеркивая, как наш физический опыт и взаимодействие формируют наши концептуальные рамки. Важно понимать предлоги как часть чего-то большего, чем просто соединители между глаголами и объектами. Они предоставляют важную информацию о пространственных и динамических отношениях внутри высказывания, обогащая наше понимание того, как язык передает тонкие, детализированные и привязанные к контексту значения.

Глагол, выражающий движение, сочетается с предложной фразой, выражающей близость или достижение конечной точки. Направленность в данном случае – это связь между ними, которая возникает при сочетании поступательного движения с информацией о близости к конечной точке или ее достижении. Подобное взаимодействие образует ориентированное движение в определенном направлении. Аналогичные интерпретации возникают, когда указываются начальное и конечное местоположение пути. Глагол, имеющий значение движения семантически связан с предложной фразой (*prepositional phrase* PP), по смыслу образуя совместно с ней значение ориентированного движения, направления. Предлоги при этом не обязательно должны иметь значение направленности, но зачастую имеют значение пути. Компонент манеры движения важен для объяснения того, может ли глагол сочетаться с позиционирующей предложной фразой, чтобы выразить движение траектора к конечному местоположению. Совместимость здесь определяется не наличием или отсутствием двигательного компонента, а его характером. Совместима манера движения, которая понимается как плавная, единая, непрерывная, в то время как

манера движения, которая понимается как повторяющаяся серия движений, таковой не является. Многие английские глаголы, участвующие в таких конструкциях, имеют как переходный, так и непереходный варианты.

В качестве лексического материала для исследования нами были использованы образцы предложений, содержащих в себе английский предлог «over» в различных контекстах. Материал был собран с новостных веб-сайтов BBC и NBC News, из статей публицистического характера за 2022–2023 гг. Он был скомпонован и проанализирован при помощи онлайн-словарей Oxford English Dictionary, Cambridge Dictionary, Merriam-Webster dictionary и предоставленного ими инструментария.

Общее количество упоминаний слова «over» в статьях сайта BBC.com за 2022–2023 гг. исчисляется более чем 143000 случаев, однако критерии поиска включают все части речи, не ограничиваясь предлогами. Схожая ситуация с поиском по сайту Nbcnews.com, где цифра совпадений будет более 108000 случаев, включая все части речи. Для сравнения Oxford English Dictionary содержит 55738 совпадений для слова «over» по всем фразам его содержащих, в то же время только 367 являются непосредственно предлогами.

Cambridge Dictionary дает следующую трактовку значения предлога «over»: «above or higher than something else, sometimes so that one thing covers the other». – ‘находящееся выше или над чем-то другим, иногда таким образом, чтобы накрывать другую вещь’. Как мы можем видеть, здесь отсутствует передача значения движения и характер движения предлога по дуге. Прочие трактовки определяют «over» в значении ‘выше, находящееся над чем-либо или находящееся на поверхности чего-либо’. Обе данные трактовки могут быть использованы в прямом и переносном значении. Кроме того, имеется значение «over» в движении, преодолении пространства, проходя определенный путь, маршрут или через другой объект. Также нельзя игнорировать трактовку предлога, связанную со временем, прохождением пути не в пространственном, но во временном значении.

Богатая семантика предлога «over» ставит его в позицию, близкую по смыслу к другим предлогам в зависимости от контекста. С предлогом «above» в значении ‘выше’, с предлогом «across» в значении ‘через’, с предлогом «on» в значении ‘на’. Продемонстрируем данное наблюдение в примерах ниже.

«Import taxes are about to rise over 24 %» [11]. – ‘Импортные пошлины вскоре вырастут более чем на 24 %’.

«New arrivals are expected to rise above the competition» [Там же]. – ‘Ожидается, что новые поступления превзойдут конкурентов’.

«Pilot spotted slumped over in plane chased by fighter jets over D. C. before it crashed» [12]. – ‘Пилот, замеченный без сознания в самолете, был преследуем истребителями над округом Колумбия, прежде чем самолет потерпел крушение’.

«Merchandize had to be moved across the country» [12]. – ‘Товары пришлось перевозить через всю страну’.

«We placed the data centres over the signal bubble» [11]. – ‘Мы разместили центры обработки данных над областью сигнала’.

«Students will place the objects on top of the chairs» [Там же]. – ‘Студенты поставят предметы на стулья’.

Отдельного упоминания стоит словосочетание «over and above», часто фигурирующее как в прямом, так и переносном смысле. Примеры – ниже.

«They went over and above call of duty» [12]. – ‘Они сделали все и даже больше, чем требовал от них долг’.

«Under the new guidelines, borrowers using the limited loan can borrow up to \$75,000 over and above their mortgages» [11]. – ‘Согласно новым правилам, заемщики ограниченных кредитных программ могут занять до 75 000 долларов сверх своей ипотеки’.

Предлог «over», по своей сути, подразумевает взаимодействие между точкой расположения и траекторией движения. Следует подчеркнуть, что лингвистические знания об объектах и их типичных взаимодействиях играют жизненно важную роль в точной интерпретации утверждений. Несмотря на эти общие точки зрения, существуют значительные различия в том, как можно трактовать механизмы интерпретации и производства высказываний. Семантику предлога «over» можно передать различным образом, конструируя структуры для соединения различных значений, связанных с данным предлогом. Рассмотрим следующее предложение:

«The man leaned over the window» [11]. – ‘Мужчина наклонился через окно’.

Проанализировав данное предложение, содержащее предлог «over», мы приходим к выводу, что объект, выполняющий действие, пересекает определенную область, покрывая путь. Информация о траектории движения является неотъемлемой частью семантической структуры

предлога «over». В этом контексте глагол и объект дополняют подробную спецификацию, предоставляемую предлогом. Можно сделать предположение, что центральное значение «over» охватывает понятие движения по дугообразной траектории, которая проходит над определенной точкой отсчета или ориентиром. Эта основная концепция подразумевает, что предлог «over», по своей сути, описывает пространственное отношение, где объект следует по изогнутой траектории, которая преодолевает определенную точку в пространстве. Приведем примеры.

«*The sun now sunk below the horizon, twilight fell over the landscape*» [12]. – ‘Солнце уже скрылось за горизонтом, на землю опустились сумерки’.

«*New Hampshire Democrats weigh whether to cross over and vote*» [Там же]. – ‘Демократы Нью-Гэмпшира размышляют, стоит ли пересекать границу и голосовать’.

«*Man seriously hurt after tripping over pet kitten*» [11]. – ‘Мужчина получил серьезную травму, споткнувшись об котенка’.

«*The bird flies over the tree*» [Там же]. – ‘Птица летит над деревом’.

В четвертом предложении из вышеперечисленных предлог «over» передает, что траектория полета птицы (bird) пролегает над деревом (tree), указывая не только на пространственное положение, но и на характер движения. Это демонстрирует, как «over» инкапсулирует сложное взаимодействие пространственной динамики и движения, подчеркивая богатое семантическое содержание предлога. Наличие значения движения по дуге, однако, не исключает наличие дополнительной смысловой модификации траектора или ориентира. В примере «*One or two bears, who have wandered over from Trentino*» использование предлога «over» совместно с предлогом «from» позволяет дополнительно выделить точку отправления.

Использование предлога «over» может зависеть не только от вертикального расположения объектов, указания позиции одного объекта сверху другого, но и от функции обеспечения защиты от внешних воздействий в случае, когда предлог используется в значении покрытия. Данная семантика прослеживается в следующих примерах ниже.

«*Two small white beds, the sheets turned down over quilted satin eiderdowns*» [12]. – ‘Две небольшие белые кровати, простыни застелены поверх стеганых атласных одеял’.

«*A pale blue eye with a film over it*» [Там же]. – ‘Покрытый пеленой бледно-голубой глаз’.

Мы предполагаем, что значение движения, обычно связанное с высказываниями, включающими определенные предлоги, к которым, в частности, относится «over», передается не исключительно предлогом, глаголом или их сочетанием. Семантический компонент содержится во всем предложении как в едином целом, где смысл исходит не от одного отдельного элемента, а от сочетания нескольких элементов, в котором контекст предложений порождает определенные трактовки, отличающиеся от традиционно ассоциирующихся с рассматриваемым предлогом. Существуют как трактовки, подразумевающие физическое выполнение того или иного действия, так и трактовки, где такое не подразумевается. Примером могут послужить следующие предложения:

«*To jump over a hedge*» [Там же]. – ‘Перепрыгнуть через изгородь’.

«*To cry over spilt milk*» [Там же]. – ‘Плакать над пролитым молоком’ (дословный перевод).

Высказанное ранее предположение о том, что определенные предлоги способны самостоятельно передавать движение, не работает относительно предлога «over». Более вероятно, что значение движения (sense of movement) следует из природы деятельности, в которой предлог участвует, природы траектора и природы ориентира. То есть сложная концептуализация, которая возникает, обусловлена интеграцией предложенных элементов, интерпретируемых через наши знания о мире. Следовательно, информация, которая приводит к динамической трактовке, распределена по всему предложению, а не обусловлена исключительно предлогом. Примеры с градацией, демонстрирующей зависимость семантического компонента от связки предлога и глагола, представлены ниже.

«*They moved over there*» [11]. – ‘Они подвинулись туда’.

«*They thought it over*» [Там же]. – ‘Они это обдумали’.

«*They were over there*» [Там же]. – ‘Они были там’.

«*People over 40 often have pets*» [12]. – ‘У людей старше 40 лет часто бывают домашние животные’.

«*ChatGPT banned in Italy over privacy concerns*» [11]. – ‘ChatGPT запрещен в Италии из-за проблем с конфиденциальностью’.

Как можно судить из примеров, значение движения (sense of movement), присутствующее в первом предложении, имеет метафорический характер движения во втором (движение мысли) и пропадает в третьем и четвертом предложениях. Рассмотрим еще два предложения.

«*They fought over the wealth of carrion*» [11]. – ‘Они дрались за добычу падальщиков’.

«*There was bias among buyers over their tendencies*» [Там же]. – ‘Среди покупателей существовала предвзятость относительно их тенденций’.

В данных примерах предлог «over» не будет иметь значение движения – скорее, горизонтальной ширины распространяемого глаголом действия, что соответствует общему смыслу предлога. Отметим, что в предложениях отсутствует явный физический ориентир и ввиду этого трудно проследить траекторию движения. Возьмем также в качестве примера следующее предложение:

«*I walked over the field*» [12]. – ‘Я прошелся по полю’.

В данном случае мы можем видеть наличие траектора (I), ориентира (field), и можно составить траекторию движения. Однако сохраняется и горизонтальное растяжение, создаваемое предлогом, и, соответственно, передача значения движения и растяжения не конфликтуют друг с другом.

Английский предлог «over» также используется в математике для обозначения деления одного числа на другое. Можно сделать предположение, что в подобных случаях значение движения полностью отсутствует, центральный смысл будет иметь горизонтальная ширина. Примеры представлены ниже.

«*One over two is 0,5*» [11]. – ‘Один разделенный на два равно 0,5’.

«*Let it be a function over the reals*» [Там же]. – ‘Возьмем функцию от действительных чисел’.

Мы также предлагаем проанализировать несколько предложений, представляющих различные значения слова «over» в визуализации пространственной схемы. Данные схемы включают наличие или отсутствие контакта между словами. Следует отметить, что такие подходы с полной спецификацией к пространственным частицам вытекают из неявного предположения, что пространственное реляционное значение передается локативной частицей [10, с. 130]. Первичный анализ предлога «over» показывает, что в подобных примерах сочетаемость пары слов вносит решающий вклад в форму фразы.

«*Sam climbed over the wall*» [12]. – ‘Сэм перелез через стену’.

«*The bird flew over the wall*» [11]. – ‘Птица пролетела над стеной’.

Проанализировав данные примеры предложений, мы видим две различные ситуации взаимодействия, основанные на контакте между траектором и ориентиром. В первом случае контакт между ними присутствует, во втором его нет.

Относительно использования предлога «over» в контексте времени мы можем наблюдать полное отсутствие физического выполнения движения несмотря на то, что можно проследить траектор, ориентир и в отдельных случаях пройденный путь. Примеры в контексте времени приведены ниже.

«*He has been wrong on nearly every major foreign policy and national security issue over the past four decades*» [12]. – ‘За последние четыре десятилетия он ошибался почти во всех важных вопросах внешней политики и национальной безопасности’.

«*Can Olympians treat themselves over the Christmas break*» [Там же]. – ‘Могут ли олимпийцы побаловать себя во время рождественских каникул?’

Таким образом, семантическое поле английского предлога «over» регулируется определенными правилами, описать которые можно при помощи понятий «траектор», «ориентир» и «путь», предложенных Р. Лангакером. Наблюдая изменения смысла фраз при взаимодействии предлогов с глаголами движения, мы приходим к выводу, что предлоги не обязательно должны обладать непосредственно значением движения, которое передается комбинацией нескольких членов предложения. Некоторые аспекты, связанные с движением, однако могут быть переданы предлогом «over» без взаимодействия с другими членами предложения – в частности, характер движения и горизонтальное растяжение. Одновременно с этим смысл контакта-траектора во время движения зависит, скорее, от самого слова-траектора. Подобный анализ функционирования предлога на семантическом уровне позволяет обосновать его сочетаемость с другими членами предложения и выбор подходящего предлога в паре с глаголом движения с точки зрения синтагматики.

Список источников

1. Языкознание: большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1998. 683 с.
2. *Cossey F. de*. Курс общей лингвистики / Пер. с франц. под ред. А. А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
3. *Исаева З. Т.* Синтагматика и парадигматика как типы отношений и связи языковых единиц в современной лингвистике // *Новости образования: исследование в XXI веке*. 2023. № 1 (9). С. 99–103.
4. *Langacker R.* An introduction to cognitive grammar // *Cognitive science*. 1986. No. 10 (1). P. 1–40.
5. *Cienki A.* Schemas in Cognitive Linguistic Theory and in Gesture Studies // *Ten Lectures on Spoken Lan-*

guage and Gesture from the Perspective of Cognitive Linguistics. Leiden: Brill. 2017. Vol 7. P. 49–68.

6. Evans V., Pickering L. *Language Learning, Discourse and Cognition*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2018. 327 p.

7. Coventry K., Gudde H., Diessel H. et al. Spatial communication systems across languages reflect universal action constraints // *Nature human behaviour*. 2023. 7 (12). URL: <https://www.nature.com/articles/s41562-023-01697-4.pdf> (дата обращения: 27.09.2024).

8. Rice S. Aspects of prepositions and prepositional aspect // *Proceedings of the International Cognitive Linguistics Conference*. Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 1999. P. 225–247. URL: https://www.researchgate.net/publication/284284195_Aspects_of_prepositions_and_prepositional_aspect (дата обращения: 26.09.2024).

9. Herskovits A. *Language and Spatial Cognition. An Interdisciplinary Study of the Prepositions in English*. London: Cambridge University Press, 1986. 220 p.

10. Lakoff G. *The neural theory of language // Ten Lectures on Cognitive Linguistics*. Leiden: Brill, 2018. P. 110–135.

11. BBC News Online. URL: <https://www.bbc.com> (дата обращения: 28.30.2024).

12. NBC News. URL: <https://www.nbcnews.com> (дата обращения: 28.30.2024).

References

1. *Yazykoznanie: bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* (1998) [Linguistics: An Encyclopedic Dictionary]. Pod red. V. N. Yartsevoi. 683 p. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian)

2. Sossyur, F. de. (1977). *Kurs obshchei lingvistiki*. [General Linguistics Course]. Per.s frants. pod red. A. A. Kholodovicha. 695 p. Moscow, Progress. (In Russian)

3. Isaeva, Z. T. (2023). *Sintagmatika i paradigmatika kak tipy otnoshenii i svyazi yazykovykh edinits v sovremennoi lingvistike*. [Syntagmatics and

Paradigmatics as Types of Relations and Connections of Linguistic Units in Modern Linguistics]. *Novosti obrazovaniya: issledovanie v XXI veke*. No. 1(9), pp. 99–103. (In Russian)

4. Langacker, R. (1986). *An Introduction to Cognitive Grammar*. *Cognitive Science*. 116 p. No. 10(1), pp. 1–40. (In English)

5. Cienki, A. (2017). *Schemas in Cognitive Linguistic Theory and in Gesture Studies*. *Ten Lectures on Spoken Language and Gesture from the Perspective of Cognitive Linguistics*. Leiden, Brill. Vol 7, pp. 49–68. (In English)

6. Evans, V., Pickering, L. (2018). *Language Learning, Discourse and Cognition*. 327 p. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company. (In English)

7. Coventry, K., Gudde H., Diessel H. et al. (2023). *Spatial Communication Systems across Languages Reflect Universal Action Constraints*. *Nature Human Behaviour*. No. 7(12). URL: <https://www.nature.com/articles/s41562-023-01697-4.pdf> (accessed: 27.09.2024). (In English)

8. Rice, S. (1999). *Aspects of Prepositions and Prepositional Aspect*. *Proceedings of the International Cognitive Linguistics Conference*, pp. 225–247. Berlin and New York, Mouton de Gruyter. URL: https://www.researchgate.net/publication/284284195_Aspects_of_prepositions_and_prepositional_aspect (accessed: 26.09.2024). (In English)

9. Herskovits, A. (1986). *Language and Spatial Cognition. An Interdisciplinary Study of the Prepositions in English*. 220 p. London, Cambridge University Press. (In English)

10. Lakoff, G. (2018). *The Neural Theory of Language*. *Ten Lectures on Cognitive Linguistics*. Pp. 110–135. Leiden, Brill. (In English)

11. BBC News Online. URL: <https://www.bbc.com> (accessed: 28.30.2024). (In English)

12. NBC News. URL: <https://www.nbcnews.com> (accessed: 28.30.2024). (In English)

The article was submitted on 15.11.2024

Поступила в редакцию 15.11.2024

Габитов Азат Ирекович,
старший преподаватель,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
gabit.azat@gmail.com

Gabitov Azat Irekovich,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
gabit.azat@gmail.com

УДК 811.133.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-48-52

**К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СУБСТАНТИВОВ,
ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЧЕЛОВЕКА, В РОМАНЕ-ЭССЕ М. УЭЛЬБЕКА
«РАСШИРЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА БОРЬБЫ»**

© Илона Галеева

**ON THE ISSUE OF THE SUBSTANTIVES' FEATURES
CHARACTERIZING THE PERSON IN M. HOUELLEBECQ'S NOVEL-
ESSAY "EXPANSION OF THE SPACE OF STRUGGLE"**

Iлона Galeeva

The subject of study of this article is the substantives, which represent the name of a person in the novel-essay by M. Houellebecq "Expansion of the Space of Struggle." The work examines the word formation and stylistic originality of the substantives that characterize both the appearance of the characters and their material and spiritual life, professional activities and social status, racial-ethnic differences and other features. The substantives have been divided into groups and lexical-thematic classes, based on their derivational peculiarities. The main focus is on morphological word formation, in which the base of the word is modified using various formal means. The substantives, denoting names of individuals, are chosen as the subject of our study due to the growing interest in humans as a system that reflects various aspects of their existence. Thanks to substantives, one can vividly and emotionally describe a person. A significant number of lexemes in the analyzed work that characterize a person's appearance have a negative connotation, which is due to the writer's desire to give his characters a negative description. The suffixes of subjective evaluation are widely used by the author and add the appropriate color to the lexemes. The results of the study may prove useful in examining the features of M. Houellebecq's literary language and in the linguistic analysis of his works.

Keywords: anthropolexemes, morphemic word formation, evaluative suffixes, productivity, lexical and thematic group, evaluative component

Предметом изучения в данной статье являются субстантивы, представляющие собой наименование лица, в романе-эссе М. Уэльбека «Расширение пространства борьбы». В работе исследуется словообразовательное и стилистическое своеобразие субстантивов, демонстрирующих характеристику как внешности персонажей, так и их материальной и духовной жизни, профессиональной деятельности и социального статуса, расово-этнических различий и прочих признаков. С учетом особенностей словообразования субстантивы были поделены на группы, лексико-тематические классы. Основное внимание направлено на морфологическое словообразование, при котором изменяется основа слова с помощью разнообразных формальных средств. Выбор в качестве исследования субстантивов, обозначающих наименование лица, обусловлен возрастающим интересом к человеку как системе, отражающей различные стороны его существования. Благодаря субстантивам можно красочно и эмоционально описать человека. Значительное количество лексем, характеризующих внешность человека в анализируемом произведении, имеют негативную оценку, что обусловлено стремлением писателя дать отрицательную характеристику своим персонажам. Суффиксы субъективной оценки достаточно широко употребляются автором и придают лексемам соответствующий колорит. Результаты исследования, возможно, окажутся полезными при изучении особенностей литературного языка М. Уэльбека, при лингвистическом разборе его произведений.

Ключевые слова: антрополоксеммы, морфемное словообразование, оценочные суффиксы, продуктивность, лексико-тематическая группа, оценочный компонент

Для цитирования: Галеева И. К вопросу об особенностях субстантивов, характеризующих человека, в романе-эссе М. Уэльбека «Расширение пространства борьбы» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 48–52. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-48-52

В современной лингвистике все больший акцент делается на изучение различных аспектов жизни, где отправной точкой является человек. По тонкому наблюдению В. М. Богуславского, «образ человека, его внешность и духовный мир – ядро каждой национальной культуры, системы ее ценностей. Эти эстетические ценностные представления – результат накопления всех человеческих знаний и опыта за весь период развития данной культуры. Вот почему человековедческий, или антропоцентристский, подход становится в настоящее время основным во всех дисциплинах гуманитарного профиля, в том числе и языкознании» [1].

Согласно А. Вежбицкой, «язык антропоцентричен: он предназначен для человека, и вся языковая категоризация объектов и явлений внешнего мира ориентирована на человека» [2, с. 27].

Художественное произведение неразрывно связано с человеком и различными аспектами его жизни. В центре внимания – желания, стремления, эмоциональное благополучие человека. Этим объясняется антропоцентризм и в литературном творчестве, изучению которого посвящены труды многих ученых – В. В. Виноградова, Е. А. Бахтина, Ю. Н. Поповой, Ю. М. Калининой [3], Л. И. Комаровой [4], Н. В. Чесноковой [5], Л. Н. Чурилиной [6] и многих других.

Произведения современного французского поэта, романиста, публициста Мишеля Уэльбека [7], являющегося знаковой фигурой французской литературы, одним из «значительных писателей современности», «литературным маргиналом» [8, с. 7], – богатый, выразительный материал с точки зрения лингвистической характеристики героев, и роман-эссе «Расширение пространства борьбы», содержащий выразительное описание одиночества и невыносимой боли мужчины, сталкивающегося с обществом и внешним миром, представляет в этом отношении особый интерес.

Анализируемые субстантивы-характеристики лица были поделены на две группы по признаку производности: 1) непроеводные субстантивы; 2) морфологические проиэводные субстантивы, в том числе образованные при помощи суффиксов субъективной оценки;

Группу непроеводных составили: существительные, относящиеся к соматической лексике: *sa peau* ('ее кожа'), *le ventre* ('живот'), *ses épaules* ('ее плечи') и др., например: *De temps en temps elle lui caressait les plumes du ventre, d'une main négligente...* [7, с. 7]; существительные, обозначающие лицо по полу и родству: *une fille* ('девушка'), *les mecs* ('мужчины'), *femmes* ('женщины'), *un fils* ('сын'), *le père* ('отец'), *sa mère* ('его мат'ь), например: *...c'est une femme assez âgée,*

avec des lunettes [Там же, с. 57]; субстантивы-наименования лица по национальности, расово-этническому признаку: *un Noir* ('негр, черный'), *Juif* ('еврей'), *Arabes* ('арабы'), например: *Non loin de moi dans la voiture, un Noir écoute son Walkman...* [Там же, с. 82]; наименования лица по профессии, роду деятельности: *le chef* ('начальник'), *l'auteur* ('автор'), *le maire* ('мэр'), например: *C'est le futur chef du service informatique...; Je ne sais pas qui est le maire...* [Там же, с. 68].

Кроме обозначенных имен существительных, в группу непроеводных была включена лексема, обозначающая физическое состояние тела – *un mort* ('труп, мертвый человек'), например: *De temps en temps on en retrouve un mort...* [Там же, с. 131].

Приведенная выше лексика представлена нейтральными лексемами, не содержащими в своей семантике дополнительных наращений смысла и лишь идентифицирующими лицо. Эмоциональную, живую окраску они приобретают благодаря определяющим их прилагательным. Яркими примерами могут служить: *cul nu* ('голый зад'), *jambes poilues* ('мохнатые ноги'), *une main négligente* ('небрежная рука') и др.

Наиболее многочисленную группу наименований лица представляют проиэводные существительные.

Проеводные субстантивы. Как известно, во французском словообразовании выделяют такие способы словообразования, как аффиксация (*dérivation*), включающая префиксацию (*préfixation*) и суффиксацию (*dérivation suffixale*), а также парасинтез (*dérivation parasynthétique*), словосложение (*composition*); конверсия (*dérivation impropre ou conversion*); сокращение (*abréviation*). Французскими лингвистами выделен ряд суффиксов, с помощью которых образуются антропонимические существительные. Среди них: *-eur*; *-ier*; *-ain*; *-ard*; *-asse*; *-iste* и др. [9]

Примером словосложения как одного из способов морфологического словообразования являются французские существительные *médecin-chef* ('главный врач'), *analyste-programmeur* ('аналитик программист'). Характерной семантической особенностью подобных сложных слов является мотивированность более чем одним признаком.

Анализируемые субстантивы, представляющие собой морфологические проиэводные имена существительные, были поделены на группы на основе словообразовательной модели.

Словообразовательная модель *V* + *-eur/-ateur*, например: *Gérard Leverrier*

était administrateur à l'Assemblée nationale... [7, с.101]. Наиболее употребительным суффиксом, характеризующим человека через его деятельность, является *-eur* и его вариант *-ateur*. В анализируемом произведении встречается значительное количество существительных, означающих профессию, род деятельности, сформированных в результате субстантивации глагола. Значительно реже производные с суффиксом *-eur* образуются от существительных [10, с. 51]. В случае, когда отглагольное существительное обозначает деятеля, образуется семантическая транспозиция. При аффиксальном способе словообразования суффикс присоединяется к производящей основе слова. Существительные *administrateur, penseurs, pêcheurs, inspecteur, chauffeur* являются отглагольными. Такие субстантивы образуются от глаголов I группы на *-er*: *administrer* – администрировать, управлять, ведать, заведовать – *administrateur* – администратор; *penser* – думать, предполагать – *penseur* – мыслитель; *pêcher* – удить рыбу – *pêcheur* – рыбак; *inspecter* – инспектировать, надзирать – *inspecteur* – инспектор. Необходимо отметить продуктивность обозначенной выше словообразовательной модели в целом в литературе [Там же, с. 52] и в анализируемом произведении, в частности. Например: *L'espèce des penseurs de l'informatique, à laquelle appartenait Jean-Yves Fréhaut...* [7, с. 43]; *On imagine très bien l'ancienne vie des pêcheurs sablais...* [Там же, с. 107]; *L'inspecteur qui tapa mon dépôt de plainte avait à peu près mon âge* [Там же, с. 22]; *...servir à payer les aides gouvernementales aux agriculteurs...; ...avoir donné un pourboire au chauffeur...* [Там же, с. 106]. Существительное *chauffeur* обозначает человека, который управляет автомобилем или другим транспортным средством, и происходит от глагола *chauffer*, связанного с процессом нагрева, что исторически связано с работой паровых машин, где нужно было «нагревать» котлы.

Словообразовательные модели *N + -eur*, *N + -ier (-ière)*, например: *...il était ferrailleur près de Trilport...* [Там же, с. 88]; *La femme du couple était infirmière* [Там же, с. 67]. Лексема *Ferrailleur* образована от существительного *ferraille* – металлолом + суффикс *-eur*. В данном случае суффикс указывает на человека, который работает с металлом.

Между производными существительными на *-ier* со значением действующего лица и существительным на *-erie* с обозначением сферы деятельности существует семантическое соотношение. В романе встречаются названия *l'ébénisterie*,

l'ingénierie: Le véritable sycomore est un arbre apprécié en ébénisterie... [Там же, с. 20].

В русском переводе слово *ébénisterie* имеет значение «деятель, представитель профессии», в то время как в оригинале данное слово означает «изготовление столярных изделий, ремесло краснодеревщика» (не деятеля).

Семы, обозначающие морально-этические нормы поведения в романах М. Уэльбека, отличаются обилием пейоративов. В частности, в романе «Расширение пространства борьбы» можно наблюдать не просто прямые наименования, а субстантивы и субстантивные сочетания с отрицательным экспрессивно-оценочным значением.

Словообразовательная модель: *N + -ard (-asse)*. Наиболее эффективным словообразовательным средством выражения эмоциональной окраски во французском языке является суффикс *-ard*. Проблемой соотношения словообразовательного и лексического уровней языка занимались многие ученые. К примеру, Е. М. Чекалина считает, помимо *-ard*, следующие суффиксы как оценочные средства в системе существительных и прилагательных во французском языке: *-eux, -esque, -asse, -aud, -ache, -iste, -isme*. Сюда же она включает уменьшительные форманты *-et (elet), -ot, -on* [11, с.73]. Подробным анализом семантики производных, образованных суффиксом *-ard*, занималась и В. В. Метелева [12, с. 25]. Для производных с *-ard* наиболее характерно выражение отрицательного отношения к предмету оценки: *une bande de zonards* ('банда хулиганов, хулиганье'), *loubards* ('хулиганы, шпана'), *semi-clochards* ('полубродяги') [13, с. 75]. Особый интерес в плане словообразования представляет *semi-clochards*, так как данный субстантив образован путем парасинтеза, или префиксально-суффиксальным способом (одновременного присоединения префикса *semi-* и суффикса *-ard* к производящей основе).

Арготическое существительное *salope* ('шлюха') происходит от старофранцузского *salop*, что означало «грязный, неопрятный». В свою очередь, это слово связано с латинским *salvus* ('целый, здоровый'), но в лексеме *salope* оно приобрело негативное значение [13, с. 109]. В романе мы встречаем вот такой пример: *Cette salope (comment la qualifier autrement?)* [7, с. 104]. Заметим, что мужской вариант *salopard* ('негодяй, мерзавец') имеет в своем составе суффикс *-ard*.

В состав антропонимической лексики М. Уэльбека входят субстантивы разной стилевой принадлежности, включая арготизмы и вульгаризмы, выходящие за рамки литературной нормы. Ярким примером может служить описание де-

вушки: *À un moment donné il y a une connasse qui a commencé à se déshabiller* [7, с. 5].

Une connasse являет собой пример лексического приращения: к семантике производящей основы добавлен оценочный компонент. Зачастую дает отрицательную характеристику: *une connasse* (от существительного *con* ('дурак, идиот') *connard* - *connasse* ('стерва') [13, с. 38] – оскорбительное название девушки. Уничижительный суффикс *-asse* встречается также в следующем примере: *Pendant ce temps, l'autre pétasse leur montrait des quittances de loyer.* [7, с. 105]. Лексема *Pétasse* ('сука', 'стерва', 'дрянь'), как и многие существительные, обозначающие лицо в произведениях М. Уэльбека, относится к арго.

Словообразовательная модель *N + -iste* выражает субъектность лица в связи с определяющим предметом: *dent* (зуб) + *-iste* = *dentiste*:

Près de l'étalage d'un marchand de gaufres, j'ai sympathisé avec un dentiste.. [7, с. 108].

Кроме того, суффикс *-iste* может характеризовать лицо по принадлежности к общественным и другим организациям: *anarchistes, surrealistes, grévistes* ('бастующие'). Следует отметить, что производные на *-iste* – это только антропонимы или прилагательные.

Довольно продуктивным является суффикс *-ant*, служащий для обозначения лица, например, по физическому состоянию: *des agonisants* ('умирающие'); по образу жизни: *des mendiants* ('нищие, попрошайки, побирушки').

Название жителей стран, местности, наименования лица по национальности, месту проживания выражены суффиксами *-ain (-aine); -on (-onne)*, например: *À la messe, je n'ai jamais réussi à dépasser cinq personnes: quatre Africaines et une vieille Bretonne* [Там же, с. 138]. *Africaines, Bretonne* являются отадеквативными существительными.

В следующем примере: *Je passerais aussitôt pour un plaisantin, voire un anormal ou un guignol...* [Там же, с. 9] лексема *un anormal* является отадеквативным существительным (конверсия), наименованием лица по признаку, названному основой производящего качественного прилагательного (*anormal* – 'ненормальный, аномальный, необычный'). Представляет собой соединение префиксальной морфемы *a-* + *normal*. Греческий префикс *a-* обозначает отрицание (противоречащий правилу или образцу, неправильный). Необходимо отметить, что префиксация является относительно менее продуктивным способом словообразования наименований лица во французском языке. Так же в качестве примера конверсии следует привести лексе-

мы *l'intéressé* ('виновник'), *les mariés* ('новобрачные'), наименования лиц по гражданскому состоянию. Французское прилагательное *intéressé* переходит в существительное *l'intéressé* без изменения своей фонетической формы. Данный способ словообразования, как и сокращение, и аббревиация, транслирует стремление к экономии языковых средств.

Суффикс *-ette* является одним из диминутивных, однако некоторые французские субстантивы с уменьшительными суффиксами очень часто перестают восприниматься как уменьшительная форма других слов и начинают функционировать как новые самостоятельные слова (лексикализация деминутивов), как в примере наименования лица по цвету волос: *une brunette*.

В романе присутствуют наименования лица по происхождению, национальности, выраженные целыми словосочетаниями: *Manifestement d'origine provençale, il avait une alliance* [Там же, с. 22]; *Thomassen est d'origine suédoise...* [Там же, с. 62].

Таким образом, субстантивы, характеризующие лицо, в романе М. Уэльбека «Расширение пространства борьбы» – это достаточно разнообразный пласт лексики, представленный как производными, так и морфологическими производными субстантивами. Морфологические производные субстантивы продемонстрированы словообразовательными моделями, наиболее продуктивными из которых являются: *V + -eur/-ateur, N + -eur, N + -ier (-ière); N + -iste*. В анализируемом романе для характеристики лица также широко употребляются лексемы, образованные по модели *N + -ard (-asse)*.

Суффиксы субъективной оценки достаточно широко употребляются автором и создают соответствующий колорит.

Условные сокращения:

V – глагол
N – существительное

Список источников

1. Богуславский, В. М. Общее представление об оценках внешности человека из книги «Оценка внешности человека». URL: <http://vneshnii-oblik.ru/ysikosnanie/ocenka.html> (дата обращения: 18.07.2024).
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Мышление. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
3. Калинина Ю. М. Композиция художественного текста как средство выражения его антропоцентричности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Липецк, 2009. 24 с.
4. Комарова Л. И. Антропоцентризм художественного текста // Вестник Тамбовского университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 8 (64). С. 99–103.

5. Чеснокова Н. В. Антропоцентрическая концепция творчества С. Н. Сергеева-Ценского: лингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Тамбов, 2003. 24 с.

6. Чурилина Л. Н. Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: СПб., 2002. 40 с.

7. Michel Houellebecq “Extension du domaine de la lutte” @ Edition Maurice Nadeau, 1994.

8. Ногез Д. Уэльбек как он есть / пер. с фр. А. Финогоеновой. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 288 с.

9. Dubois J. Introduction à la lexicologie: le dictionnaire. Paris, Larousse, 1970, 361 p.

10. Катагощина Н. А. Как образуются слова во французском языке / Предисл. И. Б. Воронцовой. Изд. 4-е. М.: КомКнига, 2012. 112 с.

11. Чекалина Е. М. К проблеме становления оценочного значения аффикса // Вестник Ленинградского ун-та. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. Л., 1989. Вып. 4. С.73–78.

12. Метелева В. В. Соотношение словообразования с лексико-семантической системой языка (на материале производных с суффиксом -ard). Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. Вып. 114. М., 1977. С.12–30.

13. Попкова А. Е. Французско-русский и русско-французский словарь сленга. Свыше 20 000 слов, сочетаний, эквивалентов и значений. С транскрипцией. М.: Живой язык, 2013. 224 с.

References

1. Boguslavskii, V. M. *Obshchee predstavlenie ob otsenkakh vneshnosti cheloveka iz knigi “Otsenka vneshnosti cheloveka”* [General Idea about Assessing a Person’s Appearance from the Book “Assessing a Person’s Appearance”]. URL: <http://vneshnii-oblik.ru/ysikosnaniye/ocenka.html> (accessed: 18.07.2024). (In Russian)

2. Vezhbitskaya, A. (1997). *Yazyk. Kul'tura. Myshlenie* [Language. Culture. Thinking]. 416 p. Moscow, Russkie slovari. (In Russian)

3. Kalinina, Yu. M. (2009). *Kompozitsiya khudozhestvennogo teksta kak sredstvo vyrazheniya ego antropotsentrichnosti: avtoref. diss. ... k. filol. n* [The Composition of a Literary Text as a Means of Expressing

Its Anthropocentricity: Ph.D. Thesis Abstract]. Lipetsk, 24 p. (In Russian)

4. Komarova, L. I. (2008). *Antropotsentrizm khudozhestvennogo teksta* [Anthropocentrism of the Literary Text]. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. No. 8 (64), pp. 99–103. (In Russian)

5. Chesnokova, N. V. (2003). *Antropotsentricheskaya kontseptsiya tvorchestva S. N. Sergeeva-Tsenskiy: lingvisticheskiy aspekt: avtoref. diss. ... k. filol. n* [Anthropocentric Concept of S. N. Sergeev-Tsensky’s Work: A Linguistic Aspect: Ph.D. Thesis Abstract]. Tambov, 24 p. (In Russian)

6. Churilina, L. N. (2002). *Antropotsentrizm khudozhestvennogo teksta kak printsip organizatsii ego leksicheskoi struktury: avtoref. diss. ... d. filol. n* [Anthropocentrism of a Literary Text as a Principle of Organizing Its Lexical Structure: Doctoral Thesis Abstract]. St. Petersburg, 40 p. (In Russian)

7. Michel Houellebecq (1994). “*Extension du domaine de la lutte*” [“Expansion of the Space of Struggle.”]. Edition Maurice Nadeau. (In French)

8. Nomez, D. (2006). *Uel'bek kak on est'* [Houellebecq as He Is]. Per. s fr. A. Finogenovoi. 288 p. Ekaterinburg, U-Faktoriya. (In Russian)

9. Dubois, J. (1970). *Introduction à la lexicologie: le dictionnaire* [Introduction to Lexicology: A Dictionary]. 361 p. Paris, Larousse. (In French)

10. Katagoshchina, N. A. (2012). *Kak obrazuiutsia slova vo frantsuzskom yazyke* [How Words Are Formed in French]. Predisl. I. B. Vorontsovoi. Izd. 4-е. 112 p. Moscow, KomKniha. (In Russian)

11. Chekalina, E. M. (1989). *K probleme stanovleniya otsenochnogo znacheniya affiksa* [On the Problem of the Evaluative Meaning Formation of the Affix]. Vestnik Leningradskogo un-ta. Ser. 2. Istoriya, yazykoznanie, literaturovedenie. Leningrad. Vyp. 4, pp. 73–78. (In Russian)

12. Meteleva, V. V. (1977). *Sootnosheniye slovoobrazovaniya s leksiko-semanticheskoi sistemoy yazyka (na materiale proizvodnykh s suffiksom –ard)* [The Relationship between Word Formation and the Lexical-Semantic System of Language (based on derivatives with the suffix –ard)]. Sb. nauchnykh trudov MGPIIIa im. M. Toreza. Vyp. 114, pp. 12–30. Moscow. (In Russian)

13. Popkova, A. E. (2013). *Frantsuzsko-russkii i russko-frantsuzskii slovar' slenga* [French-Russian and Russian-French Slang Dictionary]. Svyshe 20 000 slov, sochetanii, ekvivalentov i znachenii. S transkripsiei. 224 p. Moscow, Zhivoy yazyk. (In Russian, in French)

The article was submitted on 05.09.2024

Поступила в редакцию 05.09.2024

Галеева Илона Андреевна,
старший преподаватель,
Казанский инновационный университет
им. В.Г. Тимирязева (ИЭУП),
420111, Россия, Казань,
Московская, 42.
galeevailona@mail.ru

Galeeva Iona Andreevna,
Assistant Professor,
Kazan Innovative University
named after V. G. Timiryasov (IEMU),
42 Moscovskaya Str.,
Kazan, 420111, Russian Federation.
galeevailona@mail.ru

УДК 81'373.613

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-53-58

«ТЕАТР УЖ ПОЛОН; ЛОЖИ БЛЕЩУТ...»: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

© Лариса Гордеева

“THE THEATRE’S FULL, THE BOXES GLITTER...” LINGUISTIC AND CULTURAL DESCRIPTION

Larisa Gordeeva

The article examines French borrowings, nominating the audience hall in theatrical terminology. We investigate the semantic history of linguistic modules related to the temple of art, the ones that affect such issues as interference and assimilation of linguistic units in written and oral speech. The relevance of the research is determined by the fact that the rapidly changing architecture of the spatial environment transforms the perception of personality in their awareness of spiritual values. A linguistic and cultural analysis was carried out in order to actualize the semiotic approach to architecture and reactivate the appeal to cultural heritage by studying the lexeme evolution in the sphere of art. In the study, we use the texts of the bilingual author and creator of the modern Russian literary language Alexander Pushkin, whose works contain the considered lexical units in the dynamics of the language system evolution at the semantic and phonetic levels. Our study also includes elements of comparative and contextual analyses (correlation of the analyzed phenomena in Pushkin’s context). The article presents a number of examples proving the historical relationship between the proto-language and the theatrical structure form, illustrating the phonographic and semantic changes of French units, and draws a parallel between the modern semantic complex and the archaic version of lexemes. Based on the results of the study, the article draws conclusions about the substitution of morphemic and non-morphemic segments in the process of contact between the French and Russian languages, presenting the most frequent variants of phonographic changes in the nomination of the auditorium. The results obtained are important for the revival of cultural values, the study of the lexeme interference in specific terminology and the activation of interest in both the work of A. Pushkin and theater building architecture.

Keywords: architecture, nomination, language unit, proto-language (prototype), sema

В статье рассматриваются французские заимствования, номинирующие зал для публики в театральной терминологии. Исследуется семантическая история лингвистических модулей, связанных с храмом искусства и затрагивающих такие вопросы, как интерференция и ассимиляция языковых единиц в письменной и устной речи. Актуальность исследования определяется тем, что стремительно меняющаяся архитектура пространственной среды трансформирует восприятие личности в осознании духовных ценностей. Лингвокультурологический анализ проведён с целью актуализации семиотического подхода к зодчеству и реактивации обращения к культурному наследию посредством изучения эволюции лексем сферы искусства. При исследовании мы будем использовать тексты автора-билингва, создателя современного русского литературного языка Александра Сергеевича Пушкина, в произведениях которого рассмотренные лексические единицы предстают в динамике эволюции системы языка на семантическом и фонетическом уровнях. Исследование также предполагает включение элементов сопоставительного и контекстуального анализов (соотнесение анализируемых явлений друг с другом в условиях пушкинского контекста). В статье приводится целый ряд примеров, доказывающих историческую взаимосвязь праязыка и формы театрального строения, иллюстрирующих фонографические и семантические изменения французских единиц, проведена параллель между современным семантическим комплексом и архаизированным вариантом лексем. На основе результатов исследования были сделаны выводы о субституции морфемного и неморфемного сегмента в процессе контакта французского и русского языков, представлены наиболее частотные варианты фонографических изменений в номинации зрительного зала, актуализация и пассивизация сем. Полученные результаты имеют важное значение для возрождения культурных ценностей, изучения интерференции лексем конкретной терминологии, активизации интереса как к творчеству А. С. Пушкина, так и к архитектуре театрального здания.

Ключевые слова: архитектура, номинация, языковая единица, праязык (прототип), сема.

Для цитирования: Гордеева Л. «Театр уж полон; ложи блещут...»: лингвокультурологическое описание // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 53–58. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-53-58

*Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла – всё кипит;
В райке нетерпеливо плещут,
И, взвизываясь, занавес шумит.*
«Евгений Онегин». А. С. Пушкин

Восприятие действительности, понятий и предметов носителем языка находит отражение в сфере кодификации, нормативных словарях и справочниках, субъективная составляющая которых представлена частотностью употребления определённых выражений в конкретный момент времени, где регулярность применения обусловлена наличием языковой личности со сформированным менталитетом и существующей культурой. Человек в этом случае является выразителем установленных норм, духовных ценностей и национальных традиций, передаёт нравы и обычаи общества, членом которого он выступает, посредством языка. Язык и человек – основные факторы когнитивного подхода, в котором как одно из направлений выделяется лингвокультурологическое, изучающее культурное наследие, модели и категории отдельных лингвистических систем. Описание процесса взаимодействия двух языков с опорой на историческую эпоху способствует выявлению не только грамматических и фонологических вариантов, но и позволяет отметить изменения, происходящие в обществе, когда каждая рассмотренная языковая единица выступает уже как комплексная культурема данной национальной группы.

«Потворство обычаям и кастовому различию публики и сформировало театр», – пишет историк архитектуры античных театров Г. К. Лукомский [1, с. 46]. В истории театра «на открытом воздухе» [Там же, с. 24] – площадка на земле доступна для «простого народа», *terre* – ‘земля’ а *par terre* – ‘к земле’ (франц. 1546 г.) [2, с. 706], в XVI – XVII вв. *партер* – это уже «стоячие места перед сценой» [3, с. 478]. Кресла в *партере* впервые появляются в театрах Англии XVII века, когда на спектакле присутствуют люди знатного происхождения. В России терминологизация лексемы *партер* в значении «ложи в театре» относится к 30-м гг. XVIII века [4, с. 384]. Что касается фонографического, грамматического и семантического обликов европеизма, то источники отмечают формы мужского и женского родов *партер* (1730) (*партера*) и *партера* (1753)

(*партеры*), соответственно, *партер* (1764), *партерр* (1765) и *партерра* (1769), наличие двойных согласных обусловлено передачей французского прототипа *parterre* и немецкого посредника *Parterre* в значении «Цветник, газон... клумба...» [5, 18, с. 217]. Представленная оппозиция родов, которая связана с французской *-e* в финали *-rre* (*партер* – *партера*), в русском языке может транслироваться как грамматическая категория двух видов (сравним: *кабинет* – *кабинета*, *туалет* – *туалета*, в обоих случаях наличие *-tte*). В то же время структура прототипа проецируется в языке-реципиенте в замену гласных *o* – *a* (*партер* – *партерр*) и варьирование согласных *p* – *pp* (*партер* – *партерр*). Такое чередование наблюдается и в следующих цитатах: «...Ѣзду имѣли по *партерам* в каретах и верхами ...» и «...Продаются ... в *партеррах* фигур ...» [Там же]. Обращает на себя внимание и тот факт, что здесь удвоение, возможно, связано с разными семами: *езду по партерам* → ‘по земле’ и *в партеррах* → ‘место’, так как фразы принадлежат к одному периоду (вторая половина XVIII века). В конце указанного века мы находим словосочетания *рукоплескания в партере*, *билет в партер*, где *партер* также ‘место’, но употребляется уже с одной *-p* [Там же]. Здесь же встречается и переносное значение «Зрители, занимающие места в этой части зала...» и определение *партерный* [Там же]. Места в *партере* в XVIII в. достаточно востребованны, на популярный спектакль большое количество зрителей собирается именно в пространстве от сцены до амфитеатра, подтверждение вышесказанному можно найти у писателя Андрея Болотова (1738 – 1833): «...набит был в сей раз таким множеством народа, что мы на силу могли с ним выгадать себѣ мѣстѣчко в *партерах*» [Там же]. В начале XIX века намечается сокращение фонографических моделей, удвоение нивелируется и остаётся лишь грамматическая вариативность *партера* или *партер* (следует отметить, что первым тезаурусы отмечают форму женского рода), при этом предметно-понятийная сфера практически не меняется, сохраняется и последовательность фиксирования в источнике, отражающая частотность употребления данной языковой единицы как «цветник» и далее «место между театром и амфитеатромъ», а завершающим в словарной статье является выражение «Самые зрители, сидящие вѣ партере»

[6, 3, с. 232]. К первой трети XIX века закрепляются грамматическая категория мужского рода и практически одноимённый семантический комплекс, раскрывающий театральную среду функционирования заимствованной единицы [7, 3, с. 294]. Пушкин отмечает, что *партерные зрители* – это «одни и те же лица», для которых «занять первые ряды абонированных кресел» – «условный этикет, нежели приятное отдохновение» («Мои замечания об русском театре») [8, с. 8]. На протяжении двух столетий полисемантичесность галлицизма представлена в двух основных понятиях как «цветник» и «место в театре», к тому же не нарушается и порядок фиксирования в словаре. В I половине XVIII века отмечается замена отдельных звуков, однако уже к середине XIX в. закрепляется фонетико-графический и грамматический тип слова. Корректируется значение уже после смерти писателя в 1847 г., где в церковно-славянском и русском словаре остаётся лишь терминологизация лексемы в области искусства, таким образом тезаурус перенимает сему «место», конкретизирует выражение «2) Зрители, сидящие в партере» и поясняет определение «Партерный – относящийся к партеру» [9, 3, с. 161]. Если мы перейдём к началу XX в., то и тут не заметим грамматического и фонографического варьирования [10, 3, стб. 52]. Другие же источники, в частности издание Г. К. Лукомского «Античные театры и традиции в истории эволюции театрального здания» 1913 г., свидетельствуют о том, что в данный период присутствует разнооформленность лексемы: *партерр*, *партеррные зрители* [1, с. 46]. Следовательно, можно предположить, что наличие вариативности сохраняется у носителей языка, несмотря на то, что тезаурусы закрепляют конфигурацию *партер* ещё в XIX в. В отношении современного употребления, к перечисленным семемам добавляется фр. *манеж*, используемый как спортивный термин при описании действий борца на ковре, а переносное выражение, применяемое ранее как нейтральный вариант, трансформируется в разговорный [11, с. 783]. В целом, на фонографическую форму галлицизма *партер* влияют французский и частично немецкий языки, фонологическая и орфографическая интерференция приводит к появлению моделей *партер*, *портер*, *партерр*, грамматическая, в свою очередь, – *партер* и *партера*. При звуковой ассимиляции влияние родного языка обусловлено русским аканьем, которое позволяет провести побуквенную транслитерацию французского источника *parterre* → *партер*, а популярная в XVIII–XIX вв. в светских кругах устная французская речь с вибрирующим г могла

способствовать графической редупликации в принимающем языке *партерр*.

Колебания в передаче двойных согласных – распространенное явление при интерференции двух и более языков, которое сохраняется в течение длительного времени. Вариативность намечается и у галлицизма *галерея*, номинирующего «верхний ярус в театре», хотя в праязыке и отсутствует удвоение фр. *galerie* (XIV в.) [2, с. 352], но оно фиксируется среди языков-посредников ит. *galleria*, *gallaria*, нем. *Gallerie*, голл. *galery*, *galdery*, пол. *galerya* [5, 5, с. 84], транслитерация применяется с ит. и нем. удваиванием *галерея* – 1699, *галлярея* – 1698, *галларея* – 1732, фр. и пол. *галерея* – 1705, *галарея* – 1706, *голерей* – 1708, *галерея* – 1709, *гелерея* – 1730, *галярея* – 1734, гол. с сохранением -d- *галдарей* – 1703, *галдерей* – 1775. Французский этимологический словарь выделяет у *Galilea* сему «крытый» [2, с. 352]. Уже в XVIII в. заимствование приобретает несколько функций, следует обратиться к адаптированному прилагательному *крытый*, семантический комплекс которого в указанный период моносемантичен, – это «имеющий крышу, крышку; с закрытым верхом»; как варианты представлены словосочетания с данным определением: *крытая улица*, *крытый переход*, *крытые ходы*, *крытая аллея*, *дорога (обсаженная деревьями с сомкнутыми кронами)*, *крытая шуба (с верхом из ткани)* [5, 11, с. 54]. Очевидно, что и французская *галерея* с архисемой «крытый» будет применяться в номинации тоннеля и может привести к образованию переносного значения «длинный ряд, вереница, собрание (чего?)» [7, 1, с. 461], например, *галерея картин* или *галерея 4-го яруса* (верхние места в театре), их обычно занимает персонаж произведения А. С. Пушкина «История села Горюхина» [7, 1, с. 461]. Без изменений языковая единица сохраняется до 50-х гг. XX столетия [12, 3, с. 22]. Впоследствии наблюдается сокращение русскоязычных эквивалентов до нем. *Gallerie* и франц. *galerie*, хотя у Д. Н. Ушакова и отмечен также итальянский источник *galleria* [10, 1, стб. 537–538], но он является лишь имитацией немецкого. Здесь же появляется и чередование *галерея* – *галлерей*, в 1913 г. литературные издания сохраняют -лл- – *галлерей театровъ* [1, с. 10]. Альтернатива наблюдается также в Словаре Д. Н. Ушакова (1934), С. И. Ожегова (1949 и 1952), отсутствие вариативности мы можем наблюдать лишь в академическом словаре 1954 года [12, 3, с. 22].

Комфортные условия для просмотра спектакля в театре «ранговым» зрителям создают *ложи*. В XVIII веке «ЛО А 1719, и, ж. Фр. *loge*, ит. *loggia*. 1. Место в театре, отделенное для не-

скольких зрителей. 2. Отделение масонской организации; место сбора масонов. 3. Лоджия». Вызывают интерес образования с данным словом, значения, в которых они употребляются в указанном веке, не фиксируются в других тезаурусах: это *ложный* – «Буде же он всѣх ложных билетов <на спектакль> продать в Конторѣ не успѣет АДТ 475» и *ложевый* – *ложевые и кресельные билеты* [5, 11, с. 216]. А. С. Пушкин указывает, что ложа – это место для нескольких лиц, при этом отмечает и функционирование лексемы при обозначении тайного общества, в частности, «массон в Киш.<невской> ложе» (Письма) [7, 2, с. 528]. В середине XVIII в. на первый план выходит терминологизация слова в военной сфере: «1) У ружей и пистолетов деревяга с желобом, в которую вкладывается ружейный или пистолетный ствол», а уже затем фиксируются указанные выше семантические комплексы [9, 2, 261]. Вместе с тем прилагательное *ложевый* основывается на военной специализации: «принадлежащий и относящийся к ружейной ложе». С начала XX века по настоящее время сфера функционирования галлицизма остаётся прежней, то есть сохраняются все три значения, единственное, что меняется, специальный термин *ложса ружья* из активного словаря пользователя переходит в пассивный состав и архаизируется [10, 2, стб. 83]. Причем следует обратить внимание, что наличие французского -е в данном случае уже относит заимствование *loge* к женскому роду. В настоящее время в толковых тезаурусах наблюдается сокращение семем языкового знака и доминирует понятийно-предметный комплекс сферы искусства [11, с. 503].

Можно выделить *ложы бенуара*, а также *ложы*, расположенные выше и являющиеся более элитными, – *ложы бельэтажа*.

Бенуар впервые появляется во французском театре в XVIII веке с целью сохранения кастового разделения публики, так как привилегированной части зрителей запрещается размещаться на сцене. Моносемант *бенуар* имеет исходный французский прототип *baaignoire* – ‘ванна’. Нами выделено только узкоспециальное значение лексемы, как яруса, расположенного на одном уровне с партером [7, 1, с. 80]. В последующих источниках может лишь уточняться «наравне со сценою» [9, 1, с. 44], «наравне с партером» [10, т. 1, стб. 123] и в совокупности «расположенный на уровне сцены или партера» [11, с. 71]. Что касается вторичных значений, то мы можем их наблюдать в цитатах из произведений А. С. Пушкина: «Оставляю на жертву *бенуару* Шеникова, Глухарева, Каменогорского, Тол-

ченова и проч.» («Мои замечания об русском театре») [7, 1, с. 80], – перенос «люди, сидящие в партере / в ложе / бенуаре» практически идентичен.

Первый же наиболее привилегированный ярус над партером называется *бельэтажом*, где *bel* – ‘прекрасный’, ‘красивый’, а фр. *étage* – ‘этаж’, ‘ярус’. Тезаурусы отмечают галлицизм *бельэтаж* в 1781 г., тут же и отмечают «(также раздельно и дефис)», ссылаясь на французский архетип *bel-étage*. Первая часть *bel* уже акцентирует внимание на красоте этажа, который указывается как *лучший*, *первый* этаж как в здании (может быть второй), так и в театре [5, 1, с. 198]. На протяжении XVIII и XIX вв., согласно словарю и литературным источникам, мы наблюдаем поливариантность фонографического облика *бельэтаж*, *бельэтаж* и *бельэтаж*: «Великолепный *бельэтаж* нанят мадамой для пансиона» («Путешествие из Москвы в Петербург») [5, 1, с. 80]. Дефиниции с различными уточнениями действительны на протяжении нескольких веков как в применении к жилому строению *второй, обычно лучший, парадный* [10, 1, стб. 122], [11, с. 71], так и к театру: «2. Первый выше партера ярус в театре» [10, 1, стб. 122] = «Ярус в зрительном зале, расположенный выше бенуара и амфитеатра» [11, с. 71]. Семантический комплекс лексем XX века равнозначен, только у Д. Н. Ушакова *бельэтаж* – это этаж снизу, а в данный момент – «лучший этаж»; порядок подачи словарной статьи также совпадает, что свидетельствует об активности языковой единицы от производного *этаж*.

Рассматривая верхние ярусы в театре, нельзя не обратить внимание и на *райку* или *раек* (1847) от французского *paradis* – ‘рай’. Существительное имеет отношение к сфере искусства, и толкование лексемы проходит за счёт галлицизма *галерея* (дешёвые места в верхнем ярусе) – *верхняя галлерия*; кроме этого, слово употребляется как *многогранное стекло*, *сквозь которое показываются радужные цветы*, и используется в анатомии: «Радужная оболочка в глазу». Словосочетание *многогранное стекло* встречается и в третьем значении как *ящик для показа картин* «сквозь многогранное стекло» [9, 4, с. 5]. В начале 20-го столетия изменяются форма *раёк* и последовательность подачи в тезаурусе, при этом значения также претерпевают изменения. Так, ящик уже становится с передвижными картинками и сопровождается комическими прибаутками, например, *кукольный театр*; сохраняется *галёрка* применительно к театральной терминологии: «В райке нетерпеливо плещут, и, взвизгивая, занавес шумит» (Пушкин), с пометой раз-

говорное и устаревшее. Вместе с тем появляется новая сфера в употреблении европеизма: «Лубочная юмористика в форме мерной рифмованной речи (театр., лит.)», и по аналогии с другими образными сочетаниями фиксируется *зрители, занимающие галёрку* [10, 3, 1111]. Однако, как и в предыдущих тождественных выражениях, используемых в сфере искусства, указывается, что фраза *занимающие ...* в начале указанного века уже архаизировалась и употребляется в разговорном стиле. Можно найти преемственность в оформлении грамматических и семантических вариантов в XIX и XX вв. *райка* и *раёк*: ящик с картинами (1847 г.) → ящик с передвижными картинками (1939 г.). В XXI веке данное значение уходит в пассивный состав [11, с. 1059]. Вместе с тем появившаяся в первой половине XX века *лубочная юмористика* закрепляется с пометой литературная как сатирический монолог «на злободневную тему» или *раёшник* – «шутливые рифмованные пояснения, прибаутки» [Там же]. В то же время рассматриваемое нами значение *райка* как *театральной галёрки* архаизируется, но появляется новый жанр в литературе.

Таким образом, наличие *галереи* или ярусов в театре приводит к появлению театральных *лож*, *бенуаров* и *бельэтажей*, где *галереи* – это ярусы, возвышающиеся друг над другом; *лож* – места, выделенные на ярусах перегородками или барьерами; *ложи бенуара* – ярусы, расположенные на уровне партера; *ложи бельэтажа* – первый привилегированный ярус над партером. Сословная разобщенность разграничивает и театральные места: кто-то смотрит постановки в *партере*, а другие – находясь в *ложе*. Обратим внимание на французские семы, мотивирующие развитие лексического комплекса галлицизмов театральной сферы: *terre* – ‘земля’ → *a par terre* – ‘к земле’ → «стоячие места перед сценой» → «нижний этаж зрительного зала»; *galerie* – ‘крытый’ → «ярус в театре»; *loge* – ‘маленькая комната’ → «место в театре ... для нескольких зрителей» (подчеркивается количество зрителей в ложе – несколько лиц); *baignoire* – ‘ванна’ → «нижний ярус лож в театре наравне с партером»; *bel* – ‘красивый’ и фр. *étage* – ‘этаж’ → «первый выше партера ярус в театре». Что касается грамматической, фонологической и орфографической русификации, то вариативными в XVIII–XIX вв. являются галлицизмы *бельэтаж* (вопрос возникает при правописании заимствованных сложных слов, которые в соответствии с русскими словами могут использоваться как через дефис, так и слитно); в XVIII – начале XX вв. транслитерация французских источников приводит к разновидностям *партер* и *партерр*, *галерея* и *галлерей*.

Таким образом, замена в графическом оформлении наблюдается при написании языковых единиц, состоящих из двух частей, каждая из которых имеет самостоятельное значение, и орфоэпической особенности русского языка, приводящей к редукции гласных звуков. Разнотения наблюдаются в условиях грамматической оппозиции женского и мужского родов (*партер* – *партера*), хотя, как мы отметили ранее, наличие *-е* в финали галлицизма не всегда приводит к родо-видовой вариативности, например, в нашей статье это отмечено у прототипа с удвоением *-rre* (также в случаях с *-tte*), но отсутствует в словах с одним конечным согласным в финали языковой единицы (*loge* ж. р., *bel-étage* м. р.). В настоящее время театры, как правило, предлагают билеты в *партер*, *амфитеатр* и верхние места: *бельэтаж*, *балкон* и *ложи*.

С другой стороны, следует ещё раз обратить внимание и на духовную составляющую в исследовании театральной архитектуры и галлицизмов, участвующих в её номинации. Искусство строить и проектировать здания, наряду с другими культурными ценностями, сохраняет и передаёт традиции и обычаи народа. В этом случае обращение к конструкции зрительного зала и лексемам, обозначающим отдельные понятия в зодчестве, восполняет эстетическую и аккумулятивную функции, отмечает преемственность в ассимиляции заимствованных слов вследствие реконструкции пространственной среды культурной деятельности человека. В то же время изучение театральной архитектуры в сочетании с эволюционирующей системой языка показывает динамичность двух устройств, когда не кажется уже такой окказиональной фраза *храм искусств*, и становится понятным и объяснимым как расположение мест в зрительном зале, так и комплектование и развитие сем в их номинации.

Список источников

1. Лукомский Г.К. Античные театры и традиции в истории эволюции театрального здания / Г. К. Лукомский. Санкт-Петербург: [б. и.], 1913]. 499 с.
2. Dauzat A. Dictionnaire etymologique de la langue française. Paris: Larousse 1961, 824 с.
3. Большой словарь иностранных слов. М.: ЮНБЕС, 2004. 784 с.
4. Биржакова Е. Э. Очерки по исторической лексикологии XVIII в. Языковые контакты и заимствования / Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. Л.: Наука, 1972. 428 с.
5. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22. Вып. 1. Л.: Наука, 1984. 225 с.; Вып. 5. Л.: Наука, 1989. 255 с.; Вып. 11. СПб.: Наука, 2000. 256 с.; Вып. 18. СПб.: Наука, 2011. 260 с.

6. Яновский Н. М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в русском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значение которых не всякому известно: в 3 ч. / Н. М. Яновский. СПб., при Императорской Академии наук, 1803–1806. Ч. 3. 1322 стб.

7. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2000. Т. 1. – 1002 с.; Т. 2. – 1088 с.; Т. 3. – 1296.

8. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 6 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1950. Т. 5. 680 с.

9. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук. – СПб.: Тип. Императ. Акад. Наук, 1847. В 4 т. Т. 1. – 416 с. Т. 2 – 473 с.; Т. 3 – 591 с. Т. 4 – 506 с.

10. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. (4 т.) Т. 1. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ, 1935. 1562 стб.; Т. 2. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1938. 1040 стб.; Т. 3. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939. 1424 стб.

11. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб: Норинт, 2000. 1536 с.

12. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М. – Л.: Изд. АН СССР. Т. 3. 1954. 1340 стб.

References

1. Lukomskii, G. K. (1913). *Antichnye teatry i traditsii v istorii evoliutsii teatral'nago zdaniya* [Ancient Theatres and Traditions in the History of the Theatre Building Evolution]. 499 p. St. Petersburg. (In Russian)

2. Dauzat, A. (1961). *Dictionnaire etymologique de la langue française* [Etymological Dictionary of the French Language]. 824 p. Paris. (In French)

3. *Bol'shoi slovar' inostrannykh slov* (2004) [Large Dictionary of Foreign Words]. 794 p. Moscow, IuNVES. (In Russian)

4. Birzhakova, E. E. (1972). *Ocherki po istoricheskoi leksikologii XVIII v.* [Essays on Historical

Lexicology of the 18th Century]. *Yazykovye kontakty i zaimstvovaniya*. 428 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

5. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* (1984) [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Vyp. 1. 225 p. Leningrad, Nauka (1985). Vyp. 1. 225 p. Leningrad, Nauka, (1984). Vyp. 5. 255 p. Leningrad, Nauka, (1989). Vyp. 11. 256 p. St. Petersburg, Nauka, (2000). Vyp. 18. 260 p. St. Petersburg, Nauka, (2011). (In Russian)

6. Yanovskii, N. M. (1806). *Novyi slovotolkovatel', raspolozhennyi po alfavitu, soderzhashchii raznye v rossiiskom yazyke vstrechayushchiesya inostrannye recheniya i tekhnicheskie terminy, znachenii kotorykh ne vsyakomu izvestno: v 3 ch.* [New Word Expositor, Arranged in Alphabetical Order, Containing Various Russian Expressions and Technical Terms, the Meanings of Which Are Not Known to Everyone: In Three Parts]. Ch. 3. 1322 stb. St. Petersburg, pri Imperatorskoi Akademii nauk. (In Russian)

7. *Slovar' yazyka Pushkina: v 4 t.* (2000) [Dictionary of Pushkin's Language: In 4 Volumes]. 2-e izd., dop. Rossiiskaya akademiya nauk. In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova T. 1. 1002 p; T. 2. 1088 p.; T. 3. 1296 p. Moscow, Azbukovnik. (In Russian)

8. Pushkin, A. S. (1950). *Polnoe sobranie sochinenii v 6 t.* [Complete Works in Six Volumes]. T. 5. Kritika i publitsistika. 680 p. Moscow, Gos. izd-vo khudozh. literatury., avtobiograficheskoe. (In Russian)

9. *Slovar' tserkovno-slavianskogo i russkogo yazyka: v 4 t.* (1847) [Dictionary of the Church Slavonic and the Russian Languages: In Four Volumes]. Tom I, 416 p. Tom II, 473 p. Tom III, 490 p. Tom IV, 506 p. St. Petersburg, pri Imp. Akad. Nauk. (In Russian)

10. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* (1935–1940) [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Pod red. D. N. Ushakova. Moscow. Sov. entsikl., OGIZ, (1935) T. 1. Moscow. Gos. in-t “Sov. entsikl.”; OGIZ, 1562 stb. (1938) (1939) T. 2. 1040 stb. Moscow. Gos. izd-vo inostr. i nats. slov. 1040 stb. T. 3. 1424 stb. Moscow. Gos. izd-vo inostr. i nats. slov. (In Russian)

11. Kuznetsov S. A. (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 1536 p. St. Petersburg. Norint. (In Russian)

12. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* (1954) [Dictionary of the Modern Russian Literary Language: In 17 Volumes]. 1340 stb. Moscow, Leningrad, izd. AN SSSR. (In Russian)

The article was submitted on 08.09.2024

Поступила в редакцию 08.09.2024

Гордеева Лариса Павловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
lp-gordeeva@mail.ru

Gordeeva Larisa Pavlovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
lp-gordeeva@mail.ru

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-59-63

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗОВ КАЗАКОВ И КАЗАЧЕСТВА В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

© Елена Дубровская

REPRESENTATION OF COSSACKS AND COSSACK CULTURE IN THE PAREMIOLOGICAL FUND OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Elena Dubrovskaja

The article considers the image of the Cossack and Cossack culture in general, based on Russian proverbs and sayings. The relevance of the study is conditioned by the significance of socio-cultural studies devoted to closely related peoples and conducted through the prism of the Russian language paremiological fund. The article identifies and describes the main characteristic traits of the Cossacks' everyday life, reflected in Russian proverbs, which indicates the significance of these characteristics. The research sample includes over 150 paremi, presenting proverbs with the ethnolinguistic marker 'Cossack', lexical units directly related to Cossack formations ('ataman') and four proverbs of Cossack origin. The article reveals the following perceptions of the Cossacks, inherent in the carriers of Russian culture: for the Cossack society the role of the ataman is paramount, Cossacks strive to promote themselves and become worthy continuators of their traditions; the territories, occupied by the Cossacks, include the banks of the Don River and neighbouring regions; Cossacks are characterized by vitality and firmness of spirit, but they are prone to fatalism; Cossack temperament is characterized by severity, intransigence and even stubbornness; Cossacks are unsurpassed in military affairs, as they are considered to be brave and hardy warriors, the fact noted even by Russian commanders; the serious attitude of Cossacks to military affairs determines the high importance of 'horse' in the Cossack picture of the world - the animal is not just a means of transport for a Cossack, but a reliable comrade in arms. The results presented in the article allow us to model the image of a Cossack representative in the way the bearer of Russian linguoculture saw it.

Keywords: paremiology, ethnonyms, ethnolinguistic markers, ethnos, class, Cossacks

Статья посвящена рассмотрению образа казака и казачества в целом на материале русских пословиц и поговорок. Актуальность исследования обусловлена высокой значимостью освещения социокультурных особенностей близкородственных народов сквозь призму паремиологического фонда русского языка. Статья направлена на выявление и описание основных черт характера, особенностей быта и жизни казаков, нашедших отражение в русских паремиях, что говорит о значимости обозначенных характеристик. Выборка исследования включала свыше 150 паремий, в число которых вошли пословицы с этнолингвомаркерами «казак», «казацкий», «казачий»; лексическими единицами, непосредственно относящимися к казачеству («атаман»), и 4 пословицы, зафиксированных в словаре донского казачества. В статье выявлены следующие представления о казаках, свойственные носителям русской культуры: для казачьего общества роль атамана является главенствующей, а казаки стремятся продвинуться по службе и быть достойными продолжателями своих традиций; в число территорий, которые занимают казаки, входят берега реки Дон и близлежащие регионы; для казаков свойственно жизнелюбие и твердость духа, однако при этом они склонны к фатализму; казачий нрав отличается суровостью, неуступчивостью и даже упрямством; в военном деле казакам нет равных, поскольку они считаются смелыми и выносливыми воинами, что отмечалось даже российскими полководцами; серьезное отношение казаков к военному делу обуславливает высокую значимость коня в казачьей картине мира – животное для казака не просто средство передвижения, а надежный боевой товарищ. Представленные в статье результаты позволяют смоделировать образ представителя казачества таким, каким его видел носитель русской лингвокультуры.

Ключевые слова: паремиология, пословицы, этнонимы, этнолингвомаркеры, этнос, сословие, казаки

Для цитирования: Дубровская Е. Репрезентация образов казаков и казачества в паремиологическом фонде русского языка // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 59–63. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-59-63

На протяжении долгих лет учеными ведутся споры об определении роли казачества в истории и культуре российского государства, а также о месте казачества в общественном пространстве России. Множество исследований посвящено вопросу, каким социальным образованием все-таки следует считать казачество – этносом или сословием.

Несмотря на то, что и сословие, и этнос являются разновидностями социальных связей, различаются они, в первую очередь, особенностью взаимодействий и иерархии внутри этой социальной связи.

Существует три подхода к ответу на вопрос, этносом или сословием следует считать казаков.

В рамках *первого подхода*, «самостийного», казачий этнос рассматривается как абсолютно автономно существующий отдельный народ, наравне с русскими, украинцами и белорусами. Сторонники этого подхода – авторы «Казачьего словаря-справочника» Г. В. Губарев и А. И. Скрылов – придерживаются мнения о том, что становление казачества как этнической группы, хоть и проходило параллельно с развитием Российского государства, в союзе с ним, всё же являлось самодостаточным процессом [1, с. 241].

Второго подхода – «державного» – придерживаются представители Союза казаков России. Авторами этих идей стали атаман П. Н. Краснов [2], В. Д. Синеоков [3] и М. А. Караулов [4]. Суть державного подхода в том, что в его рамках представители казачества воспринимались как представители особого воинского сословия. Инициатором учреждения этого особого рода войск было правительство государства российского, поэтому сторонники описываемого подхода были уверены в принадлежности казаков к великому русскому народу.

Основной идеей *третьего подхода* является мысль о том, что казачий народ представляет собой малую этническую группу в составе русского народа, так как казачий народ представлен многообразием национальностей, при этом корректно совмещает в себе как особенности национальной культуры, так и казачьи культурные особенности.

Рассматривая социальную принадлежность казаков в историческом разрезе, можно отметить, что казаки упоминаются уже в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина [5], однако в тексте нет прямых указаний на то, к чему исследователь склонен их отнести – этносу

или сословию. В учебнике географии 1807 года Е. Ф. Зябловский вносит казаков в список российских народов [6, с. 16]. Однако уже с середины XIX века в исследовательской литературе казаки упоминаются преимущественно как особая социальная группа и сословие.

Цель данной статьи – установление авто- и гетеростереотипов, приписываемых казачьему народу как несомненной части русского народа, но имеющего в сознании носителей русского языка характерные особенности.

В «Большом толковом словаре донского казачества» не зафиксировано достаточно информации о самоопределении казаков – в словарной статье с заголовочным словом «казак» указаны лишь гиперссылки:

КАЗАК – Верховые казаки. См. верховой. Наряженный казак. См. наряженный. Низовые казаки. См. низовой. Ни хохол ни казак. См. хохол. [7, с. 203].

Далее мы обнаруживаем следующее:

ВЕРХОВОЙ – Верховые казаки. Казаки стаиц по Верхнему Дону.

НАРЯЖЕННЫЙ – Наряженный казак. Арх. Казак, идущий в наряд.

НИЗОВОЙ – Низовые казаки. Казаки, живущие в низовьях Дона

ХОХОЛ – Некоренной житель донского края. Ни хохол ни казак – о человеке, живущем бесцельно, без пользы для других.

По всему вышеперечисленному можно сделать выводы о том, что упоминания казаков в «Большом толковом словаре донского казачества» несут, скорее, функцию, связанную с уточнением географического положения, особенностей службы или происхождения; категоризации народа по принципу принадлежности к социальной группе или этносу не производится. То же можно сказать и о лексической единице «казак-вать»:

КАЗАКОВАТЬ – 1. Нести службу в казачьих полках; 2. Быть в походах, участвовать в войнах, набегах, сражениях [Там же].

Однако само толкование этой единицы в словаре наводит на мысль о том, что в данном контексте казак воспринимается, скорее, как сословие или даже род деятельности, нежели этническая принадлежность.

Также мы обнаружили упоминания других народов, территориально близких к местам поселения казаков и нашедших отражение в картине мира казаков:

1) КАЛМЫЧИНА – грязь, нечистоплотность в доме [Там же, с. 206].

У казаков были приняты определенные бытовые устои и традиции ведения домашнего хозяйства, которые отличались от поведения в быту калмыков, живущих по соседству, настолько, что сама часть названия этого этноса стала использоваться как обозначение нечистоплотности в быту.

2) Перебирать как цыган кобылами – привередничать [Там же, с. 358].

И в казачьей культуре, и в культуре цыган кони и лошади занимают важное место. Но бытует также и стереотип о хитрости и стремлении к получению быстрой выгоды зачастую обманым путём, имеющий отношение к цыганам. Соответственно, казаки отмечают не всегда уместную привередливость цыган, проявляющуюся в том числе и в выборе лошади для своих нужд.

Особое отношение цыган к лошадям соответствуют стереотипным представлениям русского народа о цыганах и их особой связи и навыках взаимодействий с лошадьми, однако в словарях пословиц не фиксируется представление о нечистоплотности калмыков.

Для выявления представлений о казаках, свойственных носителям русской культуры, обратимся к двум фундаментальным словарным изданиям: «Пословицы русского народа» авторства В. И. Даля [8] и «Большому словарю русских пословиц», созданному авторской группой В. М. Мокиенко [9]. В словаре «Пословицы русского народа» зафиксировано 35 паремиологических единиц, содержащих компонент «казак», в «Большом словаре русских пословиц» – 153. При этом необходимо заметить, что среди обнаруженных паремий есть ряд единиц, в составе которых наименование «казак» не относится к представителю казачества, а является обозначением наёмного рабочего, поэтому пословицы, в которых это конкретно указано или напрямую следует из содержания пословицы (например, пословица *Поел казак и набок, оттого казак и гладок* содержит примечание, что речь в ней идет о наёмном рабочем, а пословица *Казачье солнышко зайдет – казак с работы уйдет* не требует пояснения), не относятся к паремиям, репрезентирующим образ представителя казачества как этнической группы. Такие единицы не были включены в последующий анализ. Кроме того, мы анализировали единицы-этнолингвомаркеры, напрямую указывающие на принадлежность к казакам и казачеству, – такие, например, как *атаман*.

Рассмотрим далее, какие представления и стереотипы о казаках были зафиксированы в па-

ремиологических источниках и какие аспекты жизни и быта нашли отражение в пословицах и поговорках русского народа.

Иерархическое устройство казачьего общества.

Отдельно подчеркивается важность роли атамана, стремление казаков продвигаться по службе и в целом быть достойным продолжателем семейных традиций:

Без атамана казак сирота; Атаманом быть – уряд держать; Атаманом артель крепка; Живи да молчи – атаманом будешь; Терпи – атаманом будешь; Не всем казакам в атаманах быть [9, с. 23]; *Без атамана дуван не дуваят* [8, с. 193]; *Не казак, так и не атаман, Из рядовичей в атаманы выходят* [Там же, с. 195] (здесь и далее разрядка наша – Е. Д.).

Территориальная принадлежность казаков.

В ряде пословиц территориальная принадлежность казаков обозначена достаточно конкретно: указывается, что основные территории, где селятся и живут казаки, так или иначе связаны с берегами реки Дон. При этом можно заметить, что паремии о донских казаках содержат положительную оценку и намекают на то, что русский народ высоко ценит положительные качества и боевой дух, которыми в паремиях наделяются представители донского казачества:

Казак донской, что карась озерной: икрян (и прян) и солен [8, с. 178]; *Пришли казаки с Дону, да прогнали ляхов до (к) дому* [Там же, с. 272]; *Коли казак, так и с Дону* [Там же, с. 281]; *Бери жену с воли, а казака с Дону – проживешь без урону* [9, с. 340].

Особенности быта и жизненного уклада.

В паремиологическом фонде русского языка зафиксированы такие качества казаков, как любовь к жизни и твердость духа. Благодаря этим чертам характера представители казачества способны находить положительные моменты в любой ситуации и стойко переносить невзгоды. Кроме того, отмечается также, что казаки отличаются неприхотливостью в быту и ценят волю:

Лакома овца к соли, а казак к воле [9, с. 617]; *Казак голуб: куды не прилетит – там и прыстане* [Там же, с. 394]; *У наших казаков обычай таков: где пролезешь, тут и спать ложись* [Там же, с. 395]; *Я вольный казак – куда захочу, туда и поскочу* [Там же].

Описанные качества зафиксированы также в пословицах с пометами «казач.» или «казачья» и раскрываются в отношении казаков к организации быта и решению проблем:

Улов не улов, а обрыбиться надо (уральск. Казач.) [8, с. 212]; *Приперто – не валится, приколешь – не пищит* (казачья) [Там же, с. 218].

Жизненная философия.

Согласно паремиологическому фонду, казаки склонны к фатализму. Они воспринимают любые события как должное, отдавая себе отчет в том, что в жизни есть и положительные, и негативные моменты. Несмотря на это, отмечается и некий казачий оптимизм, бесстрашие и вера в лучшее:

Чайка кики, а казак хихи (то есть смеется над вестницей дурной погоды) [8, с. 175]; *Не на то пьет казак, что есть, а на то, что будет* [Там же, с. 212]; *Бог не без милости, а казак не без доли: то худая, то хорошая – все будет* [9, с. 23].

Особенности характера.

Поведение казаков, описываемое в паремиях, раскрывает особенности их характера. Так, русский народ относится к казачеству с определенной долей настороженности, поскольку казаки славятся своей неуступчивостью и горячим нравом:

Казак в Запорогах – что пни при дорогах (кто ни едет мимо, того и зацепят) [8, с. 111]; *Казак в Запорогах, что пень при дорогах* [Там же, с. 203]; *Казак и гривки прихватит (с пикой, чтобы сильнее ударить)* [Там же, с. 178]; *У наших казаков обычай таков: поцеловал куму, да и губы в суму* [Там же, с. 207].

Отношение казаков к военному делу.

Паремии сохранили представления русского народа о том, что казаки – военное сословие, особого рода войска со своими правилами и укладом. В словаре В. И. Даля даже зафиксировано несколько пословиц, обозначающих высокую значимость казачьего войска в жизни российского государства:

Казак – глаза и уши армии (Суворов) [8, с. 177]; *Казак обычаем собаки, Казак – глазастая собака* [Там же, с. 178]; *Пришли казаки с Дону, да прогнали ляхов до (к) дому* [Там же, с. 272]; *Учи казачьего сына на коня садиться да с татарами биться* [9, с. 896].

Русский народ отмечает, что казаки – brave смелые воины, однако в то же время признает, что, наряду с воинской славой, на долю воинов-казаков приходится множество лишений:

Казак не боится ни тучи, ни грома [9, с. 394]; *Сокола узнаешь по полету, а казак – по выправке* [Там же, с. 349]; *Жизнь собачья, зато слава казачья* [Там же, с. 347].

Сами же казаки, согласно паремии, приписываемой Богдану Хмельницкому, готовы стойко переносить любые невзгоды и бороться за свои

ценности и идеалы. До тех пор, пока казак способен сражаться, жив и он сам, и все казачество:

Еще казак матка (сабля) *жива* (или: не умерла) (Богд. Хмельницкий) [10, с. 178].

Вербализация роли коня в казачьей картине мира.

Для представителей казачества конь играл важнейшую роль, поскольку являлся как незаменимым спутником в бою и надёжным товарищем, так и эффективным помощником в хозяйстве. Именно это животное играло роль одного из главных элементов в становлении казака как воина – боевые качества казаков, их воинский статус и даже положение в обществе зависели от мастерства наездничества. Такая особенность казачьей жизни зафиксирована в паремиологическом фонде в виде следующих паремий:

Пропал бы казак, да конь вынес [9, с. 394]; *Конь без казака что лодка без рыбака* [Там же, с. 427]; *Казак коня себя дорожже* [Там же, с. 395]; *Казак коня – отец родной и товарищ дорогой* [Там же, с. 395]; *Лиха беда казака испешила* [Там же, с. 58].

Проведённое исследование подтверждает мысль о том, что «в сознании русского народа казаки всегда воспринимались частью этого народа, не существует как пейоративно окрашенного этнонима (или этнофолизма), описывающего казаков, так и резко негативных оценок, заключённых в семантике пословицы» [10, с. 718].

Для казака неоспорима значимость предводителя – атамана. Каждый представитель казачества, безусловно, видит это звание почетным и стремится продвинуться по службе.

Русским народом отмечаются особенности жизни и быта казаков. В паремиологическом фонде присутствует ряд пословиц, на основании которых можно сделать вывод о том, что поселения казаков располагаются на берегах реки Дон и близлежащих территориях. В быту, согласно паремиологическому фонду русского языка, казаки неприхотливы и отличаются любовью к жизни, твердостью духа и склонностью к фатализму. Также носителями русской лингвокультуры подмечены крутой нрав, неуступчивость и упрямство казаков.

Особую роль в образе казаков играет их отношение к военному делу. Благодаря тому, что воины-казаки обладают такими чертами, как смелость и стойкость, их ценность для России и русской армии неоспорима, о чем свидетельствует высказывание А. В. Суворова, укрепившееся в узусе в виде пословицы.

Список источников

1. Губарев Г. В., Скрылов А. И. Казачий словарь-справочник. Кливленд, [б. и.], 1966. 698 с.
2. Краснов П. Н. Картины былого тихого Дона: краткий очерк истории Войска Донского для чтения в семье, школе и войсковых частях. СПб: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1909. 522 с.
3. Синеоков В. Д. Казачество и его государственное значение. Париж, [б.и.], 1928. 46 с.
4. Караулов М. А. Терское казачество в прошлом и настоящем: (памятка терского казака). Владикавказ: Войсковой штаб Терского казачьего войска, 1912. 384 с.
5. Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб: издание И. Эйнерлинга, 1842. 632 с.
6. Зябловский Е. Ф. Новейшая география Российской империи. М.: В типографии С. Селивановского, 1807. Ч. 3. 76 с.
7. Большой толковый словарь донского казачества: Ок. 18 000 слов и устойчивых словосочетаний. М.: ООО «Русские словари», 2003. 608 с.
8. Даль В. И. Пословицы русского народа. В 2-х т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 1. 430 с.
9. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1023 с.
10. Дубровская Е. М. Категоризация образа народа в русской паремииологии (на материале пословиц о казаках). Челябинск: ЮУрГУ, 2023. С. 714–718.

References

1. Gubarev, G. V., Skrylov, A. I. (1966). *Kazachii slovar'-spravochnik* [Cossack Dictionary-Reference Book]. 698 p. Klivlend. (In Russian)
2. Krasnov, P. N. (1909). *Kartiny bylogo tikhogo Dona: kratkii ocherk istorii Voiska Donskogo dlya*

chteniya v sem'e, shkole i voiskovykh chastyakh [Pictures of the Former Quiet Don: A Brief Sketch of the History of the Don Army for Reading in Families, Schools and Military Units]. 522 p. St. Petersburg, t-vo R. Golike i A. Vil'borg. (In Russian)

3. Sineokov, V. D. (1928). *Kazachestvo i ego gosudarstvennoe znachenie* [Cossacks and Their State Significance]. 42 p. Paris. (In Russian)

4. Karaulov, M. A. (1912). *Terskoe kazachestvo v proshlom i nastoyashchem: (pamyatka terskogo kazaka)* [Tersk Cossacks in the Past and Present: (Tersk Cossack Handbook)]. 384 p. Vladikavkaz, Voiskovoi shtab Terskogo kazach'ego voiska. (In Russian)

5. Karamzin, N. M. (1842). *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo* [History of the Russian State]. 632 p. St. Petersburg, izdanie I. Einerlinga. (In Russian)

6. Zyablovskii, E. F. (1807). *Noveishaya geografiya Rossiiskoi imperii* [The Newest Geography of the Russian Empire]. P-t 3. 76 p. Moscow, V tipografii S. Selivanovskago. (In Russian)

7. *Bol'shoi tolkovyi slovar' donskogo kazachestva: Ok. 18 000 slov i ustoichivyykh slovosochetanii* (2003) [Big Explanatory Dictionary of the Don Cossacks: Ab. 18000 Words and Set Phrases]. 608 p. Moscow, ООО "Russkie slovari". (In Russian)

8. Dal', V. I. (1989). *Posloviitsy russkogo naroda. V 2-kh t.* [Proverbs of the Russian People. In 2 Vols.]. 433 p. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)

9. Mokienko, V. M., Nikitina, T. G., Nikolaeva, E. K. (2010). *Bol'shoi slovar' russkikh poslovits* [Big Dictionary of Russian Proverbs]. 1023 p. Moscow, OLMA Media Grupp. (In Russian)

10. Dubrovskaya, E. M. (2023). *Kategorizatsiya obraza naroda v russkoi paremiologii (na materiale poslovits o kazakakh)* [Categorisation of the Image of the People in Russian Paremiology (based on the proverbs about Cossacks)]. Pp. 714–718. Chelyabinsk, YuUrGU. (In Russian)

The article was submitted on 08.10.2024
Поступила в редакцию 08.10.2024

Дубровская Елена Михайловна,
кандидат филологических наук,
Новосибирский государственный
технический университет,
630073, Россия, Новосибирск,
проспект К. Маркса, 20.
schitat.do.sta@gmail.com

Dubrovskaya Elena Mikhailovna,
Ph.D. in Philology,
Novosibirsk State Technical University,
20 K. Marks Avenue,
Novosibirsk, 630073, Russian Federation.
schitat.do.sta@gmail.com

УДК 811.512.145

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-64-69

ЖИЛ ('ВЕТЕР') КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ СИМВОЛ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЙ)

© Гульнара Замалетдинова, Мадина Саттарова

GIL ('WIND') AS A LINGUOCULTURAL SYMBOL IN THE TATAR LINGUISTIC CONSCIOUSNESS (BASED ON PROVERBS)

Gulnara Zamaletdinova, Madina Sattarova

The article is devoted to the linguocultural study of the concept *zhil* ('wind') based on Tatar proverbs, in which the concept under study is verbalized as a reflection of national consciousness and culture. This element is one of the universal categories of the conceptual picture of the world. The study of concepts in the paremiological system provides a better understanding of ethnic consciousness and mentality as the reproduction of a paremiological unit creates a certain image in the mind of a native speaker.

This article considers the symbolic understanding of *wind* in the Tatar linguistic consciousness taking into account its characteristic features, such as air movement, strength, elusiveness, possible harm and wind energy. In the minds of the Tatars, the wind is perceived not only as the embodiment of everyday problems, poverty and hunger, but also as a powerful force that relieves grievances and sorrows, heals people's body and soul.

In Tatar proverbs, one can also define the functions of the wind: it can lead to the loss or destruction of something, acts as an intermediary for the transmission of information and brings good luck.

In the article, *zhil* ('wind') as a linguocultural concept, is interpreted in conceptual, figurative and axiological aspects.

Keywords: linguistic picture of the world, mentality, Tatars, Tatar language, paremia, concept, *zhil* ('wind')

Статья посвящена лингвокультурологическому исследованию концепта *жил* ('ветер') на основе татарских паремий, в которых изучаемое понятие вербализуется как отражение национального сознания и культуры. Данный концепт является одной из универсальных категорий концептуальной картины мира. Изучение концептов в паремиологической системе дает лучшее понимание этнического сознания и ментальности, потому что при воспроизведении паремии в сознании носителя языка возникает определенный образ, созданный этой паремиологической единицей.

В данной статье авторы рассматривают символическое осмысление *ветра* в татарском языковом сознании, обусловленное его такими характеристиками, как движение воздуха, сила, неуловимость, вероятность причинения вреда и возможность использования энергии ветра. В сознании татар ветер воспринимается не только как проявление жизненных проблем, нищеты, голода, но и как могучая сила, которая избавляет от обид и печалей, исцеляет тело и душу человека.

В татарских паремиях можно определить и функции ветра: он может привести к потере, уничтожению чего-либо, выполняет роль посредника передачи информации, приносит удачу.

В статье *жил* ('ветер') как лингвокультурный концепт осмысливается в понятийном, образном и ценностном аспектах.

Ключевые слова: языковая картина мира, менталитет, татары, татарский язык, паремия, концепт, *жил* ('ветер')

Для цитирования: Замалетдинова Г., Саттарова М. Жил ('ветер') как лингвокультурный символ в татарском языковом сознании (на материале паремий) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 64–69. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-64-69

На современном этапе развития татарской лингвистики проблемы взаимосвязи языка, мышления и национальной культуры находятся в

центре внимания ученых Казанского федерального университета. В последние десятилетия появились труды по лингвокультурологии Р. Р.

Замалетдинова, Г. Ф. Замалетдиновой, Р. Р. Закировой, Р. С. Нурмухаметовой, М. Р. Саттаровой, Д. Х. Хуснутдинова и др. Однако концепт *жыл* на материале татарского языка пока не исследовался, чем обуславливается выбор нашей темы. Целью работы является лингвокультурологическое исследование содержания и особенностей концепта *жыл* ('ветер') на материале паремий путем выявления и анализа языковых средств, репрезентирующих данную концептосферу в татарской лингвокультуре.

В исследовании применялись методические приемы лингвистического анализа, такие как описательный метод, теоретический метод, метод анализа словарных дефиниций, а также культурологический и лингвокультурологические методы анализа.

Географические и климатические условия народа, его быт, религиозные воззрения, обычаи накладывают глубокий отпечаток на его систему понимания мира, и поэтому восприятие окружающей действительности у одного народа отличается от восприятия другого. Каждая нация видит мир по-своему, пропускает его через свое национальное сознание. Языковая картина мира также связана с менталитетом народа.

Язык – не только фон, необходимый для характеристики социальной особенности коллектива, коммуникации, но и необходимая предпосылка для понимания человеком мира. Язык каждого этноса является неотъемлемой частью народной культуры, необходимым органом для исследования, познания и самореализации национальной культуры [1, с. 20].

Восприятие внешнего мира, окружающих явлений и разделение предметов на разные категории связаны с особенностями сознания человека, с его мыслительной деятельностью и раскрываются с помощью термина «концепт». Ключевые понятия являются особенно важными в понимании специфики конкретных культур. Их можно анализировать как базовую концепцию, вокруг которой могут быть организованы многие области культуры.

Фонд паремиологических единиц языка, несомненно, важен для лингвокультурологии и теории концептов, поскольку он позволяет реконструировать наиболее важные стереотипы массового национального сознания.

Паремии – это воплощенные в слове «стереотипы народного сознания» [2, с. 43]. Они отражают в себе различные стороны духовной жизни, обряды, традиционные виды трудовой деятельности. Поэтому фонд паремиологических единиц языка является источником интереса для лингвокультурологии, поскольку позволяет изучать

важнейшие лингвокультурные константы, особенности народной мысли. Обобщая многовековой опыт и наблюдения народа, пословицы отражают правила жизни, поднимают их до уровня социально значимых и общепризнанных закономерностей.

Служа средством сохранения и передачи народного опыта, паремиологические единицы, составляющие особое устойчивое состояние этнического мировоззрения, соприкасаются с концептами, являющимися своеобразными вариантами понятий. Эти концепты составляют когнитивную базу мировой языковой картины мира.

Традиционное видение общества фиксируется в памяти на основе социальных связей, выражающих личную зависимость человека от человека. Характерным воплощением этих социальных связей являются традиции, выражающие уже сложившиеся (закрепившиеся) порядки, неписанные правила поведения в быту, обычаи. Традиции охватывают все материальные и духовные ценности и воплощаются в элементах социально-культурного наследия.

Национальное своеобразие афористического фольклора выражается в отношении каждого народа к действительности, в исторически своеобразном понимании мира, в его литературных обобщениях.

Изучение паремий, содержащихся в 3-томном сборнике Наки Исанбета «Татар халык мәкалһәре» («Татарские народные пословицы») [3], позволяет выделить их значения, определяемые культурой, в языке, рассмотреть когнитивные методы формирования наиболее значимых культурных стереотипов. Поэтому при репрезентации концепта *жыл* ('ветер') в качестве иллюстративного материала нами использованы паремические единицы из указанного сборника.

В толковом словаре татарского языка слову *жыл* дано следующее определение: Жыл ('Ветер') *суц.* 1) движение воздушного потока, возникающего над землей в результате изменения атмосферного давления; 2) *перен.* воздушные волны, возникающие при быстром движении чего-либо; 3) *перен.* начальные признаки какого-либо события; перемена; 4) *перен.* что-то сильное, шумное [4, с. 776].

Когда мы слышим слово *жыл* ('ветер'), то сначала воспринимаем его значение как физического явления. В паремиях, рассматриваемых как концепты, появляются и другие его значения.

В записях Ибн-Фадлана содержатся сведения о *Боге ветра*. Эта информация позволяет предположить, что когда-то в тюркской мифологии существовал *Жыл Тәңре* ('Бог ветра'). Позже он мог быть причислен к злым силам. В древне-

тюркском словаре даны 2 значения слова *ветер*: 1) *jel* – физическое явление, 2) *jel* – злая сила, *Jel bükä* – дракон [5, с. 254].

В мифологии Сибирских татар и Алтайских тюрков встречается еще один образ, атакующий Луну и Солнце, – *Жилбаган* (*Елбегэн*). В словаре Махмуда Кашгари «Диване лугат ат-турк» есть выражение *йети баишыг йелбүкә* [6, с. 913]. В современном татарском языке также встречается вариант «семиглавый дракон».

В эпоху Тенгрианства наблюдалось оживление всего сущего. В их числе был и Бог Ветра. Для его вызова существовали определенные ритуалы и обряды. В настоящее время в поговорках и поверьях сохранился элемент этого призыва. В народе до сих пор говорят: *сызгырсаң, жыл чыга* («если свистнешь, ветер поднимется»); *өйдә сызгырсаң, жыл ыжылдап торыр* («если дома свистнешь, ветер будет гудеть»).

В древности ветер отождествляли с «невидимым духом». Этот дух называли *Жил иясе* («Владычица ветра»), *Жил Анасы* («Мать ветра»), *Жиллар патшасы* («Царица ветров»). Глава ветров носил имя *Ялман*. Также в былые времена наши предки считали, что существует *Буран анасы* («Мать бурана»), которая вызывала ветер, снегопад и метель [7, с. 168]. В татарской мифологии зафиксировано и мифологическое существо под названием *Жилбегэн* (Зильбеган – людоед, многоголовый дракон, обманщик, демон, злой дух) [4, с. 776].

В древнетюркской мифологии *жыл* был символом веселого, шумного, сильного, воинственного персонажа. Хотя никто и никак не может описать облик ветра, в некоторых мифах его сравнивают с лошастью без гривы. Также зафиксирован мифологический образ «крылатого коня» по имени *Жилмая* [4, с. 335].

У тюрков существовала поговорка о легких на подъем людях и лошадях, которые с легкостью, с охотой трогаются с места, могут пойти или поехать куда-либо, – «рожденные ветром». В татарском языке так говорят о ребенке, родившемся вне брака, – «рожденный ветром»; о женщине, родившей внебрачного ребенка, – «родила от ветра». В связи с этим в татарском народе бытуют пословицы: *жылдан туган – Айтуган* («родился от ветра – Айтуган»); *йәтим хатын жылдан буазыр* («жена сирота (то есть вдова) от ветра беременна»); *ишегемнән эт бакмый, тәрәзмәнән жыл какмый* («собака из двери не лает, из окна ветер не стучит») и т. д.

Можно сказать, что в пословицах концепт *жыл* помогает раскрыть характер человека. *Жыл* воспринимается как символ, проявление обманчивости, оболъетительности: *жылга ышанма* («не

верь ветру»); образ, ищущего вины и идущего против тебя: *тишек өйне жыл таба* («где сирота – там слово, где дыра – там ветер»); образ задерживающего, вызывающего затруднения: *бахетсезгә жыл каршы* («несчастному и ветер встречный»); образ сильного, непобедимого: *жылга каршы жикеренмә, сүзең бушка китәр* («не ори против ветра, слово пропадет даром»).

Одна и та же лексическая единица может выражать противоположные значения в зависимости от контекста. *Жилле* («ветренный») означает человека, обладающего сильным чувством собственного достоинства, но не основательного, ненадежного: *егет жылле, чикмәне билле, формасы бар да, нормасы юк* («парень ветренный, в приталенном чикмене, имеет и форму, но нет нормы»); *егет жылле, чикмәне генә кыска* («парень ветренный, но только чикмень коротковат» (*чикмень* – верхняя мужская одежда вроде казаккина).

Перед тем как приступить к несуществующему делу, говорят *иламәгән, текмәгән, иллә жылле туным бар* («не ткали, не сшили, но есть очень хорошая шуба»). При этом встречается высказывание «жилле» («ветренный») о тех, кто ловок, подвижен, находчив, умеет делать все: *жыл идем, житез идем, жиде көндә бер ыштан, бөрмәсе бар, бавы бар, кирәк булса, тагы бар* («ветренный был, ловкий был, штаны за семь дней сшил и со складкой, и веревкой, если надо – еще будет»).

Такие качества человека, как зависть, ревность на самом деле не приносят пользы, а лишь «грызут» человека изнутри. В связи с этим у татарского народа есть пословицы: *күркә жылга симерә* («индюк на ветру толстеет»); *жылга ут симерер* («на ветру огонь толстеет») и т. д.

В сознании татар *ветер* – пуст, его нет: *илгә ышанган – жылга ышанган* («кто верит в страну – тот верит в ветер»); *ага булыр егетнең айткан сүзе им булыр, булыр-булмас егетнең айткан сүзе жыл булыр* («сказанное ага (уважаемым человеком) слово будет лечением, сказанное неотесанным парнем будет ветром»); *карт кеше жылга сүз сөйләми* («пожилой человек не говорит ветру», то есть старик не говорит пустого, бессмысленного слова). В поговорке *ефәк кебек яшьлегенә жылга әрәм итмә* («не трать свою молодость, как шелк, на ветер») есть сходство с этим же мнением – молодую жизнь не трать впустую, не думай о бесполезном, делай полезное.

Еще одно значение слова *ветер* – «сплетни». В паремиях образно изображается процесс передачи информации от одного человека к другому, в результате информация подвергается измене-

ниям и приобретает приукрашенную, преувеличенную форму: *жыл чәчсәң, давыл урырсың* ('ветер посеешь – бурю пожнешь'); *дөнъяны жыл бозар* ('ветер мир портит'); *жилсез тирәк тибрәнми* ('тополь без ветра не шевелится'); *иске тун жыл тотмас* ('старая шуба ветра не удержит'); *жыл алыр, давыл сатар* ('ветер возьмет, буря продаст') и т. д.

Образ ветра параллельно раскрывается через такие понятия, как голод и нищета: *булса – ашар, булмаса, авызын жылгә ачар* ('если есть – поест, нет – то откроет рот ветру'); *жыл йотып торып булмый* ('не получится глотать ветер'); *он сатсам, жыл чыга, тоз сатсам, явым жебетә* ('мuku продаю – ветер выходит, соль продаю – осадки выпадают'); *хәерчегә жыл дә каршы* ('бедному и ветер навстречу') и т. д.

В паремиях четко указывается на то, что зарабатывать средства существования нужно только честным и дозволенным путем: *жилдән килгән жылнеке* ('то, что пришло ветром, – все это его'); *жыл кебек килгән, су кебек китәр* ('пришедшее как ветер, уйдет как вода'); *жиңел табылган жылгә китә* ('легко заработанное уйдет на ветер') и др.

Понятие «ветер» содержит в себе и такие значения, которые связаны с жизненными невзгодами: *ялгыз агачны жыл сындыра* ('одинокое дерево ломает ветер'); *ялгыз агачны жыл борган* ('одинокое дерево поворачивает ветер'); *күмәк агач жылне борган* ('скопление деревьев, создавая преграду, меняет направление ветра').

Ветер – начало какого-либо дела, движущая сила: *жыл исми кура селкенми, бер үпми йөрәк жылкенми* ('пока ветер не дует, куст не шевелится; пока не поцелует, сердце не радуется'); *егет жиле белән йөрер* ('юноша ходит со своим ветерком'); *жыл белән ярышма, күләгәң белән узышма* ('не соревнуйся с ветром, не гоняйся за тенью').

Древние тюрки верили, что некие злые силы в виде ветра воздействовали на человека и приносили ему болезни и недуги. Зловещие, порывистые ветры приносили засуху, голод, печаль: *дөнъяны жыл бозар, әдәмне сүз бозар* ('мир испортит ветер, человека – слово'). Существовало поверье, что у ветра есть место происхождения и «жилище» (гнездо ветра).

Злые ветры царят на перекрестках семи дорог, в горах, на скалах. Поэтому эти земли считались опасными и страшными. Например, на перекрестке семи дорог (*жиде юл чаты*) нельзя было строить дома, надворные постройки, собирать фрукты, отдыхать. На перекресток семи дорог бросали заклинательные атрибуты, заколдованные предметы – верили, что ветер унесет бо-

лезни, колдовство. Поэтому на перекрестках ничего не найдешь и не заберешь. Существует также выражение *жиде жыл кочагы* ('объятия семи ветров'). Это возвышенное, не прикрытое ничем место, где с разных сторон дует сильный ветер [4, с. 776].

Перекрестком семи дорог (*жиде юл чаты*) называли и людную местность. Уместно упомянуть и пословицу о семи перекрестках: *икмәгең таза булса, жиде юл чатына чыгып аша* ('если хлеб твой чистый (то есть заработанный своим трудом), выходи на перекресток семи дорог (то есть не стыдно есть заработанную пищу в людном месте)').

Словосочетание *jel taart*, данное в древнетюркском словаре, означало, что удар ветра вызывает болезнь [5, с. 254]. В настоящее время такое поверье существует и у татар. Если из-за холода, сквозняков и ударов ветра в организме возникают заболевания в результате простуды, говорят *жыл бәргән* ('ударил ветер'). Прикосновение ветра – воздействие на организм человека. «*Жыл җелеккә үтәр* ('ветер проникнет до костного мозга')» – говорят татары, когда из-за холодного ветра организм охладился. А вот *битне жыл ашау* ('поедание лица ветром') приводит к тому, что кожа лица становится шелушащейся. Если плохо вытереть лицо и руки, кожа будет раздвигаться ветром: сохнуть и трескаться.

Болезнь *жыл чәчәге* ('ветряная оспа, ветрянка') передается от человека к человеку через ветер, воздух и органы дыхания. Ветер уносил всякие болезни и порчи, как и приносил: *жилдән килгән жылгә оча* ('пришел с ветром и улетит на ветер'); *авызыннан жыл алсын, илтеп куеныңа салсын* ('пусть ветер изо рта возьмет и на грудь положит').

Самое страшное для человека – это *әжәл жиле кагылу* ('прикосновение Ветра-смерти'). От этого уже нет лекарства. Человек, затронутый ветром смерти, теряет интерес к жизни либо морально (ни в чем не нуждается, устал от жизни в этом мире, путается с прошлым и т. д.), либо физически (страдает неизлечимой болезнью и т. д.). От боли, страданий, болезни и порчи избавляли заговорами. Важнейшие элементы этого ритуала – молитва, заклинание. Верили, что если злой, сильный ветер принесет болезнь, то медленный ветер, дующий против нее, выведет болезнь из человека.

Кроме этого, у татар существует поверье, что если приснился плохой сон, то на рассвете надо рассказать свой сон ветру: *күргәнеңне жылгә сөйлә* ('увиденное расскажи ветру') или *авызыңнан жыл алсын* ('пусть ветер унесет изо рта'). Считалось, что ветер уносит дурные мыс-

ли, и тем самым человек освобождается от душевного угнетения и страха.

В паремиях можно отметить следующие функции ветра:

– ветер приводит к потере, уничтожению чего-либо: *караишлар аерылса, махэббат жылга оча* ('когда взгляды расходятся, любовь летит к ветру'); *үпкән-кочкан жылга очкан, өстенә үскән үлән* ('поцелуи и объятия улетели с ветром, а над ними растет трава'); *жәңгел табылган жылга китә* ('то, что заработано легко, – уходит на ветер');

– ветер выполняет роль посредника передачи информации: *хәбәрәңне сал жылларга* ('свое сообщение передай через ветер'); *жыл йөгерең хәбәр йөртә* ('ветер, бегая, приносит новость') и др.;

– ветер приносит удачу: *Биспайның ырысын (бәхетен) жыл китерер* ('Хорошо одетому ветер счастье принесет').

Подводя итоги, следует отметить, что в представлении татарского народа *ветер* является сложным, многогранным понятием. В народном сознании оно проявляется в 3 основных значениях:

- ветер – могучая сила: он-вестник, избавитель от обид и печалей;
- ветер – разрушительная сила: он приносит болезни, засуху, голод, печаль, разрушает порядок, баланс;
- ветер – божественная сила: он исцеляет, успокаивает.

Таким образом, татарские паремии способствуют раскрытию в сознании нации сохранившихся представлений о *ветре*. В основе этой лексемы лежат специфические типы понимания татарами мира, жизни, общность личных переживаний человека.

Следовательно, лингвокультурное исследование татарских паремий – необходимая ступень в описании татарского и, в более широком плане, тюркского реального мира, поскольку в пословицах отражаются основные стереотипы народного сознания, нравственные правила и идеалы, присущие национальной культуре. Когнитивная направленность актуальных лингвистических исследований способствует исследованию паремиологического фонда языка как источника информации о менталитете населения и его особенностях.

Исследование выполнено в рамках темы ФПСР-2/24

Список источников

1. Замалетдинов Р. Р. Внутренний и внешний мир носителей татарской культуры через призму языка. Казань: Издательство Казанского университета, 2003. 208 с.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
3. Исәнбәт Нәкый. Татар халык мәкальләре: мәкальләр җыелмасы. 3 томда. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2010. Т.1. 622 б.; Т.2. 748 б.; Т.3. 799 б.
4. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан: «Матбуган йорты» нәшрияты, 2015. 848 б.
5. Древнетюркский словарь / Составители Тенишев Э. Р., Наделяев В. М., Насилов Д. М., Щербак А. М. Ленинград: Издательство «Наука», 1969. 676 с.
6. Кашгари М. Диване лугат ат-турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А.М.Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эрмерсом. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
7. Миллият сүзлеге: Аңлатмалы сүзлек / Төзүчесе Адлер Тимергаллин. Казан: Мәгариф, 2007. 575 б.

References

1. Zamaletdinov, R. R. (2003). *Vnutrennii i vneshnii mir nositelei tatarskoi kul'tury cherez prizmu yazyka* [The Inner and Outer World of the Bearers of Tatar Culture Through the Prism of Language]. 208 p. Kazan', izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. (In Russian)
2. Maslova, V. A. (2001). *Lingvokul'turologiya* [Cultural Linguistics]. Uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii. 208 p. Moscow, izdatel'skii tsentr "Akademiya". (In Russian)
3. Isənbət Nəkyi (2010). *Tatar khalyk məkal'läre: məkal'lar җыелмасы* [Tatar Folk Proverbs: A Collection of Proverbs]. 3 tomda. T. 1. 622 p.; T. 2. 748 p.; T. 3. 799 p. Kazan, Tatarstan kitap nəshriyatı. (In Tatar)
4. *Tatar telenen aňlatmalı syzlege* (2015) [An Explanatory Dictionary of the Tatar Language]. 848 p. Kazan, "Matbugan jortı" nəshriyatı. (In Tatar)
5. *Drevnetyurkskii slovar'* (1969) [Old Turkic Dictionary]. Sostaviteli E. R. Tenishev, V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, A. M. Shcherbak. 676 p. Leningrad, izdatel'stvo "Nauka". (In Russian)
6. Kashgari, M. (2005). *Divane lugat at-turk* [A Collection of Turkic Dialects]. Perevod, predislovie i kommentirii Z.-A. M. Auezhovoi. Indeksy sostavleny R. Ehrmersom. 1288 p. Admaty, Daik-Press. (In Tatar)
7. *Milliyat syzlege: Aňlatmalı syzlek* (2007) [Nationality Dictionary: Glossary]. Tözychese Adler Timergalin. 575 p. Kazan, Məgarif. (In Tatar)

The article was submitted on 26.10.2024
Поступила в редакцию 26.10.2024

Замалетдинова Гульнара Фандасовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
старший научный сотрудник НОЦ
стратегических исследований в области
родных языков и культур,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
gulya.gali1973@mail.ru

Саттарова Мадина Рашидовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
старший научный сотрудник НОЦ
стратегических исследований в области
родных языков и культур,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
m-sattarova@mail.ru

Zamaletdinova Gulnara Fandasovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Senior Researcher in the SRNLaC Research
Group,

Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
gulya.gali1973@mail.ru

Sattarova Madina Rashidovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Senior Researcher in the SRNLaC Research
Group,

Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
m-sattarova@mail.ru

УДК 81'1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-70-76

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЫМЫШЛЕННОГО (ХУДОЖЕСТВЕННОГО) МИРА ТВОРЯЩИМ СУБЪЕКТОМ

© Елена Карташова, Алексей Михеев

REPRESENTATION OF A FICTIONAL (ARTISTIC) WORLD BY A CREATIVE SUBJECT

Elena Kartashova, Alexey Mikheev

The article is an overview of the current and controversial topic concerning the consideration of the author as a creative person who creates a fictional artistic world. The article is theoretical in nature, as it is directly devoted to describing the concept of text analysis with a focus of research attention on the study of a linguistic personality. The purpose of the work is to determine an approach to analyzing the processes of creating works of art and modeling fictional artistic worlds.

The work rethinks and complements the concept of describing a linguistic personality proposed by Yu. Karaulov. The novelty of the work is determined by the shift in focus from attempts to interpret and describe the result of linguocreative activity to the study of the processes that determine it. The change in the subject in the paradigm of linguistic personality research allows us to expand the boundaries of the theory's applicability, to formulate a more effective methodology in the interdisciplinary space, adapted to modern research into human consciousness.

Further development of this approach to the text analysis and accumulation of empirical data in the future will allow formulating an adaptation theory of text, which is currently being developed by the research team. The results of this work have interdisciplinary potential for use not only in linguistics, general text theory, pragmatics, psycholinguistics, but also in the subject area of cognitive sciences.

Keywords: cognitive linguistics, linguistic picture of the world, linguistic personality, creative subject, artistic world, anthropocentric paradigm, text, interpretation

Статья представляет собой обзор актуальной и дискуссионной темы рассмотрения автора как творящей личности, создающей вымышленный художественный мир. Статья носит теоретический характер, так как посвящена непосредственно описанию концепции анализа текста с фокусировкой исследовательского внимания на изучении языковой личности. В ней формируется подход к анализу процессов моделирования вымышленных художественных миров.

В работе дополняется концепция обобщающего описания языковой личности, предложенная Ю. Н. Карауловым. Новизна работы определяется смещением фокуса внимания с попыток интерпретации и описания результата лингвокреативной деятельности на изучение детерминирующих ее процессов. Изменение предмета в парадигме исследований языковой личности позволяет расширить границы применимости теории, сформулировать более эффективную методологию в междисциплинарном пространстве, адаптированную к современным исследованиям человеческого сознания.

Дальнейшая проработка данного подхода к анализу текста и накопление эмпирических данных в перспективе позволит сформулировать адаптационную теорию текста, разрабатываемую исследовательским коллективом в данный момент. Результаты этой работы имеют междисциплинарный потенциал использования не только в лингвистике, общей теории текста, прагматике, психолингвистике, но также в предметной области когнитивных наук.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, языковая картина мира, языковая личность, творящий субъект, художественный мир, антропоцентрическая парадигма, текст, интерпретация

Для цитирования: Карташова Е., Михеев А. Репрезентация вымышленного (художественного) мира творящим субъектом // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 70–76. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-70-76

Формирование когнитивной лингвистики и в целом антропоцентрической научно-исследовательской парадигмы в конце XX века позволило по-новому осмыслить такие основополагающие категории, как языковая картина мира, языковая личность, субъект творческой деятельности: «Знание о языке и знание языка складывается в одну целостную модель картирования мира, в ней инвентаризируется все, что было накоплено говорящим на этом языке» [1, с. 4]. Вместе с тем, как считают современные исследователи (В. А. Маслова, В. В. Целищев, Ю. С. Степанов, А. Д. Шмелев и др.), одновременно в семантическом пространстве языка существуют «иные (художественные) миры», созданные творческими личностями, отражающими когнитивный опыт познания действительности отдельным субъектом или языковым коллективом. Изучение художественных миров в настоящее время является актуальной проблемой целого ряда наук (когнитивистики, психолингвистики [2], лингвокультурологии, лингвистической прагматики, лингвистики дискурса), что отражается в используемой терминологии: «возможные миры», «вымышленные миры», «воображаемый мир», «реальность нереального», «индивидуально-художественный мир», «мир литературного вымысла», «ментальный мир» и другие. Для данного исследования актуальным будет термин «вымышленный» мир. По мнению Н. В. Черемисиной, «изучение способов представления мира или множества миров в языке интересно не только для индивидуально-художественной картины мира, но и для выяснения особенностей национальной картины мира» [3, с. 111].

Актуальность и новизна данного исследования, базируясь на общих положениях антропоцентрической парадигмы анализа художественного текста, определяются изучением текста и языка как инструмента исследователя, с помощью которого интерпретируются интенции субъекта творческой деятельности. При таком подходе предметом исследования становится не замысел автора, а сам автор как языковая личность, творящий субъект, «творящее сознание» [4], актер, то есть как функционирующее лингвокреативное сознание, выражающееся через язык. Такой подход оставляет за собой широкое перспективное поле, формирующееся в многогранном междисциплинарном пространстве, где текст и логика его интерпретации рассматриваются «эволюционистски», то есть как адаптивная реакция на вызовы внешней среды, опираясь не только на анализ смысла на уровне использования языка, но и в большей мере на способы репрезентации творящего субъекта. Понятие «тво-

рящего субъекта» терминологически квазисинонимично тому, что в когнитивной науке определяется как «языковая личность».

Структура языковой личности, ее фундаментальные уровни и примерные модели описания в отечественной лингвистике разработаны Ю. Н. Карауловым. По мнению ученого, «полное описание языковой личности в целях ее анализа и синтеза предполагает: а) характеристику семантико-строенового уровня ее организации (т.е. либо исчерпывающее его описание, либо дифференциальное, фиксирующее лишь индивидуальные отличия и осуществляемое на фоне усредненного представления данного языкового строя)» [5, с. 43]. Здесь речь идет об описании так называемого «нулевого уровня» языковой личности, включающего «системно-структурные данные о состоянии языка в соответствующий период» [Там же]. Следующий уровень, «первый» или «тезаурусный», включает «социальные и социолингвистические характеристики языковой общности, к которой относится рассматриваемая личность и которая определяет субординативно-иерархические, т.е. идеологические отношения основных понятий в картине мира» [Там же]. Описание уровня предполагает: «б) реконструкцию языковой модели мира, или тезауруса данной личности (на основе произведенных ею текстов или на основе специального тестирования)» [Там же]. Нетрудно заметить, что ни описание нулевого, ни первого уровня пока не имеет непосредственного отношения к описанию собственно языковой личности, фокусируясь на определении ее контекста: во-первых, это язык, во-вторых, это социокультурная среда, иерархия ее ценностных элементов в картине мира. Говоря о переходе между уровнями, исследователь отмечает, что ключом к нему «должна быть экстралингвистическая информация, поставляемая социальной составляющей языка и связанная с „историей“ языковой социализации данной личности, „историей“ ее приобщения к принятым в данном обществе стереотипам в отношении жизненно важных понятий, идей, представлений, „историей“ их усвоения и присвоения в процессе социализации» [Там же, с. 40–41]. Это утверждение ставит под вопрос саму возможность составления гипотетического описания. Такой полноты экстралингвистической информации, пожалуй, нет ни об одном авторе, ни об одной эпохе, даже о самых изученных и письменно зафиксированных. При этом та историческая и биографическая информация, которую можно найти, не всегда совершенна, так как выражает интерпретационные способности и интенции «биографов». Экстралингвистическая информация, безусловно, со-

проводит текст большинства сколько-нибудь известных авторов, но следует принимать во внимание, что ее количество и качество не позволяют составить достаточно полной картины о столь обширном контексте. Модель окружающего «мира» автора неизбежно будет наивной, составленный на ее основе «портрет» личности, как следствие, окажется «рудиментарным», чтобы быть действительно полезным в понимании лингвокреативного авторского сознания. Кроме того, можно составить представление о культурно-исторической эпохе, однако сложнее определить, какая ее «часть» непосредственно воздействует на автора. В большинстве случаев такая логика априори искажает результаты экстралингвистического описания, а потому спорным представляется столь акцентированное внимание на данный источник информации. Социокультурный контекст эпохи не всегда соотносим с конкретной языковой личностью, которая, к примеру, может быть замкнутой, интровертной, погруженной в собственную картину мира, не совпадающую с историческим, культурным и даже языковым сообществом, так как, к примеру, исповедует несвойственные для своей эпохи представления о мире. С нашей точки зрения, однако, тезаурусный уровень может быть отчасти восстановлен через концептуализацию интертекстуальных связей (в широком смысле) текстов автора [6]. В ближайшей перспективе такие исследования могут проводиться с помощью машинного обучения и нейросетевых технологий, которые, между прочим, в генеративных языковых моделях оперируют той же алгоритмикой и вполне способны уже сейчас распознавать скрытые отсылки (явные и неявные, умышленные и неумышленные), связующие разные тексты, лучше отдельного исследователя. Создать такой «антиплагиат», который будет не только «подсвечивать» интертекстемы, но и распределять, классифицировать и давать необходимый набор измеримых показателей, уже не вопрос времени, поскольку технологии к этому готовы, но остается вопрос желания. Таким образом, мы соглашаемся с практической необходимостью определения тезаурусной базы языковой личности, но опора на методы исследования интертекстуальности, на наш взгляд, позволит получить лучший результат.

Обратимся к наиболее интересному, значимому «второму» или «мотивационному» уровню. Здесь снова языковая личность определяется своим социальным контекстом, пусть и более узким, описание уровня предполагает: «выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящих отражение в процес-

сах порождения текстов и их содержания, а также в особенностях восприятия чужих текстов» [5, с. 43]. Анализ второго уровня представляется завершающим, по сути, конечной целью изучения языковой личности, заключающейся в определении ценностных представлений (*жизненных* и *ситуативных*) личности о мире, что близко по своему содержанию к поиску «смысла», заложенного автором в текст, ведь именно в нем эти представления и находят свое выражение. Ранее мы уже отмечали, что определение «социальной истории» через полноту экстралингвистической информации представляется трудновыполнимой задачей. В свою очередь, поиск достаточного количества еще более сфокусированной информации о «социальном функционировании» выглядит вовсе недостижимым, никто не оставляет за собой столь доступного и глубокого информационного следа. Формулируя понятие языковой личности, описывая ее структуру, теория (по крайней мере, исходя из приведенных цитат) опирается на довольно неопределенную методологию, часть которой тяготеет к предметной области истории и литературоведения, часть же вообще кажется нереализуемой. В фокусе внимания оказывается в большей степени результат речемыслительной деятельности, некая модель фрагмента реальности в сознании автора, его «картина мира» и возможная эволюция этих представлений, в конечном счете определяющих его «ценностную иерархию». При этом мы оперируем информацией из собственно текста наравне (или даже в большей степени) с экстралингвистической информацией о контексте (истории и биографии), соотнося «контекст» с «личностью» и, через их противопоставление, обнаруживая сходства или уникальные черты. «Смыслы», вокруг которых формируются тексты автора, в совокупности с языковыми способностями определяются эквивалентом его языковой личности. «Характеристика языковой личности производится языковой личностью, которой является сам исследователь, таким образом интерпретация анализируемой языковой личности, особенно в области изучения мотивационного уровня, неизбежно будет преломляться призмой сознания, языкового опыта и языковых способностей самого интерпретатора [7, с. 426].

С нашей точки зрения, в центре изучения должен находиться не только «смысл», не только *результат*, но *процесс*, то есть источники и принципы функционирования лингвокреативного сознания в тексте, эволюция формирования представлений о мире творящего субъекта, что и будет определять собственно «мотивационный уровень». Исследование должно полагаться на ин-

формацию, извлекаемую из текста, выступающего проводником к этому сознанию. Нулевой уровень исследуется на базе собственно лингвистической методологии. Первый (тезаурусный) уровень может исследоваться в междисциплинарной области истории, литературоведения и лингвистики в рамках методологии теории интертекстуальности, как уже отмечалось выше. Изучение ценностной картины мира (смысла, интенций автора) может изучаться здесь же через выраженное отношение автора к тем или иным упоминаемым фактам внешней по отношению к нему действительности. Изучение мотивационного уровня («прагматикона») должно опираться на междисциплинарную область, где лингвистика может изучать текст и язык с опорой на понимание актуальных исследований психологии, антропологии, нейробиологии, фундаментальной теории мозга, когнитивистики, формируя здесь собственную методологическую базу. Предметом исследования в сфере теории языковой индивидуальности, в свою очередь, могут быть, к примеру, стимулы и адаптивные реакции моделируемой среды вымышленного мира в тексте, проявления когнитивных искажений / ограничений в тексте и т. п.

Представленные выше рассуждения можно репрезентировать на уровне разработки примерной практической модели (см. рис.1 «Структура вымышленного мира»), раскрывающей логику нашего исследования:

Рис. 1 Структура вымышленного мира

Порождающее текст лингвокреативное сознание моделирует в нем «вымышленный мир», так или иначе соотносимый с реальной средой автора. Среда реального мира, окружающая автора и знакомая ему, проходя через сознание языковой личности, обретает акценты в процессе конструирования вымышленного мира. Иными словами, моделируя среду вымышленного мира, автор оперирует теми элементами среды реальной, выделенными из базы личного опыта, которые представляются ему наиболее значимыми, выступают раздражителями его собственного сознания:

Вымышленный мир предстает перед исследователем как игровая модель, позволяющая структурно воспроизводить фрагмент реальности (ок-

ружающую событийную среду) и соотносить ее с возможными тактиками и стратегиями адаптивного поведения.

Аккант – действующий в среде субъект, противопоставленный ей, обладающий индивидуальным набором характеристик, детерминированных его предшествующим опытом и детерминирующих специфику его адаптивного поведения.

Событийная среда – структура событий вымышленного мира, противопоставленная действующему субъекту, прямо или опосредованно стимулирующая акканта к адаптивным стратегиям поведения.

Стимулы – элементы событий, воспринимаемые аккантом как новый опыт, требующий формирования адекватной вызову речевой и / или поведенческой реакции.

Адаптивное поведение – совокупность ответных на вызовы событийной среды речевых и / или поведенческих реакций (формирование отношения к ним и следующих из него действий либо бездействия) акканта.

Моделирование вымышленных миров носит игровой характер. Совокупность множества моделей событийной среды формирует философскую базу представлений, моделирование адаптивного поведения, что, в свою очередь, формирует этическую базу культурной логики, описывает тактики и стратегии поведения в контексте меняющейся среды. Адекватность этой прикладной адаптирующей базы зависит от таланта и опыта автора вымышленного мира, от которого зависит то, насколько точно структура вымышленного мира соотносится со структурой новых сторон «сущей» реальности, насколько правдоподобно моделируется поведение субъекта в этой среде.

Моделирующие «вымышленные миры» тексты имеют прикладное значение в реальности, не все из них определяются зрелищностью, но даже зрелище само по себе имеет терапевтическую ценность, так как отвлечение внимания позволяет снизить остроту реального раздражителя.

Сталкиваясь с неким новым опытом в реальности, автор моделирует какой-либо фрагмент мира, вызвавший в его собственном сознании эмоции, экспрессию и рефлексию. С одной стороны, в вымышленном мире моделируется событийная среда, с другой – ей противопоставляется субъект, располагающий определенным набором характеристик, «предустановленных» его опытом. В структуре среды формируются «острые углы», стимулы, диссонирующие с «параметрами» акканта. Диссонанс мотивирует его адаптивные речевые и / или поведенческие реакции, на-

правленные на разрешение / снижение остроты стимула. Ответом среды может быть новый стимул, порождающий новые реакции. Автор не эквивалентен актанту, хотя он может в той или иной степени моделировать себя внутри вымышленного мира. При этом процесс моделирования автором вымышленного мира рассматривается нами как в той или иной степени адаптивное поведение. Наиболее подробно «игровая» концепция культуры представлена в работе Й. Хезинга «Homo ludens» [8]. В этой логике «игра» как вариант рефлексии нового опыта может помочь в его рационализации, усвоении, выработке того или иного отношения и / или стратегии поведения, может являться способом привыкания к этой действительности для снижения остроты реакций и эмоций. Мотивы и результаты могут составить большой вариативный и вероятностный перечень, однако, здесь следует оговориться, что наш фокус внимания больше смещен в сторону языка: на форму и средства репрезентации данных моделей. Ключевыми в исследовании предмета будут являться, очевидным образом, стимулы и адаптивные реакции. Исходя из модели и ключевых понятий, логика исследования может быть следующей:

- 1) определить формат моделирования событийной среды вымышленного мира. Здесь представляется адекватным применение метода составления семиотических сетей, представления событийной реальности текста в виде семантических графов. Этот метод применялся нами для конструирования онтологических сюжетно-событийных моделей текста для составления корпусной разметки в предметной области компьютерной лингвистики [9];

- 2) разработать формат описания детерминирующих реакцию параметров. Для этого необходимо создать описательную модель в виде сети взаимосвязанных характеристик;

- 3) систематизировать принципы выявления стимулов и реакций.

На наш взгляд, именно на этом уровне кристаллизуются принципы адаптивного поведения самого автора, определяющие его языковую личность.

Если первые два пункта касаются предметной составляющей модели, то стимулы и реакции отражают ее функциональную природу. Текст воспринимается в нашей логике моделью тех или иных фрагментов реальности в игровом пространстве вымышленного мира, «возможного» прошлого, настоящего или будущего. В сути игры лежит моделирование, которое в своей основе полагается на абстрагирование, то есть фокусировку на значимых с той или иной точки

зрения параметрах с «вынесением за скобки» того, чем в данном случае допустимо пренебречь. Однако даже в том случае, если наша модель с достаточной для нас точностью совпадает с наблюдениями и позволяет что-либо прогнозировать, оказывается полезной для решения узкого спектра задач, очевидным остается то, что модель никогда не является соразмерной реальности, то есть абсолютно тождественной тому, что она моделирует. Модель – это всегда редуцированное представление об объекте, основанное на базе качественной оценочности (минимально – в определении «значимого» и «не значимого» в пределах выполнимой задачи) и располагаемой базой знаний (неизвестное оказывается недоступным, мы моделируем исходя из базы, определенной существующим опытом).

Если текст понимается как редуцированная модель реальности, то интерпретация читателя, в свою очередь, – это редуцирование редуцированной реальности автора (редуцирование второй степени). Читатель опирается на собственную модель представлений о реальности, которая детерминирует интерпретацию призмой собственного когнитивного и эмоционального опыта. Прочтение составленной читателем, пусть даже весьма опытным, какого-либо текста интерпретации (редуцирование третьей степени) создает еще большую дистанцию от исходно моделируемой реальности, отсюда создается принцип «сломанного телефона» – чем дальше от непосредственного источника, тем более искаженное представление о нем мы получаем. Фокус внимания интерпретирующего неизбежно смещается на элементы ремоделируемого текста, которые будут качественно значимыми для него самого, исходя из его субъективного опыта. Все выходящее за пределы этого опыта редуцируется. В совокупности этот процесс порождает уникальную модель – новую интерпретацию.

Таким образом, эмпирические результаты исследований языковой личности обладают потенциалом дальнейшего перехода в междисциплинарную область, развиваясь в области прагматики. Углубленное изучение языковой личности в перспективе, вероятно, позволит приоткрыть некоторые тайны природы творческого сознания с новой, прежде не исследованной стороны. Актуальность переключения внимания с собственно языка на субъект, «с результата на процесс» в современную эпоху может определяться также возросшим интересом к теме искусственного интеллекта, создание которого в итоге сформирует основу грядущей научно-технической революции. ИИ – не «вещь в себе», но очевидно связанная с изучением проблемной области «естест-

венного» интеллекта [10]. Углубление понимания природы языковой индивидуальности и творимых ею «вымышленных миров», прежде всего, эксплицируется на мотивационном уровне языковой личности, который обладает «обновляющим» потенциалом в социокультурной области, позволяя уточнить представления о процессах формирования культурных парадигм и принципах их смены, то есть культурной эволюции, в том числе в сфере литературно-художественного творчества.

Список источников

1. Бабушкин А. П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. 86 с.
2. Пузырев А. В. Языковая личность в плане субстратного подхода // Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности: [сб. ст.]. Пенза: ПГПУ, 2002. С. 22–28.
3. Черемисина Н. В. Семантика возможных миров и лексико-семантические зоны // Филологические науки, 1992. № 2. С.11–117.
4. Махлин В. Л. «Творящее сознание», или М. М. Бахтин между прошлым и будущим // Литературоведческий журнал, 2021. № 54. С. 9–27.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность: монография / отв. ред. Д. Н. Шмелев. Изд. 7-е. М.: Изд. ЛКИ, 2010. 264 с.
6. Егоров Н. С. Рождение автора как междисциплинарная проблема // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования, 2023. № 4. С. 209–217.
7. Ярыгина Е. С., Михеев А. А., Федорова С. Н. Языковая личность и языковая общность: к вопросу о взаимообусловленности частного и общего в языке и лингвистике // Вестник Марийского государственного университета, 2022. Т. 16. № 3. С. 423–429.
8. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1992. 464 с.
9. Михеев А. А. Семантико-событийная онтология EVENTONTO: базовый терминологический аппарат, процессы разработки и принципы классификации предметных единиц // Международный научно-исследовательский журнал, 2024. № 8 (146). URL: <https://system.cifra.science/publishing/article/13326/> (дата обращения: 10.09 24)
10. Кудряшев А. Ф., Елхова О. И. Процесс творчества в системах с искусственным интеллектом // Вестник Башкирского ун-та, 2016. № 4. С. 1124–1129.

References

1. Babushkin, A. P. (2001). *“Vozmozhnye miry” v semanticheskom prostranstve yazyka* [“Possible Worlds” in the Semantic Space of Language]. 86 p. Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)
2. Puzyrev, A. V. (2002). *Yazykovaya lichnost' v plane substratnogo podkhoda* [Linguistic Personality in Terms of the Substratum Approach]. Opyty tselostno-sistemnykh podkhodov k yazykovoi i neyazykovoi real'nosti: sb. st., pp. 22–28. Penza, PSPU. (In Russian)
3. Cheremisina, N. V. (1992). *Semantika vozmozhnyh mirov i leksiko-semanticheskie zony* [Semantics of Possible Worlds and Lexical-Semantic Zones]. Filologicheskie nauki, No. 2, pp.11–117. (In Russian)
4. Makhlin, V. L. (2021). *“Tvoryashcheye soznaniye”, ili M. M. Bakhtin mezhdubudushchim* [“Creative Consciousness”, or M. M. Bakhtin between Past and Future]. Literaturovedcheskii zhurnal. No. 54, pp. 9–27. (In Russian)
5. Karaulov, Yu. N. (2010). *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost': monografiya* [The Russian Language and Linguistic Personality: A Monograph]. Otv. red. D. N. Shmelev, 7-oe izd. 264 p. Moscow, LKI. (In Russian)
6. Egorov, N. S. (2023). *Rozhdenie avtora kak mezhdisciplinarnaya problema* [The Birth of the Author as an Interdisciplinary Problem]. Nauchnyi rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya. No. 4, pp. 209–217. (In Russian)
7. Yarygina, E. S., Mikheev, A. A., Fedorova, S. N. (2022). *Yazykovaya lichnost' i yazykovaya obshchnost': k voprosu o vzaimoobuslovlennosti chastnogo i obshchego v yazyke i lingvistike* [Linguistic Personality and Linguistic Community: On the Interdependence of the Particular and the General in Language and Linguistics]. Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 16. No. 3, pp. 423–429. (In Russian)
8. Kheyzinga, Y. (1992). *Homo ludens. V teni zavtrashnego dnya* [Homo Ludens. In the Shadow of Tomorrow]. 464 p. Moscow, Progress. (In Russian)
9. Mikheev, A. A. (2024). *Semantiko-sobyitiinaya ontologiya EVENTONTO: bazovyi terminologicheskii apparat, protsessy razrabotki i printsipy klassifikatsii predmetnykh edinits* [Semantic and Event Ontology EVENTONTO: Basic Terminology, Development Processes and Principles of Subject Unit Classification]. Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. No. 8 (146). (In Russian)
10. Kudryashev, A. F., Elkhova, O. I. (2016). *Protsess tvorchestva v sistemakh s iskusstvennym intellektom* [The Process of Creativity in Systems with Artificial Intelligence]. Vestnik Bashkirskogo un-ta. No. 4, pp. 1124–1129. (In Russian)

The article was submitted on 22.10.2024
Поступила в редакцию 22.10.2024

Карташова Елена Павловна,
доктор филологических наук,
профессор,
Марийский государственный университет,
424000, Россия, Йошкар-Ола,
Пушкина, 30.
elena.karta77@mail.ru

Михеев Алексей Анатольевич,
кандидат филологических наук,
доцент,
Марийский государственный университет,
424000, Россия, Йошкар-Ола,
Пушкина, 30.
elena.karta77@mail.ru

Kartashova Elena Pavlovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Mari State University,
30 Pushkin Str.,
Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation.
elena.karta77@mail.ru

Mikheev Alexey Anatolievich,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Mari State University,
30 Pushkin Str.,
Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation.
elena.karta77@mail.ru

УДК 811

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-77-82

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОВЕТИЗМОВ В АМЕРИКАНСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ Н. МЕЙЛЕРА «ИСТОРИЯ ОСВАЛЬДА»)

© Жанна Коновалова

FUNCTIONS OF SOVIETISMS IN AMERICAN LITERARY NONFICTION DISCOURSE (BASED ON N. MAILER'S BOOK "OSWALD'S TALE: AN AMERICAN MYSTERY")

Zhanna Konovalova

The assassination of John F. Kennedy is known as the "murder of the century" and is firmly embedded not only in political and media discourse, but also in fiction, nonfiction and cinema. Literary nonfiction discourse is characterized by a special "hybrid nature", which combines factography, on the one hand, and a high degree of emotional impact, on the other. In this regard, the authors of literary nonfiction texts often develop a special set of linguistic means that allow them to influence the recipient in the absence of an opportunity to turn to the aesthetic potential of artistic fiction. This paper studies the functions of sovietisms as a special layer of vocabulary in the literary nonfiction book "Oswald's Tale: An American Mystery" (1995) by N. Mailer. The classification of sovietisms is given according to the thematic principle and is based on their word-formation, semantic and stylistic features. We also analyze adaptation features of sovietisms when translated into English. The article concludes that the sovietisms, used in the speech utterances of numerous narrators, as well as in written documents related to Lee Harvey Oswald's case, not only allow the author to convey the national and cultural features of the life in the Soviet Union, where Oswald spent several years before the assassination of Kennedy, but also act as "status" details. They are used to characterize the identities of witnesses and eyewitnesses who participated in the literary investigation conducted by N. Mailer.

Keywords: sovietism, literary nonfiction discourse, translation, ideology, lexical and lexicogrammatical transformations, lexico-semantic substitutions

Убийство Джона Кеннеди известно как «убийство века» и прочно вошло не только в политический и медиадискурс, но также нашло свое отражение в художественно-документальной литературе и кино. Художественно-документальный дискурс отличается особой «гибридной природой», которая сочетает в себе фактографичность, с одной стороны, и высокую степень эмоционального воздействия – с другой. В связи с этим авторы художественно-документальных текстов часто вырабатывают особый набор языковых средств, позволяющих оказать влияние на реципиента в отсутствие возможности обратиться к эстетическому потенциалу художественного вымысла. Данная статья посвящена проблеме функционирования советизмов как особого пласта лексики в художественно-документальной книге Н. Мейлера «История Освальда: Американская загадка» (*Oswald's Tale: an American Mystery, 1995*). Дается классификация советизмов по тематическому принципу и на основе их словообразовательных, семантических и стилистических особенностей. Также анализируются особенности передачи советизмов при переводе на английский язык. Автор статьи приходит к выводу, что советизмы, используемые в речевых высказываниях многочисленных повествователей, а также в письменных документах, связанных с делом Ли Харви Освальда, не только позволяют передать национально-культурные особенности быта Советского Союза, где Освальд провел несколько лет до убийства Кеннеди, но и выступают в качестве «статусных» деталей, необходимых для характеристики личностей свидетелей и очевидцев, участвовавших в расследовании Н. Мейлера.

Ключевые слова: советизм, художественно-документальный дискурс, перевод, идеология, лексические и лексико-грамматические трансформации, лексико-семантические замены

Для цитирования: Коновалова Ж. Особенности функционирования советизмов в американском художественно-документальном дискурсе (на материале книги Н. Мейлера «История Освальда») // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 77–82. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-77-82

Убийство Джона Кеннеди в 1963 году стало одним из центральных политических событий второй половины XX века в США. Значительность фигуры Дж. Кеннеди, отсутствие очевидного мотива у обвиненного в нем Ли Харви Освальда, а также последовавшая почти сразу за обвинением ликвидация подозреваемого привели к тому, что «убийство века» надолго стало частью не только политического и медиадискурса, но также нашло свое отражение в кинодискурсе и литературе. В 1990-х году к исследованию данного феномена обратился Н. Мейлер, один из ярких представителей американской художественно-документальной литературы второй половины XX века. Автор провел собственное расследование, проинтервьюировал всех, кто так или иначе взаимодействовал с Ли Харви Освальдом, изучил архивы ФБР и КГБ и даже проследовал по пути Освальда в Москву и Минск. В результате в 1995 году была опубликована книга «История Освальда: Американская загадка» (*Oswald's Tale: an American Mystery*) [1], которая представляет собой вариант журналистского расследования и носит художественно-документальный характер. Художественно-документальная природа книги подчеркивается эпиграфом, который представляет собой фрагмент допроса матери Ли Харви Освальда, проведенного 10 февраля 1964 года Комиссией Уоррен. Указание даты и приведение записи допроса свидетельствует о том, что книга является документальным свидетельством описываемых событий. Однако выбор фрагмента допроса вводит мотив «фикциональности». Так, отвечая на вопрос, почему ее сын «перебежал в Россию», М. Освальд заявляет, что не сможет кратко и однозначно ответить на этот вопрос: *“I am going to go through the whole story or it is no good. And that is what I have been doing for this Commission all day long – giving a story”* [Там же, с. i]. В данном случае Н. Мейлер подчеркивает многозначность слова *story* как персональной истории Ли Харви Освальда и как художественного жанра, в котором присутствует авторский вымысел. В целом, «История Освальда» является совокупностью зафиксированных устных высказываний многочисленных свидетелей и очевидцев, а также письменных документов (записи допросов и материалы слежки КГБ и ФБР, дневники Освальда, переписка между Освальдом и его друзьями и родственниками, его переписка с представителями различных органи-

заций СССР и США). Автор выбирает «географический» принцип организации материала: книга делится на две части «Освальд в Минске с Мариной» и «Освальд в Америке». Уже в предисловии Н. Мейлер подчеркивает важность языковой составляющей произведения. Книгу предваряет “Note on Style”, где автор объясняет разницу между русским и английским языками:

One was tempted, therefore, to dispense with articles and the verb “to be” during the first half of the book, for it would have given an overpowering Russian flavor to the prose. A full effort in this direction would, however, have tortured the English beyond repair, and so only a suggestion of this difference is present. Let me, then, wish you good reading and happy accommodation to small liberties taken with King’s English [Там же, с. 1].

Это обращение к читателю является своего рода литературной игрой, которая была свойственна для позднего (постмодернистского) периода творчества Н. Мейлера. Посвятив читателя в грамматические особенности своей книги, автор в предисловии «умалчивает» о лексических ее особенностях. Первая часть книги почти полностью состоит из свидетельств людей, являющихся носителями русского языка и советского менталитета, в разной степени владеющих английским языком. Введение каждого нового повествователя предваряет краткая справка о деталях знакомства с Ли Харви Освальдом и о языке, на котором дается интервью. Повествователей в этой части можно разделить на три типа: людей, хорошо владеющих английским языком и дающих интервью на английском; людей, когда-то владевших английским и дающих интервью на смеси русского и английского языков; и людей, говорящих только на русском языке. Интересно, что нарратив первого типа, чаще всего, представлен в форме интервью (вопрос – ответ), а свидетельства повествователей второго и третьего типов «облекаются» в форму художественного текста (при сохранении фактического содержания).

Одной из лингвостилистических особенностей первой части «Истории Освальда» является широкое использование рассказчиками особого пласта лексики – *советизмов*. Под советизмами мы в данном контексте понимаем вербальные обозначения советских реалий. Для Н. Мейлера, как для представителя школы Нового журнализма, всегда было важно глубокое погружение в

дух эпохи и тщательное фиксирование национального и социального статуса своих героев, а также их психологии. Обращение к «языковой личности» Ли Харви Освальда и его «советского окружения» является попыткой автора дать альтернативный ответ на официальную версию убийства Дж. Кеннеди.

В книге Н. Мейлера «История Освальда: Американская загадка» методом сплошной выборки было выявлено 293 случая использования советизмов. Наиболее частотными является использование советизмов *KGB* (95), *Soviet* и *Soviets* (36 случаев использования как отдельно, так и в составе словосочетаний), *MVD* (23 случая использования), *the Organs* (19 случаев использования). Превалирование данных советизмов позволяет сделать вывод о том, что окружение Освальда было «заинтересовано» не в передаче социальных или культурных реалий его пребывания в Москве и Минске, а, скорее, в поиске политических причин поступков Ли Харви Освальда, что коррелируется с одной из «неофициальных» версий убийства Дж. Кеннеди, в которой рассматривалось участие СССР.

В соответствии с тематическим принципом, положенным в основу классификации советизмов, предложенным И. Ф. Протченко и И. Земцовым [2],[3], нами было выявлено 8 основных тематических групп:

- советизмы, относящиеся к сфере внешней политики (*imperialist countries, proletarian internationalism, socialist countries*);
- советизмы, относящиеся к военной сфере (*Soviet Army, the Red Army, Hero of the Soviet Union*);
- советизмы, обозначающие сферу внутренней политики и деятельность коммунистической партии (*Party, Komsomol, directive, party errand, Communist party*);
- советизмы, обозначающие общественную сферу (*class struggle, dissident activity, socialist way of life, Communist society*);
- советизмы, отражающие философию режима (*Marxist-Leninist theory, socialism, communism*);
- советизмы, отражающие реалии, не имеющие аналогов в других странах (*kolkhoz, gulag, 101 Kilometres*);
- советизмы, используемые для обозначения организаций и учреждений (*KGB, MVD, OVIR, ZAGS*);
- советизмы, являющиеся наименованиями лиц (*komsorg, secretary, party member, cadre*).

По количественному составу наиболее многочисленными являются тематические группы «организации и учреждения» (150 единиц), «на-

именования лиц» (40 единиц) и «внутренняя политика и деятельность партии» (33 единицы). Это позволяет сделать вывод о том, что, по мнению повествователей и самого Ли Харви Освальда, советская действительность характеризуется высокой степенью бюрократизации, регламентированностью и основополагающей ролью, которую играет коммунистическая партия во всех сферах жизни советских граждан. Данный вывод подкрепляется и событийным уровнем повествования: в Советском Союзе Ли Харви Освальд неоднократно сталкивается с действием «государственной машины». Сначала он не может получить разрешение остаться в Советском Союзе и вынужден совершить ряд «показательных» поступков, в частности, публично отказаться от американского паспорта и совершить попытку самоубийства. В дальнейшем он сталкивается со сложностями оформления брака с Мариной Прусаковой. Приняв решение вернуться в США, Освальд вновь вынужден проходить через серию бюрократических процедур, причем Н. Мейлер акцентирует сложности, с которыми сталкивается герой, подробно фиксируя обширную переписку Освальда с советскими учреждениями и приводя многочисленные записи встреч и бесед государственных служащих с Мариной Прусаковой. Контекст, в котором упоминаются различные учреждения и организации, в основном носит негативную стилистическую окраску. Повествователи часто используют жаргонизмы и эвфемизмы, характеризуя свой опыт взаимодействия с различными учреждениями и структурами. Например, один из рассказчиков, описывая внимание к нему со стороны «Органов», вводит в свою речь жаргонизм «пасут»: *I said to Yuri: 'We're being grazed. ' There was a special word, pasut, which was used when you were clearly under surveillance* [1, с. 179]. Несколько рассказчиков характеризуют основную цель деятельности МВД как «указать верное направление» (*"point in the right direction"*), что в сочетании с упоминаниями таких реалий, как ГУЛАГ, 101-й километр и трудовой лагерь, позволяет подчеркнуть иносказательность выражения. Интересно, что некоторые советские реалии являются не только способом передать дух времени и особенности быта советских граждан, но и выявить национально-культурные различия между героями. Так, для Ли Харви Освальда «Советская конституция» является основополагающим документом, к которому он (по аналогии с Конституцией США) апеллирует в различных ситуациях. Для советской гражданки Марины Прусаковой такое отношение оказывается непонятным, так как она

никогда не изучала *"that stupid Soviet constitution"* [Там же, с. 191].

Кроме того, основываясь на принципе, предложенном В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной, мы классифицировали советизмы, используемые в «Истории Освальда», по их семантическим, стилистическим и словообразовательным особенностям. Наиболее многочисленную группу составили лексико-словообразовательные советизмы, то есть «новые слова, созданные различными способами для обозначения советских реалий» [4, с. 11]. Было выявлено 166 единиц, к которым можно отнести такие советизмы, как *колхоз, комсорг, ГУЛАГ, КГБ* и др. К семантическим советизмам, то есть ранее нейтральным, неидеологизированным словам, получившим новые общественно-политические значения [Там же, с. 10], было отнесено 69 единиц, включая такие советизмы, как *товарищ, органы, интеллигенция, классовая борьба, классовая ненависть* и др. Наименее многочисленная группа советизмов – стилистические советизмы (58 единиц), или «стереотипные номинации, которые передают идеологические мифологемы» [Там же, с. 12]. К ним относятся такие советизмы, как *враг народа, культ Сталина, партийное задание* и т. д. Интересно минимальное использование повествователями стилистических советизмов, особенно с негативной окраской. По нашему мнению, это может свидетельствовать об отсутствии принятия основных идеологических установок советского строя у Ли Харви Освальда и у его ближайшего окружения. В частности, один из рассказчиков отдельно отмечает положительное, в целом, отношение к американцу, несмотря на идеологические установки, превалирующие в профессиональной и бытовой сфере:

...A few workers were hostile to Oswald, but just a few. There was one, Viktor, a zhlob, medium-sized guy, real strong. And Viktor always used to say, 'Those American imperialists – if I had a machine gun, I would shoot them.' A real zhlob [1, с. 88].

В контексте «Истории Освальда» важным также является аспект передачи советизмов при переводе. Советизмы принято относить к безэквивалентной лексике, при переводе которой используются лексические и лексико-грамматические трансформации, такие как переводческая транскрипция и транслитерация, калькирование и лексико-семантические замены, а также экспликация и переводческий комментарий. Особая природа «Истории Освальда», связанная с тем, что книга представляет собой совокупность устных и письменных высказываний различных повествователей, приводит не только к «множест-

венности точек зрения» как основополагающей характеристике текста, но и разноплановости его стилистического и языкового оформления. Как было отмечено ранее, повествователями являются люди, в разной степени владеющие русским и английским языком, имеющие разный социальный статус (*«партийная элита», рядовые члены партии и комсомола, студенты, рабочие*) и степень вовлеченности в «советский образ жизни» (*интеллигенция, диссиденты, советская девушка*). Основными способами передачи советизмов в «Истории Освальда» являются переводческая транскрипция и транслитерация, калька и полукалька (смешанный перевод), генерализация, конкретизация, лексическое добавление, экспликация (описательный перевод). Транскрипция и транслитерация использовались в основном при передаче аббревиатур и реалий, отсутствующих в английском языке: *KGB, MVD, OVIR, czarist, domrabotnitsa, militia, pasut, potok*. Калька использовалась в случае употребления интернациональных советизмов или явлений, ставших широко известными с фиксацией их обозначений в словарях английского языка: *Presidium, object, the Iron Curtain, enemy of the people, anti-Soviet propaganda, the Red Army*. Полукальки, или смешанный перевод, в основном встречались при передаче номинаций людей и реалий: *the Bolshevik Revolution, Khrushchev era, dezhurnayas, militia-man*. Генерализация встречалась в основном при упоминании властных структур или учреждений. Частым примером являлось использование слова *Komsomol* вместо более подходящего по контексту *komsomolets, Komsomol member* или *Komsomol worker*: *After Komsomol tried to talk her out of it, they spoke of whether Lee might be an American spy* [Там же, с. 220]. В данном случае *Комсомол* выступает как единое целое, наделенное характеристикой одушевленности, по контрасту с Мариной Прусаковой, которая объявлена «врагом народа» и остается в одиночестве. По нашему мнению, подобный способ передачи советизмов позволяет рассказчикам транслировать проблему деперсонализации личности при советском режиме. Также генерализация часто применялась при передаче таких советизмов, как *советское правительство, советские власти, советские войска, советские люди*. Вместо эквивалентов *Soviet government, Soviet authorities, Soviet troops, Soviet people* повествователи используют слово *Soviets* во всех представленных случаях, более конкретизированные понятия были заменены обобщенным словом, несущим основную смысловую нагрузку. Конкретизация встречалась в основном при передаче философских концепций, в частности, марксизм-ленинизм передавал-

ся зачастую как “*Marxist-Leninist theory*”, что, по-видимому, было связано с желанием повествователей «адаптировать» свои высказывания для американца Н. Мейлера. Лексическое добавление также чаще всего было связано с добавлением слова *Soviet* к различным словосочетаниям и осуществлялось, по-видимому, самим Н. Мейлером на этапе редактирования книги. Это добавление в тексте маркировалось графически, квадратными скобками. Экспликация, или описательный перевод, в основном встречались при передаче реалий. Одним из примеров экспликации является передача слова *колхоз* описанием *collective farm*. Также был выявлен один случай использования сочетания транслитерации и переводческого комментария: *He only calmed down on the day of our marriage; before that he went every day to ZAGS [the marriage bureau] to find out if we were to get permission* [Там же, с. 178]. В данном случае слово *ЗАГС* транслитерируется и сопровождается комментарием “*the marriage bureau*”.

С помощью количественного и контент-анализа использования и трансформации советизмов в речи повествователей была выявлена определенная закономерность. Транскрипция и транслитерация чаще всего встречаются в речи рассказчиков, не владеющих или слабо владеющих английским языком, либо являющихся носителями советской идеологии. Калька встречается в речи персонажей, хорошо владеющих английским языком и, по-видимому, адаптировавших русские реалии в процессе интервью, которые он давали Н. Мейлеру. Полукалька при передаче советизмов, в основном, встречается в речи Марины Прусаковой-Освальд, которая воспитывалась в Советском Союзе, но переехала в Америку и на момент интервью уже являлась носителем «двойственной» культурной и языковой идентичности.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что использование советизмов и тщательная регистрация авторских особенностей их употребления является для Н. Мейлера особой вариацией «статусных деталей». Известно, что автор является одним из наиболее ярких представителей школы Нового журнализма, чье творчество можно охарактеризовать как один из этапов формирования американского художественно-документального дискурса. Представители данного направления не только занимались художественными экспериментами, но и делали попытки представить теоретическое обоснование для объединения ряда писателей и журналистов США в рамках «литературы факта». В частности, в качестве одного из жанрообразующих призна-

ков Нового журнализма были выдвинуты «статусные детали», то есть детали, позволяющие емко охарактеризовать персонажа без использования иных, характерных для художественной литературы, приемов. Представляется, что употребление советизмов и различная степень их адаптации в процессе интервью является для Н. Мейлера одной из вариаций подобных «статусных деталей».

Таким образом, отличительными чертами художественно-документального дискурса является его двойственная природа, выражающаяся в фактографическом характере предоставляемой информации, с одной стороны, и субъективности и эмоциональной окрашенности речевого высказывания – с другой. Советизмы в «Истории Освальда» выполняют функцию передачи национально-культурного колорита и социальных и бытовых реалий. Так, употребление советизмов позволяет рассказчикам охарактеризовать действительность, в которой несколько лет находился подозреваемый в убийстве Кеннеди Освальд. Высокая частотность использования советизмов, являющихся наименованиями организаций и учреждений, а также использование генерализации при их передаче позволяют подчеркнуть степень бюрократизации жизни и проблему деперсонализации личности в советском обществе. Кроме того, особая жанровая и стилистическая природа «Истории Освальда» определила выбор приемов, которые использует автор. Фактографический характер книги не предполагал использования вымысла и художественных средств для того, чтобы вызвать эмоциональный отклик у читателей. Советизмы, широко представленные в свидетельствах и документах, и способы их трансформации при передаче на английском языке выступили в качестве «статусных» деталей, позволяющих понять психологию повествователей и сделать выводы о степени их объективности.

Список источников

1. *Mailer N. Oswald's Tale: An American Mystery*. NY: Random House, 2007. 828 p.
2. *Протченко И.Ф.* Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. Социолингвистический аспект. М.: Наука, 1985. 352 с.
3. *Земцов И.* Советский политический язык. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1985. 431 с.
4. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб: Олио-пресс, 1998. 704 с.

References

1. Mailer, N. (2007). *Oswald's Tale: An American Mystery*. 828 p. NY, Random House. (In English)
2. Protchenko, I. F. (1985). *Leksika i slovoobrazovanie russkogo yazyka sovetskoi epokhi. Sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Vocabulary and Word Formation in the Russian Language of the Soviet Epoch. The Sociolinguistic Approach]. 352 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
3. Zemtsov, I. (1985). *Sovetskii politicheskii yazyk* [Soviet Political Language]. 431 p. London, Overseas Publications Interchange Ltd. (In Russian)
4. Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (1998). *Tolkovyi slovar yazyka Sovdepii* [The Glossary of the Sovdep Language]. 704 p. St. Petersburg, Olio-press. (In Russian)

The article was submitted on 22.10.2024

Поступила в редакцию 22.10.2024

Коновалова Жанна Георгиевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
zhanna.konovalova@gmail.com

Konovalova Zhanna Georgievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
zhanna.konovalova@gmail.com

УДК 811.33

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-83-89

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СУБСТАНДАРТА В ДИСКУРСИВНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА

© Анжелика Королькова, Татьяна Новикова

SUBSTANDARD LINGUOPRAGMATIC CHARACTERISTICS IN THE DISCURSIVE FICTIONAL SPACE OF THE EARLY 21ST CENTURY

Angelica Korolkova, Tatyana Novikova

The article examines the linguo-pragmatic characteristics and function features of the substandard level vocabulary units in the fictional discourse of the early 21st century. The substandard units of the language include slang and jargon from the prison camp and thieves' jargon, as well as the jargon of military and youth groups. We analyze the discursive fictional space taking into account the ambivalence of the discourse concept and its characterization in terms of the cognitive approach, the semiotic and communicative-pragmatic approach, the sociolinguistic, cultural and psycholinguistic approaches. By discourse, we mean a multidimensional linguistic phenomenon that combines linguistic and speech practices, discourse activities and the text as the product of this activity. The study of the Russian-speaking discursive fictional space in the early 21st century is based on the idea that its essence is associated with the understanding of a linguistic (discursive) personality of a communicative event, which is actualized by speech consciousness as an associative-figurative part of communication reflected in the text. Among the main functions of substandard units in the discursive Russian fictional space of the early 21st century, the article highlights the following: expressing part of the modern society axiological values; reflecting social and ethnic stereotypes; representing the polycode, associated with intertextual categories of a literary text, and the cognitive and cumulative functions characteristic of the characters' speech individualization.

Keywords: discourse, discursive fictional space, substandard, jargon, slang

В статье рассматриваются лингвопрагматические характеристики и особенности функционирования словарных единиц субстандарта в художественном дискурсе начала XXI в. В состав единиц субстандарта включаются сленгизмы и жаргонизмы из лагерного и воровского жаргона, а также жаргона военных и социальных молодежных группировок. Дискурсивное художественное пространство анализируется с учетом амбивалентности понятия дискурса, связанного с его характеристикой с точки зрения когнитивного подхода, семиотического и коммуникативно-прагматического подхода, социолингвистического, лингвокультурологического и психолингвистического подхода. Дискурсом мы считаем многомерное лингвистическое явление, в котором соединяются языковые и речевые практики, дискурс – деятельность и одновременно продукт этой деятельности, то есть текст. Исследование русскоязычного дискурсивного художественного пространства начала XXI в. соотносится с осмыслением дискурсивной личностью отдельного коммуникативного события как части любого институционального дискурса; событие осознается речевым сознанием как ассоциативно-образный фрагмент коммуникации. Основные функции единиц субстандарта в дискурсивном русскоязычном художественном пространстве начала XXI века состоят в выражении части аксиологических ценностей современного общества; в отражении социальных и этнических стереотипов; в манифестации ценностных доминант социальных групп; в репрезентации поликодовости, связанной с интертекстуальными категориями художественного произведения, а также в когнитивной и кумулятивной функциях, в индивидуализации речи персонажей.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивное художественное пространство, субстандарт, жаргон, сленг

Для цитирования: Королькова А., Новикова Т. Лингвопрагматические характеристики субстандарта в дискурсивном художественном пространстве начала XXI века // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 83–89. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-83-89

Современные исследования дискурсивного художественного пространства связаны с его разноаспектными характеристиками, коррелирующими с лингвистическими и нелингвистическими исследованиями. Общеизвестно, что существуют различные школы анализа дискурса: французская, англо-американская, немецкая, российская и пр. Именно поэтому до настоящего времени не существует единого понимания феномена дискурса, и в связи с этим следует уточнить его дефиницию. Дискурсом считаем речевую деятельность, рассматриваемую как язык и речь с учетом экстралингвистических характеристик, а также результат речевой деятельности – устный или письменный текст (в художественной литературе – поэтический или прозаический художественный текст).

Нам близка научная концепция Т. ван Дейка, который полагает, что дискурсом можно называть комплексное коммуникативное событие.

В концепции ван Дейка важнейшим фактором является экстралингвистическое обоснование основ дискурса, включающее анализ интенций автора, мировоззренческих доминант [1].

Н. Ф. Алефиренко, учитывая дискурсивную теорию ван Дейка, также определяет дискурс как «коммуникативно-когнитивное событие социокультурного характера» [2, с. 104].

Полагаем, что художественный дискурс можно считать «коммуникативно-когнитивным событием социокультурного характера», поскольку большинство художественных произведений оказывает прямое или опосредованное воздействие на социокультурную среду. Некоторые произведения, запечатлевшие систему универсальных аксиологических ценностей, становятся частью культурного наследия человечества.

Помимо этого, изучение дискурса соотносится со структурно-синтаксическим подходом, социально-прагматическим, коммуникативным когнитивным и лингвокультурологическим подходом.

В. И. Карасик полагает, что существующие подходы к изучению дискурса можно разделить на тематический, субъектный, инструментальный. Исходя из постулата о множественности понимания дискурса, В. И. Карасик считает, что типология дискурса может быть построена по тематическому принципу, с учетом коммуникативной ситуации и «акциональной природы» [3, с. 71].

Необходимо отметить, что дискурс в настоящее время принято рассматривать с широкой или узкой точки зрения.

Т. Г. Скребцова в курсе лекций «Лингвистика дискурса», рассматривая дискурс максимально широко, справедливо отмечает, что «разумным кажется отказ от жесткого разграничения дискурса и текста», то есть в широком смысле дискурс рассматривается в соотношении с текстом и речью [4, с. 16].

Существование художественного дискурса как объекта исследований в современных лингвистических и литературоведческих работах не вызывает сомнений.

Предлагается не просто анализировать отдельные характеристики художественного дискурса, например концепты, репрезентирующие основные мировоззренческие доминанты автора, но и изучать основные модели и принципы построения художественного дискурса.

При этом художественный дискурс рассматривается как результат социального действия, как процесс взаимодействия автора и читателя с целью осмысления и интерпретации действительности; художественный дискурс может трактоваться как отдельный художественный текст с учетом его включенности в национальную социальную среду, в комплексе с экстралингвистическими признаками и анализом дискурсивной личности автора, а также как комплекс художественных текстов отдельного писателя с учетом тех же параметров. В некоторых лингвокогнитивных исследованиях говорится об общенациональных художественных дискурсах.

О. Ю. Стародубова утверждает, что «художник слова, выполняя глобальное назначение искусства, конструирует свой мир с комфортной ценностной для человека средой. Отправным моментом лингвокогнитивного моделирования в этом случае является историко-культурный национальный и мировой контекст» [5, с. 35]. При этом художественный дискурс О. Ю. Стародубова рассматривает как готовый зафиксированный социокультурный продукт, как экспликацию фрагмента дискурсивной информации.

В диссертационном исследовании И. И. Чумак-Жунь вслед за Н. Ф. Алефиренко рассматривает дискурсивное пространство как «представленное в тексте коммуникативное событие» [6, с. 9].

Рассматривая тексты художественного дискурса, которые включают значительное количество лексических единиц субстандарта, невозможно обойти вниманием дискурсивные личности авторов.

Начало XXI в. в русской литературе ознаменовалось созданием большого количества произведений, осмысляющих российскую постсовет-

скую действительность. В числе этих произведений назовем роман Дениса Гуцко «Русскоговорящий» и роман «Санька» Захара Прилепина. В этих книгах субстандартная лексика является необходимой, поскольку реалистическое описание жизненных ситуаций перелома исторических эпох невозможно без подобного лексикона.

В романе Дениса Гуцко «Русскоговорящий» описывается исторический период распада Советского Союза, когда формально страна еще существовала, но уже начались межнациональные конфликты, перерастающие в погромы. Протагонистом произведения является Дмитрий (Митя) Вакула, выросший в Тбилиси и говорящий по-русски с грузинским акцентом, что создает для него массу проблем в советской армии. Окружающие никак не могут понять, почему он говорит на родном языке с акцентом. Непонимание выливается в конфронтацию с его военачальниками.

Сам Денис Гуцко, по сути, прошел путь своего героя, он отразил в произведении личностные переживания; место его рождения Тбилиси, где он учился и закончил школу. А затем, как и его персонаж, служил в армии.

Денис Гуцко пытается осмыслить причины возникновения национальных конфликтов, ответить на извечный вопрос о том, в какой момент естественная антиномия свой/чужой перерастает в ненависть, выливающуюся в преступные действия по уничтожению «иных», в погромы. Он исследует механизм «расчеловечивания», фактически распада человеческой личности, показывая, как люди утрачивают сострадание и формируется толпа, готовая убивать.

В романе «Русскоговорящий» содержится описание армянских погромов в азербайджанском городе Шеки:

«Зверь погромов метался по Шеки дней десять. Потом выдохся, стал реже выходить на охоту. Через ночь, раз в неделю. Наконец, утомился – некого стало громить. Оказалось, есть особые знания, как правильно спастись от зверя. И удивительным образом они сохранилось» [7].

Описание страшных событий националистических погромов невозможно без употребления бранной лексики и словарных единиц субстандарта, поскольку правдоподобие дискурсивного пространства реалистического произведения требует соответствующего языкового материала.

В романе Захара Прилепина «Санька» также в полной мере нашла отражение дискурсивная личность автора. Роман посвящен анализу эпохи активного развития русского националистического движения начала 2000-х гг. В дискурсив-

ном художественном пространстве произведения содержатся яркие описания столкновений националистов и милиции, жестокость с обеих сторон. В романе «Санька», как и в романе «Русскоговорящий», детально изображены погромы как социально опасное, разрушительное явление, когда отдельная личность становится частью бующей толпы:

«Выше по улице стояло еще несколько машин – и вскоре на их крышах с дикой, почти животной, но молчаливой радостью прыгали парни и девчонки.

Ища, что бы такое сломать, – причем сломать громко, с хрястом, вдрызг, – двигались по улице, впервые наедине, один на один с городом.

Ребята делали свое дело без крика, со спокойной ненавистью» [8].

Протагонист романа Санька (так его называл дедушка, ветеран Великой Отечественной войны) и его друзья задаются вопросом о возможности создания национального государства, о будничности русской нации.

Захар Прилепин в определенный отрезок времени сочувствовал националистическим взглядам Э. Лимонова. Жизненный опыт и наблюдения помогают Прилепину воссоздать реалистическую картину появления национальной нетерпимости, проанализировать причины этнического национализма и попытаться осмыслить, возможно ли создание общества, где шовинизм будет недопустимым.

Дискурсивные личности и Дениса Гуцко, и Захара Прилепина связаны с исторической эпохой рубежа XX–XXI вв., определены сложным комплексом экстралингвистических факторов, включающих социальные реалии действительности, что и находит прямое выражение в созданных ими художественных произведениях.

Художественный дискурс романов «Русскоговорящий» и «Санька» определяют не только дискурсивные личности авторов, но и особое взаимодействие, возникающее между автором и читателем. Интенцией Захара Прилепина и Дениса Гуцко при создании художественного дискурса в рассматриваемых произведениях является эмоциональное воздействие на адресата; целью подобного воздействия можно считать прогнозируемый эмоционально-экспрессивный отклик, который оказывает влияние на мировоззренческие установки читателя, его систему аксиологических ценностей. Читатель погружается в дискурсивное художественное пространство романов о переломной эпохе государства, сочувствует персонажам, становится частью вымышленного, но неотличимого от реального мира, стоящего на грани катастрофы.

Одним из факторов, определяющих особенности дискурсивного пространства художественного текста, является его прагматика, заключающаяся в том, чтобы оказать максимальное воздействие, добиться, чтобы читатель, испытывая катарсис, принял точку зрения автора по важным мировоззренческим вопросам.

Лингвопрагматические характеристики дискурсивного художественного пространства рассматриваемых произведений связаны с лексической системой. Реалистичность и правдоподобие дискурсивного пространства романов «Санькя» и «Русскоговорящий» реализованы с использованием единиц субстандарта, являющихся частью репрезентации концептуальной картины мира.

Субстандарт мы рассматриваем, согласно концепции В. П. Коровушкина, как «исторически сложившуюся, относительно устойчивую, комплексную, системно организованную автономную экзистенциальную макроформу национального языка или его национального варианта» [9, с. 24]. Основа суждений Коровушкина связана с тем, что он (по сути) отождествляет просторечие и субстандарт, выделяя «1) внелитературное, 2) территориальное, 3) этническое, 4) лексическое» разновидности просторечия [9].

В. П. Коровушкин в работах по теории субстандарта конкретизировал тезисы В. Б. Быкова, подробно изложенные в докторской диссертации «Лексикологические и лексикографические проблемы исследования русского субстандарта». Быков полагал, что стандарт и субстандарт являются «нормированными подсистемами национального русского языка, которые отличаются характером нормы, кодифицированной в стандарте и некодифицированной, узуальной в субстандарте» [10].

В. М. Мокиенко в статье «Славянские социолекты в прошлом и настоящем» предлагает градуальную парадигму исследований субстандартных явлений: «стандарт – субстандарт – нон-стандарт – национальный язык» [11, с. 131].

В рамки социолекта В. М. Мокиенко включает отдельные группы лексики субстандарта, в том числе «собственно профессиональные языки»; «групповые или корпоративные жаргоны, или сленг (особенно молодежных) социальных группировок»; «тайные (условные) языки или арго криминального мира» [Там же].

В дискурсивном художественном пространстве романов Прилепина «Санькя», «Обитель», романа Дениса Гуцко «Русскоговорящий» активно используются элементы групповых жаргонов (лагерного или криминального жаргона), а также жаргонов социальных (этнических) молодежных группировок.

В романе «Санькя» содержится значительное количество лексических единиц из жаргона «нацболов», молодежного сленга, соединенных с бранной лексикой. В роман «Обитель» включены элементы лагерного жаргона; в роман «Русскоговорящий» – элементы военного жаргона, криминального жаргона.

Л. П. Крысин в статье «О русском языке наших дней» справедливо указывает: «Сначала жаргонная лексика просачивалась главным образом в устно-разговорную ее разновидность, затем, ближе к нашим дням, – в язык средств массовой информации, а потом широким потоком хлынула в публицистику, в публичные выступления политиков, депутатов и даже писателей» [12, с. 214].

В художественном дискурсивном пространстве русской литературы начала XXI в. появляются произведения, осмысляющие социально-политические изменения в стране. В этих произведениях активно используются языковые единицы различных групп субстандарта: жаргонная лексика, сленг, лексические единицы социальных группировок (отметим, что не все русскоязычные художественные произведения начала XXI в. активно используют субстандартизмы).

Субстандарт в дискурсивном художественном пространстве начала XXI в. выполняет различные функции:

- выражение части аксиологических ценностей современного общества;
- отражение социальных и этнических стереотипов;
- манифестация ценностных доминант социальных групп;
- отображение поликодовости, связанной с интертекстуальными категориями художественного произведения;
- когнитивная функция;
- кумулятивная функция;
- индивидуализация речи персонажей.

Субстандарт в целом связан с лингвокультурой этноса, при использовании в художественном дискурсе языковых единиц жаргонов и сленга отражаются отрицательные лингвокультурные концепты.

Дискурсивное художественное пространство русской литературы начала XXI в. репрезентирует прежде всего универсальные концепты в антиномиях жизнь/смерть, добро/зло, мир/хаос/разрушение, мир/война и пр.

При этом субстандартные единицы чаще выражают отрицательные аксиологические установки общества, точнее части общества, а именно определенных социальных групп.

Приведем примеры субстандартных лексем из романа «Обитель» Захара Прилепина: *десятник, зэк, саморуб, самолет, сука шакаля, конвойный, блатные, блатари, пахан* и пр.

Необходимо обратить внимание на то, что интертекстуальность дискурсивного пространства в художественных текстах начала XXI в. связана с поликодовостью интерпретации. В настоящее время это приобретает все большее значение, поскольку развиваются не только вербальные знаковые системы коммуникации, но и невербальные.

В художественных произведениях начала XXI в., публикуемых в сети Интернет, имеющих электронный формат, все большее значение приобретает визуальный ряд. Оформление электронных книг всегда сопровождается иллюстрациями, интуитивно понятным интерфейсом.

Поликодовость художественного дискурса связывается с многочисленными аллюзиями, реминисценциями, интертекстами, прецедентными текстами. Так, в романе З. Прилепина «Обитель» содержатся многочисленные библейские аллюзии, которые определяют идеологическую основу произведения. Одним из центральных, практически кульминационных моментов становится общая исповедь (как у первых христиан) Владычке (священнику, оказавшемуся в лагере за убийство насильника своей жены), а также странная молитва главного героя Артема Горяинова, который просит Бога спасти его любовницу Галину.

Поликодовость романов «Обитель», «Санька», «Русскоговорящий» связана не только с интертекстуальностью, но и с намеренным столкновением библейских аллюзий с субстандартными лексическими единицами. При этом жаргонизмы и сленгизмы, сталкиваясь, смешиваясь с нейтральными лексемами, а также со словами высокими, книжными, возвышенно-поэтическими, создают эффект остранения, когда читатель, включаясь в диалог с дискурсивной личностью автора, совместно с автором воссоздает для себя реальную модельность описываемых событий.

В романе Дениса Гуцко «Русскоговорящий» субстандартные единицы армейского жаргона следующие: *ствол, броник, калаш, слоник, старик, дух, иконка, губа, втирать, дембель, подогнать, самоход* и пр.

Словарные единицы армейского жаргона в данном случае выполняют и функцию критической отрицательной оценки профессиональной социальной среды военных, показывая изменения традиционной системы социальных стереотипов. В данном случае когнитивная функция субстандарта заключается в том, что репрезенти-

руется изменение ценностной парадигмы определенной социальной группы, а также подвергаются критике социальные стереотипы и жизненные установки.

Таким образом, следует утверждать, что современный субстандарт в рамках дискурсивного художественного пространства начала XXI в. реализует различные функции в художественных текстах – от номинативной до когнитивной и коммулятивной, от выражения эмоций до яркой оценочности. Субстандартные языковые единицы отражают критичное осмысление недавнего исторического прошлого России, создавая эффект остранения. В соответствии с авторским замыслом словарные субстандартные единицы заставляют читателя выстроить собственную языковую и концептуальную картину мира, в которой отражены противоречия мировоззренческого характера современного человека и где репрезентируется система аксиологических ценностей отдельной дискурсивной личности и всего народа.

Список источников

1. Дейк Т. А. ван. Язык, познание, коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания, культуры. М.: Academia, 2002. 394 с.
3. Карасик В. И. Дискурсивное проявление личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 56–77.
4. Скребицова Т. Г. Лингвистика дискурса: структура, семантика, прагматика. Курс лекций. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. 312 с. (Studia philologica)
5. Стародубова О. Ю. Анатомия текста и дискурса. Часть 1: Художественный дискурс и механизмы конструирования модели действительности: учебное пособие / О. Ю. Стародубова. Чебоксары: ИД «Среда», 2021. 136 с.
6. Чумак-Жунь И. И. Дискурсивное пространство поэтического текста: образное слово в русской лирике конца XVIII – начала XXI веков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2009. 36 с.
7. Гуцко Д. Русскоговорящий. URL: <https://www.rulit.me/books/russkogovoryashchij-read-254110-25.html> (дата обращения: 15.09.2024).
8. Прилепин З. Санька. Роман. URL: <https://mybook.ru/author/zahar-prilepin/sankya-1/read/?page=2> (дата обращения: 19.09.2024).
9. Коровушкин В. П. Основы контрастивной социолектологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Пятигорск, 2005. 48 с.
10. Быков В. Б. Лексикологические и лексикографические проблемы исследования русского субстандарта: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001. 311 с.
11. Мокиенко В. М. Славянские социолекты в прошлом и настоящем // Славянский мир: Общность и

многообразии. К 1150-летию славянской письменности. М.: Ин-т славяноведения РАН. 2013. С. 130–133.

12. Крысин Л. П. О русском языке наших дней // Изменяющийся языковой мир. Докл. Междунар. науч. конф. (Пермь, Перм. ун-т, 12–17 нояб. 2001 г.) / Отв. редакторы: Б. В. Кондаков, Г. С. Двинянинова. Пермь: Пермский гос. унив. 2002. 296 с.

13. Прилепин З. Обитель. URL: https://librebook.me/obitel_zahar_prilepin/vol1/3?mtr=1 (дата обращения: 17.09.2024).

References

1. Deik, T. A. van. (1998). *Yazyk, poznanie, kommunikatsiya* [Language, Cognition, Communication]. 312 p. Moscow, Progress. (In Russian)

2. Alefirenko, N. F. (2002). *Poeticheskaya energiya slova. Sinergetika yazyka, soznaniya, kul'tury* [Poetic Energy of the Word. Synergetics of Language, Consciousness, Culture]. 394 p. Moscow, Academia. (In Russian)

3. Karasik, V. I. (2016). *Diskursivnoe proyavlenie lichnosti* [Discursive Manifestation of Personality]. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika. T. 20. No. 4, pp. 56 – 77. (In Russian)

4. Skrebtsova, T. G. (2020). *Lingvistika diskursa: struktura, semantika, pragmatika. Kurs leksii* [Discourse Linguistics: Structure, Semantics, Pragmatics. A Lecture Course]. 312 p. Moscow, izdatel'skii Dom YaSK. (In Russian)

5. Starodubova, O. Yu. (2021). *Anatomiya teksta i diskursa. Chast' I: Khudozhestvennyi diskurs i mehanizmy konstruirovaniya modeli deistvitel'nosti: uchebnoe posobie* [Anatomy of Text and Discourse. Part 1: Literary Discourse and Mechanisms of Constructing a Model of Reality: A Tutorial]. O. Yu. Starodubova. 136 p. Cheboksary, ID “Sreda”. (In Russian)

6. Chumak-Zhun' I. I. (2009). *Diskursivnoe prostranstvo poeticheskogo teksta: obraznoe slovo v russkoi lirike kontsa XVIII – nachala XXI vekov: avtoref.*

dis. ... doktora filol. nauk [Discursive Space of a Poetic Text: Figurative Word in Russian Lyrics of the Late 18th–Early 21st Centuries: Doctoral Thesis Abstract]. Belgorod, 36 p. (In Russian)

7. Gutsko, D. (2005). *Russkogovoryashchii* [The Russian-Speaking One]. URL: <https://www.rulit.me/books/russkogovoryashchij-read-254110-25.html> (accessed: 15.09.2024). (In Russian)

8. Prilepin, Z. *San'kya. Roman* (2006). [Sankya. A Novel]. URL: <https://mybook.ru/author/zahar-prilepin/sankya-1/read/?page=2> (accessed: 19.09.2024). (In Russian)

9. Korovushkin, V. P. (2005). *Osnovy kontrastivnoi sotsiolektologii: avtoref. diss. ... d. filol. nauk* [Fundamentals of Contrastive Sotsiolectology: Doctoral Thesis Abstract]. Pyatigorsk, 48 p. (In Russian)

10. Bykov, V. B. (2001). *Leksikologicheskie i leksikograficheskie problemy issledovaniya russkogo substandarta: dissertatsiya... doktora filologicheskikh nauk* [Lexicological and Lexicographic Problems of the Study of the Russian Substandard: Doctoral Thesis]. V. B. Bykov. 311 p. Moscow. (In Russian)

11. Mokienko, V. M. (2013). *Slavyanskije sotsiolekty v proshlom i nastoyashchem* [Slavic Sociolects in the Past and Present]. Slavyanskii mir: Obshhnost' i mnogoobrazie. K 1150-letiyu slavyanskoi pis'mennosti, pp. 130 – 133. 223 p. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN. (In Russian)

12. Krysin, L. P. (2002). *O russkom yazyke nashikh dnei: Izmenyayushchiysya yazykovoi mir* [On the Russian Language of Our Days: The Changing Linguistic World]. Dokl. Mezhdunar. nauch. konf. (Perm', Perm. un-t, 12-17 noyab. 2001 g.). Otv. redaktory: B. V. Kondakov, G. S. Dvinyaninova. 296 p. Perm', Permskii gos. univ. (In Russian)

13. Prilepin, Z. (2014). *Obitel'* [The Monastery]. URL: https://librebook.me/obitel_zahar_prilepin/vol1/3?mtr=1 (accessed: 17.09.2024). (In Russian)

The article was submitted on 20.11.2024

Поступила в редакцию 20.11.2024

Королькова Анжелика Викторовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Московский педагогический
государственный университет,
119435, Россия, Москва,
Малая Пироговская, 1, стр. 1;
Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы,
117198, Россия, Москва,
Миклухо-Маклая, 6.
lika.korolkova@bk.ru

Korolkova Angelica Victorovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Moscow State Pedagogical University,

1/1 Malaya Pirogovskaya Str.,
Moscow, 119435, Russian Federation;
Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba,
6 Miklukho-Maklaya Str.,
Moscow, 117198, Russian Federation.
lika.korolkova@bk.ru

Новикова Татьяна Сергеевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Смоленская государственная
сельскохозяйственная академия,
214000, Россия, Смоленск,
Большая Советская, 10/2.
tatjana_1@inbox.ru

Novikova Tatyana Sergeevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Smolensk State Agricultural Academy,

10/2 Bolshaya Sovetskaya Str.,
Smolensk, 214000, Russian Federation.
tatjana_1@inbox.ru

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-90-95

ДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОМАНОВ ЖОРЖИ АМАДУ «ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СВЯТОЙ», «ГАБРИЭЛА, ГВОЗДИКА И КОРИЦА»

© Олеся Лазарева

DISCURSIVE SPACE OF JORGE AMADO'S NOVELS "THE DISAPPEARANCE OF THE SAINT" AND "GABRIELA, CARNE AND CINNAMON"

Olesya Lazareva

The article examines the discursive space of the novels "The War of the Saints" and "Gabriela, Clove and Cinnamon" by Jorge Amado. We consider speech activity to be a discourse as both the text generation process and the result of this speech activity are the text itself. The ambivalent understanding of discourse in modern linguistics reflects the complexity of studying this phenomenon, since there are a number of scientific trends interpreting its essence in different ways. The article studies the discursive space of literary texts as a complex system of discourse pieces, which is determined by the discursive personality of the author. The discursive personality of the author of these novels expresses his own system of attitudes through the creation of fictional texts, while simultaneously representing the system of axiological values of the multinational population of Brazil. The discursive personality determines the representation of the diversity of worldview contradictions and creates a fictional text, counting on creative cooperation with the reader. The discursive space of J. Amado's novels is structured by a special chronotope, directly related to the literary trend of magical realism, within which descriptions of real social contradictions, life situations and unreal mystical events are bizarrely combined. The extralinguistic factors are of particular importance, being associated with the description of the Candomble religious cult, which is a symbol of ethnic identity.

Keywords: discourse, discursive space, discursive personality, Jorge Amado

Данная работа посвящена рассмотрению дискурсивного пространства романов Жоржи Амаду «Исчезновение святой» и «Габриэла, гвоздика и корица». Дискурс – речевая деятельность как процесс порождения текста, а также результат этой речевой деятельности, то есть сам текст. Амбивалентное понимание дискурса в современной лингвистике отражает сложность изучения феномена, поскольку существует ряд научных школ, противоречиво толкующих его сущность. Дискурсивное пространство художественных текстов рассматривается как сложная система дискурсов, которая обусловлена дискурсивной личностью автора. Дискурсивная личность автора посредством создания художественных текстов выражает собственную систему жизненных ориентиров, одновременно репрезентируя систему аксиологических ценностей многонационального народа Бразилии. Дискурсивной личностью определяется репрезентация многообразия противоречий картины мира. Дискурсивная личность создает художественный текст, рассчитывая на сотворчество с читателем. Дискурсивное пространство романов Ж. Амаду структурировано особым хронотопом, непосредственно связанным с литературным направлением магического реализма, в рамках которого причудливо соединяются описания реальных социальных противоречий, жизненных ситуаций и ирреальными мистическими событиями. В структурной организации дискурсивного пространства романов особую роль играют экстралингвистические факторы, связанные с описанием религиозного культа Кандомбле, являющегося символом этнического своеобразия.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивное пространство, дискурсивная личность, Жоржи Амаду

Для цитирования: Лазарева О. Дискурсивное пространство романов Жоржи Амаду «Исчезновение святой», «Габриэла, гвоздика и корица» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 90–95. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-90-95

Дискурс в современной лингвистике рассматривается как часть антропоцентрической парадигмы гуманитарного знания, поскольку во второй половине XX века в научном сообществе была осознана необходимость изучения всех проблем лингвофилософии, лингвокультурологии сквозь призму осмысления языка как результата деятельности как отдельного субъекта, так и национального сообщества. Отметим, что антропоцентрический подход был реализован в когнитивном или деятельностном подходе к изучению языка. Поэтому полагаем, что дискурс следует рассматривать с позиций когнитивной лингвистики.

Основу характеристики языка как особой социальной деятельности индивида и общества по формированию мышления находим еще в работах В. фон Гумбольдта, который писал о том, что «создание языка обусловлено внутренней потребностью человечества», а «язык – не просто внешнее средство общения людей, поддержания общественных связей, но заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил» [1, с. 51].

Следует указать, что Гумбольдт обращал внимание на влияние национального языка на мышление человека. Развитие этой идеи затем находим в работах Э. Бенвениста, который метафорически говорит о необходимости изучения «человека в языке», что, в свою очередь, коррелирует с его концепцией о том, что «язык создан по мерке человека», то есть национальный язык связан с национальным мышлением. Изучение дискурса по Бенвенисту следует увязывать с тем, что дискурс – «эмпирический объект», в котором отражаются «следы субъекта акта высказывания, формальные элементы, указывающие на присвоение языка говорящим» [2, с. 124]. В настоящее время изучение типологии дискурса предполагает различные подходы и, как следствие, различные трактовки дискурса. Назовем структурно-стилистический подход, социально-прагматический, коммуникативный (или функциональный) подходы, иногда как отдельный подход рассматривается структурно-синтаксический. Помимо этого, следует указать, что существуют французская (Э. Бенвенист, М. Фуко, П. Серю, Э. Бюиссанс) и англо-американская (Т. ван Дейк, З. Харрис, Н. Фэрклоу, Г. Закс) школы дискурсивных исследований, а также немецко-австрийское направление исследований дискурса, к которому принадлежат Р. Водак, П. Хартман, У. Маас и др.

Основу когнитивных представлений о дискурсе в современном его толковании как речевой деятельности и как результата деятельности

(текста), заложил Т. ван Дейк. Он полагает, что дискурс связан с экстралингвистическими факторами, с идеологией и политикой, что, в свою очередь, определяет мировоззренческие доминанты людей определенного социокультурного пространства. В работах «Дискурс элиты и расизм» (1993), «Дискурс, власть и социальное познание» (1994), «Идеология и дискурс. Междисциплинарное введение» (2003), «Дискурс и власть» (2008), «Дискурс и контекст» (2008), «Дискурс и знание» (2014) ван Дейк справедливо указывает, что власть сознательно формирует определенные идеологемы у народа, действуя целенаправленно и постоянно, добиваясь нужного результата – определенного мировоззрения, транслируемого практически всеми членами общества. Эмпирической основой теории ван Дейка является утверждение о том, что «идеологии постепенно внедряются в социальные группы или целые культуры» [3, с. 19]. Он полагал, что «идеологии также контролируют развитие, структуру и применение социокультурных знаний»; «...идеологический контроль дискурса происходит посредством контроля ментальных моделей, и то же самое верно для приобретения, изменения и воспроизводства самих идеологий» [4, с. 33]. Уточним, что дискурс по ван Дейку является сложным коммуникативным явлением, в производстве которого особую роль играют экстралингвистические факторы.

При рассмотрении особенностей дискурса и дискурсивного художественного пространства латиноамериканской (испаноязычной) прозы нужно принимать во внимание особенности национально-культурных аспектов художественных произведений, поскольку они являются отражением этнического своеобразия, репрезентируя ценностную парадигму.

Произведения латиноамериканских писателей второй половины XX в. отличаются уникальностью, связанной со своеобразным литературным направлением – магическим реализмом (некоторые литературоведы и лингвисты склонны считать магический реализм художественным методом). Магический реализм как особое направление художественной литературы глубоко связан с национальными особенностями мировосприятия народов: «Магический реализм как художественный принцип постепенно складывался из большого и разноречивого потока модернистских и авангардистских группировок начала XX в.» [5, с. 70].

Прочитаем И. Ю. Вераксиха, который в курсе лекций по зарубежной литературе указывает: «Магический реализм – один из наиболее радикальных методов художественного модер-

низма, основанный на отказе от характерной для классического реализма онтологизации визуального опыта» [6]. Он полагает, что специфику магического реализма обеспечивают прежде всего «фантастические элементы», которые «могут быть внутренне непротиворечивыми, но никогда не объясняются». Характерными чертами магического реализма по Вераксичу являются: элементы фольклора, нарушение причинно-следственных позиций в хронотопе; многочисленные описания чувственного восприятия событий; неясность причинно-следственных связей; мистические события воспринимаются персонажами как норма жизни, «действующие лица не оспаривают логику магических элементов»; «эмоции и сексуальность человека как социального существа описаны очень подробно» [6].

В латиноамериканском художественном пространстве второй половины XX в. магический реализм становится воплощением этнокультурного своеобразия; он позволил описывать действительность, не акцентируя внимание на существующих противоречиях этнического и социального характера, аллегорически осмысляя сложную картину мира народов Латинской Америки. Хотя следует отметить, что глубокая метафорика не мешает, даже, скорее, помогает писателям осмыслить противоречия и трагические исторические события истории латиноамериканских стран. Так, знаменитые романы Г. Г. Маркеса «Сто лет одиночества», «Недобрый час», его повести «Палая листва», «Полковнику никто не пишет» прямо касаются темы гражданской войны в Колумбии, опосредованно затрагивают особую трагическую ситуацию острой политической борьбы, которая вылилась затем в массовое убийство политических оппонентов. Это явление политического террора в Колумбии названо «виоленсия» (либо политическая виоленсия) и состоит в том, что в стране была выстроена иерархическая система массовых политических убийств, которые стали восприниматься как привычная часть жизни общества. Именно виоленсия побудила самого Маркеса уехать из страны навсегда и просить в Мексике политического убежища.

Дискурсивное пространство произведений магического реализма латиноамериканских писателей связано, с одной стороны, с реалистическим описанием социальных проблем и противоречий, с другой стороны, с мистическим объяснением причин происходящих событий, с третьей стороны, с изображением этнических особенностей жизни и быта, что коррелирует с религиозными представлениями и мифологическим мышлением народа.

Так, в романе «Исчезновение святой» пропажа скульптуры Варвары Громоносицы, представляющей собой художественную и религиозную ценность, объясняется самым невероятным образом: статуя святой Варвары ожила, сошла с носилок и ушла *«чуть покачивая бедрами»* [7].

Дискурсивное пространство, опираясь на концепцию С. Н. Плотниковой, мы понимаем как: «...логическую среду, в которой сосуществуют дискурсы и дискурсивные личности» [8, с. 154], таким образом, следует признать возможным анализ художественного дискурсивного пространства, в котором присутствуют и дискурсивная личность (писатель), и временной континуум (хронотоп художественного текста), и переплетение конкретных проявлений различных типов институциональных дискурсов (по терминологии В. И. Карасика). Важным замечанием С. Н. Плотниковой является утверждение о том, что «порождение дискурса является прерогативой дискурсивной личности» [Там же, с. 157].

Дискурсивная личность – это автор художественного или иного текста, «порождающий дискурс» в виде «устного или письменного сообщения» [Там же]. Необходимо подчеркнуть, что для латиноамериканского магического реализма дискурсивная личность писателей является определяющей; в художественном пространстве произведений Ж. Амаду, И. Альенде, Г. Г. Маркеса находит воплощение языковая (дискурсивная) личность автора, отражаются особенности языковой и концептуальной картины мира. Анализ дискурсивной личности авторов латиноамериканского направления магического реализма представляется ключевым для интерпретации художественного дискурсивного пространства.

Вслед за И. И. Чумак-Жунь мы полагаем, что дискурсивное пространство следует трактовать двояко: как «...среду существования дискурсов» и как «дискурсивное пространство художественного текста». При исследовании дискурсивного пространства художественного текста необходимо анализировать и процесс порождения текста, и его реальный материальный результат, то есть сам художественный текст [9, с. 8–9].

На современном этапе развития различных направлений дискурсивных исследований особое внимание уделяется и осмыслению феномена дискурсивной личности авторов художественных текстов, известных журналистов, политиков. Во всех работах признается, что аспекты анализа дискурсивной личности должны быть комплексными, в противном случае невозможно рассмотреть систему транслируемых аксиологических ценностей.

Так, у О.А. и Ю.Н. Михайловых: «дискурсивная личность – многопараметровый феномен, это гибкий конструкт, постоянно трансформируемый в ходе социального взаимодействия. Описание дискурсивной личности должно проводиться комплексно, с опорой на коммуникативное поведение, в котором представлены и коммуникативные компетенции личности, и коммуникативные модели, предписанные дискурсом и имеющие аксиологический характер» [10, с. 30].

Жоржи Амаду как дискурсивная личность, создавшая художественное пространство романов магического реализма, в которых репрезентируется система аксиологических ценностей жителей бразильского штата Баия, является символом многонационального народа Бразилии. Он сумел соединить в художественном пространстве своих произведений различные мировоззренческие представления этносов, живущих в Баие; при этом в его произведениях не содержится описания расовых и религиозных противоречий. Все религиозные и мистические представления, определяющие поведенческие стереотипы представителей различных этических групп, не приводят к острым конфликтам. Жоржи Амаду удалось показать, как параллельно и без прямых конфликтов могут сосуществовать практические языческие культы, основы которых – традиционные мистические представления африканских народов, и христианские католические религиозные представления.

Амаду продемонстрировал, как под влиянием особых социально-экономических условий происходила трансформация религиозных взглядов всех народов Бразилии.

Дискурсивная личность Амаду сформировалась под влиянием семейных жизненных обстоятельств. Он родился в зажиточной семье, которая владела плантациями какао в штате Баия (не случайно в его произведениях появляются образы плантаторов и описания важности урожая какао для благополучия всех жителей штата). Семья переехала в небольшой городок Ильеус, спасаясь от эпидемии оспы. Детство Амаду можно назвать благополучным, его образованием в основном занималась мать, которая и научила его читать. Во многих произведениях Амаду появляются образы добрых матерей, которые определяют будущность своих детей, прививая систему ценностей. Однако стремление к полной свободе, рамки которой очень стесняла семья, побуждали его к необдуманным поступкам. Он сбежал из дома и в течение нескольких месяцев скитался по штату Баия, пока его не нашел отец. Жоржи был строго наказан, однако через некоторое вре-

мя после этого семью постигла серьезная утрата: отца убили в уличной перестрелке. В романах «Исчезновение святой», «Габриэла, гвоздика и корица» находят отражение описание жестоких криминальных событий прошлого и настоящего и сложные отношения родителей и детей.

Амаду с явным осуждением рассказывает о жестокой эпохе передела земли для плантаций какао, приносящих баснословные доходы:

«В те времена здесь все основывалось на мошенничестве и правосудие служило интересам завоевателей; в те времена чуть не за каждым высоким деревом укрывался в засаде стрелок, подстерегавший жертву» [11].

В романе «Исчезновение святой» возникает образ убийцы Зе Ландыша, который выполнял «грязную работу», убийства по заказу фазендейро, привыкших таким образом решать проблемы. Поскольку романы Амаду являются частью направления магического реализма, то в них мистическим образом оказывается наказанным зло и торжествует справедливость. В романе «Исчезновение святой» описывается мистическое пере рождение убийцы:

«Да, господа, с глубоким прискорбием извещаем вас о том, что Зе Ландыш, уроженец и житель Пернамбуко, славнейший из «пистолейро», известный во всех сопредельных штатах, стреляющий без промаха, можно считать, умер и похоронен. Бросил свое ремесло» [7].

В рассматриваемых романах Ж. Амаду как дискурсивная личность актуализирует собственные представления, связанные с общечеловеческими аксиологическими ценностями, утверждая, что абсолютной является ценность человеческой жизни, причем любого человека, в том числе и такого, как убийца Зе Ландыш. Также находят воплощение его наблюдения за жизнью людей различных социальных групп и этносов: образы представителей «социального дна», например, различных преступников, одновременно создаются не совсем привлекательные портреты представителей власти и так называемой «элиты» общества. Так, в романе «Габриэла, гвоздика и корица» иронично описывается собрание в клубе «Прогресс», где перед избранной публикой выступает приезжий поэт. Плантаторы и их жены ратуют за прогресс и развитие общества, но одновременно не осуждают убийство одним из них своей жены из ревности, ибо таковы традиции и нравы. В романе «Исчезновение святой» ирония и сарказм сопровождают появление образов лицемерных отцов церкви, заботящихся о

собственном благополучии, церковной карьере и пр. В романах Ж. Амаду присутствует выраженная аксиологическая модальность, связанная с прямым осуждением насилия в обществе, а также с обвинением властей в лицемерии, жестокости, страсти к обогащению.

Дискурсивная личность Ж. Амаду находит отражение в репрезентации концепций жизненной реальности, где транслируются его политические воззрения; практически во всех произведениях содержится осуждение властей, не принимающих, по сути, ничего, чтобы облегчить тяжелое социальное положение бедняков. Амаду использует определенные средства языка, реализует коммуникативные стратегии и тактики в речи персонажей для отражения идеологических и политических констант собственной жизненной позиции, выражает личностные ценностные ориентиры и воспроизводит общенациональные мировоззренческие доминанты. Дискурсивное пространство романов Ж. Амаду «Исчезновение святой» и «Габриэла, гвоздика и корица» отражает социальную реальность.

Исследуемые романы Ж. Амаду как особое дискурсивное художественное пространство литературы магического реализма имеют уникальную структуру, связанную с параллельным развитием различных сюжетных линий, сливающихся воедино и выступающих как причина и следствие одновременно.

Каждый из романов, как и любой вид художественного дискурса, имеет свою структуру, включает в себя членение на главы и эпизоды. Единство дискурсивного пространства романов связывается с особенностями хронотопа; отсутствует линейное развитие пространственно-временного континуума. События происходят одновременно в настоящем, прошлом и отчасти в предполагаемом будущем. В дискурсивном пространстве романов Ж. Амаду «Исчезновение святой» и «Габриэла, гвоздика и корица» целостность обусловлена тематическим единством тем дискурсов, подчиненных интенциям автора.

О. Б. Стариннова и О. Н. Токарев отмечают: «...художественный дискурс как самостоятельное вербальное звено сложного коммуникативного процесса содержит в себе основу для формирования сознания читателя, предлагая индивидуальное переплетение речевых регистров» [12, с. 31].

Феноменом дискурсивного пространства романов Ж. Амаду «Исчезновение святой» и «Габриэла, гвоздика и корица» является соединение «речевых регистров» персонажей и самого автора-рассказчика. При этом создается дискурсивное пространство, соединяющее элементы опи-

сания социальной реальности и магических событий, связанных с религиозными представлениями и мистическими культами. Так, в романе «Исчезновение святой» католическая святая Варвара Громоносица оказывается богиней Иансан афро-бразильского культа Кандомбле, исповедуемого в бразильском штате Баия.

Важным элементом дискурсивного пространства романа являются предполагаемые знания читателей о культе Кандомбле, то есть Ж. Амаду сознательно учитывал экстралингвистические факторы, влияющие на структуру текста. Следует также отметить большое количество этнореалий в дискурсивном пространстве романа.

Подводя итоги проведенного исследования, необходимо констатировать, что дискурсивное пространство романов Ж. Амаду «Исчезновение святой» и «Габриэла, гвоздика и корица» представляет собой сложную дискурсивную структуру, обусловленную дискурсивной личностью автора, его интенциями, системой жизненных установок и ценностей. При этом мировоззренческие доминанты автора совпадают с системой аксиологических ценностей этносов Бразилии.

В дискурсивном пространстве романов соединяются речевые регистры персонажей и автора-рассказчика, предопределенные экстралингвистическими факторами, среди которых национальные особенности религиозных верований и традиций (Кандомбле), соединение магических событий с реалистичным описанием социальной действительности.

Список источников

1. Гумбольдт В. фон Язык и философия культуры / Ред. и вст. ст. А. В. Гулыга, Г. В. Рамишвили, А. В. Гулыга. М.: Прогресс, 1985. 452 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
3. Dijk T. A. van. Discourse analysis as ideological analysis // Language and Peace / eds. C. Schaffner & A. Wenden. Aldershot: Dartmouth Publishin, 1995. P. 17–33.
4. Дейк Т. ван Язык. Познание. Коммуникация = Познание. Сборник работ / Т. А. ван Дейк; составление В. В. Петрова; пер. с англ. яз. под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
5. Гугнин А. А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века (Феномен и некоторые пути его осмысления) М.: Российская академия наук Институт славяноведения Научный центр славяно-германских исследований. 1998. 117 с.
6. Веракисич И. Ю. Курс лекций по зарубежной литературе. Лекция 26. Литература Латинской Америки. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/>

veraksich-hh-vek-kurs-lekcij/lekcija-26.htm (дата обращения: 22.09.2024).

7. Амаду Ж. Исчезновение святой. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/251850-141-zhorzhi-amadu-ischeznovenie-svyatoj.html#text> (дата обращения: 23.09.2024).

8. Плотникова С. Н. Дискурсивное пространство: к проблеме определения понятия // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. 2011. Вып. 2. С. 152–158.

9. Чумак-Жунь И. И. Дискурсивное пространство поэтического текста: образное слово в русской лирике конца XVIII – начала XXI веков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2009. 36 с.

10. Михайлова О. А., Михайлова Ю. Н. Дискурсивная личность: опыт лингвоаксиологического анализа / О. А. Михайлова, Ю. Н. Михайлова // Политическая лингвистика. 2021. № 6 (90). С. 23–31.

11. Амаду Ж. Габриэла, гвоздика и корица. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/klassicheskaya-proza/289977-13-zhorzhi-amadu-gabriela-korica-i-gvozdika.html#text> (дата обращения: 25.09.2024).

12. Стариннова О. Б., Токарев О. Н. Анализ дискурсивного пространства художественного текста // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2009 № 2. С. 33–43.

References

1. Gumbol'dt, V. Fon (1985). *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and Philosophy of Culture]. Red-ya i vst. st. A. V. Gulyga, G. V. Ramishvili. A. V. Gulyga. 452 p. Moscow, Progress. (In Russian)

2. Benvenist, E. (1974). *Obshhaya lingvistika* [General Linguistics]. 448 p. Moscow, Progress. (In Russian)

3. Dijk, T. A. van. (1995). *Discourse Analysis as Ideological Analysis*. Language and Peace / eds. C. Schaffner & A. Wenden. Pp. 17–33. Aldershot, Dartmouth Publishin. (In English)

4. Dijk, T. van (1989). *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya=Poznanie. Sbornik rabot* [Discourse, Context and Cognition. Collection of works]. T. A. van Deik; sostavlenie V. V. Petrova; per. s angl. yaz. pod red. V. I. Gerasimova; vstup. st. Yu. N. Karaulova, V. V. Petrova. 310 p. Moscow, Progress. (In Russian)

5. Gugin, A. A. (1998). *Magicheskii realizm v kontekste literatury i iskusstva XX veka (Fenomen i nekotorye puti ego osmysleniya)* [Magical Realism in the Context of Literature and Art of the 20th Century (The phenomenon and some ways of understanding it)]. 117 p. Moscow, Rossiiskaya akademiya nauk Institut slavyanovedeniya Nauchnyi tsentr slavyano-germanskikh issledovani. (In Russian)

6. Veraksich, I. Yu. *Kurs leksii po zarubezhnoi literature. Lektsiya 26. Literatura Latinskoi Ameriki* [Lecture Course on Foreign Literature. Lecture 26. Literature of Latin America]. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/veraksich-hh-vek-kurs-lekcij/lekcija-26.htm> (accessed: 22.09.2024). (In Russian)

7. Amadu, Zh. *Ischeznovenie svyatoi* [The Disappearance of the Saint]. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/251850-141-zhorzhi-amadu-ischeznovenie-svyatoj.html#text> (accessed: 23.09.2024). (In Russian)

8. Plotnikova, S. N. (2011). *Diskursivnoe prostranstvo: k probleme opredeleniya ponyatiya* [Discursive Space: On the Problem of Defining the Concept]. Nauchno-pedagogicheskii zhurnal Vostochnoi Sibiri Magister Dixit. Vyp. 2, pp. 152–158. (In Russian)

9. Chumak-Zhun', I. I. (2009). *Diskursivnoe prostranstvo poeticheskogo teksta: obraznoe slovo v russkoi lirike kontsa XVIII – nachala XXI vekov: avtoref. dis. ... doktora filol. nauk* [Discursive Space of a Poetic Text: A Figurative Word in Russian Lyrical Poetry of the Late 18th–Early 21st Centuries: Doctoral Thesis Abstract]. Belgorod, 36 p. (In Russian)

10. Mikhailova, O. A., Mikhailova, Yu. N. (2021). *Diskursivnaya lichnost': opyt lingvoaksiologicheskogo analiza* [Discursive Personality: An Experience of Linguaxiological Analysis]. O. A. Mikhailova, Yu. N. Mikhailova. Politicheskaya lingvistika. No. 6 (90), pp. 23–31. (In Russian)

11. Amadu, Zh. *Gabriela, gvozdika i koritsa* [Gabriela, Cloves and Cinnamon]. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/klassicheskaya-proza/289977-13-zhorzhi-amadu-gabriela-korica-i-gvozdika.html#text> (accessed: 25.09.2024). (In Russian)

12. Starinnova, O. B., Tokarev, O. N. (2009). *Analiz diskursivnogo prostranstva hudozhestvennogo teksta* [Analysis of the Discursive Space of a Literary Text]. Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishheva. No. 2, pp. 33–43. (In Russian)

The article was submitted on 05.11.2024
Поступила в редакцию 05.11.2024

Лазарева Олеся Викторовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,
117198, Россия, Москва,
Миклухо-Маклая, 6.
lazareva_ov@pfur.ru

Lazareva Olesya Viktorovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya Str.,
Moscow, 117198, Russian Federation.
lazareva_ov@pfur.ru

УДК 81-114.2

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-96-103

ВОЗМОЖНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В УСЛОВИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

© Екатерина Мамаева

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN TRANSLATING PHRASEOLOGICAL UNITS OF A LITERARY TEXT

Ekaterina Mamaeva

The article reveals the essence and specifics of applying artificial intelligence technologies in the translation into English of Russian phraseological units used in the context of poetic works (based on the poems of S. Yesenin). The experiment tests the translation engines of statistical, neural and hybrid types represented by the DeepL API, Google Neural Machine Translation and PROMT platforms, respectively. The article presents a comparative analysis of the translations made with the help of each of the engines under consideration and the literary translation performed by people. The engines that exist at the moment are not perfect, which determines their popularity at the pre-translation stage, while professional literary translation still remains the prerogative of relevant specialists, implying the need for careful editing of the machine translated product. Special attention in the article is paid to the pragmatic component, which, when working with machine translation, is one of the key characteristics of phraseological constructions, in particular, the possibilities of preserving it in a context adequate to the original. The research was carried out due to the significance of the topic, the active introduction of artificial intelligence technologies into the life of a modern person and the rapid growth of popularity of digital translation, which has confidently defined its position in global translation practice and relevant theoretical developments.

Keywords: artificial intelligence, literary translation, machine translation, neural network, phraseological unit, phraseological translation, non-phraseological translation

В статье выявляется сущность и специфика применения технологий искусственного интеллекта при переводе русских фразеологических единиц в контексте поэтических произведений (на материале стихов С. А. Есенина) на английский язык. В рамках эксперимента тестируются движки машинного перевода статистического, нейронного и гибридного типов, представленные платформами DeepL API, Google Neural Machine Translation и PROMT соответственно. Проводится сравнительный анализ перевода, выполненного при помощи каждого из рассматриваемых движков, и художественного перевода, выполненного людьми. Существующие на данный момент движки не являются совершенными, что и обуславливает их популярность именно в предпереводческой деятельности, тогда как профессиональный художественный перевод до сих пор остается прерогативой соответствующего специалиста, подразумевая необходимость тщательной редактуры продукта машинного перевода. Отдельное внимание в статье уделяется прагматической составляющей, выступающей одной из ключевых характеристик фразеологических конструкций, в частности, возможностям ее сохранения в адекватном оригиналу контексте при работе с машинным переводом. Причиной для исследования послужила актуальность темы, обусловленная активным внедрением технологий искусственного интеллекта в жизнь современного человека, а также стремительным ростом популярности цифрового перевода, уверенно обозначившего позиции в мировой переводческой практике и соответствующих теоретических разработках.

Ключевые слова: искусственный интеллект, художественный перевод, машинный перевод, нейросеть, фразеологическая единица, фразеологический перевод, нефразеологический перевод

Для цитирования: Мамаева Е. Возможности искусственного интеллекта при переводе фразеологизмов в условиях художественного текста // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 96–103. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-96-103

Введение

Фразеология отражает в себе культурное наследие каждого этноса, его образ жизни и особенности организации социума, в связи с чем зачастую выступает в качестве одного из ключевых ресурсов для анализа языка и культуры, предоставляя уникальную ретроспективу исторического и социокультурного развития общества через призму его языка [1].

В современной лингвистике существуют различные мнения относительно фразеологических оборотов [2], [3], [4], [5]. Согласно Н. М. Шанскому, фразеологическая единица представляет собой «воспроизводимую в готовом виде единицу языка, включающую в свой состав два и более ударных компонента словного характера, постоянную с точки зрения внутреннего и внешнего содержания» [5, с. 4]. Таким образом, релевантными характеристиками фразеологических единиц являются их устойчивость, семантическая многозначность, неизменность лексического состава, а также морфологическая и синтаксическая неизменяемость, при которой отсутствует возможность модификации по схеме переменного сочетания слов. В свою очередь, отдельные слова, составляющие фразеологический оборот, не передают того значения, которое передает вся конструкция.

Последнее обуславливает тот факт, что при переводе на иностранный язык специфическое значение фразеологических оборотов должно сохраняться и передаваться с учетом соответствия между фразеологическими единицами исходного и переводящего языков. В случае, если нет точного соответствия, переводчик использует адекватные фразеологические выражения, которые наиболее близки по смыслу и контексту.

В свою очередь, нефразеологический перевод осуществляется путем передачи основной прагматики фразеологической единицы посредством нефразеологических конструкций переводящего языка. Как правило, подобный метод применяется в случае отсутствия полного или же частично эквивалента исходного фразеологизма, однако нередки и те случаи, когда данный тип перевода реализуется в соответствии с требованиями, предъявляемыми к единице непосредственно самим контекстом. Это связано с использованием автором оригинала стилистических приемов, специфических культурных и географических деталей, а также авторским стилем в целом, что диктует необходимость понимания переводчиком не только языкового, но и культурного контекста. Данное обстоятельство делает перевод фразеологических выражений в условиях худо-

жественного текста одной из наиболее сложных задач переводческой деятельности.

Сейчас, в век активного развития новых технологий, для человечества открываются все новые и новые сферы их применения; и если прежде цифровые технологии были преимущественно связаны со сферой таких наук, как математика, физика, информатика и т. п., то в условиях последних десятилетий приоритетом развития стала разработка и постоянное расширение возможностей искусственного интеллекта, активно взаимодействующего с гуманитарными дисциплинами и соответствующими им сферами общественной жизни, что постепенно делает его потенциальным конкурентом человека, в том числе и в сфере осуществления им переводческой деятельности [6], [7].

Цифровой перевод становится чрезвычайно популярным и уже уверенно обозначает собственные позиции в мировой переводческой практике и соответствующих теоретических разработках [8], [9], [10], [11], [12], [13], [14], [15] и т. д.

Однако же существующие на данный момент труды лишь в малой степени отражают действительное состояние и достижения цифровых систем в сфере переводческой деятельности, что объясняется постоянным, и что не менее важно, чрезвычайно стремительным развитием соответствующих данной задаче инструментов, а также IT технологий в целом. Данное обстоятельство обуславливает потребность в непрерывном наблюдении и анализе результатов обновления инструментальной базы, позволяющих не только оценить текущее состояние существующих систем, но и предложить соответствующие уровню их развития разработки по внедрению в практику, а значит, и модернизации всей сферы деятельности.

Несомненно, поднимая вопрос машинного перевода, прежде всего необходимо разграничивать такие его виды, как:

- машинный перевод, осуществляемый посредством технологий обработки информации, представленной в словарях, структурирующих основные правила языка (Rule-based Machine Translation, RBMT);
- машинный перевод, осуществляемый посредством движков статистического анализа (Statistical Machine Translation, SMT);
- машинный перевод, осуществляемый посредством механизма рекуррентных нейронных сетей (Neural Machine Translation, NMT);
- машинный перевод, осуществляемый посредством гибридных механизмов, объединяющих два предыдущих типа (Hybrid MT) [16].

Так, системы машинного перевода на основе правил (RBMT) являются первыми коммерческими системами соответствующего вида. В основе работы технологии RBMT лежит обработка обширных баз лингвистических правил, в качестве которых, как правило, выступают лингвистические и переводные словари, на трех основаниях: анализ, передача и генерация. Стоит отметить, что применяемые здесь словари являются базами, специально разработанными лингвистами и программистами непосредственно для решения задач системы RBMT, а также постоянно редактируемыми и уточняемыми пользователями для улучшения качества осуществляемого ими перевода. В связи с этим, говоря о преимуществах RBMT, прежде всего необходимо учитывать возможности осуществления контроля пользователя над системой, которая, однако, также является и недостатком из-за сложностей, связанных с поддержкой этой функции, а также постоянного «засорения» обрабатываемой базы, ведущего к снижению качества переводов. Кроме того, поскольку RBMT есть исключительная обработка и генерализация правил, осуществляемый ими перевод может выглядеть чрезмерно «машинным», и, хотя общий смысл написанного остается понятен, порядок, стиль и прочие особенности реального текста могут быть утрачены и не считываются бегло, а, следовательно, для полноценного выполнения своей прагматической функции тексту требуется редакция со стороны живого человека [17].

Статистический машинный перевод (SMT) представляет собой метод машинного перевода, использующий большие объемы двуязычных данных с целью поиска наиболее вероятного варианта перевода для заданных входных текстовых данных. Статистические системы машинного перевода совершенствуются благодаря анализу статистических отношений между оригинальными текстами и их уже существующими профессиональными переводами, выполненными людьми. Таким образом, переводчик, разработанный на движке данного типа, способен сравнивать параметры заданного ему текстового сообщения, а именно последовательность и сочетание имеющихся в нем знаков, с корпусом имеющихся в глобальной сети межъязыковых соответствий, впоследствии выбирая наиболее «точное» на основании частотности обнаруженных им совпадений [11]. Как и в случае с RBMT, качество SMT во многом зависит от объема, релевантности, а также оформления считываемой его системами базы данных, однако же, в отличие от RBMT, SMT является самообучающейся системой, что позволяет ей накапливать объем

примеров в процессе непосредственной обработки предложенных ей текстов.

Нейронный машинный перевод (NMT, также известный как Deep Neural Machine Translation) – это современный подход к машинному переводу, использующий способности нейронной сети к прогнозированию вероятности последовательности слов в предложениях, текстах, а с учетом последних достижений, и законченных текстовых продуктов, таких как статья, рассказ и т. п. Обеспечивая перевод гораздо более высокого качества, нежели предшествующие ему системы, всего за три года NMT стал доминирующим подходом к машинному переводу, осуществив стремительный переход от SMT к NMT [16]. В отличие от SMT, осуществляемого на основе фраз, состоящих из множества небольших подкомпонентов, сверка каждого из которых происходит отдельно, NMT пытается построить и обучить одну большую нейронную сеть, которая считывает предложение и выдает правильный перевод с учетом контекста [12].

Наконец, гибридный машинный перевод (Hybrid MT) представляет собой новейший метод машинного перевода, характеризующийся использованием сразу нескольких подходов машинного перевода в условиях одной системы. Стоит отметить, что мотивация разработки гибридных систем машинного перевода обусловлена прежде всего упомянутой выше неспособностью какого-либо отдельного метода достичь удовлетворительного уровня точности [15]. На данный момент в практике разработки существует несколько форм гибридного машинного перевода, тогда как наиболее распространенными среди них выступают:

- Правила с последующей статистической обработкой (также известный как статистическое сглаживание и автоматическое редактирование постов): переводы выполняются с использованием механизма RBMT, после чего его результаты корректируются при помощи статистики. Данная форма является бинарным подходом к машинному переводу, призванным, однако, скорее улучшить качество вывода механизма RBMT, нежели устранить первопричину его основных проблем.

- Статистика, управляемая правилами: правила используются с целью предварительной обработки данных и последующей оптимизации работы статистического механизма, в том числе нормализации итогового продукта. Данный подход обеспечивает гораздо большую мощность, гибкость, а также куда более обширные возможности контроля при переводе, что решает боль-

шинство проблем, выходящих за рамки возможностей статистического подхода [16].

Таким образом, можно говорить о том, что все существующие на данный момент механизмы осуществления машинного перевода не являются совершенными, что и обуславливает их популярность именно в предпереводческой деятельности, тогда как профессиональный художественный перевод до сих пор остается прерогативой соответствующего специалиста, подразумевающая необходимость тщательной редактуры продукта машинного перевода.

Материал и методы

С целью оценки качества и выявления возможностей машинного перевода, представленного различными типами систем, в частности, способности его работы с такими многокомпонентными единицами, как фразеологические конструкции в условиях художественного текста, были применены следующие методы работы.

Корпусный анализ. Исследование существующих текстов и переводов в лингвистических корпусах с целью обнаружения контекстов употребления фразеологизмов, ярко демонстрирующих особенности их функционирования в условиях художественного дискурса.

Контрастивный анализ. Сравнение русских фразеологических выражений, контекстов их употребления и их переводов на английский язык, выполненных средствами машинного перевода и профессиональным переводчиком, для выявления различий, сходств и возможностей трактовки их прагматической и внешней составляющей относительно каждого из предложенных способов.

Когнитивный анализ. Исследование метафорических концептов исследуемых фразеологических единиц и их воздействия на восприятие текста с целью выявления значимости когнитивных механизмов перевода и возможностей их воспроизведения в условиях осуществления машинного перевода.

В рамках исследования нами было решено выявить возможность переложения, а также отражения прагматической составляющей русских фразеологических единиц, представленных в рамках произведения поэтической направленности, при помощи средств английского языка посредством машинного и немашинного переводов.

В соответствии с поставленной целью нами были определены следующие задачи:

– Осуществить перевод некоторых специально отобранных отрывков поэтических произведений, содержащих фразеологическую конст-

рукцию, посредством инструментов машинного перевода разного типа.

– Сопоставить результаты машинного перевода с имеющимися на данный момент официальными переводами текстов произведений, привлеченных в качестве материала исследования.

– Проанализировать полученные данные, оценив степень достижения адекватности произведенных переложений оригиналу, а также рассмотрев их качественные отличия от перевода, осуществленного человеком.

– Выявить возможности рассматриваемых систем в вопросе перевода фразеологических конструкций и обозначить перспективы дальнейшей работы.

В качестве материала исследования нами были выбраны стихотворные произведения русского поэта С. А. Есенина [18], содержащие в себе некоторые фразеологические единицы. Выбор в качестве материала исследования произведений поэтической направленности обусловлен потенциальной сложностью машинной обработки подобного рода текстов, продиктованной своеобразным графическим оформлением, а также наличием ритма, сохранение которого, помимо всего прочего, является несомненным признаком качественного переложения. В то же время поэтические произведения имеют небольшой объем, что позволяет переводчику, будь то человек или же машина, быстро оценить контекст реализации переводимой единицы.

В рамках эксперимента нами было испытано 3 движка МП: DeepL API (SMT) [19], Google Neural Machine Translation (NMT) [20] и PROMT (Hybrid MT) [21]. За эталон сопоставления, в свою очередь, были взяты переводы произведений С. А. Есенина на английский язык, представленные на сайте RuVerses [22], являющемся одной из наиболее обширных баз переводов русских поэтических произведений на английский язык.

Результаты и обсуждение

Результатом рассмотрения стали следующие примеры.

(1) Ты, ямщик, я вижу, трус. *Это не с руки* нам [18, с. 166].

(2) Driver, you're a coward! *Going slow is not our habit!* [22].

(3) You, coachman, I see you're a coward. *We can't do that!* [19].

(4) You, coachman, I see, are a coward. *This is out of our hands!* [20].

(5) You coachman, I see a coward. *It's out of our hands!* [21].

В данном контексте (1) автором используется фразеологическое единство *не с руки*, согласно фразеологическому словарю под редакцией А. И. Молоткова, имеющее три основных значения: «1. Неудобно, нет смысла поступать как-либо, что-либо делать. 2. Не подобает, не следует, не годится, не имеет смысла что-либо делать. 3. Не подходит кому-либо, не устраивает кого-то» [23, с. 381]. Несмотря на отсутствие в английском языке эквивалента рассматриваемого единства, смысл которого, как правило, выражается посредством таких слов, как *awkward, inappropriate, inconvenient*, первые два из приведенных вариантов переложения (2, 3) довольно близки к содержанию исходной прагматики [24]. Так, например, в переводе DeepL API (3) предлагается фраза *We can't do that!*, дословно переводящаяся как «Мы не можем этого сделать!». Интересен и факт того, что два остальных переводчика (4, 5) переводят данную конструкцию посредством идиоматического выражения *out of hand*, имеющего значение «вне контроля», а следовательно, сходного с исходным исключительно с точки зрения опорного компонента, но никак не смысла.

Куда более интересными с точки зрения оценки возможностей обработки данных машинными системами представляются примеры переложения конструкций, не являющихся устойчивыми, а следовательно, не имеющих эквивалентов, закрепленных в лингвистических базах, используемых данными системами:

(6) *Никому и в голову не встанет*, Что солома – это тоже плоть [18, с. 142].

(7) *No one ever thinks* That straw is also flesh [22].

(8) *No one would ever think* That straw is flesh too [19].

(9) *It won't even occur to anyone*, That straw is also flesh [20].

(10) *Nobody will even think* That straw is also flesh [21].

Так, в оригинальном тексте (6) поэт использует несколько измененный, относительно зафиксированного в словарях, вариант глагольного фразеологического сочетания *прийти в голову*, имеющего значение «Возникать, появляться в сознании кого-либо» [23, с. 343]. Все представленные варианты перевода (7, 8, 9, 10) предлагают рассматривать данное сочетание исключительно с точки зрения внутренней формы, раскрывая его, несмотря на осуществленную автором трансформацию, довольно точно через лишь немного отличные друг от друга и грамматически верные нефразеологические конструкции переводящего языка. Стоит отметить, что само оно,

тем не менее, содержит в своем словаре идентичные по смыслу нейтральные (*cross someone's mind, cross mind*) и разговорные (*pop to mind, pop into one's head*) конструкции, впрочем, как и прочие, не подразумевающие реализации приведенной трансформации, отражающей одну из особенностей поэтического языка автора – экспериментального подхода к языку и форме стихотворения.

Помимо прагматики эмоционального восприятия, фразеологические конструкции могут включать в себя элементы физических свойств описываемых объектов, тем самым нередко обуславливая необходимость выбора между буквальным и фразеологическим переводом конструкции:

(11) Ах, луна влезает через раму, Свет такой, *хоть выколи глаз* [18, с. 253].

(12) The moon climbs through the window frame. White light, *so white it blinds you...* [22].

(13) Ah, the moon comes in through the frame, The light is so bright, *it'll poke your eyes out...* [19].

(14) Ah, the moon climbs through the frame, The light is such *that you can prick your eyes out...* [20].

(15) Ah, the moon climbs through the frame, The light is like that, *at least poke out your eyes...* [21].

В оригинале (11) для описания яркого ослепляющего света автором используется глагольное фразеологическое сочетание, закрепленное в словаре как *хоть глаз выколи* и сопровождающееся дефиницией «совершенно ничего не видно. О полной темноте, мраке» [23, с. 90]. Как и в двух предыдущих случаях, словосочетание имеет разговорный характер и служит для выражения экспрессивности, что также может быть основной целью его нетипичного использования в приведенном контексте. Интересным представляется факт того, что все существующие в английском языке семантические аналоги исходного сочетания имеют в своей основе именно элемент темноты, (например, *as dark as pitch, black as hell, black as your hat*), не соответствующий измененному автором контексту употребления, в связи с чем, вероятно, все приведенные варианты перевода (12, 13, 14, 15) предлагают рассматривать данное выражение непосредственно относительно семантического элемента «ослепления». Однако же, если Б. Дралюк (12) действительно использует слово *blind* «ослепить», имеющее в английском языке схожий с русским объем значений, машинные переводы (13, 14, 15) прибегают к использованию фразовых глаголов, выражающих буквальное значение «выколоть», «проколоть» и т. д.

Схожая проблема наблюдается в следующем примере, позволяя подробнее рассмотреть возможности машинных систем в обработке видоизмененных конструкций, созданных автором на основе устойчивых сочетаний, включающих компонент физического восприятия объекта:

(16) И долго-долго в дреме зыбкой Я *оторвать не мог лица*... [18, с. 100].

(17) And for a long, long time in a hazy daydream I *could not turn my face away* [22].

(18) And for a long, long time, in a drowsy slumber. I *could not tear my face away*... [19].

(19) And for a long, long time in an unsteady slumber I *couldn't take my face off* [20].

(20) And for a long, long time in an unsteady dream I *could not tear off my face* [21].

Исходное глагольное фразеологическое сочетание *не оторвать глаз* со значением «Пристально, внимательно, неотрывно смотреть на кого-либо или на что-либо» [23, с. 293] в контексте С. А. Есенина (16) вновь подвергается трансформации (*не оторвать лица*), что, вероятно, призвано передать большую экспрессивность, а именно, повышенную степень внимания к тому, на кого был направлен взгляд. В английском языке сочетание *не оторвать глаз* имеет практически полный аналог *can't take one's eyes off* с единственным отличием, что сам фразовый глагол *take off* 'снимать, взлетать, уйти' имеет мало общего с русским *оторвать*. Примечательно, что, в то время как В. Чернецкий (17) прибегает к описательному переводу фразеологического сочетания, Google Neural Machine Translation (19) осуществляет органичную трансформацию упомянутого выше английского эквивалента на том же основании, что и сам автор – заменяя элемент *eyes* 'глаза' на *face* 'лицо'. PROMT (20) осуществляет ту же трансформацию на основании чуть реже употребляемого, однако куда более близкого к исходному компоненту *оторвать* сочетания *tear off a look*, так же, как и Google NMT (19), заменяя ключевой элемент *look* 'взгляд' на *face* 'лицо', тогда как DeepL API (18) вновь дает скорее дословный, необразный перевод.

Выводы

Проведенное исследование выявило, что в большинстве случаев современные системы машинного перевода, вне зависимости от типа движка, действительно способны воспринять, проанализировать и предложить собственный, как правило, близкий к исходному вариант переложения даже видоизмененных, относительно закрепленных в словарях, структур. Однако случаи использования системами дословного, необ-

разного, а следовательно, несколько искажающего смысл авторского текста перевода нередки, что подразумевает невозможность достижения качественного результата в автономии от человека, способного проанализировать контекст глубже и привлечь к процессу большую креативность.

Не менее примечателен тот факт, что в рассмотренных нами примерах профессиональные переводчики избегают попыток фразеологического перевода, предпочитая ему описательный, основной целью которого является сохранение прагматики исходного текста. Естественно, последнее также может быть продиктовано требованиями к поэтической стороне перевода, тогда как рифма, темп и прочие особенности стихотворения не учитываются машинным переводом. По крайней мере, теми движениями, что не подразумевают постановки пользователем дополнительных задач, помимо осуществления перевода непосредственно.

Заключение

Использование искусственного интеллекта в переводе фразеологических единиц в художественных текстах открывает новые возможности для улучшения качества и эффективности перевода. Несмотря на некоторые ограничения, современные технологии позволяют значительно упростить задачу переводчика и создать более точные и естественные переводы фразеологизмов. Дальнейшие исследования и разработки в области искусственного интеллекта позволят улучшить процесс перевода фразеологических единиц и достичь более высокой точности в передаче художественного содержания текстов.

Список источников

1. Виноградов В. В. Русский язык. М.: Высш. шк., 1972. 613 с.
2. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 140–161.
3. Дербукова Т. Н. К определению объема понятия фразеологического сочетания / Уральский гос. университет им. А. М. Горького // Уч. зап. Вып. 30. Языкознание. Свердловск, 1960. 182 с.
4. Кунин А. В. Английская фразеология. М.: Высшая школа, 1970. 344 с.
5. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Высш. шк., 1985. 169 с.
6. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. Москва; Жуковский: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2003. 464 с.
7. Cronin M. The Translation Crowd. Revista Tradumatica. 2010. URL: <https://www.researchgate.net/publication/266111111>

net/publication/266161999_The_Translation_Crowd
(дата обращения: 28.07.2024).

8. Бояркина А. В. Цифровые технологии в художественном переводе (на примере немецкоязычных текстов) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2022. № 205. С. 14–20.

9. Гарбовский Н. К. Цифровой перевод. Современные реалии и прогнозы. // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2019, № 1. С. 65–72.

10. Гудий К. А. Конкуренция переводчика французского языка с роботом: прогнозы и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2021, № 2. С. 4–11.

11. Besacier L., Schwartz L. Automated translation of a literary work: a pilot study // Proceedings of the Fourth Workshop on Computational Linguistics for Literature. 2015. Pp. 114–122.

12. Fonteyne M., Tezcan A., Macken L. Literary machine translation under the magnifying glass: Assessing the quality of an NMT-translated detective novel on document level // Proceedings of the 12th Language Resources and Evaluation Conference. Paris: European Language Resources Association Publ. 2020. Pp. 3790–3798.

13. Kenny D., Winters M. Machine Translation, ethics and the Literary Translator's Voice // Translation Spaces, 9/1. Amsterdam: John Benjamins Publ. 2020. Pp. 123–149.

14. Matusov E. The Challenges of Using Neural Machine Translation for Literature // The Qualities of Literary Machine Translation. Dublin. 2019. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/W19-7302.pdf> (дата обращения: 13.07.2024).

15. Taivalkoski-Shilov K. Ethical issues regarding machine(-assisted) translation of literary texts // Perspectives. Studies in Translation Theory and Practice. 2019. Vol. 27. No. 5. Pp. 689–703.

16. Omnisien Technologies. URL: <https://omnisien.com/> (дата обращения: 13.07.2024).

17. Banitz B. Machine Translation: A Critical Look at the Performance of Rule-Based and Statistical Machine Translation // Cad. Tradução. 2020. No. 40. Pp. 54–71.

18. Есенин С. А. Собрание сочинений в 3 томах / сост. и общ. ред. Ю.Л. Прокушева. М.: Правда, 1983. Т.1. 384 с.

19. DeepL. URL: <https://www.deepl.com/ru/translator> (дата обращения: 15.09.2024).

20. Google Переводчик. URL: <https://translate.google.com/> (дата обращения: 15.09.2024).

21. PROMT.One. URL: <https://www.translate.ru/> (дата обращения: 15.09.2024).

22. RuVerses. URL: <https://ruverses.com/sergey-esenin/> (дата обращения: 15.09.2024).

23. Фразеологический словарь русского языка // под ред. А. Молоткова; сост. Л.А. Войнова [и др]. М.: АСТ, Астрель, 2001. 510 с.

24. Мультитран. URL: <https://www.multitrans.com/> (дата обращения: 15.09.2024).

References

1. Vinogradov, V. V. (1972). *Russkii yazyk* [The Russian Language]. 613 p. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russian)

2. Vinogradov, V. V. (1977). *Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh edinit v russkom yazyke* [About the Main Types of Phraseological Units in the Russian Language]. Izbrannye trudy: leksikologiya i leksiko-grafiya. Pp. 140–161. Moscow. (In Russian)

3. Derbukova, T. N. (1960). *K opredeleniyu ob"ema ponyatiya frazeologicheskogo sochetaniya* [On Defining the Capacity of Phraseological Combination Meaning]. The Ural State University. Uchyonye zapiski. Vyp. 30. Yazykoznanie. 182 p. Sverdlovsk. (In Russian)

4. Kunin, A. V. (1970). *Angliiskaya frazeologiya* [English Phraseology]. 344 p. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russian)

5. Shansky, N. M. (1985). *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseology of the Modern Russian Language]. 169 p. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russian)

6. McLuhan, M. (2003). *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. 464 p. Moscow, Kanon-press-C; Kuchkovo pole. (In Russian)

7. Cronin, M. (2010). *The Translation Crowd*. Revista Tradumatica, 2010. URL: https://www.researchgate.net/publication/266161999_The_Translation_Crowd (accessed: 28.07.2024). (In English)

8. Boyarkina, A. V. (2022). *Tsifrovye tekhnologii v khudozhestvennom perevode (na primere nemetskoyazychnykh tekstov)* [Digital Technologies in Literary Translation: A Case Study of Texts in German]. Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. No. 205, pp. 14–20. (In Russian)

9. Garbovskiy, N. K. (2019). *"Tsifrovoy perevod". Sovremennye realii i prognozy* ["Digital Translation". Present-Day Realities and Forecasts]. Russkii yazyk i kul'tura v zerkale perevoda [Russian Language and Culture in the Mirror of Translation]. No. 1, pp. 65–72. (In Russian)

10. Gudiy, K. A. (2021). *Konkurentsia perevodchika frantsuzskogo yazyka s robotom: prognozy i perspektivy* [The Competition of French Language Translator with the Robot: Prospects and Forecasts]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. No. 2, pp. 4–11. (In Russian)

11. Besacier, L., Schwartz, L. (2015). *Automated Translation of a Literary Work: A Pilot Study*. Proceedings of the Fourth Workshop on Computational Linguistics for Literature, pp. 114–122. (In English)

12. Fonteyne, M., Tezcan, A., Macken, L. (2020). *Literary Machine Translation under the Magnifying Glass: Assessing the Quality of an NMT-translated Detective Novel on Document Level*. Proceedings of the 12th Language Resources and Evaluation Conference, pp. 3790–3798. Paris, European Language Resources Association Publ. (In English)

13. Kenny, D., Winters, M. (2020). *Machine Translation, Ethics and the Literary Translator's Voice*. Trans-

lation Spaces, 9/1, pp. 123–149. Amsterdam, John Benjamins Publ. (In English)

14. Matusov, E. (2019). *The Challenges of Using Neural Machine Translation for Literature*. The Qualities of Literary Machine Translation. Dublin. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/W19-7302.pdf> (accessed: 13.07.2024). (In English)

15. Taivalkoski-Shilov, K. (2019). *Ethical Issues Regarding Machine(-assisted) Translation of Literary Texts*. Perspectives. Studies in Translation Theory and Practice. Vol. 27. No. 5, pp. 689–703. (In English)

16. *Omniscien Technologies*. URL: <https://omniscien.com/> (accessed: 13.07.2024). (In English)

17. Banitz, B. (2020). *Machine Translation: A Critical Look at the Performance of Rule-Based and Statistical Machine Translation*. Cad. Tradução. No. 40, pp. 54–71. (In English)

18. Yesenin, S. A. (1983). *Sobranie sochinenii v 3 tomakh* [Collected Works in 3 Vols.]. Red. Y. L. Prokushev. Tom 1. 384 p. Moscow, Pravda. (In Russian)

19. *DeepL*. URL: <https://www.deepl.com/ru/translator> (accessed: 15.09.2024). (In Russian)

20. *Google Translate*. URL: <https://translate.google.com/> (accessed: 15.09.2024). (In Russian)

21. *PROMT.One*. URL: <https://www.translate.ru/> (accessed: 15.09.2024). (In Russian)

22. *RuVerses*. URL: <https://ruverses.com/sergey-esenin/> (accessed: 15.09.2024). (In Russian)

23. *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* (2001) [Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Red. A. I. Molotkov, L. A. Voinova. 510 p. Moscow, AST, Astrel. (In Russian)

24. *Multitran*. URL: <https://www.multitran.com/> (accessed: 15.09.2024). (In Russian)

The article was submitted on 15.10.2024

Поступила в редакцию 15.10.2024

Мамаева Екатерина Евгеньевна,
ассистент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
katherine.9719@mail.ru

Mamaeva Ekaterina Evgenievna,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
katherine.9719@mail.ru

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ПОЗИТИВНЫХ ЭМОЦИЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТЬЮ АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИКА

© Алеся Маслова, Людмила Компанеева

NONVERBAL EXPRESSIONS OF POSITIVE EMOTIONS BY THE LINGUISTIC PERSONALITY OF AN AMERICAN POLITICIAN

Alesya Maslova, Liudmila Kompaneeva

The article studies the problem of interpreting nonverbal expression of emotions, which is considered at the intersection of psycholinguistics, intercultural communication theory, linguoculturology, emotionology and nonverbal semiotics. A universal, supra-cultural system for nonverbal character decoding has not been developed so far. However, there are local interpretive systems created by the expert community. We believe that the study of non-verbal expressions of emotions by the politician's language personality is possible through the integrated application of such research methods as discursive analysis and critical discourse analysis, allowing us to consider the peculiarities of the dialectical interaction between discursive acts and situations, institutions and social structures, in which they are integrated. Modern artificial intelligence technologies can be applied in the analysis of nonverbal expressions of emotions, in order to evaluate the "average" public opinion. The purpose of this article is to analyze non-verbal ways of expressing emotions by the American political linguistic personality (exemplified by Kamala Harris, Donald Trump and Hillary Clinton) and to highlight their transformations and existing trends. The article concludes that the non-verbal expression of emotions of the American linguistic personality as a phenomenon has a high level of social significance and has already become a part of the American value system. This process is not static, it is in progress today. In general, positive emotions and their nonverbal manifestations are becoming key factors, most often observed by researchers in the modern media environment.

Keywords: political discourse, language personality of a politician, nonverbal semiotics, emotion, laughter, animalization, Kamala Harris

Статья посвящена изучению проблемы интерпретации невербального выражения эмоций, рассматриваемой авторами на стыке психолингвистики, теории межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, эмотиологии и невербальной семиотики. В наши дни еще не разработана универсальная надкультурная система декодирования невербальных знаков. Однако существуют локальные интерпретирующие системы, созданные экспертным сообществом. Авторы полагают, что изучение невербальных проявлений эмоций языковой личности политика возможно благодаря комплексному применению таких научно-исследовательских методов, как дискурсивный анализ и критический анализ дискурса, позволяющих учитывать особенности диалектического взаимодействия между дискурсивными актами и ситуациями, институтами и социальными структурами, в которые они интегрированы. Современные технологии искусственного интеллекта также могут применяться при анализе невербальных проявлений эмоций, в том числе для оценки «усредненного» общественного мнения. Цель данной статьи – проанализировать невербальные проявления эмоций языковой личностью американского политика (на примере Камалы Харрис, Дональда Трампа и Хиллари Клинтон) и их трансформацию, выделить имеющиеся тенденции. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что у невербальных проявлений эмоций языковой личности американского политика имеется высокая социальная значимость, которая становится частью американской системы ценностей. Этот процесс не является статичным и все еще протекает в наши дни. В целом, можно отметить, что позитивная эмоция и способы ее демонстрации становятся одним из ключевых факторов, наиболее часто наблюдаемых исследователями в современной медиасреде.

Ключевые слова: политический дискурс, языковая личность политика, невербальная семиотика, эмоция, смех, анимализация, Камала Харрис

Для цитирования: Маслова А., Компанеева Л. Невербальные проявления позитивных эмоций языковой личностью американского политика // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 104–110. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-104-110

Изучение эмоций, демонстрируемых языковой личностью в рамках массовой коммуникации, вот уже несколько десятилетий привлекает особое внимание лингвистов, исследующих реальную и виртуальную коммуникацию с позиций паралингвистики и невербальной семиотики [1], [2], теории межкультурной коммуникации [3], невербальной семиотики [4], [5], психологии эмоций и массовых коммуникаций, а также теории дискурса [6], [7]. В рамках политического дискурса эмоции могут рассматриваться учеными и как естественные невербальные проявления, и как симулирование сложных невербальных реакций в манипулятивных целях [8, с. 67].

У американских политиков, как правило, есть сложившийся и достаточно устойчивый невербальный имидж, состоящий из ожидаемых жестов, особого стиля одежды, различных типичных просодических явлений, паузирования и интонирования. Такой невербальный имидж собственно языковой личности политика образует своего рода сложносочиненный конструкт с неспонтанными и тщательно отрепетированными невербальными проявлениями в рамках выступлений. Сам факт существования у американских политиков ожидаемого публикой и выверенного имиджмейкерами невербального политического имиджа, как отмечают ученые, является одной из причин потери доверия значительной части аудитории к американским СМИ. Медиасообщения, описывающие коммуникативные проявления языковой личности политика, зачастую основаны на эмоциях и их интерпретации журналистами, в связи с чем доверие к таким сообщениям со стороны массовой аудитории снижается [9, с. 86–87].

Среди прочих невербальных проявлений можно выделить вокализации, проявляющие эмоции, к примеру, смех, плач, вздохи, оханье и стоны [5, с. 81]. Изучением смеховоспроизведения занимаются ученые – представители такого направления, как невербальная семиотика. Достаточно стереотипный типичный смех современных американцев и их гипертрофированную улыбку можно рассматривать как полноценное лингвокультурное явление в медиасреде. О. А. Леонтович отмечает, что для американцев улыбка является традиционно ожидаемой [3, с. 340]. Л. Г. Брутян описывает улыбку в американской лингвокультуре как социальный признак преуспевания, уточняя, что основная задача улыбки американского политика – заполнить доверие со

стороны избирателей и продемонстрировать им, что «все в порядке» [6, с. 37]. У американских политиков в медиасреде превалирует довлеющий избыток эмоциональных невербальных проявлений.

Ярким примером достаточно активного невербального выражения политиком эмоций является смех кандидата на пост президента США Камалы Харрис. На сегодняшний момент ее смех можно описать, по нашему мнению, как узнаваемый, обладающий рядом характерных черт, зачастую гипертрофированный и весьма своеобразно соотносящийся с контекстом ситуации. Эдвард Холл, американский антрополог и исследователь невербальной семиотики, отмечал в своих работах, что «избыток движений, не имеющих существенного значения, является свидетельством незрелости» [2, с. 199]. Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин так выразился о смехе Камалы Харрис, выступая на пленарной сессии Восточного экономического форума: *выразительно и заразительно смеется, что говорит о том, что у нее все хорошо* [10]. Также президент предположил, что с таким настроением Камала Харрис не будет вводить новых антироссийских санкций [11]. Высказывание президента активно обсуждалось в российских и американских СМИ. Эту тему прокомментировал и пресс-секретарь президента России Дмитрий Сергеевич Песков, отметивший, что после слов В. В. Путина в смех Камалы Харрис *«теперь должен влюбиться каждый»* [10], [12], [13], [14].

Реакция американцев на высказывание В. В. Путина о смехе Камалы Харрис также была достаточно активной. Дональд Трамп, кандидат в президенты США, в ходе встречи с избирателями в городе Мозини заявил, что его *обидел комментарий Путина про поддержку Харрис*, и добавил, что, по его мнению, слова российского лидера могут являться частью некой крупной стратегии, которую можно сравнить с шахматной партией. При этом он также предположил, что *слова президента Путина о поддержке Харрис – не более чем ирония* [15]. Также популярная среди американцев медийная личность, бизнесмен Илон Маск, заинтересовался словами В. В. Путина о смехе Камалы Харрис. В социальной сети «X» он оставил комментарий *«Интересно»* по поводу этой ситуации [16]. Журналисты издания The Economic Times следующим образом передали слова В. В. Путина: *«His remark centred*

on her “infectious” laugh, saying it made her a preferable candidate compared to Donald Trump <...> Putin’s lighthearted backing of Harris left many questioning if he was being sincere or simply teasing» – ‘Его замечание было сосредоточено на ее “заразительном” смехе, говоря нам о том, что это сделало ее более предпочтительным кандидатом по сравнению с Дональдом Трампом <...> Легкая поддержка Харрис Путиным заставила многих задуматься, был ли он искренним или просто дразнил публику’ (здесь и далее перевод наш – А.М., Л. К.) [17]. Журналисты издания Republic также процитировали высказывание В. В. Путина: «Citing Kamala Harris’ “infectious laugh”, Vladimir Putin, in an ironic comment said that Russia wants her to win the US presidential election <...> He said, she laughs so contagiously that it shows that everything is fine with her» – ‘Цитируя “заразительный смех” Камалы Харрис, Владимир Путин в ироничном комментарии сказал, что Россия хочет, чтобы она выиграла президентские выборы в США <...> Он сказал, она смеется так заразительно, что это показывает, что у нее все в порядке’ [18].

Можно отметить, что и ранее у американских политиков гипертрофированные улыбка и смех являлись неотъемлемой частью имиджа. Л. Г. Брутян в своих работах приводит улыбку Х. Клинтон в качестве типичного примера автоматизма американской улыбки, не зависящей от обстоятельств: *Хилари Клинтон улыбается фотографам даже на траурной церемонии похорон принцессы Дианы* [6, с. 37]. Во время предвыборных дебатов 2016 года Х. Клинтон часто использовала маскообразную статичную улыбку для демонстрации универсальной пассивно-оборонительной позиции. К примеру, под смех зрительного зала, который даже пришлось успокаивать ведущим дебатов, улыбка не сходила с лица Х. Клинтон во время достаточно длительного напряженного диалога с Д. Трампом [19].

Дональд Трамп в 2016 году в одной из социальных сетей разместил видео, посвященное теме ожиданий американцев от будущего президента. Он противопоставил образ сильного лидера В. В. Путина «гавкающей» Х. Клинтон. Завершалось видео кадрами со смеющимся В. В. Путиным и надписью: *Мы не должны стать поводом для смеха* [20]. Сам Д. Трамп также ответил бурным смехом во время своего предвыборного выступления в Конкорде, когда один из зрителей пошутил над тем, что *a barking dog was actually Hillary Clinton* [21] – ‘лающая собака на самом деле Хиллари Клинтон’.

Введение гипертрофированного позитива в эмоциональной сфере в качестве части культурного кода и нормы поведения считается признаком хорошего тона в американской медиасреде. Частичная, но хорошо читаемая анимализация гиперболизированного смеха стала тенденцией, непосредственно связанной с большими ценностными системами относительно молодой в историческом масштабе «американской цивилизации». Своеобразное расчеловечивание, в первую очередь, позитивной эмоциональной сферы носит системный характер. Гипертрофированный инфантилизированный вычурный смех, характерный для многих американских политиков, может вызывать некоторые ассоциации с выражениями подобного рода эмоций у высших приматов. Зоопсихологи, исследующие эмоциональную сферу приматов, отмечают следующие характерные особенности: *Смех шимпанзе – непроизвольный индикатор его внутреннего состояния, не являющийся направленным коммуникативным актом* [22]; *У всех приматов смех является обязательным выражением игры, хотя бы и конкурентной, но при которой любые действия игроков на самом деле безобидны, условны. Благодаря их смеху о том же оповещаются все окружающие* [23]. Значительная часть публичной политической деятельности современного американского политика обрастает атрибутами игрового поведения, апеллирует к универсальным ценностям «смеховой культуры» и «позитивного мировосприятия».

Локальное псевдопозитивное расчеловечивание невербальных проявлений эмоциональной сферы, связанных с переживанием удовольствия и радости, по всей вероятности, является составной частью неявного масштабного целеполагания. Философское осмысление указанных процессов, на наш взгляд, не отрицает того, что «смеховая культура», «смехо-игровая культура» в рамках американской традиции преподносятся как некая антитеза части системообразующих традиционных ценностей. (Отметим, что актуальность такого рода тенденций постоянно поддерживается массовой культурой на определенном значимом уровне. В качестве современного примера можно привести явление так называемых «квадроберов»). Продвижение гипертрофированной эмоциональности в медиасреде с использованием фигур популярных политиков осуществляется по достаточно простой схеме «сверху вниз», при этом, по умолчанию, активно эксплуатируются потенции социального статуса медийно-значимых фигур.

Любопытной нам кажется попытка проанализировать смех Камалы Харрис с помощью тех-

нологий искусственного интеллекта. Мауро Коццолино в своих работах описывает подобный опыт исследования невербальных проявлений эмоций с применением специальных компьютерных программ [5, с. 59]. В качестве примера автоматической системы кодировки мимики автор приводит описание автоматизированного анализа лиц, исследуемого в работах Кона Дж. Ф., Злочевера А. Дж., Лиена Дж., Канадэ Т. [24]. Полагаем, что в рамках нашего исследования использование технологий искусственного интеллекта поможет выявить некоторые тенденции интерпретации эмоций, выражаемых языковой личностью политика, так как нейросети составляют свои ответы, основываясь, в том числе, на совокупном общественном мнении. Нейросети анализируют различные публикации, комментарии и запросы массовой аудитории [25]. Для начала мы попросили нейросеть описать реальное фото, на котором изображена смеющаяся Камала Харрис [26]. Нейросеть «Huggingface» [27] предоставила такое описание: *woman laughing and wearing a black jacket and necklace – ‘Женщина смеется и носит черную куртку и ожерелье’*. Российский Телеграм-бот нейросетей «NeuroUniversity_Chat_Bot» на нашу просьбу распознать такое же фото ответил, что *на этом фото преобладает эмоция Удивления или Изумления. Лицо на фотографии имеет выражение широкого удивления, глаза открыты широко, брови слегка приподняты, а рот слегка открылся. Это все указывает на то, что человек на фотографии испытывает сильное удивление или изумление от чего-то* [28]. На дополнительный вопрос о том, похоже ли это на смех, нейробот ответил: *«В данном случае, это не звук или выражение лица, которое мы обычно ассоциируем со смехом. Однако если мы подумаем о смехе как о чувстве радости, удовлетворения или облегчения, то можно сказать, что это может быть похожим на смех»*. Чатбот с искусственным интеллектом в социальной сети Вконтакте «Chat AI», не имеющий функции интерпретации фото, словами описал смех Камалы Харрис так: *«Ее смех часто описывают как заразительный и искренний. Она смеется открыто, с яркой улыбкой, что придает ее образу тепло и дружелюбие»* [29]. Телеграм-бот нейросетей «chat9pt_bot» описал словами смех Камалы Харрис следующим образом: *«Камала Харрис имеет заразительный и радостный смех. Он звучит искренне и открыто, как будто она искренне наслаждается моментом <...> Когда Камала Харрис смеется, это создает ощущение, что она действительно получает удовольствие от происходящего»* [30]. Любопытно, что при формулировке это-

го же запроса чатботу на английском языке, мы получили ответ: *I do not have specific information about how Kamala Harris laughs. As the Vice President of the United States, her mannerisms and expressions are likely observed and discussed, but I don't have reliable data on the details of her laughter.* – *‘У меня нет конкретной информации о том, как Камала Харрис смеется. Её манера речи и выражения как вице-президента США, вероятно, наблюдаются и обсуждаются, но у меня нет достоверных данных об особенностях её смеха’*. Полагаем, что такой избегающий деталей излишне формальный ответ может быть связан с особенностями современной англоязычной медиасреды в период активного проведения президентской предвыборной гонки.

Таким образом, можем сделать следующие выводы. Проявления эмоциональной сферы в современной медиасреде занимают центральное положение. Эмоция становится первым и главным носителем практически любой идеи, мысли, сообщения. Особый акцент при этом делается на невербальном проявлении позитивных эмоций. Выражение позитивных эмоций принимает гипертрофированную, а иногда и весьма необычную форму. Исследователями наблюдается специфика невербальных проявлений эмоций языковой личности американского политика. Она состоит в том, что позитивная эмоция становится необходимым элементом распознавания по принципу «свой-чужой», правилом хорошего тона и показателем вовлеченности человека в актуальный политический дискурс. Американское общество имеет определенный ресурс для трансформации, и на сегодняшний момент можно констатировать наличие определенных тенденций в эволюции «большой смеховой культуры», проявляющихся наиболее выпукло в невербальном проявлении эмоций в американской медиасреде.

Список источников

1. Birdwhistell R. L. Kinesics // International Encyclopedia of the Social Sciences, 1968. № 8. Pp. 379–385.
2. Холл Э., Фаст Дж. Язык тела. Как понять иностранца без слов. М.: Вече, 1997. 432 с.
3. Леонтович О. А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию: учебное пособие. Волгоград: Перемена, 2003. 399 с.
4. Андрианов М. С. Невербальная коммуникация: психология и право. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2007. 256 с.
5. Коццолино М. Невербальная коммуникация. Теории, функции, язык и знак. Харьков: Гуманитарный Центр, 2015. 224 с.

6. Брутян Л. Г. Говорим, не говоря. Невербальная коммуникация в разных культурах. Ереван: ЕГУ, 2015. 76 с.
7. Желтухина М. Р. Медиавоздействие в современном социуме: тело, язык, действие // Сознание, тело, интеллект и язык в эпоху когнитивных технологий: тезисы докладов Первой всероссийской конференции, Пятигорск, 28–30 сентября 2023 года. Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2023. С. 131–132.
8. Гавриш А. Д. Эмоциональный медиатренд презентации языковой личности политика в американском и русском медиадискурсе : дис. ... канд. филолог. наук: Москва, 2022. 228 с.
9. Доронина И. М. Медиаправо и медиабезопасность: учебное пособие для вузов. СПб.: ЛАНЬ, 2024. 184 с.
10. Смирнов В. Песков пошутил, что после слов Путина каждый должен влюбиться в смех Харрис. Новость от 05.09.2024 // Информационное агентство «ТАСС». URL: <https://tass.ru/politika/21782625> (дата обращения: 11.09.24)
11. Замахина Т. Путин: Россия на американских выборах поддерживает Харрис. Новость от 05.09.2024 // Специальный проект rg.ru. URL: <https://rg.ru/2024/09/05/putin-rossiya-na-amerikanskih-vyborah-podderzhivaet-harris.html> (дата обращения: 11.09.24)
12. Путин пошутил о заразительном смехе Камалы Харрис. Новость от 05.09.2024 // Информационное агентство «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/20240905/kharris-1970763809.html> (дата обращения: 20.10.24)
13. Песков: в смех Харрис должен влюбиться каждый. Новость от 05.09.2024 // Сетевое издание «Ведомости». URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2024/09/05/1060322-peskov-v> (дата обращения: 11.09.24).
14. Трамп: Путин мог искренне пожелать Харрис победы. Новость от 11.09.2024 // Сетевое издание «Ведомости». URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2024/09/11/1061456-iskrenne-pozhelat-harris-pobedi> (дата обращения: 11.09.24)
15. Трамп заявил об обиде на комментарий Путина про поддержку Харрис. Новость от 07.09.2024 // Информационный портал газеты «Известия». URL: <https://iz.ru/1755577/2024-09-07/trump-zaiavil-ob-obide-na-kommentarii-putina-pro-podderzhku-kharris> (дата обращения: 11.09.24).
16. Маск назвал интересными слова Путина о поддержке Харрис. Новость от 07.09.2024 // Сетевое издание «РЕН.ТВ». URL: <https://ren.tv/news/politika/1258407-mask-nazval-interesnymi-slova-putina-o-kharris> (дата обращения: 10.10.24).
17. Was Putin teasing? Russian President backs Kamala Harris in U.S Presidential Elections says, she laughs very well. Новость от 06.09.24 // Сетевое издание «The Economic Times». URL: <https://clck.ru/3DuuQ6> (дата обращения: 11.09.24).
18. Her Infectious Laugh: With a Witty Smile, Putin Says Russia Backs Kamala Harris. Новость от 05.09.2024 // Сетевое издание «Republic Media Network». URL: <https://www.republicworld.com/world-news/her-infectious-laugh-with-a-witty-smile-putin-says-russia-backs-kamala-harris-here-s-what-i> (дата обращения: 11.09.24).
19. Trump vs Clinton in Second U.S. Presidential Debate: Full Transcript // Сайт новостного журнала «Newsweek». URL: <http://europe.newsweek.com/hillary-clinton-donald-trump-2016-presidential-debate-read-full-transcript-508163> (дата обращения: 10.01.2024).
20. Трамп использовал смех Путина в предвыборном ролике. Новость от 16.03.2016 // Сетевое издание www.tvzvezda.ru. URL: <https://tvzvezda.ru/news/201603162211-b4eb.htm> (дата обращения: 10.10.24).
21. Trump laughs at rally-goer's joke poking fun at Hillary Clinton. Новость от 19.01.2016 // Сайт газеты «The Washington post». URL: https://www.washingtonpost.com/video/politics/trump-laugh-at-rally-goers-joke-poking-fun-at-hillary-clinton/2016/01/19/5a52fb80-be81-11e5-98c8-7fab78677d51_video.html (дата обращения: 10.09.2024).
22. Барулин А. Н. Семиотический Рубикон в глоттогенезе // Вопросы языкового родства, 2012. № 16 (96). С. 33–74.
23. Щавелев С. П. Homo ridens. Человек смеющийся. Познавательное значение юмора у животных и человека // Наука. Искусство. Культура, 2020. № 3 (27). С. 60–75.
24. Cohn J. F., Zlochower A. J., Lien J., & Kanade T. Automated face analysis by feature point tracking has high concurrent validity with manual FACS coding. *Psychophysiology*, 1999. № 36 (1). Pp. 35–43.
25. Logg J. M., Minson J. A., & Moore D. A. Algorithm Appreciation: People prefer algorithmic to human judgment // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 2019. Vol. 151. Pp. 90–103.
26. Фотография Камалы Харрис. URL: <https://clck.ru/3Ductf> (дата обращения: 10.10.2024).
27. Нейросеть HuggingFace. URL: <https://huggingface.co/tasks/image-to-text> (дата обращения: 10.10.2024).
28. Telegram-бот «NeuroUniversity_Chat_Bot». URL: https://t.me/NeuroUniversity_Chat_Bot (дата обращения: 10.10.2024).
29. Чатбот в социальной сети Вконтакте «Chat AI». URL: <https://vk.com/chataibotru> (дата обращения: 10.10.2024).
30. Telegram-бот «chat9pt_bot». URL: https://t.me/chat9pt_bot (дата обращения: 10.10.2024).

References

1. Birdwhistell, R. L. (1968). *Kinesics*. International Encyclopedia of the Social Sciences. No. 8, pp. 379–385. (In English)
2. Hall, E., Fast, J. (1997). *Yazyk tela. Kak ponyat' inostrantsa bez slov* [Body Language. How to Understand a Foreigner without Words]. 432 p. Moscow, Veche. (In Russian)
3. Leontovich, O. A. (2003). *Vvedenie v mezhkul'turnuyu kommunikatsiyu: uchebnoe posobie* [Russia and the USA: Introduction to Intercultural Communication: A Textbook]. 399 p. Volgograd, Peremena. (In Russian)

4. Andrianov, M. S. (2007). *Neverbal'naya kommunikatsiya: psikhologiya i pravo* [Non-verbal Communication: Psychology and Law]. 256 p. Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy. (In Russian)
5. Kotstsolino, M. (2015). *Neverbal'naya kommunikatsiya. Teorii, funktsii, yazyk i znak* [Nonverbal Communication. Theories, Functions, Language and Sign]. 224 p. Khar'kov, Gumanitarnyi Tsentr. (In Russian)
6. Brutyan, L. G. (2015). *Govorim, ne govorya. Neverbal'naya kommunikatsiya v raznykh kul'turakh* [We Speak without Saying. Non-verbal Communication in Different Cultures]. 76 p. Erevan, EGU. (In Russian)
7. Zheltukhina, M. R. (2023). *Mediavozdeistvie v sovremennom sotsiume: telo, yazyk, deistvie* [Media Impact in Modern Society: Body, Language, Action]. In *Soznanie, telo, intellekt i yazyk v epokhu kognitivnykh tekhnologii: tezisy dokladov Pervoi vserossiiskoi konferentsii*, pp. 131–132. Pyatigorsk, 28–30 sentyabrya 2023 goda. Pyatigorsk, Pyatigorskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)
8. Gavrish, A. D. (2022). *Emotsional'nyi mediatrend prezentatsii yazykovoï lichnosti politika v amerikanskom i russkom mediadiskurse : dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk* [Emotional Media Trend of Presenting the Politician's Linguistic Personality in American and Russian Media Discourses : Ph.D. Thesis]. Moscow, 228 p. (In Russian)
9. Doronina, I. M. (2024). *Mediapravo i mediabezopasnost': uchebnoe posobie dlya vuzov* [Media Law and Media Safety: A Manual for Universities]. 184 p. St. Petersburg, LAN'. (In Russian)
10. Smirnov, V. (2024). *Peskov poshutil, chto posle slov Putina kazhdyi dolzhen vlyubit'sya v smekh Kharris* [Peskov Made a Joke that after the Words of Putin Everyone Should Fall in Love with Harris's Laughter]. Informatsionnoe agenstvo "TASS". URL: <https://tass.ru/politika/21782625> (accessed: 11.09.2024). (In Russian)
11. Zamakhina, T. (2024). *Putin: Rossiya na amerikanskikh vyborah podderzhivaet Kharris* [Putin: Russia Supports Harris in the American Elections]. Rg.ru spetsial'nyi proekt. URL: <https://rg.ru/2024/09/05/putin-rossiya-na-amerikanskikh-vyborah-podderzhivaet-harris.html> (accessed: 11.09.2024). (In Russian)
12. *Putin poshutil o zarazitel'nom smekhe Kamaly Kharris* [Putin Made a Joke about the Infectious Laugh of Kamala Harris]. Novost' ot 05.09.2024. Informatsionnoe agenstvo "RIA Novosti". URL: <https://ria.ru/20240905/kharris-1970763809.html> (accessed: 20.10.2024). (In Russian)
13. *Peskov: v smekh Kharris dolzhen vlyubit'sya kazhdyi* [Peskov: Everyone Should Fall in Love with Harris's Laughter]. Novost' ot 05.09.2024. Setevoe izdanie "Vedomosti". URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2024/09/05/1060322-peskov-v> (accessed: 11.09.2024). (In Russian)
14. *Trump: Putin mog iskrenne pozhelat' Harris pobedy* [Trump: Putin Could Sincerely Wish that Harris Should Win]. Novost' ot 11.09.2024. Setevoe izdanie "Vedomosti". URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2024/09/11/1061456-iskrenne-pozhelat-harris-pobedi> (accessed: 11.09.2024). (In Russian)
15. *Trump zayavil ob obide na kommentarii Putina pro podderzhku Kharris* [Trump Said He Was Offended by Putin's Comment about Harris' Support]. Novost' ot 07.09.2024. Informatsionnyi portal gazety "Izvestia". URL: <https://iz.ru/1755577/2024-09-07/tramp-zaiavil-ob-obide-na-kommentarii-putina-pro-podderzhku-kharris> (accessed: 11.09.2024). (In Russian)
16. *Mask nazval interesnymi slova Putina o podderzhke Kharris* [Musk Called Putin's Words about the Support of Harris to Be Interesting]. Novost' ot 07.09.2024. "REN.TV" setevoe izdanie. URL: <https://ren.tv/news/politika/1258407-mask-nazval-interesnymi-slova-putina-o-kharris> (accessed: 10.10.2024). (In Russian)
17. *Was Putin Teasing? Russian President Backs Kamala Harris in U.S. Presidential Elections Says, She Laughs Very Well*. Novost' ot 06.09.24. "The Economic Times" network edition. URL: <https://clek.ru/3DuuQ6> (accessed: 11.09.2024). (In English)
18. *Her Infectious Laugh: With a Witty Smile, Putin Says Russia Backs Kamala Harris*. Novost' ot 05.09.2024. "Republic Media Network" network edition. URL: <https://www.republicworld.com/world-news/her-infectious-laugh-with-a-witty-smile-putin-says-russia-backs-kamala-harris-here-s-what-i> (accessed: 11.09.2024). (In English)
19. *Trump vs Clinton in Second U.S. Presidential Debate: Full Transcript* (2016). "Newsweek" magazine website. URL: <http://europe.newsweek.com/hillary-clinton-donald-trump-2016-presidential-debate-read-full-transcript-508163> (accessed: 10.01.2024). (In English)
20. *Trump ispol'zoval smekh Putina v predvybornom rolake* [Trump Used Putin's Laughter in the Election Commercial]. Novost' ot 16.03.2016. www.tvzvezda.ru network edition. URL: <https://tvzvezda.ru/news/201603162211-b4eb.htm> (accessed: 10.10.2024). (In Russian)
21. *Trump Laughs at Rally-Goer's Joke Poking Fun at Hillary Clinton*. Novost' ot 19.01.2016. "The Washington Post" network edition. URL: https://www.washingtonpost.com/video/politics/trump-laughs-at-rally-goers-joke-poking-fun-at-hillary-clinton/2016/01/19/5a52fb80-be81-11e5-98c8-7fab78677d51_video.html (accessed: 10.09.2024). (In English)
22. Barulin, A. N. (2012). *Semioticheskii Rubikon v glottogeneze* [Semiotic Rubicon in Gluptogenesis]. *Voprosy yazykovogo rodstva*, No. 16 (96), pp. 33–74. (In Russian)
23. Shchhavelev, S. P. (2020). *Homo ridens. Chelovek smeyushchiysya. Poznavatel'noe znachenie yumora u zhivotnykh i cheloveka* [Homo Ridens. A Laughing Man. The Cognitive Meaning of Humor for Animals and Humans]. *Nauka. Iskustvo. Kul'tura*. No. 3 (27), pp. 60–75. (In Russian)
24. Cohn, J. F., et al. (1999). *Automated Face Analysis by Feature Point Tracking Has High Concurrent Validity with Manual FACS Coding*. *Psychophysiology*. No. 36 (1), pp. 35–43. DOI:10.1017/s0048577299971184. (In English)
25. Logg, J. M., Minson, J. A., & Moore, D. A. (2019). *Algorithm Appreciation: People Prefer Algorith-*

mic to Human Judgment. Organizational Behavior and Human Decision Processes. Vol. 151, pp. 90–103. DOI:10.1016/j.obhdp.2018.12.005. (In English)

26. *Fotografiya Kamaly Kharris* [A Photo of Kamala Harris]. URL: <https://clck.ru/3Ductf> (accessed: 10.10.2024). (In English)

27. *Neuro-network HuggingFace*. URL: <https://huggingface.co/tasks/image-to-text> (accessed: 10.10.2024). (In English)

28. *Telegram-bot "NeuroUniversity_Chat_Bot"*. URL: https://t.me/NeuroUniversity_Chat_Bot (accessed: 10.10.2024). (In Russian)

29. *Chatbot v sotsial'noi seti Vkontakte* [Social network Vkontakte chatbot "Chat AI"]. URL: <https://vk.com/chataibotru> (accessed: 10.10.2024). (In Russian)

30. *Telegram-bot "chat9pt_bot"*. URL: https://t.me/chat9pt_bot (accessed: 10.10.2024). (In Russian)

The article was submitted on 29.10.2024

Поступила в редакцию 29.10.2024

Маслова Алеся Дмитриевна,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
Волгоградский институт управления –
Филиал РАНХиГС,
400005, Россия, Волгоград,
Гагарина, 8.
prostozachem@mail.ru

Maslova Alesya Dmitrievna,
Ph.D. in Philology,
Assistant Professor,
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPa,
8 Gagarin Str.,
Volgograd, 400005, Russian Federation.
prostozachem@mail.ru

Компанеева Людмила Геннадьевна,
кандидат педагогических наук,
доцент,
Волгоградский институт управления –
Филиал РАНХиГС,
400005, Россия, Волгоград,
Гагарина, 8.
kompanyeva@mail.ru

Kompaneeva Liudmila Gennadievna,
Ph.D. in Pedagogy,
Associate Professor,
Volgograd Institute of Management –
branch of RANEPa,
8 Gagarin Str.,
Volgograd, 400005, Russian Federation.
kompanyeva@mail.ru

УДК 81'367/811.512.145

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-111-118

КОММУНИКЕМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ УТВЕРЖДЕНИЯ И ОТРИЦАНИЯ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

© Гузель Набиуллина, Зоя Кириллова

COMMUNICEMES WITH THE MEANING OF AFFIRMATION AND NEGATION IN THE TATAR LANGUAGE

Guzel Nabiullina, Zoya Kirillova

The article deals with one of the most controversial problems of Turkology, the problem of indivisible syntax, which manifests itself at the level of a simple and complex sentence. The relevance of the research is due to the fact that the linguistic analysis of the structure and semantics of communication makes it possible to substantiate the status of indivisible sentences in the syntactic system of the Tatar language and to identify the structural-semantic, grammatical, pragmatic aspects of indivisible sentences. The paper analyzes emotional and evaluative communicemes with affirmative and negative semantics in the Tatar language. The research material is semantic and emotionally expressive meanings of communicemes. The aim of the work is to identify and describe the most commonly used communicemes with affirmative and negative semantics in the Tatar language. The object of the study is the communicemes from the works of Tatar fiction, obtained by the continuous sampling method. The corpus of examples is represented by speech units of an indivisible structure, which we refer to the class of communicemes, that is, non-predicative units of syntax. The work revealed 15 affirmative and 10 negative communicemes in various lexical and grammatical variations. It has been established that communicemes with positive and negative semantics arise spontaneously in speech and are an expressive reaction of the speaker, accompanied by the intonation of delight, joy, surprise, anger, threats, etc. These syntactic units, being set phrases, express national specifics, therefore they are difficult to perceive for native speakers of other languages.

Keywords: syntax, semantics, Tatar language, indivisible sentences, communicemes

В статье рассматривается одна из самых противоречивых проблем тюркологии, проблема нечленимого синтаксиса, которая проявляется на уровне простого и сложного предложения. Актуальность исследования обусловлена тем, что лингвистический анализ структуры и семантики коммуникем позволяет обосновать статус нечленимых предложений в синтаксической системе татарского языка и выявить структурно-семантический, грамматический, прагматические аспекты нечленимых предложений. В работе анализируются эмоционально-оценочные коммуникемы с утвердительной и отрицательной семантикой в татарском языке. Материалом исследования являются семантические и эмоционально-экспрессивные значения коммуникем. Цель работы – выявление и описание наиболее употребительных коммуникем с утвердительной и отрицательной семантикой в татарском языке. Объектом исследования являются коммуникемы из произведений татарской художественной литературы, полученные методом сплошной выборки. Корпус примеров представлен речевыми единицами нечленимой структуры, относимыми нами к классу коммуникем, то есть непредикативными единицами синтаксиса. В работе выявлено 15 утвердительных и 10 отрицательных коммуникем в различных лексико-грамматических вариациях. Установлено, что коммуникемы с положительной и отрицательной семантикой возникают в речи спонтанно и являются экспрессивной реакцией говорящего, сопровождающейся интонацией восторга, радости, удивления или гнева, угрозы и т. д. Данные синтаксические единицы, являясь устойчивыми конструкциями, выражают национальную специфику, поэтому они трудно воспринимаются носителями других языков.

Ключевые слова: синтаксис, семантика, татарский язык, нечленимые предложения, коммуникемы

Для цитирования: Набиуллина Г., Кириллова З. Коммуникемы со значением утверждения и отрицания в татарском языке // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 111–118. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-111-118

Введение. В языке широко распространены синтаксические единицы, передающие эмоциональную окраску высказывания, так называемые коммуникемы. Понимание коммуникем в рамках изучения нечленимого синтаксиса языка восходит к фундаментальным трудам отечественных языковедов [1], [2], [3], [4], [5]. Важные суждения по различным вопросам структуры и семантики, грамматики и прагматики слов-предложений в татарском языке нашли отражение в трудах М. З. Закиева [6], С. М. Ибрагимова [7], Ф. С. Сафиуллиной [8], Ф. Г. Галлямова [9], Г. А. Набиуллиной и др. [10].

По мнению В. Ю. Меликяна, коммуникемы занимают свое место в синтаксической системе типов предложения и являются языковыми образованиями, которые продуктивно развиваются и соответствуют всем нормам современной разговорной речи [2]. По словам Т. Н. Колокольцевой, этот тип нечленимых предложений играет «важную роль в создании языковой ткани гармоничного диалога» поскольку «каждый диалог, будучи обсуждением и (или) сопоставлением нескольких смысловых позиций коммуникантов, в идеале должен приводить к согласию» или несогласию «и взаимопониманию общающихся» [3, с. 76].

По мнению В. Ю. Меликяна, коммуникемы занимают своё место в синтаксической системе типов предложения и являются языковыми образованиями, которые продуктивно развиваются и соответствуют всем нормам современной разговорной речи [1]. По словам Т. Н. Колокольцевой, этот тип нечленимых предложений играет «важную роль в создании языковой ткани гармоничного диалога», поскольку «каждый диалог, будучи обсуждением и (или) сопоставлением нескольких смысловых позиций коммуникантов, в идеале должен приводить к согласию» или несогласию «и взаимопониманию общающихся» [2, с. 76].

В современной синтаксической науке коммуникемы рассматриваются как основной объект нечленимого синтаксиса, который представляет собой особый структурный тип, и не могут быть отнесены ни к двусоставным предложениям, ни к односоставным.

В татарском синтаксисе коммуникемы, так называемые слова-предложения, относятся к синтаксису простых предложений и наряду с глагольными и номинативными предложениями рассматриваются в рамках односоставных пред-

ложений. В таких построениях, как отмечается в татарской грамматике, нет ни главного, ни второстепенного членов, основным их структурным признаком является то, что они состоят из слов, которые не совпадают с традиционными частями предложения и не могут сопровождаться другими частями речи [6, с. 134-135].

Целью данной статьи является выявление и описание коммуникем с утвердительной и отрицательной эмоциональной оценкой в татарском языке. В связи с поставленной целью предполагается решение следующих задач: отбор, систематизация и изучение семантических и экспрессивно-модальных особенностей эмоционально-оценочных коммуникем.

Исследуемые синтаксические единицы определены нами как утвердительные и отрицательные коммуникемы. Как правило, они обладают структурно-синтаксической нерасчлененностью, эмоциональной окрашенностью и «выражают не направленные прямо на собеседника эмоции, а скорее, являются знаками эмоционального речевого поведения как результата эмоционального отношения говорящего к миру» [3, с. 12].

В татарском языке коммуникемы с утвердительной и отрицательной эмоциональной оценкой по своей функции и семантике составляют самостоятельный тип нечленимых предложений, которые выражаются частицами, модальными словами, глаголами, наречиями, местоимениями и междометиям: *әйе* ('да'), *әлбәттә* ('несомненно, само собою разумеется, естественно'), *була* ('довольно, достаточно'), *хуп* ('хорошо'), *юк* ('нет'), *тугел* ('не'), *хәзер* ('сейчас'), *булмый* ('не получается') и т. д.

Семантика утвердительных коммуникем заключается в экспрессивно-оценивающей реакции на что-либо увиденное или услышанное, на определенную речевую ситуацию, а также в выражении эмоционального состояния говорящего. В передаче различных смысловых оттенков утверждения создаются оригинальные структурно-семантические модели коммуникем с эмоциональной оценкой.

Нужно отметить, что в татарском языке коммуникемы с утвердительной эмоциональной оценкой более распространены, чем коммуникемы с положительной эмоциональной оценкой. Сюда мы относим следующие речевые единицы: *әйе, әйе шул, әйе шулай, әйе инде, әйе бит, әйе бит әле, ие, ие бугай, ие шул, ие бит* (да, верно, вот именно, так, да ведь, да уж, кстати, вот еще);

албатта (несомненно, само собою разумеется, естественно), *була* (довольно, достаточно), *хуп* (хорошо), *алай, шулай, алай икэн* (так, действительно, подлинно, верно, хорошо), *бара* (идет), *ярамаган* (сойдет), *ярый* (хорошо, ладно, хватит, довольно, всё), *ярый инде* (ладно уж) // *ярый соң* (ладно уж) *алай булса ярый* // *ярый, алай булса/ярар, алай булса* // *яхшы инде, алай булса/ярар, алай булгач /ярар алайса* (ладно, тогда; хорошо, тогда), *ярый инде шунда* (ну а как же), *менә шул //әнә шул// менә вәт // менә вәт шул* (вот так, вот тот (та, то); вот этот (эта, это)), *вәт шулай// вәт шул* (вот так, как есть), *шул шул менә// менә шул шул // шулай шул менә* (то-то и оно; вот видите), *әйдә* (айда, пойдём, идём; давай, давай-ка, ну, ну-ка, ну же; ладно, ну ладно, пусть, пускай, валяй; брось ты), *әйдә соң* // *ярар соң* (ладно уж), *дөрөс* (правильно; так и есть, так и следует, верно, должно быть, вероятно); *албатта* (несомненно, конечно, само собою разумеется, естественно); *так точно, хуп* (хорошо), *нәкъ үзе* (точь-в-точь, как раз, самый, точно, ровно, прямо), *рас* (верно, правильно, правда, действительно) и др.

Рассмотрим наиболее употребительные из них.

1. Коммуникема *әйе* // *ие* ('да, конечно, разумеется, имеено так') употребляется для выражения согласия, утверждения действия собеседника. Например, *Галиябану. (каршы йөгереп барып) Әби, миңа яучыга килдеңме әллә?*

Бәдига. Әйе, әйе, кызым. Синең башыңны ашарга килдем. (М. Фәйзи); Мин тәрәзәдән башымны тыктым. Паша калтырап китте. Акыртын гына: – Сезде? – дидем. – Әйе, – диде. (Г.Исхакий) [11].

Коммуникема *әйе* употребляется при настойчивом утверждении какого-либо ранее высказанного положения в значении «действительно», «верно», «конечно». Например: *Жамалны әйтәм, авыр туфрагы жиңел булсын, һай, тәкәббер иде дә соң! – Әйе. Син дә аңа охшагансың. (А. Әхмәтгалиева). [Там же].*

Коммуникема *әйе* в разговорной речи встречается в фонетическом варианте *ие*: – *Ие! Авызың күтәргән! (М. Мәһдиев); – Сез мине чакырттыгыз? – Ие. Сезнең белән берәз сөйләшеп аласы бар иде. (А. Алиш). [Там же].*

Данная коммуникема при помощи частиц активно употребляется в грамматических формах: *әйе шул* (да, да уж, вот именно, так (верно)), *әйе шулай, әйе инде, әйе бит* (да, да уж, да ведь). Здесь частицы *шул, бит, инде* усиливают значение утверждения: *Дуслардыр бит без? – Әйе инде. (А. Фәләх); Хатын ишектән кереп югалды һәм берәздән кире әйләнеп чыкты да: –*

Әйе шул! Бу дөнъяда һичбер нәрсә мәңге түгел. (М.Галәү) [Там же].

Әйе бит әле (да ведь, да уж, кстати, вот еще) употребляется при неожиданном воспоминании о чем-либо упущенном в предшествующем разговоре, при перемене темы разговора: *Ну бәйрәм итәрсез дә соң шул чакта. Әйе бит! (Н. Гаебәй) [Там же].*

2. Коммуникема *ярый* ('хорошо, ладно, хватит, довольно, всё') выражает просьбу или приказ: *Зәлифә юк инде хәзер... Мин аны качаклап алдым. – Ярый...– диде Айрат. (М. Кәбирев)* Повторная коммуникема *ярый* (согласен, пусть будет так) выражает подтверждение согласия с чем-либо или одобрение с оттенком одолжения или уступки собеседнику: – *Ярый, ярый, аңлашылды. (М. Мәһдиев) [Там же].*

Коммуникемы *алай булса, ярый* // *ярый, алай булса// /ярар, алай булса* // *яхшы инде, алай булса// ярар, алай булгач /ярар алайса* (ладно, тогда; хорошо, тогда) употребляются для выражения допустимости, возможности чего-либо при соблюдении каких-либо условий. Например: – *Хатны күрсәт, – дидем. – Минем үз серем генә түгел бит, кеше сере дә бар, күрсәтмим, – диде. – Ярар алай булса, – дидем. (Г.Исхакий)[Там же].*

3. Коммуникемы *менә шул //әнә шул// менә вәт // менә вәт шул* (вот так, вот тот (та, то); вот этот (эта, это)) выражают твёрдое решение, утверждение, не подлежащее сомнению или изменению: – *Сез өйләнгәнче беркая да китмәскә ант иттем! Менә шул! (В.Нуруллин); – Менә вәт, инде хәзер безнең жәмгыять булды. (Г.Исхакий). – Менә вәт шул. (Н. Акмал) [Там же].*

Коммуникема *шулай* ('так, да, правильно действительно') употребляется для подтверждения истинности какого-либо факта, подведения итогов каких-либо наблюдений, размышлений. Например, – *Икедән бере. – Шулай. Икедән бере! (М. Мәһдиев); – Шулай, Шулай! Ялгышмыйм, бу да нәкъ агалары кебек. (Г. Ибраһимов); – Һәрхәлдә, без бер-беребезгә комачау тудырмаска тиеш. Шулаймы? – Шулай, Туйбикә абыстай. (А.Тимергалин) [Там же].* Данная коммуникема при помощи частиц и модальных слов употребляется в формах *анысы шулай, шулай инде, шулай бит, әйе, шулай, чыннан да шулай, бәс шулай, нәкъ шулай, фәкать шулай* (раз так, тогда, в таком случае, итак, значит, следовательно).

Синтаксический повтор *шулаен-шулай* (так-то так, но (да, а); так оно так, в общем правильно, но (всё-таки) употребляется в значении «нельзя не согласиться, конечно, действительно» с экспрессивным оттенком сомнения. Например, –

Шулаймы? – Шулаен шулай... (Г. Гыйльманов); – Безнең бурычта өзеклек булганы юк! – диде, күкрәгенә йодрык сугып, Садрый. – Шулаен шулай инде... (Р. Рахман) [Там же].

Синтаксический повтор *шулай шул // шул шул* (так, да, так точно; именно (конечно), так и есть; правильно, в самом деле, действительно) употребляется при уверенном подтверждении чьих-либо слов или при выражении согласия с чьим-либо высказыванием, соответствуя по значению словам да, так, верно, точно: – *Өченче ел мунчала төшергәндә, кабыкларны кем бәйләп торды? Шул шул!* (А. Гыйләжәв); – *Меңәрләгән тәңкә торами? Шул шул.* (В. Имамов). – *Фабрикада сөйләгәннәр иде. – Шул шул.* (Г. Гомәр) [Там же].

Коммуникема *вәт шулай // вәт шул* (вот так, как есть) выражает твёрдое окончательное утверждение. Например, – *Аны мин түгел, әнкәй үзе дә белми. Вәт шулай, абзый кеше.* (Д. Салихов); – *Әлфүн, яле, арт аякларыңа бас. Вәт шулай.* (Ф. Яруллин); – *Кызыбыз нефть институтында Казакъстанда укыта. Вәт шулай.* (Ә. Хәсәнов) [Там же].

Коммуникемы *шул шул менә // менә шул шул // шулай шул менә* (то-то и оно; вот видите) употребляются для подтверждения или подчеркивания чего-либо. сказанного в значении: «вот в том-то и дело, действительно». Например, – *Меңәрләгән тәңкә торами? – Шул шул.* (В. Имамов). – *Бөтен учак тирәсе бер шаулатып көлеп алды. – Әһ! Менә шул шул!* (Г. Бәширов). – *Билгеле, сандыкны да шунда күмгән инде ул! – Шул шул менә!* (А. Гыймадиев) [Там же].

4. Коммуникема *әйдә* (айда, пойдём, идём; давай, давай-ка, ну, ну-ка, ну же; ладно, ну ладно, пусть, пускай, валяй; брось ты) в качестве своего основного значения употребляется как приглашение или побуждение идти куда-либо или совершить какое-либо действие: – *Син гитарага кереп чумдың, абыллар да аерыла алмый утыра. – Әйдә инде.* (А. Галиева); *Гыйлман (камчысын селтәп). – Көпә-көндөз кочаклашып утыралар бит, хәерсезләр. Әйдә марш, югал.* (А. Алиш). [Там же].

Коммуникема *әйдә* выражает согласие с собеседником на совершение каких-либо поступков, действий: – *Әйдә сынап карыйбыз?! – диде ул, иренен турсайтып. – Әйдә!* (А. Тимергалин); – *Әйдә, эзләп табабыз! – Әйдә! Алар килгән якларына таба йөгерешен киттеләр.* (А. Вергазов) [Там же].

Коммуникемы *әйдә соң // ярар соң* (ладно уж) выражают согласие, уступку: – *Жәяү генә йөрүк, – диде Рәфис. – Әйдә соң, – дип, Шәмсүн риза булды.* (А. Вергазов); – *Әйдә, дуслашыйкмы?*

Әйдә соң!.. Мә бишине! (Г. Гыйльманов); *Гүзәл. Нәрсә, өйләнешик дисеңме? Әйдә соң.* (Т. Миңнуллин) [Там же].

5. Коммуникема *дөрөс* (правильно; так и есть, так и следует, верно, должно быть, вероятно) употребляется как утверждение, точно отражающее действительность или основанное на фактах. Например, – *Бибинур, дөрөсме? – диде ул килеп эңитәрәк. Бибинур малайны эңиргә бастырды, малай Мирзахитның тавышыннан ук еларга ук тотынды. – Дөрөс, Мирзахит.* (А. Гыйләжәв) [Там же].

6. Коммуникема *әлбәттә* (несомненно, конечно, само собою разумеется, естественно) выражает достоверность сообщаемого и уверенность говорящего в этом. Например, *Гөлгенәнен дә күзләре очкынланып китте: – Егетек кем булагын да белеп буламени? – Әлбәттә! М. Кәбиров* [Там же].

7. Коммуникема *так точно* (воен. устар.) употребляется как утвердительный ответ на вопрос в значении «да, именно так». Например, – *Аңлашылдымы? – Так точно, – диде Газинур.* (Г. Әпсәләмов); – *Әмир исемле бит әле син, әйеме? – Так точно!* (Ә. Хәсәнов). [Там же].

8. Коммуникема *хуп* («хорошо») употребляется для выражения подтверждения согласия с чем-либо и означает «хорошо, ладно, прекрасно, здорово, правильно»: – *Исән-сау көенчә кайтып эңиттем, дисең инде, Әмир абый. – Бик хуп, бик мәслихәт.* (В. Имамов); *Анна уңайсызлана калды, яулык чите белән авыз тирәсен каплап, башын иде: – Хуп. Сөзгә никахланырга кирәктер, әйеме.* (Г. Бәширов) [Там же].

9. Коммуникема *нәкъ үзе* («точь-в-точь, как раз») употребляется для выражения подтверждения согласия с чем-либо: – *«Әрмийский паррядык» мы? – Нәкъ үзе!* (А. Хәлим) [Там же].

10. Коммуникема *рас* («верно, правильно, правда, действительно») употребляется при уверенном подтверждении чьих-либо слов или при выражении согласия с чьим-либо высказыванием, соответствуя по значению «да, так, точно, действительно, в самом деле». Например, *Мирвәли. Колач эңеп каршы алырлар дип көтмәдем. Рас. Мәгәр... Шулай булса да, монда калырга кирәк.* (А. Гыйләжәв); – *Минем үземнең дә эчтә мәчеләр мыраулый. Рас. Борын тәмам салынып төшкән.* (Г. Әпсәләмов) [Там же].

11. Коммуникема *ярар* («ладно») употребляется для выражения подтверждения чего-либо, согласия с чем-либо в значении «хорошо, согласен, пусть будет так», обычно — с оттенком одолжения или уступки собеседнику. Например: *Хәлне аңлаткач, Кадыйр Хатипка: – Ярар. Жайларбыз!*

Бир паспортыңны! – диде. (М. Галәү); – Ярар, ярар, улым. (А. Хәсәнов)[Там же].

Коммуникаема *ярар соң* // *ярар соң инде* (ладно уж) употребляется для выражения подтверждения чего-либо с оттенком одолжения или уступки собеседнику: – *Ярар соң, – дип сузды Кәлтә Закиры. (А. Гыймадиев); – Килештекме? – Ярар соң... (Г. Гыйльманов); Булат Абдуллович, шактый дәшми торгач, теи арасыннан гына кысып чыгарды: – Ярар соң... (Ә. Хәсәнов)* [Там же].

Коммуникаема *яхшы* ('хорошо, ладно, прекрасно') выражает согласие с собеседником и употребляется в значении «согласен, да, пусть будет так». – *Яхшы, яхшы! – ди. (А. Алиш). – Шәт, бөтенесе дә рәтләнер. – Яхшы. (А. Тимергалин); – Көн яктысына чыгыйкмы әллә? – дип тәкъдим итте Таймас. – Яхшы. (А. Тимергалин)*[Там же].

12. Коммуникаема *әйтәм аны* (то-то) употребляется в ответной реплике для выражения удовлетворения словами или поступком собеседника, его согласием или послушанием. Например: – *Ә мин сине беләм бит, кибетең китап алырга йөри идем. – Әйтәм аны... Күргән дә сыман... – дип, аптырап сөйләнеп калды абзый. (Ф. Сафин); Тик авызыңа май кап! – Әйтәм аны... Синнән күпкә таза, озын буйлы егетләр дә алдыңда калтырап торалар... (Ә. Сафиуллин)* [Там же].

13. Коммуникаема *менә әйтте диярсез* ((вот) то-то и оно; (вот) то-то и есть) употребляется для подтверждения или подчеркивания чего-либо, сказанного в значении «вот в том-то и дело, действительно»: *Киләчәктә биредә зур – зур шахталар, шәһәрләр төзелер. Менә әйтте диярсез. (Г. Әпсәләмов); Шулай итеп уйнап кара әле син, малай, шәбрәк булачак. Менә әйтте диярсез!? (Р. Сәгъди)* [Там же].

14. Коммуникаема *була ул* (есть такое дело, будет, хорошо) выражает согласие говорящего на вопрос или призыв, просьбу собеседника в значении «будет, хорошо». – *Аннан, Әйдә, тарт гармуныңны! Гармунчы. Була ул. "Хафизә" көенме? (Г. Камал); – Дустым, мине үз авылыңа кадәр алып бар әле. – Була ул. (З. Мурсиев)* [Там же].

15. Коммуникаемы *әйтәсе (дә) юк* // *әйтмә (дә)* (*генә инде*) (конечно же; нет никаких сомнений, да уж, не говори, что и говорить, в (на) самом деле, ничего не скажешь, нечего сказать, слов нет, так (оно) и есть) выражают полное согласие со словами собеседника, а также используются при выражении досады, иронии: – *Әйтмә инде, бу җиммерелүнең башы менә бу кызыл авызлардан китте. (Г. Ибраһимов); Хәким. Әйтмә инде, кызым. Аллага шөкер, уңдым*

кияүләрдән. (Г. Каюмов); – Әйтмә инде, малай, Рәшитәң гел әтисе... (Г. Әдһәм) [Там же].

Семантика коммуникем данного вида заключается в том, что они выражают согласие, утверждение, одобрение действия с экспрессивно-эмоциональной оценкой радости, восторга, удивления, сомнения и др.

В татарском языке коммуникемы с отрицательной семантикой выражают несогласие, отрицание, неодобрение действия и поступков собеседника с экспрессивно-эмоциональной оценкой противопоставления, несоответствия, иронии, отказа или печали, гнева, страха, раздражения, разочарования и т. д. Сюда мы относим следующие коммуникемы: *юк, юк ярамый, юк кирәкми* // *кирәге юк* // *юк тиеш түгел* // *юк булмый* // *һич юк* (нет, не надо), *кирәкми* // *кирәкмәс* (не надо, не стоит, не требуется, не следует иметь, нет необходимости), *түгел (не)*, *хәзер* // *хәзер ди* // *хәзер ди менә* // *хәзер ди сиңа* (сейчас, теперь, нынче, ныне), *булмый* (не получается) // *булыр бар* // *булган ди* // *булыр сиңа* // *булган сиңа* // *булмый ич (бит)* // *һич булмый, бер дә юк* (совсем нет), *бер дә ярамый* (совсем нельзя), *бер дә дәрәс түгел* (совсем не правильно), *(алай түгел)* (не так), *алай ярамый* (так нельзя, нельзя так), *яхшы түгел (бит)* (инде) (нехорошо, неудобно, неловко), *алай ярамый бит* (нельзя же так, так же нельзя), *әй* // *әйем (лә)* // *әем* (нет) и др. Рассмотрим наиболее употребительные из них.

1. Коммуникаема *юк* (нет) является отрицательным ответом на предложение, выраженное вопросом, просьбой или надеждой, и имеет следующие значения:

1) употребляется как отрицательный ответ или выражение несогласия: – *Тәнеңездә эсселек бар!.. Үлчәдеңезме? – Юк. (Г. Исхакий); – Тордымы? – Юк. (А. Вергазов)* [Там же];

2) употребляется с последующим повторением того, что отрицается: *Гайниңҗамал абыстай: – Юк, ахирәт, юк, синнән нәрсә яшерим! Яшерерлек эш юк... – диде. (Г. Исхакий)* [Там же];

3) употребляется с последующим объяснением или уточнением отрицания: – *Жылы-жылы фикерләре рәткә килә башлагач, ул: – Юк, юк, мәңгегә юк... Хәзрәт минеке, хәзрәт минеке... Бирмим, бирмим! – дип кычкырды... (Г. Исхакий); – Бәлки, миңа килеп чыгаргадыр? – Юк, юк! Тик син борчылма. Шәт, бөтенесе дә рәтләнер. (А. Тимергалин)*[Там же];

4) употребляется в начале реплики, подводящей итог сказанному ранее и являющейся следствием вышеизложенного: – *Күз алларын томалый торган нәфрәт хисен*

жѣңа алмыйча, Азат Сәйдәшев комендатурадан урамга чыгып китә. Юк, юк, – дип пышылдый ул, – кеше язмышын Байчурын кебек шакаллар хәл итә торган илгә мин кайта алмыйм... (А. Тимергалин)[Там же].

Коммуникема юк часто употребляется в сочетании с частицами, предикативными словами: *икән* (оказывается), *шул* (ведь), *инде* (уж), *кирәкми* (не надо), *һич*, *түгел* (не).

Коммуникема юк *инде* (нет уж) употребляется при подчеркивании противопоставления, несоответствия одной части высказывания другой: – *Математикадан болай гына булышырман, китик...* – *Юк инде!* – *диде тегесе, үжәтләнеп.* (А. Гыймадиев); *Шәмсеҗһан ирләрчә эре-эре атлап барган җиреннән Зөбәрҗәткә борылды:* – *Юк инде, гөлкәем!* (А.Гыйләҗев)[Там же].

Сочетания юк *ярамый*, юк *кирәкми* (*кирәге* юк), юк *тиеш* *түгел*, юк *булмый*, *һич* юк употребляются для усиления отрицания: *Жавап, ничектер, үчкәшәргә җыенган сыман яңгырады.* – *Юк булмый.* (М. Хәсанов); – *Юк. Кирәге юк. Мин борылып кайтып киттем.* (Г. Кутуй) [Там же].

2. Коммуникема *кирәкми* // *кирәкмәс* (не надо, не стоит, не требуется, не следует иметь, нет необходимости) выражает два значения:

1) Отсутствие необходимости или потребности в чём-либо: – *Әйдә, хәзер без дә шул трамвайга утырып карыйк,* – *ди. Ә мин әйтәм:* – *Кирәкми,* – *дим.* (А.Алиш); – *Кысыңкы булса, мин ярдәм итә алам, Азат.* – *Рәхмәт, кирәкми.* (А.Тимергалин) [Там же].

2) Оценочная характеристика чего-либо как ненужного: *Бер үпкәннән үлмәс идең әле.* – *Кирәкми, Мирзәһит. Өйгә керик. Суык монда* (А. Гыйләҗев); *Кызлар да каршы тора алмадылар:* – *Әйдәгез, йөзек салыш...* – *Юк, кирәкми!* (А.Алиш) [Там же].

Коммуникемы *кирәге бар* (*иде*) // *кирәге бер тиен* // *хәҗәте бар* // *хәҗәте бер тиен* (на какой черт нужен, больно нужен, нужен он мне) выражают категоричное отрицание: – *Ниязны көтмисеңмени?* – *Кирәге бар иде...* (Г. Әдһәм); *Жәмилә. Бик кирәге бар иде. Мә алтын чылбырыңны.* (Д. Салихов) [Там же].

3. Коммуникема *түгел* (не) встречается в формах *түгел түгелен*, *түгелен түгел* и имеет отрицательное значение: *Шаһтимер (нык итеп). Син бер асыл зат! Бакый (шулай ук нык рәвештә). Түгел.* (М. Фәйзи) [Там же].

4. Коммуникемы *хәзер* // *хәзер ди* // *хәзер ди менә* // *хәзер ди сиңа* (сейчас, теперь, нынче, ныне) усиливают отрицание и противоречие в ироничных приговорах: – *Хәзәр, көтеп*

торыгыз! (Матбугат); Зөлфирә. Хәзер ди менә?! (Әлүки)[Там же].

5. Коммуникемы *булмый* // *булыр бар* // *булган ди* // *булыр сиңа* // *булган сиңа* // *булмый ич* (*бит*) // *һич булмый* (не получается) выражают нежелание, несогласие говорящего либо являются отрицательным ответом на заданный вопрос: – *Ахмакланма! Әйдә шуыш, мин сиңа булышам.* – *Булмый ич.* (Г.Әпсәләмов); – *Менә шул халык эчендә үз кешеләре булып кайнашасы килә. Булмый бит...* (Г. Ибраһимов) [Там же].

6. Коммуникема, выраженная фразеологизмом *атаң башы*, обычно используется в разговоре пожилыми людьми, дословно переводится на русский как «голова твоего отца», и по сути является аналогом таких восклицаний, как *иши тебе, а вот хрен тебе*. Например: – *Була атаң башы!* – *Нәрсә булсын, без белмибезме әллә?* (Г.Ибраһимов) [Там же].

7. Отрицательные коммуникемы *бер дә, бер генә дә, бер дә генә* (вовсе, совсем, совершенно, абсолютно, никогда, ни разу, несколько, ничуть) выражают отрицание действия, явления, признака. *Бер дә юк* (совсем нет), *бер дә ярамый* (совсем нельзя), *бер дә дәрәс түгел* (совсем не правильно) употребляются при изложении усиленного, двойного отрицания: *Мулла:* – *Юк, хәзрәт, бер дә юк.* (Ф.Әмирхан); *Бер дә ярамый, хәзрәт, бер дә ярамый.* (Ф.Әмирхан) [Там же].

8. Коммуникема *алай* при помощи частицы *түгел* (*алай түгел*) (не так) выражает опровержение содержания предыдущего высказывания: *Азат әле үзен камил дөньяда яшим дип уйлый иде.* *Юк икән, алай түгел.* (А. Нәҗми.); – *Эшләмәгән эше юк...* – *Куандырган төше юкмы?* – *Алай түгел, Әлфәрит!* (А.Гыйләҗев)[Там же].

В коммуникемах *алай түгел* (*ул*), *алай түгел шул*, *алай түгел бит*; *алай түгел, түгел*; *бер дә алай түгел*; *юк икән алай түгел*, *алай гына түгел* частицы *ул*, *шул*, *бит*, *бер дә* усиливают данное значение: *Йөрим шунда юкны тугылап..* – *Бер дә алай түгел, Саня.* (А.Гыйләҗев); – *Чынлыкта син мине түгел, миндәге акчаны яратасың, шулаймы?* – *Алай түгел, түгел!* (Г. Гыйльманов); – *Ә син кешеләрне бер калыпка сугалар, дисең! Алай түгел дә. Ну инде дуслар бит...* (М. Мәһдиев) [Там же].

Алай ярамый (так нельзя, нельзя так) выражает отказ или запрет кому-либо в чём-либо: – *Юк, әфәнделәр, сез күзгә күренгән вак тармаклар белән маташасыз..* – *Алай ярамый...* (Г. Ибраһимов). – *Алай ярамый, Моталлап.* (Г. Кутуй). – *Алай ярамый бит, ярамый!* (Н.Акмал) [Там же].

9. Коммуникемы *яхшы түгел* (*бит*) (*инде*) (нехорошо, неудобно, неприлично, неловко)

//алай яхишы түгел // алай яхишы түгел бит (так не хорошо, не хорошо так) выражают оценочную характеристику чего-либо как несолидного, неосновательного или неудовольствие. Например, *Вот, буш урыннар да бетте! – Яхишы түгел инде... (Н.Гыйматдинова); Бу турыда гәзиттә дә яздылар. – Яхишы... Юк ла, яхишы түгел инде... (А.Тимергалин)* [Там же].

10. Коммуникемы *эй // әйем (лә) // әем* (нет) выражают несогласие с чем-либо: – *Әеem, әem, күрешим... кит моннан (Ф.Әмирхан); Әйem, – диде Әдилә, иркәләп. – Куркам. (А.Гыйләжәв); – Әйem, уйнамыйм мин сезнең белән, дип үпкәләп, читкә үк китеп утыра. (А. Хәсәнов).* [Там же].

Проанализировав корпус собранных синтаксических единиц, мы можем отметить, что в большинстве случаев отрицательные коммуникемы употребляются в ответ на вопросительную реплику собеседника с эмоциональной оценкой неудовольствия, неодобрения, порицания, обвинения, упрека и сопровождаются интонацией крика, возгласа, угрозы.

Заключение. Проведенный анализ показывает, что в татарском языке коммуникемы с положительной эмоциональной оценкой более распространены по сравнению с коммуникемами с отрицательной эмоциональной оценкой. Эмоционально-оценочные коммуникемы возникают в речи спонтанно и являются экспрессивной реакцией адресанта. Многие коммуникемы из них, являясь фразеологизмами, из-за частого употребления в речевых ситуациях стали шаблонными, клишированными фразами. Нужно отметить, что в данных экспрессивных синтаксических конструкциях проявляется национальная специфика, вследствие чего они трудно воспринимаются носителями других языков.

Таким образом, коммуникемы позволяют говорящему более точно и лаконично передать информацию и выражать эмоциональную, волевую реакцию на ситуацию. Данные единицы обладают семантической и синтаксической нерасчлененностью, интенциональной заданностью, экспрессивно-эмоциональной окрашенностью.

Исследование выполнено в рамках темы ФПСР-2/24

Список источников

1. Меликян В. Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечленимого предложения: учеб. пособие. Ростов н /Д.: Изд-во Ростовского гос. пед. ун-та, 2004. 288 с.
2. Колокольцева Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград: Изд-во Волгоградского университета, 2001. 260с.

3. Бо Л. Русские экспрессивные синтаксические конструкции как коммуникативные единицы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Воронеж, 2015. 23 с.

4. Сопоставительная грамматика русского и татарского языков. Синтаксис / авт.-сост.: Р. Р. Замалетдинов, С. С. Сафонова, Г. А. Набиуллина, О. А. Чупрякова; под ред. проф. Р.Р. Замалетдинова. Казань: Издательство Казанского университета, 2019. 190 с.

5. Сафонова С. С., Чупрякова О. А., Рахимова Д.И. Синтаксис, лексика, фразеология: аспекты корреляции и взаимодействия // Филология и культура. 2024. № 1 (75). С. 33–39

6. Татар грамматикасы: өч томда/ проект житеәкчесә һәм автор М.З. Зәкиев. Тулыландырылган 2 нче басма. Казан: ТӘНСИ, 2017. III т. 536 б.

7. Ибрагимов С. М. Сложные предложения фразеологизированной структуры в татарском языке // Языковые уровни и их взаимодействие. Казань: Изд-во Казанского университета, 1990. С. 12-20.

8. Сафиуллина Ф. С. Синтаксис татарской разговорной речи. Казань: Изд-во Казанского университета, 1978. 253 с.

9. Галлямов Ф. Г. Синтаксическое осложнение в татарском языке. Елабуга: Изд-во ЕИ КФУ, 2017. 336 с.

10. Набиуллина Г. А. Предложения фразеологизированной структуры с опорным компонентом-частицей в татарском языке // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 6 (97). С. 474–476

11. Письменный корпус татарского языка. URL: <https://www.corpus.tatar/> (дата обращения: 12.10.2024).

References

1. Melikyan, V.Yu. (2004). *Sovremennyj russkij yazyk. Sintaksis nechlenimogo predlozheniya: ucheb. posobie* [Modern hedgehog Russian language. Syntax of an indivisible sentence: textbook. Allowance]. p. 288 Rostov n/D.: Izd-vo Rostovskogo gos. ped. un-ta (In Russian)
2. Kolokol'ceva, T. N. (2001). *Specificheskie kommunikativny'e edinicy dialogicheskoy rechi* [Specific communicative units of dialogic speech]. p. 76. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo univesiteta. (In Russian)
3. Bo, L. (2015). *Russkie e'kspressivny'e sintaksicheskie konstrukcii kak kommunikativny'e edinicy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk.* [Russian expressive syntactic constructions as communicative units]. p.23. Voronezh, (In Russian)
4. Sopostavitel'naja grammatika russkogo i tatarskogo jazykov. Sintaksis (2019) [Comparative grammar of Russian and Tatar languages. Syntax]. avt.-sost.: R.R.Zamaletdinov, S.S.Safonova, G.A.Nabiullina, O.A.Chupryakova; pod red. prof. R.R.Zamaletdinova. p. 190. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. (In Russian)
5. Safonova, S.S., Chupryakova, O.A., Raximova, D.I. (2024). *Sintaksis, leksika, frazeologiya: aspekty korrelyacii i vzaimodejstviya* [Syntax, vocabulary, phraseology: aspects of correlation and interaction]. Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. № 1 (75). p. 33–39. (In Russian)

6. Tatar grammatikasy: òch tomda/ proekt žitòkchese hèm avtor M.Z. Zəkiev (2017) [Tatar grammar: in three volumes]. Tulylandyrylgan 2 nche basma. Kazan: TƏhSI, III t. 536 b. (In Tatar)

7. Ibragimov, S.M. (1990). *Slozhny'e predlozheniya frazeologizirovannoj struktury' v tatarskom yazy'ke* [Complex sentences of phraseological structure in the Tatar language]. *Yazy'kovy'e urovni i ix vzaimodejstvie*. Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta. p. 12-20. (In Tatar)

8. Safiullina, F. S. (1978). *Sintaksis tatarskoj razgovornoj rechi*. [Syntax of Tatar colloquial speech]. p.253. Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta. (In Russian)

9. Gallyamov, F.G. (2017). *Sintaksicheskoe oslozhenie v tatarskom yazy'ke* [Syntactic complication in the Tatar language]. p. 336. Elabuga: Izd-vo EI KFU, 2017. (In Russian)

10. Nabiullina, G.A. (2022). *Predlozheniya frazeologizirovannoj struktury' s opornym komponentom-chasticej v tatarskom yazy'ke* [Sentences of phraseological structure with a supporting particle component in the Tatar language]. *Mir nauki, kul'tury', obrazovaniya*. № 6 (97) 474-476 p (In Russian)

11. Pis'mennyj korpus tatarskogo yazy'ka [Written corpus of the Tatar language] *Rezhim dostupa: <https://www.corpus.tatar/>*. (Data obrashheniya: 12.10.2024). (In Russian).

The article was submitted on 25.11.2024

Поступила в редакцию 25.11.2024

Набиуллина Гузель Амировна,
кандидат филологических наук,
доцент,
старший научный сотрудник НОЦ
стратегических исследований в области род-
ных языков и культур,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
guzelNab2@yandex.ru

Кириллова Зоя Николаевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
старший научный сотрудник НОЦ
стратегических исследований в области род-
ных языков и культур,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
zkirillova@yandex.ru

Nabiullina Guzel Amirovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Senior Researcher,
SRNLac – Strategic Research in the field
of Native Languages and Cultures,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
guzelNab2@yandex.ru

Kirillova Zoya Nikolaevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Senior Researcher,
SRNLac – Strategic Research in the field
of Native Languages and Cultures,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
zkirillova@yandex.ru

УДК 811.161.1'81:39

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-119-126

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОДЕЛИ МИРА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. МАТВЕЕВОЙ И Э. ГИЛБЕРТ)

© Гузель Насибуллова

VERBALIZATION OF THE SPATIAL MODEL OF THE WORLD IN MODERN RUSSIAN AND ENGLISH WOMEN'S PROSE (BASED ON THE WORKS OF A. MATVEEVA AND E. GILBERT)

Guzel Nasibullova

The article analyzes the explication of the spatial model of the world in modern women's fictional discourse. The focus of attention is on the ways of constructing space and their linguistic representation in the works of A. Matveeva and E. Gilbert, modern women authors of Russian and English literature. A comparative analysis of the two pieces of discourse helps to reveal the individual characteristics of the female authors, as well as the national characteristics of the two linguistic worldviews. The research is aimed at identifying the influence of gender identity on the formation of a spatial model of the world. The novelty of this work lies in the fact that for the first time it has examined the peculiarities of space perception by modern female authors. As a result of the research, we determined the parameters of space perception by the female authors. The analyzed material showed that the main features of A. Matveeva and E. Gilbert's space are "length", "volume", "livability", "openness", "evenness" and "spaciousness". The article highlights the following parameters in the spatial model of the analyzed authors' world: features of the objects' location; binary signs of space characteristics; correlation of the category "ours-theirs"; horizontal and vertical perception of space; temporal significance of space. The spatial model of A. Matveeva is built in the form of a straight line; among binary oppositions, "top-bottom" and "in front-behind" prevail; the key spatial loci are apartment, temple, camino and albergo; the discourse describes the space that surrounds her, where she is in the center. In her fictional discourse, the key binary opposition is "heaven-earth". To achieve the goal, we used the following methods: descriptive, comparative, contextual and a stylistic analysis.

Keywords: space, models, A. Matveeva, E. Gilbert, linguistic representation, parameter

Данная работа отражает результаты анализа экспликации пространственной модели мира в современном женском художественном дискурсе. В фокусе внимания находятся способы конструирования пространства и их языковая репрезентация в произведениях А. Матвеевой и Э. Гилберт – современных авторов-женщин русской и английской литературы. Сравнительный анализ двух дискурсов способствует раскрытию индивидуальных особенностей авторов-женщин, а также национальных особенностей двух языковых картин мира. Исследование направлено на выявление влияния гендерной идентичности на формирование пространственной модели мира. Новизна данной работы заключается в том, что в ней впервые рассматриваются особенности восприятия пространства современными авторами-женщинами. В результате исследования определяются параметры восприятия пространства автором-женщиной. Проанализированный материал показал, что основными признаками пространства А. Матвеевой и Э. Гилберт являются «протяженность», «объем», «обжитость», «открытость», «ровность», «вместительность». В пространственной модели мира анализируемых авторов выделены следующие параметры: особенности расположения объектов, бинарные признаки характеристики пространства, соотнесенность категории «свой – чужой», горизонтальное и вертикальное восприятие пространства, временная значимость пространства. Пространственная модель А. Матвеевой построена в форме прямой линии, из бинарных оппозиций преобладают «верх – низ», «вперед – позади», ключевыми пространственными локусами являются квартира, храм, камин, альберго, а в дискурсе описывается пространство, которое окружает ее, где она является в центре. В ее художественном дискурсе ключевой бинарной оппозицией является «небо – земля». Для достижения цели были использованы следующие методы: описательный, сравнительный, контекстуальный и стилистический анализ.

Ключевые слова: пространство, модель, А. Матвеева, Э. Гилберт, языковая репрезентация, параметр

Для цитирования: Насибуллова Г. Вербализация пространственной модели мира в современной русской и английской женской прозе (на материале произведений А. Матвеевой и Э. Гилберт) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 119–126. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-119-126

Пространство – фундаментальный аспект человеческого восприятия и организации жизни. Это не просто пустота, заполненная объектами, а сложная, многомерная конструкция, определяемая как физическими, так и социальными, культурными факторами. Пространство, как многослойная структура, служит предметом осмысления и исследовательской практики. Человек при восприятии пространства членит его на локусы через призму личных восприятий и социальных конструктов, что порождает множество интерпретаций. При этом пространство наполняется эмоциональным содержанием, каждая деталь обретает символическое значение, отражая внутренние переживания человека и его связь с окружающим миром. Важно учитывать, что пространство оценивается через категорию «свой – чужой». Свое пространство зачастую воспринимается как безопасное и знакомое, в то время как чужое вызывает страх и неопределенность. Этот бинарный контекст определяет не только чувственные восприятия, но и культурные нарративы, создавая так называемую «картину мира». В художественном произведении пространство не только место, где происходит действие, это место встречи различных культурных кодов, где локус становится своеобразным символом идентичности и принадлежности. Таким образом, изучение пространства и его интерпретаций в национальной лингвокультуре открывает новые горизонты для понимания взаимодействия человека с миром.

В данной работе рассматриваются параметры формирования пространственной модели мира (ПММ) и ее ключевых образов, а также их языковой репрезентации в современном русском и английском женском художественном дискурсе. Пространственная модель мира представляет собой вербализованную совокупность представлений человека о том, как устроено пространство, включая как физические, так и абстрактные его аспекты. Это понятие охватывает не только те пространства, с которыми мы можем взаимодействовать непосредственно, но и те, которые существуют в нашем воображении или культуре, но не могут быть непосредственно восприняты. В контексте художественного дискурса, особенно женского, ПММ становится важным инстру-

ментом для передачи индивидуального и коллективного опыта, а также для выражения социальных и культурных реалий [1, с. 7]. Она имеет характеристики формирования и репрезентации, а также проявляется в человеческом сознании в виде образов и местоположений.

Пространство, как фундаментальное понятие, всегда занимало центральное место в исследованиях лингвистов и культурологов. Его вербализация, то есть описание с помощью языка, – сложная и многогранная задача, требующая междисциплинарного подхода (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Н. Н. Болдырев, В. Г. Гак, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Ю. М. Лотман, З. Д. Попов, Е. В. Рахилина, Ю. С. Степанов, Р. М. Фрумкина, Е. С. Яковлев и др.). Эти исследования охватывают разнообразные лексические единицы – от существительных, обозначающих объекты пространства, до прилагательных, глаголов, наречий и предлогов, имеющих ключевое значение для установления пространственных связей. Однако существующие исследования часто ограничиваются рассмотрением отдельных аспектов проблемы. Например, одни работы фокусируются на грамматической категории локативности, анализируя морфологические и синтаксические средства выражения пространственных отношений. Здесь стоит упомянуть работы, посвященные анализу пространственных образов в произведениях М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, И. А. Бунина, А. П. Чехова, В. В. Быкова и других классиков русской литературы. В этих работах часто анализируется роль пространства в создании атмосферы, раскрытии характеров героев и развитии сюжета. Но отсутствует системный подход, объединяющий лингвистический и литературоведческий анализы. Кроме того, мало внимания уделяется когнитивному аспекту, то есть тому, как наше восприятие пространства влияет на то, как мы его описываем. Важно также учитывать культурные различия в восприятии и описании пространства. В разных культурах пространственные ориентиры и способы их обозначения могут значительно отличаться. Системное описание средств экспликации пространственной модели мира в художественном дискурсе должно учитывать все эти факторы: грамматические категории, когнитивные механизмы,

культурные особенности и художественные приемы, которые в совокупности способствуют созданию полной и адекватной картины того, как пространство представлено в языке и как это представление отражает особенности нашего восприятия мира и культуры.

Пространство можно охарактеризовать по множеству признаков, среди которых выделяются такие, как объем, протяженность, ровность, обжитость, незаселенность, открытость, вместительность и соответствие мере. Эти характеристики формируются в результате взаимодействия познающего субъекта с окружающим миром. В процессе познания человек конструирует пространство, воспринимая его через призму вещей и объектов, которые его окружают. Для удобства восприятия пространство часто делится на различные зоны или локусы, что позволяет лучше ориентироваться в нем и упрощает взаимодействие с ним. Кроме того, пространство обладает такими свойствами, как «наглядность», «перцептуальность» и «восприимчивость». Эти характеристики отражают способность человека фиксировать пространственные объекты и их отношения с помощью чувственных образов, которые могут быть выражены через образную лексику и метафорические модели.

Пространство становится основой для формирования картины мира (КМ), которая представляет собой результат активности индивидуума. Картину мира можно рассматривать как вербализированное отображение в сознании человека знаний, умений, навыков и стратегий поведения, которые были приобретены или переданы культурой. Таким образом, пространство становится неотъемлемой частью картины мира, задавая ее структуру и границы как для отдельного человека, так и для целого социума. Человек выступает центральной точкой в процессе восприятия и моделирования пространства, это означает, что именно вокруг индивидуума организуется и структурируется окружающий его мир. Это подтверждает антропоцентричность восприятия пространства и представлений о пространстве.

Восприятие пространства основывается на противоположные ориентиры, такие как «свое – чужое», «близкое – далекое», «горизонтальное – вертикальное», «верх – низ». Эти оппозиции не только формируют наше понимание окружающего, но и определяют эмоциональную окраску нашего опыта. В каждом из этих противоположностей скрыто множество нюансов, которые раскрываются в зависимости от культурных, социальных и индивидуальных факторов.

Материалом нашего исследования является женская проза, в связи с чем мы считаем, что при

выделении параметров восприятия пространства необходимо учитывать гендерные особенности индивидуума. Изучая особенности женского восприятия пространства, исследователи отмечают, что женский жизненный мир включает в себя вещи в их временности, функциональности, ситуативности; здесь важны не столько сами наличествующие вещи, сколько гармония их взаиморасположения. Предметы для женщины определяют не только ее личность, но они еще являются выражением их личности; гораздо важнее, чтобы какой-либо объект ассоциировался с памятью: он может напоминать о давних или текущих отношениях, о любимых людях [2, с. 58]. Эти аспекты подчеркивают, как именно объекты в жизни женщин могут служить связующими нитями с их эмоциями и воспоминаниями, формируя уникальную атмосферу жизни. Основываясь на это утверждение, мы считаем, что в ПММ авторов-женщин целесообразно выделить параметр временной значимости пространства.

Материалы нашего исследования позволяют выделить следующие параметры ПММ в произведениях А. Матвеевой «Камин Святого Якова» [3] и Э. Гилберт «Eat, Pray, Love» [4]:

- особенности расположения объектов;
- бинарные признаки характеристики пространства;
- соотнесенность категории «свой – чужой»;
- горизонтальное и вертикальное восприятие пространства;
- временная значимость пространства.

Произведения А. Матвеевой и Э. Гилберт по жанру можно отнести к путевым заметкам. Авторы изображают женщин, которые оказываются на эмоциональном перепутье и отправляются в путешествие с надеждой найти душевный покой. Их физические путешествия превращаются в эмоциональные и духовные поиски самопознания. Во время пути они размышляют о своей жизни и рассуждают об отведенных им социальных ролях. Различные пространства, в которых они обитают, побуждают их подвергать сомнению традиционные гендерные роли и ожидания в попытке понять свою женскую идентичность. В обоих произведениях повествование ведется от первого лица, дается ориентация на бессознательное и проживание травматического опыта. Исходя из этого, мы можем утверждать, что в данных произведениях описывается личная пространственная картина мира авторов-женщин.

Особенности расположения объектов выявляются в определении их геометрического расположения, тем самым указывая на положение объекта или на его передвижение из одной точки в другую. Ученые считают основопола-

гающей категорию «местонахождение – перемещение» при анализе пространственных характеристик. Она выражает концепцию его неподвижности (расположение) или же подвижности (движение). Расположение объектов определяется по трем локализациям: я в виде точки или трехмерного пространства, в виде линии или плоскости, в виде окружности либо ее части.

В художественном дискурсе А. Матвеевой пространство воспринимается в основном в виде линии или плоскости, которое вербализуется такими лексическими единицами, как «через», «мимо», «вблизи», «далеко», что объясняется жанром произведения и событиями, которые описываются в нем: «иду мимо городка Фонсебадон» [3, с. 71], «вблизи места, куда приплыла лодка с мощами святого Якова» [Там же, с. 83].

Оля в пути, она идет и описывает то, что видит впереди. Путь (дорога) как пространственно-маркированный локус имеет особый статус в русской лингвокультуре. В литературно-художественном произведении дорога служит метафорой жизни. Как подчеркивает Л. Г. Бабенко, именно по ней строится пространство в художественном тексте [5, с. 183]. В русской культуре выделяют важное противоречие между концепциями «дорога» и «дом», которые отражают аспекты национальной самоидентификации. Исследователи подчеркивают, что эти понятия символически взаимодействуют и обогащают друг друга через свои значения [6, с. 52]. «Русский дом подразумевает дорогу, как свой другой, не всегда проявленный полюс» [7, с. 33].

В ПММ А. Матвеевой две дороги: первая – по которой идет главная героиня, вторая – ее внутренний мир:

«иду мимо городка Фонсебадон, но не вижу его, потому что прохожу прямо сейчас совсем другой путь: его тоже не видно, но он существует. <...> Скалистые подъемы, камни под ногами и промышленная зона вблизи Леона не годятся в подметки той дороге, которую я прохожу в своих мыслях [3, с. 81].

В ПММ Э. Гилберт преобладает локализация в виде точки, или трехмерного пространства, которая эксплицируется лексическими единицами *in the middle, next to, on my right, on my left, near, over, around* и т. д. Если в художественном дискурсе А. Матвеевой у героини есть конкретная цель – физически дойти до камино Святого Якова, хотя она не знает, для чего это ей нужно, что подчеркивается прочерком в анкетах в пункте «цель вашего визита», героиня Э. Гилберт находится в середине объектов, у нее нет цели, она не знает, для чего идет, она просто понимает, что в прежней жизни ей плохо, нужно отсюда уйти:

«sat down in the middle of the road like that and said, in the middle of her life» [4]. – «вот так села посреди дороги и сказала посреди своей жизни» (здесь и далее перевод наш. – Г. Н.).

В. Н. Топоров «бинарные признаки характеристики пространства» вносит в основные параметры модели мира. Исследователь указывает, что в этом контексте важно отметить, что человек не является пассивным наблюдателем, а активно формирует и преобразует свой мир. Взаимодействие между индивидуумом и окружающей средой происходит на уровне восприятия, где каждое событие, каждый элемент среды интерпретируется через призму человеческого опыта и культурных координат. Это создает уникальную картину реальности, в которой преобладают антропоцентрические акценты, часто пренебрегающие объективной природой самой среды [8, с. 161].

В художественном дискурсе А. Матвеевой «бинарные признаки характеристики пространства» эксплицируются такими наречиями, как «верх – низ», «рядом – далеко», «впереди – сзади».

Параметр «верх – низ» В. В. Красных соотносит в параллельный ряд с параметрами «жизнь – смерть» [9, с. 51]. В пространственном значении оппозицию «жизнь – смерть» можно интерпретировать как «путь человека с поверхности земли в ее недра». Например, это ярко выражено в следующем примере, где во время рассказа тети Юли по телефону о приближающемся астероиде к Земле Оля спускается вниз:

«мы все равно все умрем скоро ... хорошо, что Оля пошла в тот поход! Хотя бы мир посмотрит, пока он есть. ...Мы как раз спускались вниз по каменистой дорожке» [3, с. 37].

Спуск вниз означает смерть, внизу находится потусторонний мир.

Бинарный параметр «верх – вниз» также указывает на местонахождение:

«В памяти эти подробности лежат на самом дне, но вино взбаламучивает их и выносит на поверхность. Пускай улягутся миром» [Там же, с. 52].

В следующем примере параметр «далеко – близко» передается через «далеко – рядом», оно сплетается с характеристикой «свой – чужой»:

«с тем довольно приятным мужчиной, который сидел вчера рядом со мной в автобусе, а сейчас стоит в самом начале очереди за паспортами» [Там же, с. 63].

Параметр «свой – чужой» относится к базовой когнитивной системе, который основывается на противопоставлении двух пространственных зон. Традиционно «свой» соотносят с личной зоной пространственного кода, он отождествляется с хорошо знакомым миром, отображенным знаками языка, в то время как «чужой» располагается далеко, за природными преградами.

В ПММ А. Матвеевой параметр «свой» репрезентируется различными языковыми единицами, в частности «наша», «у себя дома», «собственная квартира», «родной», «мамина», «Екатеринбург», «Россия»:

«Я вспоминаю свою квартиру, где родилась, выросла, состарюсь и умру, – даже когда отключают электричество, я на ощупь нахожу здесь все что нужно. Не промахнусь, отыскивая в потемках любимую чашку – голубая и зеленая. ... В шифоньере – еще бабушкином – висят мамины платья и кофточки, в комодике аккуратными стопками разложено белье» [Там же, с. 75];

«шумит в ушах родной кровью» [Там же, с. 10].

Параметр «свой» носит аксиологическую значимость. В следующем примере представлены ценностные локусы ПММ автора:

«неужели этот астероид действительно уничтожит Землю? И не будет ни Москвы, ни Екатеринбурга, ни этого моста, ни реки, ни маминой могилы?» [Там же, с. 39].

В ПММ А. Матвеевой категория «свой – чужой» дается в прямом противопоставлении как местонахождение: *«в детстве я знакомилась в основном с католическими святыми – и не в храмах, а прямо у себя дома»*.

Противопоставление «свой – чужой» в ПММ Э. Гилберт эксплицируется не только в значении физического расстояния, но и в чувствительном плане:

«... I have no business being here because Level Two is really impossibly hard. I feel like I'm swimming, but barely. Like I'm taking in water with every breath» [4]. – «мне здесь не место, потому что второй уровень действительно невыносимо сложен. Я чувствую, что плыву, но еле-еле. Как будто глотаю воду с каждым вздохом».

К параметру «свой» мы относим не только ближнее пространство на расстояние руки, но и внутренний мир. «Внутренний мир – микрокосмос человека, находящийся внутри телесной оболочки», в котором находятся эмоции, мысли [10, с.17]. Исследователи в качестве локусов

внутреннего мира человека выделяют сердце, душу, голову.

Понятие «своего» и «чужого» уходит корнями в древнейшую оппозицию «внутри» и «наружи», фундаментальную для человеческого восприятия. Эта граница – не просто физическая, но и глубоко психологическая, определяющая наше чувство идентичности и отношения к миру. В. В. Красных выделяет внутренний мир человека, границами которого является его собственное тело, как один из составляющих в структуре пространства [11]. Мы в ПММ авторов-женщин внутренний мир рассматриваем в рамках параметра «свой».

Параметр «свой» имеет границы, переступая их попадаешь в «чужое» пространство. В ПММ Э. Гилберт эти границы определяются не только физически, но и в духовном плане:

«Moreover, I have boundary issues with men. ... To have issues with boundaries, one must have boundaries in the first place, right? But I disappear into the person I love» [4]. – «Более того, у меня проблемы с границами в отношении мужчин. Чтобы иметь проблемы с границами, нужно изначально иметь границы, верно? Но я растворяюсь в человеке, которого люблю».

Внутреннему миру свойственны «объем», «глубина», «вместительность»:

«... I felt a clear pinpoint of light ignite within me / я почувствовала, как внутри меня загорелась ясная точка света; ... somewhere from within me, rises a now-familiar presence». – где-то внутри меня, возникает теперь знакомое присутствие»; «... I could feel an extra inch of daylight opening in my mind» [Там же]. – «я почувствовала, как в моем сознании появился еще один дюйм дневного света».

Особое место в ПММ Э. Гилберт занимает бинарная оппозиция «небо – земля». Небо для автора – это что-то идеальное, недостижимое, это не только пространство, но и чувство:

«... specific, constant, clear-sky, unrelated-to anything, never-shifting, nameless and changeless perfection of my own happiness» [Там же]. – «...то самое, неподвижное, чистое небо, не связанное ни с чем, никогда не меняющееся, безымянное и неизменное совершенство моего собственного счастья».

Горизонтальная плоскость в ПММ А. Матвеевой связана дифференциацией пространства на локусы *дома, квартиры, Екатеринбурга, Москвы, камино, храма, альберго, моста*, выраженные в художественном дискурсе соответствующими номинациями, их синонимами, а также метафорическими моделями.

Горизонтальная плоскость в ПММ Э. Гилберт шире и разнообразнее, самыми частотными локусами являются следующие: *Italy, apartment, India, New York, Indonesia, flat, apartment, café, house*. Идеальное окружение для женщины в ПММ Э. Гилберт представляется следующим образом:

«a big, busy household full of children and home-made quilts, with a garden in the backyard and a cozy stew bubbling on the stovetop» [Там же]. – «огромный дом, который полон детей и самодельных одеял, сад на заднем дворе и домашнее рагу, кипящее на плите».

Место выражает не только физическое расположение, но и эмоциональное состояние. В следующем примере местонахождение героини ассоциируется с ее эмоциональным состоянием, угол – это безвыходное положение, где нет пространства двигаться вперед. Повторение выражения «*the same old*» также усиливает данное значение:

«I was curled up in the same old corner of my same old couch in tears yet again over the same old repetition of sorrowful thoughts» [Там же]. – «свернувшись калачиком в том же старом углу моего старого дивана в слезах из-за того же повторения печальных мыслей».

В ПММ рассматриваемых авторов одиночество имеет пространственное значение. Для А. Матвеевой одиночество является пространством, где находится героиня произведения:

«с Соледад мы познакомились именно тогда, когда я обжилась в своем одиночестве, населенном болтливыми тенями» [3, с. 53];

«зачем привязывать к себе человека морскими узлами, если знаешь, что оставишь его однажды – и он будет выживать в одиночестве?» [Там же, с. 72]

Также одиночество в значении окружающего пространства эксплицируется в ПММ Э. Гилберт:

«Learn your way around loneliness. Make a map of it» [4]. – «Научись обходиться с одиночеством. Составь его карту».

Э. Гилберт наделяет одиночество антропоцентристическим качеством, это не само пространство, а субъект в нем:

«They come upon me all silent and menacing like Pinkerton Detectives, and they flank me-Depression on my left, Loneliness on my right. ... This is no place they belong» [Там же]. – «Они (депрессия и одиночество) нападают на меня, все молчаливые и угрожающие, как детективы Пинкертона, и они окружают меня с

двух сторон – Депрессия слева, Одиночество справа. ... Это не то место, где им можно быть».

Вертикальная плоскость восприятия пространства делится на мирское и сакральное. Последнее связано с концепциями о «том» свете, где обитают души умерших и различные сущности. И в горизонтальной, и в вертикальной плоскостях восприятия пространство разделяется по принципу «свой – чужой». Кроме того, для такого восприятия характерна идея о движении субъекта, то есть о перемещении между плоскостями. В художественном дискурсе А. Матвеевой вертикальное пространство – это мир, где сейчас находится мама героини. Иной мир эксплицируется указательным местоимением «там», автор выделяет его курсивом:

«как у нее *там* дела» [3, с. 13].

Вертикальное пространство не доступно, его не видно:

«где-то он был, недоступный мне мир, где мама жива и смеялась, прикрывая рот ладонью» [Там же, с. 14].

ПММ в художественном дискурсе Э. Гилберт состоит из уровней, на каждом уровне человек встречается с препятствием. Пространство автора строится по архетипической многоуровневой модели мира:

«How very many layers we operate on, and how very many influences we receive from our minds, our bodies, our histories, our families, our cities, our souls and our lunches!» [4]. – «На скольких уровнях мы действуем, и как много влияний мы получаем от наших умов, наших тел, наших историй, наших семей, наших городов, наших душ и наших обедов!»

В отличие от мифологического мира, сакральный мир для Э. Гилберт не на небе, а рядом, он находится во внутреннем мире человека:

«...God does not live in a dogmatic scripture or in a distant throne in the sky, but instead abides very close to us indeed-much closer than we can imagine, breathing right through our own hearts» [Там же]. – «...Бог живет не в догматическом писании или на далеком небесном престоле, а действительно очень близко к нам – гораздо ближе, чем мы можем себе представить, дышит прямо в наших сердцах».

Женская ПММ характеризуется цикличностью и глубокой связью с вещами, наполненными личными смыслами. В нем важно не наличие предметов, но их взаимосвязь является ключевым аспектом, который создает гармоничное

пространство, связанное с временем. Это не просто «вещи в себе», а элементы сложной системы, где каждый объект вплетен в ткань воспоминаний, эмоций и отношений.

В ПММ А. Матвеевой проводится связь с прошлым и между каждым увиденным новым местом. Автор из физического пространства в мыслях перемещается в прошлое:

«Мы шли по раскисшей, чавкающей дороге под проливным дождем. <...> В тот день много лет назад тоже шел дождь» [3, с. 57].

В ПММ Э. Гилберт пространством, которое связывает Лиз с прошлым, является «on the bathroom floor», самое частотное в романе из пространственных лексических единиц, упоминается 21 раз. Данный локус имеет значение для героини не только как место в доме, но и выражает эмоциональное состояние, ее жизнь делится на до и после местонахождения в данном локусе:

«... The bathroom, always the bathroom! Heaven helps me, but there I am in a bathroom again, in the middle of the night again, weeping my heart out on the floor in loneliness. Oh, cold world-I have grown so weary of you and all your horrible bathrooms» [4]. – «Ванная, всегда ванная! Да помогут мне небеса, но я снова в ванной, снова посреди ночи, и в одиночестве изливаю душу на полу. О, холодный мир, я так устала от тебя и всех твоих ужасных ванных комнат».

Таким образом, восприятие пространства авторами-женщинами представляет собой сложный процесс, в котором они не только воспринимают окружающую нас среду, но и активно анализируют ее, разделяя целое на составляющие элементы. Это разделение позволяет нам осознать структуру пространства и его функциональные особенности.

Анализ практического материала показал, что авторы-женщины при восприятии пространства обращают внимание на геометрическое расположение объекта, также важную роль играет противопоставление, где частотными оппозиционными точками являются «впереди – сзади», «верх – низ». Пространственная модель мира женщин строится на двух плоскостях: горизонтальной и вертикальной. А. Матвеева и Э. Гилберт делят мир на «свой – чужой», где «свой» соотносится не только физическими объектами, как дом, квартира, страна, но и с внутренним миром, душой героини. Отличительной чертой пространственной модели в художественном дискурсе авторов-женщин является восприятие пространства в связи с временным значением, то есть то или иное место в сознании

женщины связано с каким-либо важным событием в ее жизни.

ПММ А. Матвеевой построена в форме прямой линии, из бинарных оппозиций преобладают «верх – низ», «впереди – позади», ключевыми пространственными локусами являются *квартира, храм, камино, альберго*. ПММ Э. Гилберт отличается тем, что автор описывает пространство, которое окружает ее, она сама в центре объектов. В ее художественном дискурсе ключевой бинарной оппозицией является «небо – земля».

Список источников

1. Дмитриева Ю. Л. Языковые средства выражения пространственной модели мира и ее ключевых образов: на материале произведений С. А. Есенина: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: Горловка, 2024. 46 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01012962571> (дата обращения: 29.09.2024).
2. Хафизова Н. А. Гендерные особенности пространственно-временного бытования // Культура и искусство. 2017. № 5. С. 54–67.
3. Матвеева А. Спрятанные реки. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2023. 250 с.
4. Elizabeth Gilbert. Eat, pray, love. URL: <https://studfile.net/preview/4344606/> (дата обращения: 30.09.2024).
5. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. Екатеринбург: Академический проект; Деловая книга, 2004. 464 с.
6. Омри А., Фаттахова Н. Концептуальное пространство лексемы дом / maison в русском и французском языках // Филология и культура. Philology and Culture. 2022. № 2. С. 52–56.
7. Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. 528 с.
8. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
9. Красных В. В. Базовая метафора «НИЗ» и психологическая структура значения: возможные пути исследования (продолжение разговора) // Вопросы психолингвистики. 2022. № 4 (54). С. 36–57.
10. Захаренко И. В. Архетипическая оппозиция «свой – чужой» в пространственном коде культуры // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / Ред. кол. М. Л. Ковшова, В. В. Красных, А. И. Изотов, И. В. Зыкова. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 15–31.
11. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: Миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.

Библиографический список

1. Николина Н. А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 256 с.
2. Сазонова Т. Ю., Бороздина И. С. Содержание пространственных концептов как отражение культур-

ного знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2 (23). С. 27–33.

3. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.

References

1. Dmitrieva, Yu. L. (2024). *Yazykovye sredstva vyrazheniya prostranstvennoi modeli mira i eyo klyuchevykh obrazov: na materiale proizvedenii S. A. Esenina: avtoreferat dis. ... d-ra filol. nauk* [Linguistic Means of Expressing the Spatial Model of the World and Its Key Images: Based on the Works of S. A. Yesenin: Doctoral Thesis Abstract]. Gorlovka, 46 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01012962571> (accessed: 29.09.2024). (In Russian)

2. Khafizova, N. A. (2017). *Gendernye osobennosti prostranstvenno-vremennogo bytovaniya* [Gender Features of Space-Time Existence]. *Kul'tura i iskusstvo*. No. 5, pp. 54–67. (In Russian)

3. Matveeva, A. (2023). *Spryatannye reki* [Hidden Rivers]. 250 p. Moscow, izdatel'stvo AST, Redaktsiya Eleny Shubinoi. (In Russian)

4. Elizabeth Gilbert. *Eat, Pray, Love*. URL: <https://studfile.net/preview/4344606/> (accessed: 30.09.2024). (In English)

5. Babenko, L. G. (2004). *Filologicheskii analiz teksta. Osnovy teorii, printsipy i aspekty analiza* [Philological Analysis of the Text. Fundamentals of Theory, Principles and Aspects of Analysis]. 464 p. Ekaterinburg, Akademicheskii proekt; Delovaya kniga. (In Russian)

6. Omri, A., Fattakhova, N. (2022). *Kontseptual'noe prostranstvo leksemy dom / maison v russkom i frantsuzskom yazykakh* [The Conceptual Space of the Lexeme Дом / Maison (House) in Russian and French]. *Philology and Culture*, No. 2, pp. 52–56. (In Russian)

7. Shchepanskaya, T. B. (2003). *Kul'tura dorogi v russkoi miforitual'noi traditsii XIX-XX vv.* [The Culture of

the Road in the Russian Mythological and Ritual Traditions of 19th – 20th Centuries]. 528 p. Moscow, Indrik. (In English)

8. Toporov, V. N. (1983). *Prostranstvo i tekst* [Space and Text]. *Tekst: semantika i struktura*. Pp. 227–284. Moscow, Nauka. (In Russian)

9. Krasnykh, V. V. (2022). *Bazovaya metafora "NIZ" i psikhologicheskaya struktura znacheniya: vozmozhnye puti issledovaniya (prodolzhenie razgovora)* [The Basic Metaphor "DOWN" and the Psychological Structure of Meaning: Possible Ways of Research (Continuation of the Conversation)]. *Voprosy psikholingvistiki*. No. 4 (54), pp. 36–57. (In Russian)

10. Zakharenko, I. V. (2013). *Arhetipicheskaya oppozitsiya "svoi – chuzhoi" v prostranstvennom kode kul'tury* [Archetypal Opposition "friend or foe" in the Spatial Code of Culture]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya*. Sb. statei. Red kol. M. L. Kovshova, V. V. Krasnykh, A. I. Izotov, I. V. Zykova. Pp. 15 – 31. Moscow. MAKSS Press. (In Russian)

11. Krasnykh, V. V. (2003). *"Svoi" sredi "chuzhih": Mif ili real'nost'?* [A Friend among Foes: Myth or Reality?]. 375 p. Moscow, Gnozis. (In Russian)

Bibliographic list

1. Yakovleva, E. S. (1994). *Fragmenty russkoi yazykovoi kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)*. [Fragments of the Russian Linguistic Picture of the World (Models of Space, Time and Perception)]. 344 p. Moscow. Gnozis. (In Russian)

2. Nikolina, N. A. (2003). *Filologicheskii analiz teksta: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenii* [Philological Analysis of Text: A Textbook]. 256 p. Moscow, Akademiya. (In Russian)

3. Sazonova, T. Yu., Borozdina, I. S. (2010). *Soderzhanie prostranstvennykh kontseptov kak otrazhenie kul'turnogo znaniya* [Content of Spatial Concepts as a Reflection of Cultural Knowledge]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. No. 2 (23), pp. 27–33. (In Russian)

The article was submitted on 18.11.2024

Поступила в редакцию 18.11.2024

Насибуллова Гузель Ришатовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Guz1983@mail.ru

Nasibullova Guzel Rishatovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Guz1983@mail.ru

УДК 81'22

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-127-131

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КРЕАТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПОДАРОЧНОГО МАРКЕТИНГА (НА ПРИМЕРЕ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ)

© Екатерина Непомнящих

LINGUISTIC CREATIVITY OF THE MODERN GIFT MARKETING (BASED ON ALCOHOLIC PRODUCTS)

Ekaterina Nepomniashchikh

This article describes linguistic creativity in modern gift marketing. The study analyzes the verbal design of alcoholic products' packaging, which contains creative texts aimed at the mass consumer – a modern linguistic personality, for whom non-standard language solutions have acquired particular value. The author connects the change in the linguistic design of product packaging with the development of mass linguistic creativity, which extends to various types of discourse, including the gift discourse analyzed by the author. The article proves that the creativity of texts on gift alcoholic products is achieved by various linguistic means: violation of language norms, non-standard linguistic combinations, the use of language games that create unpredictability of meanings. Particular attention is paid to the functional aspect of linguistic creativity (attracting consumers' attention, creating a positive brand image, promoting a product), as well as the axiological component of the analyzed texts. The article concludes that the linguistic design of a product is an effective tool for its promotion, while marketing communication in general and gift marketing communication in particular, reflect the axiological parameters of modern society, for which alcohol products act as an integral attribute of any festive event and/or a desired gift.

Keywords: linguistic creativity, method of promotion, gift marketing, gift discourse, language design of the product

Статья посвящена описанию лингвокреативности в современном подарочном маркетинге. В исследовании анализируется вербальное оформление упаковки алкогольной продукции, на которой размещены креативные тексты, ориентированные на массового потребителя – современную языковую личность, для которой особую ценность приобрели нестандартные языковые решения. Автор связывает изменение языкового оформления упаковки товара с развитием массового лингвокреатива, который распространяется на различные дискурсы, в том числе – на анализируемый автором подарочный дискурс. Доказывается тезис о том, что креативность текстов на подарочной алкогольной продукции достигается различными языковыми механизмами: нарушением языковой нормы, нестандартностью лингвистических сочетаний, использованием языковой игры, формирующей непредсказуемость смыслов. Особое внимание уделяется функциональному аспекту лингвистической креативности (привлечение внимания потребителя, формирование позитивного имиджа бренда, продвижение товара), а также аксиологической составляющей анализируемых текстов. Автор приходит к выводу о том, что языковое оформление товара является действенным механизмом его продвижения, а маркетинговая коммуникация в целом и коммуникация подарочного маркетинга, в частности, отражают аксиологические параметры современного общества, для которого алкогольная продукция выступает как неотъемлемый атрибут любого праздничного события и / или желаемый подарок.

Ключевые слова: лингвокреативность, способ продвижения, подарочный маркетинг, подарочный дискурс, языковое оформление товара

Для цитирования: Непомнящих Е. Лингвистическая креативность современного подарочного маркетинга (на примере алкогольной продукции) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 127–131. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-127-131

Современное лингвокультурное пространство претерпевает значительные изменения в связи с активным развитием информационных технологий, которые теперь позволяют создавать оригинальные речевые произведения большому количеству носителей языка. Это способствует значительному возрастанию уровня массового лингвокреатива. В современном языковом сообществе высокую ценность получают нестандартные, креативные высказывания, аккумулирующие новые, свежие смыслы. В эпоху глобализации и развития информационных технологий многие жанры претерпевают изменения, адаптируясь к современной коммуникативной практике и культурным трансформациям.

Современные технические средства позволяют наносить тексты не только на бумажные носители, но и на самые различные поверхности. Тексты давно сошли с бумажных носителей, и сегодня мы привыкли видеть, например, «говорящую» одежду, тексты на одноразовых стаканках для кофе, тортах и т. д. Однако такая тенденция, на наш взгляд, особенно ярко проявляется в подарочном дискурсе, который сегодня стал средоточием крылатых фраз, остроумных, креативных выражений нашего времени. Сегодня подарить какой-либо предмет становится уже не интересно. Интересно сделать этот подарочный предмет уникальным, а факт дарения – незабываемым. В этом помогает текстовое оформление подарка или его упаковки.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в современном маркетинге, к которому можно отнести и подарочный дискурс, наблюдаются значительные изменения в способах продвижения товаров посредством языкового оформления. В связи с этим активно развивается «маркетинговая лингвистика» [1], «лингвистическая маркетинговая» [2, с. 337], «лингвомаркетинговая» [3] – смежная область экономики и языка, которая исследует «использование языка как товара и как инструмента реализации товароденежных отношений» [2, с. 337]. Поскольку «маркетинговая коммуникация становится не экономическим, а социокультурным явлением и, более того, рассматривается как феномен культуры» [Там же, с. 336], ученые говорят об изменении маркетингового дискурса в целом.

Действительно, маркетинговая коммуникация становится частью современного лингвокультурного пространства, адаптируясь к требованиям современной языковой личности, на которую эта коммуникация ориентируется. Языковая личность среднестатистического потребителя сегодня привыкла к стандартным механизмам маркетинговой коммуникации и перестала на

них реагировать, поэтому современные копирайтеры вынуждены искать новые способы продвижения товаров и услуг. Во многом сегодня таким способом становится язык, помогающий вовлечь потребителя в диалог с брендом, выделить конкретный товар на фоне аналогичных, добиться маркетинговой цели, воздействуя на эмоции потребителя посредством языкового оформления товара и формируя тем самым эмоциональную привязанность к бренду. Особенно заметны креативные маркетинговые решения, связанные с языком, в современном подарочном маркетинге, который с недавнего времени предоставляет дарящему возможность подобрать адресный подарок с уже готовым визуализированным поздравительным текстом, тем самым решая одну из главных проблем акта дарения – что сказать адресату.

Подарочный маркетинг – это область современного маркетинга, в которой продвигаются товары / услуги, связанные с дарением подарков потребителями. Очень важным моментом является разграничение понятий «подарочный маркетинг» и «маркетинг подарков». Последнее понимается как вид коммуникации, направленный на выстраивание долгосрочных индивидуальных отношений с целевой аудиторией посредством преподнесения подарков. Таким образом, подарочный (поздравительный) маркетинг реализует уникальную подарочную продукцию – отекстованные предметы (одежду, торты, кружки, бокалы с креативными надписями, подарочные пакеты и упаковки и т. д.). Отметим, что изначально нанесение надписи на какой-либо предмет как гравировка являлось скорее исключением, чем правилом оформления подарка. Позже в связи с распространением массового лингвокреатива в современном обществе высокую ценность получили нестандартные языковые новообразования, свежие лингвистические решения – креативные тексты, широко распространившиеся через средство Интернета.

Итак, надписи на подарочных предметах – пакетах, посуде, средствах по уходу за собой (гелях для душа, мыле, шампуне), тортах – стали неотъемлемой чертой современного подарочного маркетинга / дискурса. Это связано с усилением роли массового лингвокреатива и пониманием языка как эффективного способа продвижения товаров.

Лингвокреативные механизмы основаны «на нарушении нормы, нарушении языкового канона, выборе нестандартного языкового кода, нарушении правил узуса, нарушении законов однозначной и стереотипной актуализации слова в речи» [4, с. 210]. Креативными являются такие

тексты, которые в определенной степени неожиданны для реципиента. Поскольку в повседневном общении языковая личность опирается на языковой стандарт, восприятие текста с нарушением такового, как правило, вызывает определенные эмоции, что впоследствии и формирует эмоциональную привязанность потребителя к конкретному бренду. Эмоции, вызванные нестандартным языковым оформлением, также помогают сместить ракурс внимания потребителя с вопросов о качестве продукта на его уникальность для того, чтобы потребитель захотел стать его обладателем.

В данной статье анализируются механизмы лингвистической креативности в текстах, размещенных на алкогольной продукции.

Этикетка на бутылке алкоголя, как правило, имеет стандартные семантические блоки: название бренда, тип продукции, основную обязательную информацию (место производства, срок годности и т. д.). Однако, поскольку алкогольная продукция нередко является предметом дарения, все чаще встречается нестандартное текстовое оформление надписей на лицевой стороне бутылки, способное привлечь внимание потребителей своей оригинальностью. Опишем далее средства создания лингвокреативности и способы ее усиления. В примерах текстов максимально сохранена исходная графика.

ГЕЛЬ ДЛЯ ДУШИ. В тексте происходит языковая игра посредством трансформации устойчивого словосочетания *гель для души* в *гель для душиИ*, чем подчеркивается «исцеляющая» сила алкоголя, способного «залечить» душевные раны. Текст рассчитан на потребителя, обладающего хорошим чувством юмора и способного оценить языковую нестандартность фразы. Размещение такого текста на бутылке с вином выводит данный продукт из ряда стандартного алкоголя в ряд уникальной подарочной продукции.

Доверься мне, ты умеешь танцевать. Креативность текста обусловлена стереотипом о том, что алкоголь помогает человеку раскрепоститься, почувствовать себя свободным от собственных комплексов. Примечательно, что текст выстроен от первого лица, чем формируется диалог потребителя непосредственно с самим продуктом. Происходит своеобразное «самопромоутирование» бренда [5, с. 1569]. Аналогичный креативный маркетинговый ход прослеживается в тексте: *ВОССТАНАВЛИВАЮ ОТНОШЕНИЯ И ПЕРВЫ* Bastardo. Текст ориентирован на бытующее в современной культуре общепринятое представление о том, что алкоголь способен снять напряжение в отношениях между людьми. Также возможна интерпретация данного

текста в объективации следующего стереотипа: выпившая женщина обычно звонит своему бывшему возлюбленному, то есть алкоголь помогает начать коммуникацию людям, когда-то ее прекратившим.

ДЛЯ САМЫХ ВАЖНЫХ ОТКРЫТИЙ НУЖЕН ТОЛЬКО ШТОПОР И МЫ SAPERAVI. В данном тексте происходит языковая игра за счет смещения смысловой доминанты слова *открытие* и актуализации его периферийного значения – «открытие бутылки вина». Напомним, что «в основе креативных механизмов лежит обновление формы речи, привлекающей внимание не только своей нестандартностью, но и апелляцией к „сообразительности“ собеседника, способного оценить явные и скрытые за фразой смыслы» [6, с. 13].

НЕ ЖДИТЕ, ЧТО КТО-ТО СДЕЛАЕТ ВАС СЧАСТЛИВЫМИ. НАЛЕЙТЕ САМИ СЕБЕ В БОКАЛ МЫ SAPERAVI. Очень важным с точки зрения аксиологической составляющей является данный пример, актуализирующий одну из ключевых доминант культуры современного общества потребления, в котором алкоголь представляет собой безусловную ценность, способную сделать человека счастливым. Как уже отмечалось ранее, маркетинговая коммуникация – это «социокультурное явление», «феномен культуры» [2, с. 336]. С одной стороны, маркетинговая коммуникация, оформляясь лингвистически, опирается на особенности целевой аудитории, принимая в учет ее потребности и ценностные ориентиры; с другой – она может навязывать потребителю определенные ценностные стереотипы. «Предполагается, что мотивация к здоровому образу жизни формируется с помощью наличия у человека достаточных знаний о вредном воздействии химических веществ» [7, с. 263], к которым относится и алкоголь. Однако маркетологи, чей заработок выстроен на реализации алкогольной продукции, заинтересованы в искажении традиционных аксиологических параметров восприятия спиртного как вредоносного напитка. Креативные тексты, размещенные на упаковках, помогают сместить ракурс потребителя с «вредного воздействия» алкоголя на его восприятие как средства достижения счастья, деформировать оппозиционное отношение, эмоционально «заплюсовав» потребителя. При этом лексическая наполненность подобных текстов (*душа, доверие, танцы, важные открытия, счастье, отношения*) формирует стойкое ассоциативное поле, имеющее ярко выраженную аксиологическую направленность, в которой распитие спиртного воспринимается как норма – «праздник» без повода. Данный аспект актуален не только в лингвокультурном плане, но и в плане

возникающих в обществе психологических проблем «ценностно-смыслового образования личности» [8, с. 249], о чем свидетельствует «стабильно возрастающее количество людей, страдающих алкоголизмом» [7, с. 260].

В современном подарочном маркетинге также широко распространены наборы алкогольной продукции в специальной упаковке с оригинальным лингвистическим оформлением: *Волшебная коробочка для снятия стресса*. В набор входит бутылка виски с надписью *Настоящему мужчине №1 пряный виски*, а также два бокала с размещенными на них текстами:

- (1) *Бокал счастливого человека;*
- (2) *Накатила грусть? Накати и ты.*

В первом примере снова происходит актуализация значения *алкоголь* = *счастье*, что, несомненно, является важным аксиологическим показателем современного лингвокультурного пространства. Во втором примере происходит языковая игра за счет соединения глагола *накатить* (*накатила грусть*) и омонимичного жаргонизма в значении *выпить алкоголь* (*накати – выпей*).

Представленные тексты семантизируют упомянутые ранее ценностные установки современного общества, в котором алкоголь – это средство снятия стресса и способ достижения счастья. Употребление алкоголя не осуждается, а приветствуется большинством представителей общества, считается нормой, о чем свидетельствует массовое изготовление аналогичной подарочной продукции.

Оригинальным лингвомаркетинговым решением является надпись на подарочной упаковке с набором алкогольных настоек: *Вова, на стайвай на лучше!* Размещенное рядом с текстом изображение самогонного аппарата позволяет говорить о креолизации текста, объективирующего уникальную семантику посредством актуализации многозначного слова *настаивать*.

Таким образом, алкоголь для многих сегодня – средство психологического расслабления, «избавления» от внутренних комплексов, «восстановления отношений и нервов», средство достижения счастья.

Языковое оформление алкогольной продукции в современном маркетинге является способом продвижения товара, выводит конкретный товар в разряд уникальной подарочной продукции. Алкоголь преподносится не только как неотъемлемый атрибут любого праздника, но и предмет дарения, в котором посредством правильно оформленной лингвистической «упаковки» фокусируются аксиологические характеристики современного лингвокультурного про-

странства, сформированного на основе ценностных установок массовой языковой личности.

«Коммуникативное обольщение» реципиента [9, с. 84] сегодня является главной задачей копирайтеров, создающих креативные тексты для продвижения товаров. Эстетический эффект, вызванный за счет правильного подбора вербальных средств, способен вызвать у потребителя эмоции, необходимые для формирования положительного имиджа бренда и эмоциональной привязанности к нему.

Итак, современная маркетинговая коммуникация как часть лингвокультурного пространства аккумулирует аксиологические характеристики современного общества, что ярко проявляется в подарочном маркетинге. Современный лингвокреативный материал является «важнейшей составляющей того языкового пространства, в котором мы сегодня живем» [6, с. 84]. Изучение механизмов лингвистической креативности позволяет выявлять тенденции развития современного русского языка в массовой коммуникации.

Список источников

1. Борисова Е. Г. Маркетинговая лингвистика: направления и перспективы // Верхневолжский филологический вестник. 2016. №4. С. 140–143.
2. Брусенская Л. А., Куликова Э. Г. Лингвопрагматические параметры маркетинговых коммуникаций // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. №2. С. 333–350.
3. Голев Н. Д. О лингвомаркетологии: некоторые размышления по поводу кандидатской диссертации О. Е. Яковлевой «Семиотические типы прагматимов современного русского языка (на материале номинаций продуктов питания)» // Вестник Новосибирского государственного университета / Серия «История. Филология». 2007. Том 6. Вып. 2. С. 62–68.
4. Иванян Е. П. Проблемы лингвозкологии в свете лингвистики креатива // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2018. № 2. С. 209–215.
5. Воробьева К. И., Заславский Д. А. Взаимосвязь самооценки и стратегий самопрезентации и конструирования сетевого Я-образа пользователей социальных сетей // Baikal Research Journal. 2023. Т. 14. №4. С. 1569–1582.
6. Гридина Т. А., Коновалова Н. И. «Куда идем? Большой вопрос...»: прагматика креатива в современном медийном дискурсе / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2013. № 3. С. 13–20.
7. Деряч И. А. Мета-анализ проблемы реабилитации химически зависимых лиц в отечественной и зарубежной литературе // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15. №1. С. 258–269.

8. Радзион Н. Г. Масштабность личности как социально-психологический феномен // *Baikal Research Journal*. 2024. Т. 15. №1. С. 248–257.

9. Ремчукова Е. Н. Массовый лингвокреатив: преодоление стандарта // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2013. № 2. С. 83–89.

References

1. Borisova, E. G. (2016). *Marketingovaya lingvistika: napravleniya i perspektivy* [Marketing Linguistics: Directions and Prospects]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*. No. 4, pp. 140–143. (In Russian)

2. Brusenskaya, L. A., Kulikova, E. G. (2020). *Lingvopragmaticheskie parametry marketingovykh kommunikatsii* [Linguistic and Pragmatic Parameters of marketing communications]. *Kommunikativnye issledovaniya*. T. 7. No. 2, pp. 333–350. (In Russian)

3. Golev, N. D. (2007). *O lingvomarketologii: nekotorye razmyshleniya po povodu kandidatskoi dissertatsii O. E. Yakovlevoi "Semioticheskie tipy pragmatonimov sovremennogo russkogo yazyka (na materiale nominatsii produktov pitaniya)"* [About Linguomarketing: Some Thoughts on O. E. Yakovleva's Candidate Dissertation "Semiotic Types of Pragmatonyms in the Modern Russian Language (Based on Food Product Nominations)"]. *Vestnik Novosibirskogo gos. universiteta. Seriya "Istoriya. Filologiya. Tom 6. Vyp. 2*, pp. 62–68. (In Russian)

4. Ivanyan, E. P. (2018). *Problemy lingvoekologii v svete lingvistiki kreativa* [Problems of Linguistic Ecology in the Light of Creative Linguistics]. *Ural'skii Filologicheskii Vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema*.

Lichnost': Lingvistika tvorchestva. No. 2, pp. 209–215. (In Russian)

5. Vorobyova, K. I., Zaslavsky, D. A. (2023). *Vzaimosvyaz' samootsenki i strategii samoprezentatsii i konstruirovaniya setevogo Ya-obraza pol'zovatelei sotsial'nykh setei* [The Relationship between Self-Esteem and Self-Presentation Strategies and Construction of the Network Self-Image of Social Network Users]. *Baikal Research Journal*. T. 14. No. 4, pp. 1569–1582. (In Russian)

6. Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2013). "Kuda idem? Bol'shoj vopros...": *pragmatika kreativa v sovremennom mediinom disкурсе* ["Where Are We Going? That's the Big Question...": The Pragmatics of Creativity in Modern Media Discourse]. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa*. No. 3, pp. 13–20. (In Russian)

7. Dergach, I. A. (2024). *Meta-analiz problemy reabilitatsii khimicheskii zavisimykh lits v otechestvennoi i zarubezhnoi literature* [Meta-analysis of the Problem of Rehabilitation of Chemically Dependent Persons in Domestic and Foreign Literature]. *Baikal Research Journal*. T. 15. No. 1, pp. 258–269. (In Russian)

8. Radzion, N. G. (2024). *Masshatbnost' lichnosti kak sotsial'no-psihologicheskii fenomen* [The Scale of Personality as a Socio-Psychological Phenomenon]. *Baikal Research Journal*. T. 15. No. 1, pp. 248–257. (In Russian)

9. Remchukova, E. N. (2013). *Massovyi lingvokreativ: preodolenie standarta* [Mass Linguistic Creativity: Overcoming the Standard]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. No. 2, pp. 83–89. (In Russian)

The article was submitted on 22.10.2024

Поступила в редакцию 22.10.2024

Непомнящих Екатерина Александровна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Байкальский государственный университет,
664003, Россия, Иркутск,
Ленина, 11.
trunova.k_86@mail.ru

Nepomniashchikh Ekaterina Alexandrovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Baikal State University,
11 Lenin Str.,
Irkutsk, 664003, Russian Federation.
trunova.k_86@mail.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-132-138

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АНТАГОНИЗМ И ЭТНОСТЕРЕОТИПЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ В. С. СОЛОВЬЕВА «ЖЕНИХ ЦАРЕВНЫ»

© Евгений Никольский, Елена Папилова

CONFESSIONAL CONFRONTATION AND ETHNOSTEREOTYPES IN VSEVOLOD SOLOVYOV'S HISTORICAL NOVEL "THE PRINCESS'S GROOM"

Evgeny Nikolsky, Elena Papilova

This article analyzes the religious confrontation and mutual ethnostereotypes of the Russians and the Danes in Vsevolod Solovyov's historical novel "The Princess's Groom" (1893). The novel is based on real events of the 17th-century Russian history – the matchmaking of Prince Valdemar of Denmark to the Tsar Mikhail Fyodorovich Romanov's daughter Irina. The marriage failed to take place because Valdemar refused to accept the Orthodox faith. The confessional debates were intensive and uncompromising and ended up with Valdemar's eighteen month's confinement in Moscow. The article investigates the mutual perception of the Danes and the Russians, which was influenced by ethnostereotypes and confessional contradictions. We analyze the process of negotiations of the parties and their minor concessions to each other, based on historical research which sheds light on the events of that distant epoch. We have found that Vsevolod Solovyov added some fictional elements to the factual historical basis – the episode of Valdemar and Irina's secret date, which was organized by her maid Masha (who, according to the author's idea, was to become Valdemar's beloved one and leave for Denmark with him). Vsevolod Solovyov was very well acquainted with the circumstances of the events depicted (first of all owing to his father – the famous historian Sergey Solovyov), however, he introduced psychological motivation of the characters' behavior and described their inner feelings. The article concludes that in the 17th century, religion played a major role in the conscience of a person (both Russian and West European) since the inter-confessional faith collision could not be solved by the parties. By depicting the religious conflict, the author, at the same time, shows the stereotypes of mutual perception of the Russians and the Danes.

Keywords: Vsevolod Solovyov, historical prose, "The Princess's Groom", history of Russia in the 17th century, imagology, ethnostereotypes, Orthodoxy, religious debates

В статье анализируется религиозное противостояние и взаимные этностереотипы русских и датчан в историческом романе Всеволода Сергеевича Соловьева «Жених царевны» (1893). Этот роман имеет своей основой реальные события русской истории XVII века – сватовство датского королевича Вальдемара к дочери царя Михаила Федоровича Романова Ирине. Брак не состоялся по причине отказа Вальдемара принять православную веру. Религиозные прения сторон отличались интенсивностью и бескомпромиссностью и привели к полуторагодовому заточению королевича в Москве. Автор статьи исследует взаимовосприятие датчан и русских, преисполненное этностереотипами и осложненное религиозными противоречиями. Проанализирован процесс переговоров сторон и их мелкие уступки друг другу, привлечены исторические исследования, проливающие свет на события той далекой эпохи. Выясняется, что к фактологической исторической основе Соловьев добавил вымышленные элементы – эпизод тайного свидания королевича с Ириной, организованного ее служанкой Машей, которой, по замыслу автора, суждено было стать избранницей датчанина и уехать с ним на его родину. Хорошо знакомый с обстоятельствами описываемых событий (прежде всего благодаря отцу – известному историку С. М. Соловьеву), автор романа привнес в него психологическое обоснование и мотивацию поведения героев, описал их внутренние переживания. В статье делается вывод о главенствующей роли религии в сознании человека (как русского, так и европейца) XVII века: межконфессиональная коллизия так и не смогла быть преодолена сторонами. Воспроизводя религиозный конфликт, автор параллельно изображает стереотипы восприятия русскими датчан и датчан – русскими.

Ключевые слова: В. С. Соловьев, историческая проза, «Жених царевны», история России XVII века, имагология, этностереотипы, православие, религиозные прения

Для цитирования: Никольский Е., Папилова Е. Конфессиональный антагонизм и этностереотипы в историческом романе В.С. Соловьева «Жених царевны» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 132–138. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-132-138

Всеволод Сергеевич Соловьев (1849–1903) принадлежит к так называемому «второму ряду» русских писателей конца XIX в., хотя на рубеже XIX–XX вв. его популярность была велика: по подсчетам исследователей, он стабильно входил в десятку наиболее читаемых авторов петербургских публичных библиотек, занимая часто и пятое, и третье места [1, с. 116–117]. Сын известного историка С. М. Соловьева, в историю русской литературы он вошел прежде всего как автор исторических романов. К их числу принадлежит и анализируемый в данной статье роман «Жених царевны», написанный в 1893 г.

В основе романа – реальные исторические события, но автор, хотя и опирался (имея доступ в архивы и материалы отца-историка) на исторические документы, художественно претворил их, домыслил детали, диалоги, добавил объективацию поведения героев и даже, как будет показано далее, ввел в систему персонажей вымышленных героев. В данной статье все цитаты взяты из текста романа и принадлежат Вс. Соловьеву. Интерес автора к этому эпизоду русской истории обусловлен, по-видимому, его оригинальной самобытностью, а также важностью в глазах автора религиозного самосознания русского человека, особенно в XVII в.

Сюжет романа составляет неудавшееся сватовство к дочери царя Михаила Федоровича от его второго брака с Евдокией Лукьяновной Стрешневой, царевне Ирине, датского принца Вальдемара, графа Шлезвиг-Голштинского, сына датского короля Христиана IV. Вальдемар был третьим сыном короля от его второго брака и потому не имел права на престол. Это было одной из причин, почему Христиан IV хотел отдалить сына, выгодно женив его на русской царевне, тем самым уберечь его от межусобной розни, и упорчив отношения с Московским царством. Вместе с тем отец не настаивал на своем решении и предоставил сыну право самостоятельно принять решение.

Гораздо более в этом браке был заинтересован сам Михаил Федорович. Когда царевне было еще только 13 лет, в Данию был отправлен русский посол с поручением узнать о Вальдемаре больше информации. В 1641 г. граф впервые прибыл в Москву по торговым делам, но никаких договоренностей о браке достигнуто не было. Позже другой царский посланник, Петр Марселлис (датчанин, осевший в России), едет в Данию

и с большим успехом проводит переговоры, фактически уговаривая Вальдемара еще раз приехать в Россию. В 1644 г. тот повторно прибывает в Москву – и начинается длительный процесс переговоров.

Все попытки устроить брак между русской царевной и датским принцем разбились о межконфессиональное противостояние. Обязательным условием вступления Вальдемара в брак с царевной Ириной, выдвинутым русскими, было принятие им православия. Но королевич категорически отказался сделать это, чем спровоцировал немилость русских: оказался под домашним арестом без права и какой-либо возможности покинуть Московию.

Рассмотрим проявление исторической реконструкции в тексте романа. Так, Соловьев описывает, что переговоры сторон то достигали кажущегося прогресса, то упирались в неразрешимые противоречия, и вслед за этим сюжет романа также претерпевает «раскачивание» из стороны в сторону. «*Всякие недоразумения и неприятности*» [2, с. 245] начались с первого дня появления Вальдемара в Москве. Явившегося на прием к царю, его попросили снять шпагу, с чем он поначалу не согласился: снять шпагу для рыцаря было бы позором. Однако русские не придают его словам значения и настаивают на своем. Поняв, что положение безвыходное и возвратиться в Данию, не представившись даже царю, – не выход, он подчинился: «*пришлось покориться иноземному обычаю и снять шпагу*» [Там же].

Вместе с тем русский царь, согласно сохранившимся документам, также делал милости почетному гостю: был преисполнен лаской, сажал его справа от себя (тогда как наследник Алексей Михайлович занимал место слева), не позволял Вальдемару целовать себе руку (вместо этого вставал и обнимал его) [3, с. 85].

В романе во время аудиенции и царь и его приближенные разглядывали графа «*уж слишком бесцеремонно*» [2, с. 245], это покорило юношу, однако он преодолел и это, объясняя происходящее «*полуварварской*» сущностью Московии. Из донесения царского посланника известно, что королевич Вальдемар «*лет двадцати, волосом рус, ростом не мал, собою тонок, глаза серые, хорош лицом, здоров и разумен, знает по-латыни, французски, итальянски, верхне-немецки, знаком с воинским делом*» [4, с. 69]. Жених понравился царю и придворным.

Направляя Марселиса в Данию на переговоры, царь наставлял его говорить, что прежние послы неверно истолковали его волю, что на самом деле в Московии Вальдемара ожидают «*большая честь*», «*денежная казна*», Суздаль и Ярославль с уездами, и при этом «*в вере неволи не будет королевичу*» [2, с. 258]. В итоге подписанное между сторонами соглашение в своем первом пункте гласило: «*В вере королевичу неволи не будет, и церковь ему будет поставлена по его вероисповеданию*» [Там же, с. 263]. Вальдемар, еще будучи дома, сомневается в правильности своего решения («*Боюсь, что вы меня обманете и что мне в Москве худо будет. Можешь ли ты мне поручиться, Марселис, что все будет исполнено по договору, что все будет честно сделано?*») [Там же, с. 264]], и все же отправляется навстречу судьбе.

Кажется, что и русская сторона начала делать уступки – как в главном вопросе о вере, так и в других, более мелких. Так, в вопросе о том, имя кого – датского короля Христиана или русского царя Михаила Федоровича – писать первым в королевских грамотах, оказывается, к радости датчан, решен в пользу первого [Там же, с. 269]. Некоторая уверенность Вальдемара, подкрепленная письменными договоренностями, пошатнулась с приходом к нему доверенного от патриарха Иосифа. Тот уговаривает королевича «*соединиться верою*» с царской семьей [Там же, с. 270], предлагает поговорить о вере с «*учеными духовными людьми московскими*» [Там же, с. 271], вызывая гнев Вальдемара: «*Я сам учен не меньше московских попов! Библию я прочел пять раз и всю ее помню, учить меня нечего!*» [Там же]. В романе королевич винит Марселиса, подозревая его в искажении воли царя и обмане. Но Марселис уговаривает королевича не придавать словам патриарха значения: тот должен был предложить сменить веру по своему положению патриарха, но его просьба не обязана быть исполнена, поскольку договоренность с царем совсем иная.

Соловьев описывает, как, надеясь на благоразумие Михаила Федоровича, Вальдемар направляется к нему на прием и, к своему изумлению, слышит из его уст ту же просьбу – принять православие. «*У нас муж с женою в разной вере быть не может*», – уговаривает царь [Там же, с. 273]. Вальдемар сопротивляется: «*У нас, в Дании, и в других государствах европейских ведется, что муж исповедует веру свою, а жена другую*» [Там же]. Ни одна из сторон не готова идти на уступки. Просьба королевича отпустить его домой, даже при риске навлечь на Московию гнев датского короля Христиана, не была удовлетворена. Предчувствуя желание принца совершить побег, царь усиливает охрану всей его свиты.

Возмущение королевича выливается в письмо протеста Михаилу Федоровичу, в котором он ссылается на им же утвержденное соглашение о «*вольности в вере*», но получает ответ, что в том соглашении нет пункта, запрещающего призывать Вальдемара к «*соединению в вере*» [Там же, с. 275], о чем его вновь «*молят с прошением*».

В итоге датчанин оказывается вместе со всей своей свитой под усиленной стражей, и даже предпринятая ими попытка побега была пресечена царскими стрельцами у Тверских ворот, с убитыми и ранеными с обеих сторон.

Следуя материалам отца, Вс. Соловьев отмечает, что в вынужденной неволе чужестранцы провели почти полтора года – с 21 января 1644 по 17 августа 1645 г. За это время порывы бешенства и отчаяния Вальдемара сменялись мыслями о мнимом (внешнем) принятии православия (что помогло бы спасти себя и своих людей) и – при первой же возможности – возвращении к лютеранству [Там же, с. 345–346].

Конфессиональное противостояние заканчивается смертью Михаила Федоровича. Она была спровоцирована затянувшимся конфликтом с неудавшимся зятем. По мнению дореволюционного критика, царь, «*сознавая, что поступает несправедливо*», страдал от этого сам, это «*в сильной степени ускорило его безвременную кончину*» [5, с. 49]. Желая добра дочери, он вместе с тем не мог переступить через традиции и обычаи, считал, что народ никогда не простит ему, если он породнится с «еретиком».

Желание Вальдемара «*отплатить своим мучителям*» [2, с. 346] у гроба царя все же сменяется прощением: «*Он не мог! <...> Пусть Бог простит ему... И я прощаю!*» – говорит себе королевич.

Ситуация противостояния главного героя религиозному напору русских составляет нерв романа. Датчан, называемых русскими «*еретиками*», «*басурманами*», «*некрещеными*» (в допетровской Руси Церковь не признавала крещение христиан других конфессий), «*нехристями*» [Там же, с. 226, 229, 259, 359], они решили «*донять*» коли «*не мытьем, так катаньем*» [Там же, с. 346], при этом мысль о правомерности такого требования не приходит никому из московитов в голову. Так, по мнению матери царевны, если бы они разрешили Ирине обвенчаться с «*нехристом*», то «*весь народ русский перестал бы почитать нас*» [Там же, с. 360]. Лишь Михаил Федорович единожды задумывается над тем, что бы сделал он, если бы его заставляли отказаться от православия. Даже помыслить об этом царю «*жутко*». Он сразу же оправдывает невозможность подобного истинностью исключительно

православной веры: «Да, но ведь то лютерова ересь, то басурманы! А коли королевич православие ересью считает?.. Как же он может, как же смеет считать?» [Там же, с. 357]. К этим размышлениям царь больше не возвращался: коллизия представлялась ему неразрешимой, легче было об этом не думать вовсе. «Невежество» московских русских XVII в. признавалось уже современниками Вс. Соловьева [6, с. III]. Религиозные споры, неприятие других направлений христианства были типичными для России XVII в. Автор опирается на документальные источники, чтобы передать историческую достоверность и погрузить читателя в реалии того времени.

Сущность религиозных споров сторон исследовалась дореволюционными историками [6], [4] и не составляет предмет исследования данной статьи. Отметим лишь, что после тяжелого Смутного времени в Москве, действительно, не было иноверческих церквей – таким образом власти пытались оградить православный народ от влияния чужестранцев [4, с. 76–79]. Неслучайно в романе звучит категоричное «*Киркам не быть!*» [2, с. 246]. На момент описываемых Соловьевым событий действовали положения Собора, постановившего, что лютеран, а также армян и католиков необходимо перекрещивать с тройным погружением [4, с. 89–90, 100–101].

В романе на основе исторических источников Соловьев описывает, что между русскими (в числе нескольких протопопов, архимандритов и прочего духовного руководства) и датчанами (от лица Вальдемара выступал пастор Фильгабер) разгорелась целая полемика, она сопровождалась перепиской, отдельные рукописи которой сохранились до нашего времени [7]. В этих источниках мы находим сведения о том, что и сам Вальдемар вступал в религиозные споры с патриархом: так, в одном из писем он сравнивал учения Кальвина и Михаила Сервета с учением Лютера и делал вывод об истинности последнего [4, с. 94–95]. Убежденность каждой из сторон в своей правоте была так велика, что спор был обречен.

Вскоре после описанных событий, в 1647 г., вышла в свет «Повесть о внезапной кончине Михаила Федоровича». Ее автор, ревнитель православной веры, явно причастный к событиям сватовства, ставил целью осудить всех «еретиков» с Вальдемаром во главе. Авторство злободневной публицистической работы не определено, некоторые ученые приписывают ее чернецу (монаху) Савватию [3, с. 94]. Он категоричен в своих суждениях: «Если кто скажет: не он виноват, но мы, потому что мы сами звали его, такому наш ответ: <...> царь и царица <...> хотели сотво-

рить сугубое добро: во-первых, неверного от тьмы привести на свет и освятить Святым Крещением, во-вторых, сочетать законным браком со своею царскою дочерью и сопричесть к своему царскому достоинству» (цит. по: [4, с. 104]), наконец он делает такой вывод: «Нет и не должно быть общения верному с неверным» (цит. по: [Там же, с. 105]). «Повесть» была рефлексией русского патриархального сознания на пережитое потрясение.

Нам неизвестно, что переживали главные герои драмы – сын датского короля и дочь русского царя. Эго-документов или свидетельств о том, как они воспринимали перспективу их брака, не сохранилось. И это обстоятельство привело к тому, что в романе появились сугубо вымышленные персонажи и эпизоды. Писатель создает внутренний мир этих героев через воображаемые диалоги, эмоциональные конфликты и психологические переживания. Вымышленные эпизоды помогают глубже понять, как исторические события и культурные контексты влияют на личные судьбы. Соловьев позволяет читателю заглянуть в мысли и чувства персонажей, которые могли испытывать страх, надежду или сомнение по поводу будущего. Таким образом, автор не только реконструирует историческую ситуацию, но и добавляет ей человеческое измерение, делая героев более живыми и многослойными.

Рассмотрим наиболее примечательные вымышленные эпизоды. Например, в Москве, согласно роману Соловьева (и это нетипично для неславянина), принц Вальдемар выучился также русскому языку. Чтобы не допустить суицида, о котором не раз задумывается Вальдемар, русские устраивают для него развлечения – охоту, медвежью облаву и кулачные бои [2, с. 348]. Вальдемар то впадает в категорическое несогласие («он умрет скорей, но этого не сделает» [Там же, с. 313]), то соглашается на уступки: обещает разрешить крестить детей по греческому обычаю, согласен держать посты, «сколько возможно без повреждения здоровью», «сообщившись с желанием государя в платье и во всем другом», но все же не уступает в главном: «от веры святой не отрекусь, хоть он меня распни и умертви. Я лучше хочу с неоскверненной совестью честною смертью умереть, чем жить с злою совестью» [Там же, с. 349].

В романе Соловьева негодование Вальдемара подкреплялось еще и тем, что он ни разу не видел свою невесту. «Дочерей московских сановников нельзя видеть, царевен – тем более» [Там же, с. 254], – поясняют ему русский уклад жизни. Даже портрет Ирины (принятый в те времена метод заочного знакомства знати) никогда не был

предъявлен жениху: суеверные русские полагали, что через портрет злые люди могли навести на изображенного порчу [Там же, с. 255]. Вместо этого Вальдемару на словах обещали, что царевна хороша собой, разумна и покладиста, не пьет вина. Однако юношу, привыкшего видеть красивых женщин при европейских дворах, такие обещания удовлетворить не могли. Смеясь над суевериями русских, он говорит, что «*и в Дании, наверно, найдется несколько старух, которые верят такому вздору*» [Там же].

Вымышленной является и вторая любовная интрига. У романиста судьба все же посылает Вальдемару русскую девушку. Ею стала служанка царевны, теремная девушка Маша. «Бесенок Машутка», бойкая, ловкая, смелая и смышленная, сначала собирает сведения о Вальдемаре для Ирины (от которой переговоры о сватовстве скрывают), позже устраивает тайную встречу царевны с королевичем, продлившуюся пару минут, а в конце, спасаясь от преследований теремной прислуги, заподозрившей ее в неладном, бежит к Вальдемару. Между ними вспыхивает чувство. Переодетая в костюм пажа королевича, она остается в его свите и, с освобождением датчан, вместе с ними навсегда уезжает в Данию. Смелая, отчаянная красавица, к тому же оказавшаяся способной к языкам и музыке, быстро покорила сердце королевича и всего его войска. Вскоре она «*по виду и манерам превратилась в датчанку*» [Там же, с. 416].

Маша – единственный русский персонаж романа, отнесшийся к чужестранцам без предубеждения: «*Вот говорили, <...> немцы – нехристи, <...> хуже всяких воров-разбойников!.. Ан нет, напраслину на них взвели... <...> душа-то у них человечья, добрая душа, ласковая*» [Там же, с. 377]. Вспоминая притеснения старших слуг в царском тереме, она невольно сравнивает их с датчанами: «*Вот ведь и Господу Богу веруют, и в церковь ходят, молятся, что ни слово, то Христа и Владычицу небесную поминают, а злобы-то, злобы сколько у них в сердце! Чем же они лучше басурман этих? Не лучше они их, а во сто крат хуже!..*» [Там же]. И в этом Маша, по видимому, права.

Поскольку мы не знаем, как прототипы героев пережили эти события, мы можем рассматривать вымышленную Соловьевым версию как один из возможных вариантов. Следуя «логике» своего вымысла, романист показывает, что для царевны Ирины Вальдемар был не только воплощением грез молодой девушки к красивому юноше, но и шансом освободиться от положения теремной затворницы. Но в итоге она повторила судьбу множества других царских затворниц,

обреченных на безбрачие и монашество. «*Пережитое ею горе не унесло ее жизни, но навсегда придавило ее своею тяжестью*» [Там же, с. 419], – пишет автор. Потерпев крушение надежд на замужество, Ирина стала увядать, казалась гораздо старше своего возраста.

Согласно интерпретации Вс. Соловьева, Ирина – одна из «порученных невест» царской династии, кто стал жертвой «*трагического конфликта между личностью, стремящейся к счастью, и социальными и религиозными предрассудками эпохи*» [8, с. 104]. Из исторических источников известно, что она нашла утешение в религии и благотворительной деятельности, заняла не последнее место при дворе брата, царя Алексея Михайловича, стала крестной матерью его сына Петра, будущего императора, в целом реализовала себя как личность [Там же].

Если внешний контур событий сватовства Вальдемара имеет под собой четкую историческую основу, подкрепленную архивными данными и исследованиями историков (прежде всего отца автора – С. М. Соловьева, тщательно изучившего все обстоятельства дела [9]), то внутренние переживания героев, так же как и введение в сюжет романа образа Маши, – лишь домыслы автора, его попытка психологической объективации героев. Логично назвать эти элементы «квазиисторическими» [10, с. 116]. Они позволяют автору создать эмоционально насыщенный текст, делают роман более художественным, а также подчеркивают, что вымысел может иногда затмевать историческую правду.

Продолжением и своего рода развитием квазиисторизма как проявления стереотипного подхода к героям можно считать и имагологические аспекты романа.

В романе взаимовосприятие датчан и русских пресыщено этностереотипами. Помимо раскрытого выше религиозного антагонизма русских к «нехристям-басурманам», в романе присутствуют указания на чуждые москвитам костюм, речь, внешний вид чужестранцев. У «немцев» (традиционное для русских людей XVI–XIX вв. именование всех европейцев) много оружия (мечи, шпаги, ножи, пищали), «*на голове перья болтаются*» [2, с. 228], немецкая одежда – «*срамная и куцая*» [Там же, с. 374], их речь – «*смешная*», кажущаяся «*каким-то странным птичьим гоготаньем*» [Там же, с. 374], сами же немцы – «*кургузые*» [Там же, с. 228], народ «*сухой да поджарый*» [Там же, с. 232], так что русским хочется их подкормить: «*видно, не очень-то сладко едят*» [Там же, с. 232]. Вальдемар, хотя и приходится москвитам по вкусу, все же кажется им «*больно жидок, безбородый*». По их мнению, если он от-

пустит бороду и переоденется в русское платье, «тогда ничего, вид знатный получит» [Там же, с. 229].

Видение датчанами московитов также наполнено стереотипами: Московия для них – «*страна далекая и дикая*» [Там же, с. 239], где «*всё возможно*» [Там же, с. 272], ее климат – суровый [Там же, с. 243], а люди живут «*в тесных помещениях, много едят, много пьют, и совсем нет женщин*» [Там же, с. 247]. Русские – «*дикий варварский народ*» [Там же, с. 313], «*упрямые, непонятливые бородачи в высочайших шапках и парчовых кафтанах*» [Там же, с. 246], они, «*начиная с самого царя, никаких языков не знают*» [Там же, с. 253], а за свою веру «*на все готовы пойти*» [Там же, с. 313]. В Европе ходят слухи об обширности Московии и богатстве царей московских [Там же, с. 239]. Женившись на Ирине, Вальдемар был намерен не «прятать» ее, а, напротив, сделать так, чтобы ее красотой любовались все [Там же, с. 268].

Имагологические аспекты подчеркивают этностереотипы и предрассудки, существующие между русскими и датчанами. В романе имагологические элементы не только обогащают его художественный мир, но и становятся инструментом для анализа предвзятости и национальной идентичности, что делает произведение актуальным для обсуждения вопросов культуры и восприятия в контексте исторических отношений.

Для дальнейшего понимания судьбы главной героини нам необходимо сделать небольшой исторический экскурс. Начиная с Петра I станет обыкновенной практикой при русском дворе переход инославных невест в православную веру перед вступлением в брак с наследником престола, в то время как супруги братьев и иных родственников монарха могли сохранить свое вероисповедание, и такие прецеденты не были единичными.

Но в середине XVII в. религиозная толерантность при дворе Романовых еще не была обычным явлением. И в этом романист солидарен с историками, эти данные строго документальны. Убежденность каждой из сторон в своей правоте, нежелание идти на уступки свидетельствуют о главенствующей роли религии в сознании человека XVII в. (недаром Вальдемар готов пролить кровь за Михаила Федоровича, но не готов сменить по его просьбе веру).

Согласно интерпретации Вс. Соловьева, этот конфликт не только спровоцировал раннюю смерть царя (а вслед за ним и царицы), не только обрек царевну Ирину на безбрачие и одиночество, но и рисковал привести к международной розни, хотя из исторических материалов извест-

но, что конфликтов между Московским царством и Датским королевством не возникло, а царь и царица умерли вследствие неизлечимых в их эпоху хронических болезней.

Углубляя свое видение тех событий, Вс. Соловьев отмечает, что, попав в плен почти на полтора года, королевич убедился, что его опасения иметь дело с московитами были оправданными: стереотип России как дикой варварской страны, населенной «упрямым, непонятливым» народом, готовым пойти на все ради своей веры, в глазах датчан подтвердился. При своих стереотипах о «еретичестве» «немцев»-датчан остались и русские. Единственным (вымышленным) персонажем романа, расставшимся с предубеждениями относительно чужестранцев, стала Маша – простая русская девушка, служанка царевны, далекая от религиозных догматов и принимающая решения сердцем.

Подчеркнем, что на Руси имагологические представления о чужестранцах носили прежде всего религиозный оттенок, религиозная (конфессиональная) принадлежность играла главенствующую роль в определении принадлежности человека к «своим» или «чужим». Соловьев, используя этностереотипы, показывает, как эти представления формируют страх и недоверие к иностранцам. Можно сделать вывод, что роман Вс. С. Соловьева «Жених царевны» не только живо воспроизводит реальные события и атмосферу России середины XVII в., но и демонстрирует сложные взаимоотношения между различными культурами и конфессиями.

Таким образом, роман «Жених царевны» становится многослойным произведением, в котором переплетаются история, психология и культура, позволяя читателю осмыслить сложные вопросы идентичности и межкультурных отношений в эпоху, когда различия порождали не только конфликты, но и возможности для диалога. Соловьев искусно использует элементы художественного вымысла, чтобы восполнить пробелы в исторических данных и сделать героев более «живыми».

Список источников

1. Васильева С. А. Редакционно-издательская деятельность Вс. С. Соловьева: монография. Тверь: Марина, 2007. 206 с.
2. Соловьев Вс. Касимовская невеста. Жених царевны. М.: МП «Фирма АРТ», 1992. 420 с.
3. Андреев И. Л. «Повесть о внезапной кончине царя Михаила Федоровича»: исторический контекст возникновения // Творцы науки, книжники, читатели: сборник статей в честь 50-летия доктора исторических наук А. Ю. Самарина. М.: Янус-К, 2023. С. 81–100.

4. Цветаев Дм. Из истории брачных дел в царской семье Московского периода. М.: Университетская типография, 1884. 106 с.
5. Быков П. В. Вс. С. Соловьев: его жизнь и творчество // Вс. Соловьев Полное собрание сочинений. Кн. 1. Пг.: Тип. П. П. Сойкина, 1917. 184 с.
6. Голубцов А. П. Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М.: Университетская типография, 1892. 350 с.
7. Послания патриарха Иосифа к датскому королевичу Вальдемару о вере и ответное письмо Вальдемара (рукопись) // ОР РГБ. Ф. 178.1 № 10998. [Б. м.], кон. XVII – нач. XVIII в.
8. Никольский Е. В. Историческая романистика Всеволода Соловьева. Типология жанра. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2010. 206 с.
9. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 5. Т. 9–10 // Он же. Сочинения: в 18 кн. М.: Мысль, 1990. 718 с.
10. Никольский Е. В. Проза Всеволода Соловьева: проблемы творческой эволюции: дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2014. 546 с.

References

1. Vasil'eva, S. A. (2007). *Redaktsionno-izdatel'skaya deyatel'nost' Vs. S. Solov'eva: monografiya* [Editorial and Publishing Activities of Vs. S. Solovyov: A Monograph]. 206 p. Tver', Marina. (In Russian)
2. Solov'ev, Vs. (1992). *Kasimovskaya nevesta. Zhenikh tsarevny* [Kasimov's Bride. The Princess's Groom]. 420 p. Moscow, MP "Firma ART". (In Russian)
3. Andreev, I. L. (2023). "Povest' o vnezapnoi konchine tsarya Mikhaila Fedorovicha": istoricheskiy kontekst vozniknoveniya ["The Tale of the Sudden Death of Tsar Mikhail Fedorovich": The Historical Context of Its

Origin]. *Tvortsy nauki, knizhniki, chitateli: sbornik statei v chest' 50-letiya doktora istoricheskikh nauk A. Yu. Samarina*. Pp. 81–100. Moscow, Yanus-K. (In Russian)

4. Tsvetaev, Dm. (1884). *Iz istorii brachnykh del v tsarskoi sem'e Moskovskogo perioda* [From the History of Marriage Affairs in the Royal Family of the Moscow Period]. 106 p. Moscow, Universitetskaya tipografiya. (In Russian)

5. Bykov, P. V. (1917). *Vs. S. Solov'ev: ego zhizn' i tvorchestvo* [Vs. S. Solovyov: His Life and Work]. Vs. Solov'ev. *Polnoe sobranie sochinenii*. Kn. 1. 184 p. Tip. P. P. Soikina. (In Russian)

6. Golubtsov, A. P. (1892). *Pamyatniki preni o vere, voznikshikh po delu korolevicha Val'demara i tsarevny Iriny Mikhailovny* [Monuments of the Debates about Faith that Arose in the Case of Prince Valdemar and Princess Irina Mikhailovna]. 350 p. Moscow, Universitetskaya tipografiya. (In Russian)

7. *Poslaniya patriarkha Iosifa k datskomu korolevichu Val'demaru o vere i otvetnoe pis'mo Val'demara* [Letters of Patriarch Joseph to the Danish Prince Valdemar about Faith and Valdemar's Response Letter]. (Rukopis') OR RGB. F. 178.1 No. 10998. [B. m.], kon. XVII – nach. XVIII v. (In Russian)

8. Nikol'skii, E. V. (2010). *Istoricheskaya romanistika Vsevoloda Solov'eva* [Historical Novels by Vsevolod Solovyov. Typology of the Genre]. 206 p. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing. (In Russian)

9. Solov'ev, S. M. (1990). *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen* [History of Russia from Ancient Times]. Kn. 5. T. 9–10. On zhe. *Sochineniya: v 18 kn.* 718 p. Moscow, Mysl'. (In Russian)

10. Nikol'skii, E. V. (2014). *Proza Vsevoloda Solov'eva: problemy tvorcheskoi evolyutsii: dis. ... d-ra filol. nauk* [Vsevolod Solovyov's Prose: Problems of Creative Evolution: Doctoral Thesis]. Tver', 546 p. (In Russian)

The article was submitted on 14.11.2024

Поступила в редакцию 14.11.2024

Никольский Евгений Владимирович,
доктор филологических наук,
доктор богословских наук,
профессор,
Институт современных гуманитарных
исследований,
119361, Россия, Москва,
Озёрная, 19-1/138.
eugenius-08@yandex.ru

Папилова Елена Вячеславовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Российский государственный университет
нефти и газа имени И. М. Губкина,
119991, Россия, Москва,
Ленинский пр., 65, к. 1.
lennenochka@mail.ru

Nikolsky Evgeny Vladimirovich,
Doctor of Philology,
Doctor of Theology,
Professor,
Institute of Modern Humanitarian Research,

19-1/138 Ozernaya Str.,
Moscow, 119361, Russian Federation.
eugenius-08@yandex.ru

Papilova Elena Vyacheslavovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Gubkin Russian State University of Oil and Gas,

B. 65, 1 Leninsky Prosp.,
Moscow, 119991, Russian Federation.
lennenochka@mail.ru

КИНОДИСКУРС КАК РЕСУРС ДЛЯ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВАРЯ

© Наталья Новоспасская, Аида Хаддад

FILM DISCOURSE: A RESOURCE FOR CREATING A DIALECT DICTIONARY

Natalia Novospasskaya, Aida Haddad

The Arabic language is a linguistic phenomenon marked by its various dialectal forms coexisting with a unified literary form, which calls for innovative lexicographic and sourcing approaches. Aiming to create a new type of dictionary, we examine the film text of Syrian series as a source of dialectal vocabulary, recorded in the speech of the characters. The recording of dialectal lexical units in the film text occurs, among other things, in the form of subtitles with equivalents in literary Arabic provided by the film makers. The research material consists of historical series in the Syrian dialect; the methodology involves a comprehensive sampling of lexical and paremical units followed by comparative, semantic, componential, etymological and linguocultural analysis. The novelty of the research lies in the proposed methodology for using film discourse as a source of dialectal vocabulary in the Arabic language, with subsequent processing of the lexical material: 1) distinguishing between dialectal and literary words; 2) creating phonetic, grammatical and etymological commentary; 3) interpreting; and 4) giving illustrations based on the materials from the series; analyzing paremical units. An additional block of the dictionary entry may include equivalents of the headword from other Arabic dialects (lexical network) with possible indications of their connection to the literary source.

Keywords: film discourse, film text, Arabic dialects, dialect dictionary, lexical network

Лингвистический феномен арабского языка, представляющий собой его существование во множестве диалектных форм наряду с общей литературной формой, предполагает поиск новых лексикографических и источниковых решений. В статье рассматривается кинотекст сирийских сериалов как источник диалектной лексики, зафиксированной в экранной речи героев, для словаря нового типа. Фиксация диалектной лексической единицы в кинотексте происходит том числе в форме субтитров с предложенными авторами текста фильма эквивалентами на литературном арабском языке. Материал исследования – исторические сериалы на сирийском диалекте; методика исследования – сплошная выборка лексических и паремических единиц с последующим сопоставительным, семантическим, компонентным, этимологическим и лингвокультурным анализом. Новизна исследования заключается в предложенной методике использования кинотекста как источника диалектной лексики арабского языка с последующей обработкой лексического материала: 1) разграничение диалектного и литературного слова; 2) создание фонетического, грамматического и этимологического комментария; 3) толкования и 4) иллюстрации материалами сериала; анализ паремических единиц. Отдельным блоком словарной статьи может быть ряд эквивалентов заглавного слова из других диалектов арабского языка (лексическая сеть) с возможным указанием их связи с литературным источником.

Ключевые слова: кинодискурс, кинотекст, диалекты арабского языка, диалектный словарь, лексическая сеть

Для цитирования: Новоспасская Н., Хаддад А. Кинодискурс как ресурс для диалектного словаря // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 139–145. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-139-145

Introduction

The existence of two forms of language (literary and spoken (dialectal)) is a relevant issue in contemporary Arabic linguistics. Arabic lexicographic practice has a long and rich history, with its primary task

being the study and description of the vocabulary of literary Arabic to preserve and strengthen its position in light of the spoken variants used in everyday life [1–3].

Film discourse is a type of discourse that possesses a multimodal nature, incorporating verbal, non-verbal, audiovisual, and other significant extralinguistic components (format, plan, staging, lighting, etc.), their synthesis forming the semantics of the film. At the current stage, the principles of analyzing film discourse have been developed based on M. Halliday's systemic functional linguistics [4, p. 940]. Current research trends in film discourse analysis include: an examination of the communication among participants in film discourse [5; 6]; an analysis of genre-specific features in film discourse [7; 8]; intertextuality and its realization in film text [9; 10]; an interaction of components in the multimodal text of film discourse [11]; and a reflection of linguocultural traits in polycode and polymodal texts [12–14].

Linguists pay special attention to the verbal component of the multimodal text of film discourse in such aspects as: expressive means, particularly metaphor and its implementation [15]; translation of film text [16; 17]; and linguistic creativity in film discourse [18–22].

The verbal component of film discourse includes vocabulary of various types [23–25], including dialectal, and can therefore be regarded as a valuable resource for creating a dialect dictionary, providing a wide range of lexical units, cultural contexts, and examples of dialect usage. There is a need to develop a multimedia dictionary that allows for the study of the literary language and its dialects in the context of cross-cultural education, as traditional textual resources do not convey pronunciation variants or the specific usage of words in different contexts. This addresses both linguistic and extralinguistic needs, ensuring convenient access to information and enhancing the quality of research in the field of linguistics. Incorporating audiovisual materials and interactive elements will enhance the dictionary's accessibility for users, promoting a more in-depth exploration of dialects and their characteristics.

In the context of insufficient empirical data and the inability to conduct field research, film discourse represents an accessible source of vocabulary, paremias, and cultural contexts that can be used to create a multimedia dialect dictionary. Films and series, reflecting linguistic features and sociocultural contexts, can serve as material for studying and describing dialects.

The relevance of using film discourse as a resource for linguistic and extralinguistic material in the context of Arabic dialects stems from the fact that most dialectal lexical units remain unlexicographed and undocumented. The filmmakers' desire to portray events realistically leads to the use of dialectal variations in the characters' speech

(with some exceptions for certain historical films and series). Film discourse encompasses a wide array of specific words and expressions that can vary based on regional characteristics. The vocabulary, used by characters in films, illustrates dialect features such as phonetic variations, grammatical constructions, etc. This documentation of speech and context in the form of reproducible copies allows for easy access to necessary material and facilitates relevant pragmatic analysis. In the long run, this approach will enable comparative analyses of two or more dialects. The comprehensive nature of vocabulary representation is motivated by the idea that "national and cultural concepts are examined in relation to extralinguistic reality, as the more information available about a phenomenon, the broader the semantic fullness of the word that names that phenomenon" [26].

Material and Methods

The material for this work consisted of 240 lexemes and 100 phraseological units, which were selected through a comprehensive sampling method from well-known Syrian series: ¹باب الحارة (Bab al-Hara) "The Neighbourhood's Gate"; ²الفصول الاربعة "The Four Seasons"; ³أرضنا "A Lost Village"

The choice of these series is linked to their popularity, with over 50 million viewers across the Arab world. The series "The Gates of the Neighborhood" illustrates life during the period when Syria was a French colony, highlighting the local population's struggle for independence, which helps identify the borrowed vocabulary from that time. "The Four Seasons" depicts a more modern life for the residents of Syria, addressing the issue of generation gap through the example of a typical Damascene family consisting of three generations, which is reflected in the characters' speech. The third series is a comedy based on the existence of a village untouched by modern technology. The creators express their views on technology and communication and the extent of their influence, as well as their absence impact on people. A distinctive feature of this series is the dialect spoken by the characters, as the actors use the dialect of Latakia residents and incorporate vocabulary that is part of the active lexicon throughout the region. Additionally, the series provides subtitles that offer equivalents of dialectal expressions in literary Arabic.

¹ Country of production: Syria, 13 seasons, 434 episodes, director: Bassam Al-Mulla, 2006–2023.

² Country of production: Syria, 2 seasons, 35 episodes, director: Hatem Ali, 1999, 2002.

³ Country of production: Syria, 2 seasons, 57 episodes, director: Hajo Al-Alais, 2008, 2010.

Using the comprehensive sampling method, we obtained a collection of dialectal vocabulary of two types: 1) a lexical unit used in the character's speech, indicated in the subtitles and accompanied by its literary equivalent, also noted in the subtitles; 2) a lexical unit used in the character's speech, identified by a native speaker of the dialect as a separate lexical unit or as part of a paremial expression. Subsequently, etymological, semantic, and grammatical analyses were conducted using Arabic language and dialect dictionaries. The establishment of semantic and grammatical meanings for the selected dialectal units was verified through the context extracted from film discourse, allowing for a more precise interpretation of dialectal words.

Study and Results

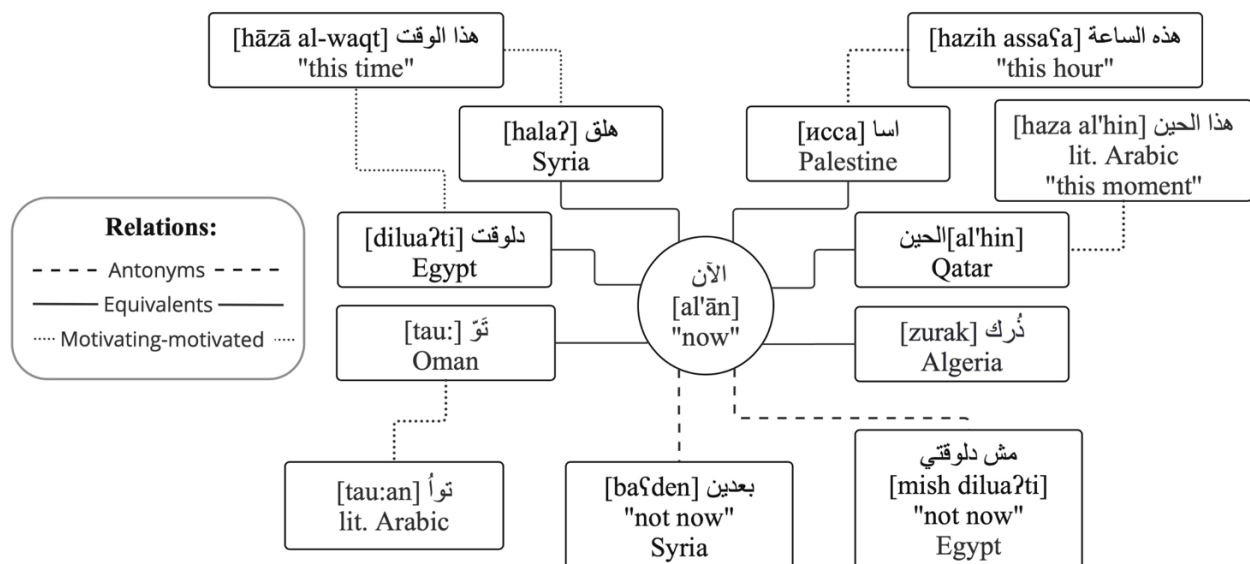
1) The comparison between the vocabulary in spoken and literary variants is an essential aspect in revealing their interconnection and determining the

role of each within the Arabic language continuum. Dialects have developed, in part, based on the literary language, but even the overlapping vocabulary undergoes significant changes at the phonetic level, as each dialect has a phonetic system that differs from that of the literary language [3].

2) Film discourse is one of the tools for documenting dialectal vocabulary: unlike literary lexical units, dialectal words remain at the level of oral tradition and are not codified; in film, they receive documentation. This creates an opportunity for further analysis of words and the study of the dialect as a whole.

3) Researching how the same words or expressions are used in different regions allows for the identification of lexical and grammatical differences and similarities, the establishment of synonymous and antonymous series, as well as the combinability of lexemes (Figure 1), presenting them as a lexical network.

Figure 1. Example Lexical Network for the Lexeme *now*

In this lexical network, three types of relations are indicated:

- Equivalents (solid line);
- Dialectal antonyms (dashed line);
- Motivating-motivated word relationships (dotted line).

At the center is the literary lexeme "now" – الآن [al'ān]; the equivalents of this word in various Arabic dialects are listed, along with their motivating lexical units when available. It can be noted that the Egyptian word دلوقت [dilwa'ti] and the Syrian هلق [halaʔ] were motivated by the literary phrase هذا الوقت [hāzā al-waqt].

Such an organization of material within the dictionary will help systematize and structure information about words, facilitating the understanding of

lexical relationships; it will simplify the search for information related to semantically connected lexemes across different dialects and within a single dialect; it allows for the analysis of the semantics of lexical units; and it enables the creation of language models for automatic text analysis, natural language processing, and the development of lexical resources. If the user is a student studying the Arabic language and/or its dialects, this approach will aid in forming associative connections and organizing the learning process.

Creating a complete lexical network is complicated by the presence of numerous dialects and their complex, multilayered relationships; however, it allows for the reconstruction of the foundation. Moreover, its modular structure provides the ability to add

new nodes and connections, updating data with corresponding language changes.

In constructing the lexical network and organizing the dictionary, we encountered several difficulties related to establishing the etymology of dialectal words. One of the main issues is the lack of a systematic approach to studying the etymology of Arabic dialects. The question of compiling an etymological dictionary of the Arabic language has not been raised for a long time, resulting in insufficient scientific research in this field [27].

In analyzing the linguistic material, we found that the lexical composition of the dialects is characterized by the borrowing of a large number of words from other languages, the formation of new lexical units based on Arabic roots, and the development of new meanings for existing words. The lexical richness of Arabic dialects is largely associated with the following three processes:

1. Forming new lexical units based on Arabic roots.

Dialects, being more flexible and dynamic compared to the codified literary language, actively produce new words based on existing ones: *لكرمالك* [kermalak] means “for you” (lit. *لكرامك*).

2. Borrowing words from other languages.

Arabic dialects have historically and geographically interacted with other languages, such as Aramaic, Turkish, Persian, English, French, etc. Such linguistic contact leads to the penetration of a significant number of borrowings into the dialects, reflecting new realities, concepts, and phenomena: *درابزين* [darabzīn] “railing” (Turkish: *tirabzan* “railing”).

3. Developing new meanings for existing literary words.

In the dialects, words often undergo semantic transformations, leading to the emergence of new meanings: *شمسية* [shamsiya] “umbrella” (lit. adjective “sunny”).

An important indicator of dichotomy is the presence in dialects of roots unknown to the literary language [1]. When considering the Syrian dialectal word *عجقة* [‘ajqa] ‘crowd’ and its literary variant *ازدحام* [izdihām], the following features of the dialectal variant can be highlighted:

1. Phonetic level: An unusual combination of the sounds [j] and glottal [q] is found, which is not typical of the literary language [28].

2. Morphological level: The dialectal base shows truncation of the paradigm of word forms: the plural form disappears and case endings are lost.

3. The dialectal unit becomes part of a paremial expression: *عمل عجقة* [‘amal ‘ajqa] ‘to create a fuss,’ where the dialectal word is the main term, while the dependent part can vary and be replaced with synonyms: *ساوى عجقة* [sāwa ‘ajqa] “to

fuss (he)”, *لا تعجقنا* [lā ta‘jaqna] “do not make us fuss”.

At the same time, the literary word *crowd* has not fallen out of use among Arabic speakers, as the lexemes are not complete synonyms: *ازدحام* [izdihām] denotes a gathering (of people, vehicles, etc.), while the dialectal lexeme *عجقة* [‘ajqa] signifies a gathering of people and, consequently, chaos. However, the literary lexeme has undergone phonetic changes due to the method of analogy: It was transformed according to the grammatical word formation model *فعل* [fi‘la] – *زحمة* [zahma].

Thus, the lexical composition of the dialects is characterized by high dynamics and heterogeneity. A comprehensive approach to the analysis, taking into account phonetics, morphology, semantics, geographical and historical factors, allows for the most accurate establishment of the etymological origins of dialectal words in the Arabic language.

Conclusion

The research has demonstrated the potential value of film text as a lexical resource of dialect vocabulary. The vocabulary of dialects is characterized by high dynamics and heterogeneity. A comprehensive approach to the analysis, taking into account phonetics, morphology, semantics, areal and historical factors, allows for the most accurate establishment of the etymological origins of dialect words in the Arabic language.

The publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No 124022500238–1 “Multilingual terminological dictionary model”.

Публикация выполнена в рамках грантовой поддержки научных проектов РУДН 124022500238–1 «Модель мультязычного терминологического словаря».

References

1. Belkin, V. M. (1975). *Arabskaya leksikologiya* [Arabic Lexicology]. 200 p. Moscow. (In Russian)
2. Khanafeyeva, A. M. (2008). *Arabskaya yazykovedcheskaya traditsiya* [Arabic Linguistic Tradition]. Vestnik Chelyabinskogo gos. universiteta. T. 9, pp. 157–163. (In Russian)
3. Mohammed, A. F. (2018). *Language and Culture: Contexts in British English and Iraqi Arabic*. Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. T. 9. No. 3, pp. 761–773. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-761-773. (In English)
4. Pokrovskaya, N. V. (2022). *Issledovanie kinodiskursa v zarubezhnoi lingvistike nachala XXI veka* [Film Discourse Study in Foreign Linguistics at the Beginning of the 21st Century]. Filologicheskie nauki.

Voprosy teorii i praktiki. T. 15. No. 3, pp. 936–941. DOI: 10.30853/Phil20220149 (In Russian)

5. Zaretskaya, A. N. (2011). *Osobennosti kommunikatsii adresata i adresanta kinodiskursa* [Features of Communication between the Addressee and the Addresser of Film Discourse]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie. T. 33, pp. 152–154. (In Russian)

6. Krasikova, E. A. (2023). *Frazeologizmy v kinodiskurse: formuly privetstviya i proshchaniya (na materiale kitaiskogo yazyka)* [Phraseological Units in Cinematic Discourse: Greeting and Parting Formulas (Based on Chinese)]. Vestnik Moskovskogo gos. lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. T. 7. No. 875, pp. 55–61. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_7_875_55. (In Russian)

7. Komalova, L. R., Kopylova, E. A. (2021). *Pertseptivnyi obraz konfliktnoi situatsii v tragediinom i komediinom kinodiskurse* [Perceptual Image of Conflict Situation in Tragedy and Comedy Cinematic Discourse]. Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty. T. 4. No. 48, pp. 64–89. DOI: 10.31249/chel/2021.04.05_ (In Russian)

8. Khemka, A. K., Voloshina, S. V. (2022). *Realizatsiya vozdeistviyushchei funktsii rechevogo zhanra kinoanonsa (na primere kinoanonsov k indijskim fil'mam)* [Implementation of Influencing Function of the Speech Genre of Movie Previews (Study Case of Indian Movie Previews)]. Kommunikativnye issledovaniya. T. 9. No. 1, pp. 77–90. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(1).77-90. (In Russian)

9. Dobrovolsky, V. Yu. (2018). *Ponyatie intertekstual'nosti v kinematografe (na primere fil'mov Larsa fon Triera)* [The Concept of Intertextuality in Cinema (through the Example of Films by Lars von Trier)]. Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. T. 8–2. No. 41, pp. 250–258. (In Russian)

10. Anisimov, V. E., Anisimova, E. D. (2024). *Lokalizatsiya frantsuzskikh lingvokul'turnykh kontseptov v angloyazychnom kinodiskurse skvoz' prizmu intertekstual'nosti* [Localization of the French Linguoculture Concepts in the English-Language Film Discourse through the Intertextuality]. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. V. 15. No. 2, pp. 499–519. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-499-519. (In Russian)

11. Evgrafova, Y. A. (2022). *Gipotipozis v geterogennykh ekrannykh tekstakh na primere ASMR-video* [Hypotyposis in Heterogeneous Screen Texts: Case Study of ASMR-Videos]. Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. T. 13. No. 2, pp. 353–363. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-353-363. (In Russian)

12. Novospasskaya, N. V., Haddad, A., Kolmykova, Ya. (2023). *Kul'turno-spetsificheskie cherty sotsial'noi ekologicheskoi reklamy na arabskom i kazakhskom yazykakh* [The Cultural Aspects of Ecological Non-Commercial Advertisements in Arabic and Kazakh]. Filologiya: nauchnye issledovaniya. No. 6, pp. 9–25. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.6.40833. (In Russian)

13. Korovina, S. G., Shabel'skaya, N. K. (2023). *Kinotekst kak produkt neskol'kikh kul'tur: problema*

perenosa kul'turnykh kontseptov (na materiale kinofil'mov o Mulan') [Filmtext as a Product of Several Cultures: The Problem of Transferring Cultural Concepts (based on Films about Mulan)]. Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. T. 20. No. 1, pp. 135–145. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-135-145. (In Russian)

14. Dugalich, N. M., Shavtikova, A. T., Izildin, O. (2023). *Strategies for Creating the Image of a Politician in an Arabic Polycode Text of the Series "اغتياار"*. Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. T. 14. No. 3, pp. 946–959. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-946-959. (In English)

15. Mikhailova, O. R., Komalova, L. R. (2023). *Audiovizual'nye sredstva podderzhaniya metafor v kinodiskurse* [Audiovisual Means Constructing Metaphor in Cinematic Discourse]. Etnopsykholinguistika. T. 2. No. 13, pp. 37–51. DOI: 10.31249/epl/2023.02.03. (In Russian)

16. Nazmutdinova, S. S. (2007). *Puti dostizheniya garmonichnogo perevoda v kinodiskurse* [Ways to Achieve Harmonious Translation in Film Discourse]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 22, pp. 90–94. (In Russian)

17. Aleksandrova, O. I. (2019). *Semanticheskaya transformatsiya nazvanii kinofil'mov, perevedennykh na russkii yazyk* [Semantic Transformation of Film Titles, Translated to Russian]. Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. T. 10. No. 4, pp. 810–827. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-810-827. (In Russian)

18. Zyкова, I. V. (2020). *Metodologicheskie vektory izucheniya lingvisticheskoi kreativnosti v kinodiskurse* [Methodological Perspectives of Studying Linguistic Creativity in the Cinematic Discourse]. Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativna. T. 2, pp. 23–36. DOI: 10.26170/ufv20-02-02. (In Russian)

19. Zyкова, I. V., Krasikova, E. A. (2024). *Emotivnaya leksika v kinodiskurse s pozitsii lingvokreativnosti (na materiale fil'mov na angliiskom, russkom i kitaiskom yazykakh)* [Emotive Units in the Cinematic Discourse from the Position of Linguistic Creativity (The Case Study of Films in English, Russian and Chinese)]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura. T. 21. No. 1, pp. 182–207. DOI: 10.21638/spbu09.2024.110. (In Russian)

20. Krasina, E. A., Rybinok, E. S., Mochtar, A. (2020). *Film Naming: Book Titles and Film Titles*. Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. T. 11. No. 2, pp. 330–340. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-330-340. (In English)

21. Biryukova, P. S. (2021). *Otsenochnyi komponent angloyazychnykh neologizmov v kinodiskurse i ego manipulyativnyi potentsial* [Evaluative Component of English Neologisms in Cinematic Discourse and Its Manipulative Potential]. Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. No. 3, pp. 131–139. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.3.18. (In Russian)

22. Pankratova, S. A. (2023). *Invektivnaya leksika v zarubezhnom kinodiskurse poslednei dekady* [Invective

Lexicon in the Foreign Film Discourse of the Last Decade]. *Sibskript*. T. 25. No. 1 (95), pp. 66–74. DOI: 10.21603/sibskript-2023-25-1-66-74. (In Russian)

23. Kislytsyna, N. N., Sluzhbina, A. G. (2019). *Lingvokognitivnye osobennosti kinodiskursa (na materiale angloyazychnykh dialogov podrostkov)* [Linguocognitive Features of Film Discourse Based on Teenagers' English-Language Dialogues]. *Sibskript*. T. 21. No. 2 (78), pp. 513–520. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-2-513-520. (In Russian)

24. Krasina, E. A., Rybinok, E. S. (2023). *Parametry tekstual'nosti i znakovye kharakteristiki triady "tekst-khudozhestvennyi tekst-kinotekst"* [Parameters of Textuality and Symbolic Characteristics of the Triad "Text-Fiction Text-Film Text"]. *Uchenye zapiski UO VGU im. P. M. Masherovala*. No. 38, pp. 159–163. (In Russian)

25. Novospasskaya, N. V., Khaddad, A. (2024). *Kinodiskurs kak resurs dlya sozdaniya mul'timediinogo slovary siriiskogo dialekta arabskogo yazyka* [Film Discourse as a Resource for Creating a Multimedia Dictionary of the Syriac Dialect of Arabic]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki inostrannogo yazyka delovogo i professional'nogo obshcheniya: Sb. materialov XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 17–18 aprelya 2024 goda*. Moscow, RUDN, pp. 329–331. (In Russian)

26. Zamaletdinov, R., Nurmukhametova, R. (2024). *Leksikografirovanie etnokul'turnoi leksiki tatarskogo yazyka* [Lexicography of the Tatar Language Ethnocultural Vocabulary]. *Philology and Culture*. T. 2. No. 76, pp. 24–29. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-24-29. (In Russian)

27. El'sabruti, R. R. (2010). *Problemy arabskoi leksikologii* [Problems of Arabic Lexicology]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki*. T. 152. No. 6, pp. 170–179. (In Russian)

28. الجوالقي م. ال عرب من ال الم العجمي على حروف ال معجم. ١٩٩٠. *Al-Jawaliqi M. al-'Arab min al-ma' al-'ajami 'ala haruf al-ma' al-'ajami*. Dzhavaliki, M. (1990). *Zaimstvovaniya v arabskii yazyk po pravilam slovary* [Borrowings into Arabic According to the Dictionary Rules]. Damask, Dar al'-Kalyam. (In Arabic)

Список источников

- Белкин В. М. Арабская лексикология. М., 1975. 200 с.
- Ханафеева А. М. Арабская языковедческая традиция // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 9. С. 157–163.
- Mohammed A. F. Language and Culture: Contexts in British English and Iraqi Arabic // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 3. С. 761–773. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-761-773
- Покровская Н. В. Исследование кинодискурса в зарубежной лингвистике начала XXI века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 3. С. 936–941. DOI: 10.30853/phil20220149
- Зарецкая А. Н. Особенности коммуникации адресата и адресанта кинодискурса // Вестник Челя-

бинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2011. № 33. С. 152–154.

6. Красикова Е. А. Фразеологизмы в кинодискурсе: формулы приветствия и прощания (на материале китайского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Т. 7. № 875. С. 55–61. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_7_875_55

7. Комалова Л. Р., Копылова Е. А. Перцептивный образ конфликтной ситуации в трагедийном и комедийном кинодискурсе // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2021. Т. 4. № 48. С. 64–89. DOI: 10.31249/chel/2021.04.05

8. Кхемка А. К., Волошина С. В. Реализация воздействующей функции речевого жанра киноанонса (на примере киноанонсов к индийским фильмам) // Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9. № 1. С. 77–90. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(1).77-90

9. Добровольский В. Ю. Понятие интертекстуальности в кинематографе (на примере фильмов Ларса фон Триера) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2018. Т. 8–2. № 41. С. 250–258.

10. Анисимов В. Е., Анисимова Е. Д. Локализация французских лингвокультурных концептов в англоязычном кинодискурсе сквозь призму интертекстуальности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 2. С. 499–519. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-499-519

11. Евграфова Ю. А. Гипотипозис в гетерогенных экранных текстах на примере АСМР-видео // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 353–363. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-353-363

12. Новоспасская Н. В., Хаддад А., Колмыкова Я. Культурно-специфические черты социальной экологической рекламы на арабском и казахском языках // Филология: научные исследования. 2023. № 6. С. 9–25. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.6.40833

13. Коровина С. Г., Шабельская Н. К. Кинотекст как продукт нескольких культур: проблема переноса культурных концептов (на материале кинофильмов о Мулань) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 1. С. 135–145. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-1-135-145>

14. Dugalich N. M., Shavtikova A. T., Izildin O. Strategies for Creating the Image of a Politician in an Arabic Polycode Text of the Series “اخي يا ر” // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 946–959. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-946-959>

15. Михайлова О. Р., Комалова Л. Р. Аудиовизуальные средства поддержания метафоры в кинодискурсе // Этнопсихоллингвистика. 2023. Т. 2. № 13. С. 37–51. DOI: 10.31249/epl/2023.02.03

16. Назмутдинова С. С. Пути достижения гармоничного перевода в кинодискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 22. С. 90–94.

17. Александрова О. И. Семантическая трансформация названий кинофильмов, переведенных на русский язык // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 4. С. 810–827. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-810-827
18. Зыкова И. В. Методологические векторы изучения лингвистической креативности в кинодискурсе // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2020. № 2. С. 23–36. DOI: 10.26170/ufv20-02-02
19. Зыкова И. В., Красикова Е. А. Эмотивная лексика в кинодискурсе с позиции лингвокреативности (на материале фильмов на английском, русском и китайском языках) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. № 21 (1). С. 182–207. DOI: 10.21638/spbu09.2024.110
20. Krasina E. A., Rybinok E. S., Mostar A. Film Naming: Book Titles and Film Titles // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 330–340. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-330-340
21. Бирюкова П. С. Оценочный компонент англоязычных неологизмов в кинодискурсе и его манипулятивный потенциал // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 3. С. 131–139. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.3.18
22. Панкратова С. А. Инвективная лексика в зарубежном кинодискурсе последней декады // СибСкрипт. 2023. Т. 25. №1 (95). С. 66–74. DOI: 10.21603/sibscript-2023-25-1-66-74
23. Кислицына Н. Н., Службина А. Г. Лингвокогнитивные особенности кинодискурса (на материале англоязычных диалогов подростков) // СибСкрипт. 2019. Т. 21. № 2 (78). С. 513–520. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-2-513-520
24. Рыбинок Е. С., Красина Е. А. Параметры текстуальности и знаковые характеристики триады «текст-художественный текст-кинотекст» // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. 2023. № 38. С. 159–163.
25. Новоспасская Н. В., Хаддад А. Кинодискурс как ресурс для создания мультимедийного словаря сирийского диалекта арабского языка // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения: Сб. материалов XI Международной научно-практической конференции, Москва, 17–18 апреля 2024 года. М.: РУДН, 2024. С. 329–331.
26. Замалетдинов Р., Нурмухаметова Р. Лексикографирование этнокультурной лексики татарского языка // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. Т. 2. № 76. С. 24–29. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-24-29
27. Эльсабрути Р. Р. Проблемы арабской лексикологии // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 6. С. 170–179.
28. الجواليقي م. الـمـعـرـب مـن الـم الـعـجـمـي عـلـى حـرـوـف الـمـعـجـم. ١٩٩٠. دمشق. [Аль-Джавалики М. Заимствования в арабский язык по правилам словаря. Дамаск: Дар аль-Калям, 1990].

The article was submitted on 06.09.2024

Поступила в редакцию 06.09.2024

Новоспасская Наталья Викторовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,
117198, Россия, Москва,
Миклухо-Маклая, 6.
novospasskaya_nv@pfur.ru

Хаддад Аида Джихадовна,
аспирант,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,
117198, Россия, Москва,
Миклухо-Маклая, 6.
khaddad_a@pfur.ru

Novospasskaya Natalia Viktorovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
RUDN University,

6 Miklukho-Maklay Str.,
Moscow, 117198, Russian Federation.
novospasskaya_nv@pfur.ru

Haddad Aida Dzhikhadovna,
graduate student,
RUDN University,

6 Miklukho-Maklay Str.,
Moscow, 117198, Russian Federation.
khaddad_a@pfur.ru

УДК 81'22

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-146-153

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В БОЛЬШИХ ОБЪЕМАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ: СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА

© Мария Пильгун, Ирина Ерофеева

MANIPULATIVE TECHNOLOGIES IN A LARGE AMOUNT OF LINGUISTIC DATA: SOCIAL MEDIA

Maria Pilgun, Irina Erofeeva

The article presents the results of our study on manipulative techniques based on a large amount of linguistic data from social media and focused on the implementation of a major urban development project in the field of road transport construction in Moscow. The research was conducted using data from social networks, video hosting platforms, microblogs, blogs, forums and review websites (3,358,590 tokens, the audience of 17,688,221). Created during the study, the database contains user-generated content and their digital footprints reflecting user reactions. The data analysis was conducted from a cognitive perspective, employing a neural network text analysis, content analysis, sentiment analysis, digital aggression analysis and lexical association analysis. The Brand Analytics monitoring system was used for data collection, while GPT-4o, GPT-4o mini, GPT-4, TextAnalyst 2.32 and AutoMap were used for the data analysis and interpretation, with the Tableau platform used for visual analytics. The analysis of the data revealed mythological manipulation, speech and psychotechnologies. When manipulative techniques are employed in the media space, rhetorical tropes and figures, sophisms and eristic tricks are actively used. The adaptation of these techniques to the specifics of digital communication allows for indirect influence on the audience, significantly increasing the effectiveness of the impact, which can, in turn, lead to heightened conflict potential and social tension.

Keywords: manipulative technologies, media landscape, social media, influence, large volumes of linguistic data, speech perception

В статье представлены результаты исследования манипулятивных приемов на материале больших объемов лингвистических данных социальных медиа, посвященных реализации крупного градостроительного проекта в сфере дорожно-транспортного строительства в г. Москве. Исследование проводилось на материале данных социальных сетей, видеохостингов, микроблогов, блогов, форумов и сайтов отзывов (3 358 590 токенов, аудитория 17 688 221). В ходе исследования была сформирована база данных, содержащая контент, генерированный пользователями, и их цифровые следы, отражающие реакцию пользователей. Анализ данных проводился в когнитивном аспекте, использовались нейросетевой текстовый анализ, контент-анализ, сентимент-анализ, анализ цифровой агрессии и лексических ассоциаций. В качестве инструментария для сбора данных применялась мониторинговая система Brand Analytics, для анализа и интерпретации данных использовались GPT-4o, GPT-4o mini, GPT-4, TextAnalyst 2.32, AutoMap, для визуальной аналитики – платформа Tableau. Анализ данных позволил выделить мифологическое манипулирование, речевые и психотехнологии. При использовании манипулятивных приемов в медиапространстве активно применяются риторические тропы и фигуры, софизмы, эристические уловки. Адаптации последних к специфике цифровых коммуникаций позволяет оказывать влияние на аудиторию косвенными способами, значительно повышая эффективность воздействия, что, соответственно, может привести к усилению конфликтности и социальной напряженности.

Ключевые слова: манипулятивные технологии, медиапространство, социальные сети, большие объемы лингвистических данных, восприятие речи

Для цитирования: Пильгун М., Ерофеева И. Манипулятивные технологии в больших объемах лингвистических данных: социальные медиа // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 146–153. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-146-153

Введение

Использование манипулятивных технологий имеет огромные последствия для общества, поэтому закономерно, что анализ манипуляций и процедуры противодействия представлены в различных научных парадигмах.

Зарождение и развитие систем манипулятивных приемов следует связывать с риторической практикой софистов. В ходе развития в одном из разделов классической риторики *элокуции* были определены специфические словесные приемы, призванные усилить изобразительность и выразительность речи и сделать публичную речь убедительной за счет самой речевой формы, была разработана система речевых фигур и тропов, которая позволяла оказывать не прямое воздействие на аудиторию. Позднее классические риторические традиции были успешно адаптированы к практикам эффективной коммуникации, в сфере рекламы, связей с общественностью, делового общения и пр. и стали активно использоваться в сетевой среде [1], [2]. В основе многих манипулятивных приемов и тактик, которые активно применяются в современном медиaprостранстве, широко распространены риторические тропы и фигуры, софизмы, эристические уловки.

В политологической практике манипуляция рассматривается, как правило, в рамках применения политических технологий в связи с изучением «массового общества» и «массового сознания» и интерпретируется как целенаправленное воздействие для достижения конкретного результата [3]. При продвижении политических идей с помощью манипуляций осуществляется принудительное оперирование информацией и формируются «мишени» воздействия [4]. В информационном сопровождении политических процессов особое значение получает кодирование, которое определяется как «акт придания формы и соблюдения формальностей» [5, с. 212]. Описание манипулятивных технологий, базирующихся на целенаправленном, тайном искажении информации для достижения определенных результатов, представлено в [6]. Рекомендации для борьбы с информационным манипулированием во время выборов содержатся в многочисленных работах, в частности в [7].

Особое внимание закономерно уделяется анализу манипулятивных практик в медиaprостранстве в связи с увеличением количества ложных сообщений в сетях. Рост социальных платформ значительно расширил число участников в ранее строго регламентированном секторе СМИ, способствуя распространению ложных новостей и угрожая социальной безопасности. Учеными разработан механизм прогнозирования

влияния сообщений со ссылкой на фейковые новости на социальные платформы [8], описаны инструменты создания и распространения дезинформации, используемые в социальных сетях [9], особенности трансмедийной экосистемы как инновационного инструмента, способствующего повышению медиаграмотности [10] и др.

Появление и стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) вызвали обоснованные опасения насчет возможности использования потенциала ИИ в сфере манипулирования общественным мнением, которые, в частности, находят отражение в бурных дебатах об этике ИИ [11] и его применении в различных сферах [12]. Количество научных публикаций в указанной сфере свидетельствует о росте озабоченности негативными последствиями для общества развития ИИ [13].

Таким образом, выявление и анализ манипулятивных тактик в больших объемах лингвистических данных социальных медиа, особенно разработка рекомендаций и алгоритмов противодействия манипулятивному воздействию, становятся все более актуальными. Когнитивный подход, который позволяет использовать синергию нескольких научных парадигм, представляется наиболее релевантным для исследования манипулятивных технологий в медиасреде.

Цель исследования – выделить и проанализировать манипулятивные технологии на материале больших объемов лингвистических данных социальных медиа, посвященных реализации крупного градостроительного проекта в сфере дорожно-транспортного строительства в г. Москве.

Метод: для анализа и интерпретации лингвистических данных использовался когнитивный подход, в частности, нейросетевой текстовый анализ, контент-анализ, сентимент-анализ, анализ цифровой агрессии и лексических ассоциаций (подробнее см. в [14]).

Инструментарий:

- Brand Analytics – использовалась для сбора данных.
- GPT-4o, GPT-4o mini, GPT-4, TextAnalyst 2.3., AutoMap – применялись для анализа и интерпретации данных.
- Tableau – для визуальной аналитики.

Данные

В ходе исследования была сформирована база данных, содержащая контент, генерированный пользователями (устная речь и письменные форматы), и их цифровые следы в социальных сетях, микроблогах, блогах, на видеохостингах, форумах и сайтах отзывов, отражающие реакцию

пользователей на реализацию крупного дорожно-транспортного проекта в мегаполисе. Количественные характеристики данных: аудитория – 17 688 221; вовлеченность – 16 006; токены – 3 358 590; лояльность – 0,9. Дата сбора материала: 01.08.2019 00:00 – 30.09.2019.19 23:59.

Результаты

Характеристика контента

Релевантный контент генерировался преимущественно в социальных сетях, а также на видеохостингах и в микроблогах (Рис. 1).

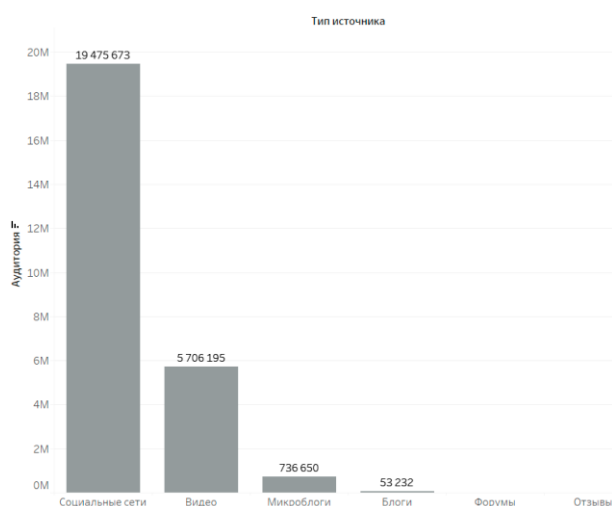

Рис. 1. Типы источников

По количеству аудитории¹ и показателям вовлеченности среди цифровых источников лидирует социальная сеть ВКонтакте, на втором месте – видеохостинг Ютуб.

В базе данных преобладающими типами сообщений оказались комментарии и посты, репосты (с дополнениями и без) составили незначительное количество (Рис. 2).

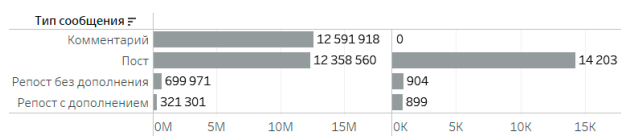

Рис. 2. Типы сообщений

Среди типов акторов, генерировавших релевантный контент, преобладали личные профили. Показательно, что аккаунты СМИ, которые по количественным показателям занимали вторую позицию, демонстрировали наименьшую вовлеченность акторов², что свидетельствует о низкой степени воздействия официальных источников информации на них. Между тем сообщества по-

казывают значительные маркеры вовлеченности, свидетельствуют о высокой степени воздействия на аудиторию (Рис. 3).

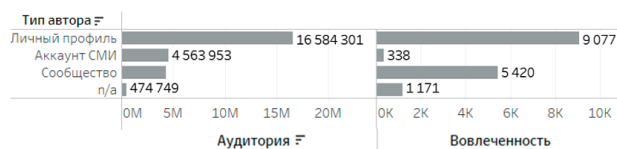

Рис. 3. Аудитория и вовлеченность разных типов акторов

Анализ тональности и цифровой агрессии

Сентимент-анализ сводной базы данных показал преобладание кластера с нейтральной тональностью. Негативный кластер оказался самым малочисленным (Рис. 4).

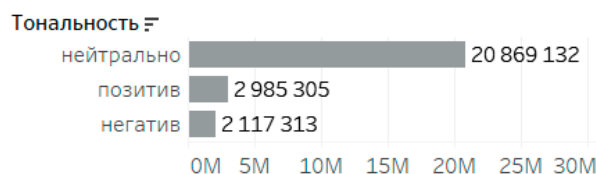

Рис. 4. Тональность базы данных

Анализ цифровой агрессии демонстрирует количественное преимущество контента без агрессии. Однако наличие небольшого кластера с сильной агрессией свидетельствует о присутствии конфликтных сюжетов, которые сопровождают развитие ситуации (Рис. 5).

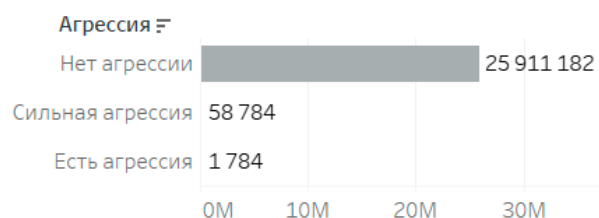

Рис. 5. Цифровая агрессия

Для анализа естественной реакции жителей особую важность имеет изучение цифровых следов. Исследование тональности и цифровой агрессии в цифровых следах акторов подтвердило преобладание нейтрального отношения к реализации проекта (Рис. 6, 7).

¹ Совокупность участников онлайн- коммуникаций

² Активные и пассивные участники онлайн- коммуникаций

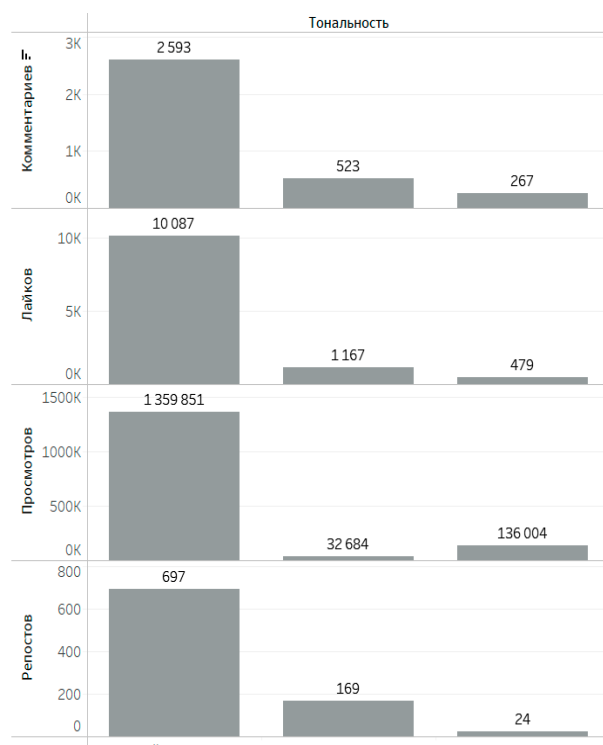

Рис. 6. Тональность цифровых следов

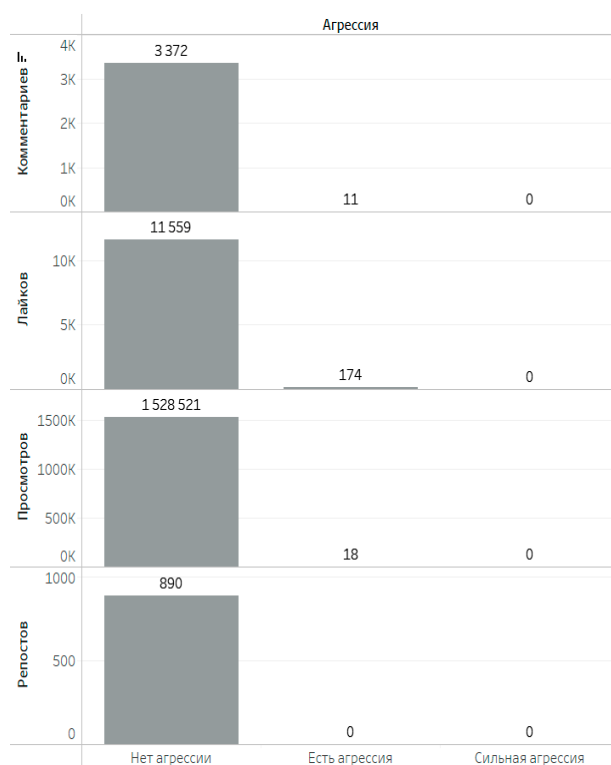

Рис. 7. Агрессия цифровых следов

Семантический анализ

Анализ тематической структуры контента, семантической сети, а также формирование и исследование семантического ядра позволили выделить ключевые темы контента, посвященного реализации проекта.

Положительные аспекты реализации проекта, которые распространяют преимущественно офи-

циальные СМИ, связаны с намерением улучшить транспортную ситуацию в городе.

Негативные оценки строительства объекта связаны со следующими темами, которые вызывают опасения у жителей: реализация проекта несет опасность жизни граждан; строительство повлечет взрыв онкологических заболеваний населения; приведет к повышению радиационного фона в городе; реализация проекта может разрушить люберецкий канализационный коллектор; приведет к экологической катастрофе, под угрозой разрушения окажутся парки и скверы города; будут разрушены памятники архитектуры, которые находятся в непосредственной близости от строительной площадки; возникнет риск роста социальной напряженности среди горожан; а также появится опасность социального взрыва; продолжение строительства значительно снизит уровень жизни местных жителей и ухудшит транспортное сообщение внутри района, в котором будет развернуто строительство.

Анализ манипулятивных технологий

Распространение манипуляций в виртуальном пространстве может быть связано с искусственными информационными волнами, которые являются инструментом манипуляции целевыми аудиториями и способствуют социальному проектированию будущего [15], а также служат элементами информационных войн и конфликтов.

Характер информационной волны, связанной с анализируемым проектом (Рис. 8), свидетельствует о преимущественно естественном характере распространения информации. Это подтверждает аналогичная динамика активности акторов.

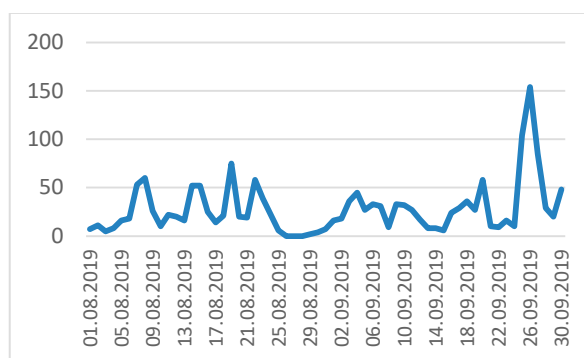

Рис. 8. Информационная волна

Зафиксированные небольшие искусственные информационные волны связаны с освещением хода реализации проекта в официальных медийных источниках.

Следует отметить незначительное количество манипулятивных тактик, использованных в анализируемом контенте, что можно объяснить преобладанием естественных реакций жителей. В

контенте, генерированном пользователями, средства речевого воздействия и манипулятивные тактики применяются для того, чтобы наиболее ярко донести свое несогласие с реализацией проекта. Горожане, которые живут в непосредственной близости к строительным площадкам, испытывают серьезные проблемы, ухудшение уровня жизни, выражают свой протест всеми доступными способами.

1. Мифологическое манипулирование

Мифологическое манипулирование активно используется в политической коммуникации при проведении предвыборных кампаний и пр. Реализация крупных градостроительных проектов закономерно связывается с городскими властями и может использоваться политическими противниками для дискредитации действующего мэра, ослабления его позиций. Кроме того, дорожно-транспортное развитие мегаполиса является чрезвычайно дорогостоящим, и борьба за подряды на строительство, право участия в проектах могут приводить к жесткой конкурентной борьбе бизнес-структур, информационному противостоянию, в которых активно используются манипулятивные технологии.

Мифологическое манипулирование, как правило, представляет собой использование манипулятивных тактик с помощью создания ментально-мифологических конструктов и воздействия на архетипы и метапрограммы. [16], [17], [18].

В анализируемом контенте в негативном кластере представлены мифологические образы [17], [18] «Ловкач», а в позитивном кластере – «Хозяин», которые характеризуют деятельность главы города в связи с реализацией конкретного проекта.

2. Манипулятивные речевые технологии

2.1. Шокирующая информация:

Где гарантии того, что вся эта радиация, которая, возможно, пока её не трогают, особо и не будоражит никого, не попадёт в реку, и от этого не пострадают все остальные районы? [19].

2.2. Противопоставление, использование контраста:

А мы вдыхаем отравленный загаженный воздух (...)! Прежде чистый зелёный двор перед домом превратился в две параллельные дороги под окнами с вырубленными долыса деревьями, а с торца дома ещё и съезд с ново-испеченной СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ хорды к нам во двор сделал. Это не смотря на то, что у нас на пр. Черепановых (САО) в добавок перекрёсток МЦК с грохочущей Октябрьской Жел / дорогой имеется!! [20].

2.3. Остранение³:

Такие ударные темпы строительства новых дорог, скорее всего, наоборот лишь станут причиной для увеличения количества личных автомобилей в пределах Москвы, так как большое количество новых магистралей создаст у горожан иллюзию свободного перемещения по городу на автомобиле [21].

2.4. Юмор:

А ещё мне нравится реклама ЖК Сильвер про экологически чистый район: напротив ЛЭП, Северо-восточной хорды, бетонного завода и северянинского путепровода [22].

2.5. Экспрессивно заряженная лексика:

(...) пробок нет отстаивает только интересы людей на автомобилях, а не мои как пешехода или пользователя ОТ. У них нет пробок, только когда широченное шоссе без наземных переходов и парковки везде. Ну и никаких выделенных полос и велодорожек (...) Северо-восточная хорда значительно ухудшит и мою жизнь (...) [23].

2.6. Повышенная экспрессивная тональность с использованием средств разных типов:

МЫ ЗАДЫХАЕМСЯ ОТ ЯДОВИТОГО МАШИННОГО ВЫХЛОПА И НЕ СПИМ ИЗ-ЗА ШУМА ПОД ОКНАМИ (...)! АУУУУ!!! Спасите нас!!!! (...) Посадите уничтоженный сквер хотя бы между дорогами! Ни одного дерева не посадили, только вырубаете и дорожите свои дороги! [24].

2.7. Гипербола.

2.8. Аналогия.

2.9. Метафора.

3. Манипулятивные психотехнологии

3.1. Альтернативная экспертиза;

3.2. Альтернативный прогноз;

3.3. Непроверенная информация;

3.4. Дезинформация.

3.5. Эффект глорихантера (амер. разг. 'болельщик, поддерживающий команду только в дни её триумфа(ов)').

3.6. Некорректные статистические данные.

Заключение

При использовании манипулятивных приемов в медиапространстве активно применяются риторические тропы и фигуры, софизмы, эристические уловки. Адаптации последних к специфике цифровых коммуникаций позволяет оказывать влияние на аудиторию косвенными способами, значительно повышая эффективность воздействия, что, соответственно, может привес-

³ Литературный приём, введённый В. Б. Шкловским в 1916 году, который заключается в разрушении «автоматизма восприятия».

ти к усилению конфликтогенности и социальной напряженности. Расширение взаимодействия в киберпространстве делает выявление и обнаружение манипулятивных тактик, а также разработку рекомендаций для противодействия манипулятивному воздействию все более важной задачей в современном обществе.

Анализ конкретной коммуникативной ситуации показал, что среди типов акторов, вовлеченных в обсуждение проекта, преобладали личные профили. Аккаунты СМИ, занимающие вторую позицию по количественным показателям, продемонстрировали наименьшую вовлеченность акторов, что свидетельствует о низкой степени воздействия официальных источников информации на пользователей. В то же время онлайн-сообщества показывают значительные маркеры вовлеченности, свидетельствуют о высокой степени воздействия на аудиторию.

Анализ тональности и цифровой агрессии контента в цифровых следах акторов обнаружил преобладание нейтрального отношения жителей к реализации проекта.

Коммуникативная специфика общения в сетевой среде способствует использованию манипулятивных технологий. Количество применяемых манипулятивных тактик зависит от ситуации, возрастает в случае распространения искусственных информационных волн. Манипулятивные методы используются для влияния на общественное мнение, часто вызывая сильные эмоции, преувеличивая или преуменьшая проблемы, создавая ложное чувство консенсуса и пр.

Анализ данных показал преимущественно естественный характер распространения информации, связанной с реализацией проекта. Официальное информационное сопровождение сталкивалось с негативной реакцией городских активистов – противников строительства и жителей районов, которые находились в непосредственной близости к стройке. Отсутствие масштабных искусственных информационных волн объясняет незначительное количество манипулятивных тактик, использованных в анализируемом контенте.

Список источников

1. Дзялошинский И. М., Пильгун М. А. Риторика: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2024. 232 с.
2. Пильгун М. А., Ерофеева И. В. Манипулятивные технологии в медиапространстве: когнитивный аспект // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2-2 (58). С. 598–604.
3. Rudinow T. Manipulation. N.-Y., 1997. 234 p.

4. Каландаров К. Х. Управление общественным сознанием: Роль коммуникативных процессов /; Рос. экол. акад. М.: Гуманитарный центр «Монолит», 1998. 79 с.
5. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
6. Доценко Е. Л. Психология манипуляции. М.: ЧеРо, 1996. 344 с.
7. Arnaudo, D. Bradshaw, S., Ooi, H.H., Schwalbe, K., Zakem, V. and Zink, A. Combating information manipulation: A playbook for elections and beyond. Stanford: Stanford university, 2021. 54 p.
8. Li, P. H., Y.-Y. Huang., Shei, C. Hsieh, H.-P. ExoFIA: Deep Exogenous Assistance in the Prediction of the Influence of Fake News with Social Media Explainability. Applied Sciences 10.3390/app13116782 13:11, 2023. Pp. 6782–6789.
9. Caled D., Silva M. J. Digital media and misinformation: An outlook on multidisciplinary strategies against manipulation. In Journal of computational social science, Vol. 5, 2022. Pp. 123–159.
10. Martin-Neira, J. I., Trillo-Domínguez, M. and Olvera-Lobo, M.D. Science journalism against disinformation: decalogue of good practices in the digital and transmedia environment. Scientific Journal of Communication and Emerging Technologies, 21(1). 2023. Pp. 1699–2407.
11. Stahl B. C., Schroeder D., Rodrigues R. Manipulation; In: Ethics of Artificial Intelligence; Springer Briefs in Research and Innovation Governance. Cham: Palgrave Macmillan, Springer, 2023. Pp. 53–61.
12. Wach, K., Duong, C., Ejdy, J., Kazlauskaitė, R., Korzynski, P., Mazurek, G., Paliszewicz, J. and Ziemba, E. The dark side of generative artificial intelligence: A critical analysis of controversies and risks of ChatGpt. Entrepreneurial Business and Economics Review, 11(2), 2023. Pp. 7–30.
13. Wang, C., Tang F., Zhang Y. et al. Towards harmonized regional style transfer and manipulation for facial images; Comp; Visual Media 9, 2023. Pp. 351–366.
14. Kharlamov A.A., Pilgun M. Perception of the Situation: Social Stress and Well-Being Indices. Lecture Notes in Networks and Systems, 544 LNNS, 2023. Pp. 778–790.
15. Градосельская Г. В., Щеглова Т. Е. Теоретические основы исследования информационных волн в социальных сетях // Управление развитием крупномасштабных систем MLSD'2019. М: ИПУ РАН, 2019. С. 1196–1199.
16. Юнг К. Г. Психология переноса. М.: Медков С. Б., 2020. 134 с.
17. Дзялошинский И.М. Манипулятивные технологии в СМИ: Учебно-методическое пособие. М.: «Гуманитарный институт», 2006. 44 с.
18. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2003. 490 с.
19. ВКонтакте. URL: <https://m.vk.com/> (дата обращения: 10.08.2019)
20. Дзен. URL: <https://m.dzen.ru> (дата обращения: 11.09.2019)
21. ВКонтакте. URL: <https://m.vk.com/> (дата обращения: 15.08.2019)

22. ВКонтакте. URL: <https://m.vk.com/> (дата обращения: 19.09.2019)
23. Дзен. URL: <https://m.dzen.ru> (дата обращения: 17.09.2019)
24. ВКонтакте. URL: <https://m.vk.com/> (дата обращения: 25.08.2019)

References

1. Dzyaloshinskii, I. M., Pil'gun, M. A. (2024). *Ritorika: uchebnik i praktikum dlya vuzov* [Rhetoric: A Textbook and Practical Course for Universities]. 232 p. Moscow, Yurait. (In Russian)
2. Pil'gun, M. A., Erofeeva, I. V. (2024). *Manipulyativnye tehnologii v mediaprostranstve: kognitivnyi aspekt* [Manipulative Technologies in the Media Space: A Cognitive Aspect]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. No. 2–2 (58), pp. 598–604. (In Russian)
3. Rudinow, T. (1997). *Manipulation*. 234 p. N.-Y. (In English)
4. Kalandarov, K. Kh. (1998). *Upravlenie obshchestvennym soznaniem: Rol' kommunikativnykh protsessov* [Management of Public Consciousness: The Role of Communication Processes]. Ros. skol. akad. 79 p. Moscow, Gumanitarnyi tsentr "Monolit". (In Russian)
5. Burd'e, P. (1993). *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics]. 336 p. Moscow, Socio-Logos. (In Russian)
6. Dotsenko, E. L. (1996). *Psikhologiya manipulyatsii* [Psychology of Manipulation]. 344 p. Moscow, CheRo. (In Russian)
7. Arnaudo, D., Bradshaw, S., Ooi, H. H., Schwalbe, K., Zakem, V. and Zink, A. (2021). *Combating Information Manipulation: A Playbook for Elections and Beyond*. 54 p. Stanford, Stanford university. (In English)
8. Li, P. H., Y.-Y. Huang., Shei, C. Hsieh, H.-P. *ExoFLA: Deep Exogenous Assistance in the Prediction of the Influence of Fake News with Social Media Explainability*. *Applied Sciences* 10.3390/app13116782 13. No. 11, pp. 6782–6789. (In English)
9. Caled, D., Silva, M. J. (2022). *Digital Media and Misinformation: An Outlook on Multidisciplinary Strategies against Manipulation*. In *Journal of Computational Social Science*. Vol. 5, pp. 123–159. (In English)
10. Martin-Neira, J. I., Trillo-Domínguez, M., and Olvera-Lobo, M. D. (2023). *Science Journalism against Disinformation: Decalogue of Good Practices in the Digital and Transmedia Environment*. *Scientific Journal of Communication and Emerging Technologies*. No. 21(1), pp. 1699–2407. (In English)
11. Stahl, B. C., Schroeder, D., Rodrigues, R. (2023). *Manipulation*. In: *Ethics of Artificial Intelligence; Springer Briefs in Research and Innovation Governance*. Pp. 53–61. Cham, Palgrave Macmillan, Springer. (In English)
12. Wach, K., Duong, C., Ejdy, J., Kazlauskaitė, R., Korzynski, P., Mazurek, G., Paliszkievicz, J. and Ziembra, E. (2023). *The Dark Side of Generative Artificial Intelligence: A Critical Analysis of Controversies and Risks of ChatGpt*. *Entrepreneurial Business and Economics Review*. No. 11(2), pp. 7–30. (In English)
13. Wang, C., Tang, F., Zhang, Y. et al. (2023). *Towards Harmonized Regional Style Transfer and Manipulation for Facial Images*. *Comp; Visual Media* 9. Pp. 351–366. (In English)
14. Kharlamov, A. A., Pilgun, M. (2023). *Perception of the Situation: Social Stress and Well-Being Indices*. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 544 LNNS. Pp. 778–790. (In English)
15. Gradosel'skaya, G. V., Shheglova, T. E. (2019). *Teoreticheskie osnovy issledovaniya informatsionnykh voln v sotsial'nykh setyakh* [Theoretical Foundations of the Study of Information Waves in Social Networks]. *Upravlenie razvitiem krupnomasshtabnykh sistem MLSD'2019*. Pp. 1196–1199. Moscow, IPU RAN. (In Russian)
16. Jung, K. G. (2020). *Psikhologiya perenosa* [The Psychology of the Transference]. 134 p. Moscow, Medkov S. B. (In Russian)
17. Dzyaloshinskii, I. M. (2006). *Manipulyativnye tehnologii v SMI: Uchebno-metodicheskoe posobie* [Manipulative Technologies in the Media: A Teaching Aid]. 44 p. Moscow, "Gumanitarnyi institut". (In Russian)
18. Kara-Murza S. (2003). *Manipulyatsiya soznaniem* [Manipulation of Consciousness]. 490 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)
19. *Vkontakte* - URL: <https://m.vk.com/> (accessed: 10.08.2019). (In Russian)
20. *Dzen* - URL: <https://m.dzen.ru> (accessed: 11.09.2019). (In Russian)
21. *Vkontakte* - URL: <https://m.vk.com/> (accessed: 15.08.2019). (In Russian)
22. *Vkontakte* - URL: (<https://m.vk.com/>) (accessed: 19.09.2019). (In Russian)
23. *Dzen* - URL: <https://m.dzen.ru> (accessed: 17.09.2019). (In Russian)
24. *Vkontakte* - URL: <https://m.vk.com/> (accessed: 25.08.2019). (In Russian)

The article was submitted on 24.10.2024

Поступила в редакцию 24.10.2024

Пильгун Мария Александровна,
доктор филологических наук,
профессор,
Российский государственный университет,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,

Pilgun Maria Alexandrovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Russian State Social University,
Lomonosov Moscow State University,

119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, 1.
pilgunm@yandexl.ru

Ерофеева Ирина Валерьевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
erofeeva89@mail.ru

1 Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russian Federation.
pilgunm@yandexl.ru

Erofeeva Irina Valeryeva,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
erofeeva89@mail.ru

УДК 811.161.1'06

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-154-162

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СЕМАНТИКЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ ПРИСТАВОК В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА

© Анна Родионова, Светлана Родионова, Татьяна Григорьева

CURRENT TRENDS IN THE SEMANTICS AND FUNCTIONS OF FOREIGN-LANGUAGE PREFIXES IN THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE EARLY 21ST CENTURY

Anna Rodionova, Svetlana Rodionova, Tatyana Grigoreva

The article studies active processes occurring at the word-formation level of the language; it analyzes the borrowed prefixes frequently used in recent decades within the modern media space, namely: *super-*, *hyper-*, *mega-*, *ultra-* with the intensifying meaning, *anti-*, *counter-* with the meaning of opposition and *quasi-*, *pseudo-* with the meaning of falsity (fake). Based on examples from the National Corpus of the Russian Language, the article describes new trends in the development of semantics and grammatical properties of these prefixes, highlighting the autonomous nature of prefixes and their ability to be used as different parts of speech – as an adjective (both in postposition as a predicate and as a detached attribute), as a noun (declinable and indeclinable), including proper names (names of various stores, companies, etc.), as adverbs, interjections and, syncretically, combining the features of several parts of speech. Apart from that, we focus on their different graphic design: quotation marks, brackets, a hanging hyphen, an ellipsis; in addition, the analyzed prefixes perform accentuating functions and the functions of attracting and holding the addressee's attention; they set a certain system of intra-textual connections and the reader's orientation in the text space.

Keywords: word formation, semantics, foreign-language prefixes, active processes in the modern Russian language, intensification

В статье рассматриваются активные процессы, происходящие на словообразовательном уровне языка: анализируются заимствованные приставки *супер-*, *гипер-*, *мега-*, *ультра-* с интенсифицирующим значением, *анти-*, *контр-* со значением противопоставления и *квази-*, *псевдо-* со значением ложности (мнимости), которые в последние десятилетия активно употребляются в современном медийном пространстве. С опорой на примеры из Национального корпуса русского языка описываются новые тенденции в развитии семантики и грамматических свойств этих приставок, отмечаются автономный характер префиксов и их способность употребляться в качестве разных частей речи – прилагательного (как в постпозиции в роли сказуемого, так и в функции обособленного определения), существительного (склоняемого и несклоняемого), в том числе имен собственных (названий магазинов, компаний и т. п.), наречий, междометий, а также синкретично, объединяя признаки нескольких частей речи. Кроме того, обращается внимание на их разное графическое оформление: в кавычках, в скобках, с висячим дефисом, с многоточием – и отмечается, что анализируемые префиксы выполняют акцентирующие функции, функции привлечения и удержания внимания адресата, задают некую систему внутритекстовых связей и ориентации читателя в пространстве текста.

Ключевые слова: словообразование, семантика, иноязычные приставки, активные процессы в современном русском языке, интенсификация

Для цитирования: Родионова А., Родионова С., Григорьева Т. Актуальные тенденции в семантике и функционировании иноязычных приставок в русском языке начала XXI века // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 154–162. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-154-162

Мониторинг активных процессов в современном русском языке является несомненно важным в нашу эпоху динамичного развития всех его уровней не только для выявления актуальных тенденций в развитии языковой системы, но и для осмысления специфики современной русской языковой картины мира. «Язык выступает одним из ярких, точных и глубинных манифестаций коллективной психологии этноса. Именно поэтому он может и должен служить тестом для диагностики истинного отношения народа к тому или иному явлению жизни. Все это в полной мере относится и к культурным моделям освоения пластов чужой культуры, иноязычных смыслов» [1, с. 223–224].

Богатейший материал для наблюдений и обобщений дает в этом плане словообразовательный уровень русского языка, который в последние годы становится объектом пристального интереса лингвистов (см., например, коллективные монографии и сборники статей: [2], [3], [4], [5] и др.). В них отмечается, в частности, что «в развитии словообразовательной системы русского языка <...> задействованы разные факторы – от морфонологических до когнитивных и социокультурных, учет которых необходим при исследовании динамики любых словообразовательных единиц» [3, с. 6]. Именно поэтому представляется весьма важным наблюдение за постоянным процессом изменений в семантике и функционировании словообразовательных формантов, в том числе иноязычного происхождения.

Нельзя не отметить, что сегодня наблюдается активизация словообразовательных элементов, вошедших в систему русского языка уже достаточно давно, но «развивших свой деривационный потенциал именно в последние десятилетия, таких как *гипер-*, *супер-*, *пост-*, *экс-* и др.» [6, с. 11]. Они становятся «действенным аксиологическим средством в русском медийном словотворчестве», демонстрируя, например, «такую особенность, присущую русской ментальности, как установка на гипертрофию общей, моральной или эстетической оценки («моральная страстность», по А. Вежбицкой)» (ср.: *суперучебные заведения*, *мегаожидания*, *мегаежовые рукавицы*), или такую специфически русскую «оценочную реакцию говорящего, направленную на деэзавуирование ложной претензии (развенчание пошлости) или дискредитацию ложных ценностей и фальшивых приоритетов» [7, с. 36], какая наблюдается при использовании приставок *псевдо-*, *квази-* (ср.: *псевдосамодостаточность*, *квазизапреты*).

Особое внимание исследователей на протяжении уже нескольких десятилетий обращается

на интенсифицирующие префиксы, прежде всего иноязычного происхождения, такие как *супер-*, *гипер-*, *мега-*, *ультра-*, *архи-* (см.: [7], [8], [9], [10], [11], [12], [13], [14] и др.). Отмечается, что эти приставки, кроме выражения усилительного или размерного значения, могут передавать положительную или, наоборот, отрицательную, в том числе ироническую, оценочность (*гиперопека*), а также восприниматься как все более усиливающие семы (*супермаркет* – *гипермаркет* – *мегамаркет*), причем приставка может приобретать «ранее несвойственное значение степени, превышающей степень, выражаемую приставками *супер-* и *гипер-*» [15, с. 211].

Достаточно часто наблюдается нарушение «системных семантических (лексикограмматических) ограничений» [14, с. 67] при образовании ряда окказиональных неологизмов. Речь идет о присоединении приставок к именам собственным (*анти-Запад*, *анти-«Асса»*) (см. об этом также: [5, с. 99]), к аббревиатурам (*анти-ВИЧ*), словосочетаниям (*псевдо-Верка Сердючка*, *анти-Никита Михалков*), иноязычным корням в латинской графике (*анти-iPhone*), а также о явлении гиперпрефиксации (*супергипермагазин*) [14, с. 70–71]. Упоминания о способности прежде всего приставки *супер-* (гораздо реже *гипер-* и *ультра-*) выступать и в качестве аффикса, и в качестве корневой морфемы (в самостоятельном и несамостоятельном употреблении), в качестве средств номинации и предикации [10], способных порождать новые дериваты (*суперский*, *суперски*, *суперявый*), также встречаются в ряде работ (см., например: [8], [9], [13] и др.).

Чрезвычайно активное и даже, с точки зрения некоторых исследователей, избыточное и необоснованное использование иноязычных приставок *супер-*, *гипер-*, *мега-*, *мульти-*, *контр-*, *пост-* ведет к «смысловой и культурной деформации» [8, с. 283], переосмыслению «ценностей, культурных кодов, концептов, которые быстро укореняются в массовом сознании» [8, с. 288].

Нам трудно согласиться с мнением указанных авторов о «смысловой и культурной деформации» в свете нашей позиции, в частности об особенностях реализации категории интенсивности в современном русском языке. С нашей точки зрения, «интенсификация – это количественная модификация качества, отражающая отклонение от „нормальной“ меры и делающее это качество существенным (релевантным) для говорящего» [13, с. 231]. В таком случае коммуникативная цель интенсификации состоит во многом в том, чтобы в целях более эффективного воздействия на адресата «ввести в высказывание аффективный компонент значения» [16, с. 111].

В этом смысле присоединение интенсифицирующих приставок к основам не только с положительной, но и с отрицательной оценочностью, а также многократная интенсификация представляются в современном русском языке вполне оправданными (*суперугонщик Родя, делаем из мегагрязной сковороды новую и чистую*).

В то же время происходит и «снижение чувствительности» коллективного адресата к интенсифицирующим префиксам. Названия магазинов, компаний, брендов, конкретных товаров, включающие эти префиксы или представляющие собой их эмансипацию («Ультра», «Мега», «Гипер» и т. п.), утрачивают новизну и уже не обеспечивают свежести восприятия и силы воздействия. Это запускает встречные процессы: варьирование синонимичных префиксов, гиперпрефиксацию, употребление названных элементов в стилистической фигуре иронии, в высказываниях, выражающих языковую рефлексия. В связи с этим убедительной выглядит позиция исследователей о том, что сегодня «динамика словообразовательных интенсификаторов связана с амбивалентным характером семантики ... префиксов *супер-*, *гипер-*, *мега-*, *сверх-* и др. с широким диапазоном оценок: от позитивных, указывающих на высокое качество денотата, до иронически-негативных и даже уничижительных» [11, с. 15].

Интересно в этом отношении мнение С. М. Колесниковой о том, что образование дериватов с указанными приставками «способствует реализации трех основных функций: семантических (например, выражение модального, оценочного и градуального значений), стилистических (например, средство гиперболизации, градации, сравнения, метафоры и проч.) и контекстных (манипулятивных и оценочных и др.)» [10, с. 106].

Таким образом, мы отмечаем большое внимание исследователей к изучению использования иноязычных приставок в начале XXI в. и множество существенных наблюдений над особенностями их семантики. Вместе с тем анализ их современных текстовых употреблений показывает, что выявляются новые, еще не рассмотренные тенденции в развитии их значений, грамматических свойств и особенностях функционирования. Причем анализ этих тенденций представляется нам весьма важным для понимания коммуникативных стратегий и тактик говорящих, особенностей мышления нашего современника, отражения его аксиологических приоритетов.

В нашей работе мы обращаемся к анализу иноязычных приставок *супер-*, *гипер-*, *мега-*, *ультра-*, *экстра-* *анти-*, *контр-*, *квази-*, *псевдо-*,

экс-. Источник текстовых материалов – Национальный корпус русского языка 2000–2020 [17].

1. Прежде всего обращает на себя внимание стремление авторов сталкивать между собой, противопоставлять значение слов с приставкой и без нее. Например: «– *А вот еще наперсточники и шулеры... – Протестую! Гипернаперсточники и гипершулеры* (Сергей Носов, 2015)» [17]; «*Эта картина Павла – анти – „Черный квадрат“*» (Л. А. Данилкин, 2016)» [17]; «... *Создать некую особую, свою оппозиционную интеллигенцию, своего рода контр культуру. Но чтобы получилось „контр“*», нужна культура (Денис Драгунский, 2011)» [17]. В последних двух случаях, кроме противопоставления, подчеркивается и тесная связанность противоположных явлений: не может быть анти-«Черного квадрата» без «Черного квадрата», контркультуры без культуры и т. п.

2. В ряде случаев приставка вступает в различные семантические отношения с другой приставкой в базовом слове. Их значения могут:

1) противопоставляться: «*Рецензии эти ... обе одинаково критичны к американскому исторiku, обвиняя его одна в анти-, а другая в проамериканизме* (Геннадий Горелик, 2004)» [17], при этом антонимичные приставки могут использоваться для создания определенного парадокса. «*Не левая, не правая, не проправительственная, не анти; серенькая, без рекламы* (Олег Зайончковский, 2008)» [17] – здесь, кроме того, используется риторическая фигура диатеза – прием утверждения некоего среднего, промежуточного качества, возможного между двумя противоположностями;

2) суммироваться и вступать в отношения уточнения: «...*Информационность ... показывает также свою иную сторону – псевдо (анти) информационность* (А. Н. Ильин, 2016)» [17]; «*Нужно либо рассматривать рок как капиталистический продукт „массовой культуры“, либо провозглашать его бунтарской суб- (контр-) культурой* (Анна Зайцева, 2020)» [17], то есть эта информационность одновременно и ложная, и отрицательная, а массовая культура – противоположна «нормальной» культуре, культуре в истинном смысле этого слова;

3) или просто отождествляться: «... *в киоске в супер (гипер) маркете на выставке* (Радуга настроений у вас дома, 2010)» [17] – нет разницы между приставками *супер-* и *гипер-*, попытка их различения – всего лишь ненужная попытка дифференциации принципиально не различающихся смыслов.

3. Распространена языковая игра, при которой одна приставка соотносится с различными

именными частями речи. Такие фрагменты текста напоминают «словообразовательные каскады» (Е. А. Земская). В обнаруженных нами примерах фиксируется автономное использование приставки: «„Роллинги“, „Дорз“, „Лед Зеппелин“ – волосы до пояса, полуголые, гиперзвук, гипер-экспрессия, все у них – гипер (Владимир Киришин, 2002)» [17]; «Загадка „интер“ (интерпсихического, интересу субъективного) тревожит умы всех психологов (Г. А. Цукерман (2004))» [17]. Эта «эмансипация приставки» (по В. И. Изотову) помогает подчеркнуть многообразие, многогранность реализации обозначенного приставкой признака.

4. Весьма интересный, новый и необычный с точки зрения орфографии прием наблюдается, когда иноязычные префиксы начинают использоваться как вставные конструкции в скобках. С точки зрения семантики при этом создается сложная и нестандартная модификация значения базового компонента – слова. Рассмотрим несколько примеров: «(Анти) герой не развивается, он в конце точно такой же, как в начале (Л. А. Данилкин, 2009)» [17]; «В итоге он превращается в нечто вроде Фарятьева, еще одного (анти) героя советского кино (Наталья Дерикот, 2018)» [17].

Здесь мы наблюдаем диффузию значений многозначного слова: Максимус и Фарятьев – герои в значении «лицо, воплощающее в себе характерные, типичные черты своей эпохи, среды» [18, с. 35], но они также антигерои, принципиально лишенные героических черт, но выступающие при этом «доверенным лицом» автора, персонажи, воплощающие отрицательные черты и качества.

Несколько иную модификацию значения исходного слова мы встречаем с другим примером: «(Анти) герои фильма – взявшийся за оружие мести детский врач и его жена – по-прежнему живут общей культурной памятью со своими сегодняшними врагами и вчерашними соотечественниками (Оксана Саркисова, 2003)» [17]. При этом акцентируется элемент «герой» уже в первую очередь не потому, что идет речь о главном персонаже (протагонисте), чувства которого автор и вместе с ним читатель понимает и в какой-то мере разделяет, но потому, что в «дурные времена» именно он может уже восприниматься как собственно герой, некий идеал для нерешительных, слабых либо корыстных людей, который все же отстаивает справедливость или защищает близких. Таким образом, в отчленении приставки анти-, подчеркивании ее необязательного соотношения с опорным словом и создании некоей контекстуальной синонимии про-

тивоположных понятий герой/антигерой проявляется специфика современной концептосферы с ее отрицанием идеала морально незапятнанного героя, неспособного или не желающего отступить от нравственных или юридических норм даже ради победы добра и справедливости – и, к сожалению, терпящего поражение от беспринципных, но гораздо более жизнеспособных злодеев.

Ср. также: «Журнал „Бюллетень ученых-атомщиков“, основанный американскими (анти) коллегами Сахарова (Геннадий Горелик, 2004)» [17]. Подчеркивается, что атомщики – коллеги, то есть трудятся на том же научном поприще, но в то же время они его противники и конкуренты в создании этого вооружения, некие «товарищи-враги».

В подобные же отношения с базовым словом вступает и приставка контр-, например: «Событие революции обладает здесь собственным (контр) осуществлением ... т. е. прерыванием истории, внезапной смертью смешанного животного-человеческого типа социальной жизни (И. М. Чубаров, 2014)» [17]. Таким образом, в искусстве, эстетике авангарда революция как осуществляется (ведь оно само по себе революционно по отношению к традиционному искусству), так и «контросуществляется», то есть происходит остранение восприятия революции, демонстрация возможностей ее иного воплощения или понимания.

Распространены и аналогичные примеры употребления в качестве вставных конструкций приставок: суб-, квази-, псевдо-. Тем самым выражается оттенок сомнения и в полноценном соответствии явления названному типу, но одновременно и в несоответствии: «Заводные товарищи из Бельгии, представители тамошней уличной (суб) культуры (Алексей Крижевский, 2002)» [17]. Здесь автор подчеркивает, что можно воспринимать творчество «товарищей из Бельгии» и как общезначимую и ценную для всех культуру, и как субкультуру, отличающуюся от доминирующей культуры. «Констатация того, что сознание „есть“, будет дополнена характеристикой его структуры как (квази) пространственной (Е. В. Петровская, 2010)» [17]. То есть сознание можно охарактеризовать как имеющее пространственную структуру, но не совсем, а «квази».

Может употребляться в качестве вводной конструкции и интенсифицирующая приставка (например, ультра-): «Посмотрел главы об (ультра) традиционализме... – возникло чувство, что еврейская нация заново осознает себя именно в этом веке (М. С. Харитонов, 2004)»

[17]. В данном случае приставка выступает в фигуре коррекции, автоуточнения: автор говорит о традиционализме настолько ярко выраженном, что его можно назвать и ультратрадиционализмом и т. п.

5. Приставки в последние десятилетия часто превращаются в самостоятельные лексемы с характеризующей, оценочной функцией. Их морфологические и синтаксические свойства могут быть различными, но чаще всего они выступают в качестве прилагательных, причем обычно в постпозиции, в роли сказуемого: «*Мероприятия... в общем супер!*» (Форум: Универ (институт) VS школа, 2011)» [17]; «*А „дю солей“ это супер, это считается лучший цирк мира*» (Форум: Поход в цирк, 2010)» [17]. Обращает на себя внимание отсутствие дифференциации и обоснования оценки: как по своим грамматическим характеристикам, так и по специфике значения данные лексемы сближаются с междометиями (они выражают эмоцию, но уже практически не называют ее).

Заметим, что прилагательное может дистанцироваться от опорного существительного: либо происходит разрыв предикации при помощи анафорического местоимения *это*, либо между ними ставится многоточие. Но такого дистанцирования может и не быть, то есть использование *супер* в роли прилагательного становится все более привычным: «*Зачем тебе быть привязанной к чему-то или к кому-то? Это напрягает, а свобода – супер!*» (Гузалия Ариткулова, 2018)». Также *супер* может выступать в роли обособленного определения: «*На вокзале стоит ему бронзовый памятник. Класс, а не памятник, супер!*» (Вячеслав Стефаненко, 2019)».

Кроме приставки *супер-*, получившей широчайшее распространение в качестве самостоятельного слова, наблюдается, хотя и значительно более редкое, использование других интенсифицирующих приставок: «*Считалось, что на категорию „экстра“ это заведение не тянет*» (Анатолий Салуцкий, 2019)»; «*Уж очень мы гипер-гипер, что не то что, всех пауков, всех мужчин раздавим*» (Форум: Гипер-женщина, 2013)». Отметим, что здесь говорящему недостаточно интенсификатора *гипер-*, он прибегает к редупликации, а кроме того, к использованию наречия *очень*, что, по сути, создает уже плеоназм.

При этом иногда мы наблюдаем саморефлексию автора по поводу выбора такого характеризующего прилагательного, соотносении его с более распространенным применением: «– *И Марк, и генерал – женихи высший сорт, экстра! Видела, на шоколаде бывает написано „экс-*

тра“? Вот так и твои женихи» (Вацлав Михальский, 2009)».

Мы можем увидеть в подобном использовании и приставки с другими, не интенсифицирующими значениями: «*Я не очень люблю религию „анти-...“ В религии „анти-...“ есть дьявол, но нет бога*» (Форум: Иран. История и размышления, 2012)» [17]. Обратим внимание на разное графическое оформление приставок: в кавычках / без, с висячим дефисом / без, иногда даже с многоточием.

При расширении автономного употребления интенсифицирующих приставок отмечается также их употребление в качестве наречий: «*Оперативники сработали супер*» (Владимир Емельяненко, 2014)» [17]. Следующий этап освоения этих автономных приставок – использование в качестве междометий: «– *Нормальная хата? – Не пожалеешь. Хозяйка богатая... – Супер! – потер ладони Боб*» (А. В. Кивинов, 2012)» [17]. Можно усмотреть и переходное между прилагательным и междометием, синкретичное употребление лексемы *супер*: «*Денег Боб не нашел. Запихивал в рюкзак все, что, по его мнению, представляло ценность. О, тетрис! Супер!*» (А. В. Кивинов, 2012)» [17].

6. С точки зрения развития процесса «эмансипации приставок» обратим внимание на усиление частотности случаев превращения приставок в имена существительные (полноценные склоняемые, или несклоняемые, или с «рудиментарным» висячим тире). В этом случае элемент значения, выражаемый приставкой, выступает на первый план как дифференциальный признак предмета. Родовой же, интегральный признак остается без экспликации. Для каждой приставки характерен какой-либо определенный тип обозначаемых предметов. Так, *гипер* – это, как правило, технические средства или информационные технологии (в фантастике, например, *гипер* – мощный компьютер, управляющий обществом): «*Возможность иметь 3-х членов экипажа и нормальный гипер*» (Форум: Звездные войны, 2011)» [17]; *ультра, экс* – человек: «*Звезда кабаре, / современная ультра*» (И. Н. Виравов, 2015)» [17]; «*Я решила, что серебряная охотничья фляга (одолженная у одного из моих „экс-“) будет практичней*» (Марина Палей, 2008)» [17].

В то же время приставка *супер-*, активно переходящая в имя существительное со значением «человек» в конце XX в., практически утратила эту способность в наше время: в Национальном корпусе русского языка 2000–2020 гг. таких примеров мы не обнаружили.

Интересен случай использования в качестве имени существительного приставки *квази-* в ро-

мане С. Лукьяненко. Произведение с тем же названием, но со смешанной графикой («Квази») посвящено сосуществованию живых людей и «возвысившихся» зомби, обретших разум. В мире этого романа все люди после смерти превращаются в зомби, но при этом они неразумны. Через определенное время некоторые зомби имеют шанс обрести разум и приблизиться по своим качествам к живому. Эти разумные зомби – *квази* – организуются в особый социум, они почти люди... но все же не люди, что и отражено в их наименовании.

«Эмансипация» рассматриваемых нами иноязычных приставок проявляется и в нейминге – образовании имен существительных собственных – названий различных магазинов, компаний и т. п., например: *Гипермаркет Гипер Лента в Уфе*; *радио Ультра запускает виртуальную ультра-полку*; *Магазин цифровой техники Ультра в Калининграде*; *Транспортная компания «Экстра» в Уфе*; *Оптовая компания «Гипер» в Санкт-Петербурге* и т. д. Как видим, в этих случаях используются в основном приставки с интенсифицирующим значением, подчеркивающим высокое качество, использование передовых технологий, масштабы магазина или компании.

Таким образом, в функционировании современных иноязычных префиксов прослеживаются противоположные тенденции: с одной стороны, к автономизации приставок, а с другой – к усилению их контекстных связей. В этом обнаруживается двойственная природа морфем: они являются носителями четко ограниченного значения, но их значение неавтономно.

В то же время, как указывает В. А. Плунгян, «между прототипической автономной словоформой и прототипической неавтономной морфемой имеется целый ряд промежуточных случаев, между которыми достаточно трудно... провести жесткую границу» [19, с. 20]. Чаще, как отмечает исследователь, автономная словоформа превращается в морфему. Но возможен и противоположный процесс постепенной автономизации морфемы, который связан с «отрывом» морфемы от ее хозяина-слова и укоренением в структуре предложения или текста. И, конечно, префиксы, как наиболее автономные морфемы в слове, в первую очередь реализуют эту тенденцию. Ученые связывают это и с русификацией неразложимых прежде заимствованных основ, членность которых начинает осознаваться рядовыми носителями языка [6].

Приставки могут вступать в связь одновременно с двумя словами в тексте, противопоставляя их (*шулер – гипершулер*); в связь с другой

приставкой на основе той же производящей базы или изолированно, создавая фигуры парадокса (... *обвиняя его одна в анти-, а другая в проамериканизме*), диатезы (*не левая, не правая, не проправительственная, не анти; серенькая*), коррекции (*сверх- (но не анти!-) разумный опыт*); с тождественной приставкой в других словах, создавая словообразовательные каскады (*гиперзвук, гипер-экспрессия, все у них – гипер; загадка «интер» (интерпсихического, интерсубъективного)*). Выступая в качестве вставной конструкции, приставки оказываются принадлежностью целого предложения, выражая тонкие и сложные оттенки мысли, которые возможно выявить и сформулировать опять же в рамках целого предложения. Роль префиксов в предложении пишущие пытаются эксплицировать разнообразными пунктуационными способами: скобками, кавычками, многоточиями, обычным или «висячим» дефисом, сочетанием дефиса с восклицательным знаком и т. п.

С другой стороны, в итоге такого употребления (или в результате параллельного с ним процесса) префиксы превращаются в самостоятельные слова, уже не вступающие в сложные семантические и формальные связи с остальным предложением. Предельный случай этого процесса – нейминг, при котором морфемы становятся названиями брендов, фирм, предприятий, компаний.

Описанные процессы можно считать одним из аспектов такого явления, как имитация разговорной непринужденности речи в современном устно-письменном синтаксисе. Таким способом создается эффект некоей предварительности и эскизности передачи выражаемой мысли (*сверх- (но не анти!-) разумный опыт; провозглашать его бунтарской суб- (контр-) культурой*). Осуществляется экспликация самого процесса мышления в речи, и читатель становится свидетелем этого процесса, что создает эффект его близости к автору. Также мы наблюдаем эффект дробного, «мозаичного» мышления, которое вообще характерно для современной «клиповой» цифровой коммуникации.

Предсказуемо, что в этом процессе в наибольшей степени оказываются задействованы интенсифицирующие префиксы (*гипер-, супер-, мега-, экстра-, ультра-*), которые служат для привлечения внимания адресата, а в итоге для управления этим вниманием; префиксы, выражающие идею неподлинности или устарелости предметов и явлений (*квази-, псевдо-, экс-*), которые также помогают манипулировать мнением читателя, формируя его отношение к этим предметам и явлениям; и, наконец, префиксы, выра-

жающие идею противоположности (*анти-, контр-*), задающие некую «сетку», систему внутритекстовых связей и систему ориентации читателя в пространстве текста. Таким образом эти префиксы выполняют акцентирующие функции.

Такие же достаточно продуктивные префиксы, как *гипо-, де-, диз-, интер-, инфра-, пост-, про-, суб-*, в минимальной степени участвуют в рассмотренных выше процессах. Они либо выражают идею ослабления признака, его недостаточности, предварительности, что «не очень выигрышно» в плане осуществления речевого воздействия, либо осуществляют частные, достаточно специфичные модификации значений именных частей речи (*интер-, пост-, про-*). В последнем случае исходные процессы в использовании префиксов прослеживаются, но редко, в книжной, «элитарной» речи. Вспомним серию книг «Pro et contra», посвященных общественной оценке деятелей философии или политики, выражения типа *пред- и постнагрузка на сердце, пред- и постоперационный период* в медицине.

Изучение динамических процессов, связанных с развитием семантики, грамматических свойств и функционированием иноязычных приставок в русском языке, позволяет, как сквозь призму, увидеть наиболее актуальные тенденции в русском словообразовании и грамматике начала XXI в. Это и активизация такой деривационной модели, как именная префиксация, и образование новых, часто «полуоказиональных» словообразовательных гнезд с использованием в том числе различных иноязычных приставок, и возникновение грамматического класса полифункциональных лексем, в разных контекстах функционирующих то как прилагательные (*Цирк – супер*), то как наречия (*Оперативники работали супер*), то как междометия (*О, тетрис! Супер!*), нерасчлененно как существительное и прилагательное (*Мой экс-муж не любил нашу кошку. Вот теперь он и «экс»!* – Он кто? Он какой?) и т. д., и, конечно, активнейшее оказиональное и потенциальное словообразование.

Последние процессы, связанные со словообразовательными инновациями, особенно интересны, так как, с одной стороны, позволяют наблюдать, как каждый говорящий и пишущий может создавать любые производные лексемы с иноязычными приставками, реализуя их деривационный потенциал с целью выражения самых разных оттенков смысла, в том числе эмоциональных и оценочных, и используя их в аффективной и стилистической функции (*моя экс-квази-теща, мегасомнительный проект, анти-вдохновляющий процесс* – подобные примеры в

любом количестве можно найти на сайтах и особенно в чатах Интернета), а с другой стороны, открывают возможности для языковой игры, реализации окказиональных моделей гиперпрефиксации, эмансипации приставок, субституции.

Рассмотренные нами тенденции, как нам кажется, убедительно подтверждают мнение современных исследователей о том, что «языковые инновации на уровне словообразования редко возникают спонтанно, сами по себе – чаще всего за их порождением стоят специфические интенции говорящего и адресата, их коммуникативные потребности, нетривиальная тематика общения и обстановка речи, особенности интеракции коммуникантов, их коммуникативных стратегий, тактик и пр.» [20, с. 103]. В этом смысле словообразование усиливает свою роль как действенного инструмента познания окружающей действительности, так и уникального по своим возможностям средства выражения важных для говорящего смыслов и оценок.

Список источников

1. Радбиль Т. Б. Активные лексико-грамматические процессы в русском языке начала XXI века: проблема лингвокультурологической интерпретации // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. № 20. С. 218–227.
2. Активные процессы в русском языке новейшего периода / Отв. ред. Т. Б. Радбиль. М., 2022. 232 с.
3. Динамические аспекты русского словообразования / Под ред. О. И. Дмитриевой и О. Ю. Крючковой. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2021. 228 с.
4. Николина Н. А., Рацибурская Л. В. Современное русское словообразование: функционально-динамический аспект. М., 2023. 176 с.
5. Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: коллективная монография / Под ред. Л. В. Рацибурской. М.: ФЛИНТА, 2021. 328 с.
6. Потапова Г. А. Функционирование иноязычных морфем в русском языке на рубеже XX–XXI веков: автореф. дис ... канд. филолог. наук. М., 2014. 24 с.
7. Радбиль Т. Б., Рацибурская Л. В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33–39.
8. Злотникова Т. С., Гапонова Ж. К. Наш русский супер-гипер-мульти-проект // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 4. С. 280–289.
9. Кадыров Ф. Ф. К вопросу о морфемном статусе языковой единицы: супер- и супер в современной русской речи // Русский язык в школе. 2012. № 8. С. 74–78.

10. Колесникова С. М. Образования с мега-, гипер-, супер- и их функции в языке современных СМИ // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации. М., 2019. С. 105–111.
11. Коряковцева Е. И., Рацибурская Л. В., Сандакова М. В. Динамика оценочных интенсификаторов в русском языке XXI в.: словообразовательный и семантический аспекты // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2021. Т. 20. № 5. С. 6–19.
12. Рацибурская Л. В., Сандакова М. В. Словообразовательные и лексические интенсификаторы в современном русском языке: активные процессы // Русский язык в школе. 2023. № 84 (6). С. 69–80.
13. Родионова С. Е. Категория интенсивности и словообразовательные средства ее выражения в современном русском языке // Язык – текст – дискурс: традиции и новаторство. Самара: Самарский университет. 2010. С. 231–237.
14. Шишикина А. А. Префиксальные новообразования нестандартной словообразовательной структуры в российских СМИ // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2010. № 1 (11). С. 66–72.
15. Шишикина А. А. Особенности функционирования новообразований с именной префиксацией в языке современных российских СМИ // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка. Саратов: Наука, 2009. С. 207–217.
16. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УУРС, 2002. 280 с.
17. Национальный корпус русского языка. 2000–2024. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 22.09.2024).
18. Гальцева Р. А., Роднянская И. Б. Антигерой // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001. С. 35
19. Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
20. Радбиль Т. Б., Ясаи Л., Палоши И. В. Лингвопрагматический потенциал активных процессов в русском неологическом словообразовании новейшего периода // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 1. С. 101–121.
21. Kryuchkovi. 228 p. Saratov, izd-vo Saratovskogo universiteta. (In Russian)
22. Nikolina, N. A., Ratsiburskaya, L. V. (2023). *Sovremennoe russkoe slovoobrazovanie: funktsional'no-dinamicheskii aspekt* [Modern Russian Word Formation: Functional and Dynamic Aspects]. 176 p. Moscow. (In Russian)
23. Russkii yazyk v internet-kommunikatsii: lingvokognitivnyi i pragmaticheskii aspekty: kollektivnaya monografiya (2021) [The Russian Language in Internet Communication: Linguocognitive and Pragmatic Aspects]. Pod red. L. V. Ratsiburskoi. 328 p. Moscow, FLINTA. (In Russian)
24. Potapova, G. A. (2014). *Funktsionirovanie inoyazychnykh morfem v russkom yazyke na rubezhe XX-XXI vekov: avtoref. diss ... kand. filolog. nauk* [The Functioning of Foreign Language Morphemes in the Russian Language at the Turn of the 20th–21st Centuries: Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 24 p. (In Russian)
25. Radbil', T. B., Ratsiburskaya, L. V. (2017). *Slovoobrazovatel'nye innovatsii na baze zaimstvovannykh elementov v sovremennom russkom yazyke: lingvokul'turologicheskii aspekt* [Word-formation Innovations Based on Borrowed Elements in the Modern Russian Language: A Linguoculturological Aspect]. Mir russkogo slova. No. 2, pp. 33–39. (In Russian)
26. Zlotnikova, T. S., Gaponova, Zh. K. (2017). *Nash russkii super-giper-mul'ti-proekt* [Our Russian Super-Hyper-Multi-Project]. Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. No. 4, pp. 280–289. (In Russian)
27. Kadyrov, F. F. (2012). *K voprosu o morfemnom statuse yazykovoi edinitsy: super- i super v sovremennoi russkoi rechi* [On the Morphemic Status of a Linguistic Unit: Super- and Super in Modern Russian Speech]. Russkii yazyk v shkole. No. 8, pp. 74–78. (In Russian)
28. Kolesnikova, S. M. (2019). *Obrazovaniya s mega-, giper-, super- i ikh funktsii v yazyke sovremennykh SMI* [Language Units with Mega-, Hyper-, Super- and Their Functions in the Language of Modern Media]. Russkii yazyk v slavyanskoi mezhkul'turnoi kommunikatsii. Pp. 105–111. Moscow. (In Russian)
29. Koryakovtseva, E. I., Ratsiburskaya, L. V., Sandakova, M. V. (2021). *Dinamika otsenochnykh intensifikatorov v russkom yazyke XXI v.: slovoobrazovatel'nye i semanticheskii aspekty* [Dynamics of Evaluative Intensifiers in the Russian Language of the 21st Century: Word-Formation and Semantic Aspects]. Vestnik VolGU. Seriya 2. Yazykoznanie. T. 20. No. 5, pp. 6–19. (In Russian)
30. Ratsiburskaya, L. V., Sandakova, M. V. (2023). *Slovoobrazovatel'nye i leksicheskie intensifikatory v sovremennom russkom yazyke: aktivnye protsessy* [Word-Formation and Lexical Intensifiers in Modern Russian: Active Processes]. Russkii yazyk v shkole. No. 84(6), pp. 69–80. (In Russian)
31. Rodionova, S. E. (2010). *Kategoriya intensivnosti i slovoobrazovatel'nye sredstva ee vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke* [The Category of Intensity and the Word-Formation Resources of Its Designation in Modern Russian]. Yazyk – tekst – diskurs: traditsii i novatorstvo. Pp. 231–237. Samara, izd-vo "Samarskii universitet". (In Russian)

References

1. Radbil', T. B. (2019). *Aktivnye leksiko-grammaticheskie protsessy v russkom yazyke nachala XXI veka: problema lingvokul'turologicheskoi interpretatsii* [Active Lexical and Grammatical Processes in the Russian Language of the Early 21st Century: The Problem of Linguoculturological Interpretation]. Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. No. 20, pp. 218–227. (In Russian)
2. *Aktivnye protsessy v russkom yazyke noveishego perioda* (2022) [Active Processes in the Russian Language of the Recent Period]. Otv. red. T. B. Radbil'. 232 p. Moscow. (In Russian)
3. *Dinamicheskie aspekty russkogo slovoobrazovaniya* (2021) [Dynamic Aspects of Russian Word Formation]. Pod red. O. I. Dmitrievoi i O. Yu.

14. Shishikina, A. A. (2010). *Prefiksial'nye novoobrazovaniya nestandardnoi slovoobrazovatel'noi struktury v rossiiskikh SMI* [Prefixal New Formations of Non-standard Word-Formation Structure in the Russian Media]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Yazykoznanie*. No. 1 (11), pp. 66–72. (In Russian)

15. Shishikina, A. A. (2009). *Osobennosti funktsionirovaniya novoobrazovaniy s imennoi prefiksatsiei v yazyke sovremennykh rossiiskikh SMI* [Features of the Functioning of New Formations with Nominal Prefixation in the Language of Modern Russian Media]. *Razvitie slovoobrazovatel'noi i leksicheskoi sistemy russkogo yazyka*. Pp. 207–217. Saratov, izd. Tsentr "Nauka". (In Russian)

16. Vol'f, E. M. (2002). *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional Semantics of Evaluation]. 280 p. Moscow, Editorial UURS. (In Russian)

17. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* (2000–2024) [The National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://ruscorpora.ru> (accessed: 22.09.2024). (In Russian)

18. Gal'tseva, R. A., Rodnyanskaya, I. B. (2001). *Antigeroi* [The Antihero]. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii*. P. 35. Moscow, Intelvak. (In Russian)

19. Plungyan, V. A. (2000). *Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku* [General Morphology. Introduction to the Problem]. 384 p. Moscow, Editorial URSS. (In Russian)

20. Radbil', T. B., Yasai, L., Paloshi, I. V. (2022). *Lingvopragmaticheskii potentsial aktivnykh protsessov v russkom neologicheskom slovoobrazovanii noveishego perioda* [The Linguopragmatic Potential of Active Processes in the Russian Neological Word Formation of the Latest Period]. *Nauchnyi dialog*. T. 11. No. 1, pp. 101–121. (In Russian)

The article was submitted on 14.11.2024

Поступила в редакцию 14.11.2024

Родионова Анна Евгеньевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Башкирский государственный
педагогический университет
им. М. Акмуллы,
450076, Россия, Уфа,
Октябрьской революции, 3-а;
Уфимский университет науки и технологий,
450076, Россия, Уфа,
Заки Валиди, 32.
aer1969@mail.ru

Родионова Светлана Евгеньевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Уфимский университет науки и технологий,
450076, Россия, Уфа,
Заки Валиди, 32.
rse14@mail.ru

Григорьева Татьяна Владимировна,
доктор филологических наук,
профессор,
Уфимский университет науки и технологий,
450076, Россия, Уфа,
Заки Валиди, 32.
tagrig8@mail.ru

Rodionova Anna Evgen'evna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Akmulla Bashkir State Pedagogical University,

3-a October Revolution Str.,
Ufa, 450076, Russian Federation;
Ufa University of Science and Technology,
32 Zaki Validi Str.,
Ufa, 450076, Russian Federation.
aer1969@mail.ru

Rodionova Svetlana Evgen'evna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology,
32 Zaki Validi Str.,
Ufa, 450076, Russian Federation.
rse14@mail.ru

Grigoreva Tatyana Vladimirovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Ufa University of Science and Technology,
32 Zaki Validi Str.,
Ufa, 450076, Russian Federation.
tagrig8@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗМ НА ЗУБАХ В СВЕТЕ НОВЫХ КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ ПРОЧТЕНИЙ

© Елена Селиверстова

PHRASEOLOGICAL UNIT *NA ZUBAKH* (ON THE TEETH) IN THE LIGHT OF NEW CONTEXTUAL INTERPRETATIONS

Elena Seliverstova

Linguistic studies, related to the emergence and life of phraseological units, show the importance of a neological trend in their investigation, which allows you to see the fragments of the picture of the world relevant to speakers, and the variety of ways used to verbalize ideas about them. However, the meanings of neofraseologisms, recorded in dictionaries, do not always adequately reflect the real picture of their speech functions. The article considers a neological unit whose spectrum of semantic interpretations is far from being unambiguous. The contexts of the National Corpus of the Russian language, illustrating the active usage of the phrase “*na zubakh*” (“on the teeth – gave it one’s all”), show that it has developed quite clear syntagmatic connections that speak in favor of at least two possibilities of its interpretation - with dictionaries fixating only one of the versions. A stable collocation with the verbs *to pull out*, *to win*, etc., on the one hand, and contextual supports, united by the meaning “*to win, to achieve a goal*,” on the other, gradually form a different meaning of the idiom, very typical of sports discourse. It characterizes sport competition, excitement, manifestation of perseverance, stamina, etc. In the course of its functioning in speech, it is gradually “magnetized” by the semantics of “win”, “at any cost”, “by all means”. All this requires the need to seriously correct the modern semantics of the phraseological unit in the dictionary.

Keywords: new phraseology, semantic spectrum, combinability, lexicographic development, contextual concretization, National Corpus of the Russian Language

Лингвистические штудии, связанные с возникновением и жизнью фразеологических единиц, показывают важность неологического направления в их изучении, позволяющем увидеть актуальные для говорящих фрагменты картины мира и разнообразие способов вербализации представлений о них. Однако фиксируемые в словарях значения неофразеологизмов не всегда адекватно отражают реальную картину их функционирования в речи. В работе рассматривается неологическая единица, чей спектр семантических прочтений далек от однозначности. Контексты Национального корпуса русского языка, иллюстрирующие активное использование оборота *на зубах* современниками, показывают, что у него оформились достаточно четкие синтагматические связи, говорящие в пользу не менее чем двух возможностей его трактовки – при словарной фиксации сегодня лишь одной из версий. Устойчивая связь с глаголами *вытянуть*, *вытащить*, *выиграть* и др., с одной стороны, и контекстуальные опоры, объединяемые значением «победа, выигрыш, достижение цели» – с другой, формируют постепенно иное звучание оборота, весьма типичное для спортивного дискурса. Им характеризуется спортивная борьба, азарт, проявление упорства, силы характера и т. п. В ходе функционирования оборота в речи выражение постепенно «намагничивается» семантикой «победа, выигрыш», «любой ценой», «во что бы то ни стало». Все это говорит о необходимости серьезной корректировки в словаре современной семантики фразеологической единицы.

Ключевые слова: новая фразеология, семантический спектр, сочетаемость, лексикографическая разработка, контекстуальная конкретизация, Национальный корпус русского языка

Для цитирования: Селиверстова Е. Фразеологизм *на зубах* в свете новых контекстуальных прочтений // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 163–168. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-163-168

Вопросы, связанные с новой фразеологией – оборотами, возникающими на наших глазах (а «инфоповодов» для этого вполне хватает) – и ак-

тивно используемыми носителями языка, касаются разных аспектов. Совсем недавно удивительная исследовательская активность была про-

явлена в направлении освещения и анализа устойчивых оборотов, появившихся в эпоху коронавируса. Она привела к публикации многочисленных обзоров и статей, посвященных неологизмам эпохи пандемии (см., в частности, [1], [2], [3] и др.), и даже к собраниям единиц коронавирусной тематики. Так, Х. Вальтером и В. М. Мокиенко был составлен словарь «ковидных антипословиц-карантинок» (ср.: *По маске встречаются, по температуре провожают* и под.), вошедший в академическое издание – «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» [4].

Потребность говорящих в обозначении новых социальных явлений – в том числе по обкатанным ранее и оправдавшим себя структурным и образным моделям – и в их оценке, а также в обновлении существующих единиц находит отражение в фиксации учеными всех новых оборотов. Проявляемое к ним внимание исследователей весьма разноаспектно. Неологизмы и их номинативная плотность являются показателем наиболее востребованных жизненных сфер, о чем свидетельствуют работы, посвященные номинации электронных технических средств и осуществляемых с их помощью действий и процессов (*электронная экономика, электронный зачет*) ([5], [6], [7]), обращенные к оборотам, возникшим в области экономики и сфере топливных ресурсов (*нефтяная халва, нефтяная игла* и др.) [8] и т. д.

Весьма существенной представляется для исследователей проблема лингвистического статуса отдельных типов единиц – составных наименований, находящихся в процессе идиоматизации, заимствованных оборотов, неопословиц, которые отмечены достаточной репрезентативностью, но не сразу причисляются к фразеологии [9], [10]. Н. В. Козловская, например, анализируя сравнительно новое выражение *шапка профиля*, указывающее на место размещения информации на веб-сайтах социальных сетей, показывает его семантический потенциал и сочетаемостные возможности и на примерах доказывает его высокую употребительность и тенденцию к стабилизации в языке [11].

С этой проблемой связана и другая, а именно актуальный для многих ученых (см. [12], [13] и др.) вопрос о возможностях лексикографической трактовки неологизмов в создаваемых словарях. Е. В. Генералова считает, что в статье современного фразеологического словаря, репрезентирующего новые единицы, должны, во-первых, приниматься во внимание такие их особенности, как вариативность и наличие фразеологических синонимов, и, во-вторых, приводить-

ся культурно-исторический комментарий и иллюстрирующие контексты [14, с. 365].

Именно контексты употребления оборота позволяют понять, насколько стабильным является его значение и наблюдается ли проявление ценностного аспекта в семантическом содержании, располагает ли выражение вариантами и каковы его сочетаемостные возможности. В данной статье мы остановим свое внимание на сравнительно новом обороте, трактовка которого в словаре вызвала некоторые наши сомнения.

Адвербиальный неологизм *на зубах* привлек наше внимание, во-первых, тем, что он достаточно регулярно встречается в текстах, тематически связанных со спортом. В словаре поговорок В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной он представлен так: *На одних зубах*. Разг. «На пределе, на исходе сил» [15, с. 259]. В словаре-справочнике новых слов и значений (под ред. Е. А. Левашова) учтена возможность количественного варьирования выражения: *На [одних] зубах*. «На пределе, на исходе сил» – и отмечена сфера функционирования: в разг. проф. речи [16]. На трактовку значения ФЕ во втором случае повлиял, похоже, приведенный о спортсменах текст, содержащий семантические опоры в виде слов и словосочетаний *бессильно, с трудом, на пределе возможностей*. Указание на спортивный дискурс в данном случае вполне обоснованно, поскольку в приведенной иллюстрации характеризуются спортсмены, бегущие «на пределе возможностей» [Там же, с. 263]. В этом источнике оборот предстает как однозначный и без указания глаголов-сопроводителей, демонстрирующих типичную сочетаемость.

Примеры, которыми располагают Национальный корпус русского языка и сайты сети Интернет, отчасти подтверждают правомерность семантического крена оборота как характеризующего сферу спорта. Одним из основных вариантов его употребления является сочетание с глаголом *выиграть*, поскольку, судя по контекстам, речь зачастую идет о борьбе за первенство, за победу – будь то в командных соревнованиях, что встречается чаще, или в личном состязании. Так, выражение использовано в описании «битвы грандов» – футбольных команд Высшей лиги. Встреча завершилась со счетом 4:3, хотя первая часть матча такого оптимистичного результата команде из Всеволожска не сулила: та однозначно проигрывала «Невской» команде – 4:1. В статье под названием «Ребятам огромное спасибо – выиграли „на зубах“» [17] акцент делается автором на переломе, наступившем в ходе игры, когда проигрывавшие активизировались и начали претендовать на «ничейный счет». «Невской»

команде удалось все же удержать за собой победу, но с большим трудом:

Предновогодний тур подарил множество интриг. Все, кто следил за трансляциями, увидели рубку между грандами, закрученный сюжет во встрече фаворита с андердогом. <...> Однако игра перевернулась буквально за мгновение. Последний шанс представился буквально за секунду до sireны и пришел откуда не ждали. [17]. (здесь и далее разрядка наша – Е. С.)

Напряженная борьба, неоднозначность исхода, проявленное упорство и собранность игроков одной из команд в почти бесперспективной ситуации – все это предстает в обобщенном виде, вербализуемом выражением *выиграть на зубах*. Отметим, что семантика «на исходе сил» контекстом не поддерживается.

Приведем еще один контекст, в котором семантика оборота проясняется благодаря ближайшему окружению:

Игра отняла массу сил и эмоций. И финал получился очень тяжелым. Ребята молодцы – проявили характер и выиграли *на зубах*. Добавлю, что мы не ошиблись с капитаном команды. Сергей Сальников – действительно лидер (Георгий Настенко. Казани преподали урок турецкого // Труд-7, 09.02.2011) [18].

В контексте представлена непростая ситуация, акцентируемая за счет словосочетаний *масса сил и эмоций; тяжелый финал*, но особенно важен показанный характер. *Проявлять (показывать, демонстрировать) характер* – ср. «проявлять стойкость, непреклонность; оставаться верным принятому решению» [15, с. 707] – это выражение становится контекстуальным синонимом и своего рода «проявителем» семантики выражения *на зубах*.

На проявление характера (его называют еще спортивной злостью), умение стиснуть зубы (мы не исключаем влияния этого фразеологизма на формирование значения оборота *на зубах*) и продолжать действовать наперекор неудачно складывающимся обстоятельствам указывает и следующий пример:

Алан Дзагоев: «Игрокам ЦСКА не наплевать на результат. На характере, на зубах вытаскивали матчи» (заголовок) Полузащитник ЦСКА Алан Дзагоев дал комментарий после победы над «Локомотивом», которая принесла армейскому клубу чемпионский титул. [19].

Контекст свидетельствует о правомерности трактовки выражения *на зубах* с привлечением лексемы *характер* и устойчивости близкого по

структуре и весьма частотного выражения *на характере* (выиграть, вытащить, достать, вырвать и др.). Ср.: Да и не самые лучшие по качеству матчи мы доставали *на характере*, иногда проигрывая с большим счетом [18]. Эта медаль выиграна *на характере*, и в их возрасте это важно. Остальные две наших пары расстроили. Надо уметь держать себя в руках, а не разваливаться на важных стартах [Там же]. *На характере*: Россия вырвала победу у сборной Нигерии на ЧМ-2019 [Там же]. Хоккей «Нью-Джерси» без Ковальчука вытащил *на характере* матч в Филадельфии [Там же].

Контекстуальное использование оборота, как мы видим, указывает на частоту появления в сочетании с ним глаголов *выигрывать, вытаскивать, вытягивать, вырывать*. Ср.:

А мы отыгрались и выиграли! Остановили бразильянок на самом скаку... Сет, тайм-брейк, матч – и Россия в финале... На характере. На зубах. <...> Сами себя в болото загоняем, сами потом вытаскиваем... За волосы, изо всех жил... Героически! [20]

В функции трактовки выражения *выиграть на зубах* выступает и комментарий, данный в блоге болельщиком по поводу содержания статьи «Волейболисты казанского “Зенита” завоевали Суперкубок России»:

Как уже писал после кубка 100-летия, наличие-отсутствие Кристенсона общую картину не меняет, если у команды просто нет характера. *Выиграть на зубах*, выиграть вопреки – это не про Зенит. Они играют только, когда тупо летит [21].

Стойкость, редкое упорство, завидная стрессоустойчивость, воля к победе, проявление характера – вот что стоит за адвербиальным выражением (сделать что-л.) *на зубах*, о чем свидетельствуют многочисленные примеры, в которых говорится о достигнутой победе и манере игры:

23 октября, 2012 – Лига чемпионов. «Спартак» – «Бенфика» – 2:1. «На зубах» (заголовок) Унаи Эмери полностью переключил состав «Спартака» и добился успеха. [22];

На зубах (заголовок). Плохую игру футболисты «Зенита» компенсируют характером [23];

На зубах (заголовок). Хачанов дожал испанца и прервал кошмарную серию [проигрышей] (подзаголовок) Россиянин на характере вышел во второй круг турнира в Пекине. <...> Россиянин доказал, что если у него могут быть проблемы в игре, это не значит, что ушел и характер [24].

При отсутствии высокого уровня спортивного мастерства речь может идти не столько об

острой напряженной борьбе в стремлении к победе, сколько вообще о возможности хоть какого-либо участия в состязаниях – *на зубах*, то есть практически на старом авторитете и амбициях, с приложением неимоверных усилий:

«Спартак» – действующий чемпион, развалившийся за несколько месяцев до конца чемпионата, играющий *на зубах* и *на амбициях* [18].

Здесь как раз возможно прочтение «на пределе сил и возможностей».

Таким образом, при включении единицы в словарь фразеологической неологии следует, как нам представляется, при раскрытии значения указывать, во-первых, на сочетаемость оборота и привести примеры как с частотным глаголом *выиграть*, так и с другими глагольными единицами, но также и без них – такие примеры также встречаются. Ср.:

В плей-офф – *на зубах*. Отчет о матче сборных России и США (заголовок). Россияне одерживают очень важную победу, и еще важнее, что она одержана на характере, *на зубах*. <...> Наша команда оказалась в непростой ситуации: нам кровь из носу надо было выигрывать один из двух последних матчей в группе [25].

Интересно, что в ходе употребления в контекстах определенной направленности выражение постепенно «намагничивается» и семантикой «победа, выигрыш», «любой ценой», «во что бы то ни стало».

Во-вторых, требуется конкретизация сферы употребления – это, безусловно, сфера спортивной борьбы, сопровождаемой спортивным азартом, трудно достигаемой победой, и помета «проф.» представляется здесь недостаточной. В-третьих, целесообразно привести и синонимическое выражение *на характере* – с весьма близкой сочетаемостью, стилистической окраской и сферой употребления. И, наконец, возвращаясь к трактовке, предлагаемой сегодня для выражения *на зубах*, подчеркнем, что оно нуждается в серьезной доработке в соответствии с реализуемыми в контекстах смыслами. При всей своей краткости – возможно, именно благодаря ей, а не вопреки – оборот семантически очень насыщен и способен передавать в контексте и такие нюансы, как «ценой неимоверных усилий», намекать на упорную борьбу, даже если речи о ней в контексте не идет. Ср.:

По последним матчам ЦСКА в РПЛ видно, как армейскому коллективу тяжело. Каждое очко добывается с помощью невероятных усилий и буквально *на зубах* [18].

Осмелимся предложить такую формулировку значения оборота: «О проявлении характера и напряжении всех сил в упорной борьбе за победу, выигрыш, неременное достижение желанной цели».

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №23-18-00141, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете)

Список источников

1. Баско Н. В. Фразеологические инновации русского языка в эпоху коронавируса // Преподаватель XXI век. 2022. № 2. Часть 2. С. 395–408.
2. Коваль В. И. Состав, семантика и прагматика фразеологических неологизмов (на материале «Словаря русского языка коронавирусной эпохи» // Язык – текст – дискурс: дискурсивное измерение языковых процессов: сб. науч. ст. по матер. VIII междунар. науч. конф. / отв. ред. Н. А. Илюхина. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2022. С. 43–50.
3. Карасик В. И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 25–34.
4. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Словарь ковидных русских антипословиц-карантинок // Словарь русского языка коронавирусной эпохи / отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб.: Ин-т лингвистических исслед. РАН, 2021. С. 432–489.
5. Гуркова О. С. О некоторых неофразах, входящих к сфере электронных коммуникаций // Славянская фразеология и паремиялогия: сборник научных статей. Вып. 3 / отв. ред. Е. И. Тимошенко. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2023. С. 44–47.
6. Селиверстова Е. И. Фразеология в фарватере современных технологий: компьютер, интернет, айфон // Неология. Неография. 2023. Сб. науч. статей / Отв. ред. Н. В. Козловская / Ин-т лингв. исследований РАН. СПб.: ИЛИ РАН, 2024. С. 75–82.
7. Чернова О. Е., Осипова А. А., Бужинская Д. С. Новая фразеология в современном коммуникативном пространстве (к вопросу о пополнении корпуса устойчивых оборотов фразеологизмами с компонентом «электронный») // Litera. 2020. № 5. С. 27–38.
8. Селиверстова Е. И. Нефтяная халява: фразеологическая неология об экономических выгодах // Когнитивные исследования языка. № 1 (57). 2024. С. 92–95.
9. Бахматов Д. А. К вопросу о путях развития фразеологического состава языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 4. С. 72–79.
10. Зиновьева Е. И., Алёшин А. С. Неофразаологизм «набрасывать на вентилятор»: семантика и функционирование в современной публицистике // Славянская фразеология и фразеография: фразеологические неологизмы в славянских языках. Коллектив-

ная монография. Грайфсвальд-Санкт-Петербург, 2021. С. 146–150.

11. Козловская Н. В. Новые сочетания *шапка профиля, шапка сайта и шапка канала* в языке интернета, в терминосистеме маркетинга и в словаре // Неология. Неография. 2023: Сб. науч. статей / Отв. ред. Н. В. Козловская / Ин-т лингв. исследований РАН. СПб.: ИЛИ РАН, 2024. С. 19–30.

12. Мокиенко В. М. Русские лихие девяностые в лексикографическом зеркале // Лексикография в начале XXI в.: доклады от Седмата международна конференция по лексикография и лексикология. София: Българска АН, 2016. С. 498–515.

13. Шулежкова С. Г. Русские и болгарские фразеологические неологизмы как объект словарного описания // Научный диалог. 2019. № 9. С. 173–189.

14. Generalova E. V. Problems Of Lexicographic Interpretation Of The Latest Phraseology Of Russian // RLMSEE-2020. The Russian Language in Modern Scientific and Educational Environment. Pp. 363–367.

15. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. 783 с.

16. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / Под ред. Е. А. Левашова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 904 с.

17. Ребятам огромное спасибо – выиграли «на зубах» // [сайт] Санкт-Петербург. БЕЗФОРМАТА. URL: <https://sanktpeterburg.bezformata.com/listnews> (дата обращения: 29.09.2024).

18. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 29.09.2024)

19. Алан Дзагоев: «Игрокам ЦСКА не наплевать на результат. На характере, на зубах вытаскивали матчи» // [сайт] Спортс; URL: <https://www.sports.ru/football/1020583576.html> (дата обращения: 29.09.2024).

20. Взятие Бразилии // [сайт] Московский комсомолец. 28.08.04. URL: www.mk.ru/editions/daily/article/2004/08/28/ (дата обращения: 29.09.2024).

21. Волейболисты казанского «Зенита» завоевали Суперкубок России (комментарий) // [сайт] Бизнес-газета. URL: m.sport.business-gazeta.ru/article/288850 (дата обращения: 29.09.2024).

22. Унаи Эмери полностью перекроил состав «Спартак» и добился успеха // [сайт] «Спартак» Москва. URL: <http://www.footballtop.ru/news/> (дата обращения: 29.09.2024).

23. На зубах (заголовок) Плохую игру футболисты «Зенита» компенсируют характером // [сайт] Спорт-экспресс; URL: <https://www.sport-express.ru/football/rfpl/reviews> (дата обращения: 22.09.2024).

24. На зубах. Хачанов дожал испанца и прервал кошмарную серию // Советский спорт. URL: www.sovsport.ru/tennis/articles/ (дата обращения: 29.09.2024).

25. В плей-офф – на зубах. Отчет о матче сборных России и США // Советский спорт. URL: www.sovsport.ru/gazeta/article-item/543294 (дата обращения: 29.09.2024).

References

1. Basko, N. V. (2022). *Frazeologicheskie innovatsii russkogo yazyka v epokhu koronavirusa* [Phraseological Innovations of the Russian Language in the Era of Corona Virus]. *Prepodavatel' XXI vek. No. 2. Part 2*, pp. 395–408. (In Russian)

2. Koval', V. I. (2022). *Sostav, semantika i pragmatika frazeologicheskikh neologizmov (na materiale "Slovara russkogo yazyka koronavirusnoi epokhi")* [Composition, Semantics and Pragmatics of Phraseological Neologisms (based on the "Dictionary of the Russian Language of the Coronavirus Era")]. *Yazyk – tekst – diskurs: diskursivnoe izmerenie yazykovykh protsessov: sb. nauch. St., pp. 43–50. Otv. red. N. A. Ilyukhina. Samara, Samar.gumanitar.akad. (In Russian)*

3. Karasik, V. I. (2020). *Epidemiya v zerkale mediinogo diskursa: fakty, otsenki, pozitsii* [The Epidemic in the Mirror of Media Discourse: Facts, Assessments, Positions]. *Politicheskaya lingvistika. No. 2 (80)*, pp. 25–34. (In Russian)

4. Walter, H. & Mokienko, V. M. (2021). *Slovar' kovidnykh russkikh antiposlovits-karantinok* [Dictionary of COVID Russian Quarantine Anti-Proverbs]. Red. M. N. Priemysheva. *Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoi epokhi. Pp. 432–489. St. Petersburg, Institut lingvisticheskikh issledovani RAS. (In Russian)*

5. Gurkova, O. S. (2023). *O nekotorykh neofrazemakh, voskhodyashchikh k sfere elektronnykh kommunikatsii* [On Some Neofrazems Dating Back to the Field of Electronic Communications]. *Slavyanskaya frazeologiya i paremiologiya: sbornik nauchnykh statei. No. 3, pp. 44–47. Red. E. I. Timoshenko. Gomel', GSU im. F. Skorina. (In Russian)*

6. Seliverstova, E. I. (2024). *Frazeologiya v farvatore sovremennykh tekhnologii: komp'yuter, internet, айфон* [Phraseology in the Mainstream of Modern Technologies: Computer, Internet, iPhone]. *Neologiya. Neografiya: Sb. nauch. Statei, pp. 75–82. Red. N. V. Kozlovskaya. St. Petersburg, Institut lingvisticheskikh issledovani RAS. (In Russian)*

7. Chernova, O. E., Osipova, A. A., & Buzhinskaya, D. S. (2020). *Novaya frazeologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve (K voprosu o popolnenii korpusa ustoyichivyykh oborotov frazeologizmami s komponentom "elektronnyi")* [New Phraseology in Modern Communicative Space (On the issue of replenishing the body of set phrases with phraseologies containing the "electronic" component)]. *Litera. No. 5, pp. 27–38. (In Russian)*

8. Seliverstova, E. I. (2024). *Neftyanaya khalyava: frazeologicheskaya neologika ob ekonomicheskikh vygodakh* [Free Oil: Phraseological Neology about Economic Benefits]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. No. 1 (57), pp. 92–95. (In Russian)*

9. Bakhmatov, D. A. (2019). *K voprosu o putyakh razvitiya frazeologicheskogo sostava yazyka* [The Issue of the Paths of Phraseology Evolution]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. No. 4, pp. 72–79. (In Russian)*

10. Zinov'eva, E. I., Aleshin, A. S. (2021). *Neofrazeologizm "nabrasyvat' na ventilyator": semantika*

i funkcionirovanie v sovremennoi publitsistike [Neofraseologism “Nabрасyvаt’ na Ventilator” (“Throw on a Fan”): Semantics and Functions in Modern Journalism]. Slavyanskaya frazeologiya i frazeografiya: frazeologicheskie neologizmy v slavyanskikh yazykakh. Pp. 146–150. Greifswald-St. Petersburg. (In Russian)

11. Kozlovskaya, N. V. (2023). *Novye sochetaniya ‘shapka profilya’, ‘shapka saitа’ i ‘shapka kanala’ v yazyke interneta, v terminosisteme marketinga i v slovare* [The New Set Phrases “Shapka Profilya” (“Profile Heading”), “Shapka Saitа” (“Site Heading”) and “Shapka Kanala” (“Channel Heading”) in the Internet Language, in the Marketing Terminological System and in the Dictionary]. Otv. red. N. V. Kozlovskaya. Neologiya. Neografiya: Sb. nauch. statei. Pp. 19–30. St. Petersburg, Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAS. (In Russian)

12. Mokienko, V. M. (2016). *Russkiye likhiye devyanostyye v leksikograficheskom zerkale* [The Russian Wild Nineties in the Lexicographic Mirror]. Leksikografiyata v nachaloto na XXI v.: dokladi ot Sedmata mezhdunarodna konferentsiya po leksikografiya i leksikologiya. Pp. 498–515. Sofia, Bulgarian AS. (In Russian)

13. Shulezhkova, S. G. (2019). *Russkie i bolgarskie frazeologicheskie neologizmy kak objekt slovarnogo opisaniya* [Russian and Bulgarian Phraseological Neologisms as an Object of a Dictionary Description]. Nauchnyi dialog. No. 9, pp. 173–189. (In Russian)

14. Generalova, E. (2021). *Problems of Lexicographic Interpretation of the Latest Phraseology of Russian. RLMSEE-2020*. The Russian Language in Modern Scientific and Educational Environment. Pp. 363–367. (In English)

15. Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2013). *Bol’shoi slovar’ russkikh pogovorok* [Large Dictionary of Russian Sayings]. 784 p. Moscow, OLMA Media Grupp. (In Russian)

16. *Novye slova i znacheniya. Slovar’-spravochnik po materialam pressy i literatury 80-kh godov* (1997) [New Words and Meanings. Dictionary-Reference Book on Materials of the Press and Literature of the 80s]. Red. E. A. Levashov. 904 p. St. Petersburg, Dmitry Bulanin. (In Russian)

17. *Rebyatam ogromnoe spasibo — vyigrali “na zubakh”* [Many Thanks to the Guys – They Gave It Their All to Win]. St. Petersburg. BEZFORMAT. URL:

<https://sanktpeterburg.bezformata.com/listnews> (accessed: 29.09.2024). (In Russian)

18. *Natsional’nyi korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 29.09.2024). (In Russian)

19. Alan Dzagoev: “Igrokam TsSKA ne naplevat’ na rezul’tat. Na kharaktere, na zubakh vytaskivali matchi” [Alan Dzagoev: “CSKA Players Do Not Neglect the Result. Demonstrating Strong Will, They Gave It Their All to Win”]. Sports. URL: <https://www.sports.ru/football/1020583576.html> (accessed: 29.09.2024). (In Russian)

20. *Vzyatie Brazili* [Taking Brazil (=Victory over Brazil)]. Moskovsky Komsomolets 28.08.04. URL: www.mk.ru/editions/daily/article/2004/08/28/ (accessed: 29.09.2024). (In Russian)

21. *Voleibolisty kazanskogo “Zenita” zavoevali Superkubok Rossii* (kommentarii) [Kazan “Zenith” Volleyball Players Won the Russian Super Cup (Commentary)]. Biznes-gazeta. URL: m.sport.business-gazeta.ru/article/288850 (accessed: 29.09.2024). (In Russian)

22. *Unai Emeri polnost’yu perekroil sostav “Spartaka” i dobilsya uspekha* [Unai Emery Has Completely Redrawn the Composition of “Spartak” and Achieved Success]. Spartak-Moskva. URL: <http://www.footballtop.ru/news/> (accessed: 29.09.2024). (In Russian)

23. *Na zubakh (zagolovok). Plokhuyu igru futbolisty “Zenita” kompensiruyut kharakterom* [On the Teeth – Giving It All Their Best (title). “Zenit” Players Make Up for the Poor Game Displaying Strong Will. Sport-ekspres. URL: <https://www.sport-express.ru/football/rfpl/reviews> (accessed: 22.09.2024). (In Russian)

24. *Na zubakh. Khachanov dozhal ispantsa i prevral koshmarnuyu seriyu* [On the Teeth – Giving It All His Best. Khachanov Finished Off the Spaniard and Interrupted the Nightmare Series]. Sovetskii sport. URL: sovsport.ru/tennis/articles/ (accessed: 29.09.2024). (In Russian)

25. *V plei-off — na zubakh. Otchet o matche sbornykh Rossii i SShA* [In the Playoffs – On the Teeth (Giving It Their All). Report on the Match between the National Teams of Russia and the USA]. Sovetskii sport. URL: <http://www.sovsport.ru/gazeta/article-item/543294> (accessed: 29.09.2024). (In Russian)

The article was submitted on 16.10.2024

Поступила в редакцию 16.10.2024

Селиверстова Елена Ивановна,
доктор филологических наук,
профессор,
Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7-9-11.
e.seliverstova@spbu.ru

Seliverstova Elena Ivanovna,
Doctor of Philology,
Professor,
St. Petersburg State University,
7-9-11 Universitetskaya Emb.,
St. Petersburg, 199034, Russian Federation.
e.seliverstova@spbu.ru

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-169-174

ЧАСТОТНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПАРАМЕТРИЧЕСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ГАЗЕТНОМ ПОДКОРПУСЕ НКРЯ

© Чжоу Чуньянь, Татьяна Бочина

FREQUENCY OF PARAMETRIC ADJECTIVAL FUNCTIONS IN THE NEWSPAPER SUB-CORPUS OF THE NATIONAL CORPUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Zhou Chunyan, Tatyana Bochina

Modern linguistics assumes a comprehensive study of language as a means of forming and reflecting the picture of the world. In the course of communication, the transfer of information about an object is realized, among other things, through the use of parametric adjectives. A group of lexical units, united by the common semantics of size, acts as one of the main tools for describing reality. Based on the material of the newspaper sub-corpus of the National Corpus of the Russian Language, this article examines the frequency of parametric adjectives usage in political news texts. Functional and semantic specificity expands the sphere of parametric adjectives usage, which explains the prevalence of qualitative adjectives with the meaning of size. The aim of the study is to reveal the quantitative features of parametric adjectives usage in the newspaper sub-corpus of the National Corpus of the Russian Language. The study is based on the political texts from such newspapers as “The Pravda”, “The Novaya Gazeta”, “The Kommersant”, published from 2020 to 2024 and selected by the method of continuous sampling. In the course of the study, we gave a quantitative description of parametric adjectives with the meaning of size; on its basis, we rated the nominative fractionality and frequency of parametric adjectives’ thematic groups in the newspaper sub-corpus of the National Corpus of the Russian Language. As a result of the analysis of the most frequent parametric adjectives with the meaning of size, we determined and described the regularities of these lexical units usage in political news texts. This article reveals the reasons for the active use of parametric adjectives in the modern Russian language and their role in the process of collective consciousness formation.

Keywords: Internet media, National Corpus of the Russian Language, adjectives, parametric adjectives, functions

Современная лингвистика предполагает всестороннее изучение языка как средства формирования и отражения картины мира. Передача информации об объекте в ходе коммуникации реализуется в том числе посредством использования параметрических прилагательных. Группа лексических единиц, объединённая общей семантикой размера, выступает в качестве одного из основных инструментов описания реальности. В данной работе рассматривается частотность употребления параметрических прилагательных в политических новостных текстах на материале газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка. Функциональная и семантическая специфика расширяет сферу употребления параметрических адективов, что объясняет распространённость качественных прилагательных со значением размера. Цель исследования – выявить количественные особенности употребления параметрических прилагательных в газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка. В качестве материала выступают тексты политической сферы из таких газет, как «Правда», «Новая газета», «Коммерсант», изданных с 2020 по 2024 год, отобранные методом сплошной выборки. В ходе исследования была дана количественная характеристика употребления параметрических адективов со значением размера; на ее основе были составлены рейтинги номинативной дробности и частотности тематических групп параметрических прилагательных в газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка. Был проведён анализ наиболее частотных параметрических прилагательных со значением величины, в результате которого определены и описаны количественные закономерности употребления указанных лексических единиц в политических новостных текстах.

Ключевые слова: интернет-СМИ, Национальный корпус русского языка, прилагательные, параметрические прилагательные, функционирование

Для цитирования: Чжоу Чуньянь, Бочина Т. Частотность функционирования параметрических прилагательных в газетном подкорпусе НКРЯ // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 169–174. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-169-174

Как известно, одной из базовых категорий, связанных с формированием картины мира, является категория размера, которая на языковом уровне чаще всего выражается с помощью параметрических прилагательных, использование которых в процессе коммуникации мотивировано рядом особенностей как параметрической лексики в целом, так и конкретно параметрических адъективов.

Семантически вербализация параметров предметов сложнее ряда других подобных процессов: «Ни в одном другом случае говорящие не учитывают столь большого комплекса свойств предмета речи, как при выборе определенного линейного параметра для характеристики физического объекта, действия или процесса» [1, с. 65]. Для точного описания конкретного признака предмета, внешнего или внутреннего, требуется мысленно соотнести полученную визуальную информацию об объекте с существующими стандартами, эталонами категории размера и подобрать наиболее подходящую лексику.

Путем использования параметрических прилагательных описываются объекты, которые обладают рядом определенных топологических характеристик. Таким образом, выбор параметрических прилагательных в основном зависит от топологического типа объекта [2, с. 9].

Тем не менее, помимо типа описываемого объекта, на выбор слова влияет система взглядов и убеждений как конкретного носителя языка, так и исторически сложившейся группы, к которой он принадлежит. Субъект коммуникации опирается на характер языковой ситуации, свое отношение к ней или описываемым предметам и явлениям, принятым в его социальной группе стереотипным представлениям об объекте [3, с. 23]. Заложенное в пласт параметрической лексики наличие объективной и субъективной оценки говорит о вхождении данного типа языковых единиц в поле количественно-оценочных слов.

Специфика непосредственно параметрических адъективов заключается в том, что они наделяют предметы различными свойствами, которые различаются по градации. Параметрические прилагательные способны передавать не только признак предмета, но и степень его выраженности, количественные проявления посредством использования форм степеней сравнения и сочетания с наречиями меры степени [4, с. 138]. Кроме того, некоторые тематические группы пара-

метрических прилагательных, помимо основной семантики размера, содержат дополнительные смысловые группы, такие как количество, состояние, время, протяженность, оценка [5, с. 67].

Участие в формировании языковой картины мира, возможность выражения субъективной оценки и дополнительного значения существенно расширяют сферу употребления параметрических прилагательных, что объясняет повышенное внимание к данной лексической категории со стороны ученых-лингвистов. В рамках нашего исследования интерес представляют: а) количественная характеристика тематических групп параметрических прилагательных и отдельных адъективов со значением величины, длины, ширины, глубины, высоты, толщины и веса; б) анализ наиболее частотных параметрических прилагательных.

Материалом исследования послужили новостные тексты 2020–2024 гг., содержащиеся в газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [6].

Общепризнанно, что НКРЯ является одним из самых обширных и продуктивных источников данных, так как фиксирует состояние языка «во всем многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов и т. п.» [7]. Тексты изданий центральных СМИ составляют крупнейший по объему подкорпус НКРЯ, включающий 2 728 688 текстов таких изданий, как «Правда», «Парламентская газета», «Ведомости», «РИА новости», «Аргументы и факты», «Новая газета», «Независимая газета» и другие. Значительный объем газетного подкорпуса НКРЯ обеспечивает высокую результативность проведенного исследования.

В газетном подкорпусе НКРЯ было обнаружено 126 параметрических прилагательных, которые объединяются в 7 тематических групп в зависимости от выражаемых ими параметров: величина, ширина, глубина, длина, высота, толщина, вес.

Важной чертой функционирования тех или иных лексем является их количественная характеристика, определение частотности использования языковых единиц. Прежде всего необходимо выяснить, какие участки ЛСГ параметрических прилагательных являются наиболее значимыми в газетных текстах политического дискурса. С этой целью был составлен рейтинг номинативной дробности тематических групп (см. табл.1).

Позиции рейтинга были сформированы в соответствии с законом номинативной дробности, выведенным З. Д. Поповой и А. Стерниным: «чем выше номинативная дробность, расчлененность той или иной денотативной сферы, тем большую важность имеют репрезентируемые совокупностью этих средств концепты в сознании носителей языка в данный период, на данном этапе развития общества и мышления» [8, с. 98].

Таблица 1

Рейтинги номинативной дробности и частотности тематических групп параметрических прилагательных в газетном подкорпусе НКРЯ

Тематические группы	Количество слов	Рейтинг номинативной дробности	Общее количество апелляций	Рейтинг частотности
величина	26	1	1 710 141	1
длина	21	2	226 431	4
высота	18	4	642 236	2
толщина	12	7	28 939	6
ширина	19	3	21 868	7
глубина	14	6	228 899	3
вес	17	5	220 414	5

По количеству слов в газетном подкорпусе наиболее расчлененными являются тематические группы параметрических прилагательных, обозначающих величину, длину и ширину (соответственно 1, 2 и 3-е место в рейтинге номинативной дробности). Наименее частотны группы параметрических прилагательных, обозначающих глубину (14 слов) и толщину (12 слов). Выявленная закономерность демонстрирует особенности современного сознания в общественно-политической сфере и его отражения в русском языке СМИ: в современной картине мира, репрезентируемой массмедиа, наиболее актуальными для характеристики размера являются параметры общей величины, длины и ширины, наименее значимыми – глубины и толщины.

Однако, как известно, актуальность того или иного концепта определяется не только количеством лексем, номинирующих соответствующую сферу действительности [9, с. 112], но и его коммуникативной релевантностью. С целью определения рекуррентности каждого признака размера была определена частотность параметрических прилагательных в газетных текстах и суммарное количество апелляций адъективов каждой тематической группы. Таким образом выявлялась социальная значимость конкретного размерного признака.

По суммарному количеству апелляций рейтинг частотности тематических групп параметрических прилагательных является следующим:

1) высокая частотность характерна для групп прилагательных со значением величины (1710141) и высоты (642236);

2) средней частотностью обладают тематические группы с семантикой глубины (228899), длины (226431) и веса (220414)

3) наименьшая частотность характерна адъективам с семами толщины (28939) и ширины (21868).

Данная статистика отражает важность показателей того или иного размера для характеристики предмета в газетном тексте.

Как видим, рейтинг частотности тематических групп параметрических прилагательных в большинстве случаев асимметричен рейтингу их номинативной дробности; исключение составляет группа со значением величины, которая является и самой расчлененной, и самой частотной. Разница между количеством параметрических лексем и частотой их употребления объясняется особенностями функционирования слов со значением размера в языке СМИ и свидетельствует о важности подробного исследования газетных текстов в ходе изучения политического дискурса.

Анализ количества апелляций каждого из обнаруженных в газетном подкорпусе НКРЯ 126 параметрических прилагательных позволил выделить 71 слово, встретившееся в газетном подкорпусе более 500 раз, в том числе:

1) в тематической группе параметрических прилагательных, обозначающих величину: *большой* (630452), *крупный* (283847), *великий* (138663), *огромный* (138460), *небольшой* (136816), *маленький* (135260), *значительный* (105491), *малый* (101128), *наибольший* (36886), *гигантский* (21935), *незначительный* (19667), *колоссальный* (15137), *грандиозный* (13030), *внушительный* (8371), *громадный* (6275), *просторный* (4841), *миниатюрный* (4050), *крохотный* (3356), *здоровенный* (1282), *малюсенький* (519), *огромнейший* (510);

2) в тематической группе параметрических прилагательных, обозначающих высоту: *высокий* (342975), *низкий* (145805), *высший* (126365), *невысокий* (11331), *высочайший* (6602), *наивысший* (3603), *сверхвысокий* (812), *высоченный* (760), *высоковатый* (760), *вышний* (550);

3) в тематической группе параметрических прилагательных, обозначающих глубину: *глубокий* (40811), *мелкий* (41515), *глубинный* (3515), *глубоководный* (3474), *глубочайший* (2078), *неглубокий* (842), *бездонный* (824);

4) в тематической группе параметрических прилагательных, обозначающих ширину: *широкий* (78068), *узкий* (20152), *тесный* (19095), *непросторный* (7998), *обширный* (11954), *недалекый* (3559), *безграничный* (2560), *беспредельный* (749), *коротенький* (828), *размашистый* (560);

5) в тематической группе параметрических прилагательных, обозначающих длину: *долгий* (64388), *короткий* (55501), *длительный* (35050), *длинный* (35593), *краткий* (10992), *продолжительный* (10182), *недолгий* (3513), *непродолжительный* (2626), *протяженный* (1438), *вытянутый* (994), *скоротечный* (922), *длиннющий* (790);

6) в тематической группе параметрических прилагательных, обозначающих толщину: *тонкий* (12675), *толстый* (12544), *тончайший* (1430), *тоненький* (1300);

7) в тематической группе параметрических прилагательных, обозначающих вес: *тяжелый* (131103), *легкий* (69969), *нелегкий* (6537), *тяжелый* (5038), *веский* (3880), *пониженный* (1547), *тяжеловесный* (886), *тягостный* (765).

Результаты обработки данных свидетельствуют, что наибольшее количество частотных лексем относится к тематической группе «величина» (19 слов), наименьшее – к параметру толщины (4); эти данные коррелируют с рейтингом номинативной плотности (в наиболее расчлененной группе – наибольшее количество частотных лексем, в самой немногочисленной группе – меньше всего частотных слов).

Итак, самыми частотными в газетном подкорпусе параметрическими адъективами являются лексемы *большой* (630452), *высокий* (342975), *крупный* (283847), *низкий* (145805), *великий* (138663), *огромный* (138460), *небольшой* (136816), *маленький* (135260), *тяжелый* (131103), *высший* (126365), *значительный* (105491), *малый* (101128). Наименьшее количество вхождений в газетном подкорпусе характерно для слов *ширококонный*, *укладистый*, *невместительный*, *глубококонный*, *обмельчавший* (0), *нетяжеловесный*, *негрузный* (1), *высококонный*, *обрюзглый* (2), *тонковатый* (8), *длинноватый* (12).

Еще одним значимым показателем количественного анализа параметрических прилагательных является результат сопоставления данных об их частотности в газетном подкорпусе с количеством обращений в основном подкорпусе. Покажем это на примере одной из групп.

В тематической группе «величина» частотными прилагательными являются *большой* (630452), *крупный* (283847), *великий* (138662), *огромный* (138460), *небольшой* (136816), *маленький* (135260), *малый* (101128) (см. табл.2).

Таблица 2

Частотные параметрические прилагательные, обозначающие большой размер

Слово	Частотность в газетном подкорпусе	Рейтинг частотности в газетном подкорпусе	Частотность слова в основном подкорпусе	Рейтинг частотности в основном подкорпусе
большой	630 452	1	376 185	1
крупный	283 847	2	64 207	4
великий	138 662	3	171 287	2
огромный	105 491	4	101 404	3

В таблице 2 наглядно видно, что в газетном подкорпусе частотность слова *большой* почти в 2 раза больше, чем в основном подкорпусе; прилагательное *крупный* встречается в текстах СМИ в 4,5 раза чаще, чем в основном подкорпусе; адъектив *огромный* также более частотен в газетном тексте, и лишь прилагательное *великий* используется в газетном подкорпусе реже, чем в основном.

Несовпадение частотности употребления того или иного параметра в газетном и основном подкорпусах демонстрируют также наиболее частотные прилагательные, выражающие небольшой размер – *малый*, *небольшой*, *маленький* (см. табл.3).

Таблица 3

Частотные параметрические прилагательные, обозначающие маленький размер

Слово	Частотность в газетном подкорпусе	Рейтинг частотности в газетном подкорпусе	Частотность в основном подкорпусе	Рейтинг частотности в основном подкорпусе
маленький	135 260	2	145 778	1
небольшой	136 816	1	81 062	2
малый	101 128	3	61 724	3

Частотность прилагательных *небольшой* и *малый* в газетном подкорпусе в 1,5 раза больше, чем в основном подкорпусе; частотность слова

маленький, напротив, в газетном подкорпусе меньше, чем в основном.

Аналогичный анализ других частотных адъективов демонстрирует, что большинство параметрических прилагательных в газетном подкорпусе встречается чаще, чем в основном (за исключением прилагательных *маленький, глубокий, мелкий, неглубокий, длинный и краткий*). Выявленная тенденция обусловлена, на наш взгляд, экспрессивностью и образностью публицистического стиля.

Проведенный анализ демонстрирует, что количественные данные характеризуют важные особенности функционирования лексики в определенном дискурсе, в нашем случае – в газетных текстах. Так, рейтинги номинативной плотности и частотности параметрических прилагательных, выражающих определенный показатель размера, свидетельствуют как о когнитивной, так и социальной важности того или иного размерного признака. Кроме того, в подавляющем большинстве случаев количество вхождений параметрических адъективов в газетном и основном подкорпусах не совпадает, что свидетельствует об особой значимости признаков размера для новостного текста.

Перспектива исследования заключается в анализе семантических особенностей функционирования параметрических прилагательных в газетном тексте.

Список источников

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика. М.: Восточная литература РАН, 1995. 472 с.
2. Усманов Р. Ш. Параметрическая категоризация адъективной лексики (на материале прилагательных, обозначающих «общий размер»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Уфа, 2009. 22 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
4. Пузанова Ю. С. Параметрические прилагательные русского языка: исследование онтогенеза на материале спонтанной речи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2012. № 151. С.137–141.
5. Ачаева М. С. Номинативное пространство словообразовательных гнезд параметрических прилагательных в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук: Казань, 2012. 200 с.

6. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora> (дата обращения: 28.09.2024)
7. Что такое Национальный корпус русского языка. URL: <https://www.eduneo.ru/kak-analizirovat-xudozhestvennye-teksty-s-pomoshhyu-nacionalnogo-korpusa-tekstov/> (дата обращения: 06.09.2024).
8. Попова З. Д. Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. М.: АСТ, 2010. 314 с.
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004. 389 с.

References

1. Apresyan, Yu. D. (1995). *Izbrannyye Trudy* [Selected Works]. Tom 1. Leksicheskaya semantika. 472 p. Moscow, Vostochnaya literatura RAN. (In Russian)
2. Usmanov, R. Sh. (2009). *Parametricheskaya kategorizatsiya ad'ektivnoi leksiki (na materiale prilagatel'nykh, oboznachayushchikh "obshchii razmer": avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Parametric Categorization of Adjectival Vocabulary (based on adjectives denoting "total size": Ph.D. Thesis Abstract]. Ufa, 22 p. (In Russian)
3. Vol'f, E. M. (1985). *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional Semantics of Evaluation]. Moscow, Nauka. 228 p. (In Russian)
4. Puzyanova, Yu. S. (2012). *Parametricheskie prilagatel'nye russkogo yazyka: issledovanie ontogeneza na materiale spontannoi rechi* [Parametric Adjectives of the Russian Language: A Study of Ontogenesis Based on Spontaneous Speech]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. No. 151, pp. 137–141. (In Russian)
5. Achaeva, M. S. (2012). *Nominativnoe prostranstvo slovoobrazovatel'nykh gnezd parametricheskikh prilagatel'nykh v russkom i angliiskom yazykakh: dis. ... kand. filol. nauk* [Nominative Space of Word-Formation Nests of Parametric Adjectives in Russian and English: Ph.D. Thesis]. Kazan, 200 p. (In Russian)
6. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora> (accessed: 09.28.2024). (In Russian)
7. *Chto takoe Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [What Is the National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://www.eduneo.ru/kak-analizirovat-xudozhestvennye-teksty-s-pomoshhyu-nacionalnogo-korpusa-tekstov/> (accessed: 06.09.2024). (In Russian)
8. Popova, Z. D., Sternin I. A. (2010). *Ocherki po kognitivnoi lingvistike* [Essays on Cognitive Linguistics]. 314 p. Moscow, AST. (In Russian)
10. Karasik, V. I. (2004). *Yazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. 389 p. Moscow, GNOZIS. (In Russian)

The article was submitted on 01.10.2024
Поступила в редакцию 01.10.2024

Чжоу Чуньянь,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
zhousophia358@gmail.com

Бочина Татьяна Геннадьевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
tbochina@yandex.ru

Zhou Chunyan,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
zhousophia358@gmail.com

Bochina Tatyana Gennadevna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
tbochina@yandex.ru

УДК 81.111

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-175-186

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПОНИМОВ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

© Олеся Шадрина

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF ENGLISH EPONYMS IN THE “ARTIFICIAL INTELLIGENCE” TERMINOLOGY SYSTEM

Olesya Shadrina

The paper is focused on the structural and semantic characteristics of eponyms in the sublanguage “Artificial Intelligence” in English. The study’s relevance is determined by the rapid advancement of artificial intelligence systems and information technology in almost all spheres of human activities, which in turn leads to the creation of new lexical units. This finding highlights the necessity of conducting both theoretical and applied studies in this area of lexicology.

We have found that in the sublanguage “Artificial Intelligence”, the names and surnames of individuals who have made significant contributions to the formation and development of this field of knowledge are used as a productive basis for creating new terms. We have also succeeded in revealing that anthroponyms can both undergo certain morphological transformations during the deonymization process and be used in their initial form. The most productive word-formation models are the use of an eponym in the possessive case and the formation of an eponym-based adjective. In contrast to anthroponyms, toponyms and names of literary and mythological characters shift into the category of common nouns without changing their form, but acquiring a new meaning. The study’s findings highlight the significance of eponyms as fundamental components of the language of science and technology and their impact on the way artificial intelligence concepts are understood.

Keywords: eponym, anthroponym, word-formation model, term, terminological system, artificial intelligence

Статья посвящена рассмотрению структурно-семантических особенностей эпонимов в подъязыке «Искусственный интеллект» в английском языке. Актуальность исследования детерминирована активным развитием информационных технологий и внедрением систем искусственного интеллекта практически во все сферы человеческой деятельности, что неизбежно влечет за собой появление новых лексических единиц. Данный факт подчеркивает необходимость теоретических и практических исследований в этой области лексикологии.

Анализ слов-терминов и терминологических сочетаний показал, что в качестве производящей основы для таких терминов в подъязыке «Искусственный интеллект» используются антропонимы – имена и фамилии лиц, оказавших значительное влияние на становление и развитие данной области знания. Нами также было выявлено, что в процессе деонимизации антропонимы могут как подвергаться определенным морфологическим трансформациям, так и употребляться в исходном виде. Наиболее продуктивными словообразовательными моделями являются использование эпонима в притяжательном падеже и образование на его основе прилагательного. В отличие от антропонимов топонимы и имена литературных и мифических персонажей переходят в категорию имени нарицательного без изменения формы, но с приобретением нового значения. Результаты работы подчеркивают значимость эпонимов как одного из ключевых элементов языка науки и техники и их влияние на понимание концепций искусственного интеллекта.

Ключевые слова: эпоним, антропоним, словообразовательная модель, термин, терминологическая система, искусственный интеллект

Для цитирования: Шадрина О. Структурно-семантические особенности эпонимов терминосистемы «искусственный интеллект» в английском языке // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 175–186. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-175-186

Практически невозможно представить себе отрасль знания, терминологическая система которой не включала бы в себя эпонимы – «лексические единицы, элементами структуры которых выступают собственные имена, либо обозначающие авторов соответствующих объектов, явлений, единиц измерения, либо присваиваемые в честь известных деятелей науки, культуры» [1, с. 12]. В данном исследовании, вслед за Е. М. Какзановой, под эпонимом мы будем понимать термин, содержащий в своем составе имя собственное, репрезентированное антропонимом, топонимом или мифонимом, а также терминологическую лексему, образованную от имени собственного путем аффиксации или метонимического переноса [2, с. 183].

К настоящему времени уже опубликованы исследования об особенностях образования и функционирования эпонимов в медицине [3], [4], [5]; естественных науках [6], [7], [8]; юриспруденции [9], [10]; экономике [11], [12]; спорте [13], [14], [15]; нефтегазовой сфере [16] и др. Причем большинство исследованных единиц относится или к объектной антропонимической номенклатуре, или к антропонимической (фамильной) метаноменклатуре (лексическая единица служит для номинации абстрактного понятия), реже – к объектной топонимической номенклатуре [17, с. 58–75], например, *градус Реомюра*, *постоянная Планка* (физика), *жавелевая вода* – раствор солей калия хлорноватистой и соляной кислот (от городка Жавель, где впервые в 1792 г. стали производить это раствор), *реакция Гофмана* (химия), *сальто Делчева*, *защита Чигорина* (спорт), *стратегия леди Макбет*, *индекс Херфиндаля-Хиршмана* (экономика), *лошадь Пржевальского*, *сосна аллепская* (биология), *парфрения Клейста*, *палочка Коха* (медицина).

Однако, несмотря на огромный массив работ, посвященных эпонимам и процессу перехода имен собственных в разряд имен нарицательных, у исследователей не сложилось единого мнения относительно роли эпонимов в лексической системе языка. В частности, Е. А. Лобач отмечает, что в отличие от обычных терминов, для терминов-эпонимов характерны такие недостатки, как *громоздкость*, влекущая за собой труднопроизносимость, низкий словообразовательный потенциал, неполное отражение понятия, а также несоответствие требованиям систематичности и классификации [18, с. 91]. Д. С. Лотте подчеркивал амбивалентность терминов-эпонимов. С одной стороны, они не вызывают сторонних ассоциаций и тем самым приближаются к нейтральным терминам. С другой стороны, по мнению

автора, эпонимы зачастую не ассоциируются с номинируемым явлением и не отражают связи между понятиями [19, с. 27]. С точки зрения А. В. Суперанской, имена собственные представляют собой неисчерпаемый резерв для образования новых слов, потребность в которыхкратно возрастает благодаря стремительному развитию современной науки и техники [20, с. 114].

Согласно Д. В. Нерубленко, обилие эпонимов в научно-техническом дискурсе объясняется несколькими факторами. Во-первых, термин-эпоним выполняет мемориальную функцию, то есть увековечивает имя ученого, впервые открывшего / изучившего тот или иной феномен, орган тела, болезнь, растение, минерал и т. д. Во-вторых, отсутствие у эпонимов синонимичных лексем помогает избежать двусмысленности и недопонимания. В-третьих, в отличие от определения понятия при помощи описательной конструкции, более краткая и компактная форма эпонима соответствует закону экономии языковых единиц, ср. *симптом Кера* и *болезненность при пальпации на вдохе в точке проекции желчного пузыря*; *пояс Койпера* и *область Солнечной системы от орбиты Нептуна до расстояния около 55 астрономических единиц от Солнца* [21]. Кроме того, в медицинском дискурсе эпонимы выполняют так называемую *щадящую* функцию, позволяющую избежать травмирующей для пациента ситуации при постановке диагноза: *синдром Альпорта* – *неиммунная генетическая гломерулопатия*; *болезнь Альцгеймера* – *нейродегенеративное заболевание с прогрессирующей сенильной деменцией* [22].

Цель настоящего исследования заключается в выявлении структурно-семантических особенностей эпонимов терминосистемы «Искусственный интеллект» в английском языке.

Актуальность исследования объясняется тем, что искусственный интеллект является одной из самых выдающихся технологических инноваций, кардинально изменивших все аспекты человеческой жизни, начиная от обыденных покупок предметов первой необходимости и заканчивая медициной и оборонно-промышленным комплексом. Несмотря на то, что специальная терминология по искусственному интеллекту начала формироваться еще в 1960-е гг., ее активное становление продолжается до настоящего времени, оставляя простор для дальнейшего исследования учеными-лингвистами. Также следует подчеркнуть, что развитие России как современного информационного общества акцентирует внимание на необходимости теоретических и практических изысканий в этой области.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые предпринята попытка комплексного анализа структурно-семантических особенностей эпонимов англоязычной терминологической сферы «Искусственный интеллект», которые до этого времени не являлись предметом изучения отечественных лингвистов. Также впервые обозначены наиболее продуктивные модели образования эпонимов-словосочетаний, выявлены терминологические подсистемы с наибольшим количеством терминов с компонентом-эпонимом, рассмотрены экстралингвистические факторы, оказавшие влияние на процессы эпонимизации терминосистемы «Искусственный интеллект» в английском языке.

Предмет исследования – структурно-семантические особенности терминов-эпонимов терминосистемы «Искусственный интеллект» в английском языке.

Объектом исследования послужили термины-эпонимы английского академического письменного дискурса, извлеченные методом сплошной выборки из 900 статей высокорейтинговых англоязычных научных журналов, проиндексированных в Scopus и Web of Science (например, Artificial Intelligence Review, Journal of Artificial Intelligence Research, Artificial Intelligence in Medicine), и трудов конференций ACL Anthology за 2010–2024 гг., а также из специализированных глоссариев [23], [24], [25]. Выборка включает 1500 терминологических единиц, 98 из которых представлены терминами-эпонимами, что составляет 6,5 % от общего объема. Несмотря на кажущуюся незначительность выборки, именно данный пласт специальной лексики с открытыми границами для пополнения новыми номинативными единицами представляет наибольший интерес для исследования и требует тщательного изучения.

Анализ лексических единиц показал, что в зависимости от количества компонентов в термине-эпониме их можно подразделить на одно-, двух- и многокомпонентные терминологические сочетания, что согласуется с выводами В. П. Даниленко [26, с. 37].

1. Однословные единицы, как правило, образованы либо от антропонима, либо от топонима. При этом характерной чертой данных терминов является то, что в синхроническом аспекте они перестают ассоциироваться с именем собственным, от которого были образованы: *Ada* – язык программирования, созданный в конце 1970-ых гг. по заказу Министерства обороны США для управления военными объектами. Этот язык программирования получил свое название в честь английской математика Ады Лавлейс (1815–

1852), считающейся первым программистом в истории; *Loihi* – самообучающийся нейроморфный процессор от компании Intel Labs, способный быстро распознавать трехмерные объекты с разных углов обзора. Этимологически термин восходит к Лоихи – подводному действующему вулкану, расположенному недалеко от Гавайских островов.

В свою очередь, однокомпонентные термины подразделяются на непроемные, в которых имя собственное не претерпевает структурных изменений, и производные, в которых процесс перехода имени собственного в имя нарицательное сопровождается изменением его формы. Так, к первой группе можно отнести термин-эпоним *seaborn* – библиотека визуализации данных Python, названная в честь Сэмюэла Нормана Сиборна – героя сериала «The West Wing», выходявшего на экраны с 1999 по 2006 гг.; ко второй – *DALL-E*, нейросеть от компании OpenAI. Лексема *DALL-E* является контаминацией фамилии знаменитого художника-сюрреалиста Сальвадор Дали и имени робота WALL-E из одноименного мультипликационного фильма компании Pixar (2008 г.).

Переход имени собственного в категорию имен нарицательных без какого-либо изменения формы, но с приобретением нового значения называется семантической деривацией, чей словообразовательный потенциал не вызывает сомнений [27], [28]. Что касается производных терминов, то они преимущественно представлены сложносокращенными словами: *einsum* – функция, предоставляемая такими библиотеками, как NumPy и PyTorch, для выполнения операций над массивами с помощью спецификации индексов. Данная лексема возникла в результате сложения начальных частей слов словосочетания *Einstein summation*, восходящего к фамилии известного физика Альберта Эйнштейна. Именно он ввел эту нотацию для упрощения выражений, включающих суммы по нескольким индексам; *NeoGanesh* – сложный программный комплекс для удаленного управления аппаратами ИВЛ в отделениях интенсивной терапии, интерпретирующий данные в реальном времени и контролирующей механическую помощь пациенту. Анализируемая лексема является аллюзией на Ганешу, бога благополучия в индуизме.

Кроме того, отличительной чертой подязыка терминосистемы «Искусственный интеллект» в английском языке является наличие значительного количества омонимических аббревиатур, совпадающих с уже существующим в языке именем собственным: *MARS* (Multivariate Adaptive Regression Spline) – MAPC, непараметрический

метод регрессии, используемый для прогнозирования взаимосвязи между зависимой и независимой переменными; *RALPH* (Rapidly Adapting Lateral Position Handler) – система автономного контроля движения, устанавливаемая на беспилотный автомобиль; *SETH* (SubExponential Time Hypothesis) – теория, доказывающая, что решение булевых формул с n переменными не может быть решена за время $2^{o(n)}$. Аббревиатура *SETH* совпадает с именем древнеегипетского бога хаоса и разрушения Сета. Следует подчеркнуть, что в научном и научно-техническом дискурсе аббревиатуры выполняют важную функцию. Посредством сокращения сложного многокомпонентного термина происходит его сжатие до одного слова при одновременном сохранении его информативности [29, с. 136–138].

Из всей выборки однокомпонентных терминов-эпонимов лишь одна лексема – *DALL-E* – образована путем стяжения.

В целом, проведенный анализ структурных особенностей однокомпонентных терминологических единиц показал, что они составляют 23% от общего количества выборки.

2. Двухкомпонентные словосочетания представлены терминами, одна часть которых выражена собственно эпонимом, вторая – служит для репрезентации его отличительной характеристики: *Markov chain* – алгоритм создания последовательности событий или действий, где каждое новое событие зависит только от предыдущего и не учитывает все остальные события. Данный алгоритм получил свое название в честь русского математика А. А. Маркова (1856–1922), который впервые ввел это понятие в терминологический аппарат теории чисел; *Bayes' theorem* – теорема, позволяющая определить вероятность события при условии, что произошло другое взаимозависимое с ним событие. Несмотря на то, что данная теорема впервые была предложена английским математиком Томасом Байесом (1702–1761) еще в середине XVIII в., ее активное применение стало возможным лишь в относительно недавнее время, после революции в компьютерных и сетевых технологиях.

Согласно В. В. Виноградову, словосочетание выполняет такую же номинативную функцию, что и отдельно оформленное слово, при этом между словами в словосочетании существует смысловая связь, определяемая характером отношения зависимого слова к главному [30]. По мнению многих современных авторов, терминологические сочетания обладают тем же набором признаков, что и свободное словосочетание. В частности, они указывают на совпадение и у свободного, и у терминологического словосочета-

ния лексико-грамматической структуры, иными словами, оба типа словосочетаний состоят из главного и, как минимум, одного зависимого слова, соединенных атрибутивной связью [31], [32]. Мы не разделяем данной позиции, так как в отличие от свободных словосочетаний (*осенний лес, работать круглосуточно, учебник по истории* и др.), создающихся в речи спонтанно, терминологические словосочетания (*цепь Маркова, распределение хи-квадрат, неполная гамма-функция* и др.) воспроизводятся в уже готовом виде.

Проведенный анализ выборки показал, что в терминосистеме «Искусственный интеллект» двухкомпонентная структура терминологических словосочетаний является самой продуктивной моделью словообразования. По мнению Е. В. Коструб, данный факт объясняется тем, что такие словосочетания используются для описания качеств, свойств или признаков, характерных для определенного объекта реальности. В свою очередь, это помогает дифференцировать этот объект из целого класса ему подобных [33]. Аналогичную мысль высказывает и Д. Р. Ханаху: «...словосочетания играют важную роль в процессе мыслительной деятельности человека: с помощью определения, фиксирующего некоторую характеристику объекта, осуществляется объединение отдельных объектов в единый класс (процесс категоризации), а с другой стороны, происходит деление множества однородных объектов на подмножества (процесс классификации)» [34, с. 78].

По морфологической принадлежности компонентов-терминов возможно выделить следующее их группы:

- *адъективно-субстантивные* (Adj + N) термины с зависимым компонентом, находящимся в препозиции к главному: *Bayesian optimization* – метод вероятностной регрессионной модели для оптимизации ресурсоемких целевых функций путем оптимизации суррогата с помощью байесовского метода обучения; *Hebbian theory* – нейронаучная теория, утверждающая, что увеличение синаптической эффективности между двумя нервными клетками происходит в результате их одновременной активации. Указанная теория была предложена канадским физиологом и нейропсихологом Дональдом Хеббом (1904–1985), также известным как автор теории искусственных нейронных сетей;

- *субстантивно-субстантивные беспредложные* (N + N) термины, характеризующиеся примыканием с препозицией. В этом типе терминологических словосочетаний зависимый элемент также находится в препозиции относи-

тельно главного слова, при этом семантическая структура термина отличается крайне низкой степенью морфологизации. Иными словами, морфологическая связь между словами выражена посредством фиксированного порядка слов: *Gini impurity* – алгебраическая интерпретация кривой Лоренца в статистике, используемая для расчета степени расслоения общества по какому-либо признаку. Получила свое название в честь итальянского экономиста и статистика Коррадо Джини (1884–1965), который в 1912 г. разработал формулу для вычисления этого макроэкономического показателя. В контексте машинного обучения примесь Джини количественно определяет уровень дисбаланса в наборе данных по отношению к классификационным меткам; *Wasserstein loss* – мера расстояния между двумя распределениями вероятности. Данное понятие, часто используемое для решения ряда проблем генеративных адверсарных сетей (разрушение режима, нестабильность во время обучения), было названо в честь российско-американского математика Л. Вассерштейна;

- *субстантивно-субстантивные с эпонимом в притяжательном падеже* (N's + N): *Church's thesis* – логико-математический принцип, согласно которому класс функций, вычислимых с помощью алгоритмов в широком интуитивном смысле, совпадает с классом частично рекурсивных функций. Впервые данный тезис был высказан американским математиком Алонзо Чёрчем (1903–1995) в 1936 г.; *Cybenko's theorem* – теорема аппроксимации для искусственных нейронных сетей с сигмовидной функцией активации, доказанная американским математиком Джорджем Цыбенко в 1989 г. Исходя из этой теоремы, искусственная нейронная сеть прямой связи может аппроксимировать любую непрерывную функцию многих переменных с любой точностью.

3. Многокомпонентные термины с компонентом-эпонимом представляют собой «полилексемное терминологическое сочетание устойчивого типа с числом раздельнооформленных полнозначных компонентов более двух» (цит. по [35, с. 189]). Следует подчеркнуть, что многокомпонентные термины отличаются строго фиксированным порядком следования лексических единиц, грамматическим единством и внутренней семантической валентностью: *Cottrel-Munro-Zipser technique* – метод извлечения признаков и

сокращения данных, впервые описанный Г. Коттрелом, П. Мунро и Д. Ципсером в статье «Image Compression by Back Propagation: A Demonstration of Extensional Programming» (1989 г.) [36]. Указанный метод извлекает лучшие линейные функции матрицы атрибутов, где «лучшие» измеряются в терминах общей учтенной вариации, при этом каждый последующий компонент ортогонален всем ранее извлеченным компонентам; *Shenzhen Intelligent Twin* – система умного города, анонсированная в 2020 г. компанией Huawei совместно с руководством города Шэньчжэнь. Данная разработка позволит собирать и обрабатывать информацию, принимать решения для создания более комфортной для граждан и бизнеса среды; *Dempster's rule of combination* – метод объединения различных функций убеждения в одном и том же фрейме различения, названный в честь Артура Демпстера, профессора статистики в Гарвардском университете.

Многокомпонентные термины с эпонимом также подразделяются на *адъективно-субстантивные* (*naive Bayes classifier* – простой вероятностный классификатор, основанный на применении теоремы Байеса со строгими (наивными) предположениями о независимости); *субстантивно-субстантивные* (*Monte Carlo tree search* – эвристический алгоритм поиска для некоторых видов процессов принятия решения) и *субстантивно-субстантивные с эпонимом в притяжательном падеже* (*Floyd's distance algorithm* – алгоритм для поиска кратчайшего расстояния между узлами в графе).

Эпоним в составе многокомпонентного термина может включать несколько онимов, которые, как правило, пишутся через дефис: *Damerau-Levenshtein distance* – минимальное число операций вставки, удаления, замены одного символа и транспозиции двух соседних символов, необходимых для перевода одной строки в другую; *Reed-Solomon codes* – недвоичные циклические коды, позволяющие исправлять ошибки в блоках данных. Это является свидетельством того, что исследованием одной и той же проблемы одновременно занимались несколько ученых.

Классификация структурных особенностей терминов с компонентом-эпонимом подъязыка «Искусственный интеллект» схематично представлена на рис. 1.

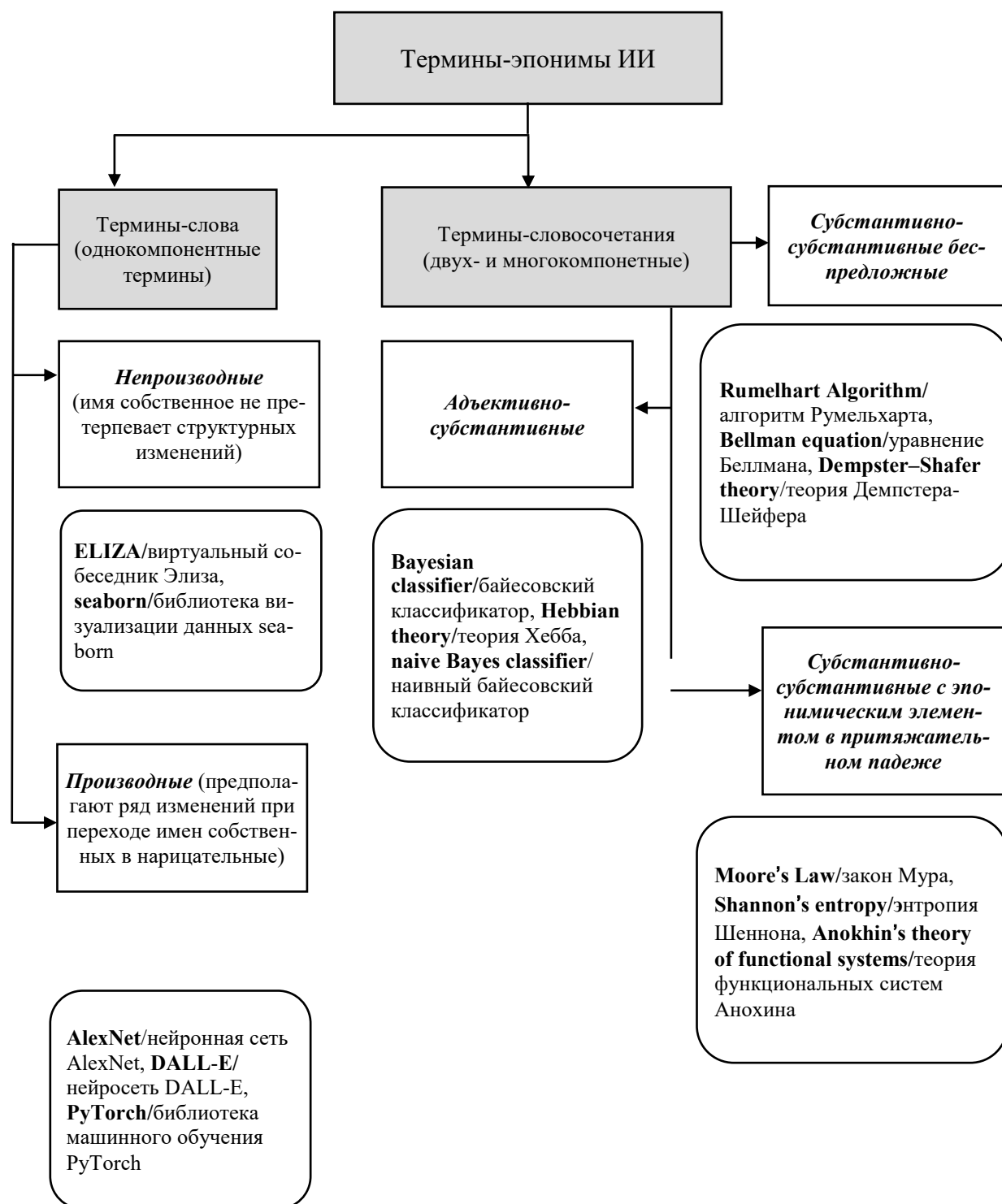

Рис. 1. Классификация терминов-эпонимов ИИ

Морфологический анализ выборки при помощи программы AntConc показал, что термины-эпонимы на уровне слов и словосочетаний преимущественно представлены именами существительными. Данный факт объясняется тем, что в английском языке существительное – это самая продуктивная часть речи, характеризующаяся способностью слова быть названием предметов и явлений окружающей действительности. Кроме того, отличительной чертой существительного

является его абсолютная номинативная значимость, определяемая как способность «транспонировать содержание слов всех остальных номинативных частей речи (прилагательных, глаголов, наречий)» (цит. по [37, с. 109]).

В ходе рассмотрения терминов-эпонимов терминосистемы «Искусственный интеллект» было установлено, что основной для их образования являются следующие группы имен собственных:

1. Антропонимы (имена или фамилии либо реально существовавших людей, либо вымышленных персонажей):

а) *Turing machine* – математическая модель вычислений, названная в честь Алана Тьюринга (1912–1954), британского математика, логика и компьютерного ученого, внесшего новаторский вклад в развитие вычислительной техники; *von Neumann architecture* – принцип совместного хранения команд и данных в памяти компьютера назван в честь венгерско-американского математика и компьютерного ученого Джона фон Неймана (1903–1957).

При этом, как отмечает Н. В. Новинская, эпоним, образованный от имени либо фамилии реального человека, сам по себе не несет содержательной информации, а лишь отражает признак принадлежности. Однако в научном и научно-техническом дискурсе антропонимический эпоним занимает особое место, так как в термине-эпониме и результат открытия, достижения, изобретения, и его автор слиты воедино, являя таким образом историю развития науки [38, с. 110].

б) *ELIZA* – первая программа, предназначенная для имитации разговора и вовлечения пользователей с помощью ответов-скриптов, получила свое название в честь Элизы Дулитл – главной героини пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион»; *Ms. Malaprop* – система распознавания естественного языка, разработанная Э. Чарниаком в Женевском университете в 1970-х гг. Названа в честь миссис Малапроп – персонажа комедии Ричарда Бринсли Шеридана «Соперники» (1775 г.), отличительной чертой которой было частое использование неправильных слов в речи, что создавало дополнительный комический эффект. Первые системы распознавания и обработки естественного языка были несовершенны, поэтому их результаты действительно напоминали речь этого литературного персонажа.

В эту же подгруппу считаем правомерным включение мифонимов, под которыми подразумеваем имя собственное вымышленного персонажа в народных сказаниях, мифах и легендах. Имена античных героев и богов древнегреческого и древнеримского пантеона активно интегрировались в европейские языки посредством перехода в имена нарицательные, например, рус. *Геркулес*, англ. *Hercules*, фр. *Hercule*, нем. *der Hercules* – 1. Герой античных мифов, известный своей огромной силой; 2. Созвездие в северном полушарии между Северной Короной и Лирой; 3. Силач, атлет [39, с. 155]. При этом, как справедливо указывает Р. З. Мурясов, при переходе в разряд имен нарицательных мифонимы характе-

ризуются тенденцией к сохранению отличительных черт, присущих мифическим прототипам [40, с. 952]. В частности, *Theano* – библиотека численного вычисления в Python этимологически восходит к женскому имени Феано. Такое имя носили несколько персонажей древнегреческой мифологии: жрица Афины в Трое; одна из дочерей царя Даная, убившая мужа в первую брачную ночь; жена царя Италии Метопонта, одна из дочерей царя Левктра, проклятию которых приписывалось катастрофическое поражение спартанской армии от рук фиванцев в битве при Левктрах, а также жена выдающегося математика античности – Пифагора.

2. Топонимы (названия природных объектов или объектов, созданных людьми). Основная функция топонимов в терминах и терминологических словосочетаниях – сохранение первичной номинации посредством указания на место возникновения объекта даже при возможной утрате мотивированности, так как «в представлении каждого человека определенное географическое название связано с известным местом и эпохой. Это пространственное распределение топонимов позволяет им быть представителями и хранителями значительной культурной информации» [20, с. 15]. Например, *Monte Carlo methods* – метод многократного имитационного моделирования вероятностей, с помощью которого можно оценить возможные результаты неопределенного события. Название методу дал известный своими казино город в Монако, поскольку в основе данного подхода к моделированию лежит принцип генерации случайных чисел, применяемый в рулетке.

Вместе с тем, нельзя не согласиться с А. В. Бруновым, что переход топонима в область отраслевой терминологии может сопровождаться изменением его значения и привести к омонимичной вариативности [41, с. 63]. В частности, название нейроморфного исследовательского чипа *Loihi*, использующего асинхронную импульсную нейронную сеть (SNN) для реализации адаптивных самомодифицирующихся событийно-управляемых параллельных вычислений, происходит от одноименного вулкана недалеко от берегов Гавайев. Выбирая имя, Intel Labs хотели подчеркнуть возможности чипа эмулировать возможности человеческого мозга, однако в данном случае связь между топонимом и названием чипа как объекта вторичной номинации неочевидна и может требовать дополнительного анализа и объяснения. В целом, попадая в терминосистему «Искусственный интеллект», топонимы утрачивают функцию идентификации гео-

графического объекта и приобретают функцию номинации и дифференциации.

Таким образом, главными производящими основами для терминов с компонентами-эпонимами в подязыке «Искусственный интеллект» выступают антропонимы – личные имена лиц, оказавших серьезное влияние на развитие данной отрасли знания. В отличие от них, топонимы и имена вымышленных персонажей переходят в категорию имени нарицательного без изменения формы, но с приобретением нового значения. Нами также было выявлено, что наиболее продуктивным способом образования терминов являются двух- и многокомпонентные термины-словосочетания (77%), имеющие дериватологически диверсифицированную структуру: субстантивно-субстантивные беспредложные – 53%, адъективно-субстантивные – 16% и субстантивно-субстантивные с эпонимом в притяжательном падеже – 8%.

К сожалению, объем данной работы не позволил затронуть такую проблему, как различие в написании проанализированных терминов-эпонимов. В связи с тем, что имена собственные в английском языке пишутся с заглавной буквы, компонент-эпоним по умолчанию пишется также с заглавной буквы (*Siri*, *Shannon's entropy*). Это правило распространяется и на прилагательные, образованные от имени собственного (*Bayesian network*). Однако некоторые эпонимы перестают выводить свое значение из имени собственного и пишутся со строчной буквы (*algorithm*, *einsum*). Кроме того, у части терминов варьируется написание начальной буквы (*Python / python*, *PyTorch / Ptorch / pytorch*), что заставляет авторов научных и научно-технических текстов решать самим, какого именно варианта придерживаться. На наш взгляд, этот вопрос также заслуживает пристального внимания. Перспективным видится и рассмотрение структурно-семантических особенностей эпонимов терминосистемы «Искусственный интеллект» в сопоставительном аспекте русского и английского языков.

В заключение необходимо отметить, что эпонимы являются неотъемлемой частью как терминосистемы «Искусственный интеллект», так и английского языка в целом. Несмотря на ряд отрицательных характеристик (громоздкость, малоинформативность и т. д.) и возрастающую в последнее время тенденцию к сокращению количества эпонимов в различных типах дискурса, они по-прежнему активно участвуют в номинации различных объектов и явлений действительности.

Список источников

1. Лейчик В. М. Люди и слова: как рождаются и живут слова в русском языке. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 216 с.
2. Какзанова Е. М. Интернациональные эпонимы антропонимического содержания // Язык и культура в эпоху глобализации: сборник научных трудов по материалам II международной научной конференции: в 2-х ч. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2015. Ч. 1. С. 182–190.
3. Гаранин А. А., Гаранина А. А. О месте эпонимов в современной медицинской терминологии // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 3. С. 110–124.
4. Смирнова Е. В. Структурные особенности образования эпонимов в медицинской терминологии (на примере английского языка) // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. 2014. Вып. 6. С. 100–103.
5. Варнавская Е. В. Статус и функционирование эпонимов в медицинской терминологии испанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Воронеж, 2009. 24 с.
6. Розанова Я. В. Термины-эпонимы в терминологии «Химия полимеров» (на материале современного английского языка) // Язык. Общество. Образование: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования». Томск: Томский политехнический университет, 2020. С. 103–106.
7. Костерина Ю. А. Эпонимные единицы в англоязычной терминологии физики // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. № 2 (27). С. 76–82.
8. Новинская Н. В. Термины-эпонимы в языке науки // Русистика. 2013. № 4. С. 34–38.
9. Косоногова О. В. Онимы в юридическом дискурсе: система и функционирование (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: Ростов-на-Дону, 2011. 18 с.
10. Косоногова О. В., Малащенко М. В. Словообразовательные модели онимических терминов англоязычной юридической терминологии // Вестник Кемеровского государственного университета, 2014 № 3 (59) Т. 1. С. 175–180.
11. Довгер О. П., Никитина Е. А., Чаплыгина О. В., Грибова Н. С. Лексико-семантическая характеристика эпонимической терминологии в английском языке (на примере английского экономического дискурса) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. №1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/21FLSK120.pdf> (дата обращения: 27.09.2024).
12. Калугина Ю. Е. Структурно-семантические характеристики эпонимов экономического подязыка науки // Вопросы современной лингвистики. 2010. № 3. С. 74–79.
13. Солнцева А. В. Эпонимы в спортивном дискурсе (на материале русского, английского и французского языков) // Романские языки: прагматика и

дискурс (способы выражения и содержание): Материалы Международной научной конференции. М.: Московский государственный областной университет, 2022. С. 194–196.

14. Бобырева Н. Н. Структурно-языковые характеристики спортивных терминов-эпонимов в русском и английском языках // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 8-6. С. 1469–1472.

15. Дасовхаджиева А. А. Слова-эпонимы как специфическая черта спортивной терминологии // *Известия Чеченского государственного педагогического университета*. Серия 1. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 4 (28). С. 18–22.

16. Шуйцева И. А., Кербер Е. В. Английские термины-эпонимы в терминологии транспорта и хранения нефти и газа // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 8(74): в 2-х ч. Ч. 2. С. 172–174.

17. Шелов С. Д., Лейчик В. М. Номенклатурные наименования как класс научно-технической лексики: состав и функции. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2007. 80 с.

18. Лобач Е. А. Имя собственное в немецкой тематической терминологии // *Подготовка и использование научно-технических словарей в системе информационного обеспечения: Тезисы доклада Всесоюзной конференции*. М., 1986. С. 90–92.

19. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. М.: АН СССР, 1961. 158 с.

20. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология. Вопросы теории. М.: ЛКИ, 2003. 290 с.

21. Нерубленко Д. В. Антропонимы как маркеры вторичной номинации в научно-техническом дискурсе (на примере английского языка) // *Актуальные проблемы филологии: Материалы международной научно-практической конференции*. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2022. С. 383–389.

22. Науменко В. А., Пигалева И. Р., Анисимова М. Г. Эпонимические медицинские термины латинского языка // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021. Vol. 4-2 (55). С. 63–66.

23. Баканач М. О., Власкин А. Н., Чесалов А. Ю. Глоссарий по искусственному интеллекту: 2500 терминов: в 2-х тт. Т. 1. М.: Ridero, 2023. 460 с.

24. Баканач М. О., Власкин А. Н., Чесалов А. Ю. Глоссарий по искусственному интеллекту: 2500 терминов: в 2-х тт. Т. 2. М.: Ridero, 2024. 398 с.

25. Raynor W. J. *The International Dictionary of Artificial Intelligence*. Chicago: Glenlake Publishing Company, 1999. 250 p.

26. Даниленко В. П. Русская терминология. М.: Наука, 1977. 248 с.

27. Кононенко А. П., Маруневич О. В. Лингво-прагматический потенциал неморфемных процессов словообразования в современном русском и английском языке // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2020. № 3 (146). С. 153–158.

28. Буран А. Л., Солодовникова О. В., Рябова Е. С., Федоринова З. В. Структурные особенности эпонимов англоязычного сегмента системы СИ // *Вестник Удмуртского университета. Серия 5 «История и филология»*. 2019. Т. 29. Вып. 5. С. 778–782.

29. Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А., Молчанова М. А. *Терминоведение*. Изд. 3, испр. и доп. М.: Эдиториал УРСС, 2023. 500 с.

30. Виноградов В. В. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Изд. 4. М.: Языки славянской культуры, 2001. 720 с.

31. Земляная Т. Б., Павлычева О. Н. Термины и терминологические сочетания: основные характеристики // *Журнал научно-педагогической информации*. 2010. № 2. С. 38–64.

32. Федюченко Л. Г. Многокомпонентное терминологическое словосочетание как смысловая доминанта англоязычного технического текста // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020. Т. 13. Вып. 4. С. 183–186.

33. Коструб Е. В. Формальная структура атрибутивного комплекса в английском языке (К вопросу об анализе английского грамматического строя) // *Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика»*. 2012. № 1. С. 52–58.

34. Ханаху Д. Р. Атрибутивные словосочетания в русском и английском языках (сопоставительно-типологический анализ): дис. ... канд. филол. наук: Майкоп, 2007. 212 с.

35. Кудинова Т. А. К проблеме определения количества компонентов в составе многокомпонентного терминологического словосочетания (на материале английского подязыка биотехнологий) // *Известия ВГПУ. Филологические науки*. 2022. № 3 (166). С. 188–193.

36. Cottrell G.W., Munro P., Zipser D. *Image Compression by Back Propagation: A Demonstration of Extensional Programming* // Sharkey N. *Models of Cognition*. Norwood: Ablex, 1989. Pp. 208–240.

37. Суперанская А. В. *Общая теория имени собственного*. Изд. стереотип. М.: Эдиториал УРСС, 2023. 366 с.

38. Новинская Н. В. Термины-эпонимы в языке науки // *Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания»*. 2013. № 4. С. 107–110.

39. Егорова Т. В. *Словарь иностранных слов современного русского языка*. М.: Аделант, 2014. 800 с.

40. Мурашов Р. З. Мифонимы в системе языка // *Вестник Башкирского университета*. 2015. Т. 20. №3. С. 952–956.

41. Брунов А. В. Топонимы в их отношении к терминам и детерминологическим единицам // *Рема*. 2011. №2. С. 61–68.

References

1. Leichik, V. M. (2009). *Lyudi i slova: kak rozhdayutsya i zhivut slova v russkom yazyke* [People and Words: How Words Are Born and Live in the Russian Language]. 2nd ed. 216 p. Moscow, LIBROKOM. (In Russian)

2. Kakzanova, E. M. (2015). *Internatsional'nyye eponimy antroponimicheskogo soderzhaniya* [International Eponyms of Anthroponymic Content]. *Yazyk i kul'tura v epokhu globalizatsii: sbornik nauchnykh trudov po materialam II mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, pp. 182–190. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy ekonomicheskii universitet. (In Russian)
3. Garanin, A. A., Garanina, A. A. (2016). *O meste eponimov v sovremennoi meditsinskoj terminologii* [On the Place of Eponyms in Modern Medical Terminology]. *Voprosy onomastiki*. Tom 16, No. 3, pp. 110–124. DOI 10.15826/vopr_onom.2019.16.3.034. (In Russian)
4. Smirnova, E. V. (2014). *Strukturnyye osobennosti obrazovaniya eponimov v meditsinskoj terminologii (na primere angliyskogo yazyka)* [Structural Features of the Formation of Eponyms in Medical Terminology (based on the English Language)]. *Vestnik gumanitarnogo fakul'teta Ivanovskogo gosudarstvennogo khimiko-tekhnologicheskogo universiteta*. No. 6, pp. 100–103. (In Russian)
5. Varnavskaya, E. V. (2009). *Status i funktsionirovaniye eponimov v meditsinskoj terminologii ispanskogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Status and Functioning of Eponyms in Medical Terminology of the Spanish Language: Ph.D. Thesis Abstract]. *Voronezh*, 24 p. (In Russian).
6. Rozanova, Ya. V. (2020). *Terminy-eponimy v terminologii "Khimiya polimerov" (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka)* [Eponymous Terms in the Terminology of "Polymer Chemistry" (based on Modern English)]. *Yazyk. Obshchestvo. Obrazovaniye: Sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Lingvisticheskiye i kul'turologicheskiye aspekty sovremennogo inzhenernogo obrazovaniya"*, pp. 103–106. Tomsk, Tomskii politekhnicheskii universitet. (In Russian)
7. Kosterina, Yu. A. (2014). *Eponimnye edinitsy v angloyazychnoi terminologii fizik* [Eponymous Units in the English-Language Terminology of Physicists]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 2 (27), pp. 76–82. (In Russian)
8. Novinskaya, N. V. (2013). *Terminy-eponimy v yazyke nauki* [Eponymous Terms in the Language of Science]. *Rusistika*. No. 4, pp. 34–38. (In Russian)
9. Kosonogova, O. V. (2011). *Onimy v yuridicheskoy diskurse: sistema i funktsionirovaniye (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Onyms in Legal Discourse: System and Functioning (based on Modern English): Ph.D. Thesis Abstract]. *Rostov-on-Don*, 18 p. (In Russian)
10. Kosonogova, O. V., Malashchenko, M. V. (2014). *Slovoobrazovatel'nyye modeli onimicheskikh terminov angloyazychnoi yuridicheskoy terminologii* [Word-Formation Models of Ononymous Terms in English-Language Legal Terminology]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3 (59), t. 1, pp. 175–180. (In Russian)
11. Dovger, O. P., Nikitina, E. A., Chaplygina, O. V., Gribova, N. S. (2020). *Leksiko-semanticheskaya kharakteristika eponimicheskoy terminologii v angliyskom yazyke (na primere angliyskogo ekonomicheskogo diskursa)* [Lexical and Semantic Characteristics of Eponymous Terminology in the English Language (based on the English Economic Discourse)]. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya*, No. 1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/21FLSK120.pdf> (accessed: 27.09.2024). (In Russian)
12. Kalugina, Yu. E. (2010). *Strukturno-semanticheskiye kharakteristiki eponimov ekonomicheskogo pod'yazyka nauki* [Structural and Semantic Characteristics of Eponyms of The Economic Sublanguage of Science]. *Voprosy sovremennoy lingvistiki*. No. 3, pp. 74–79. (In Russian)
13. Solntseva, A. V. (2022). *Eponimy v sportivnom diskurse (na materiale russkogo, angliyskogo i frantsuzskogo yazykov)* [Eponyms in Sports Discourse (based on Russian, English and French languages)]. *Romanskiye yazyki: pragmatika i diskurs (sposoby vyrazheniya i soderzhaniye)i Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet*, pp. 194–196. (In Russian)
14. Bobyрева, N. N. (2014). *Strukturno-yazykovyye kharakteristiki sportivnykh terminov-eponimov v russkom i angliyskom yazykakh* [Structural and Linguistic Characteristics of Sports Terms-Eponyms in Russian and English]. *Fundamental'nye issledovaniya*, No. 8–6, pp. 1469–1472. (In Russian)
15. Dasovkhadzhiyeva, A. A. (2019). *Slova-eponimy kak spetsificheskaya cherta sportivnoy terminologii* [Eponym Words as a Specific Feature of Sports Terminology]. *Izvestiya Chechenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. No. 4 (28), pp. 18–22. (In Russian)
16. Shuytseva, I. A., Kerber, E. V. (2017). *Angliyskiye terminy-eponimy v terminologii transporta i khraneniya nefi i gaza* [English Eponymous Terms in the Terminology of Oil and Gas Transport and Storage]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 8 (74), vypusk 2, pp. 172–174. (In Russian)
17. Shelov, S. D., Leichik, V. M. (2007). *Nomenklaturnyye naimenovaniya kak klass nauchno-tekhnicheskoy leksiki: sostav i funktsii* [Nomenclature Names as a Class of Scientific and Technical Vocabulary: Composition and Functions]. 80 p. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)
18. Lobach, E. A. (1986). *Imya sobstvennoye v nemetskoy matematicheskoy terminologii* [Proper Name in German Mathematical Terminology]. *Podgotovka i ispol'zovaniye nauchno-tekhnicheskikh slovarei v sisteme informatsionnogo obespecheniya: Tezisy doklada Vsesoyuznoi konferentsii*, pp. 90–92. Moscow. (In Russian)
19. Lotte, D. S. (1961). *Osnovy postroyeniya nauchno-tekhnicheskoy terminologii* [Basics of Constructing Scientific and Technical Terminology]. 158 p. Moscow, Akademiya Nauk SSSR. (In Russian)
20. Superanskaya, A. V., Podolskaya, N. V., Vasilyeva, N. V. (2003). *Obshchaya terminologiya. Voprosy teorii* [General Terminology. Theoretical Issues]. 290 p. Moscow, LKI. (In Russian)

21. Nerublenko, D. V. (2022). *Antroponimy kak markery vtorichnoy nominatsii v nauchno-tehnicheskom diskurse (na primere angliyskogo yazyka)* [Anthroponyms as Markers of Secondary Nomination in Scientific and Technical Discourse (using the English Language as an Example)]. Aktual'nyye problemy filologii: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, pp. 383–389. Yekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. (In Russian)
22. Naumenko, V. A., Pigaleva, I. R., Anisimova, M. G. (2021). *Eponimicheskiye meditsinskiye terminy latinskogo yazyka* [Eponymous Medical Terms of the Latin Language]. International Journal of Humanities and Natural Sciences. Tom 4–2 (55), pp. 63–66. DOI: 10.24412/2500-1000-2021-4-2-63-66. (In Russian)
23. Bakanach, M. O., Vlaskin, A. N., Chesalov, A. Yu. (2024). *Glossarium po iskusstvennomu intellektu: 2500 terminov v 2-kh tt.* [Glossarium on Artificial Intelligence: 2500 terms in 2 volumes]. Tom 1. 460 p. Moscow, Ridero. (In Russian)
24. Bakanach, M. O., Vlaskin, A. N., Chesalov, A. Yu. (2024). *Glossarium po iskusstvennomu intellektu: 2500 terminov v 2-kh tt.* [Glossarium on Artificial Intelligence: 2500 terms in 2 volumes]. Vol. 2. 398 p. Moscow, Ridero. (In Russian)
25. Raynor, W. J. (1999). *The International Dictionary of Artificial Intelligence*. 250 p. Chicago, Glenlake Publishing Company. (In English)
26. Danilenko, V. P. (1977). *Russkaya terminologiya* [Russian Terminology]. 248 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
27. Kononenko, A. P., Marunovich, O. V. (2020). *Lingvopragmатический потенциал неморфемных протессов словообразования в современном русском и английском языках* [Lingvopragmatic Potential of Non-Morphemic Word-Formation Processes in Modern Russian and English]. Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. No. 3 (146), pp. 153–158. (In Russian)
28. Buran, A. L., Solodovnikova, O. V., Ryabova, Ye. S., Fedorinova, Z. V. (2019). *Strukturnyye osobennosti eponimov angloyazychnogo segmenta sistemy SI* [Structural Features of Eponyms in the English-Language Segment of the SI System]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya 5 “Istoriya i filologiya”. Tom 29, No. 5, pp. 778–782. (In Russian)
29. Grinev-Grinevich, S. V., Sorokina, E. A., Molchanova, M. A. (2023). *Terminovedeniye* [Terminology Studies]. 3rd ed., 500 p., Moscow, Editorial URSS. (In Russian)
30. Vinogradov, V. V. (2001). *Russkii yazyk. Grammaticheskoye ucheniye o slove* [Russian Language. Grammatical Doctrine of the Word]. 4th ed. 720 p. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russian)
31. Zemlyanaya, T. B., Pavlycheva, O. N. (2010). *Terminy i terminologicheskiye sochetaniya: osnovnyye kharakteristiki* [Terms and Terminological Combinations: Main Characteristics]. Zhurnal nauchno-pedagogicheskoy informatsii. No. 2, pp. 38–64. (In Russian)
32. Fedyuchenko, L. G. (2020). *Mnogokomponentnoye terminologicheskoye slovosochetaniye kak smyslovaya dominanta angloyazychnogo tekhnicheskogo teksta* [Multicomponent Terminological Phrase as a Semantic Dominant of an English-Language Technical Text]. Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tom 13, Vyp. 4, pp. 183–186. (In Russian)
33. Kostrub, Ye. V. (2012). *Formal'naya struktura atributivnogo kompleksa v angliyskom yazyke (K voprosu ob analitizme angliyskogo grammaticheskogo stroya)* [Formal Structure of the Attributive Complex in the English Language (On the Issue of Analyticism of the English Grammatical Structure)]. Vestnik MGOU. Seriya “Lingvistika”. No. 1, pp. 52–58. (In Russian)
34. Khanakhu, D. R. (2007). *Atributivnyye slovosochetaniya v russkom i angliyskom yazykakh (sopostavitel'no-tipologicheskiiy analiz): dis. ... kand. filol. nauk* [Attributive Phrases in Russian and English (Comparative-Typological Analysis): Ph. D. Thesis]. Maikop, 212 p. (In Russian)
35. Kudinova, T. A. (2022). *K probleme opredeleniya kolichestva komponentov v sostave mnogokomponentnogo terminologicheskogo slovosochetaniya (na materiale angliyskogo pod'yazyka biotekhnologii)* [On the Problem of Determining the Number of Components in The Composition of a Multi-component Terminological Phrase (Based on the English Sublanguage of Biotechnology)]. Izvestiya VGPU. Filologicheskiye nauki. No. 3 (166), pp. 188–193. (In Russian)
36. Cottrell, G. W., Munro, P., Zipser, D. (1989). *Image Compression by Back Propagation: A Demonstration of Extensional Programming*. Models of Cognition. N. Sharkey (Ed.), pp. 208–240. Norwood, Ablex. (In English)
37. Superanskaya, A. V. (2023). *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General Theory of Proper Names]. 366 p. Moscow, Editorial URSS. (In Russian)
38. Novinskaya, N. V. (2013). *Terminy-eponimy v yazyke nauki* [Eponymous Terms in the Language of Science]. Vestnik RUDN. Seriya “Russkii i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya”. No. 4, pp. 107–110. (In Russian)
39. Egorova, T. V. (2014). *Slovar' inostrannykh slov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of Foreign Words of the Modern Russian Language]. 800 p. Moscow, Adelant. (In Russian)
40. Muryasov, R. Z. (2015). *Mifonimy v sisteme yazyka* [Mythonyms in the Language System]. Vestnik Bashkirskogo universiteta. Tom 20. No. 3, pp. 952–956. (In Russian)
41. Brunov, A. V. (2011). *Toponimy v ikh otnoshenii k terminam i determinologicheskim edinitsam* [Toponyms in Their Relation to Terms and Determinological Units]. Rema. No. 2, pp. 61–68. (In Russian)

The article was submitted on 26.10.2024
Поступила в редакцию 26.10.2024

Шадрина Олеся Владимировна,
старший преподаватель,
Московский физико-технический институт
(национальный исследовательский
университет),
141701, Россия, Долгопрудный,
Институтский пер., 9.
shadrina.ov@mipt.ru

Shadrina Olesya Vladimirovna,
Assistant Professor,
Moscow Institute of Physics and Technology
(National Research University),

9 Institutsky Lane,
Dolgoprudny, 141701, Russian Federation.
shadrina.ov@mipt.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-187-193

РУССКИЕ ИДЕИ. ДИСКУРСИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РОМАНА ВЛАДИМИРА ШАРОВА «ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЕГИПЕТ»

© Марина Абашева, Оксана Киосе

RUSSIAN IDEAS. DISCURSIVE ORGANISATION OF VLADIMIR SHAROV'S NOVEL "RETURN TO EGYPT"

Marina Abasheva, Oksana Kiose

The article investigates the discursive organisation of novels by our contemporary writer Vladimir Sharov (1952–2018). As a model of such an organisation, typical of V. Sharov's works in general, we study the structure of the novel "Return to Egypt" (2013). It combines the thematic discourse of national consciousness and culture (on the role of Russian literature, on the cyclical nature of Russian history, on the significance of its split, on the nature of Russian revolutions, etc.), which are translated into the author's novelistic discourse. According to the author, palimpsest interposition of discourse pieces creates a model of national identity. In the work, discourse analysis is carried out in the paradigm of M. Foucault's interpretation of discourse. Discursive interactions determine the historiosophy of the author, based, as the analysis has shown, on the ideas of Russian religious philosophy. Within the novel, the discursive model works as a hierarchy, where the metanarrative (usually based on a biblical motif or other mythologeme) is immersed in the diverse pieces of national history discourse, manifesting their archetypal meanings.

Keywords: discourse, discursive organization, novel, Vladimir Sharov, national identity, historiosophy, Russian religious philosophy

В статье исследуется дискурсивная организация романов современного писателя Владимира Шарова (1952–2018). Как модель такой организации, характерной для произведений В. Шарова в целом, рассматривается структура романа «Возвращение в Египет» (2013). В нем совмещаются тематические дискурсы национального сознания и культуры (о роли русской литературы, о цикличности русской истории, о значении раскола в ней, о природе русских революций и др.), которые претворяются в авторский романский дискурс. Палимпсестное взаимоналожение дискурсов и создает модель национальной идентичности в авторском осмыслении. Анализ дискурса осуществляется в работе в парадигме толкования дискурса М. Фуко. Дискурсивные взаимодействия определяют историософию автора, основанную, как показал анализ, на идеях русской религиозной философии. Внутри романа дискурсивная модель работает как иерархия, где метанарратив (как правило, основанный на библейском мотиве или иной мифологеме) погружается в многообразные дискурсы национальной истории, проявляя их архетипические смыслы.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивная организация, роман, Владимир Шаров, национальная идентичность, историософия, русская религиозная философия

Для цитирования: Абашева М., Киосе О. Русские идеи. Дискурсивная организация романа Владимира Шарова «Возвращение в Египет» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 187–193. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-187-193

Изучение произведений Владимира Шарова (1952–2018) – задача почти неисчерпаемая: из-за смысловой насыщенности, парадоксальности, многослойной сложности кодов в его текстах. Михаил Эпштейн справедливо заметил: «Влади-

мир Шаров работал с глубочайшими матрицами российской истории, сочетавшими ветхозаветное, новозаветное, сектантское, богоборческое, атеистическое, и все эти матрицы накладывались друг на друга, в чем мы убеждаемся сегодня яс-

нее, чем когда-либо. Шаров первым художественно освоил эту многоматричность отечественной истории» [1, с. 106].

Исследователи творчества Шарова называют его матрицы по-разному: А. Габриэлова – рифмами и рефренами [2], Г. Уолш – культурными мифами [3, с. 619]. Последний в числе основных культурных мифов у Шарова называет миф об избранном народе, о конце времен, миф спасения [Там же] и др. Следует, однако, заметить, что эти мифы не созданы Шаровым, они продукты многовековой истории России и многовекового осмысления этой истории – в литературе, в философии, в низовом народном сознании.

В настоящей работе матрицы (мифы, рефрены) в текстах Шарова рассматриваются погруженными в жизнь России и в ее интеллектуальную историю как текстовые образования, объединенные общей идеей, стилем мышления, внутренними смысловыми связями. Главное – то, что авторские культурные мифы опираются на уже существующие в российской истории национальные мифы. Т. А. Бреева и Л. Ф. Хабибуллина понимают под национальным мифом «выражение „кода истории“ (реализация смыслов, традиционно закрепленных за философией истории) и „мифа истории“ (воплощение индивидуально-авторских историософских построений)» [4, с. 297].

В России более иных укоренены этиологический, эсхатологический, апокалиптический мифы. Эти и другие национальные мифы присутствуют в творчестве Шарова, однако они погружены в плотную среду реалий, частных мифологий, а особенно – идей. Шаров не столько репрезентирует «чистый» миф (хотя прекрасно чувствует его природу), сколько стремится увидеть в нем зазоры и возможности для творения иных мифов.

Поэтому, хотя термин «дискурс» сегодня от частого употребления приобрел неопределенное множество значений, остановимся именно на нем, имея в виду не столько лингвистическое, сколько философское понимание дискурса, прежде всего в духе философии М. Фуко. Не дав однозначного определения дискурса, Фуко понимал под ним совокупность анонимных исторических правил эпохи, устанавливаемых в конкретном географическом, социальном пространстве и времени – правил, определяющих высказывание [5, с. 84].

Дискурсивный подход предполагает выявление тематических дискурсов в тексте. «„Тематический“ дискурс всегда вписан в дискурсивные практики, которые, в соответствии с принятой классификацией областей знания, можно назвать философскими, литературными, экономическими,

историческими, религиозными, психологическими и т. д.» [6, с. 424].

Цель настоящей работы – выявить репертуар тематических дискурсов Шарова, проанализировать их на примере романа «Возвращение в Египет» (2013). В этом романе с особой наглядностью претворена модель дискурсивной организации, характерная и для других романов писателя.

Роман «Возвращение в Египет» не раз привлекал внимание исследователей. О литературном дискурсе в романе писали В. Ю. Баль, Ю. В. Меладшина. О значении дискурса семьи, рода в творчестве автора – И. В. Кукулин, И. В. Ащеулова. Библейский дискурс был изучен на примере анализа романов «Репетиции» (1991), «Будьте как дети» (2008), «Возвращение в Египет» (2013) Е. Е. Дмитриевой, М. В. Кирчановым, В. И. Папковым и др. Исторический дискурс занимает центральное место в творчестве В. Шарова и, соответственно, в работах исследователей его текстов. Отдельные аспекты изучения исторического дискурса в художественных текстах автора изучались А. Ю. Горбенко, А. Л. Бердичевской, М. Эпштейном и др.

В опоре на существующие исследования отдельных тем и дискурсов Шарова в настоящей работе рассматриваются функции каждого из них в романе «Возвращение в Египет».

Письмо Шарова можно назвать историографической метапрозой, предполагающей, согласно определению Линды Хатчеон, помещение фикциональной версии истории внутри исторического дискурса¹. Однако Шарова интересуют, говоря словами Фуко, археология и генеалогия дискурсов.

При рассмотрении каждого дискурса, обнаруженного в романе Шарова «Возвращение в Египет», мы обозначим семантическое значение, означаемое и означающее дискурса (в соответствии с пониманием дискурса Умберто Эко [8]), фигуру автора дискурса, коммуникативное поле воплощения дискурса, способ ограничения и прерывания дискурса. Эти категории позволят определить место исторических дискурсов в системе художественного текста Владимира Шарова.

«Возвращение в Египет» – роман, где на первый план выходит литературный дискурс. Это дискурс именно русской литературы, со свойственной ему семантикой – об особой роли литературы в жизни страны, культура и самосоз-

¹ «Историографическая метапроза стремится поместить себя в рамки исторического дискурса без потери своей автономности как фикшна» [7].

вание которой основаны на логоцентризме и литературоцентричности.

Фигурой, репрезентирующей российский литературный дискурс, в романе Шарова становится Гоголь. Полное название романа «Возвращение в Египет. Выбранные места из переписки Николая Васильевича Гоголя (Второго)» отсылает к последнему произведению Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», а в тексте романа фигурирует большинство его произведений (ежегодно в своем имении гоголевские потомки ставят пьесу «Ревизор», неустанно изучают повести «Нос», «Шинель», «Старосветские помещики»).

В романе Шарова присутствует Коля Гоголь (Второй), потомок и продолжатель Н. В. Гоголя.

Именно Коле Гоголю Второму суждено спасти Россию, по мнению его семьи, – тем, что он допишет третий том «Мертвых душ».

«Мама называет „Мертвые души“ недоговоренным, недосказанным откровением. Гоголь замолчал на полуслове, оттого и пошли все беды. Говорит, что пока кто-то из нас не допишет поэмы, они не кончатся» [9, с. 76].

Примечательно, что писатель в интервью говорит о месте гоголевской поэмы в российском общественном сознании примерно то же самое: «Я писал роман, считая, что после того, как Гоголь сжег второй том своей поэмы, все мы, вся страна только тем и занимались, что пытались дописать „Мертвые души“: от снов Веры Павловны у Чернышевского, революции, Гражданской войны, коммунизма. Все это были попытки так или иначе завершить гоголевскую поэму» [10]. То есть Шаров поддерживает мифологию русской литературы и вне романного текста – в рамках национального дискурса о роли русской литературы.

Так дописывание в романе поэмы Гоголя (означающее дискурса) отсылает к означаемому более высокого порядка – этот новый литературный текст должен спасти саму Россию и определить ее судьбу.

Гоголевский потомок в романе Шарова написал синопсис третьего тома «Мертвых душ». Синопсис (по отношению к роману Шарова это текст в тексте) успел наметить развитие судьбы Чичикова. Она призвана соответствовать общему замыслу гоголевской поэмы: вторая и третья части поэмы, по определению Коли, *«должны были стать историей обращения души, от рождения почти мертвенной, ее медленным, трудным восхождением к Богу»* [9, с. 329].

Чичиков у Коли Гоголя – потомок старообрядцев, он путешествует по России в поисках со-

хранившихся очагов *«древлеправославной веры»*, ездит по миру, разыскивая в рядах бежавших раскольников будущего праведного епископа.

Исторический дискурс в романах Шарова реализуется одновременно на нескольких уровнях. Это прежде всего история XX в. в судьбе одной большой семьи. Род Гоголей представлен читателю в условиях XX в. в России. В тот момент, когда либретто продолжения для согласования с Гослитом уже готово, Коля Гоголь, как и его отец Василий Паршин, дядя Юрий и еще несколько родственников, оказываются арестованы и отправлены в лагерь по делу Гоголей. Идея о необходимости продолжения поэмы «Мертвые души» насторожила НКВД. Либретто было изъято, часть писем также были уничтожены, а сам Коля на 14 лет отправлен в лагерь.

Другой пласт истории – исторический дискурс внутри «Синописа». Шаров не скупится на введение в текст исторических лиц. В ходе поездок по миру с целью восстановления древлеправославной иерархии новый Чичиков встречается с королевой Викторией в Лондоне, Наполеоном III в Париже, Фердинандом I в Вене.

«Чичиков в следующем, сорок восьмом году, в той же самой Австро-Венгрии станет не просто свидетелем – активным участником всеевропейской революции» [Там же, с. 267].

Задачу старообрядческой паствы новый Чичиков видит в создании единого полога Девы Марии, сшитого из представителей истинной веры, который сможет накрыть страну и избавить ее от власти царя – Антихриста. Так Шаров переходит к одной из самых главных своих идей – о роли раскола в судьбе России. Он писал о расколе и в статьях, и в эссе (см. «Меж двух революций» (2005), «Октябрь семнадцатого года или конец истории...» (2018)). По Шарову, поделенная церковным расколом XVII в. на два лагеря Россия стала воспроизводить раскол и в политической, гражданской жизни, что и обусловило всю ее историю: всякий раз бунты и революции в России рекрутировали участников протеста из семей раскольников.

Новый Чичиков плотно соединил старообрядческое движение с революционным:

«„Колокол“, листовки, прочие издания Вольной русской типографии староверы безотказно переправляют в Румынию, а уже оттуда контрабандой через границу, прямо в Россию» [11, с. 286].

Коля Гоголь проводит своего Чичикова сквозь историю XIX в.: на закате своих странствий тот встречается с Герценом, Бакуниным,

Чернышевским, Плехановым (впрочем, и с Алексеем Карамазовым тоже – собственно литературный дискурс легко взаимодействует с историческим), вступает с ними в союз, отдает им свои сбережения, ибо важно пойти на *«любые жертвы, только бы разрушить до основания это царство зла»* [9, с. 213]. Чичиков умирает в одиночестве, в бреду, как Гоголь:

«<...> сегодня ночью ему открылся Небесный Иерусалим. Господь прямо с неба спустил ему лестницу, и он поднялся по ней, правда, лишь до шестой ступеньки» [Там же, с. 316].

Перед смертью Чичиков отдаст все деньги на продолжение своего дела – на построение Небесного Иерусалима:

«Небесный Иерусалим еще только предстоит возвести, и строить его человек будет сам, своими руками, своим потом и кровью. И город он изваяет не из сапфира, а из космического эфира и Эдисонова электричества» [Там же, с. 312].

Думается, причудливая логика соединения разных идеологий и социальных групп в текстах Шарова вообще и в «Синописе» в частности во многом определена прежде всего идеями русской религиозной философии, хотя у нее есть иные источники (проза Андрея Платонова, например, но это предмет для специального обсуждения). Сама композиция этих идей, воплощенная в пути нового Чичикова, напоминает логику и композицию «Русской идеи» Н. А. Бердяева (1946). Даже тематические дискурсы у Шарова совпадают с названиями глав Бердяева: «Тема о власти», «Религиозная тема», «Ожидание новой эпохи Святого Духа» и др. [11, с. 352].

Отдельные оценки Бердяева совпадают с шаровскими идеями и развернуты в романе сюжетно. Так обстоит дело с пониманием раскола прежде всего. Бердяев пишет: «Русские – раскольники, это глубокая черта нашего народного характера» [Там же, с. 15]. Сходны идеи Бердяева и Шарова в оценке революции. Бердяев в «Русской идее» приходит к выводу о том, что революционность – это «национальная русская черта» [Там же, с. 33].

Впрочем, до революции 1917 г. Гоголь Второй повествование в синописе не доводит, создать третий том у него не получилось.

Не реализованная в третьем томе «Мертвых душ» дантова триада пародийно претворяется в Колиной жизни. После смерти учителя Коля берет на себя задачу искупать грехи человечества, спуская навьюченного козла отпущения в кальдеру-воронку, напоминающую Дантов ад. А про-

странство чаемого Рая в романе не обнаруживается. Жизнь и мытарства Коли могут быть поняты как чистилище. Попытка личного искупления невозможна, Гоголь второй умирает в одиночестве и забвении.

Этот исход героя романа Шарова, как и сюжет жизни Чичикова в синописе, является отражением главного романного дискурса – можно сказать, метанарратива, основанного на библейском сюжете и обозначенного в названии романа как «возвращение в Египет». Смысл судеб героев – в неизбежности поражения мечты о свободе от рабства, в неотменимости «возвращения в Египет». Шаров объясняет название романа, толкуя основную свою метафору: «Гоголь был писателем библейским. И мне стало казаться, что идя из Египта, мы в какой-то момент повернулись и пошли обратно, вернувшись в итоге снова в Египет. Наша история 20 века в моем представлении – это и есть возвращение в Египет» [12].

В романе возвращением в Египет Шаров называет бесконечные попытки русского народа – нового избранного народа – обрести счастье и Землю Обетованную. В духе идей Филофея о Москве – Третьем Риме – Россия должна стать Святой Землей. Однако всякий раз попытка обрести Святую Землю заканчивается возвращением в рабство, в царство фараона. Этот перетолкованный романистом библейский сюжет организует судьбы всех героев и сводит все романские дискурсы воедино. Невозможно личное спасение в расколотовой надвое стране, где невозможно создать (написать) «рай» третьего тома.

Утопическая идея переписать историю России за Гоголя «подрывается» в романе неоднократно. Мать Коли размышляет:

«Возможно, на „Мертвые души“ наложена какая-то печать. Из-за нее Николай Васильевич не смог дописать поэму, и у нас не получится, даже пытаться не стоит» [9, с. 540].

М. Липовецкий выявляет две главных формы критики Шаровым дискурсов, встроенных в роман: критика сложной формой (сложная форма романа включает множество рассказчиков, повествование построено как лабиринт, эта форма противопоставляется центральному мифу – русской революции, целью которой является радикальное упрощение жизни) и деконструкция метанарратива (автор смешивает между собой бинарные оппозиции Христос – Антихрист, добро – зло и т. д., он подрывает, смещает и размывает их. Например, избранность народа у Шарова приводит к тому, что выживают только палачи, истребляющие других) [13, с. 334].

Для разрушения мифа о свободном избранном народе Шаров создает авторский миф о возвращении в египетское рабство тех, кто к свободе не готов или не способен. И для иллюстрации этой идеи Шаров использует метафору палиндрома. Палиндром ближе к финалу романа становится образом российского пространства. Поэт-палиндромист однажды напишет Коле:

«Вместе с Дантовым адом Вавилонская башня образует палиндром, и как ты бунтуешь против Бога: взбираешься наверх или спускаешься в преисподнюю – разница невелика» [9, с. 70].

Шаров продолжает историю, описанную в Библии. Разочарование в идее спасения он сравнивает с постоянным возвращением обратно в Египет, но Египет – это и есть Россия. Выбирая путь из Египта в Землю Обетованную, русский народ каждый раз меняет направление:

«Слишком часто „люди исхода“ делаются „людьми возвращения в рабство“» [Там же, с. 646].

Следствием сбоя с пути становятся и революции, и войны, и смена власти:

«Мы вусмерть запутались, кто из нас египтянин, а кто народ Божий, оттого почему зря режем и режем друг друга» [Там же, с. 647].

В интервью В. Шаров не раз говорил, что русская история и его романы в том числе – это комментарий к Священному Писанию. Романная история Исхода из Египта стала одним из таких комментариев.

Итак, модель организации романа выглядит как иерархия романских дискурсов, главный из которых, имеющий функцию метанарратива, организует на метауровне логику повествования. В «Возвращении в Египет» – это библейский сюжет исхода евреев из Египта. Будучи многократно перетолкованным автором, библейский сюжет в романе работает именно как дискурс, как поле возможных высказываний многочисленных нарраторов. Библейский сюжет как метафора судеб героев погружен в национальный контекст, пространством дискурса становится Россия. Остальные идеологически заряженные романские дискурсы развиваются, следуя логике общего дискурса национальной идентичности: литературный текст руководит жизнью, история идет по кругу, существование человека возможно только через служение его роду... Каждая из утопических национальных идей взаимно поверяется; каждый из дискурсов «подрывает» и ограничивает истинность другого: история не дает раз-

вернуться литературной задаче, властный дискурс волен распорядиться судьбой рода, библейский дискурс исхода оборачивается возвращением в рабство...

Шаров создал свою Вселенную, вымышленную и поражающую обжигающей правдой реальности. Но эта авторская вселенная питается первоначальной дискурсивной энергией национальной жизни. Перечитывая сегодня романы Шарова, легко обнаружить в них новые, актуальные сегодня идеи и мотивы: потенциал национальных дискурсов, заложенных в тексте, как будто сам способен порождать новые смыслы.

Список источников

1. Эпштейн М. Летописец священной истории: Вместо послесловия // Перекрестное опыление. АрсисБукс, 2018. С. 106–108.
2. Габриэлова А. Философско-исторический гротеск в романе В. Шарова «Возвращение в Египет» // Вопросы литературы. 2015. № 3. С. 177–185.
3. Уолли Г. Микрокосмография русских культурных мифов в аллоисторических романах Владимира Шарова // Владимир Шаров: По ту сторону истории / Сборник статей и материалов; под ред. М. Липовецкого и А. де Ля Фортель. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 617–648.
4. Хабибуллина Л. Ф. Национальный миф в художественной литературе / Л. Ф. Хабибуллина, Т. Н. Бреева. М.: ФЛИНТА, 2019. 500 с.
5. Фуко М. Порядок дискурса. Инаугурационная лекция в Коллеж де Франс, прочитанная 2 декабря 1970 года // М. Фуко. Воля к истине: По ту сторону власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц. С. В. Табачникова. М.: Магистериум, 1996. С. 47–96.
6. Шапинская Е. Н. Дискурсивный подход // Вопросы социальной теории, 2008. Том II. Вып. № 1 (2). С. 423–434.
7. Хатчеон Л. Историографическая метапроза: Пародийность и интертекстуальность истории (перевод) // ГЕФТЕР – Интернет-журнал. 22.04.2013. URL: <https://gefter.ru/archive/8455> (дата обращения: 01.10.2024).
8. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. СПб.: Симпозиум, 2005. 502 с.
9. Шаров В. А. Возвращение в Египет: [роман в письмах]. М.: АСТ, 2013. 759 с.
10. Пульсон К. Владимир Шаров: Без работы распадоюсь на части // Российская газета. 2014. № 212 (6484).
11. Бердяев Н. А. Русская идея. СПб.: Азбука-Аттикус, 2015. 320 с.
12. Скорондаева А. «Русский Букер» получил Владимир Шаров с романом «Возвращение в Египет» // Российская газета. 05.12.2014. URL: <https://rg.ru/2014/12/05/buker-site.html> (дата обращения: 09.11.2024).

13. Липовецкий М. Теология террора: исторический метасюжет в романах Шарова // Владимир Шаров: По ту сторону истории / Сборник статей и материалов; под ред. М. Липовецкого и А. де Ля Фортель. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 310–348.

References

1. Epshtein, M. (2018). *Letopisets sviashchennoi istorii: Vmesto poslesloviya. Perekrestnoe opylenie. V. A. Sharov* [Chronicler of Sacred History: Instead of an Afterword. Cross-pollination. V. A. Sharov]. Pp. 106–108. ArsisBuks. (In Russian)
2. Gabrielova, A. (2015). *Filosofsko-istoricheskii grotesk v romane V. Sharova "Vozvrashchenie v Egipet"* [Philosophical and Historical Grotesque in V. Sharov's Novel "Return to Egypt"]. *Voprosy literatury*, No. 3, pp. 177–185. (In Russian)
3. Uolsh, G. (2020). *Mikrokosmografiya russkikh kul'turnykh mifov v alloistoricheskikh romanakh Vladimira Sharova* [Microcosmography of Russian Cultural Myths in Vladimir Sharov's Allohistorical Novels]. *Vladimir Sharov: Po tu storonu istorii / Sbornik statei i materialov*; pod red. M. Lipovetskogo i A. de Lia Fortel' Pp. 617–648. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
4. Khabibullina, L. F. (2019). *Natsional'nyi mif v khudozhestvennoi literature* [National Myth in Fiction]. L. F. Khabibullina, T. N. Breeva. P. 500. Moscow, FLINTA. (In Russian)
5. Fuko, M. (1996). *Poryadok diskursa. Inauguratsionnaya lektiya v Kollezhe de Frans, pročitannaya 2 dekabrya 1970 goda* [The Order of Discourse. Inaugural Lecture at the Collège de France, Delivered on 2 December 1970]. M. Fuko. Volya k istine: Po tu storonu vlasti i seksual'nosti. *Raboty raznykh let*. Per. s frants. S. B. Tabachnikova. Pp. 47–96. Moscow, Magisterium. (In Russian)
6. Shapinskaya, E. N. (2008). *Diskursivnyi podkhod* [Discursive Approach]. *Voprosy sotsial'noi teorii*. Tom II. Vyp. No. 1(2), pp. 423–434. (In Russian)
7. Khatcheon, L. (2013). *Istoriograficheskaya metaproza: Parodiinost' i intertekstual'nost' istorii (perevod)* [Historiographic Metaprose: Parody and Intertextuality of History]. *Internet-zhurnal GEFTER*. URL: <https://gefter.ru/archive/8455> (accessed: 01.10.2024). (In Russian)
8. Eko, U. (2005). *Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The Role of the Reader. Studies on Text Semiotics]. Per. s angl. i ital. S. D. Serebyanogo. 502 p. St. Petersburg, Simpozium. (In Russian)
9. Sharov, V. A. (2013). *Vozvrashchenie v Egipet (roman v pis'makh)* [Return to Egypt: (an epistolary novel)]. 759 p. Moscow, AST. (In Russian)
10. Pul'son, K. (2014). *Vladimir Sharov: Bez raboty raspadayus' na chasti* [Vladimir Sharov: Without Work I Fall Apart]. *Rossiiskaya gazeta*. No. 212 (6484). (In Russian)
11. Berdyayev, N. A. (2015). *Russkaya ideya* [The Russian Idea]. 320 p. St. Petersburg, Azbuka-Atikus. (In Russian)
12. Skorondaeva, A. (2014). *"Russkii Buker" poluchil Vladimir Sharov s romanom "Vozvrashchenie v Egipet"* [Vladimir Sharov Won "The Russian Booker Prize" for His Novel "Return to Egypt"]. *Rossiiskaya gazeta*. URL: <https://rg.ru/2014/12/05/buker-site.html> (accessed: 09.11.2024). (In Russian)
13. Lipovetskii, M. (2020). *Teologiya terrora: istoricheskii metasiuzhet v romanakh Sharova*. [Theology of Terror: A Historical Metaplot in Sharov's Novels]. *Vladimir Sharov: Po tu storonu istorii. Sbornik statei i materialov*; pod red. M. Lipovetskogo i A. de Lia Fortel'. Pp. 310–348. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

The article was submitted on 15.11.2024
Поступила в редакцию 15.11.2024

Абашева Марина Петровна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры культурологии
и социально-гуманитарных технологий,
профессор кафедры журналистики
и массовых коммуникаций,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет;
профессор кафедры теории, истории
литературы и методики преподавания
литературы,
Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет,
614022, Россия, Пермь,
Мира, 33, кв. 36.
m.abasheva@gmail.com

Abasheva Marina Petrovna,
Doctor of Philology,
Professor in the Department of Cultural Studies
and Social and Humanities-Based Technologies,
Professor in the Department of Journalism and
Mass Communication Perm State University,
Perm State National Research University,

Professor in the Department of Theory, History
of Literature and Methods of Teaching
Literature,
Perm State Humanitarian-Pedagogical
University,
33 Mira Str.,
Perm, 614022, Russian Federation.
m.abasheva@gmail.com

Киосе Оксана Афанасьевна,
старший преподаватель кафедры
иностранных языков и связей
с общественностью,
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614077, Россия, Пермь,
Бульвар Гагарина, 74В, кв.267.
oks_kiose@mail.ru

Kiose Oksana Afanasevna,
Assistant Professor in the Department of Foreign
Languages and Public Relations,
Perm National Research Polytechnic University,
74V Gagarin Boulevard,
Perm, 614077, Russian Federation.
oks_kiose@mail.ru

УДК 82-94

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-194-200

ЭКФРАСИС КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА В БИОГРАФИИ (НА МАТЕРИАЛЕ БИОГРАФИЙ ДЖОРДЖИАНЫ ДЕВОНШИРСКОЙ)

© Камиля Аюпова

EKPHRASIS AS A STYLISTIC MEANS OF CREATING AN IMAGE IN BIOGRAPHIES (BASED ON THE BIOGRAPHIES OF GEORGIANA, DUCHESS OF DEVONSHIRE)

Kamilya Ayupova

The article explores instances of actual ekphrasis (verbal representation of actual works of art) in biographies of the 18th century British socialite Georgiana, Duchess of Devonshire. Through the case study approach, we argue that ekphrasis serves as a stylistic device in biographies and helps shape the reader's perception of the subject. Published in different decades of the 20th century, the four biographies of the Duchess illustrate historical move of the biography from novelization towards factual narrative. The study leads to a conclusion that, in the analyzed biographies, the use of ekphrasis is linked to their stylistic aspect. Extended descriptive-interpretive ekphrases prevail in the novelized biographies of I. Leveson Gower and A. Calder-Marshall. Ekphrases are lexically expressive, they can be used to create antithesis or introduced into the narrative through free indirect speech. B. Masters, the author of one of the two factual biographies, desists from using ekphrasis. A. Forman favours condensed descriptive ekphrases that she introduces into the narrative through letter and newspaper excerpts. As is the case with novelized biographies, ekphrasis in Forman's factual biography acts as a stylistic device that creates imagery in a factual narration yet preserving its authenticity.

Keywords: biography, actual ekphrasis, stylistic device, Georgiana, Duchess of Devonshire

В статье анализируются случаи миметического экфрасиса (вербального представления реальных произведений живописи) в биографии. На материале четырех биографий английской аристократки XVIII века Джорджианы Девонширской автор рассматривает экфрасис как стилистическое средство, формирующее читательское представление о биографируемой личности. Опубликованные в разные десятилетия XX века, биографии герцогини Девонширской иллюстрируют историческое движение научно-популярной биографии от художественности к документальности. Автор приходит к выводу, что в анализируемых биографиях применение экфрасиса связано со стилистическим аспектом биографий. В беллетризованных биографиях А. Левесон Гоуэр и А. Колдер-Маршалла преобладают развернутые описательно-толковательные экфрасисы. Экфрасисы обладают лексической выразительностью, используются в рамках приема антитезы, а также могут включаться в повествование посредством несобственно-прямой речи. Автор одной из документальных биографий Б. Мастерс отказывается от экфрасиса. А. Форман отдает предпочтение свернутому дескриптивному экфрасису, который включается в ткань повествования через прямые цитаты из публицистики и писем и, так же как и экфрасис в беллетризованной биографии, служит стилистическим средством, создающим образность в документальном повествовании, не разрушая при этом достоверность.

Ключевые слова: биография, миметический экфрасис, стилистическое средство, Джорджиана, герцогиня Девонширская

Для цитирования: Аюпова К. Экфрасис как стилистическое средство создания образа в биографии (на материале биографий Джорджианы Девонширской) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 194–200. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-194-200

Традиционное понимание экфрасиса в литературоведении как описание и анализ произведений искусства в поэзии постепенно расширилось

до использования применительно ко всем родам литературы. Широкое распространение экфрасического дискурса в современной художест-

венной прозе привлекает внимание исследователей [1], [2], [3], [4]. Предпринимаются попытки систематизировать знания об экфрасисе и классифицировать его виды, формы и функции в художественных текстах [1]. С расширением понятия появляются работы, изучающие экфрасис в мемуарно-биографической прозе, в частности о художниках. С. Ловелл [5], А. Галькова [6], Дж. Брейнстроп [7], Н. Кая [8], Дж. Даббз [9], Н. Шлемова [10], А. Марков и С. Камилова [11] рассматривают экфрастические описания как способ построения образа творца и отражения его художественного сознания. Так, С. Ловелл изучает экфрасис в рамках биографического метода. Не употребляя термин, экфрастические описания анализирует М. А. Козырева в биографическом очерке Честертона о художнике-символисте Уоттсе [12]. Авторы биографических произведений о художниках, которые исследуются в упомянутых работах, прибегают к экфрасису в рамках биографического метода для объяснения жизни через творчество. Мы исследуем случаи миметического экфрасиса (то есть вербальное представление реальных произведений живописи) в биографиях, объектом которых является не художник.

В данной работе мы будем опираться на широко цитируемое определение экфрасиса, предложенное Джеймсом Хеффернаном в 1993 г.: «вербальная репрезентация визуальной репрезентации» [13, с. 3], а также использовать терминологию, представленную в статье Яценко [1]. Экфрасис в биографиях может выполнять различные функции, в рамках настоящей статьи мы сосредоточим свое внимание на экфрасисе как стилистическом средстве построения образов исторических персонажей, количественное и качественное употребление которого находится в зависимости от жанрового своеобразия биографии.

Четыре биографии Джорджианы Девонширской были созданы в разные десятилетия XX в. По жанру все они научно-популярные, в соответствии с тем, как этот жанр понимался в каждую из эпох создания биографий. Биография в первой половине века развивалась по пути романизированной (беллетризованной) биографии. Документальный материал облекался в художественную форму. Последующие десятилетия в развитии научно-популярной биографии характеризуются постепенным отказом от художественных элементов: авторский голос отходит на задний план, вымышленные диалоги и монологи уступают место осторожным гипотезам. Биографии Джорджианы Девонширской иллюстрируют это движение от беллетризации к документальности.

Произведения Левесон Гоуэр (1944) [14] и Колдер-Маршалла (1978) [15] написаны с разной степенью беллетризации: включают художественный вымысел – диалоги, внутренние монологи, вымышленные сцены (см. [16]). Биографии Мастерса (1981) [17] и Форман (1998) [18] демонстрируют альтернативные пути включения художественного элемента в документальное повествование – через композицию.

Джорджиана, герцогиня Девонширская, была одной из самых ярких и влиятельных женщин Англии эпохи Просвещения. Она принимала активное участие в политике партии вигов, была лидером светского общества, дружила с французской королевой Марией-Антуанеттой и сумела понравиться простому народу Англии. Герцогиня эпатировала общество эксцентричными нарядами и смелой политической кампанией, агитируя за лидера партии вигов Чарлза Джеймса Фокса. За свое выходящее за рамки общепринятого поведение Джорджиана подверглась нападкам и оскорблениям в прессе. После Вестминстерских выборов 1784 г. распространилась популярная легенда о прекрасной герцогине, целующей мясника в обмен на голос избирателя – благодаря карикатурам такой Джорджиана и запечатлелась в общественном сознании жителей Великобритании на многие поколения.

Джорджиану прозвали «прекрасной герцогиней Девонширской». Однако, по отзывам мемуаристов, современников Джорджианы, внешность ее была заунывной. Привлекательность Джорджианы происходила не столько из внешних данных, сколько из ее харизмы. «Прекрасной» ее находили только после непосредственного общения. Современников покоряла ее естественность и искреннее участие. Автор «Замка Отранто» Гораций Уолпол провозгласил герцогиню «феноменом» [17, с. 35], [18, с. 35], романистка Фанни Берни отметила ее живость, легкость и очарование, «право же, последний эпитет мог быть придуман ради нее» (здесь и далее перевод наш. – К. А.) [14, с. 21]. По легенде, сама Джорджиана считала, что лучший комплимент ей сделал ирландский рабочий, попросивший позволения зажечь трубку от огня ее глаз [Там же, с. 112], [17, с. 36].

Герцогиню изображали такие знаменитые художники, как Томас Лоуренс, Ричард и Мария Косвей, Джон Даунмен, Ангелика Кауфман, сэр Джошуа Рейнольдс и Томас Гейнсборо. Самым известным изображением герцогини Девонширской стал «шляпный» портрет, созданный Томасом Гейнсборо в 1785 г. На момент выхода трех биографий герцогини (Левесон Гоуэр, Колдер-Маршалла и Мастерса) портрет Гейнсборо был

скрыт в частной коллекции в США. Однако забыт он не был: с конца XIX в. в широком обращении было множество репродукций со знаменитого полотна, образ с картины активно использовался в сувенирной продукции: от керамики и портсигаров до коробок конфет с «прекрасной герцогиней». Айрис Левесон Гоуэр, автор первой биографии Джорджианы, начинает повествование с рассказа о своем ярком воспоминании из детства, в центре которого «шапное» изображение ее прапрабабки. «*Georgiana Devonshire kissed a butcher and wore a large hat; since then she is the beautiful Duchess of a million chocolate boxes*», – отмечает она [14, с. 7].

Первая биография герцогини Девонширской, озаглавленная «*The Face Without A Frown*», была написана ее родственницей по нисходящей линии Айрис Левесон Гоуэр в 1944 г. В предисловии Левесон Гоуэр вспоминает знакомство со своей прославленной прародительницей через ее живописное изображение:

«*“That’s your great-great-grandmother,” I was told, “The beautiful Duchess who kissed the butcher.” <...> the hat and the kiss were imprinted on my mind as the important points in the introduction. Afterwards <...> I came to know her, and found that most of the time she did not wear the hat and that she was not exclusively occupied in kissing tradesmen*» [Там же].

Привлеченная популярным образом герцогини, Левесон Гоуэр задалась целью показать публике «настоящую» Джорджиану, которую она открыла в процессе подготовки к публикации семейной переписки. В предисловии, озаглавленном «*Apologia*», Левесон Гоуэр утверждает, что все написанное ею факт. Однако, несмотря на такое заявление, в книге Левесон Гоуэр заметно увлечение художественным письмом. Документальное повествование то и дело прерывается вымышленными эпизодами, диалогами и монологами. Художественные фрагменты в большинстве случаев избыточно сентиментальны и не согласованы с научно-популярной направленностью биографии в целом.

Левесон Гоуэр активно опирается на иконографический материал. Увиденная в детстве репродукция знаменитого портрета кладет тому начало. Название книги представляет собой микроекфрасис – как сообщается в предисловии автора, оно цитирует подпись к одному из портретов Джорджианы работы Джона Даунмена: «*She seldom wore and never met a frown*». – «*Лицо ее всегда излучало ясность и неизменно встречало его в ответ*» [Там же]. В тексте биографии эта цитата встретится еще раз, образуя тем самым экфрастический мотив.

Экфрасис в биографии Левесон Гоуэр становится одним из основных стилистических приемов построения образов, наряду с литературными аллюзиями. Иконографический материал служит проводником в мир исторических персонажей. Автор вплетает его в свое повествование, приглашая читателя вообразить возможные мысли и чувства изображенных на портретах людей:

«*The memories <...> stretched farther and farther back into the past, <...> back into the time when she was stood on a table in front of Mama, dressed in her best frock (and very uncomfortable it was too), stiff buckled shoes on her feet and a starched cap on her head, Mama’s arm round her and Mama’s little dog on the table beside her, to be painted by Sir Joshua. What a long time ago... why, she was a very little girl then, and now she was going to be married and the whole of life was going to be different*» [14, с. 15].

В приведенном отрывке автор создает психологический экфрасис, передавая восприятие Джорджианой своего детского портрета кисти Рейнольдса. Упоминая, насколько неудобными были «лучшее платье» и туфли с точки зрения юной леди Джорджианы, Левесон Гоуэр сообщает свою интерпретацию описанной картины мыслям героини, стремясь таким образом построить эмоциональную близость между читателем и объектом биографии.

В одной из глав мы встречаем ряд неатрибутированных экфрасисов: Левесон Гоуэр описательно перечисляет известные портреты герцогини. Почти все экфрасисы здесь дескриптивные и без труда соотносятся с конкретными изображениями. Однако в случае с толковательным экфрасисом портрета, «где улыбка – ее единственное украшение» (the portrait in which her smile is the only decoration), точная атрибуция невозможна, однако позволяет связать данный случай экфрасиса с экфрастическим лейтмотивом «*face without a frown*», вынесенным в заглавие и с неоконченным портретом Рейнольдса, помещенным на обложку. «*But always her likeness was hard to catch*» [14, с. 43], – подытоживает автор.

При помощи дескриптивного экфрасиса известного портрета кисти Рейнольдса Левесон Гоуэр выражает сожаление о том, что важная, по ее мысли, роль Джорджианы, роль матери, осуществилась лишь спустя время: «*But for eight long years the canvas for her picture with her child upon her knee was to lean its blank face to the wall*» [Там же, с. 44].

В биографии встречается развернутый сводный экфрасис портретов, где Левесон Гоуэр предлагает свое иконологическое прочтение изображений. Сравнивая портреты Джорджианы и

леди Элизабет, ее фальшивой подруги, Левесон Гоуэр использует ряд контекстуально контрастирующих эпитетов, чтобы представить два противоположных характера:

«Georgiana's charm lay in her **openness**, her frank **spontaneity**; Lady Elizabeth's in her **considered** approach. We have only to lay their portraits side by side for their characters to be made manifest; take as many as you will – half a dozen of each – and the characteristics are only accentuated. Georgiana's face is **round** and composed of **curves**, her eye-sockets large, the eyes round and **laughing**, her nose is **deplorable**, for it turns up **unashamedly** and her nostrils are wide and winged, it has no kind of dignity – nothing but **impertinence** and **zest**; her mouth is **curved**, **generous** and **irrepressible**, and her abundant hair is **uncontrolled**.

Lady Elizabeth's more beautiful face is **oval** and **subtle**, **pointed** and **vixen-like**. Her fine eyes are set in **almond-shaped** sockets, her nose is **narrow** at the bridge and her mouth smiling and **sensual**. The two faces epitomize **impulse** and **calculation**. Yet Georgiana was considered the paramount beauty of her time, though we might consider her a “*jolie-laide*”; but the eighteenth century detested subterfuge, and it was probably the shining honesty of her face, “**that seldom wore and never met a frown**,” that made her seem so lovely to them» [14, с. 73–74] (здесь и далее выделено нами. – К. А.).

Эпитеты, противопоставляющие черты лица Джорджианы и леди Элизабет, предваряются антитезой «непосредственность» (frank spontaneity) – «сознательность» (considered approach) и в завершение аналогичным образом обобщаются антонимами «импульсивность» (impulse) и «расчет» (calculation). Таким образом, внешность обеих женщин, запечатленная на портретных изображениях, представлена Левесон Гоуэр как характеризующая, причем среди оценочных эпитетов, подобранных для описания отдельных черт лица, есть полисемичные: «generous» в описании пропорций рта также отражает и характер владелицы, славившейся своей щедростью, тонкие («subtle») черты лица леди Элизабет семантически сообщают нам о ее тихом коварстве и изощрении, в эпитете «pointed» содержится намек на ее привычку всегда действовать с умыслом.

Заглавие биографии Артура Колдер-Маршалла «The Two Duchesses», вышедшей в 1978 г., настраивает на двусмысленность и интригу. Впечатление усиливается обложкой, для которой была выбрана миниатюра французского художника Ж.-У. Герена, созданная во время пребывания Джорджианы и леди Элизабет в Париже в 1790 г. Джорджиана изображена на переднем плане, а ее рука покоится на плече Бесс. Внешнее сходство подруг усилено художником:

не только в нарядах и прическах, но и в профилях и чертах лица. Положение фигур символично в отражении взаимоотношений двух женщин: Джорджиана, как и в жизни, немного возвышается на переднем плане, она одновременно ведущая и ведомая: рукой она опирается о плечо леди Элизабет, фигура которой устремлена вперед. Таким образом, читателю дается понять, что в книге будет поведана история взаимоотношений двух женщин, двух герцогинь – Джорджианы, первой жены герцога Девонширского, и леди Элизабет, ее лучшей подруги, которая «унаследует» титул после кончины Джорджианы, выйдя замуж за герцога.

К экфрасису портретов Джорджианы Колдер-Маршалл прибегает, когда подводит итог жизни почившей герцогини:

«At the age of forty-nine the private Georgiana, Duchess of Devonshire, was dead <...> But the public Georgiana, the legendary, the beautiful, the natural, warm-hearted, generous Duchess of Devonshire, Empress of Fashion, lived on» [15, с. 148].

Далее следует ряд свернутых экфрасисов, где Колдер-Маршалл перечисляет все самые известные изображения Джорджианы в искусстве как визуальные свидетельства ее посмертной репутации, высокого статуса и широкой популярности.

После ухода Джорджианы из жизни и со страниц книги Колдер-Маршалл продолжает повествование со второй герцогиней Девонширской в центре событий. Выйдя из тени своей блистательной подруги и покровительницы, Бесс отправляется в Европу и становится меценатом. Колдер-Маршалл подробно останавливается на ее деятельности, а также на внимании к ней известных художников, которым она покровительствовала. Все случаи экфрасиса атрибутированы. Описания лексически выразительны. Экфрасис портрета Томаса Лоуренса вызывает яркий визуальный образ привлекательной женщины:

«Wearing a splendid hat with osprey feathers embracing her curls and tumbling to meet the billowy lace on her left shoulder, her eyes pensive, nostrils delicate and lips made to be kissed, she looks a noble lady half that age» [Там же, с. 174].

Колдер-Маршалл отмечает, что на момент создания портрета Бесс было около шестидесяти лет. По мысли биографа, Лоуренс, «величайший льстец» среди английских портретистов, изобразил ее не так, как она выглядела в 1819 г., а как себя ощущала (how she felt she was) [Там же]. Ав-

тор противопоставляет этому портрету другой, выполненный десять лет назад, сразу после свадьбы с пятым герцогом Девонширским: «*the eyes larger but more calculating beneath Medusa-curls, nose long and pronounced, mouth curling up not in happiness but triumph*» [Там же]. Выражение глаз истолковано как расчетливое, а приподнятые уголки рта выражают не счастье, а ликование. Отталкивающее впечатление усилено сравнением с Медузой в описании прически.

При помощи двух противопоставленных толковательных экфрасисов Колдер-Маршалл иллюстрирует свое отношение к героине в два ее жизненных периода.

В 1981 г. появилась новая биография Джорджианы Девонширской «*Georgiana*». Ее автором стал британский биограф Брайан Мастерс. Предисловие, написанное Деборой, герцогиней Девонширской, открывается сводным имплицитным экфрасисом: «*I have lived with Georgiana for more than fifty years. She is in our drawing room, my little sitting room, and the library. Sometimes she moves into the Great Dining Room. These constant reminders make Georgiana's presence at Chatsworth almost tangible*» [17, Предисловие, п. р.]. Упоминая портреты метонимично, герцогиня подчеркивает силу присутствия Джорджианы.

По устоявшейся традиции, Дебора Девонширская отмечает, что очарование Джорджианы невозможно было запечатлеть на холсте, и приводит экфрастическую цитату ее сына: «*The head is very like my mother and it is almost the only likeness of her that reminds me of her countenance*» [Там же, п. р.], в которой говорится о портрете Марии Косуэй, где Джорджиана изображена в образе Дианы, богини луны, парящей сквозь облака. Эта цитата дублируется в иллюстративном материале рядом с фрагментом упомянутого портрета с крупным планом лица Джорджианы.

В тексте биографии встретится всего один экфрасис. Создается впечатление, что живописные документы с точки зрения их необходимости в построении достоверного образа Мастерс оценивает невысоко. О знаменитом и широко расхваленном в свое время портрете Рейнольдса, где Джорджиана изображена в роли матери, Мастерс упоминает так: «*She posed for the famous portrait by Reynolds, said by many to be among his best, though not a good likeness of Georgiana*» [Там же, с. 105]. Этот экфрасис не обладает лексической выразительностью, обезличенный и отстраненный, он передает сказанное о портрете другими.

Таким образом, если не считать экфрастического предисловия, в биографии Мастерса всего один экфрасис, причем его содержание – передающее неуточненное общее мнение – умаляет

ценность визуального образа, запечатленного на упомянутом портрете. Предисловие герцогини, сообщающее, что портреты Джорджианы создают ощущение присутствия, вступает в спор с текстом Мастерса, в котором почти отсутствует экфрасис. Мысль о том, что ни один источник – ни портреты, ни письма, ни мемуары – не в силах воссоздать магию присутствия Джорджианы, рефреном проходит через биографию Мастерса. Автор обозначает свою позицию и выделив один портрет в иллюстративном материале. Помещенный рядом комментарий близкого человека, сообщающего, что это единственное похожее изображение, обесценивает все остальные.

Последняя биография Джорджианы вышла в 1998 г. и получила Уитбредовскую премию. Ее автор, Аманда Форман, удостоилась похвал за удачное сочетание стиля и научного исследования. Основой для биографии послужила докторская диссертация автора.

Биография открывается экфрастическим описанием самого известного портрета Джорджианы:

«*The famous Gainsborough portrait of Georgiana succeeds in capturing something of the **enigmatic charm** which her contemporaries found so **compelling**. However, it is **not an accurate depiction** of her features: her eyes were heavier, her mouth larger. Georgiana's son Hart insisted that no artist ever succeeded in painting a true representation of his mother. Her character was too full of contradictions, the spirit which animated her thoughts too quick to be caught in a single expression*» [18, с. 3].

Другое упоминание этого портрета приходится на главу, посвященную самому яркому периоду жизни герцогини, когда она находилась на пике социального успеха:

«*Georgiana was also responsible for the unprecedented sales of the "picture hat": wide-brimmed hats, worn with a large sash and adorned with drooping feathers. She had posed in one of her own design, perching it stylishly on the side of her head, for her portrait by Gainsborough. After he exhibited the painting, women up and down the country ordered their milliners to make them a copy of the "Duchess of Devonshire's picture hat"*» [Там же, с. 121].

Первым экфрасисом Форман продолжает традицию размышлений на тему загадочного обаяния («*enigmatic charm*») Джорджианы, не поддающегося воспроизведению. Вторичный экфрасис этого полотна иллюстрирует социальный успех герцогини, так же как и свернутый экфрасис другого портрета Гейнсборо, из которого читатель узнает, что в июльском номере газеты «*The Morning Herald*» сообщалось, что «*Georgiana was sitting for Gainsborough for a full-*

length portrait intended as a present to the Queen of France» [Там же, с. 90]. Форман активно использует свернутый экфрасис из публицистики и писем. «Документальный» экфрасис, включенный в ткань повествования, позволяет читателю провести связь с реальным объектом искусства, делая образ исторического персонажа живым. Так же, как и Мастерс, Форман лишь цитирует экфрасисы, не сообщая им собственную интерпретацию. Однако при отсутствии собственно художественной выразительности, миметический экфрасис в документальной биографии самим присутствием придает выразительность повествованию и способен вызвать эмоциональный отклик у читателя.

В данной статье мы проанализировали функционирование миметического экфрасиса в тексте биографии как стилистического средства построения образа. Экфрасис в произведении на стыке документального и художественного имеет свою специфику. Так, в биографиях Левесон Гоуэр и Колдер-Маршалла, имеющих выраженный художественный компонент, преобладают развернутые описательно-толковательные экфрасисы. Мастерс и Форман не прибегают к беллетризации. Единственный случай экфрасиса у Мастерса и большинство экфрасисов в биографии Форман свернутые дескриптивные. Несмотря на то что Форман почти не вербализирует полотно, ее способ включения экфрасиса в ткань биографии (через цитаты из документальных источников – публицистики и писем) представляет собой стилистический прием, помогающий создать образность в документальном повествовании, не нарушая достоверность. Авторство экфрасиса также имеет значение. У Левесон Гоуэр и Форман встречаются экфрасисы, автором которых являются персонажи биографии. Левесон Гоуэр, заимствуя романский прием, представляет экфрасис в вымышленном потоке мыслей Джорджианы, таким образом сообщая историческому персонажу свою интерпретацию картины. Форман включает экфрасисы из писем Джорджианы и ее современников, однако такой прием не нарушает историческую достоверность.

Три биографии начинаются экфрастически. Левесон Гоуэр вспоминает широко растиражированное и ставшее стереотипным изображение герцогини. Дебора Девонширская в предисловии к биографии Мастерса говорит о жизни в окружении портретов Джорджианы. Форман начинает повествование с экфрасиса знаменитого портрета Гейнсборо. Биография Левесон Гоуэр наиболее экфрастическая, что закономерно, учитывая ее сильную художественную составляющую, обусловленную исторической тенденцией в раз-

витии жанра научно-популярной биографии XX в.

Список источников

1. Яценко Е. В. «Любите живопись, поэты...». Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 47–57.
2. «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте: сб. ст. / сост. и науч. ред. Д. В. Токарева. М.: Новое лит. обозрение, 2013. 571 с.
3. Экфрастические жанры в классической и современной литературе: монография / Н. С. Бочкарева, К. В. Загороднева, Е. О. Пономаренко, А. Г. Рогова, И. А. Табункина, Д. С. Туляков, И. И. Тулякова; под общ. ред. Н. С. Бочкаревой; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2014. 204 с.
4. Абашева М. П., Чащинов Е. Н. Экфрасис в романе А. Королева «Эрон» // Вестник Пермского университета. 2015. Вып. 4 (32). С. 89–97.
5. Lovell S. Ekphrasis as an Analytical Mode in Biography: Finding Vida Lahey's Romantic «Character» // a/b: Auto/Biography Studies. 2013. № 28. P. 272–295.
6. Галькова А. В. Особенности живописного экфрасиса в мемуарно-автобиографической прозе А. Н. Бенуа и М. В. Добужинского // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 2 (11). С. 27–48.
7. Bruinstroop J. Reliefs: Biographical ekphrasis and the Queer artist. PhD by Creative Works, Queensland University of Technology. 2022. URL: <https://eprints.qut.edu.au/236549/> (дата обращения: 01.10.2024).
8. Kaya N. The Drama of Ekphrastic Affect: Sculpture in Evliya Çelebi's The Book of Travels // The Journal of Aesthetic Education. 2019. Vol. 53 no. 4. P. 99–110.
9. Dabbs J. The Role of Art in Recent Biofiction on Sofonisba Anguissola // Authorizing Early Modern European Women: From Biography to Biofiction, edited by J. Fitzmaurice et al. Amsterdam University Press, 2022. P. 219–34.
10. Шлемова Н. Поэтика интермедальности в малой прозе постсоветского зарубежья (на материале журнала «Даугава»). Филология и культура. Philology and Culture. 2022. № 3. С. 188–194.
11. Марков А. В., Камилова С. Э. Жанровые трансформации рассказа о художнике в современной узбекской литературе // Новый филологический вестник. №1 (68). 2024. С. 337–345.
12. Козырева М. А. Биография художника: жанровые особенности. Филология и культура. Philology and Culture. 2015. № 4. С. 227–231.
13. Heffernan J. A. W. Museum of Words: The Poetics of Ekphrasis from Homer to Ashbery. Chicago: The University of Chicago Press, 1993. 249 p.
14. Leveson Gower I. The Face Without a Frown. London: Frederick Muller Ltd., 1947. 239 pp.
15. Calder-Marshall A. The Two Duchesses. Newton Abbot: Readers Union Group of Book Clubs, 1978. 208 p.

16. Аюпова К. Ф. Беллетризация как приём в биографиях Джорджианы, герцогини Девонширской // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2017. Т. 159, кн. 1. С. 231–241.

17. Masters B. *Georgiana*. London: Allison & Busby, 1997. 324 p.

18. Foreman A. *Georgiana Duchess of Devonshire*. London: Harper Collins Publishers, 1999. 463 p.

References

1. Yatsenko, E. V. (2011). "Lyubite zhivopis', poety...". *Ekfrasis kak khudozhestvenno-mirovozzrencheskaya model'* ["Poets, you should love painting . . .": Ecphrasis as an Artistic and Ideological Model]. *Voprosy filosofii*. No. 11, pp. 47–57. (In Russian)

2. Tokarev, D. V. (ed.) (2013). "Nevyrazimo vyrazimoe": *ekfrasis i problemy reprezentatsii vizual'nogo v khudozhestvennom tekste* ["Indescribably Expressible": Ecphrasis and Visual Representation of the Problem in the Fictional Text]. 571 p. Moscow, NLO. (In Russian)

3. Bochkareva, N. S., Zagorodneva, K. V., Ponomarenko, E. O., Rogova, A. G., Tabunkina, I. A., Tulyakov, D. S., Tulyakova, I. I. (2014). *Ekfrasticheskie zhanry v klassicheskoi i sovremennoi literature* [Ekphrastic Genres in Classical and Contemporary Literature]. 204 p. Perm, izd. Perm gos. univ. (In Russian)

4. Abasheva, M. P., Chashchinov E. N. (2015). *Ekfrasis v romane A. Koroleva "Eron"* [Ekphrasis in Anatoly Korolev's Novel "Eron"]. *Vestnik Permskogo universiteta*. Vyp. 4 (32), pp. 89–97. (In Russian)

5. Lovell, S. (2013). *Ekphrasis as an Analytical Mode in Biography: Finding Vida Lahey's Romantic "Character"*. a/b: Auto/Biography Studies. No. 28, pp. 272–295. (In English)

6. Gal'kova, A. V. (2016). *Osobennosti zhivopisnogo ekfrasisa v memuarno-avtobiograficheskoi proze A. N. Benua i M. V. Dobuzhinskogo* [Features of Pictorial Ekphrasis in the Memoirs and Biographical Prose of A. N. Benois and M. V. Dobuzhinskiy]. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie*. No. 2 (11), pp. 27–48. (In Russian)

7. Bruinstroop, J. (2022). *Reliefs: Biographical Ekphrasis and the Queer Artist*. PhD by Creative Works,

Queensland University of Technology. URL: <https://eprints.qut.edu.au/236549/> (accessed: 01.10.2024). (In English)

8. Kaya, N. (2019). *The Drama of Ekphrastic Affect: Sculpture in Evliya Çelebi's The Book of Travels*. *The Journal of Aesthetic Education*. No. 53 (4), pp. 99–110. (In English)

9. Dabbs, J. (2022). *The Role of Art in Recent Biofiction on Sofonisba Anguissola*. In J. Fitzmaurice, N. J. Miller, & S. J. Steen (Eds.), *Authorizing Early Modern European Women: From Biography to Biofiction*. Pp. 219–234. Amsterdam University Press. (In English)

10. Shlemova, N. (2022). *Poetika intermedial'nosti v maloi proze postsovetskogo zarubezh'ya (na materiale zhurnala "Daugava")* [The Poetics of Intermediality in Small Prose of the Post-Soviet Abroad (based on the magazine "Daugava")]. *Philology and Culture*. No. 3, pp. 188–194. (In Russian)

11. Markov, A. V., Kamilova, S. E. (2024). *Genre Transformations of the Story about the Painter in Contemporary Uzbek Literature*. *Novyi filologicheskii vestnik*, No. 1 (68), pp. 337–345. (In English)

12. Kozyreva, M. A. (2015). *Biografiya khudozhnika: zhanrovyie osobennosti* [The Artist's Biography: Generic Features]. *Philology and Culture*, No. 4, pp. 227–231. (In Russian)

13. Heffernan, J. A. W. (1993). *Museum of Words: The Poetics of Ekphrasis from Homer to Ashbery*. 249 p. Chicago, The University of Chicago Press. (In English)

14. Leveson Gower, I. (1947). *The Face without a Frown*. 239 p. London, Frederick Muller Ltd. (In English)

15. Calder-Marshall, A. (1978). *The Two Duchesses*. Newton Abbot: Readers Union Group of Book Clubs. 208 pp. (In English)

16. Ayupova, K. F. (2017). *Belletrizatsiya kak priem v biografiyakh Dzhordzhiani, gertsogini Devonshirskoi* [Novelization as a Literary Device in the Biographies of Georgiana, Duchess of Devonshire]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*. Vol. 159, No. 1, pp. 231–241. (In Russian)

17. Masters, B. (1997). *Georgiana*. 324 p. London, Allison & Busby. (In English)

18. Foreman, A. (1999). *Georgiana Duchess of Devonshire*. 463 p. London, Harper Collins Publishers. (In English)

The article was submitted on 15.11.2024

Поступила в редакцию 15.11.2024

Аюпова Камиля Фаритовна,
магистр филологии,
педагог-библиотекарь,
Международная школа Казани,
420101, Россия, Казань,
Хусаина Мавлютова, 5.
lacroquant@yandex.ru

Ayupova Kamilya Faritovna,
Master of Arts,
Teacher Librarian,
International School of Kazan,
5 Mavlyutov Str.,
Kazan, 420101, Russian Federation.
lacroquant@yandex.ru

УДК 82.01+821.161

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-201-206

МЕМУАРЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ (НА МАТЕРИАЛЕ ВОСПОМИНАНИЙ В. А. ИВАНОВА О ВОСТОКЕ)

© Ринат Бекметов

MEMOIRS OF A RESEARCHER AS A LITERARY FACT (BASED ON V. IVANOV'S MEMOIRS ABOUT THE EAST)

Rinat Bekmetov

The article examines the memoirs of Vladimir Alekseevich Ivanov (1886–1970), a prominent Russian orientalist, the founder of Ismaili studies, a branch of Islamic studies that explores Ismailism as a religious and ideological movement within the Shiite branch of Islam. Written in the mid-1960s, these memoirs cover the period from 1918 to 1968 and convey the researcher's impressions of the Eastern countries he visited (Central Asia, Iran, Iraq, India, Egypt, Syria and Palestine). The handwritten notes of the scientist are kept in the archival collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (Moscow, St. Petersburg). In 2015, they were published as a separate book with a preface and comments by B. Norik, a Russian Iranian scholar, translator, textual critic, employee of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow). The memoirs of V. Ivanov have so far been studied as a fact of his scientific life and fate, as a certain addition to the researcher's work, a kind of appendix to them, explaining what usually lies beyond strict studies, in the field of subjective experience and impressions. Meanwhile, it seems that they represent a completely independent literary work, so that the circle of their readers cannot be limited only to narrow specialists. The literary part of the memoirs is determined by a whole set of features: its language (style register), the image of the author and his subjective position, genre features of the work combining elements of diary prose and detective story, as well as a conditionally "hagiographic" canon (ancient Russian literature) with the traditions of ethnographic descriptions of everyday life, which dates back to "Walking across Three Seas" by Afanasy Nikitin. The memoirist, as a rule, records the past selectively (this is due not only to the conscious desire of the author to highlight some events, obscuring others, but also to the specifics of human memory as such). V. Ivanov was no exception, for him of primary nature was the opinion taken from the point of view of the interests of science.

Keywords: V. Ivanov, oriental studies, memoirs, travelogue, history, culture, literary element

В статье рассматриваются мемуары Владимира Алексеевича Иванова (1886–1970) – видного российского ориенталиста, основоположника исмаилитоведения – отрасли исламоведения, изучающей исмаилизм как религиозно-идеологическое движение внутри шиитской ветви мусульманства. Написанные в середине 1960-х гг., мемуары эти охватывают период с 1918 по 1968 гг. и передают впечатления исследователя о тех странах Востока, в которых он побывал (Средняя Азия, Иран, Ирак, Индия, Египет, Сирия, Палестина). Рукописные записки ученого хранятся в архивном фонде Института восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург). В 2015 г. они были опубликованы в виде отдельной книги с предисловием и комментариями Б. В. Норика, отечественного ираниста, переводчика, текстолога, сотрудника Института востоковедения РАН (г. Москва). Мемуары В.А. Иванова до сих пор изучались в качестве факта его научной жизни и судьбы, как определенное дополнение к трудам исследователя, своеобразное приложение к ним, разъясняющее то, что обычно лежит за пределами строгих штудий, в области субъективного опыта и впечатлений. Между тем думается, что они представляют собой вполне самостоятельное литературное сочинение, благодаря чему круг их читателей не может ограничиваться лишь узкими специалистами. Литературный план мемуаров задается целым набором признаков: языком (стилевым регистром), образом автора и его субъектной позицией, жанровыми особенностями произведения, сочетающими элементы дневниковой прозы, детектива, а также условно «житийного» канона (древнерусская литература) с традициями этнографического бытописания, которые восходят к «Хождению за три моря» Афанасия Никитина. Мемуаристы фиксируют прошлое избирательно (это связано не только с сознательным желанием авторов выдвинуть на первый план одни события, затушевывая другие,

но и со спецификой человеческой памяти). Не стал исключением В. А. Иванов, для которого взгляд на происходящее с точки зрения интересов науки носил первостепенный характер.

Ключевые слова: В. А. Иванов, востоковедение, мемуары, травелог, история, культура, литературный элемент

Для цитирования: Бекметов Р. Мемуары исследователя как литературный факт (на материале воспоминаний В. А. Иванова о Востоке) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 201–206. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-201-206

Имя Владимира Алексеевича Иванова (1886–1970) хорошо известно многим современным историкам, специализирующимся в области исламоведческих штудий. Иранист-текстолог по основной специальности, он внес существенный вклад в развитие такой ее отрасли, как исмаилитоведение – особой дисциплины, изучающей исмаилизм, религиозно-идеологическое движение внутри шиизма, ветви мусульманского вероучения.

О значении его трудов для отечественной и мировой иранистики в весьма обстоятельном ключе говорилось не раз (см.: [1], [2], [3]), однако следует подчеркнуть, что некоторые аспекты им написанных произведений заслуживают более пристального внимания (на это уже указывалось, правда, в контексте общего интереса к наследию ученого [4, с. 2], [5, с. 3]), и не в последнюю очередь литературоведческого, важного для нас здесь. Речь в первую очередь идет об опубликованных почти десять лет назад мемуарах Иванова, посвященных странам Востока (Средней Азии, Ближнего Востока, Индии), в которых он побывал – и по профессиональной необходимости, и по воле случая. Автор назвал их поделовому, просто – «Воспоминания о Востоке». Прежде чем затронуть новый момент исследования этого текста, поясним кратко историю его публикации.

В Институте восточных рукописей Российской академии наук (преемник Азиатского музея, в котором историк трудился непродолжительное время и для которого он собрал большую и ценную рукописную коллекцию, получившую название Бухарской) имеется архивный фонд Иванова, первые материалы которого датируются, по предположению Б. В. Норика, 1912–1913 гг. (поступили в 1916 г., судя по сопроводительной записке в описи фонда). Среди бумаг выделяются те самые «Воспоминания о Востоке» – записи автора, набранные на пишущей машинке, сшитые тесьмой и содержащие пометы и исправления, сделанные его рукой. В конце 1960-х гг. текст готовился к публикации в Советском Сою-

зе, в издательстве «Наука»¹, но замысел не был осуществлен: редакция восточной литературы отказалась принимать рукопись на том основании (и это крайне примечательно!), что «Наука» как академическое учреждение не печатает произведения мемуарного, то есть, говоря иначе, субъективного, лишённого смысловой строгости и стройности характера; взамен автору предлагалось издать научную книгу по темам исмаилизма (по сути, дать расширенную русскую версию ранее по настоянию друзей опубликованной автором на английском языке в популярном стиле «карманной» книги об эволюции исмаилизма); не получив своей реализации, идея эта также канула в лету. Можно предположить, что рукопись была создана в короткие сроки (вероятно, середина 1960-х гг.), что-то дописывалось и переделывалось позднее: предисловие к мемуарам датируется весной 1968 г. В виде отдельной книги она вышла в свет лишь в 2013 г. (это, кажется, пробный экземпляр, он размещен в сети Интернет) и 2015 г. в Петербурге (в обоих случаях со вступительным словом и комментариями Б. В. Норика, автора статей об архиве Иванова [7], [8], [9] и – упомянем попутно в связи с литературоведческой темой, столь актуальной для нашего случая, – фундаментального словаря-хрестоматии о среднеазиатских поэтах XVI–XVII вв. [10]); см. также издание воспоминаний 2019 г. [11].

«Воспоминания» Иванова до сих пор рассматривались в документальном аспекте: своеобразное приложение к научным трудам исследователя, они не только дают представление о перипетиях жизни человека, профессионально изучавшего мусульманский Восток, но и служат этнографическим описанием, вообще фиксацией событий в живом историческом преломлении.

¹ В конце 1950-х гг. Иванов уехал в Иран на постоянное место жительства (решением совета Тегеранского университета ему были выделены две небольшие комнаты университетского клуба, в котором, как правило, жили приглашенные иностранные профессора, там он занимался с аспирантами из разных стран мира вопросами исмаилизма [6, с. 446]); в Тегеране он и скончался 1 июня 1970 г., похоронен на русском кладбище этого города.

Так, в автобиографической части мы узнаем об особенностях гимназического образования в до-советской России². Автор сообщает, что Петербургский университет в начале XX в. был местом, где не только учили, но и «проповедовали» актуальную идеологию³. Подлинным очагом науки являлся в те годы Азиатский музей. В нем царил атмосфера поиска, содружества, добролюбия. Мемуары содержат портреты русских ориенталистов конца XIX – начала XX в.: К. Г. Залемана (1849–1916) («Он был... „стопроцентный“ ученый»), Ф. А. Розенберга (1867–1934) («Он умел объяснить и посоветовать – это великий и редкий дар») и т. д., известный иранист, хайямовед В. А. Жуковский (1858–1918) был откровенно назван «самым неприятным» из представителей университетского образования («тип провинциального учителя гимназии, выслужившегося в директора» [5, с. 9–11]).

Много в мемуарах этюдных зарисовок Востока, показывающих его оборотную сторону, разрушающих неизбежные стереотипы, которые вызваны самим фактом того, что перед нами – далекая экзотическая культура. Например, о Бомбее пишется, что, когда пароход причалил к нему, этот многолюдный индийский город показался автору «нарядным», однако той «сказочной Индии», которую мы вычитываем, будучи подростками, из книг, он там не нашел [Там же, с. 23]. Карачи, откуда автор плыл в Бомбей, напоминал грязный английский порт с пыльными улицами и сырыми от влаги домами [Там же]. О Мешхеде 1910-х гг.: город развалин, свалок, неухоженных кладбищ, со стаями одичалых собак [Там же, с. 56]. Бухара названа «малярийным местом» [Там же, с. 25]; Туркестан охарактеризован как территория опасности из-за набегов басмачей, «разбойников»⁴ [Там же, с. 27]; Иран показан в тот период, когда ограбление на дорогах превратилось в обыденное, каждодневное явление⁵. Упоминает мемуарист засуху, постигшую в

1917 г. Персию, и голод там [Там же, с. 29]; уделяет внимание обстановке, сложившейся вокруг Туркестана, в ходе противостояния Российской и Британской империй, но оговаривает, что политика всегда казалась ему делом малозанятым [Там же, с. 32]⁶.

Этнографической ценностью обладает описание Исфахана. Автор констатирует, что на городском базаре в продаже было множество старинных вещей (керамика, изделия из резного дерева, образцы костяной мозаики, выполненные, по предположению автора, не индивидуально-ручным, а машинным способом), в том числе рукописи – объект профессиональных забот Иванова. Любопытно изображение персидских дервишей. Автор нашел их около местного кладбища, за рекой. Там располагалось жилище аскетов, которые в общении с автором записок придерживались «ритуала»: по утрам они поливали внутренний двор дома водой, заваривали чай (непременный атрибут мусульманского гостеприимства) и вели беседы едва ли не до глубокой ночи [Там же, с. 52]. Автор подчеркивает, что в его время институт нищих и бродячих дервишей фактически исчез. Когда-то они, в самом деле, были частью городского ландшафта, но ныне – не так; по мысли Иванова⁷, это объясняется удорожанием жизни в Иране: подаянием жить стало невозможно, и дервишество вошло в круг состоятельных и образованных людей, что совсем не равно реальному, историческому суфизму с его ориентацией на непросвещенные слои общества. Рассказывает автор и о цыганской свадьбе, которую наблюдал в Иране: праздник длился долго, из музыкальных инструментов главенствовали свирели и бубны, самое привлекательное

отказался что-либо делать, ссылаясь на свое полное бессилие [Там же, с. 53].

⁶ Не случайно в VI главе «Снова в Персии» Иванов описывает «генерала Диксона», секретаря английского консульства в Мешхеде. Автор, искавший работу по специальности и встретившийся с ним, указывает на его благожелательность, теплоту приема и именует не иначе, как «определенным русофилом» [Там же, с. 32]; его привлекает образ человека, сумевшего подняться над политическими и идеологическими разногласиями. Отметим, что, находясь в 1920-е гг. около пяти лет в Индии безвыездно, Иванову удалось «натурализоваться», то есть получить английский паспорт, стать подданным Британской империи. Никаких особенных прав эта «натурализация» автору, по его мнению, не дала: для англичан он остался иностранцем, человеком иной культуры, чужим [Там же, с. 39].

⁷ Тут он выступает почти как марксистский социолог, для которого «материя первична», а «дух вторичен» («базис» и «надстройка»).

² Практика зубрежки тогда была распространена, особенно в предметах лингвистического цикла, отсюда – гимназия вспоминается «одним бесконечным холодным серым днем», «я уставал от сидения на уроках», «приходил домой изможденным», «учеба была отбыванием повинности, ... нелепой традицией» [5, с. 10].

³ Профессор турецкой словесности, «хороший специалист», вызывал негативные чувства, когда, вдруг отвлекаясь от занятий, клял Льва Толстого, а с ним и представителей левого движения – было скучно, неинтересно, утомительно [Там же].

⁴ Тюрк. басмач 'нападать'.

⁵ Выразителен эпизод 1918 г., когда Иванов стал свидетелем грабежа одной деревни; ее жители обратились за помощью к губернатору провинции, но тот

– женские танцы (на свадьбах цыган танцуют исключительно женщины [Там же, с. 56]).

Нельзя не обратить внимание на одну проблему, ставшую предметом авторского размышления, – процесс урбанизации, рост городов и формирование в обществе новых стандартов. Города не просто поглощали персидские деревни – они уничтожали традиционный уклад, внедряли чувство отчужденности, меняли социальную психологию, поощряя отношения, основанные на материальной выгоде. Восточная деревня, поясняет Иванов, оперируя своим непосредственным опытом, всегда была гостеприимной, путнику в ней без труда можно было найти ночлег, скромную еду, добрых и открытых хозяев. Вхождение крестьянина в рыночные связи городского типа сделало привычную картину мира устаревшим, закорючлым «предрассудком», от которого хотят быстрее избавиться [Там же, с. 57–58]⁸.

Примеры такого рода можно умножать, они рассеяны по всему тексту.

Вместе с тем существенной гранью «Воспоминаний» является их литературность. Есть несколько причин так полагать.

Во-первых, литературный характер записок намеренно репрезентируется их автором. В «Предисловии» Иванов пытается очертить жанровую специфику своего произведения и – самое главное – называет древнерусский памятник, являющийся ключевым в его генезисе. С одной стороны, это не «отчет о предпринятых путешествиях» [Там же, с. 8], а с другой – текст, по замыслу Иванова, восходит к «Хождению за три моря» Афанасия Никитина⁹. Древний русский контекст позволяет взглянуть на мемуарные записки расширительно: перед нами – не только судьба смелого человека, случайно заброшенного в географически далекий от родины, полный превратностей культурный мир (родство с героем «Хождения», его купеческой линией), но жизнь, отдаленно похожая на «житие» со всеми сопутствующими этапами роста и развития (беззаботное детство, праведные родители, взросление, выбор пути, бесчисленные тяготы в поисках правильного знания, стойкая, неотвратимая вера в науку, смиренное выполнение целей и задач

вопреки невзгодам и т. д.). Разумеется, «житийный» канон условен, о его полном наложении утверждать нельзя – хотя бы потому, что аскетическую личность ведет Бог, а у Иванова даже любимая им наука о рукописях не обладает (по крайней мере, артикулированно на страницах мемуаров) сакральным статусом, не говоря о том, что автобиографический герой на протяжении всего повествования ни словом не обмолвливается о своей близости к Богу¹⁰. Тем не менее, несмотря на всю условность, элементы «жития» обнаруживаются у Иванова в ракурсе широкой интерпретации биографического начала.

Во-вторых, в «Воспоминаниях» прослеживается сюжетно-фабульная схема. Мемуары – не разрозненные заметки, а связный, продуманный текст, обладающий внутренне значимой цельностью и содержательной глубиной. Местами они напоминают незавершенный авантюрный роман (его черновик), за которым читатель следит с заметным напряжением. Одна из мемуарных глав называется «Приключение в джунгле». Автор рассказывает о случае, когда ему вместе с товарищем удалось спасти туземную женщину и ее ребенка, за которыми в индийских джунглях охотился тигр. Молодую женщину в обморочном состоянии вывели из леса, положили на землю, а когда она очнулась и увидела в походном термосе свое отражение, то попробовала сбежать. Ее успокоили, посадили в машину, довезли до места, но потом отец женщины, крестьянин, подал на автора жалобу в полицию с требованием привлечь его к ответственности за то, что он якобы убил дочь (чтобы прогнать тигра, пришлось стрелять в чашу из револьвера) и увез тело в неизвестном направлении. Дело об «умышленном преступлении» было передано в суд и разрешилось только потому, что судья оказался «умным и порядочным», сразу смекнувшем, что истец – бессовестный сутяга [Там же, с. 93–96]. Глава – отдельно взятая новелла, построенная по беллетристическому принципу: если не знать, что она часть целого, то ее правомерно воспринимать как самостоятельную величину с самодостаточным сюжетом.

В-третьих, мемуары включают субъектную позицию автора. Автор создает свой образ – человека наблюдательного, решительного, умного, эрудированного, честного. В некоторых фраг-

⁸ Мы видим, что в этих не лишенных оснований рассуждениях автора сквозит социологический взгляд, близкий к марксистской философии.

⁹ Ср. концовку вводного слова: «Хотя я и пишу это в возрасте 82 лет, но я являюсь новичком в этом жанре – никогда не писал мемуаров и вообще „для легкого чтения“. В качестве образца я беру 500-летнее „Хождение“ тверского купца Афанасия Никитина „за три моря“ (1466–1472), который, как и я, проехал в Индию через Персию» [Там же, с. 8].

¹⁰ Рефлексий на этот счет нет и с учетом того, что автор – человек преклонного возраста, вопрос о вере в мемуарах не затронут вовсе, смысл изображенных им событий не стягивается в причудливый божественный «узор», когда мы вправе считать, что в жизни нет и не может быть ничего случайного.

ментах он высказывает собственный взгляд на происходящее. Так, неизбежно погружаясь в тину политических событий, автор, вопреки конъюнктурным мелочам, выше всего ставит человечность и профессионализм. Он не чужд здорового скепсиса – качества в науке полезного. Автор способен найти общий язык с людьми различных характеров и темпераментов – все ради необходимости обзавестись очередным рукописным списком. Патриархальный нрав, простота, детская непосредственность – эти свойства представляются ему первостепенными, хотя порой и вызывающими искреннюю улыбку¹¹.

В-четвертых, в «Воспоминаниях» нередко лирические отступления, выдающие автора в качестве натуры поэтической, сентиментально-романтической. Приведем пример. В «бухарской» части имеется следующий пассаж:

«Было около десяти ночи, ярко светила полная луна. Я один шагал по пустой улице. Вдруг откуда-то сверху я услышал странный высокий звук, точно обрывок какой-то мелодии. Он усилился, как будто приближаясь. Еще и еще, стало слышно, что это какая-то жалобная мелодия. И вот я повернул на главную улицу, и меня как бы „обдало“ нестройным ревом мужских голосов, и я увидел действительно нечто не только неприятное, но и вызывающее чувство ужаса. Это была „цепочка“ слепых нищих, каждый державшийся за пояс переднего перед ним. Их вел мальчишка. Самое неприятное <...> были их зияющие глазные впадины... Потом мне говорили местные жители, что эти слепцы были обязаны своей слепотой не болезни <...>, а лишились глаз в наказание за преступления. Их жуткие ночные серенады были <...> способом собирать милостыню для их прокормления. Выкалывание <...> глаз было <...> средством „обезвреживания“ врагов <...>» [Там же, с. 60].

Отрывок – явно «лермонтовский». В эмоционально-стилевом плане, несмотря на различие исходных посылов и творческого замысла, он схож с соответствующим фрагментом из главы «Тамань» романа «Герой нашего времени», о «честных контрабандистах» (Печорин в ясную лунную ночь увидел слепого мальчишка и принялся выслеживать его, чтобы раскрыть тайну, см.: [12, с. 253]).

Есть в «Воспоминаниях» другие параметры литературности: язык с набором художественных средств (эпитеты, сравнения, тропы, синтак-

сические конструкции), композиция, портретность. Их изучение лежит в области филологической перспективы. Пока же необходимо сказать, что не в последнюю очередь именно литературная составляющая научно-документальных записок Иванова делает их невероятно увлекательными.

Список источников

1. Иоаннесян Ю. А. Владимир Алексеевич Иванов – выдающийся иранист мирового масштаба. Часть I // Письменные памятники Востока. 2024. Т. 21. № 1. Вып. 56. С. 115–134.
2. Иоаннесян Ю. А. Владимир Алексеевич Иванов – выдающийся иранист мирового масштаба. Часть II // Письменные памятники Востока. 2024. Т. 21. № 2. Вып. 57. С. 68–86.
3. *Daftary Farhad*. Wladimir Ivanow and Modern Ismaili Studies // Русские ученые об исмаилизме. СПб.: СПбГУ, Нестор-История, 2014. С. 24–37.
4. Иванов В. А. Воспоминания о Востоке. 1918–1968 (подготовка к публикации, предисловие и комментарии Б. В. Норика). СПб., 2013. 101 с.
5. Иванов В. А. Воспоминания о Востоке. 1918–1968. СПб.: Контраст, 2015. 160 с.
6. Акимущкин О. Ф. Автобиографическая справка Владимира Алексеевича Иванова; Иванов В. А. Краткая справочная биографическая заметка (предисловие, публикация текста и примечания О.Ф. Акимущкина) // Петербургское востоковедение. Вып. 10. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 2002. С. 446–458.
7. Норик Б. В. Материалы фонда В. А. Иванова в Архиве востоковедов ИВР РАН (краткий обзор) // Русские ученые об исмаилизме. СПб.: СПбГУ, Нестор-История, 2014. С. 38–44.
8. Норик Б. В. «Воспоминания» В. А. Иванова в Архиве востоковедов ИВР РАН // Письменные памятники Востока. 2012. № 1 (16). С. 6–9.
9. Норик Б. В. International conference. To the 125th Birth Anniversary of W.A. Ivanow. Ismaili Tradition and Spirituality of the People of the Pamirs in the Works of Russian Scholars The Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg; The Institute of Ismaili Studies, London, UK. December, 7–9, 2011, IOM RAS, St. Petersburg, Russia // Письменные памятники Востока. 2012. № 1 (16). С. 268–270.
10. Норик Б. В. Библиографический словарь среднеазиатской поэзии. М.: Издательский дом Марджани, 2011. 976 с.
11. Иванов В. Пятьдесят лет на Востоке: воспоминания / вступ. статья, коммент. Ф. Дафтари; под ред. Х. Эльназарова, М.Е. Резван. М.: Наука, Восточная литература, 2019. 17 л.
12. Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: в 4 томах. Т. IV. М.; Л.: ОГИЗ, 1947. 515 с.

¹¹ Симптоматичен эпизод, когда палестинский араб, духовное лицо, продемонстрировал ему «волос из бороды Пророка»; автор выразил сомнение в том, что он принадлежит человеку: у арабов волосы тонкие, нежные, вьющиеся, а не длинные и грубые; продемонстрировавший «волос» обиделся...

References

1. Ioannes'an, Yu. A. (2024). *Vladimir Alekseevich Ivanov – vydayuschiis'a iranist mirovogo masshtaba* [Vladimir Alekseevich Ivanov as an Outstanding International Iranian Scholar]. Chast' I. Pis'mennye pam'atniki Vostoka. Vol. 21. No 1. Vyp. 56, pp. 115–134. (In Russian)
2. Ioannes'an, Yu. A. (2024). *Vladimir Alekseevich Ivanov – vydayuschiis'a iranist mirovogo masshtaba* [Vladimir Alekseevich Ivanov as an Outstanding International Iranian Scholar]. Chast' II. Pis'mennye pam'atniki Vostoka. Vol. 21. No 2. Vyp. 57, pp. 68–86. (In Russian)
3. Daftary Farhad. (2014). *Wladimir Ivanow and Modern Ismaili Studies*. Russkie uchonye ob ismailizme. Pp. 24–37. St. Petersburg, SPbGU, Nestor-Istoriya. (In English)
4. Ivanov, V. A. (2013). *Vospominaniya o Vostoke* [Memories of the East]. 1918–1968 (podgotovka k publikatsii, predislovie i kommentarii B. Norika). 101 p. St. Petersburg. (In Russian)
5. Ivanov, V. A. (2015). *Vospominaniya o Vostoke* [Memories of the East]. 1918–1968. 160 p. St. Petersburg, Kontrast. (In Russian)
6. Akimushkin, O. F. (2002). *Avtobiograficheskaya spravka Vladimira Alekseevicha Ivanova* [Autobiographical Information of Vladimir Alekseevich Ivanov]. V. A. Ivanov, *Kratkaya spravoch'naya biograficheskaya spravka* [A Brief Background Biographical Note]. (Predislovie, publikatsiya teksta i primechaniya O. F. Akimushkina). Peterburgskoe vostokovedenie. Vyp. 10, pp. 446–458. St. Petersburg, Tsentr “Peterburgskoe vostokovedenie”. (In Russian)
7. Norik, B. V. (2014). *Materialy fonda V. A. Ivanova v Arkhivе vostokovedov IVR RAN (kratkii obzor)* [Materials of the V. A. Ivanov Foundation in the Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (A Brief Overview)]. Russkie uchonye ob ismailizme. Pp. 38–44. St. Petersburg, SPbGU, Nestor-Istoriya. (In Russian)
8. Norik, B. V. (2012). “*Vospominaniya*” V. A. Ivanova v Arkhivе vostokovedov IVR RAN [“Memoirs” by V. A. Ivanov in the Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences]. Pis'mennye pam'yatniki Vostoka. No 1 (16), pp. 6–9. (In Russian)
9. Norik, B. V. (2012). *International Conference. On the 125th Anniversary of W. A. Ivanow. Ismaili Tradition and Spirituality of the People of the Pamirs in the Works of Russian Scholars*. The Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg; The Institute of Ismaili Studies, London, UK. December, 7–9, 2011, IOM RAS, St. Petersburg, Russia. Pis'mennye pam'atniki Vostoka. No. 1 (16), pp. 268–270. (In English)
10. Norik, B. V. (2011). *Biobibliograficheskii slovar' sredneaziatskoi poezii* [Biobibliographical Dictionary of Central Asian Poetry]. 976 p. Moscow, Izdatel'skii dom Mardzhani. (In Russian)
11. Ivanov, V. (2019). *Pat'desat let na Vostoke: vospominaniya* [Fifty Years in the East: Memories]. Vstyp. stat'a, komment. F. Daftari; pod red. Kh. El'nazarova, M. E. Rezvan. 17 p. Moscow, Nauka, Vostochnaya literatura. (In Russian)
12. Lermontov, M. Yu. (1947). *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. V 4 tomakh. Vol. IV, 515 p. Moscow, Leningrad, OGIZ. (In Russian)

The article was submitted on 30.10.2024
Поступила в редакцию 30.10.2024

Бекметов Ринат Ферганович,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы
и методики ее преподавания,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bekmetov@list.ru

Bekmetov Rinat Ferganovich,
Doctor of Philology,
Professor in the Department of Russian
Literature and Methods of Teaching,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bekmetov@list.ru

УДК 82.09

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-207-214

АВТОРСКАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ В ЖЕНСКОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

© Алсу Вафина, Жанна Коновалова

AUTHORIAL COMMUNICATIVE STRATEGY IN FEMALE ENGLISH- LANGUAGE LITERARY NONFICTION DISCOURSE

Alsu Vafina, Zhanna Konovalova

The paper explores functions of communicative strategies in the female English-language biographical discourse in the second half of the 20th century. The analyzed works are biographies written by British and American women writers: “Emily Bronte. Her Life and Work” by M. Spark (1953), “Sartre: Romantic Rationalist” by I. Murdoch (1953), “Saint- Exupéry. A Biography” by S. Schiff (1994) and “Blonde” by J. C. Oates (2000). The objectives of the study were to analyze the genre characteristics of the texts, to identify their linguistic and extralinguistic means of presenting the main character and to reveal the gender-marking of English-language biographical discourse. In the course of the analysis, we formulated the main verbalization techniques of the female view on the image of the Other in its historical, national, social and cultural perspective. The article focuses on the ways authorial communicative strategies affect the reader’s perception of the main character in the presented biographies. We have come to the conclusion that the gender-marked text is characterized by the accentuated female subjectivity and the domineering evaluative component in creating the image in the realistic discourse (M. Spark, S. Schiff) and gamification in the postmodernist one (I. Murdoch, J. C. Oates). The choice of the main character is determined by national features, so while the English biographical discourse is characterized by its appeal to the phenomenon of creative consciousness, American biographers focus on the mechanisms of mythologization and demythologization of a cult personality.

Keywords: fictional biography, literary nonfiction discourse, communicative strategy, tactics of verbalization, gender-marked text, English literature, American literature

Данная статья посвящена проблеме функционирования коммуникативных стратегий в женском англоязычном биографическом дискурсе второй половины XX вв. Материалом для анализа служат произведения британских и американских женщин-писательниц: М. Спарк «Эмили Бронте. Жизнь и творчество» (1953), А. Мердок «Сартр: романтический рационалист» (1953), С. Шифф «Сент-Экзюпери. Биография» (1994), Дж. К. Оутс «Блондинка» (2000). Задачами исследования стали анализ жанровой специфики текстов, выявление лингвистических и экстралингвистических средств презентации героя, определение гендерной маркированности англоязычного биографического дискурса, а также его обусловленности художественным методом автора. В ходе анализа были сформулированы основные приемы вербализации женского взгляда на образ другого в исторической, национальной, социальной и культурной перспективе. Основное внимание было уделено способам речевого воздействия автора на формирование читательского восприятия предмета познания в представленных биографиях. Авторы статьи пришли к выводу, что гендерно-маркированный текст обусловлен женской субъективной составляющей в презентации героя, доминированием оценочного компонента в создании образа в реалистическом дискурсе (М. Спарк, С. Шифф) и игрового начала в постмодернистском (А. Мердок, Дж. К. Оутс). Выбор героя определяется и национальной спецификой: если для английского биографического дискурса свойственно обращение к феномену творческого сознания, то американские биографы в центр внимания ставят механизмы мифологизации и демифологизации культовой личности.

Ключевые слова: художественная биография, художественно-документальный дискурс, коммуникативная стратегия, тактика вербализации, гендерно-маркированный текст, английская литература, американская литература

Для цитирования: Вафина А., Коновалова Ж. Авторская коммуникативная стратегия в женском англоязычном художественно-документальном дискурсе // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 207–214. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-207-214

Современные изыскания в области филологии отражают повышенный интерес к проблеме языковой идентичности автора и героя в биографическом тексте. Особый интерес в этом случае представляют авторские коммуникативные стратегии, необходимые для конструирования образа, вписанного в национальный, социальный и культурный контекст. Под коммуникативной стратегией в биографическом дискурсе понимается совокупность речевых действий автора, направленных на репрезентацию образа *другого*, являющегося предметом познания в диалоге автора и читателя. Данная стратегия обуславливает жанровую характеристику, форму коммуникации, специфику осмысления социально-исторических и культурных факторов, гендерную маркированность. Предметом рассмотрения в данной научной статье является женский англоязычный биографический дискурс XX в., который определяется гендерной и национальной принадлежностью субъекта дискурса. Также уделяется внимание художественному методу автора, которым обуславливается художественная картина мира, представленная в произведении

Жанр биографии – это разновидность художественно-документального дискурса, обладающая следующими особенностями: реконструкция прожитого жизненного и творческого опыта *другого*, интерпретация фактов исторической действительности через индивидуальную историю, жизнь героя как предмет рефлексии и познания, важность временного компонента повествования [1, с. 12].

Несмотря на то что интерес к индивидуальной истории наблюдается еще со времен античности, именно в XX в. биография из периферийного жанра выходит в центр литературного дискурса. Традиции биографического письма складывались постепенно и претерпевали значительные изменения. Если на ранних этапах развития биографии носили синтетический характер, соединяя в себе фактографическую основу, элементы проповеди и панегирика, то впоследствии «восхваляющий» пафос уступил место реализму и психологизму в изображении героя. На поздних этапах развития биографический дискурс был дополнен элементами разоблачения и демифологизации, реализм уступает место постмодернистскому переосмыслению жанрового канона и роли отдельной личности в истории

Традиция биографического письма в английской литературе связана с трепетным отноше-

нем британцев к своему национальному прошлому и поиску собственной идентичности. Культ прошлого и культ предков становится для британской культуры способом возрождения утраченного политического, социального и культурного могущества. Поэтому в центре внимания в биографических произведениях оказываются знаковые личности, судьба и творчество которых определяло «культурное лицо» Англии. Популярность жанра биографии в США также объясняется, с одной стороны, историко-культурной близостью «туманного Альбиона» и, с другой стороны, необходимостью национальной и культурной самоидентификации через создание собственных героев. Поэтому для американской культуры начиная с самых ранних этапов ее зарождения был свойственен интерес к выдающимся личностям, отцам-основателям и *self-made man*. Постепенно герой биографии трансформировался: на смену отцам-основателям, значительным политическим фигурам, бизнесменам пришли культовые и творческие личности (актеры, спортсмены, звезды телевидения, писатели и художники).

Во второй половине XX в. глобальные трансформации в геополитической карте мира затронули все сферы культуры, включая и литературу. Изменения коснулись в том числе и гендерного аспекта, открыв путь женщинам-писательницам в «большую литературу». Активное вступление на литературное поприще «слабого пола» объяснялось социальными переменами, которые обозначились после Второй мировой войны. Изменилось представление о возможностях женщины, как физических, так и интеллектуальных, благодаря силе и упорству, которые они проявили в трудное время. Но, несмотря на снятие ограничений в целом ряде профессий, вопрос о роли женщины в области политики еще только решался. В силу этого особую актуальность получил вопрос об избирательном праве женщины, о свободе слова и о возможности ее участия в политической жизни страны. В печати появились художественные произведения, написанные женщинами-писательницами, в которых так или иначе поднимался вопрос о состоятельности женщины в маскулинном мире [2, с. 69–70]. Эти авторы отражали не только современное состояние вопроса, но и обращались к историческому прошлому и напоминали обществу о ключевой роли женщин в вопросах эмансипации.

В связи с вышесказанным стоит обратить особое внимание на выход в свет в 1953 г. двух произведений, в которых отразилась биография и творческая судьба знаковых для западноевропейской и американской культуры личностей. Обе книги были написаны женщинами, читатель познакомился с биографией Э. Бронте, изложенной М. Спарк (Emily Bronte «Her Life and Work») [3], и творческой историей Ж.-П. Сартра, рассказанной университетским преподавателем А. Мердок (Sartre: Romantic Rationalist) [4].

Рассмотрим более подробно первую из работ. В творчестве М. Спарк это второе издание подобного рода¹. Если в первой своей книге о Мэри Шелли во главу угла автор ставил вопрос о личном женском счастье, то проблематику данной книги определяли такие составляющие, как женское равноправие, социальная несправедливость и становление в профессии.

В силу вышесказанного доминирующим приемом для демонстрации роли женщины в обществе стала стратегия презентации единства, что позволило достигнуть завершенности образа за счет его целостности. Эта стратегия позволила убедить реципиента в осмысленности объекта изображения и снять временную дистанцию, которая отделяла время создания текста от времени события (время жизни Эмили Бронте).

Жанр своего текста М. Спарк определила как эссе, что предопределило своеобразие коммуникативных отношений с читателем: наличие инвариантной модели представления жизни и профессионального становления Эмили Бронте было встроено в бинарную оппозицию «борьба и преодоление».

В тексте была представлена фикциональная иллюзия достоверности: в повествование вкрапливались истории, рассказанные от лица второстепенных персонажей, устами которых пересказывалось одно и то же событие [5]. В свою очередь, наличие разных точек зрения на одно и то же событие привело к усложнению наррации. Границы перехода от одного нарратора к другому были обозначены. В силу этого читатель всегда знает, кому из персонажей принадлежит то или иное изложение события. Но вместе с тем в тексте излагается сам процесс создания повествуемой истории: нарратор параллельно с рассказыванием истории жизни героини комментирует этапы конструирования описываемой истории

и/или формирования фактологического материала. Коммуникативная стратегия, реализуемая в анализируемой книге, затрагивает и сферу профессиональной деятельности героини. В тексте доминируют существительные, определяющие роль женщины по роду деятельности.

Наличие такой коннотации (по роду деятельности) определяет моральное и умственное превосходство героини, способной самостоятельно расставлять жизненные приоритеты, готовой вести беседы с интеллектуалами, которые часто бывают в доме сестер Бронте или с которыми сталкивается судьба Эмили Бронте. В данном случае М. Спарк прибегает к субъективному оценочному компоненту. Если в описании, передаче чаяний героини, ее надежд на будущее доминируют существительные с нейтральной, стилистические неокрашенной коннотацией («учитель», «няня», «гувернантка» [3]), то оценочный компонент, представленный маскулинными персонажами, изобилует негативными коннотациями. В данном случае вместо одиночных существительных вводятся словосочетания существительных с прилагательными с отрицательной коннотацией («бедный учитель», «старая няня», «непривлекательная гувернантка», «некрасивая гувернантка» [3]).

Демонстрация состоятельности жизненных принципов героини получает дополнительную маркировку в суждениях ближайшего окружения героини, которые также приводятся в книге. Неординарный ум, смекалка, глубокие, продуманные наблюдения над жизненными обстоятельствами, умение отстаивать свое право на определение своих жизненных ориентиров – все эти моменты автор передает через диалоги героев, тогда как мотив сожаления и несвоевременности, а порой неуместности жизненных ориентиров героини передается в повествовании от третьего лица.

В соответствии с женской традицией, развиваемой в 1950-х гг., М. Спарк такую несвободу героини передает при помощи психологического параллелизма: непогода отражает страстное желание свободы героиней. В повествование вкрапливаются лирические отступления, текст изобилует эмоционально окрашенной лексикой для изображения чувств героини.

Все вышесказанное позволяет определить, что коммуникативные стратегии, обнаруживаемые в данном произведении, позволяют говорить о разрушении жанрового канона, установившегося в маскулинной прозе, и выявить общую тенденцию, свойственную женской прозе: изобилие лексики с оценочной коннотацией. При этом художественный мир автора выстраивается

¹ В 1951 г. М. Спарк представила общественности свою монографию, посвященную жизни и творчеству английской писательницы XIX в. Мэри Шелли «Дитя света: переоценка Мэри Шелли» (англ. «Child of Light: A Reassessment of Mary Shelley», 1951).

в рамках реалистической парадигмы (не нарушено представление о пространственно-временном континууме, в котором пребывает герой, представление о герое формируется в соответствии с социально-психологическим и историческим контекстом).

Обратимся ко второму произведению. Для Айрис Мердок, имеющей профессиональное филологическое образование, это был дебют, который писательница посвятила своему «литературному наставнику» Жану Полю Сартру. Книга была опубликована издательством Bowes and Bowes в г. Кембридже в серии «Исследования современной европейской литературы и мысли». В этом же году с ней познакомился и американский читатель, а три года спустя она была опубликована в Испании. Публикация оказалась востребованной и своевременной. Идеи, высказанные Ж. П. Сартром в его работах, находили живой отклик в послевоенной Европе. Эпоха пессимизма, которая черпала вдохновение в философских трудах Д. Юма и А. Шопенгауэра, осталась в прошлом. Читатель «жаждал» новой философской доктрины, пронизанной идеями прогресса, силы духа, веры в человека, в котором при этом одновременно анализировалась и природа зла в мировом порядке. В произведениях Жана Поля Сартра все эти новые веяния получали своеобразную трактовку и привлекали пристальное внимание научного и интеллектуального общества.

А. Мердок акцентирует внимание на многогранности творческого дарования Ж. П. Сартра: романист, драматург, литературный критик, эссеист, журналист, биограф, философ. Творческую свою задачу писательница определяет следующим образом: отразить универсальность художественного творчества представляемого ею автора [4, с. 48]. Тем самым А. Мердок обозначает траекторию своего письма: текст будет отражать творческую биографию писателя. Система ценностей в данном гендерно маркированном дискурсе (женщина писательница повествует о мужчине – творческой личности) образ Ж. Поля Сартра конструируется во многом благодаря наличию экстралингвистических маркеров. Это приводит к тому, что в тексте доминирует субъективная позиция я-творца несмотря на то, что «объектом рассказывания» выступает философская составляющая художественных произведений героя-творца, тем самым стратегия презентации преломляется сквозь жизненные и философские предпочтения самого субъекта повествования. Это, в свою очередь, определяет не только выбор материала для презентации, а также и сам ракурс трактовки основных идей, пред-

ставленных в работах Жана Поля Сартра. Так, А. Мердок избирательно подходит к изложению основных проблемных полей, которые традиционно ассоциируются с творческой личностью Ж. П. Сартра: отношение к политике или к государственному режиму, вопрос о гендерной идентичности, возможные трактовки понятия «свободы». Все выше представленные краеугольные камни в творческом наследии Ж. П. Сартра интересуют автора в контексте философской составляющей. Именно этот аспект обуславливает выбор произведений для презентации творческого наследия предмета изучения в биографии, этот же аспект определяет внимание к творческому процессу, представленному в книге.

Отдельного внимания заслуживает оценка роли языка в жизни человека в целом в современном обществе. Для осмысления этого вопроса в книге автор обращается к идеям Жака Дерриды, излагает теорию языка, а затем в качестве демонстрации состоятельности этой идеи приводит высказывания Ж. П. Сартра о роли языка. Сама форма представления истории (от третьего лица), наличие оценочных эпитетов, пространственные комментарии о состоятельности такого осмысления языка позволяют определить солидарность автора в необходимости оценивания непосредственной ценности языка как такового, которому в книге отводится роль одного из акторов в осуществлении жизнедеятельности как таковой: язык в современном мире перестал быть посредником, необходимо признать ценность языка как самостоятельного целого, говорит автор. Для наглядности использует образное сравнение с человеком, который рассматривает дождь в окно: субъекта от дождя отделяет стекло, язык – это и есть то самое стекло, которое пришло время заметить и оценить [4, с. 105]. Ведущая роль в этом процессе относится именно писателю, который должен определить хрупкость, многогранность, ценность этого объекта. Когда писатель создает художественное произведение, он реализует все эти составляющие по отношению к языку, которые ранее игнорировались писателями.

На страницах своей биографии А. Мердок восхищается талантом Жана Поля Сартра разграничивать две художественные особенности слова. С одной стороны, слово способно к уничтожению морали и ценностных категорий. Афористически эту идею А. Мердок определяет, как убийство (*«a writer killed the hero»*) [4, с. 105]. Вместе с тем именно писателю доступна игра с формой слова и возможность конструирования смыслов. Тогда слово теряет когнитивный аспект и наделяется музыкальной стороной. И только в

руках мастера возможна гармония между этими двумя составляющими. Допустимость такого симбиоза являет магия слова. В произведении поднимается вопрос о силе таланта творческой личности. Согласно мнению писательницы, такой талант обладает силой демиурга: он способен к объединению двух противоположных возможностей, заложенных в слове. Только истинный творец способен воссоздать созидующую магию языка. Именно примером такого многослойного звучания текста, в котором заложена экзистенциальная составляющая, определяется талант Жана Поля Сартра.

В этом случае следует обратить внимание на имплицитно заложенный оценочный компонент, обнаруживаемый в восхищении образом художника-мужчины. Такое сравнение отсылает Айрис Мердок-исследователя к архетипическому осмыслению созидательной функции, заложенной в андрогинной силе демиурга. Такая контаминация становится еще более очевидной в силу вкрапления в текст отсылки к фрейдистской доктрине в осмыслении мотивационного поля действий писателя [4, с. 112]. В целом этот роман свидетельствует о формирующейся постмодернистской парадигме в творчестве автора. Разрушение хронологии представления событий, акцент на эстетической составляющей в ущерб морально-нравственной природе знака, выход на первый план представления не образа реальной личности, а личности как носителя философской доктрины обуславливают экспериментальность в области формы и содержания в художественном целом.

В американской литературе всплеск интереса к биографическому письму произошел в последней трети XX в., что было вызвано необходимостью рефлексии об итогах Второй мировой войны, а также культурных и социальных последствий «бурных 1960-х гг.».

Одним из наиболее востребованных в этот период становится творчество Стейси Шифф (Stacy Madeleine Schiff, род. 1961 г.), активно работающей в жанре биографии. На протяжении своей творческой деятельности автор обращалась к образам писателей («Сент-Экзюпери. Биография», 1994) и их окружения («Вера: Миссис Владимир Набоков, 2000), отцов-основателей («Великая импровизация: Франклин, Франция и рождение Америки», 2005), значимым историческим фигурам («Клеопатра. Жизнь. Больше чем биография», 2010). Эволюция ее творческого метода демонстрирует движение от довольно традиционного выстраивания биографического дискурса к экспериментальному синтетическому биографическому письму.

По словам автора, к написанию первой биографии (Saint-Exupery: A Biography) ее подтолкнуло отсутствие книг, в которых бы объяснялась парадоксальность личности и творчества А. де Сент-Экзюпери: «Ни те, ни другие не смогли открыть реального Сент-Экзюпери, они обращались лишь к легенде, жертвой которой он стал» [6, с. 6]. Таким образом, основную свою задачу автор формулирует как презентацию реальной, а не мифологизированной личности писателя. Данная задача вербализирована через введение ассоциативного поля «тайна» уже во вступлении к биографии. Автор выстраивает ряд смежных, по ее мнению, явлений: катастрофа «Титаника», жизнь Мэрилин Монро и гибель Сент-Экзюпери, что позволяет ей проследить механизмы мифологизации культовой личности или знакового явления. Авторская интенция заключается в том, чтобы вывести своего героя за рамки мифологемы, тайны, загадки и реконструировать для читателя «бескрайний океан фактов» [6, с. 6].

На страницах биографии автор подчеркивает множественность и вариативность репрезентации образа пилота-летчика, связанных с наложением идеологических, культурных и временных «фильтров». Так, рассуждая о феномене возникновения «загадки» одного из самых известных писателей и философов XX в., С. Шифф анализирует цензуру, которой подвергались его книги, героизацию его образа после гибели, высокую степень стереотипизации, восприятие личности сквозь призму оппозиции «свой – чужой» и большой временной «разрыв» между воспоминаниями, оставленными о писателе, и моментом его исчезновения в 1944 г.

По мнению автора, единственным достоверным источником о жизни А. де Сент Экзюпери и ключом к пониманию его личности является обращение к его текстам, в которых воплощается языковая личность писателя как единственно объективно существующая. С. Шифф, по ее собственному признанию, следует тактике передачи объективной информации. Текст биографии характеризуется высокой степенью временной маркированности: в названии каждой главы фигурирует указание на описываемый период, хронологический принцип сохраняется также внутри глав. Фактографичность нарратива подтверждается также высокой степенью квантификации (приводятся точные цены, количество произведенных страной самолетов и другой военной промышленной продукции, количество вылетов, произведенных А. де Сент Экзюпери и другими летчиками). Более того, автор исправляет «неточности», встреченные ею в других источниках: неправильно указанные даты на различных ме-

моральных табличках и орфографические ошибки в написании имени писателя и названий его произведений. Следуя заявленной стратегии, направленной на реконструкцию языковой личности писателя, автор «верифицирует» каждый упомянутый факт биографии отрывками из писем, публицистики или художественного творчества Экзюпери. При этом, заявляя о своей интенции «отказаться от субъективизации образа писателя», С. Шифф не избегает оценочной лексики, позволяя собственной оценке звучать не только в принципе композиционной организации материала, что свойственно для документального биографического дискурса. Номинации в названиях глав носят подчеркнуто субъективный, эмоционально-окрашенный характер: «Повелитель бесконечности», «Друзья в высших сферах», «По зову долга», «Святой Антуан Д'Экзюпери», что эксплицирует авторскую оценку. Наиболее частыми в процессе лингвостилистического конструирования образа становятся эмоционально-окрашенные эпитеты и метафоры: Экзюпери предстает перед читателем как *«отчаянный авантюрист»*, *«измученный несчастный ребенок»*, *«легендарный сверхчеловек»*, *«космический бродяга»* и *«властитель пустыни»*. Таким образом, заявляя о своем желании демифологизировать образ писателя, С. Шифф приходит к созданию собственного мифологического представления о герое. При этом автор пока остается в рамках реалистического метода: писатель конструирует индивидуальную авторскую модель личности, но герой представлен в своем историческом и социальном окружении.

Совершенно иной подход к презентации персонажа в биографическом дискурсе демонстрирует Джойс Кэрол Оутс (Joyce Carol Oates, род. 1938 г.), американская писательница, поэтесса, драматург и критик. В 2000 г. Дж. К. Оутс опубликовала биографический роман «Блондинка» («The Blonde») [7], в котором обратилась к образу Мэрилин Монро.

По признанию самой писательницы, роман должен был быть небольшим по объему (чуть более 150 страниц) и должен был реконструировать только период жизни Нормы Джин Бейкер до момента ее превращения в звезду и культовую личность. Однако в процессе работы над материалом творческий замысел претерпел трансформацию, и книга превратилась в одну «из самых сложных книг в ее жизни».

Главной коммуникативной стратегией создания образа М. Монро в данном произведении является подчеркнутая субъективность. Сама автор неоднократно заявляла об отказе от тактики объективизации, настаивая на том, что «Блондинка»

является художественным произведением: «„Блондинка“ – это рафинированная выжимка из жизни, поданная в форме художественного произведения» [7, с. 11]. Организуя книгу по принципу биографического повествования, придерживаясь основной хронологии событий, автор, тем не менее, строит образ героини на «синекдохе, по принципу обобщения» [Там же]. Так, писательница «пропускает» реальные факты из жизни актрисы через «зеркало авторского обобщения», предоставляя собственную вариацию образа Мэрилин Монро.

Одной из стратегий постмодернистского биографического письма является создание альтернативного видения персонажа. Дж. К. Оутс не только конструирует альтернативный образ актрисы, но и «множит» вариативность, вводя в повествование сразу несколько возможных путей развития событий. Данный прием особенно ярко проявляется в эпизодах смерти бабушки Нормы Джин Бейкер и ее отправки в детский приют. В структуру биографического дискурса включается сказочный дискурс и кинодискурс, причем маркированность переходов зачастую отсутствует. Так, для самой героини часто бывает сложно провести границу между реальностью и происходящим на экране, подлинным «я» и своей «экранной личностью», реальным и сказочным «я».

Тактика субъективной репрезентации образа актрисы находит свое отражение на нескольких уровнях. Произведение характеризуется сложной коммуникативной структурой, в которой функция «Я-нарратора» неожиданно передается от автора-повествователя к многочисленным персонажам. Фактически каждая из глав построена по принципу «переключающихся» нарративов, зачастую подобные переходы выделяются графически (курсивом), но в некоторых случаях лишены подобной маркировки. Данный прием создает эффект множественности точек зрения и фрагментированности как авторского сознания, так и сознания персонажей.

При написании книги Дж. К. Оутс работала с документальными источниками, включив указания на некоторые из них в авторское предисловие. Однако автор намеренно отказывается от цитирования дневников, писем и стихов М. Монро, заменяя их на страницах романа стихотворениями и заметками собственного сочинения, что может свидетельствовать об интенции конструирования художественного персонажа, чья языковая личность становится плодом авторского творческого акта.

Заслуживающим внимания представляются и особенности номинации героев. Хотя центральный персонаж назван своим настоящим именем

(Норма Джин Бейкер), автор-повествователь подвергает эту номинацию сомнению. Более того, это имя представлено как такой же сфабрикованный конструкт, как и имя «Мэрилин Монро». В дальнейшем вводятся новые номинации героини, каждое из которых знаменует собой новый этап ее жизни («Блондинка Актриса», «Девушка Сверху», «Волшебная Принцесса», «Мисс Золотые Мечты»).

В целом данный текст носит характер очевидной гендерной маркированности. Указание на ее гендерную идентичность акцентируется в названиях частей книги: «Девочка. 1932–1938», «Девушка. 1942–1947», «Женщина. 1949–1953», «Мэрилин. 1953–1958». Показательно, что этап жизни актрисы, номинированный как «Мэрилин», выводит на передний план «конструкт» ее привычного зрителям образа. Героиня показана в ее противопоставлении с миром мужчин, причем героини-мужчины в романе лишены той степени детализации, которая присуща женским образам. Женская психология, особенно психология девочек-подростков, является одной из ключевых тем в творчестве Дж. К. Оутс, что находит свое отражение и в «Блондинке». Автор подробно описывает период взросления Нормы Джин, эмоционально сопереживая своей героине. Гендерная маркированность, таким образом, проявляется также и в высокой степени субъективности и эмоциональности повествования. Главной своей задачей автор видит разрушение общепринятого представления о Мэрилин Монро как о культовой личности, представляя ее в роли страдающего девочки, девушки и женщины. Таким образом, авторская коммуникативная стратегия направлена в данном случае на разрушение некоторых устойчивых характеристик биографического дискурса, а также на развенчание образа Мэрилин Монро как успешного символа Голливуда, что свидетельствует о постмодернистском типе авторского сознания.

Таким образом, проведенное исследование выявило, что биографический дискурс по-прежнему является одним из наиболее продуктивных для вербализации национальной и гендерной идентичности. Не последнюю роль в этом играют и социальные и культурные изменения, наблюдаемые во второй половине XX в. в Великобритании и США. Особые характеристики биографического письма позволяют отразить основные национальные приоритеты и ориентиры. Если для английской биографии свойственно обращение к образу талантливой личности и тяготение к интеллектуальной прозе, то литература США проявляет интерес к индивидуальной истории культовой личности.

При этом способы их конструирования зависят от художественного метода писателя. Специфика женского дискурса в рамках реалистического биографического жанра сводится к субъективности, ярко выраженному эмоциональному компоненту (М. Спарк, С. Шифф). В постмодернистском дискурсе эти приемы дополняются свободным обращением с фактологическим материалом: множественность точек зрения, нарушение хронологии, включение вымышленных документов и героев, размывание жестких рамок между повествовательными инстанциями, доминирование интереса к субъекту и моменту рассказывания истории, а не ко времени описываемых событий (А. Мердок, Дж. К. Оутс).

Список источников

1. Солодкова Е. В. Женский автореферентный дискурс в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2011. 204 с.
2. Вафина А. Х., Коновалова Ж. Г. Проблема женской субъективности в художественных биографиях Мюриэл Спарк // Филология и культура. *Philology and Culture*. 2021. № 3 (65). С. 69–75. DOI: 10.26907/2074-0239-2021-65-3-69-75.
3. Spark M. *Emily Brontë: Her Life and Work*. 283 p. London, Peter Owen, 1953. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.460383/page/n5/mode/2up> (дата обращения: 22.10.2024).
4. Murdoch A. *Sartre: Romantic Rationalists*. Vintage, Random House, 1999. 158 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=sjlqYmmSaaYC&hl=ru> (дата обращения: 22.10.2024).
5. Waugh P. *Metafiction: The theory and practice of Self-conscious fiction*. L.; N. Y.: Methuen, 1984. 186 p. URL: <https://doi.org/10.4324/9780203131404> (дата обращения: 22.10.2024).
6. Шифф С. Сент-Экзюпери. Биография. М.: ЭКСМО, 2003. 478 с.
7. Оутс Дж. К. Блондинка. М.: Иностранка, 2022. 925 с.

References

1. Solodkova, E. V. (2011). *Zhenskiy avtorreferentnyy diskurs v angliiskom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [Women's Authorial Discourse in the English Language: Ph.D. Thesis]. Irkutsk, 204 p. (In Russian)
2. Vafina, A. Kh., Konvalova, Zh. G. (2021). *Problema zhenskoi subyektivnosti v khudozhestvennykh biografiyakh Myuriel Spark*. [The Problem of Female Subjectivity in Novelized Biographies by Muriel Spark]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 3 (65), pp. 69–75. DOI: 10.26907/2074-0239-2021-65-3-69-75. (In Russian)
3. Spark, M. *Emily Brontë: Her Life and Work*. 283 p. London, Peter Owen. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.460383/page/n5/mode/2up>

in.ernet.dli.2015.460383/page/n5/mode/2up (accessed: 22.10.2024). (In English)

4. Murdoch, A. (1999). *Sartre: Romantic Rationalists*. 158 pp. Vintage, Random House. URL: <https://books.google.ru/books?id=sj1qYmmSaaYC&hl=r> u (accessed: 22.10.2024). (In English)

5. Waugh, P. (1984). *Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction*. 186 pp. L.; N. Y. Me-

thuen. URL: <https://doi.org/10.4324/9780203131404> (accessed: 22.10.2024). (In English)

6. Schiff, S. (1997). *Saint Exupéry: A Biography*. 544 p. Da Capo Press. (In English)

7. Oates, J. C. (2001). *Blonde: A Novel*. 738 p. Harper Collins. (In English)

The article was submitted on 06.11.2024

Поступила в редакцию 06.11.2024

Вафина Алсу Хадиевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
alsu_vafina@mail.ru

Конвалова Жанна Георгиевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
zhanna.konovalova@gmail.com

Vafina Alsu Hadievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
alsu_vafina@mail.ru

Konovalova Zhanna Georgievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
zhanna.konovalova@gmail.com

УДК 821.111(73)

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-215-221

МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ ХРОНОТОП ПОВЕСТИ РУДОЛЬФО АНАЙЯ «ДЕРЕВНЯ, КОТОРУЮ БОГИ ВЫКРАСИЛИ В ЖЕЛТЫЙ ЦВЕТ» В ПАРАДИГМЕ МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

© Татьяна Воронченко, Екатерина Фёдорова, Юлия Круглова

MYTHOPOETIC CHRONOTOPE OF RUDOLFO ANAYA'S SHORT NOVEL "THE VILLAGE THE GODS PAINTED YELLOW" IN THE PARADIGM OF MAGICAL REALISM

Tatiana Voronchenko, Ekaterina Fyodorova, Yulia Kruglova

The article determines the mythopoetic chronotope functions in Rudolfo Anaya's short novel "The Village the Gods Painted Yellow" (1982). The study focuses on the elements of magical realism, which allows us to expand our understanding of the features characterizing creative thinking of the twentieth-century Mexican-American (Chicano) writer. The methodological basis of the work is formed by E. M. Meletinsky, A. F. Kofman and V. N. Toporov's works concerning the concepts of "myth", "mythopoetics", "mythopoetic chronotope" and "magical realism". The mythopoetic method is used to explore the literary appropriation ways of mythological images and motifs and their functions. The structural-semiotic method helps to determine the properties of space and time in the literary text with the identification of significant binary oppositions (according to Y. M. Lotman). The analysis reveals the features of the mythopoetic chronotope in the narrative, embodied in the text through the introduction of mythologems associated with the ancient Mayas' ritual practices and archetypal oppositions ("friend – foe", "north – south", "life – death"). The article defines the specificity of the characters' images in their interrelation with the principles of "poetics of supernormativity" typical of Latin American magical realism, the peculiarity of the author's worldview and the substantial depth of the literary text.

Keywords: mythopoetics, mythopoetic chronotope, Rudolfo Anaya, magical realism, Chicano literature, Mayan culture, Mayan mythology

Статья посвящена определению функций мифопоэтического хронотопа повести Рудольфо Анайя «Деревня, которую боги выкрасили в желтый цвет» (1982). Выявляются элементы магического реализма в тексте, что позволяет расширить представление об особенностях художественного мышления мексикано-американского (чикано) писателя XX века. Методологическую основу работы составляют труды Е. М. Мелетинского, А. Ф. Кофмана и В. Н. Топорова, посвященные раскрытию понятий «миф», «мифопоэтика», «мифопоэтический хронотоп», «магический реализм». Мифопоэтический метод применяется для изучения способов художественного освоения мифологических образов и мотивов и их функционирования. Структурно-семиотический метод способствует определению свойств пространства и времени в художественном тексте с выделением значимых бинарных оппозиций (по Ю. М. Лотману). На основе анализа выявляются черты мифопоэтического хронотопа повести, воплощенного в тексте с помощью введения мифологем, связанных с ритуальными практиками древних майя, и архетипических оппозиций («свой – чужой», «север – юг», «жизнь – смерть»); уточняется специфика создания образов героев во взаимосвязи с принципами «поэтики сверхнормативности», характерной для латиноамериканского магического реализма; раскрывается своеобразие мировидения автора и содержательная глубина художественного текста.

Ключевые слова: мифопоэтика, мифопоэтический хронотоп, Рудольфо Анайя, магический реализм, литература чикано, культура майя, мифология майя

Для цитирования: Воронченко Т., Фёдорова Е., Круглова Ю. Мифопоэтический хронотоп повести Рудольфо Анайя «Деревня, которую боги выкрасили в желтый цвет» в парадигме магического реализма // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 215–221. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-215-221

Обращение к исследованию мифопоэтики произведений одного из широко известных писателей чикано¹ конца XX в. – Рудольфо Анайя – закономерно. Мифологизм занимает особое место в творчестве автора, что связано с определенным родством мексикано-американской литературы с латиноамериканской. При этом важно подчеркнуть, что «мифологическое восприятие является для писателей чикано важной, но не единственной формообразующей силой» [1, с. 186]. Изучение специфики использования писателем-реалистом Рудольфо Анайя элементов магического реализма, наряду с применением богатого арсенала мифопоэтических средств, представляет научную проблему, решение которой позволит расширить представление о творческом методе известного автора и углубить понимание смыслов, заложенных им в художественный текст.

Повесть «Деревня, которую боги выкрасили в желтый цвет», по меткому выражению российского литературоведа А. В. Ващенко, «пример мистицизма, который редко берет верх над реализмом у Анайя» [2, с. 188]. В первую очередь данное качество проявляется в сюжете повести, построенном на основе введения мифологем, связанных с ритуальными практиками древних майя: «церемонией в честь умирающего Солнца» и принесением жертвы богу Солнца – Юм Кину. Интерес мексикано-американского писателя к данной теме неслучаен. В духе индеанизма, предполагающего глубокий интерес к историческому прошлому и истокам национальной самобытности народов Нового Света, Рудольфо Анайя обращается к «воскрешению» индейских мифов, в данном случае – майяских. Майя – второй по численности после ацтеков индейский народ Мексики, создавший наиболее высокую культуру Мезоамерики [3, с. 198], а мексиканский штат Юкатан (исп. Yucatán), на территории которого происходит действие повести, исторически является «территорией майя» [Там же, с. 200].

Реалистический в своей основе сюжет – путешествие современного молодого человека Розарио по достопримечательностям майя на полуострове Юкатан – трансформируется в мифологический за счет введения автором в текст элементов майяского ритуала. В этом видятся специфические черты художественного почерка Ру-

дольфо Анайя: реальность XX в. совпадает с застывшим мифологическим хронотопом, что создает новое, магическое измерение и понимание текста и способствует рассмотрению творчества автора с точки зрения наличия признаков магического реализма.

Актуальность исследования обусловлена устойчивым научным интересом к проблеме взаимодействия мифа и литературы, мифопоэтическому мировидению и художественным средствам его воплощения, а также необходимостью открытия новых ракурсов восприятия литературного наследия крупнейшего прозаика чикано XX в. Рудольфо Анайя с учетом проявления в нем черт латиноамериканского художественного мышления. Рудольфо Анайя (1937–2020) – яркий представитель мексикано-американской литературы XX в., «патриарх» англоязычной прозы чикано, получивший всемирную известность. Родившись в Нью-Мексико и получив здесь университетское образование, он посвящает лучшие годы своей жизни постижению духовной основы существования мексикано-американского сообщества. Его произведения переведены на многие языки мира и вызывают закономерный интерес отечественных и зарубежных исследователей (Lomeli, Ващенко, Воронченко и мн. др.).

Цель статьи – определить функции мифопоэтического хронотопа в повести Р. Анайя «Деревня, которую боги выкрасили в желтый цвет», обусловленные обращением автора к поэтике магического реализма. Задачи исследования: выявить черты мифопоэтического пространства повести, воплощенного в тексте за счет введения мифологем, связанных с ритуальными практиками древних майя, и архетипических оппозиций («свой – чужой», «север – юг», «жизнь – смерть»); охарактеризовать временную организацию текста; определить специфику создания образов героев во взаимосвязи с принципами «поэтики сверхнормативности», характерной для латиноамериканского магического реализма. Объект исследования – мифопоэтика художественного текста повести Р. Анайя, предмет – роль мифопоэтического хронотопа в воплощении авторского замысла.

Материалом для исследования послужило знаковое произведение Рудольфо Анайя – повесть «Деревня, которую боги выкрасили в желтый цвет» (1982), завершающая сборник его рассказов и повестей «Молчание равнин». Исследователь литературы чикано С. Робинсон сравнивает эту книгу со сборником выдающегося американского писателя Шервуда Андерсона «Уайнсбург, Огайо» (1919), выделив общее

¹ Чикано (англ. *chicano*, исп. *mexicanos* или *mexicanos*) – испаноязычная этническая группа в США, американцы мексиканского происхождения [16, с. 51].

стремление авторов «выйти за пределы реалистического метода, сохранив при этом достоверность психологизма» (перевод наш. – Т. В., Е. Ф., Ю. К.) [4, с. 118]. В переводе на русский язык М. Загота повесть выходит в 1989 г. в журнале «Литературная учеба» (1989, № 4) с сопроводительной статьей А. В. Ващенко «Реализм и магия Рудольфо Анайя».

Данное исследование проводится с опорой на труды Е. М. Мелетинского, А. Ф. Кофмана и В. Н. Топорова, посвященные раскрытию понятий «миф», «мифопоэтика», «мифопоэтический хронотоп», «магический реализм». В широком понимании миф является «ресурсом обновления, трансформации мотивов, тем, образов, которые восходят к традициям античной, библейской и национальных культур» [5, с. 87]. Существенной для анализа текста повести Р. Анайя является концепция «мифопоэтического хронотопа», предложенная В. Н. Топоровым. Отсылая к понятию пространственно-временного единства (хронотопа), введенному в литературоведение М. М. Бахтиным, Топоров фокусирует внимание на сущностных чертах «мира мифопоэтического сознания»: «в мифопоэтическом хронотопе время <...> „спациализируется“ и тем самым как бы выводится вовне, откладывается, экстенсифицируется <...>. Пространство же, напротив, „заражается“ внутренне-интенсивными свойствами времени» [6, с. 232].

Смешение реального и фантастического, в результате чего действительность в художественном тексте предстает в восприятии мифологического сознания и формируется по его законам, подразумевает обращение к понятию «магический реализм», трактовка которого в течение нескольких десятилетий влечет за собой дискуссии в литературоведении. Исследователи определяют его как «метод» (Torsten, 2018, Панчехина, 2017, и др.), «жанр» (Цвирко, 2021, и др.), «течение», «константу художественного мышления» (Кофман, 2001, и др.). Учитывая определенную дискуссионность понятия «магический реализм», мы считаем необходимым отметить, что нам наиболее близка позиция А. Ф. Кофмана, который рассматривает его в узком и широком смыслах: в узком – как «определенное течение в латиноамериканской литературе второй половины XX века», в широком – как «имманентную константу латиноамериканского художественного мышления и общее свойство культуры континента» [7, с. 492]. Близким к вышеобозначенной позиции Кофмана является понимание термина Е. М. Мелетинским, рассматривающим магический реализм как явление, в основе которого лежит «сосуществование и взаимопроникновение,

доходящее порой до органического синтеза, элементов историзма и мифологизма, социального реализма и подлинной фольклорности» [8, с. 365].

Мифопоэтический метод применяется для изучения способов художественного освоения мифологических образов и мотивов и их функционирования. Структурно-семиотический метод способствует определению свойств пространства и времени в художественном тексте с выделением значимых бинарных оппозиций (по Ю. М. Лотману).

С первых страниц повести Рудольфо Анайя погружает читателя в мир, имеющий две стороны – внешнюю, бытовую, реалистическую, являющую себя перечислением мексиканских таверн, рынков, автобусных стоянок и т. п., и внутреннюю, мифологическую, вечную, раскрытие которой только намечается упоминанием легенды о таинственной деревне, выкрашенной в желтый цвет. В основу сюжета положено путешествие главного героя – молодого мексиканца Розарио – по историческим достопримечательностям Мексики, связанным с древней культурой коренного населения Мезоамерики – индейцев майя, которое он совершает не впервые. Розарио, к своему сожалению, никогда не сталкивался с истинной магией своей древней культуры и не ощущал в себе ее подлинной силы. Проведя много времени в их поиске, Розарио оказывается на краю своих изысканий, в полном отчаянии от того, что так и не нашел «ключ к разгадке времени и жизни в современном мире» [9, с. 175]. Истинное откровение, согласно тексту повести, возможно обрести в результате духовного освобождения и прозрения, которые даруются участникам древних церемоний майя.

Сюжет путешествия в данной повести правомерно рассматривать с точки зрения внутреннего наполнения этого базового сюжета в латиноамериканской литературе. По А. Ф. Кофману, он «пронизывает всю латиноамериканскую литературу со дня ее сотворения» [10, с. 24]. По сюжету повести Р. Анайя, молодой человек отправляется в Ушмаль (исп. Uxmal, произносится как «oosh-mahl»), расположенный на Юкатане, – древний город майя. Рисуя образ Розарио, уже достаточно опытного искателя приключений и посетителя различных культовых мест на территории всей Мексики, писатель с помощью ярких деталей подчеркивает его скептицизм, возникающий по поводу посещения еще одной достопримечательности вместо флирта с «бледноногими» европейками и походов в бар. Главный герой знакомится с загадочным гидом Гонзалом, обещающим раскрыть все тайны Ушмаля и продемонст-

рировать великое чудо построения Пирамиды Волшебника, призванной прославить древних богов.

Автор наделяет героя Гонзало признаками некоего мифического создания, характеризует его как эльфа, гнома или карлика, что особенно очевидно при обращении к оригинальному англоязычному тексту: «<...> *a gnome with a crippled leg and a hunched back*»; «<...> *a dwarf who led them into the secret, shady spots of Uxmal*» [11, с. 21]. Писатель уделяет большое внимание портретным характеристикам Гонзало, в то время как особенности внешности Розарио никак не раскрываются в тексте. Исходя из косвенных характеристик образа жизни последнего, мы можем только предположить, что облик его вполне стандартный для среднестатистического молодого человека своего времени, ведущего активную социальную жизнь, путешествующего, пользующегося вниманием женщин. Что касается Гонзало, то налицо некая «нереальность» существования этого человека. Предназначение странного старика, порой отталкивающего своими шутками туристов, – быть проводником в мир таинственной силы древней цивилизации, забытого величия утерянной культуры, гидом в области сверхъестественного. Внешний вид Гонзало в какой-то степени соотносится с «волшебником», о котором он рассказывает туристам: «*маленький озорной человечек с искаленной ногой и горбом*», «*седые волосы металась по темному лицу, черные глаза пронзали тебя насквозь*» [9, с. 176]. Интересно отметить, что в создании образа Гонзало просматриваются черты так называемой «поэтики сверхнормативности», которая, по Кофману, способствует передаче особого модуса восприятия действительности латиноамериканским сознанием. Герой отличается «внутренней пульсацией исключительности» [10, с. 26], что отражается в таких авторских характеристиках, как «прямой потомок народа майя», «мастер в своем деле» и др. Гонзало в восприятии Розарио постепенно превращается в носителя сакрального знания, и потому его образ сопровождается мотивом таинственности: «*гипнотический взгляд*», «*глаза его зажглись какой-то напряженной, глубоко запрятанной силой*», «*этот маленький смуглый человек памятником возвышался над джунглями – древний майя слушает, как течет энергия между Землей, Солнцем и другими планетами, внемлет какому-то едва слышному посланию с небес*» и т. д.

Во второй части повести, когда, по роковому стечению обстоятельств, оставшийся один в туристической группе Розарио отправляется вместе со стариком Гонзало к таинственной деревне, ко-

торую, по преданию, сами боги выкрасили в желтый цвет, сюжет приобретает сверхъестественное измерение: текущая реальность XX в. как бы сливается с мифологической, образуя новую – магическую, где смешиваются пласты времени и видоизменяется пространство. Переход в иную, магическую реальность маркируется в тексте повести посредством описаний измененного состояния сознания главного героя: «*сердце затупало под ребрами, в висках застучало...*» [9, с. 178], «*словно в трансе <...> возникали какие-то образы*» [9, с. 180] и др. Доехав до мифической деревни, выкрашенной в желтый цвет, герой оказывается участником древнего ритуала в честь бога Солнца. Он переживает потрясение от языческого действия, в нем пробуждаются атавистические чувства, благодаря которым он становится способным уловить «циклический» ход времен древних майя – солнцепоклонников: «*Забытые слова, никогда не слышанные Розарио, сами срывались с губ. Его наполнила величайшая сила...*» [9, с. 181]. Вместе с этой силой к нему приходит осознание своей миссии: быть следующим в ряду тех избранников судьбы, которые каждый год делают попытку воздвигнуть пирамиду Солнца [Там же, с. 136].

Анаия показывает трансформацию Розарио, который словно сам становится на мгновение частичкой универсального и осознает, что тропа смерти ведет к жизни Космоса. Писатель реализует основную архетипическую оппозицию «жизнь – смерть», закладывая в основу философии героя восходящую к древнему индейскому мироощущению идею смерти как силы, рождающей жизнь. Сразу после перехода в иную реальность проводника Гонзало происходит инициация Розарио в качестве «*нового волшебника*» [Там же, с. 184], обретшего свое предназначение – служить неумолимому ходу жизни по заветам старых богов.

Таким образом, мифопоэтический хронотоп актуализируется в развернутом во второй части повести сюжете ритуального жертвоприношения, практикуемого, согласно мифологии майя, с целью регулярной поддержки жизни божеств человеческой кровью [12, с. 427]. При этом важное значение имеет «кормление» бога солнца, чтобы он мог совершать свой каждодневный путь по небу» [Там же], а происходить церемония может только в особом, священном месте, которым в тексте становится мифическая деревня.

Интересно, что идея повести родилась у автора после его поездки в Ушмаль, где Рудольфо Анаия, по его собственному признанию, ощутил, как «прошлое соединяется с настоящим» (перевод наш. – Т. В., Е. Ф., Ю. К.) [13, с. 389]. Вполне

закономерно поэтому, что мифопоэтическое пространство повести имеет также черты реально-географические. Географические места, которые перечисляются в повести, рисуют своеобразную карту этой магической территории. Главный герой в своем поиске духовного освобождения и прозрения словно движется по замкнутому кругу. Реальные, исторические места, существование которых насчитывает несколько тысяч лет: Стела в Киригуа (The stela at Quirigua), Пирамида Волшебника (The Pyramid of the Magician), Монте Альбан (Monte Alban), Храм монахинь (Temple of the Nuns), Чичен-Ица (Chichen Itza), – входят в мифопоэтическое пространство повести, расширяя границы сознания читателя, давая ему более четкое понимание места, о котором идет речь.

Деревня, к которой стремятся странники, предстает мифическим местом, спрятанным в густых джунглях к югу от руин города. Она является сакральной для местных жителей, и «непосвященным» туристам никто из индейцев о ней рассказывать не хочет:

«Стоило индейцам заговорить о ней, сумеречные глаза их зажигались, они понимающе кивали, а потом, заметив, что среди них – чужой, отводили взгляд, и в воздухе густела зловещая тишина» [9, с. 175].

Архетипическая оппозиция «свой – чужой» становится ключевой в повести. После прохождения ритуала инициации Розарио из «чужого» превращается в «своего»: «они превратили его в своего» [Там же, с. 184], что означает коренные изменения в сознании молодого человека через катарсическое переживание высшей гармонии мира посредством вхождения в древнюю культуру майя.

В мифопоэтическом хронотопе повести отчетливо проявляется оппозиция «север – юг», задающая направление движения героя как в географическом плане – с севера Мексики на юг страны, так и в духовном смысле – к истинному откровению, благодати, прозрению. Неслучайна цветовая символика названия повести: именно с желтым цветом в культуре майя ассоциируется юг. Важнейшим элементом мифопоэтического хронотопа повести является время, напрямую связанное с пространственным образом «солнечного» юга. День, в который происходят события, неслучайно определен автором как день зимнего солнцестояния. Это именно то время, которое майя считали временем конца света, когда необходимо осуществлять ритуалы, восхваляющие солнце, которое «собралось умирать» [14].

21 декабря имеет особое значение в солнечном календаре майя и их верованиях: «самый короткий день года, в древние времена этот день был одним из важнейших в солнечном календаре и в религиозной жизни народов майя» [9, с. 178]. Существование мифической деревни – места, избранного для совершения ритуалов в честь бога Солнца, – возможно лишь в мифологическое время, «время богов», особенностями которого являются, по Кофману, «обращенность в эпоху изначального» и «циклический характер» [15, с. 87]. В повести Рудольфо Анайя отчетливо просматривается архетипическое повторение действий и ритуалов, вечно возвращающих человека в «мифическую эпоху первотворения» [Там же, с. 87], что с особой впечатляющей силой реализуется в финальных строках: «И через год, когда на полуостров Юкатан снова придет день солнцестояния, он вернется сюда, он будет с ними. Это было время майя, время древних веков» [Там же, с. 184]. Символично, что эти мысли автор связывает с изменениями в сознании Розарио, прошедшего эволюцию от «глухого» к голосу крови современного молодого человека до избранника древних богов, нового волшебника, способного поддерживать цикл вечной жизни на земле сообразно с воззрениями майя.

Важно подчеркнуть, что к концу повествования Рудольфо Анайя наделяет Розарио той аурой исключительности, которой характеризуется Гонзало. Розарио теперь тоже причастен к сакральному знанию: «Он чувствовал, как все его существо переполняется верой, прежде ему неведомой» [9, с. 181]. Обрисовав путь героя к пониманию своего предназначения, кроющегося в глубинных, мифологических истоках национальной культуры, писатель не только демонстрирует силу «голоса крови», но и касается общечеловеческих, универсальных вопросов осознания личностью смысла жизни.

Таким образом, мифопоэтика текста повести Рудольфо Анайя «Деревня, которую боги выкрасили в желтый цвет» способствует воссозданию в произведении специфики мировидения автора, сформированного во многом под влиянием латиноамериканского художественного образа мира. Наиболее ярко мифологизм проявляется в мифопоэтическом хронотопе, реализующем идею неразрывной связи пространственно-временного континуума, по Топорову, с сакрализованными и мифологизированными объектами из сферы культуры. Мифологизация действительности дает писателю возможность наделить текст многослойным содержанием, расширить пространственно-временные рамки художественного мира, создаваемого с помощью мифологем, восходя-

щих к ритуальным практикам древних майя, и архетипических оппозиций «свой – чужой», «жизнь – смерть», «север – юг», которые способствуют насыщению образов повести глубинными символическими смыслами.

В духе латиноамериканского магического реализма Рудольфо Анайя стремится выявить и утвердить самобытность культуры чиканос, одной из питающих сил которой является культура индейцев доколумбовой Америки. При этом талант писателя позволяет ему перенести проблематику повести в более масштабные духовно-нравственные сферы. Мифопоэтическая основа повести получает в авторской интерпретации новый смысл, который заключается в утверждении вечности созидательных начал и величия личности человека.

Список источников

1. Воронченко Т. В. Мексикано-американский дискурс в литературе США. Чита: Забайкальский государственный университет, 2019. 256 с.
2. Ващенко А. В. Реализм и магия Рудольфо Анайя // Литературная учеба. 1989. № 4. С. 185–188.
3. Хорошаева И. Ф. Современное индейское население Мексики // Американский этнографический сборник. М.: АН СССР, 1960. С. 156–202.
4. Robinson C. No Short Journeys: The Interplay of Cultures in the History and Literature of the Borderlands. Tucson: University of Arizona Press, 1992. 148 p. DOI: 10.2307/j.ctv2r4kxmw.
5. Мифогенный и мифотворческий потенциал образов в зарубежной литературе XIX века. Романтизм (Часть I) / А. А. Козин, Н. А. Литвиненко, И. Е. Лунина, О. Н. Редина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 4. С. 85–94. DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-85-94.
6. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. 299 с. С. 227–284.
7. Кофман А. Ф. Магический реализм латиноамериканский // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001. 1600 стб. С. 492–493.
8. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 408 с.
9. Анайя Р. Деревня, которую боги выкрасили в желтый цвет // Литературная учеба. 1989. № 4. С. 175–184.
10. Кофман А. Ф. «Что гринго здорово, то латиноамериканцу смерть...» Особенности выстраивания латиноамериканской картины мира // Ибероамериканские тетради. 2023. Т. 11. № 1. С. 16–40. DOI 10.46272/2409-3416-2023-11-1-16-40.
11. Anaya R. The Village That the Gods Painted Yellow // The Man who Could Fly and Other Stories. Norman: University of Oklahoma Press, 2006. 197 p. P. 18–35.

12. Кинжалов Р. В. Индейцев Центральной Америки мифология // Мифы народов мира: энциклопедия. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1982. С. 425–429.

13. Karasik O. B., Sadykova A. I. On the Border of Magic and Reality: On Magical Realism in R. Anaya's The Man Who Could Fly // Turkish Online Journal of Design Art and Communication. 2017. Vol. 7. Pp. 388–392.

14. Еришова Г. Кто такие индейцы майя и почему они нам так интересны? // Contralto People. URL: https://contraltopeople.ru/maya_in_mexico (дата обращения: 01.08.2024).

15. Кофман А. Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. М.: Наследие, 1997. 318 с.

16. Воронченко Т. В. Пограничные локусы в историко-культурном контексте: геопоэтика границы (на литературно-фольклорном материале российско-китайского и мексикано-американского пограничья) // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. № 3. С. 47–58. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-47-58.

References

1. Voronchenko, T. V. (2019). *Meksikano-amerikanskii diskurs v literature SShA* [Mexican-American Discourse in U.S. Literature]. 256 p. Chita, Zabaikal'skii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)
2. Vashchenko, A. V. (1989). *Realizm i magiya Rudolfo Anaiya* [Rudolfo Anaya's Realism and Magic]. *Literaturnaya ucheba*. No. 4, pp. 185–188. (In Russian)
3. Khoroshaeva, I. F. (1960). *Sovremennoe indeiskoe naselenie Meksiki* [Modern Indian Population of Mexico]. *Amerikanskii etnograficheskii sbornik*, pp. 156–202. Moscow, AN SSSR. (In Russian)
4. Robinson, C. (1992). *No Short Journeys: The Interplay of Cultures in the History and Literature of the Borderlands*. 148 p. Tucson, University of Arizona Press. DOI: 10.2307/j.ctv2r4kxmw. (In English)
5. *Mifogennyy i mifotvorcheskii potentsial obrazov v zarubezhnoi literature XIX veka. Romantizm (Chast' I)* (2022) [Mythogenic and Myth-Making Potential of Images in Nineteenth-Century Foreign Literature. Romanticism (Part I)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. No. 4, pp. 85–94. DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-85-94. (In Russian)
6. Toporov, V. N. (1983). *Prostranstvo i tekst* [Space and Text]. *Tekst: semantika i struktura*. Pp. 227–284. Moscow, Nauka. (In Russian)
7. Kofman, A. F. (2001). *Magicheskii realizm latinoamerikanskii* [Latin American Magical Realism]. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii*, pp. 492–493. Moscow, Intevalk. (In Russian)
8. Meletinskii, E. M. (1976). *Poetika mifa* [The Poetics of Myth]. 408 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
9. Anaya, R. (1989). *Derevnya, kotoruyu bogi vykrasili v zheltiy tsvet* [The Village the Gods Painted Yellow]. *Literaturnaya ucheba*. No. 4, pp. 175–184. (In Russian)
10. Kofman, A. F. (2023). “*Chto gringo zdorovo, to latinoamerikantsu smert'...*” *Osobennosti vystraivaniya latinoamerikanskoi kartiny mira* [“What's Great for a Gringo is Death for a Latin American...” Specifics of the

Latin American World View Construction]. Iberoamerican Papers. No. 1, pp. 16–40. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-16-40. (In Russian)

11. Anaya, R. (2006). *The Village that the Gods Painted Yellow*. The Man who Could Fly and Other Stories. Pp. 18–35. Norman, University of Oklahoma Press. (In English)

12. Kinzhalov, R. V. (1982). *Indeitsev Tsentral'noi Ameriki mifologiya* [Central American Indian Mythology]. Mify narodov mira: entsiklopediya. Vol. 2, pp. 425–429. Moscow, Sov. Entsiklopediya. (In Russian)

13. Karasik, O. B., Sadykova, A. I. (2017). *On the Border of Magic and Reality: On Magical Realism in R. Anaya's The Man Who Could Fly*. Turkish Online Journal of Design Art and Communication. Vol. 7, pp. 388–392. (In English)

14. Ershova, G. (2024). *Kto takie indeitsy maiya i pochemu oni nam tak interesny?* [Who Are the Mayans

and Why Are We So Interested in Them?]. Contralto People. URL: https://contraltopeople.ru/maya_in_mexico (accessed: 01.08.2024). (In Russian)

15. Kofman, A. F. (1997). *Latinoamerikanskii khudozhestvennyi obraz mira* [Latin American Artistic Image of the World]. 318 p. Moscow, Nasledie. (In Russian)

16. Voronchenko, T. V. (2022). *Pogranichnye lokusy v istoriko-kul'turnom kontekste: geopoetika granitsy (na literaturno-fol'klornom materiale rossiiskokitaiskogo i meksikano-amerikanskogo pogranich'ya)* [Border Loci in Historical and Cultural Context: Geopoetics of the Border (on the Literary and Folklore Material of the Russian-Chinese and Mexican-American Borderland)]. Gumanitarnyi vector. Vol. 17, No. 3, pp. 47–58. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-47-58. (In Russian)

The article was submitted on 28.08.2024

Поступила в редакцию 28.08.2024

Воронченко Татьяна Викторовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Забайкальский государственный университет,
672039, Россия, Чита,
Александрo-Заводская, 20.
tavoronch@mail.ru

Voronchenko Tatiana Victorovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Transbaikal State University,
20 Aleksandro-Zavodskaya Str.,
Chita, 672039, Russian Federation.
tavoronch@mail.ru

Фёдорова Екатерина Владимировна,
старший преподаватель,
Забайкальский государственный университет,
672039, Россия, Чита,
Александрo-Заводская, 20.
katyaz@bk.ru

Fyodorova Ekaterina Vladimirovna,
Assistant Professor,
Transbaikal State University,
20 Aleksandro-Zavodskaya Str.,
Chita, 672039, Russian Federation.
katyaz@bk.ru

Круглова Юлия Михайловна,
преподаватель,
Читинская государственная медицинская
академия,
672000, Россия, Чита,
Бабушкина, 44.
lylylik@yandex.ru

Kruglova Yulia Mikhailovna,
Assistant Professor,
Chita State Medical Academy,
44 Babushkin Str.,
Chita, 672000, Russian Federation.
lylylik@yandex.ru

УДК 821.111

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-222-227

ТЕКСТ И ИНТЕРТЕКСТ В ШЕКСПИРОВСКИХ ПЬЕСАХ ДОНА НИГРО

© Маргарита Галимова

TEXT AND INTERTEXT IN SHAKESPEARE PLAYS BY DON NIGRO

Margarita Galimova

The contemporary American postmodernist playwright Don Nigro engages in a dialogue with Shakespeare, deconstructing the texts of his plays. Nigro uses transtextuality and intertextual references, expanding the dialogic field to new meanings. At the same time, the author explains his (and not only) creativity irrationally, since he expresses ideas about the writer's inability to control what happens in his work. The article attempts to scientifically substantiate the enigmatic emergence of images and plots in the writer's head and gives a brief overview of the understanding of intertextuality in scientific consciousness. The terminological apparatus used is the concepts introduced by the French literary critic and philosopher J. Genette. As an example of Nigro's palimpsest, we analyzed his play "The Boar's Head", supplementing Shakespeare's historical chronicle "Henry IV" in two parts. The characters of the work, written by Shakespeare, continue to exist in Nigro's play "autonomously", according to the modern playwright, however, their personalities and destinies fully correspond to the original text. This irrational, at first glance, process is determined by the professional experience of the playwright-philologist Nigro, which allows generating transtextual space in a natural way.

Keywords: intertextuality, transtextuality, deconstruction, palimpsest, postmodernism, American drama, Don Nigro, William Shakespeare, Gerard Genette

Современный американский драматург-постмодернист Дон Нигро ведет диалог с Шекспиром, деконструируя тексты его пьес. Нигро использует транстекстуальность и интертекстуальные отсылки, расширяя диалогическое поле до новых смыслов. При этом сам автор объясняет свое (и не только) творчество иррационально, так как высказывает идеи о неподвластности писателю того, что происходит в его произведении. В статье предпринята попытка научного обоснования энигматичного возникновения в голове писателя образов и сюжетов. Дан краткий обзор осмысления интертекстуальности в научном сознании. В качестве терминологического аппарата использованы понятия, введенные французским литературоведом и философом Ж. Женеттом. В качестве примера палимпсеста Нигро была проанализирована его пьеса «Кабанья голова», дополняющая историческую хронику Шекспира в двух частях «Генрих IV». Герои написанного шекспировского произведения продолжают существовать в пьесе Нигро «автономно», по мнению современного драматурга, тем не менее их характеры и судьбы полностью соответствуют исходному тексту. Данный, на первый взгляд, иррациональный процесс обусловлен профессиональным опытом драматурга-филолога Нигро, позволяющим генерировать транстекстуальное пространство закономерно.

Ключевые слова: интертекстуальность, транстекстуальность, деконструкция, палимпсест, постмодернизм, американская драматургия, Дон Нигро, Уильям Шекспир, Жерар Женетт

Для цитирования: Галимова М. Текст и интертекст в шекспировских пьесах Дона Нигро // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 222–227. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-222-227

Современный американский драматург Дон Нигро (1949 г. р.), написавший около полутысячи пьес, в интервью не раз говорил, что в процессе творчества доверяется внутреннему голосу, а сами пьесы приходят в его голову через загадочную «дверь» [1]. Для него процесс создания пьесы сакрален и во многом не зависит от ее автора. При этом Нигро удивительно плодовитый

драматург, а большая часть его творчества представлена пьесами, отсылающими к выдающимся творческим личностям и их произведениям искусства. В каждой его пьесе с точностью соблюдены все биографические и исторические факты, что говорит о большой осведомленности, начитанности, образованности Дона. Нигро профессиональный филолог: получив филологическое

образование степени бакалавра в г. Малверн штата Огайо, он продолжил свое обучение в штате Айова, где получил степень магистра, уже специализируясь в драматургии. Тем не менее он часто высказывает идею о мистическом, необъяснимом рационально процессе возникновения образов и сюжетов в голове писателя. В данной статье предпринята попытка научного обоснования иррационального элемента, о котором говорит Дон Нигро, посредством исследования природы интертекста в его творчестве.

Исследование диалогического свойства текста зародилось еще в начале XX в. М. М. Бахтин впервые обратился к идее диалога задолго до того, как она разовьется до термина «интертекстуальность», введенного Ю. Кристевой. Но уже тогда русский философ и литературовед говорил о бесконечности трансформационного процесса, утверждая, что диалог строится на «взаимоопределении» его участников [2, с. 19]. Позже У. Эко ввел термин «инференциальных прогулок», означавших вылазки к другим текстам по мере чтения [3], что закрепило в научной мысли наличие диалогов между текстами. Ю. Н. Тынянов внес вклад в развитие этих идей через исследование пародии и стилизации, утверждая, что имманентное изучение текста – невозможно [4, с. 273]. Наконец, Ю. Кристева вводит термин «интертекст» и говорит о принципе бесконечного поглощения и трансформации других текстов, так называемой «мозаики цитации» [5, с. 102]. Наряду с Ю. Кристевой Р. Барт отделяет Произведение от его Текста и утверждает, что Автор является отцом своего Произведения, но в Тексте нет записи об отцовстве. [6, с. 419]. Барт был также уверен: «Писатель подобен <...> переписчикам <...>; он может лишь вечно подражать тому, что написано прежде и само писалось не впервые» [Там же, с. 388].

Вслед за Кристевой и Бартом многие философы и литературоведы исследовали природу интертекстуальности, в том числе это были П. Тороп, А. Е. Супрун, И. П. Ильин, Н. А. Фатеева. Но в данной статье мы используем терминологию, предложенную французским литературоведом-структуралистом и исследователем интертекстуальности Ж. Женеттом. В разгар интереса к интертекстуальности, когда этим термином определяли самые разные отношения между текстами, он предложил более точную классификацию этих взаимодействий. Прежде всего, Женетт дает общее название широкому понятию явных и неявных отношений между текстами – транстекстуальность. Ее он разделяет на пять типов. Один из них – интертекстуальность: так Женетт называет отношения взаимоприсутствия

между двумя или несколькими текстами, ограниченные формами цитации, аллюзии или плагиата, тем самым делая это понятие, в отличие от Кристевой, более узким. Другой тип – паратекстуальность – отношения текста с окружением, в которое он помещается автором (например, заголовки или эпиграфы). Остальные два – метатекстуальность и архитектекстуальность – существуют в поле критики и художественных категорий произведений и их текстов. Однако объектом своего исследования Женетт делает другой тип – гипертекстуальность – отношения двух текстов, один из которых является производным другого; при этом исходный текст он называет гипотекстом, а производный – гипертекстом. Все это Женетт подробно изложил в монографии «Палимпсесты: литература второго уровня» 1982 г. [7].

Художественные палимпсесты Дона Нигро являют миру его новый взгляд на биографии и творчество выдающихся мировых личностей. Среди них преобладает фигура В. Шекспира, художественному исследованию творчества и жизни которого Нигро посвятил множество своих пьес: «Играем „Как вам это понравится“» («The Curat Shakespeare “As You Like it”», 1977), «Вознагражденные усилия любви» («Loves Labours Wonne», 1981, 1995), «Весельчаки, храни вас Бог» («God Rest Ye Merry Gentlemen», 1999), «Мертвецы ухмыляются, глядя на луну» («Dead Men Grinning At The Moon», 2020), «Богемное побережье» («The Bohemian Seacoast», 2003), «Детство шекспировских героинь» («The Girlhood Of Shakespeare's Heroines», 1988) и др.

Отзвуки шекспировского наследия проникли и в те пьесы Нигро, которые не связаны с английским драматургом напрямую. В пьесе «Рыбак на озере тьмы» (Angler in the Lake of Darkness, 2007), посвященной феномену гения Льва Толстого, Нигро сравнивает личность русского писателя с шекспировским Королем Лиром [8]. Непринятие писателем Толстым величия Шекспира и в особенности его драмы «The Tragedy of King Lear», выраженное в критическом очерке Толстого «О Шекспире и драме» 1904 г., становится для Нигро поводом для ироничного, но уважительного сравнения. В самом названии пьес присутствует паратекст. Им Нигро заведомо связывает свое произведение со строчкой из «Короля Лира»: «*Фратеретто зовет меня и говорит, что Нерон – рыбак на озере тьмы. Молись, дурачок, и остерегайся злого духа*» [9]. Реплика принадлежит Эдгару, вынужденному говорить языком уличного сумасшедшего (Бедный Том), но в то же время вкладывать в сумбурную речь потайной смысл [Там же]. В свою очередь, шек-

спировед А. А. Смирнов говорит о предположительной взаимосвязи реплики с романом Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», английский перевод которого появился за несколько лет до написания «The Tragedy of King Lear»: у Рабле Эпистемон рассказывает о времяпрепровождении в царстве мрака душ, осужденных на вечную муку, в числе которых указан Нерон [10]. Таким образом, Нигро виртуозно расширяет транстекстуальное поле, продолжая цепочку отсылок.

В пьесе «Пушкин» Нигро дважды обращается к Шекспиру. Первый раз, когда Бенкендорф сравнивает ревность Пушкина с ревностью Отелло [11]. Во второй – когда устами Гоголя, который также фигурирует в этой пьесе, Нигро излагает суть деконструктивного метода творческого акта:

«Созидание, как и любовь, – самоубийство, потому что мы можем создать что-то, лишь разобрав себя и используя отдельные части, как поступил Шекспир: после того, как его театр разобрали, он под покровом ночи перевез все на южный берег, собрал здание заново и назвал театр „Глобус“. Нет у тебя другого строительного материала, кроме как ты сам. Ты можешь использовать только то, что уже в тебе» [Там же].

В этих строках гипертекст приобретает трехмерную геометрию: аллюзия к биографическому факту из жизни Шекспира преобразована в обширную метафору деконструкции как литературного приема и возведена в идею трансформации за счет новой комбинации уже имеющегося материала.

Одним из самых ярких переосмыслений Нигро шекспировского мира является двухактная пьеса «Кабанья голова» («Boar's Head», 2005). На ее примере постараемся более подробно раскрыть особенности аллюзивного творчества Дона Нигро. Само название «Кабанья голова» отсылает к гипотексту – исторической хронике в двух частях «Генрих IV». Нигро пишет дополнение и воссоздает образ таверны в Истчипе, некогда бывшей местом развлечений принца Гарри и его друзей, включая рыцаря Фальстафа. Сам Нигро в начале произведения называет свою пьесу «шекспировской» и предупреждает об особенностях злачного места: *«Герои пьес Шекспира <...> продолжают жить, как в реальном, так и в призрачном мирах»* [12]. Эпиграфом к пьесе драматург выбирает слова Сэмюэла Джонсона о сожалении по поводу ухода со сцены шекспировских хроник комичных персонажей «Генриха IV» и «Генриха V» [Там же]. «Кабанья голова» Нигро становится продолжением их микровселенной: персонажи, некогда созданные Шекспи-

ром, продолжают существовать автономно, проживая свои судьбы по траекториям, начало которых положил автор.

Сэр Джон Фальстаф в пьесе Нигро проживает последнюю часть своей жизни. В начале первого действия мы застаем его во времена, предшествующие вступлению Генриха V на престол: вероятно, хронологически это события первой части «Генриха IV». Фальстаф еще убежден в крепости своей дружбы с принцем, веселый, беспечный, заигрывающий с Долли Тершит и обещающий жениться на Миссис Куикли – все эти детали образа Джона отсылают к гипотексту. *«Придет день, когда меня будут почитать великим мудрецом королевства, это случится, когда принц взойдет на престол»*, – убежден Фальстаф [Там же]. Во второй сцене первого действия Миссис Куикли констатирует: *«<...> Король умер. <...> Теперь сэр Джон станет одним из самых влиятельных людей Англии, поскольку наш принц взойдет на престол. Король Генрих Пятый»*. В шекспировской вселенной подходит к концу действие второй части пьесы «Генрих IV», а в пьесе «Кабанья голова» еще не знают, как новый король обошелся со старыми друзьями. Вскоре Фальстафа и Пистоля привозят в тюрьму за то, что они *«мешали проезду кортежа нового короля по городу»* [Там же]. Фальстаф пытается найти оправдания пережившему отношению Генриха V, однако Судья Шеллоу отрезвляет его: *«Сэр Джон, принц больше не принц. Теперь он король, и судя по словам, которые он произнес, проезжая мимо вас, вы ему больше не друг»* [Там же]. Третья сцена посвящена смерти Фальстафа: в предсмертном бреду он лежит на кровати в спальне «Кабаньей головы». В шекспировской вселенной настало промежуточное время между пьесами «Генрих IV» и «Генрих V». Как известно, в последней Джон Фальстаф исчезает из сюжетной линии исторической хроники – в «Кабаньей голове» этот пробел восполняется: показана смерть покинутого и преданного принцем, всеми любимого весельчака Фальстафа. Нигро поглощает и трансформирует текст Шекспира, позволяя ему жить без ведома создателя.

За несколько мгновений до смерти Фальстаф встречается с тем, кого он называет *«богом этого мира»*: *«Он – драматург, который создал этот мир, а мы персонажи, но уже вычеркнутые»* [12]. Между ними происходит философский диалог, раскрывающий природу интертекстуальности. Дон Нигро нарекает этого персонажа «Хозяин мельницы», явно при этом имея в виду самого Шекспира, неслучайно его зовут Вилли. Мельница, во-первых, напоминает о двух излюбленных стихиях английского драматурга –

воды и воздуха, а во-вторых – рождает метафорический образ мельницы как механизма для трансформации: материал перерабатывается, оставаясь самим собой и обновляясь одновременно. Сам Шекспир писал «Генриха IV», основываясь в том числе на втором издании «Хроник» Рафаэля Холиншеда 1587 г., которое, в свою очередь, опиралось на «Союз двух прославленных семей Ланкастеров и Йорков» Эдварда Холла [13, с. 167]. Такого рода «транстекстуальная мельница» позволяет преобразовывать материал в его новое состояние, но лопасти этой мельницы не перестают крутиться – что нам и доказывает Нигро. В то же время Хозяин Мельницы говорит Фальстафу: «*Я намерен вычеркнуть тебя из списка персонажей этой пьесы*»; и аргументирует это тем, что в последующих пьесах хроники образ сэра Джона плохо сочетается с темой патриотизма [12]. В предсмертной агонии Фальстаф бредит: «*Не вычеркивай меня пока*» [Там же]. А затем произносит свой последний монолог под 12 ударов колокола. Эти 12 ударов, а также реплики Фальстафа о волшебном месте, где говорили на валлийском, где были феи и Херн-Охотник, о большом дереве и корзине с дурно пахнущим грязным бельем [Там же] – аллюзия к еще одному микромиру, в который Шекспир помещал своего героя, – пьесе «Виндзорские насмешницы». Хозяин Мельницы отмечает автономность созданных им же персонажей: «*Ну почему вы всегда убегаете от меня? Почему пытаетесь говорить и действовать без очереди?*» [Там же]. Он признается, что все происходящее здесь и сейчас – «*выброшенные страницы из разных пьес*», «*фрагменты фрагментов внутри фрагментов*», «*сны в снах внутри снов*» [Там же], а также заявляет, что все написанное им «*приходит из другого места*», а ему «*остается только перенести все на бумагу*» [Там же]. Название пьесы «Кабанья голова» в данном контексте звучит по-новому: все персонажи живут и действуют как будто в чьей-то голове.

Второе действие пьесы хронологически соответствует началу «Генриха V». Новый король «*занят приготовлениями к войне во Франции*» [Там же], Миссис Куикли уже замужем за Пистолем, Нед Пойнс поселился в «Кабаньей голове» вместе со своей сестрой Нелл, носящей под сердцем незаконного наследника престола, а Долли Тершит претерпевает большие внутренние трансформации, связанные с ее новым положением – беременностью от Пойнса. Нед тяжело переживает отстраненность Генриха V, совсем недавно бывшего его другом. Однако Нелл смотрит на ситуацию трезво: «*Мы оба любили его, и, любя, должны принять, что он ушел от нас,*

превратился в кого-то еще, в олицетворение Англии» [Там же]. Начинается война, на которую уходят Бардольф и Пистоль. Первого, согласно событиям шекспировской пьесы, приговорили к казни за кражу, а второму удалось вернуться в «Кабанью голову», но уже не застать там свою супругу Миссис Куикли, умершую в его отсутствие. «*Пьеса-призрак*», как называет ее сам Нигро устами одного из героев [Там же], все крепче вплетается в шекспировскую вселенную.

Отдельного внимания заслуживает персонаж по имени Робин – переодетая в юношу девушка, сделавшая это ради того, чтобы «*ходить, куда хочется, и делать, что нравится*» [Там же] – ставшая ответом Нигро на традиционную критику шекспировских героинь, опровергнутую представительницами феминизма. Так, Хелен Циммерн в предисловии к английскому переводу исследования Луи Льюиса «Женщины Шекспира» в 1895 г. утверждала, что «из драматических персонажей Шекспира его женщины, пожалуй, самые привлекательные, а также, в своем роде, его самые оригинальные творения, настолько они отличаются от идеала женского образа, распространенного в литературе того времени» (перевод мой. – М. Г.) [14]. Из-за того, что во времена Шекспира женщинам было запрещено появляться на сцене в публичных представлениях, английский драматург предполагал, что все написанные им женские роли будут исполняться переодетыми мужчинами. Нигро, напротив, создает героиню, играющую мужскую роль – и играющую ее лучше, чем сами мужчины. «*Он был единственным джентльменом, которого я знал за всю свою жизнь*», – говорят о Робин после того, как девушка отважно отправилась на войну вместо ничего не подозревавшего Неда Пойнса и погибла. В этом случае гипертекст расширяется до нового персонажа, но его характер и особенности остаются закономерными для гипотекста.

Н. А. Высоцкая называет пьесу «Кабанья голова» «*мрачным трагифарсом*» [15, с. 392], что очень точно передает ее жанровую природу: Нигро играет на контрасте между сохраненной манерой поведения комических персонажей и философской атмосферой. Реплики героев наполнены игрой слов, ироничной бранью и шутками, характерными для персонажей Шекспира: «*Half the men in London have come in your vestibule*». – «*Половина мужчин Лондона побывали в твоём вестибюле*» (пер. В. Вебера), – острит Бардольф в разговоре с Долли [16]. В другой сцене Долли, уже знающая о главном секрете Робина, блестяще играет словами: «*You have neither cannon nor balls*». – «*Нечем тебе осаждать. Нет у тебя ни ствола, ни ядер/яиц*» пер. В.

Вебера) [16]. Бардольф мрачно шутит: «*Our great fat Sir John is gone forever, and lies stinking in the ground, as great a banquet for the worms as ever was.* – «*Наш великий толстый сэр Джон ушел навсегда, и сейчас гниет в земле. Такого банкета у червей не было никогда*» (пер. В. Вебера) [16]. В этой фразе также прослеживается интертекст – отсылка к реплике Гамлета о Полонии из трагедии Шекспира: «*Мы откармливаем всех прочих тварей, чтобы откормить себя, а себя откармливаем для червей*» [17]. Манера речи героев у Нигро поддерживает дух словесных острот шекспировских героев.

Однако главным вопросом «Кабаньей головы» становится вопрос экзистенциальный: «*Мы все Божьи черновики? Вырванные страницы? Он использует нас только для растопки камина?*», – вопрошает призрак Миссис Куикли [Там же]. Чувство покинутости преследует всех обитателей «Кабаньей головы» с тех самых пор, как принц Гарри стал королем и отверг старых друзей. Хозяин мельницы, признавшийся в своем бессилии во влиянии на их жизни, обостряет это чувство. Персонажи осознают себя живыми людьми, чувствующими и страдающими, но не имеющими присутствия «бога» в их судьбах: «*Какая-то цель есть. Должна быть. Не может наша жизнь быть переплетением абсурдных и печальных баек, всегда с поеданием червями в конце. Что-то есть за историей, которую мы рассказываем. Я знаю, что есть*», – говорит Нелл [Там же]. Ответ является в финале пьесы: мы видим Долли в образе мадонны с младенцем. «*В этом все-таки есть красота*», – заключает Робин [Там же], фактически называя страдания персонажей (а может, и всех нас) – ценой искусства. Здесь нельзя не провести параллель с пьесой-римейком Т. Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» 1966 г. Абсурдистская трагикомедия, построенная так же, как и «Кабанья голова», на деконструированном материале пьесы Шекспира (в этом случае «Гамлет»), аналогично раскрывает мир отчужденных персонажей, зависимых от прописанной роли [18, с. 13]. «*Вы не понимаете этого унижения – быть лишеным единственной вещи, которая делает эту жизнь выносимой, – сознания, что кто-то смотрит*», – слова Актера [19]. Само наличие диалога – и есть смысл существования его участников. Об этом писал еще М. Бахтин: «То, что я <...> знаю Другого, думаю о нем, <...> то, что для меня он есть – <...> это есть действие, выполняющее его бытие» [20, с. 22].

Таким образом, возникновение и существование образов и сюжетов для шекспировских пьес Нигро есть транстекстуальный процесс,

воспринимаемый им как иррациональный. Тем не менее герои, «транспортированные» из текста произведения Шекспира в текст произведения Нигро, подчиняются не столько самому Нигро (и тем более уже не Шекспиру), сколько той базе данных прочитанного и осмысленного шекспировского материала, которая хранится в памяти Дона, писателя и филолога. В то же время сам факт существования этого хранилища доказывает самодостаточность этих героев. Это – главная закономерность механизма транстекстуальности как явных и неявных (иногда даже для самого автора) отношений между текстами.

Список источников

1. Szymkowicz A. I Interview Playwrights. Part 174: Don Nigro. 2010 URL: <https://aszym.blogspot.com/2010/05/i-interview-playwrights-part-174-don.html> (дата обращения: 01.11.2024).
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
3. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. СПб: Симпозиум, 2007. 502 с.
4. Тынянов Ю. Н. Избранные труды / Сост., вступ. ст., коммент. Вл. Новикова. М.: Аграф, 2002. 494 с.
5. Кристева Ю. Бахтин: слово, диалог, роман // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1995. № 1. С. 99–124.
6. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Пер. с фр.; Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс; Универс, 1994. 616 с.
7. Женетт Ж. Палимпсесты: литература во второй степени. М.: Наука, 1982.
8. Нигро Д. Рыбак на озере тьмы / Пер. В. Вебера. 2019. URL: <https://www.litres.ru/book/don-nigro/rybak-na-ozere-tmy-48800979/> (дата обращения: 30.03.2024).
9. Shakespeare W. King Lear. University Press, 1937.
10. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / Ф. Рабле; пер. с фр. В. Пяст; илл. Г. Доре; оформ. С. Ковалев. Пермь: Пермская книга, 1993. 543 с.
11. Нигро Д. Пушкин / пер. с англ. В. Вебера. М., 2019. URL: <https://www.litres.ru/book/don-nigro/pushkin-48800638/> (дата обращения: 10.07.2024).
12. Нигро Д. Кабанья голова / пер. с англ. В. Вебера. М., 2022. URL: <https://www.litres.ru/book/don-nigro/kabanya-golova-48800902/chitat-onlayn/> (дата обращения: 10.07.2024).
13. Kastan D. S. Shakespeare and the Book / David Scott Kastan. Cambridge [etc.]: Cambridge Univ. Press, 2001. XIII, 167 с.
14. Lewes L. The Women of Shakespeare. New York: GP Putnam, 1895.
15. Высоцкая Н. А. Драматургическая шекспириана Дона Нигро // Американистика: актуальные

подходы и современные исследования. Вып. XII. Курск: Курский гос. ун-т, 2020. С. 378–394.

16. *Don Nigro*. Boar's Head. Copyright, 1996, 2005.

17. *Shakespeare W.* Tragedy of Hamlet. London: JM Dent and Company, 1896.

18. *Шамина В. Б.* Театр эпохи постмодерна: римейки, сценические и кинематографические интерпретации. Монография. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012. 126 с.

19. *Stoppard T.* Rosencrantz and Guildenstern Are Dead. London: Faber & Faber, 2013.

20. *Бахтин М. М.* К философии поступка // М. М. Бахтин Собр. соч. в 7 т. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. С. 7–68.

References

1. Szymkowicz, A. I. (2010). *Interview Playwrights*. Part 174: Don Nigro. URL: <https://aszym.blogspot.com/2010/05/i-interview-playwrights-part-174-don.html> (accessed: 1.11.2024). (In English)

2. Bakhtin, M. M. (1975). *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. 504 p. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura. (In Russian)

3. Eco, U. (2007). *Rol' chitatelia. Issledovaniya po semiotike teksta* [The Role of the Reader. Studies on Text Semiotics]. Per. S. D. Serebryany. 502 p. St. Petersburg, Symposium. (In Russian)

4. Tynyanov, Y. N. (2002). *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Sost., vstup. st., komment. V. Novikov. 494 p. Moscow, Agraf. (In Russian)

5. Kristeva, Yu. (1995). *Bakhtin: slovo, dialog, roman* [Bakhtin: Word, Dialogue, Novel]. Vestnik MGU. Seriya 9. Filologiya, No. 1, pp. 99–124. (In Russian)

6. Barth, R. (1994). *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Red. G. K. Kosikov. 616 p. Moscow, Progress; Univers. (In Russian)

7. Genette, G. (1982). *Palimpsesty: literatura vo vtoroi stepeni* [Palimpsests: Literature in the Second Degree]. Moscow, Nauka. (In Russian)

8. Nigro, D. (2019). *Rybak na ozere tmy* [The Angler in the Lake of Darkness]. Per. V. Weber. URL:

<https://www.litres.ru/book/don-nigro/rybak-na-ozere-tmy-48800979/> (accessed: 30.03.2024). (In Russian)

9. Shakespeare, W. (1937). *King Lear*. University Press. (In English)

10. Rabelais, F. (1993). *Gargantua i Pantagryuehl'* [Gargantua and Pantagruel]. F. Rable; per. s fr. V. Pyast; ill. G. Dore; oform. S. Kovalev. 543 p. Perm, Permskaya Kniga. (In Russian)

11. Nigro, D. (2019). *Pushkin* [Pushkin]. Per. s angl. V. Weber. URL: <https://www.litres.ru/book/don-nigro/pushkin-48800638/> (accessed: 10.07.2024). (In Russian)

12. Nigro, D. (2022). *Kabanya golova* [Boar's Head]. Per. s angl. V. Weber. URL: <https://www.litres.ru/book/don-nigro/kabanya-golova-48800902/chitat-onlayn/> (accessed: 10.07.2024). (In Russian)

13. Kastan, D. S. (2001). *Shakespeare and the Book*. XIII, 167 p. Cambridge [etc.], Cambridge University Press. (In English)

14. Lewes, L. (1895). *The Women of Shakespeare*. New York, GP Putnam. (In English)

15. Vysotskaya, N. A. (2020). *Dramaticheskaya Shekspiriana Dona Nigro* [Dramatic Shakespeare Series of Don Nigro]. Amerikanskistika: Aktual'nye podkhody i sovremennye issledovaniya, Vol. XII, pp. 378–394. Kursk. Kurskii gos. universitet. (In Russian)

16. Nigro, D. (1996, 2005). *Boar's Head*. Copyright. (In English)

17. Shakespeare, W. (1896). *Tragedy of Hamlet*. London, JM Dent and Company. (In English)

18. Shamina, V. B. (2012). *Teatr epokhi postmoderna: rimeyki, stsenedicheskie i kinematograficheskie interpretatsii* [The Theater of the Postmodern Era: Remakes, Stage, and Cinematic Interpretations]. 126 p. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG. (In Russian)

19. Stoppard, T. (2013). *Rosencrantz and Guildenstern Are Dead*. London, Faber & Faber. (In English)

20. Bakhtin, M. M. (2003). *K filosofii postupka* [Toward a Philosophy of the Act. Collected Works in 7 Vols]. Bakhtin M. M. Sobr. soch. v 7 t. T. 1, pp. 7–68. Moscow, Russkie slovari. (In Russian)

The article was submitted on 15.11.2024

Поступила в редакцию 15.11.2024

Галимова Маргарита Рамилевна,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
marga_ret@mail.ru

Galimova Margarita Ramilevna,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
marga_ret@mail.ru

УДК 821.512.145

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-228-235

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА В ПОЭЗИИ ГАБДУЛЛЫ ТУКАЯ

© Тагир Гилязов

REPRESENTATION OF THE HUMAN BODY IN GABDULLA TUKAY'S POETRY

Tagir Gilazov

For the first time not only in Tukay studies, but also in Tatar philology, the article has studied the representation of the human body and its individual parts based on the works of G. Tukay, the great poet of the Tatar people. Although there are no works in Tatar literary studies specially devoted to the problems of corporeality, some observations can be found on this topic in the works where the body acts as a material object. The analysis of research and the specific features of covering this topic in the works of the poet is the novelty of this paper. G. Tukay criticized the negative aspects of society and national reality, as well as negative character traits of representatives of upper classes or an individual person by using a metonymic image of the body and its individual parts. We find an active use of such parts of the body as the nose (boryn), head (bash) and stomach (korsak) with various shades of evaluation. At the same time, in the poet's work, female beauty is the subject of inspiration and suffering, that is, it acts as an object of culture. In these poems, eyes, lips, teeth, face and hands express the lyrical hero's intimate feelings and the beauty of his beloved. In some of G. Tukay's works, individual parts of the body, the hand for example, are used as symbols, enabling to display various experiences and philosophical and existential thoughts of the lyrical hero.

Keywords: body, soul, poetry, woman, pleasure, suffering, satire, forms

В статье впервые не только в тукаеведении, но и в татарской филологии делается попытка изучить репрезентацию человеческого тела и его отдельных частей на примере творчества великого поэта татарского народа Г. Тукая. Хотя и в татарском литературоведении отсутствуют специальные работы, посвященные исследованию проблематики телесности, все же существуют некоторые наблюдения по этой теме в творчестве авторов, в произведениях которых тело выступает в качестве материального объекта. Изучение исследований, а также своеобразие освещения данной темы в произведениях поэта является новизной данной научной работы. Г. Тукай метонимическим изображением человеческого тела и отдельных его частей критикует негативные стороны общества, национальной действительности, а также отрицательные черты характера представителей высших социальных слоев или одного отдельно взятого человека. Отмечается активное использование таких частей тела, как нос (борын), голова (баш), живот (корсак) с различными оттенками оценки. В то же время в творчестве поэта женская красота является предметом вдохновения, страданий, то есть выступает объектом культуры. В стихах этой тематики глаза (күзләр), губы (иреннәр), зубы (тешләр), лицо (йөз), руки (куллар) активно используются для выражения интимных чувств лирического героя, а также красоты его возлюбленной. В некоторых произведениях Г. Тукая отдельные части человеческого тела, например рука (кул), как символ помогают отобразить различные переживания и философско-экзистенциальные мысли лирического героя.

Ключевые слова: тело, душа, поэзия, женщина, наслаждение, страдание, сатира, формы

Для цитирования: Гилязов Т. Репрезентация человеческого тела в поэзии Габдуллы Тукая // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 228–235. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-228-235

На рубеже XX–XXI вв. в гуманитарных и социальных науках проблематика человеческого тела считалась одной из актуальных. Если в ев-

ропейской и русской литературе научные исследования в этом направлении активизируются, то в татарской литературе эту тему обходят сторо-

ной. Противоречия между душой и телом в религиозной философии, влияние исламской культуры и культурно-нравственных канонов, связанных с менталитетом татарского народа, ограничивают исследования в области проблематики человеческого тела. Между тем кораническая философия, обычаи и традиции в исламе оказали сильнейшее воздействие на мировоззрение и художественное мышление не только поэтов, но и ученых и критиков. Несмотря на то что в последние годы не было нравственных и идеологических запретов, к сожалению, в этой области не сделано серьезных шагов, так как эта тема в татарском мире считалась «низкой». Скудность исследований и недоработка терминологии затрудняют нам делать выводы в научном аспекте.

Несмотря на то что в татарском литературоведении тема репрезентации человеческого тела как культурного объекта специально не изучалась, все же имели место некоторые взгляды, высказанные с осторожностью, с подтекстом. Проблема человеческого счастья, усиливающая гуманистическое начало татарской литературы, освещавшаяся в социально-национальном ракурсе, рассматривалась в плоскости семьи, любви и отношений между мужчиной и женщиной. Татарская литература, изображавшая до середины XIX в. красоту дочерей ханов, царей, султанов и гуррий, со второй половины этого века стала изображать красоту земных девушек. Тема любви весьма расширилась вследствие изменений взглядов на любовную эстетику и ее философию в положительную сторону, которые произошли благодаря социально-духовному обновлению в начале XX в. В цикле рассказов «Фамилия сәгадәте» («Семейное счастье», 1910), повести «Тормышмы бу?» («Жизнь ли это?», 1911) классика татарской литературы Гаяза Исхаки (1878–1954), внесшего огромный вклад в обновление татарского словесного искусства, тесно переплетаются проблемы семейного, человеческого счастья с интимными влечениями между мужчиной и женщиной, «красотой тела». К сожалению, совершенно новая тема в национальном словесном искусстве наткнулась на непонимание в научно-теоретической мысли. В частности, писатель и литературовед Г. Ибрагимов (1887–1938) говорил, что это «пахнущие развратом вещи», написанные под влиянием «молодых порнографических писателей как Арцыбашев¹, Вербицкая²

[1, с. 75], а этот период творчества писателя называл «порнографическим» [Там же, с. 76]. Правда, встречаются и другие мнения. А. Бикташев, опровергая субъективную оценку оппонента о М. П. Арцыбашеве, напоминает, что, помимо таких произведений, у него имеется рассказ «Смерть Ландена», который написан в духе идеи «возлюби ближнего» [2, с. 245]. Приведя несколько доводов в пользу Г. Исхаки, Бикташев подчеркивает необоснованность взглядов Г. Ибрагимова. Он указывает, что применением во время спора терминов «красота тела», «влечение к телу», «физиологическая страсть» делаются первые шаги в изучении данной темы. В литературоведении советского периода такие темы подвергались резкой критике.

Произведения С. Рамиева, Дәрдемнда, Ш. Бабица, Г. Тукая и др., в которых изображены любовь, женщина, красота женского тела, изучаются с точки зрения душевной лирики. В тукаеведении, ставшем в XX в. наукой, в сатирических произведениях поэта отдельные части человеческого тела рассматриваются как форма выражения отношения поэта к социальной действительности, не касаясь культурного аспекта. Произведениям Г. Исхаки, в которых раскрыты тема семьи и тема плотской любви, ученые, изучающие литературное наследие писателя, дошедшее до нас после распада Советского Союза, дают следующую оценку. В своих произведениях автор «применяет методы психоанализа (фрейдизм), они пронизаны мыслью о том, что человеком управляют инстинкты, то есть чувства, запрятанные в клетках головного мозга, не подчиняющиеся ни контролю над собой, ни сексуальным желаниям, ни культурно-нравственным ценностям» [3, с. 15–16].

В основу данного исследования положены принципы компаративистской методологии, которые позволяют выявить универсалии, конституирующие единство разных национальных художественно-эстетических систем, а также их уникальность и самобытность. Сравнительно-типологический подход обусловил рассмотрение широкого круга гносеологических, культурологических, аксиологических и других проблем. Исследование также основывается на герменевтической традиции гуманитарных наук, сочетающей историко-хронологический, конкретно-

¹ Вербицкая А. А. (1861–1928) – русская писательница, прозаик и драматург. Основной темой ее произведений является сексуальная свобода женщины.

² Арцыбашев М. П. (1878–1927) – русский писатель, прозаик и драматург. Автор произведений «Жена»

(1904), «Ревность» (1913), «Война» (1914). Его скандально известный роман «Санин» (1907) содержит откровенные сцены и показывает смелые философские взгляды автора, которые порой шокировали читателей и литературных критиков.

исторический принципы изучения художественного творчества.

Основоположник новой татарской литературы, пламенный публицист, литературный критик, классик национальной литературы, великий татарский поэт Габдулла Тукай (1886–1913) выигрышно использует человеческое тело и его отдельные части в освещении социальных и человечески-личностных проблем.

Обзор поэзии Тукая и произведений, посвященных поэту, показывает, что человеческое тело в татарской литературе больше является объектом воплощения социальных отношений, чем объектом культуры. Качественное и количественное изменение сатиры в татарской литературе начала XX в. произошло благодаря творчеству Г. Тукая. Он был признан «самым искусным юмористом татарского мира» [4, с. 29]. Тело, его отдельные части в творчестве поэта превращаются в форму изобличения недостатков, отсталости и уродства в обществе и национальной действительности. Р. Ганиева, исследуя сатирическое творчество поэта, отмечает, что оно «характеризуется широким охватом явлений действительности, глубиной идейного содержания, разнообразием и совершенством художественной формы» [5, с. 7]. В этом прослеживается созвучие поэзии Г. Тукая с творчеством Н. В. Гоголя. Как отмечают Г. И. Кабакова и Ф. Конт, «в гоголевском мире тело, а точнее – его части, становятся тотальными метонимиями, выражающими искаженные социальные отношения» [6, с. 14].

Как известно, еще со времен Западного Ренессанса в культуре и литературе отмечается выразительность таких частей человеческого тела, как голова, а в особенности руки. Также и Г. Тукай чаще прибегает к метонимическому изображению головы, чем к остальным частям человеческого тела. Причина в этом, по нашему мнению, помимо литературных традиций, кроется в частом употреблении компонента *баш* ‘голова’ в названиях деревень Арского района, родины Тукая. Например, Симетбаш, Иябаш, Шушмабаш и др. В его произведении «Пыяла баш» («Стеклянная голова», 1906) *голова*, выступающая силой реалистического обобщения, символизирует представителей духовенства, тормозящих развитие татарского народа и духовное обновление:

«Карагыз сез безем хэзрэт миенэ, / Миендэ магърифэт дәрде биймә? < > / Бөтенләй мөртәсәм фикре миендә: / Ялангач кыз, бәләш, тәңкә тиен дә» [7, с. 118]. – «А что видно, пересказывать при всех / Человеку поприличней просто грех. / Мысли словно отпечатали в мозгу / Голых женщин, блялиши, казы, таньгу» (перевод В. Думаевой-Валиевой. – Т. Г.).

Автор с помощью переносного значения изобличает глупого, распутного, заботящегося лишь о своем брюхе представителя духовенства. В. Аминева, исследуя творчество Г. Тукая в сопоставительном плане, отмечает, что «с сатирой Н. В. Гоголя данные произведения Г. Тукая сближают художественно-стилистические приемы сатирического изображения. Собираательные образы представителей определенных сословных групп создаются с помощью одной-двух деталей, концентрированно выявляющих их социально-политическую сущность и нередко вырастающих в символ» [8, с. 67].

Обогащенный различными эпитетами образ головы мы видим в стихотворениях Г. Тукая «Сорыкортларга» («Трутням», 1906), «Ишан» (1909). Он с помощью метафорических сравнений «*гәмбә баш*», «*кибәк баш*» ‘глупый’, ‘дурак’ высмеивает лживых ишанов, живших за чужой счет, вместо того чтобы сохранять нравственность в распространенном в Поволжье и Приуралье суфийском тарикате, чем пытается вызвать у читателей чувство презрения к ним. В произведении «Трутням» Тукай высмеивает представителей высших слоев общества, губернаторов, аристократов и ишанов с помощью «грубого и натуралистического изображения живота (корсак), связанного с физиологией, и его различных оценок, сравнений и метафор» [9, с. 16].

«Аристократ – сорыкортлар, калын корсак, кечек башлар; / Ашыйлар соң бирән булган кешеләр, ну гажәп, ай-яй!» [10, с. 103]. – «В нашей знати каждый – трутень, толстобрюхий негодяй, / Ну и жрут обжоры эти, поражаюсь, ай-ай-ай!» (перевод С. Ботвинника. – Т. Г.).

Автор вместо литературного слова эч ‘живот’ использует отдаленное от нормы просторечное *корсак* ‘брюхо’, и оно усиливается различными изображениями, такими как, например, связанное с перееданием *калын корсак* ‘толстое брюхо’, ‘отрыжка’, ‘плюется’, ‘сало в брюхе’ и т. д. Тукай в своем произведении очеловечивает брюхо:

«Ашар безне бу корсак, басар тиз, без болай торсак; / Әйә корсак, вәйә корсак, жиһанны капладың, вай-вай!» [Там же]. – «Это брюхо нас задавит, если будем мы молчать; / Ах ты, брюхо, ух ты, брюхо, заслонило мир, вай-вай!» (перевод С. Ботвинника. – Т. Г.).

Помимо подражания принципам сатирической типизации мировой и русской литератур в реалистической поэме Г. Тукая «Сенной базар,

или Новый Кисекбаш», написанной в восточной и национально-народной традициях, создается гротескное изображение тела человека – вернее, его головы. Поэт не просто фрагментирует человека: голова, во-первых, удалена от канонической нормы, а во-вторых, обретает самостоятельное значение, персонализуется, то есть Кисекбаш очеловечен: он движается, знакомит с произошедшими с ним событиями, выражает свои чувства, вызывает жалость у людей. Кисекбаш – это типизированный сатирический образ торговцев, глупых и развратных мулл и ишанов, лживых идеологов, с помощью которого автор дал критическую оценку татарскому обществу начала XX в. Г. Тукай, описывая голову, в которой сто амбаров упряма, тысяча пудов пива, десять вагонов глупости, одна тысяча вагонов бахвальства, десять клетей старья, разоблачает социально-нравственную сущность того времени. Анализируя художественные формы поэмы, В. Аминев отмечает, что «используемые в данном описании гротескные формы передают взаимозаменяемость и смешение вещественного, телесного и духовного, человечески-личностного, живого и мертвого, части и целого. В этом контексте деформация, произошедшая с человеком, является не просто индивидуальной травмой и личным горем персонажа, но и предстает как метафора всеобщего распада» [8, с. 58].

В близком по жанру к басне стихотворении «Нос» (1911) метонимия *нос* дает аллегорическо-метафорическое значение:

«Электэ бер кешедэ бар иде киң бит, зур ындырдай, / Аның нәкъ уртасында бер борын һәм зур чөгәндәрдэй» [7, с. 160]. – «В годы дальние, глухие, говорят, давным-давно / Некто жил с лицом огромным и широким, как гумно. / А промеж его багровых, вислых и дебелих щек / Нос, торчавший, будто свекла, был величествен и строг» (перевод Д. Бродского. – Т. Г.).

Нос, изображенный в искаженной форме – «торчавший, будто свекла», отделившись от тела, приобретает самостоятельность и становится одушевленным. Он гордится своим высоким положением и смеется над находящимися внизу:

«Тәкәббер бу борын, китми исе һич башка мәхлукка; / Олугълыкны сөя торган, чөя торган үзен күккә. / Борын тәхкыйрь итә торган иде бигрәк аякларны, / Диеп: „Сез бик түбән жирдә, ерасыз былчыракларн“» [Там же]. – «И на все, что было ниже, он презрительно глядел, / Ног особенно упорно признавать он не хотел. Дескать, им дано судьбою пыль взметать, в грязи тонуть» (перевод Д. Бродского. – Т. Г.).

Объектом унижения *носа* в стихотворении являются *ноги*, находящиеся внизу. Однако в последнем баите ноги поскальзываются, «и большой чванливый нос в лужу плюхнулся с размаха, крепко в грязь густую врос». В стихотворении проводится социально-нравственная идея „не гордись своим высоким положением, не унижай находящихся внизу, сам можешь оказаться в этом положении“. Здесь еще больший акцент делается на нравственность человека, на его действия» [11, с. 138] (перевод наш. – Т. Г.).

В произведениях Тукая сатирического, общественно-нравственного, философского содержания нет гендерного разделения человеческого тела и его частей. В окутанных тонким юмором стихотворениях поэта отдельным частям женского тела дается определенный идейно-эстетический смысл. В произведении «Егет илә кыз» («Парень и девушка», 1908), написанном в форме диалога, Тукай выражает свое ироническое отношение к физическим недостаткам девушки, сравнивая ее нос с «ковшичком», большой рот – с «ситечком» и т. д.

«Егет: „Сөям чүмеч кеби борныңны, жаным, / Гашый булдым, тәмам бетте мәжалым, жанашым, аһ, иләк авызыңны үпсәм! / Ни кайгы, инде мин шул чакта үлсәм“» [10, с. 223]. – «Как мил мне носик твой, твой ковшичек, джаным, / Влюбился, мочи нет, с ума сведен я им. / Твой ротик-ситечко дозволю поцеловать, / Я б жизнью заплатил за эту благодать» (перевод Л. Руст. – Т. Г.).

В стихотворении «Үтенеч» («Просьба», 1912) *руки* как символ помогли отобразить различные переживания и философско-экзистенциальные мысли лирического героя, находящегося в безысходности. *Рука* дается в разных значениях в следующих строках:

«Килде тоткынлык, түбәнләнде уемның куллары / Хөр заман ак кул белән күкләрдә йолдыз чүпләдем» [7, с. 233]. – «Стал я скованным, у мысли стали руки коротки: / Было время, звезды с неба доставал руками я» (перевод В. Думаевой-Валиевой. – Т. Г.).

Ак кул ‘белые руки’ – это творчество поэта, полное надежд и мечтаний, которые появились в результате спада давления цензуры в годы революции, а *түбәнләнде уемның куллары* ‘стали руки коротки’ – показывают нам подавленного поэта, что не в состоянии противостоять социальной несправедливости и жестокости мира. Следующий баит усиливает эту мысль:

«Ак күгәрченне кулымнан алдылар, козгын биреп; / Ак кирәк дип, пакь кирәк дип, күпме күз яшь түкмәдем!» [Там же]. – «Взяли белую голубку, дали

коршуна взамен, обливался я слезами, чистоту свою губя» (перевод В. Думаевой-Валиевой. – Т. Г.).

Синтезируя философские мысли автора о смысле жизни и миссии поэзии, говорит нам о написанных Тукаем ради куска хлеба, бесполезных для нации стихах:

«Ялан кул (голыми / холодными руками) в последней строфе «Ул – түгел күнлем эшеннән, тик ялан кулның эше, / Кызмагыз бик, чыкса мәйданга басылган чүпләрем» [Там же]. – «Не душой теперь пишу я, / но холодной рукой. / Не ругайтесь, если мусор вы прочтете у меня» (перевод В. Думаевой-Валиевой. – Т. Г.).

Женская красота, ее внешний вид и чувство любви – основные атрибуты романтической лирики. В лирике С. Рамиева³, Ш. Бабича⁴ образ любимой воспроизводится сквозь детальное описание различных частей ее тела. У обоих авторов есть стихотворение под одним названием – «Она». С. Рамиев передает красоту возлюбленной традиционными образами: *новый месяц* (брови), *полная луна* (лицо), *озера* (глаза), *солнце* (лик). И все же красота девушки вводит в экстаз лирического героя: «ах, умираю, умру я тогда» [12, с. 30]. У Ш. Бабича усилено эротическое изображение: *уста – замзам* (араб. ‘колодец в Мекке’), *губы – каусар* (араб. ‘изобилие’), *грудь – млечный вулкан* [13, с. 129]. Такое повышенное внимание к губам, навязчивая эротизация женской груди отражает мужской взгляд на женщину как предмет постоянного искушения. В его стихотворении «Девушка» (1916) лирический герой находится в состоянии возбуждения, а *күкрәк селкенү* ‘волнение в груди’, *колак шәмрәйтү* ‘наострить уши’, *кан кызу* ‘кровь кипит’ / ‘разгорячиться’ усиливают его телесное влечение:

«„Кыз“ дигәч тә селкенә күкрәк, колаклар шәмрәя... / Күзләр урыныннан куба, тоздай була, шашкан кебек. / „Кыз“ дидеңме, кан кызарга башлый, бәгърен сызлана, / Яшь йөрәктә нинди тәмле уйлар кузгала» [Там же, с. 121]. – «При слове „девушка“ – волнение в груди, уши наострены... / Глаза – как у безумного, / При слове „девушка“ кровь кипит, душа болит. / И в юном сердце зарождаются сладкие мечты» (перевод наш. – Т. Г.).

Эстет, поэт-философ Дәрдемнд⁵ (1859–1921) в своем произведении «Рәсем» («Портрет») описывает красоту обнаженного женского тела с присущей восточному стилю скромностью:

«Тәңкәен ак, түшкәйләрен киң яраткан, Биткәенен иң очында миң яраткан; Саклар өчен зифа буен яман күздән, Чәчкәйләрен аяк белән тиң яраткан» [14, с. 32]. – «Тело – белым, груди высоким создал, / Завершая лицо, прекрасную родинку создал; / Чтобы стан ее стройной уберечь от дурного глаза, / Ливень дивных волос, до ступней закрывающий, создал» (перевод Л. Григорьевой. – Т. Г.).

Автор использует словосочетание *киң түш* (пышногрудая) вместо грубого *зур, мул күкрәк* (большая грудь). В последней строфе словами «Ливень дивных волос, до ступней закрывающий» автор достигает две цели: во-первых, уходит от натуралистического описания обнаженного тела девушки, во-вторых, делает намек на ее обнаженное тело. Исследования показывают, что на изображение красоты, портрета возлюбленной сильно воздействовали традиции восточной литературы, которые отражаются прежде всего в системе образов и средствах изображения.

Научно-критическая мысль отмечает формирование поэтического мира Тукая в контексте восточно-мусульманской и русской культур [15, с. 182]. Наряду с восточными литературными традициями на поэзию Тукая оказала влияние любовная лирика А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. А. Жуковского, Ф. И. Тютчева. В такого рода произведениях восхищение любовью и красотой возлюбленной отражается в различных аспектах, что приводит к возникновению различных жанров. В произведениях «Хур кызына» («Гуриям», 1906), «Татар кызларына» («Татарским девушкам», 1906) восхищение красотой возлюбленной описывается присущим в гедонистической лирике описанием тела: *сызылган каш* (тонкие брови), *тузылган сач* (распущенные волосы), *баш* (голова), *зөбәржәт төсле якты күз* (глаза, словно изумруды), *кәүсәрдән татлырак иреннәр* (губы слаще, чем каусар), *нечкә бил* (тонкая талия), *мәрмәр муен* (мраморная шейка), *оҗмахка охшаган куен* (объятия, словно рай).

В любовной лирике Г. Тукая с первичной установкой на душевное партнерство тело возлюбленной фигурирует абсолютно иначе. В стихотворении «Кулын» («Твоя рука», 1908) кисть руки, перестав играть привычную роль детали общей композиции, необходимого звена портрета, обретает функцию существенного или,

³ Рамиев С. (1880–1926) – классик татарской литературы. Поэт, прозаик, драматург начала XX в.

⁴ Бабич Ш. (1895–1919) – автор романтических стихов и поэм начала XX в.

⁵ Дәрдемнд (Закир Рамиев, 1859–1921) – классик татарской литературы. Поэт-романтик и символист.

более того, главного предмета изображения. Рука выполняет функцию ключа к открытию родной души возлюбленной, она фигурирует как вместилище родной души:

«Чын бэхетледер кулың тоткан колың; / Гайне кодсиат вэ гыйффэттер) кулың. / Ялтырыйдыр санки нурдан бер балык, – / Бер фәрештә күңледәй пакытер кулың. / Терелә хәсрәттән агуланган күңел; / И матур кыз! Зәһрә тирьяктыр кулың» [10, с. 103]. – «Источник радости и муки, / Все совершенство – твои руки. / Как рыбы, в брызгах света блещут, / Чисты, как ангел, твои руки. / И выздоравливают души, их лечат, дева, твои руки» (перевод В. Думаевой-Валиевой. – Т. Г.).

Повторяющийся в последней строке каждого байта радиф *кулың* (твои руки) превращается в лекарство, способное вылечить душу лирического героя, отравленное горем от сильного чувства любви. Кисть руки возлюбленной – это уже даже не собственно женская рука, а источник душевного ответа на душевное же стремление влюбленного. Лирический герой ограничивается прикосновением руки возлюбленной, а не наслаждением красотой ее тела. В душевной любовной лирике именно по рукам возлюбленной узнается ее родная душа. В последнем байте стихотворения строки «*Тукта, бер мактыйм әле дип уйладым. – / Әллә ник мактарга ансаттыр кулың!*» [10, с. 103]. – «*Дай, думаю, воздам хвалу ей, / Легко мне славить твои руки*» (перевод В. Думаевой-Валиевой. – Т. Г.), по нашему мнению, дают нам намек на то, что в описании других частей тела женщины поэту мешают культурно-нравственные ценности.

Одним из стихотворений, где переплетаются любовные мотивы с душевными переживаниями, является стихотворение «Иһтида» («Прозрение», 1911):

«Әгәр булса „сөю“ ләфзы кочаклау куллар талганчы, / Үбү булса әгәр чут-чут, ирен бит кабарганчы, – / Гомер дә сөйгәнем юк һәм „сөям“ дип әйтмәмен һич тә; / Сөюнең мәгънәсе, минчә, биг үк гали, бик нечкә» [7, с. 186]. – «Когда любовь для вас – объятья до неможенья ваших рук / и поцелуи до припухших хотя б чуть-чуть лица и губ, / Такой любви не знал я в жизни и не узнаю никогда: / Понятьем тонким и высоким любовь жила во мне всегда» (перевод В. Думаевой-Валиевой. – Т. Г.).

Лирический герой произведения считает любовь великим, божественным чувством, и поэту отрицает наслаждение телом любимой и считает превыше всего платоническую любовь, духовное поклонение любимой. «В этом стихотворении, состоящем из 3 разделов и 12 байтов, ге-

рой ищет ответ на традиционный для восточной литературы и эстетики вопрос „Что такое любовь?“. В первых трех строках речь идет о том, что лирический герой далек от „низкой“ (плотской) любви – от поцелуев и объятий. Ему суждено гореть в огне другой любви, платонической» [9, с. 36–37]. Герой горит в огне любви к невидимой, субститутивной, существующей лишь в его мечтах возлюбленной, и восхищение ею передает нам в поэзии:

«Табындым, сәждә кыйлдым мин сөйгән жанашның алдында, / Өмид иттем вэ куркытым да, кызардым һәм оялдым да. / Миңа ул Бер вэ бар, көчле вэ һәйбәтле (көчле, гайрәтле) санәм (пот) булды; / Аңар хәмдем, салатымны ирештергән каләм булды» [7, с. 186]. – «И трепетал, и преклонялся я пред возлюбленной моей, / И жил надеждой, и боялся, и до волос краснел корней. / Любовь моя была мой идол, мой ослепительный кумир, / Предмет молитв и преклоненья и славословий пышный пир» (перевод В. Думаевой-Валиевой. – Т. Г.).

Подведем предварительные итоги.

В татарской литературе поэзия Г. Тукая делает первые новаторские шаги в описании человеческого тела и его отдельных частей. В его стихах эти описания выполняют различные функции, в зависимости от того, в каком жанре и стиле они написаны. В сатирических произведениях человеческое тело, а особенно отдельные его части – *голова, живот, нос*, становясь тотальными метонимиями, выражают искаженные социальные отношения. В любовной лирике Тукая, которая создана, с одной стороны, под воздействием мусульманско-восточной культуры, с другой стороны, русской литературы, источником наслаждения и страдания является красота земной девушки. Описывая красоту женского тела, поэт создает модель возлюбленной, рождающей в лирическом герое чувства восхищения, наслаждения и возбуждающей в мужчинах интимное влечение. В некоторых его произведениях человеческое тело, в частности руки, изображают душу возлюбленной. Мы видим, что человеческое тело, его отдельные части, стан служат ключом к открытию художественного мира Г. Тукая. Исследования показывают, что филологическая мысль начала XX в. не была полностью равнодушна к проблематике тела. Повышенное внимание к телу, которое до начала XX в. было в тени, связано, во-первых, с обновлением в татарской общественно-философской мысли, во-вторых, с изменениями в национальной литературе, то есть с освоением реалистических, романтических традиций в описании жизни чело-

века. Эта тема, в свою очередь, оказала влияние и на научно-критическую мысль.

Человеческое тело, которое фигурирует в поэзии Г. Тукая как культурный и социальный объект, показывает тематическую широту и общечеловеческую ценность татарской литературы начала XX в. и подтверждает ее развитие в контексте мировой литературы. Изображение в творчестве Тукая человеческого тела и его отдельных частей в различных литературно-эстетических плоскостях оценивается как модернистское явление, что показывает роль поэта в обновлении татарской литературы. Результаты исследования проблематики человеческого тела в поэзии Г. Тукая, а также первые шаги, сделанные в научно-теоретической мысли начала XX в., открывают новые перспективы изучения этой темы не только в тукаеведении, но и в татарском литературоведении в целом.

Список источников

1. *Ибраһимов Г. «Мөгәллимә»нең Уфада уйналу мөнәсәбәте белән // Әсәрләр. Академик нәшер: 15 томда: 8 т. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2001. Б. 224–235.*
2. *Бикташев А. Тәнкыйть тирәсэндә // Гаяз Исхакый. Әсәрләр. Унбиш томда: 8 т. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2001. Б. 243–248.*
3. *Ганиева Р. К. Гаяз Исхакый ижаты. Казан: Казан дәүләт университеты, 2005. 39 б.*
4. *Гыйлазев Т. III. Рецензияләрдән тәгъзияләргә: XX йөз башы татар әдәби тәнкыйте. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2008. 254 б.*
5. *Ганиева Р. К. Сатирическое творчество Г. Тукая. Казань: Издательство Казанского университета, 1964. 84 с.*
6. *Кабакова Г. И., Конт Ф. От составителей. От русской души к русскому телу? // Тело в русской культуре: сборник статей / сост.: Г. Кабакова, Ф. Конт. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 5–16.*
7. *Тукай Г. М. Әсәрләр. Академик басма: 6 томда: 2 т. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2011. 384 б.*
8. *Аmineva B. P. Габдулла Тукай и русская литература XIX в.: типологические параллели. Казань: Татарское книжное издательство, 2016. 160 с.*
9. *Ганиева Р. К. Шагыйрьнең рухи мирасы Казан: ТаРИХ, 2002. 111 б.*
10. *Тукай Г. М. Әсәрләр. Академик басма: 6 томда: 1 т. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2011. 407 б.*
11. *Габдулла Тукай. Энциклопедия. Казан: Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты, 2016. 864 б.*
12. *Рәмиев С. Таң вакыты. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1980. 272 б.*
13. *Бабич III. Зәңгәр жырлар : шигырьләр, поэмалар, эпиграммалар, мәкаләләр, хатлар. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1990. 544 б.*
14. *Дәрдемәнд. Әсәрләр. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2003. 239 б.*
15. *Гилазов Т. III. Проблема литературной репутации Тукая в научно-критической мысли первой четверти XX века // Филология и культура. Philology and Culture. 2013. № 3 (33). С. 181–185.*

References

1. Ibrahimov, G. (2001). "*Mөгallimә*"neң *Ufada uinalu mөнәsәbәte belән* [In Connection with the Production of "Mentor" in Ufa]. *Әsәrlär. Akademik nәsher*: 15 tomda. Vol. 8, pp. 224–235. Kazan, Tatarstan kitap nәshriyatı. (In Tatar)
2. Biktashev, A. (2001). *Tәнkyit' tirәsendә* [On Criticism]. *Gayaz Iskhakiy. Әsәrlär. Unbish tomda*. Vol. 8, pp. 243–248. Kazan, Tatarstan kitap nәshriyatı. (In Tatar)
3. Ganieva, R. K. (2005). *Gayaz Iskhakiy iжatı* [The Work of Gayaz Iskhaki]. 39 p. Kazan, Kazan дәүләт университеты. (In Tatar)
4. Gylajev, T. Sh. (2008). *Retsenziyalәrdән tәgъziyalәrgә: XX iөz bashy tatar әdәbi tәnkyite* [From Reviews to Obituaries: Tatar Literary Criticism of the Early Twentieth Century]. 254 p. Kazan, Tatarstan kitap nәshriyatı. (In Tatar)
5. Ganieva, R. K. (1964). *Satiricheskoe tvorchestvo G. Tukaya* [The Satirical Work of G. Tukay]. 84 p. Kazan', izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. (In Russian)
6. Kabakova, G. I., Kont, F. (2005). *Ot sostavitelei. Ot russkoi dushi k russkomu telu?* [From the Compilers. From Russian Soul to the Russian Body?]. *Telo v russkoi kult're: sbornik statei*. Sost.: G. Kabakova, F. Kont. Pp. 5–16. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
7. Tukai, G. M. (2011). *Әsәrlär* [Works]. Akademik basma: 6 tomda: Vol. 2. 384 p. Kazan, Tatarstan kitap nәshriyatı. (In Tatar)
8. Amineva, V. R. (2016). *Gabdulla Tukai i russkaya literatura XIX veka.: tipologicheskie paralleli* [Gabdulla Tukay and Russian Literature of the Nineteenth Century: Typological Parallels]. 160 p. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)
9. Ganieva, R. K. (2002). *Shagyr'neң rukhi mirasy* [The Poet's Spiritual Legacy]. 111 p. Kazan, TARIKH. (In Tatar)
10. Tukai, G. M. (2011). *Әsәrlär* [Works]. Akademik basma: 6 tomda: Vol. 1. 407 p. Kazan, Tatarstan kitap nәshriyatı. (In Tatar)
11. Tukai, G. (2016). *Gabdulla Tukai. Ehntsiklopediya* [Gabdulla Tukay. An Encyclopedia]. 864 p. G. Ibrahimov isem. 864 p. Tel, әdәbiyat һәм sәngat' instituty. (In Tatar)
12. Rәmiev, S. (1980). *Taң vakyty* [At Dawn]. 272 p. Kazan, Tatarstan kitap nәshriyatı (In Tatar)
13. Babich, Sh. (1990). *Zәңgär жырлар: shigyr'lar, poehmalar, ehpigrammalar, мәkalәlär, khatlar* [Blue Songs: Poems, Epigrams, Articles and Letters]. 544 p. Kazan, Tatarstan kitap nәshriyatı. (In Tatar)

14. Dərdmənd (2003). *Əsərlər* [Works]. 239 p. Kazan, Tatarstan kitap nəşriyatı. (In Tatar)

15. Gilazov, T. Sh. (2013). *Problema literaturnoi reputatsii Tukaya v nauchno-kriticheskoi mysli pervoi*

chetverti XX veka [The Issue of Tukay's Literary Reputation in the Critical Works of the First Quarter of the 20th Century]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. (33), pp. 181–185. (In Russian)

The article was submitted on 15.11.2024

Поступила в редакцию 15.11.2024

Ги́лазов Тагир Шамсегалиевич,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
tgilazov@bk.ru

Gilazov Tagir Shamsegalievich,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
tgilazov@bk.ru

УДК 821.111

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-236-241

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В БРИТАНСКОЙ АНИМАЛИСТИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

© Екатерина Зуева

LANGUAGE PLAY IN BRITISH ANIMALISTICS IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

Ekaterina Zueva

Language play is a common device in literary works. The article studies language play in British animal studies in the second half of the 20th century. We analyze how British writers use language to create images of animals and to convey their characteristics. The article examines various techniques of language play, such as puns, metaphors, comparisons, etc. We also draw attention to how language play helps create a unique style of narration and conveys the peculiarities of British culture. The article will be of interest to literary researchers, as well as to anyone interested in British culture and literature of the 20th century. In this article, we trace how language play is realized in the works of British animal writers such as Gerald Durrell, Richard Adams and Harry Kilworth. Depicting two parallel developing worlds – the human and the animal one, British animalists endow the latter not only with psychological characteristics, but also with their own language. As a result, their world is perceived as a certain civilization with its own cultural characteristics, which can serve as an example for humanity.

Keywords: language play, stylistic devices, comic, British literature

Языковая игра представляет собой часто встречающийся в литературных произведениях прием. Статья посвящена исследованию языковой игры в британской анималистике второй половины XX века. Автор анализирует, как британские писатели использовали языковые средства для создания образов животных и передачи их характеристик. В статье рассматриваются различные приемы языковой игры, такие как каламбуры, метафоры, сравнения и другие. Автор также обращает внимание на то, как языковая игра помогает создать уникальный стиль повествования и передать особенности британской культуры. Статья будет интересна исследователям литературы, а также всем, кто интересуется британской культурой и литературой XX века. В данной статье мы хотели бы проследить, как языковая игра реализует себя в творчестве британских писателей-анималистов, таких как Джеральд Даррелл, Ричард Адамс и Гарри Килворт. Британские анималисты, изображая два параллельно развивающихся мира – человеческий и животный, наделяют последних не только психологическими характеристиками, но и своим языком, в результате их мир воспринимается как некая цивилизация со своими культурными особенностями, что может служить примером для человечества.

Ключевые слова: языковая игра, стилистические приемы, комическое, британская литература

Для цитирования: Зуева Е. Языковая игра в британской анималистике второй половины XX века // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 236–241. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-236-241

Понятие «языковая игра» давно уже утвердилось в современных филологических исследованиях, как в лингвистических, так и литературоведческих. Языковая игра представляет собой особую форму речетворчества, основанную на сознательном нарушении языковых норм и правил с целью создания новых значений и смыслов. В британской литературе языковая игра проявляется в виде использования метафор, сравнений,

каламбуров, аллюзий и других стилистических приемов и имеет давнюю историю. По мнению В. Г. Дидковской, языковая игра имеет две основные функции – языкотворческую и оценочную, обе активно проявляют себя в британской анималистике второй половины XX в. [1].

Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения механизмов создания художественных образов в литературе, а также выявле-

ния роли языковой игры в формировании эстетического восприятия произведений. Целью данной статьи является анализ основных принципов и приемов языковой игры, используемых английскими авторами, и определение их влияния на развитие литературы.

Начиная с XIX в. ведущую роль в развитии литературы о животных начинает играть английская (англизоязычная) литература. Это связано с особым отношением к животным в Великобритании, о чем уже было упомянуто во введении к данной работе. Как художественное, так и документальное направление продолжают развиваться параллельно.

Первые образцы английской литературной сказки о животных были созданы в период 1890–1920 гг., который критики называют «золотым веком» английской детской литературы. Согласно Х. Карпентеру, причиной отхода от реальности в сторону сказки о животных была сама эдвардианская эпоха. Мир животных воспринимался как определенного рода райский сад, где можно было укрыться от событий, вызванных политической и социальной нестабильностью [2].

Образы животных являются неотъемлемой частью литературного процесса на протяжении всего его развития. Мы можем выделить два основных направления в литературе о животных: художественное и документальное, которые развиваются параллельно на протяжении всего литературного процесса. Начиная со второй половины XIX в. мы можем наблюдать тенденцию к их слиянию, что наиболее ярко проявляет себя в литературе второй половины XX в.

Ко второй половине XX в. в Великобритании постепенно выкристаллизовывается отдельное направление в литературе о животных. Писатели, опираясь на традиции англосаксонской литературы, с одной стороны, и научные открытия в области социобиологии – с другой, создают произведения, в которых образы животных получают другую трактовку. На этот вид литературы определенно оказали влияние такие явления, как культ природы у поэтов-романтиков, интерес к естественным наукам в викторианскую эпоху, традиции литературной сказки «золотого века» английской детской литературы, социал-дарвинизм Дж. Лондона.

Сочетание научного подхода к созданию образа животного, изображения зверя как части природного мира с приемами, характерными для художественной литературы, дает нам основания применить определение анималистики к литературе. Литературное произведение, относящееся к этому направлению, должно содержать в себе

синтез научного и художественного начал. Животные начинают изображаться исходя из их биологической природы, подчеркивается связь с естественнонаучным знанием.

Основным конфликтом для анималистических произведений становится конфликт между природой и цивилизацией (миром животных и миром людей), который писатели решают по-новому, обращаясь к актуальным вопросам защиты окружающей среды. Для британской анималистики второй половины XX в. характерно использование образов животных для изображения сложных взаимоотношений между человеческим и природным социумами. Взаимодействие человека и мира природы остается в фокусе интереса писателей, но данный конфликт получает новую трактовку. Писатели стремятся понять природное существо, объяснить мотивацию тех или иных его биологических поступков.

Британская анималистика второй половины XX в. в основном проявляет себя в мемуарных жанрах и в литературной сказке. Наиболее ярко это демонстрируется в творчестве Дж. Даррелла, Г. Килворта и Р. Адамса, чьи произведения станут предметом анализа в данной работе.

Дж. Даррелл в своей сказке «Говорящий сверток» показывает два одновременно существующих пласта реальности: реальный мир и мифический, сказочный мир (что, конечно, традиционно для любой волшебной сказки), но при этом мы можем говорить о взаимопроникновении одного мира в другой.

Животные являются главными героями данного произведения, наравне с персонажами-людьми. Как и в любой литературной сказке, Дж. Даррелл по-своему интерпретирует понятия, образы и мотивы, характерные для волшебной сказки о животных. В данном произведении можно выделить три типа персонажей-животных: реально существующие; мифические (выдуманные), характерные для европейской мифологии и фольклора; животные, придуманные непосредственно писателем.

Некоторые персонажи в этом произведении являются одновременно и мифическими, и реально существующими. Под этим подразумеваются те биологические виды, которые получили свое название от различных мифологических существ. В их описании писатель соединяет черты как мифологического представления о данном существе, так и научного. Примером подобного синтеза могут служить василиски: с одной стороны, это мифические животные, с другой стороны, реально существующий в Южной Америке вид. В описании этого существа Дж. Даррелл со-

единяет и черты научного восприятия, и свойства, характерные для сказочных существ:

«И вдруг Пенелопа похолодела от страха: на гребень холма вышел василиск, похожий на гигантского разноцветного петуха. Он остановился, огляделся вокруг, жестокие зеленовато-золотистые глаза его сверкали, чешуя отливала зеленым, золотым и красным. Когда он повернул голову, Пенелопа услышала, как зашуршали и заскрипели тершиеся друг об друга чешуйки, увидела, как из ноздрей показались струйки голубоватого дыма, а из клюва вместе с дыханием вырвались крошечные язычки оранжевого пламени» [3, с. 64].

«Basiliscus – род ящериц из семейства Corytophanidae. Насчитывают четыре вида, распространенных в тропической Америке, в частности в Гвиане, Коста-Рике и Панаме. У самцов на затылке треугольный гребень, поперечная складка на горле и кожистый гребень вдоль спины и передней трети хвоста, поддерживаемый удлиненными остистыми отростками позвонков» [4, с. 186].

Одной из интереснейших особенностей этого произведения является то, что Дж. Даррелл использует образы животных, характерных для средневековых бестиариев, что в принципе типично для любой европейской сказки, но данные образы претерпевают определенные изменения согласно авторскому замыслу. Он достигает этого с помощью замещения основных черт характера, присущих какому-либо существу абсолютными новыми, нехарактерными для него.

С помощью традиционной речевой характеристики Даррелл показывает культурный уровень своих героев, принадлежность к какой-либо противоборствующей стороне и особенности характера. Особенно хорошо это видно на примере речи грифонов. Они очень пунктуальны, исполнительны, и поэтому их речь напоминает искорверканный немецкий язык, что соответствует стереотипному представлению о немецкой педантичности.

Использование различных форм комического вообще свойственно Дж. Дарреллу, о чем говорилось выше, и в свое художественное произведение он привносит столь характерное для него чувство юмора. При этом комическое может представать в виде не только доброго, вызывающего легкую улыбку, юмора, но и как достаточно острая, направленная на обличение каких-либо пороков сатира.

Основным объектом насмешки являются существа, которые ведут себя вопреки своей природе, будь то люди или звери. Даррелл считает неприемлемым уподобление животного челове-

ку, и комический эффект этого преобразования направлен на то, чтобы показать всю нелепость и неестественность подобной ситуации. Поведение горностаев, пытающихся создать государство, подобное человеческому, не вызывает ничего кроме смеха.

Необходимо помнить, что мы имеем дело с английским юмором, с его сложными и неоднозначными традициями поэтики нонсенса, которые также проявляют себя в этом произведении. Например, песня про лунную морковь напоминает поэзию Э. Лира и Л. Кэрролла. Даррелл вводит в повествование достаточно странный овощ под названием «лунная морковь», на которой по мере созревания появляются рецепты тех блюд, что можно из нее приготовить, начиная от бараньего жаркого, заканчивая манной кашей. Данный овощ является своеобразной пародией на некий волшебный предмет (зелье, заколдованная еда), который часто встречается во многих волшебных сказках и обладает способностью превращать различные предметы во что угодно, но у Дж. Даррелла обладает лишь сугубо утилитарной, прозаической функцией (вплоть до рецептов).

Дж. Даррелл, используя свой опыт натуралиста, трансформирует традиционную английскую литературную сказку и создает новое, необычное по жанру произведение. Все формальные признаки структуры волшебной сказки сохранены, но при этом содержание посвящено разнообразным проблемам, так или иначе связанным с животными, и вопросам их выживания в условиях современной автору цивилизации. Если в традиционной сказке животное в конечном счете антропоморфно, то Дж. Даррелл, в какой-то степени развивая традиции анималистической сказки Р. Кипплинга, достаточно резко противопоставляет свои «животные образы» миру людей.

Известный британский писатель Ричард Адамс (1920–2016) является автором двенадцати романов и сборников рассказов. Самым известным является первый роман Р. Адамса «Обитатели холмов», за который в 1972 г. он получил медаль Карнеги. Сюжетную основу романа составляет рассказ о миграции группы кроликов из одного места в другое.

Поведение сказочных героев-кроликов в романе во многом определяется их биологической природой. Все повествование ведется с точки зрения кроликов-самцов, которые буквально одержимы идеей заполучить себе крольчих, что связано с биологическим инстинктом размножения. Кролики понимают, что колония на Уотершипском холме находится в уязвимом положении, так как все они – самцы. Именно поэтому

они принимают решение пробраться в Эфрафу и увести оттуда крольчих, недовольных ограничениями генерала Дурмана, что и служит причиной финальной битвы. За это роман подвергался достаточно серьезной критике со стороны феминисток, которые упрекали Р. Адамса в мужском шовинизме и сексизме [5].

Говоря о функционировании языка в романе, необходимо упомянуть о создании Адамсом собственного языка кроликов. Язык кроликов – лапинь, представлен через включение слов со звуко-сочетанием «хр», которое имитирует фырчание самих кроликов, что позволяет нам говорить о натуралистической особенности данного языка. Само название происходит от французского слова *lapine*, что переводится как ‘кролик’. Подобный прием характерен для литературы фэнтези, в качестве примера можно привести разработанный Дж. Р. Р. Толкиеном эльфийский язык квенья. Интересной особенностью также является наличие отдельной грамматики лапини, Р. Адамс подробно описывает образование множественного числа, роль суффиксов и т. д.

В рамках изучения языков, искусственно созданных писателями, существуют специальные лингвистические работы, посвященные лапини, в которых отмечается детальная проработанность этого языка автором [6], [7]. Язык состоит всего из нескольких десятков слов, которые обозначают те или иные реалии, связанные с жизнью кроликов. Большая часть этих слов являются звуко-подражательными, например «хрудада» (*hrudada*) означает ‘автомобиль’ и имитирует звуки, издаваемые машиной, движущейся по шоссе. Как и у Х. Лофтинга, наличие собственного языка подчеркивает отделенность животного сообщества от человеческого: это сложный социум со своими законами, традициями и верованиями. Р. Адамс продолжает отходить от традиционной антропоморфной модели сказки о животных: теперь не животные уподобляются человеку, а человек может найти в животных родственные ему черты. Читатель понимает, что сообщество кроликов во многом напоминает современное ему общество. В то же время животные разных видов понимают друг друга, при этом, чтобы подчеркнуть их различия, автор наделяет отдельных персонажей акцентами. Чайка-поморник Кехаар говорит с акцентом, характерным для уроженцев северо-балтийского региона, чем подчеркивается его странность и необычность, а также некая неуместность его нахождения в центральной Англии:

«Meester 'Azal, ees rabbits vork 'ard, – said Kehaar. – I no finish now. Soon I go fine» [8, с. 215]. – «Местер

Орек, тфон кролики много трудились, – сказал Кехаар. – Я еще не фсе... Скоро фсе» [9, с. 227].

Переводчику Т. Чернышевой удалость в русском переводе сохранить тот акцент, который подчеркивает чуждость огромной морской птицы обитателям сельской Англии.

Использование различных языковых средств, создание собственного языка в рамках большого эпического повествования, где акцент сделан на точку зрения нечеловеческого существа, позволяет нам отнести это произведение к ксенофантастике.

Схожие приемы можно увидеть и в творчестве другого британского анималиста, Гарри Килворта. В нашей стране переведено лишь несколько его романов, из них самый известный – это «Лунный зверь: история лис», написанный в 1989 г., который сам писатель считал наиболее удачным среди своих произведений. Название романа не совсем точно переведено на русский язык: в оригинале роман называется «*The Hunter's Moon*», что дословно означает ‘луна охотника’. Под этим словосочетанием подразумевается первое полнолуние после осеннего равноденствия, которое является официальной датой открытия охотничьего сезона в Великобритании. Эта неточность перевода вполне объяснима: очевидное для англичанина понятие потребовало бы дополнительных комментариев, поэтому в русском переводе название и было изменено.

По русскому заглавию становится понятным, что главными героями этого произведения являются лисы. Г. Килворт повествует нам о жизни лис, начиная от рождения и заканчивая смертью, рисуя нам своеобразно представленный литературно-художественный мир. Описание всех животных дано совершенно реалистично. Хотя автор и передает речь животных, он не следует традициям антропоморфизма, не очеловечивает животных, животные всегда остаются животными и ведут себя согласно своей звериной природе. Данный прием характерен для литературной анималистики, писатели тяготеют к изображению животных как представителей мира природы, иного социума, не похожего на человеческий.

В отличие от мира людей, показанного достаточно однобоко, мир животных в романе огромен и разнообразен. Писатель концентрирует свое внимание именно на мире животных, именно звери являются главными персонажами этого произведения. Мир людей вводится только для того, чтобы показать остроту конфликта, связанного с покорением природы и не отойти правды

жизни, поскольку Г. Килворт стремится следовать традициям, характерным для произведений художественно-документальной анималистики. Автор изображает не только разнообразные виды животных, но и различные индивидуальности. Звери обладают индивидуальными психологическими характеристиками, здесь изображены холостяки, авантюристы, философы, мистики. Несмотря на то что с первого взгляда эти качества могут показаться присущими людям (антропоморфное начало), животные всегда остаются животными и действуют согласно своей животной натуре. Даже вся история семейной жизни О-Ха подчинена естественным законам жизни лис. Когда она перестает выкармливать своих лисят, они уходят от нее и начинают свою собственную самостоятельную жизнь, так как лисы по природе не стайные существа, а одиночки. Г. Килворт следует своим словам, указанным во вступлении к роману, и в данном случае предметом его авторского вымысла, отхода от биологической правды, являются те романтические чувства главной героини, которые она испытывает к двум своим мужьям.

Каждый вид животных наделен в романе речевой характеристикой. В разговорах лис используются многие необычные слова, при этом автор в качестве предисловия помещает своеобразный глоссарий (словарь лисьего языка). Необходимо отметить мастерство переводчика, Е. Большаковой, которая сумела передать эту удивительную специфику лисьего языка, где все слова созданы на основе родного языка читателя и в то же время кажутся ему немного странными, поскольку приобретают дополнительный смысл, отражая реалии жизни лис¹ [10].

Автор активно использует различные языковые средства для характеристики своих героев. Писатель вводит в повествование с целью дифференциации персонажей даже элементы различных языков. Например, спокойные, размеренные, уверенные в себе барсуки говорят на языке, напоминающем немецкий, а веселые, вечно суетсяящиеся белки – на языке, напоминающем итальянский. В речи птиц, которые обладают

всеобъемлющими знаниями и являются своего рода летающими энциклопедиями, встречаются слова, заимствованные из латинского языка.

Для того чтобы подчеркнуть высокую духовность лисьего мира, писатель уделяет особое внимание традиционным именам лис. Согласно традиции О-Ха, имя партнера должно зеркально отражать имя самки, именно поэтому она предлагает своему второму мужу Камию, взять имя А-хо, что он категорически отвергает. Имена философов несут в себе удвоенный последний слог (А-конкон). Г. Килворт подчеркивает самобытность и оригинальность лисьей цивилизации, не похожей на мир людей.

Использование в романе достаточно большого количества понятий и категорий, не характерных для произведения о животных, расширяет жанровые рамки обыкновенной сказки, и мы можем говорить о несомненном сходстве с философской сказкой, что связано с особенностями духовной жизни лис.

Произведение Г. Килворта интересно по своей жанровой форме. Мы видим, что введение в ткань повествования различных животных образов придает сказке второй половины XX в. совершенно иное звучание. Писатель создает необычный мир, близкий к примитивным верованиям древних людей и аборигенов, только в данном произведении в этой роли выступают лисы. Он говорит о быстром наступлении цивилизации, об опасностях, грозящих животным, которые заключаются не только в их уничтожении, но и в потере своей звериной идентичности. Автор постоянно подчеркивает изначально звериную природу любого животного и говорит о том, что попытки уподобить это животное человеку обречены на провал. Если воспользоваться классификацией А. Караковского, то мы можем отнести произведение Г. Килворта к «эмпирическому натурализму», который представляет собой необычное сочетание естественнонаучных и философских взглядов [11].

Основными признаками любого анималистского произведения является активное использование разнообразных форм комического: писатели подчеркивают как нелепость людей в обращении с животными, так и нелепость животных, если они пытаются уподобиться человеку. Всех писателей-анималистов волнуют вопросы защиты окружающей среды, они пытаются привлечь внимание читателя к неумолимой гибели дикой природы и ее представителей под наступлением индустриальной цивилизации.

Писатели изображают два параллельно развивающихся мира: человеческий и животный. Особенность британской анималистики заключа-

¹ Например: завывай 'зимний', загуляй 'мартовский', оттепай 'весенний', ласкай 'летний', запасай 'осенний', свой 'дикие поля и луга', чужой 'фермерские поля и прочие земли, возделанные человеком', живопырка 'человеческое поселение', ханыр 'падаль', нередко употребляемая в пищу, шалопут 'странствующий лис сидун, сидуха 'лисы-домоседы', бобыль, бобылиха 'лисы-одиночки'; Дальний лес – место, куда попадают души умерших, Запределье – обитель ветров и духов, Первобытная Тьма – время, когда возник мир.

ется в наделении животных существ не только психологическими характеристиками, но и своим языком, философией, религией, что позволяет воспринимать мир животных как некую иную цивилизацию, обладающую культурой и социальной структурой, являющуюся примером для человечества.

Британская анималистика, опираясь на национальную литературную традицию и научные открытия в области когнитивной психологии и социобиологии, способствовала появлению новых модификаций традиционных жанровых форм в литературе о животных.

Список источников

1. Дидковская В. Г. Языковая игра в текстах современной литературы // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 2 (48). С. 57–61.
2. Carpenter H. *Secret Gardens: A Study of the Golden Age of Children's Literature*. L.: Faber and Faber, 2009. 264 p.
3. Даррелл Дж. Говорящий сверток: сказочная повесть. Л.: Дет. лит., 1990. 219 с.
4. Большой энциклопедический словарь. Под. ред. А. М. Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1993. 1632 с.
5. Lanes S. G. (1974). *Male Chauvinist Rabbits* // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/1974/06/30/archives/the-guest-word-male-chauvinist-rabbits.html> (дата обращения: 20.10.2024).
6. Cain S. *Watership Down* // Encyclopedia of Fictional and Fantastic Languages. L.: Greenwood Publishing Group, 2006. P. 211–212.
7. Rogers S. D. *Lapine* // The Dictionary of Made-Up Languages. L.: Adams Media, 2011. P. 125–126.
8. Adams R. *Watership Down*. NY: Oneworld Publications, 2014. 454 p.
9. Адамс Р. Обитатели холмов. М.: Эксмо, 2011. 562 с.
10. Килворт Г. Лунный зверь: история лис: Роман. СПб.: Азбука, 1999. 352 с.

11. Караковский А. Литературный анимализм как метод и руководство к действию // Уроки словесности: Точки над i. URL: <http://www.epygraph.ru/text/8> (дата обращения: 20.10.2024).

References

1. Didkovskaya, V. G. (2013). *Yazykovaya igra v tekstakh sovremennoi literatury* [Language Play in Modern Literary Texts]. Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 2 (48), pp. 57–61 (In Russian)
2. Carpenter, H. (2009). *Secret Gardens: A Study of the Golden Age of Children's Literature*. 264 p. L.: Faber and Faber. (In English)
3. Darrell, G. (1990). *Govoriashchii svertok: skazochnaia povest'* [The Talking Package: A Fairy Tale]. 219 p. Leningrad, Det.lit. (In Russian)
4. *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* (1993) [Large Encyclopedic Dictionary]. Pod. red. A. M. Prokhorova. 1632 p. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian)
5. Lanes, S. G. (1974). *Male Chauvinist Rabbits*. The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/1974/06/30/archives/the-guest-word-male-chauvinist-rabbits.html> (accessed: 20.10.2024). (In English)
6. Cain, S. (2006). *Watership Down*. Encyclopedia of Fictional and Fantastic Languages. Pp. 211–212. L., Greenwood Publishing Group. (In English)
7. Rogers, S. D. (2011). *Lapine*. The Dictionary of Made-Up Languages. Pp. 125–126. L., Adams Media. (In English)
8. Adams, R. (2014). *Watership Down*. 454 p. NY, Oneworld Publications. (In English)
9. Adams, R. (2011). *Obitateli kholmov* [Watership Down]. 562 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)
10. Kilvort, G. (1999). *Lunnyi zver': istoriia lis: Roman* [Hunter's Moon: A Story of Foxes: A Novel]. 352 p. St. Petersburg, Azbuka. (In Russian)
11. Karakovskii, A. *Literaturnyi animalizm kak metod i rukovodstvo k deistviyu* [Literary Animalism as a Method and Guide to Action]. Uroki slovesnosti: Tochki nad i. URL: <http://www.epygraph.ru/text/8> (accessed: 20.10.2024). (In Russian)

The article was submitted on 15.11.2024

Поступила в редакцию 15.11.2024

Зуева Екатерина Владимировна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
zuevaekaterina@mail.ru

Zueva Ekaterina Vladimirovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
zuevaekaterina@mail.ru

ЗИМНИЙ ПУТЬ И ЗИМНИЙ СОН У ПУШКИНА И Л. ТОЛСТОГО

© Александр Иваницкий, Ксения Нагина

THE WINTER PATH AND THE WINTER DREAM BY PUSHKIN AND LEO TOLSTOY

Alexander Ivanitskiy, Ksenia Nagina

In his story “The Blizzard” (1856) and the novel “Anna Karenina” (1873), Leo Tolstoy consistently reinterprets the motifs of Petr Grinev’s dream in Pushkin’s novel “The Captain’s Daughter” (1836) and through its prism – the key motif of the novel: the winter path as a metaphor for a life path. Grinev’s path is his service with the aim to fulfil the principle of noble honor, included in the epigraph of the story. The educational content of this path is his choice between “duty” and “will”. Grinev subordinates the “will” of his desires to “duty”, but follows his “will”, protecting the life and honor of his betrothed. Pugachev, embodying the elemental principle of nature as the source of human “will”, acts as a paradoxical assistant to the hero in affirming his “will” as the highest level of the “norm”. By reproducing the image of Pugachev as the robber from Grinev’s dream in the protagonist’s second dream of “The Blizzard”, Tolstoy presents him as the embodiment of the folk-nature existence, only intuitively indicated in the blizzard movement without a path. The further reinterpretation of this image in the dreams of Anna Karenina and Vronsky was determined by the fact that the cultural and behavioral norm of nobility, stated in “The Captain’s Daughter”, became a historical past for Tolstoy in the 1870s. In particular, it was the motif of “heroic hedonism”, varied by Pushkin in his late works, which allowed taking a wife away from her unloved husband and a bride from her unwanted groom. For a nobleman, the “family thought” in “Anna Karenina” made the only possible way back. The “man with a black beard”, referring us to Pugachev, appears in the winter dreams of Anna and Vronsky, who betrayed the “family thought”, and symbolizes their boundless and fatal “self-will”.

Keywords: winter way, winter dream, elemental principle of nature, norm of nobility, movement without a path, willfulness, family thought

Л. Толстой в своем рассказе «Метель» (1856) и романе «Анна Каренина» (1873) последовательно переосмысляет мотивы сна Петра Гринева в «Капитанской дочке» Пушкина (1836) и сквозь его призму – заданные в повести значения зимнего пути как метафоры жизненного. Путь Гринева состоит в службе во исполнение принципа дворянской чести, вынесенной в эпиграф повести. Просветительно-воспитательное содержание этого пути составляет выбор между «долгом» и «волей». Гринева подчиняет «долгу» «волю» своих желаний, но следует своей воле, защищая жизнь и честь суженой. Пугачев, воплощающий стихийное начало природы как исток человеческой «воли», выступает парадоксальным помощником героя в утверждении «воли» высшей ступенью «нормы». Воспроизводя во втором сне героя своей «Метели» образ Пугачева – разбойника из сна Гринева, Толстой представляет его воплощением народно-природного бытия, которое лишь интуитивно указывается человеком в бурном движении без пути. Дальнейшее переосмысление этого образа в снах Анны Карениной и Вронского было обусловлено тем, что дворянская культурно-поведенческая норма, утверждаемая в «Капитанской дочке», стала для Толстого 1870-х гг. историческим прошлым. И в том числе – варьируемый в позднем творчестве Пушкина мотив «героического гедонизма», допускавший увод жены от нелюбимого ею мужа и невесты – от нежеланного ей жениха. «Мысль семейная» в «Анне Карениной» сделала единственно возможным для дворянина возвратный путь к ней. Отсылающий же к Пугачеву «мужик с черной бородою» предстал в зимних снах Анны и Вронского, отступивших от «мысли семейной», зеркалом их безграничного и фатального «своеволия».

Ключевые слова: зимний путь, зимний сон, стихийное начало природы, дворянская норма, движение без пути, своеволие, мысль семейная

Для цитирования: Иваницкий А., Нагина К. Зимний путь и зимний сон у Пушкина и Л. Толстого // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 242–249. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-242-249

1.

Анализируя эволюцию пушкинских сюжетно-смысловых линий в творчестве Льва Толстого, Б. М. Эйхенбаум отталкивается от слов последнего, записанных женой писателя: «Многому я учусь у Пушкина, он мой отец, и у него надо учиться» (цит. по: [1, с. 167]). В частности, линия «преданий русского семейства» из «Евгения Онегина» продолжается, по Эйхенбауму, в «Войне и мире» и «Анне Карениной», а Татьяна брак без любви Эйхенбаум видит завязкой «Анны Карениной», где роль Онегина уготована Вронскому – «более примитивн<ому>, но зато более решительн<ому>» [Там же]. Но при этом исследователь оговаривает (безусловно учитывая в том числе весьма разноречивые высказывания Толстого о Пушкине), что, переходя в художественную систему Толстого, пушкинские темы, сюжеты и герои «перерождаются» в ней. Так, Вронский для Эйхенбаума – «...такое же историческое перерождение Онегина, как Анна – перерождение Татьяны» [Там же, с. 180].

Эти «перерождения» весьма значимы в свете того, что Пушкин и Толстой олицетворяют ключевые рубежи в развитии и самосознании русской дворянской культуры Нового времени. А перспективной оптикой анализа переключек и отталкиваний позиций двух писателей видятся сны их ключевых героев, практически всегда зашифрованно, но развернуто являющие им суть происходящего с ними и вокруг них. В снах толстовских героев отмечались сознательные авторские отсылки к пушкинским (см., напр.: [2, с. 133–138]), а значит, реальность, отражаемая в них, стала для Толстого предметом последовательного переосмысления.

2.

Сны у Пушкина и Толстого роднит связь с зимой как временем сновидения и (или) его «сюжетом». Таковы сны героев пушкинской и толстовской «Метели» (1833, 1856), Татьяны в «Евгении Онегине» (1823–1830), Гринева в «Капитанской дочке» (1836), Вронского и Анны Карениной в романе Толстого. В отличие от других времен года, зимняя природа в фольклоре – хронотоп судьбы. Это задает концепты движения, пути – в том числе в его инициационных значениях, связанных с Рождеством и Крещением; а также брачных, связанных со Святками. Это обусловило особую роль зимнего пути в романтической балладе, «нарастившей» его мотивом

зимнего сна, открывающего героям фундаментальный пласт и смысл их жизни. В русской балладе эти мотивы были сведены и обобщены «Светланой» В. А. Жуковского (1808–1812) и сыграли огромную роль в поэзии и прозе Пушкина. К «Светлане» прямо отсылает эпиграф V главы «...Онегина», посвященный сну Татьяны накануне ее именин, и косвенно – сон Марьи Гавриловны в его повести «Метель», восходящий к тому же, что в «Светлане», сюжету свидания с мертвым женихом (см. подр.: [3, с. 18–21]).

И у Пушкина, и Толстого стержнем зимнего пути становятся метель/буран – заносящие пути героя и пролагающие новые, «судьбоносные». Поэтому герой равно выступает как субъектом, так и объектом движения – несомым некоей неизвестной и лишь смутно угадываемой им силой¹. В сне Гринева в «Капитанской дочке» таким «буанным» духом зимы предстает Пугачев. Именно этот сон последовательно переосмысливается Толстым в его рассказе «Метель» и в «Анне Карениной».

3.

В «Метели» Толстого к «Капитанской дочке» почти открыто отсылает уже завязка (сон героя, заблудившегося во время езды в буран), притом что сон не сменяет явь, а переплетается с нею. У Пушкина это дано одной фразой:

«...Я находился в том состоянии чувств и души, когда сущность, уступая мечтаньям, сливается с ними в неясных видениях первосония. Мне казалось, буран еще свирепствовал, и мы еще блуждали по снежной пустыне...» [4, т. 6, с. 408].

У Толстого это переплетение определит синтаксис повествования, о чем будет сказано ниже. Гринева в своем единственном сне, а рассказчик «Метели» в первом попадают в свои родовые

¹ Это также имело фольклорные основания. Зимнее божество в мифах и сказках (русский Морозко, немецкая Фрау Холле – буквально «Госпожа Метелица») олицетворяло в конечном счете именно стихийное начало зимы. А судьбоносная роль метели проясняла его/ее «прародительскую» роль в отношении героя и отсюда – «посвятительный» характер его пути. Ярким примером может служить «Лесной царь» Гете/Жуковского, который забирает сына у родного отца на правах праотца. Именно это его желание становится причиной болезни ребенка, для которого, лес (сгусток волшебного/зимнего хронотопа) становится не промежуточным участком пути, а его концом.

гнезда. В то же время главный «герой» второго сна, «вожатый», а затем разбойник в «подснежном» приюте в степи, требующий у рассказчика деньги и грозящий убить, проявляет как бы двойное преемство Пугачеву. Во-первых, – еще безымянному «*мужику с черной бородой*», которого мать представляет Гринева его отцом и просит «*поцеловать у него ручку*», а после отказа Гринева – размахивающего топором и наполняющего комнату трупами [Там же, т. 6, с. 409]. А во-вторых, – реальному Пугачеву – бунтовщику, захватившему Белогорскую крепость, которому Гринев уж отказывается целовать руку в знак признания его «царем». Герой-сновидец «Метели», во-первых, добровольно отдает требуемые деньги, а затем не по принуждению, а с «*невыразимым наслаждением... схватыва<ет> руку старичка и... начина<ет> целовать ее...*». При этом старик-разбойник фактически удостоверяет свою «отцовскую» связь с героем и соответствующее отношение к нему: «*...Он сначала вырывает ее, но потом отдает мне и даже сам другой рукой ласкает меня...*» [5, т. 2, с. 233].

Но, в отличие от пушкинского героя, сны рассказчика «Метели» не только не становятся «пророческими», но и вообще никак не проявляют какие-либо известные читателю обстоятельства его жизни: их в рассказе Толстого просто не дано, и до самого конца мы ничего не узнаем о том, откуда, куда и зачем едет его герой через буранную степь. По-видимому, именно это указывает на ключ к толстовскому переосмыслению не пушкинской фигуры Пугачева, а реальности, воплощаемой им.

В «Капитанской дочке» зимний путь Гринева для прохождения службы сначала в Оренбург, а затем в Белогорскую крепость является зачином и в известном смысле метафорой его жизненного пути – целенаправленного и состоящего в службе во исполнение принципа дворянской чести, вынесенной в эпиграф повести. «Рубежи» этого пути обозначают для Гринева отчий дом и отец; Белогорская крепость, ее комендант капитан Миронов и его дочь Маша; Оренбург и ее комендант Р***. Олицетворяет же этот путь приемница Петра Екатерина Вторая, которая, будучи тронута участием Маши, окончательно определяет судьбу героя.

Путь Гринева состоит в постоянном выборе между «хочу» и «надо», и, будучи уже рожден «*сержантом гвардии*», он всякий раз выбирает «надо», если этого требует разум и честь: по велению отца нехотя отправляется служить не в столицу, а в Оренбург; оттуда, уже по воле коменданта, в Белогорскую крепость; затем отка-

зывается от тайного увоза Маши и венчания с нею. С вступлением Пугачева в крепость он, как уже было сказано, откажется целовать руку самозваному «царю» и перейти к нему на службу – даже в благодарность за возвращенную невесту.

Однако «норма» в пути Гринева может выступать и рутиной, и он заявляет свою «волю» всякий раз, когда речь идет о защите жизни и чести его суженой, нарушая требования отца и уставы службы: дерется на дуэли с Швабриным, оскорбившим Машу²; совершает самовольную вылазку из осажденного Оренбурга в Белогорскую крепость ради ее вызволения от Швабрина и отказывается отвечать царским следователям о своих отношениях с Пугачевым, чтобы не упоминать имени суженой «*между извещениями гнусных злодеев*» [4, т. 6, с. 530]. «Воля» оказывается более высоким уровнем той же «нормы»³.

Выбор «хочу» и «надо» всякий раз сопряжен с выбором из двух «учителей», представляющих ту же оппозицию нормы и воли. «Рабу» Савельичу, фактически прививающему Гринева именно рабское подчинение житейской необходимости, противостоит учитель Бопре, олицетворяющий авантюрно-веселую суть «*учебы*». Именно его уроки фехтования помогают Гринева в дуэли со Швабриным. Оренбургскому коменданту Р***, воплощающему стойкость и терпение, противостоит (и предшествует) ротмистр Зурин, которого сам Гринев называет «*учителем*» [4, т. 6, с. 403]. Биллиард и попойка у Аринушки (в противовес сугубо скромной трапезе у оренбургского коменданта) проявляют альтернативное значение «*службы*» [Там же, с. 399 – 401]⁴.

Отцу же Гринева, воплощающему верность долгу (ушедшему в отставку после свержения Петра III, которому он присягал),

² О жизни русского дворянина XVIII в. в пространстве двух норм – службы и чести (где вторая особенно ярко проявлялась именно в отношении дуэли) см.: [6, с. 530].

³ Поэтому Гринев, по точному наблюдению Т. А. Алпатовой [7, с. 68], ни разу не выбирает между долгом и совестью. Это предопределяет становление героя «в единстве реальных противоречий и идеальной перспективы развития» [8, с. 96].

⁴ В целом послушание «рабу» Савельичу дважды могло стоить Гринева жизни и однажды – чести. Неуплата игроцкого долга Зурину впоследствии почти наверняка повлекла бы расстрел им Гринева как изменника. Недаром тулупчика Пугачеву вело Гринева к виселице уже от рук бунтовщиков. При взятии же крепости Пугачевым Савельич фактически идет против отца Гринева, от имени которого «хранит» Петрушу, – умоляя того нарушить присягу и поцеловать руку Пугачеву. Рабское следование «букве» службы уничтожает самое службу.

противопоставлен именно Пугачев. В бурном пути Гринева и его последующем сне Пугачев очевидно воплощает стихийное начало природы и отсюда «бунтарски-своевольное» («разбойное») начало человеческого естества. Его безграничное следование собственному «хочу» раскрывает сказка о соколе и вороне. Но именно в этом качестве он парадоксально выступает антагонистом – помощником Гринева. Замыкая ряд казачьих пристаней Гринева (оренбургский трактир – разбойничий умет – Бердская слобода), он суммирует идущую от природы помощь «учителей» Гринева в заявлении и утверждении им своей «воли» – как высшего личностного воплощения «нормы»⁵.

4.

Именно это социокультурное измерение жизненного/зимнего пути как развития заменяется в толстовской «Метели» принципиально иным. Два сна в рассказе очевидно составляют психологическую цепь, и второй (напоминающий о гриневском) раскрывает смысл первого. Приближение каждого из них резко меняет синтаксис повествования: безраздельно господствовавшее до этого прошедшее время в нем («Метель становилась сильнее и сильнее, и сверху снег шел сухой и мелкий; казалось, начинало подмораживать: нос и щеки сильнее зябли...») [5, т. 2, с. 218]) сменяется настоящим, и еще бодрствующий рассказчик описывает то, что он видит в эту минуту:

«...Долго после этого мы ехали, не останавливаясь, по белой пустыне... *Откроешь* глаза – та же неуклюжая шапка и спина, занесенные снегом, *торчат* передо мной... *поматывается*, все в одном расстоя-

нии, голова коренной... *виднеется* из-за спины та же гнedenькая пристяжная направо...» [5, т. 2, с. 221] (здесь и далее курсив наш. – А. И., К. Н.).

Подобное «вглядывание» может говорить о стремлении открыть в обиходном, привычном его глубинную суть. Мостом к такому открыванию и становится первый сон об отрочестве героя в родительской усадьбе – времени непрерывного узнавания мира – герои которого оказываются преемниками героев настоящего:

«Советчик, что *все кричит* из вторых саней... в роде Федора Филиппыча, нашего старого буфетчика». И вот я *вижу* лестницу нашего большого дома... Федора Филиппыча с завороченными руками нанкового сюртука, который *несет* одну педаль... поталкивает тут, пролезает между ног...» [Там же, с. 222].

Отрочество героя и происходящее с ним в бурной степи предстает внутренне единым «большим» настоящим. Тем самым он погружается в начальную пору жизни, чтобы вновь стать ребенком и детским взглядом увидеть это «большое настоящее» в народно-природной жизни вокруг себя.

То же настоящее время выводит героя из сна – засыпание во сне означает пробуждение наяву («...валек... *мучит, томит* меня... как инструмент пытки, *сжимает* мою ногу, которая *зябнет*, — я *засыпаю*...») [Там же, с. 227]), по инерции сохраняя детский взгляд в пробудившемся герое:

«...Я открываю глаза. Все тот же... колеблющийся снег мерещится в глаза... но подле себя я вижу какие-то сани... Игнат вдруг останавливает тройку...» [Там же].

Таким образом, к фундаменту жизни героя ведет не зимний путь, а метельное движение без дороги – пребывание без прибытия. Но вскоре после пробуждения такой детски-интуитивный контакт с этой подспудной и главной жизнью заканчивается, она вновь покрывается обиходной рутинной, о которой герой вновь начинает рассказывать в прошедшем времени:

«...И он *выкладывает* вещи с усиленной деятельностью. Пока *перекладывались*, я по ветру, который так и *подносил* меня, *подошел* ко вторым саням...» [Там же, с. 228].

Открывание не приводит к открытию: в финале повести «главная» жизнь неделимых народа и природы остается «терра инкогнита» с ушедшей метелью и достигнутой станцией. Это, по-видимому, и проясняет новые

⁵ В русле балладной метафоры Пугачев стремится утвердить в отношении Гринева свои права природного праотца, условием помощи герою становится отказ того от человеческого естества (культуры как разумной меры и морали) в пользу прачеловеческого, природного. На это косвенно указывают волчьи черты его облика в устах завидевшего его издалека ямщика: «*Должно быть, волк или человек*» [4, т. 6, с. 406–407]. Этот подтекст фигуры и роли Пугачева в отношении Гринева проявляют бесы в одноименно стихотворении Пушкина (1830). Будучи также «опознаваемы» ямщиком в той же бурной степи как возможные волки («*Кони стали. Что там в поле? – Кто их знает, пень иль волк...*»), они «...*визгом жалобным и во-ем // Надрыва<ют> сердце...*» [4, т. 3, с. 178] лирическому герою, драматически открывая некие неведомые ему прежде «предвечно-природные» истоки его естества. О мифопоэтическом слое «Капитанской дочка» см.: [9, с. 291–292, 306–308, 319]; ср.: [10, с. 187], [11, с. 31–45].

смыслы отсылающей к Пугачеву фигуры разбойника во втором сне. Мостом же к ним становится ключевая фигура первого сна – утопленник, которого вытаскивают из пруда на глазах у рассказчика. Утопленник задает главную мотивную линию второго сна – линию смерти. Засыпание в зимнем буране (возвращающее в прошлое) оказывается промежуточным рубежом на пути к смерти (замерзанию): *«Неужели... я уже замерзаю, – думал я сквозь сон, – замерзание всегда начинается сном, говорят...»*. Оно сначала противопоставляется утоплению – главному событию первого сна (*«Уж лучше утонуть, чем замерзнуть, пускай меня вытащат в неводе...»*), а потом уравнивается с ним в качестве желанного избавления от жизни как докуки:

«... а впрочем, все равно – утонуть ли, замерзнуть, только бы под спину не толкала эта палка какая-то и забыться бы... // ... желание, чтобы с нами случилось что-нибудь... трагическое, было во мне сильней маленькой боязни. Мне казалось... было бы недурно, если бы к утру... некоторые даже замерзли совершенно» [Там же, с. 232].

В самом же сне смерть как погружение в снежную область предстает состоявшейся:

«...мечты с необыкновенной ясностью... носились передо мною. Лошади становятся, снегу наносится больше и больше, и вот от лошадей видны только дуга и уши...» [Там же, с. 233].

Целью буранного пути оказывается подснежный/подземный, но при этом домашний мир. А «вожатым» (фактически проводником на тот свет) оказывается все тот же герой из детства рассказчика, Федор Филиппыч, ставший теперь ямщиком (утверждая преемство прошлого и настоящего как тождество!):

«Советчик, который есть Федор Филиппыч, говорит... что ничего, ежели нас занесет снегом: нам будет тепло. Действительно, нам тепло и уютно... Снег мягкий и теплый, как мех. Я делаю себе комнатку и хочу войти в нее...» [Там же, с. 232].

Затем же буфетчик-ямщик предстает разбойником:

«...Федор Филиппыч, который видел в погребце мои деньги, говорит: «Стой! давай деньги. Все одно умирать!» и хватается за ногу... Я снова схватываю его руку и начинаю целовать ее...» [Там же, с. 233].

По сути, герой просит взять его с собой. Ведь именно в этом «разбойничьем» качестве

старик проясняет свою роль проводника героя на тот свет:

«...но старичок не старичок, а утопленник...» [Там же].

Узнавание сути земной народно-природной жизни возможно лишь «по ту сторону» ее. Но «опознание» проводника как утопленника, а значит, осознание потусторонней цели «буранного» движения возвращает герою естественное желание жить: *«Это уж слишком страшно. Нет! проснусь лучше...»* [Там же].

Однако по пробуждении прежние желания героя возвращаются:

«...Я... вместо стогов... вижу какой-то дом с балконом... Меня мало интересует... этот дом... мне... хочется опять видеть белый коридор, по которому я бежал... и целовать руку старичка. Я снова закрываю глаза и засыпаю...» [Там же].

Таким образом, фундаментальная народно-природная жизнь остается в «Метели» предметом подспудного поиска и периодического интуитивного ощущения. В «Войне и мире» именно эта жизнь обретает социально- и морально-философское измерение «мысли народной», которая в «Анне Карениной» раскрывает себя как «мысль семейная». Поэтому если «Метель» лишает движение в буране заданного в «Капитанской дочке» значения целенаправленного (жизненного) пути, то в двух снах Анны и сне Вронского в романе Толстого путь отрицается уже в принципиальном для Пушкина в «Капитанской дочке» дворянско-просветительском смысле.

5.

Сны героев в романе Толстого объединены той же фигурой загадочного бородатого мужика, совершающего загадочные поступки и подспудно враждебного в отношении сновидцев. Первый Анна видит в поезде по дороге из Москвы в Петербург, где на заснеженном перроне встретит Вронского – и встреча эта явно предвещает ей гибель на рельсах:

«...что-то страшно закрипело и застучало, как будто раздирали кого-то, потом красный огонь ослепил глаза, и потом все закрылось стеной» [5, т. 9, с. 115].

Ситуативным прообразами этого сна могут выступать сторож, «слишком» закутанный «от сильного мороза» и потому не слыхавший «отодвигаемого задом поезда» [Там же, с. 75] и «задавленный» в момент приезда Анны в Москву, а также «худой мужик в... нанковом пальто», ко-

торый заходил в вагон и «смотрел на термометр» [Там же, с. 115] во время возвращения героини домой.

А. М. Ремизов [2, с. 135] первым отметил «пророческое» сходство сна Гриневы и второго сна Анны, увиденного ей перед рождением дочери от Вронского. При этом Анна, как и Гринев, обнаруживает в собственной спальне страшного мужика с «взъерошенной бородой», хочет бежать, но не может [Там же, с. 397]. Однако Гринев по пробуждении не вспоминает о сне – Анна же видит мужика (копошащегося в мешке и «работающего над железом») выражением своей судьбы. Косвенно это подтверждается: тот же мужик становится последним, что представляет героине в последние мгновения ее жизни, когда она тщетно пытается остановить свое самоубийство на рельсах:

«Она хотела подняться, откинуться; но что-то огромное, неумолимое толкнуло ее в голову и потащило за спину. „Господи, прости мне все!“ – проговорила она, чувствуя невозможность борьбы. Мужичок, приговаривая что-то, работал над железом...» [Там же, с. 364].

Практически тот же сон видит Вронский, едущий к Анне после медвежьей охоты:

«...воспоминания безобразных сцен, виденных им в последние дни... связались с представлением об Анне и мужике-обкладчике, который играл важную роль на медвежьей охоте; и Вронский заснул...».

В его сне:

«...Мужик-обкладчик... маленький, грязный, со взъерошенной бородой, что-то делал, нагнувшись и вдруг заговорил по-французски какие-то странные слова... – „Но отчего же это было так ужасно?“» [Там же, с. 391].

Сам Вронский отождествляет свой сон со сном Анны, который та рассказывает ему, истолковывая как предвестие своей смерти. Однако бесспорная содержательная преемственность снов Анны и Вронского сну Гриневы выглядит опосредованной: в качестве предметов смутного переживания героями они напрямую отсылают, как представляется, именно к снам рассказчика «Метели». В романе, в отличие от рассказа, они уже безусловно ужасают обоих сновидцев своей необъяснимостью. Сновидцы при этом прямо связывают их со своей жизнью – наделяя ее тем же необъяснимым, но неизбежным ужасом. Возможно, именно в этом проявляется «историческое» оппонирование Толстого Пушкину.

Видя себя частью европеизированной Петром Великим русской дворянской культуры, Пушкин поэтически воплощал в качестве ее непреложной составляющей своего рода любовно-героический авантюризм (по слову Г. А. Лесскиса, «героический гедонизм» (см.: [12, с. 156–158], ср.: [13, с. 18–24]), допускающий связь с женой нелюбимого ею мужа (например, «Каменный Гость», автобиографизм которого опирался в том числе на роман поэта с Е. К. Воронцовой и выразился в эпиграммах на ее супруга) или увод невесты от нежеланного жениха (ср. финал «Дубровского»). Противоположный взгляд Толстого 1870-х гг. на эту проблематику был обусловлен тем, что сама дворянская культура «большого XVIII века», предполагавшая максимальную личную активность во всех ее проявлениях, была отторгнута писателем как исчерпанное историческое прошлое. Отсюда предметом апологии в «Анне Карениной» явилось не движение/развитие, а традиция – в которой, в частности, брак ставился выше любви. Отсюда позитивный путь героя-дворянина в духовном смысле мог быть только возвратным (как у четы Левина и Кити), имея своей целью постижение «мысли семейной» как проявления «мысли народной» и приобщение ей.

Отсюда в снах Анны и Вронского, противопоставивших себя этой «мысли», путь либо отсутствует, либо является роковым, погружая в фатальную «зимнюю» сферу стихийного своеволия. Напоминающий Пугачева «мужик с черной бородой» в снах героев не противостоит им в качестве судьи и палача, а выступает зеркалом их безграничного и фатального «хочу». Отсюда иной мир, который он безусловно представляет (а в отношении Анны и предвещает), получает сугубо отрицательное значение бытийного «нуля».

Связь сна Вронского с медвежьей охотой отчасти «профанирует» сон Татьяны в «Евгении Онегине» – по определению исследователя, центрального в «художественной гипнологии» Пушкина [14, с. 111]. Охота Вронского, выступающего «церемониймейстером» гостящего в России иностранного принца, носит полукомедийный характер, входя в ряд «русских удовольствий» с элементами ряжения [15, с. 34]. В сне же Татьяны медведь суммирует любимую Татьяной русскую (зимнюю) природу и народную культуру, сформировавшие основы ее духовного мира, от которой Вронский и Анна оказываются

отсечены⁶. Но медведь – и преследователь, и «вожатый» Татьяны («косматый лакей» [5, т. 5, с. 105]): воспитывая свои чувства европейской культурой (и в первую очередь иноязычными любовными романами), она ушла от него далеко вперед в своем духовном развитии. И в своем сне она движется вперед, от медведя, но благодаря его погоне. А когда она падает без сил, он несет ее туда же, куда она шла, спасаясь от него⁷. Толстой, как видим, последовательно строит свою позицию на основе пушкинских мотивов зимнего пути и зимнего сна – но в «исторической» оппозиции им.

Список источников

1. Эйхенбаум Б. М. О прозе. Л.: Художественная литература, 1969. 507 с.
2. Ремизов А. М. Огонь вещей. Сны и предсонье. Париж: Оплешник, 1954. 230 с.
3. Нагина К. А. Метельные пространства русской литературы. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2011. 129 с.
4. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1949.
5. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 тт. М.: Художественная литература, 1978–1985.
6. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий // Ю. М. Лотман Пушкин. Биография. Статьи и заметки 1960–1990. СПб.: Искусство-СПб, 1995. С. 542–762.
7. Алпатова Т. А. Литературные параллели картине бурана в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка» // Литературные отношения русских писателей XVIII – начала XX веков. Межвузовский сборник научных трудов. М., 1992. С. 59–70.
8. Гиришман М. М., Стулишенко Л. П. О жанре «Капитанской дочки» // Вопросы русской литературы. Вып. 1 (39), Донецк, 1982. С. 89–107.
9. Смирнов И. П. От сказки к роману // Труды отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома АН СССР. Т. XXVII. Л., 1972. С. 284–320.
10. Степанов Л. А. Структура комических микросюжетов в «Капитанской дочке» // Болдинские чтения. Горький в 1987. С. 178–190.
11. Агранович С. З., Рассовская Л. П. Истоки жанровой структуры «Капитанской дочки»

⁶ Онегин, отсылающий в рамках той же баллады к образу рыцаря/разбойника (см.: [16, с. 163]), концентрирует, подобно Швабрину, бездуховный, «гедонистический» негатив европейской культуры, не воспитывающей чувства героя, а разрушающей их. Тем самым Вронский, как «ряженный» убийца «ряженого» медведя, действительно выступает его профанированной репликой.

⁷ Ю. М. Лотман [6, с. 609] отмечает в этой связи двойную фольклорную роль медведя – «своего» в обрядах сватовства и враждебного людям хозяина леса в волшебных сказках.

А. С. Пушкина. // Содержательность форм в художественной литературе. Куйбышев, 1990. С. 31–45.

12. Лесский Г. А. Пушкинский путь в русской литературе. М.: Художественная литература, 1993. 524 с.

13. Иваницкий А. И. Поэзия Пушкина как мифология поведения. М: Изд. РГГУ, 2016. 266 с.

14. Савельева В. А. Художественная гипнология и онейропозитика русских писателей. Алматы: Жазушы, 2013. 520 с.

15. Лёнквист Б. Путешествие вглубь романа. Лев Толстой: Анна Каренина. М.: Языки славянской культуры, 2010. 123 с.

16. Чумаков Ю. Н. Пушкин. Тютчев: опыт имманентных рассматриваний. М.: Языки славянской культуры, 2008. 495 с.

References

1. E'ikhenbaum, B. M. (1969). *O proze* [On Prose]. 507 p. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)
2. Remizov, A. M. (1954). *Ogon' veshchei. Sny' i predson'e* [The Fire of Things. Dreams and Pre-Dreaming]. 230 p. Parizh, Opleshnik. (In Russian)
3. Nagina, K. A. (2011). *Metel'ny'e prostranstva russkoi literatury* [Snowstorm Spaces of Russian Literature]. 129 p. Voronezh, Nauka-Yunipress. (In Russian)
4. Pushkin, A. S. (1949). *Poln. sobr. soch.: v 10 t.* [Complete Works: In 10 Volumes]. Moscow – Leningrad, izd. AN SSSR. (In Russian)
5. Tolstoi, L. N. (1978-1985). *Sobr. soch. v 22 tt.* [Collected Works in 22 Vol.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)
6. Lotman, Yu. M. (1995). *Roman A. S. Pushkina "Evgenii Onegin": Kommentarii* [A. S. Pushkin's Novel "Eugene Onegin": A Commentary]. Yu. M. Lotman. Pushkin. Biografiya. Stat'i i zametki 1960–1990. Pp. 542–762. St. Petersburg, "Iskusstvo-SPb". (In Russian)
7. Alpatova, T. A. (1992). *Literaturny'e paralleli kartine burana v romane A. S. Pushkina "Kapitanskaya dochka"* [Literary Parallels to the Snowstorm in A. S. Pushkin's Novel "The Captain's Daughter"]. *Literaturny'e otnosheniya russkikh pisatelei XVIII – nachala XX vekov. Mezhvuzovskii sbornik nauchny'kh trudov*, pp. 59–70. Moscow. (In Russian)
8. Girshman, M. M., Stulishenko, L. P. (1982). *O zhanre "Kapitanskoi dochki"* [About the Genre of "The Captain's Daughter"]. *Voprosy' russkoi literatury'*. Vy'p. 1 (39), pp. 89–107. Donetsk. (In Russian)
9. Smirnov, I. P. (1972). *Ot skazki k romanu* [From a Fairy Tale to a Novel]. *Trudy' otдела drevnerusskoi literatury' Pushkinskogo Doma AN SSSR*, t. XXVII, pp. 284–320. Leningrad. (In Russian)
10. Stepanov, L. A. (1987). *Struktura komicheskikh mikrosyuzhetov v "Kapitanskoi dochke"* [The Structure of Comic Micro-Plots in "The Captain's Daughter"]. *Boldinskie chteniya*. Pp. 178–190. Gor'kii. (In Russian)
11. Agranovich, S. Z., Rassovskaya, L. P. (1990). *Istoki zhanrovoy struktury "Kapitanskoi dochki" A. S. Pushkina* [The Origins of the Genre Structure of "The Captain's Daughter" by A. S. Pushkin]. *Soderzhatel'nost'*

form v khudozhestvennoi literature. Pp. 31–45. Kuiby'shev. (In Russian)

12. Lesskis, G. A. (1993). *Pushkinskii put' v russkoi literature* [Pushkin's Path in Russian Literature]. 524 p. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)

13. Ivanitskii, A. I. (2016). *Poe'ziya Pushkina kak mifologiya povedeniya* [Pushkin's Poetry as a Mythology of Behavior]. 266 p. Moscow, izd. RGGU. (In Russian)

14. Savel'eva, V. A. (2013). *Khudozhestvennaya gipnologiya i oneiropoe'tika russkikh pisatelei* [Artistic

Hypnology and Oneiropoetics of Russian Writers]. 520 p. Almaty, Zhazushi. (In Russian)

15. Lyonnkvist, B. (2010). *Puteshestvie vglub' romana. Lev Tolstoi: Anna Karenina* [Journey into the Depths of the Novel. Leo Tolstoy: Anna Karenina]. 123 p. Moscow, Yazy'ki slavyanskoi kul'tury'. (In Russian)

16. Chumakov, Yu. N. (2008). *Pushkin. Tyutchev: opy't immanentny'kh rassmotrenii* [Pushkin. Tyutchev: An Experience of Immanent Considerations]. 495 p. Moscow, Yazy'ki slavyanskoi kul'tury'. (In Russian)

The article was submitted on 14.11.2024

Поступила в редакцию 14.11.2024

Иваницкий Александр Ильич,

доктор филологических наук,

Российский государственный гуманитарный университет,

125047, Россия, Москва,

Миусская пл., 6.

meisster@mail.ru

Ivanitskiy Alexander Il'ich,

Doctor of Philology,

Russian State University for Humanities,

6 Miusskaya Square,

Moscow, 125047, Russian Federation.

meisster@mail.ru

Нагина Ксения Алексеевна,

доктор филологических наук,

профессор,

Воронежский государственный университет,

394053, Россия, Воронеж,

Университетская площадь, 1.

k-nagina@yandex.ru

Nagina Ksenia Alexeevna,

Doctor of Philology,

Professor,

Voronezh State University,

1 University Square,

Voronezh, 394053, Russian Federation.

k-nagina@yandex.ru

УДК 821.161.1.09''1917/1991''

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-250-259

«ЖИЗНЬ ГОСПОДИНА ДЕ МОЛЬЕРА» В КОНТЕКСТЕ РАЗРАБОТКИ ТЕМЫ «ХУДОЖНИК И ВЛАСТЬ» В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

© Елена Колышева

“THE LIFE OF MR. DE MOLIERE” IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE THEME “ARTIST AND POWER” IN THE NOVEL “THE MASTER AND MARGARITA” BY M. BULGAKOV

Elena Kolysheva

In 1932–1933, M. Bulgakov simultaneously worked on a novel about Moliere for the series “Life of Remarkable People” and the second edition of his future novel “The Master and Margarita”. In our opinion, the creation of the images of King Louis XIV and Moliere had a tremendous impact on the formation of the theme “the artist and power” in the novel “The Master and Margarita”. This article is the first attempt to investigate the influence of the novel “The Life of Mr. de Moliere” on the development of the theme “the artist and power” in the novel “The Master and Margarita” based on the creative history and the textual analysis of the designated works. In our work, we rely on the system of the novel editions that we have found and its main text, reflecting the last creative will of the author to the fullest extent: the first (1928–1930), the second (1932–1936), the third (1936), the fourth (1937), the fifth (the last handwritten one, 1937–1938), the sixth (the final one, 1938–1940). For the first time, the fragments of the novel drafts about Moliere are introduced into the scientific circulation. The draft texts of the two novels are presented by means of dynamic transcription, which will make the process of the writer’s creation work visible and allow us to see the formation of the author’s conception. Graphic conventions are used for this purpose: 1) a piece of text crossed out by the writer – [text] (italics), 2) an insert during the writing process – text (bold font), 3) a later insert – {text} (bold font), 4) a later insert crossed out – {text} (italics and bold font), 5) a conjecture – <text> (italics), 6) reliability of the transmitted author’s text – <sic>, 7) the end of a page and the transition to the next one indicated by two straight vertical lines – ||. When quoting draft texts, we preserved the author’s spelling and punctuation.

Keywords: creative history, textual analysis, “The Life of Mr. de Moliere”, “The Master and Margarita”, theme “the artist and power”

В 1932–1933 г. М. А. Булгаков параллельно работает над романом о Мольере для серии «Жизнь замечательных людей» и второй редакцией будущего романа «Мастер и Маргарита». На наш взгляд, создание образов короля Людовика XIV и Мольера оказало колоссальное воздействие на становление темы «художник и власть» в романе «Мастер и Маргарита». В данной статье впервые предпринята попытка исследовать влияние романа «Жизнь господина де Мольера» на разработку темы «художник и власть» в романе «Мастер и Маргарита» на основе изучения истории текста и текстологического анализа обозначенных произведений. Мы опираемся на установленные нами систему редакций романа «Мастер и Маргарита» и его основной текст, максимально отражающий последнюю творческую волю писателя: первая (1928–1930), вторая (1932–1936), третья (1936), четвертая (1937), пятая (последняя рукописная, 1937–1938), шестая (окончательная, 1938–1940). Впервые в научный оборот вводятся фрагменты черновиков романа о Мольере. Текст черновиков двух романов передается методом динамической транскрипции, что позволит сделать зримым процесс писательской работы над произведением и увидеть становление авторского замысла. Для этого используются графические условные обозначения: 1) текст, вычеркнутый писателем, – [текст] (курсив), 2) вставка в процессе письма – текст (жирный шрифт), 3) более поздняя вставка – {текст} (жирный шрифт), 4) вычеркнутая вставка второго слоя – {текст} (курсив и жирный шрифт), 5) конъектура – <текст> (курсив), 6) достоверность передаваемого авторского текста – <sic>, 7) завершение страницы и переход к следующей обозначены двумя прямыми вертикальными чертами ||. При цитировании текста черновиков сохраняются авторская орфография и пунктуация.

Ключевые слова: история текста, текстологический анализ, «Жизнь господина де Мольера», «Мастер и Маргарита», тема «художник и власть»

Для цитирования: Колышева Е. «Жизнь господина де Мольера» в контексте разработки темы «художник и власть» в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 250–259. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-250-259

Введение

В письме к брату А. С. Нюренбергу Е. С. Булгаков пишет: «Он так досконально изучил мольеровское время, что мог бы о каждом, даже и проходном персонаже, рассказать всю биографию его» (13 февраля 1961) [1, л. 1 об.]. Стремясь достоверно изобразить эпоху Мольера, Булгаков через нее изобразил и свою эпоху, для которой диалог «художник и власть» не утратил своей актуальности. А. С. Симонян полагает: «Это не историческая хроника, а художественное произведение, где если и возникает переключка с нашими днями, то это происходит как бы невольно и нигде не в ущерб духу эпохи и стилю повествования» [2, с. 484].

Тема художника и власти является центральной в романе о Мольере. Основа этой темы заложена в пьесе «Кабала святош», открывающей собой мольериану Булгакова (1929). А. А. Грубин полагает, что, в отличие от своих современников – В. Э. Мейерхольда, стремившегося «<...> максимально усилить „разлад между королем и поэтом“ (на сцене „бился комедиантский темперамент Мольера вразрез с версальской чопорностью“) <...>», и А. Бенуа, демонстрировавшего «<...> гармонию Мольера с веком, давшим миру образец великой культуры», Булгаков старался показать «двойственность» и «социальный конформизм» Мольера [3, с. 148–149].

Масако Омори, рассматривая пьесу «Кабала святош», отмечает, что Булгаков приравнивает своего героя «<...> к Христу, гонимому священником на казнь» [4, с. 502]. Подтверждение параллели, проводимой между булгаковским Мольером и Христом, исследователь находит в том, что в романе о Мольере «<...> главный герой умирает в 33 главе – действие происходит в пятницу, что можно воспринимать как намек на его будущее спасение в воскресении» [Там же].

Образ мастера в романе Булгакова появляется во второй редакции – в связи с введением в него темы «художник и власть».

Во-первых, мы полагаем, что толчком к созданию во второй редакции романа образа мастера, находящегося в неволе, истории любви мастера и Маргариты, стали арест и ссылка Н. Р. Эрдмана [5], [6].

Во-вторых, в 1932–1933 г. Булгаков работал над романом о Мольере, и под влиянием размышлений о взаимоотношениях художника и власти, работы над образами Короля-Солнце и мастера – Мольера – в другом романе в это время, вместо образа филолога Феси первой редакции романа, появляется образ поэта – будущего мастера.

Булгаковым было создано две редакции романа о Мольере:

1) в первой редакции роман носил название «Биография Мольера» (название написано на обложке тетради черновиков и материалов к роману) [7], затем «Мольер. Жизнеописание» (названия написаны на обложках четырех тетрадей) (1932) [8], [9], [10], [11];

2) во второй редакции роман получил название «Мольер» (на титульном листе экземпляра машинописи с авторской правкой) (1933) [12].

М. О. Чудакова и Л. М. Яновская рассматривают взаимосвязь творческой истории романа «Мастер и Маргарита» и пьесы «Кабала святош» [13, с. 427–428], [14, с. 197].

Тесная связь между произведениями Булгакова обусловлена особенностями его творчества и стиля, такими как «проявление константных отношений, обнаруживающихся между героями» [13, с. 428], и использование готовых «сюжетно-повествовательных блоков», «устойчивых повествовательных ходов» [15, с. 410–411].

Параллельная работа над романом о Мольере оказала колоссальное влияние на роман «Мастер и Маргарита». В данной статье впервые предпринята попытка исследовать влияние романа о Мольере на разработку темы «художник и власть» в романе «Мастер и Маргарита» на основе текстологического анализа всего корпуса черновиков данных произведений.

Результаты исследования

Роман Булгакова о Мольере представляет собой его «жизнеописание», но в романе два героя – Мольер и король: «Те два человека, за жизнью которых я слежу, король Франции и директор труппы Пале-Руаяля <...>» [12, л. 158]. «Король и Мольер» – так Булгаков планировал назвать одну из глав романа о великом французском драматурге. Это название фигурирует в

черновиках романа первой редакции (1932) [8, л. 29].

Движение текста от первой ко второй редакции демонстрирует, что Булгаков тщательно выстраивал образ Людовика XIV. Этот образ норвил занять главенствующее положение в романе, как видно в этом фрагменте – вычеркнутом в процессе письма предложении: «Следующее дитя родилось в 1638 году и это дитя было законное и родилось оно при пушечных салютах и при оповещении всей Франции об этом рождении. Это дитя было Людовик XIV, будущий король Франции и Наварры, он же Людовик Великий, он же Король-Солнце. [Согласитесь сами, что все события после этого не имеют для нас особенного значения]» [9, л. 35 об.]

В связи с этим важно обратить внимание на ту позицию, которую занимает король в афише пьесы «Кабала святош», с создания которой в 1929 г. началась мольериана в творчестве Булгакова. В первой редакции пьесы «Людовик XIV, король Франции» / «ЛЮДОВИК ВЕЛИКИЙ, король Франции» занимает первую позицию [16, с. 259], во второй редакции монарх уступает ее Мольеру [16, с. 27].

Рассмотрим элементы, составляющие портрет короля в романе о Мольере.

Таблица 1

Сопоставление фрагмента первой и второй редакций романа М. А. Булгакова о Мольере

Первая редакция	Вторая редакция
«И в первом ряду в кресле увидел в прорезах занавеса директор шляпу с перьями, от которой похолодел, гордый нос, холодные глаза. В кресле сидел двадцатилетний Людовик XIV ^{ый} . [Рядом] он мог разглядеть только одного [– грузную фигуру королевы-матери] {королевского брата и принца Конде (посмотреть портрет), а грузная Королева, говорят, была в ложе}, а в дальнейшем он ослеп» [9, л. 70 об.].	«А впереди всех, в кресле, рядом с Филиппом Французским, сидел молодой двадцатилетний человек, при виде которого у директора трупы совершенно [поledenело] {похолодело} сердце. Этот человек, один среди всех, сидел, не сняв своей шляпы. В тумане дыханий Мольер успел рассмотреть, что у молодого человека надменное лицо с немигающими глазами и капризно выпяченной нижней губой» [12, л. 74–75]. <i>Правка Е. С. Булгаковой фиолетовыми чернилами</i>

Во второй редакции Булгаков меняет детали портрета «гордый нос» – «надменное лицо»,

«холодные» – «немигающие» глаза. Эта особенность взгляда короля, найденная во второй редакции, повторяется еще раз: «– Я призвал вас, господа, – сказал молодой король, не мигая глядя на министров <...>» [12, л. 109]. Только такой взгляд может быть у правителя, вылитого из стали – во второй же редакции появляется яркая характеристика образа: «Людовик, повторяю, помнил, что было во время Фронды, и держал гран[д]-сеньёров в своих стальных руках» [12, л. 113]. Эти правки обусловлены тем, что Булгаков стремился показать выдержку Людовика XIV. Обратимся к другому эпизоду романа: «Король был молод, но он был холоден и умен. [И ледяными глазами он] {И спокойно} смотрел, как Кольбер, досконально разобравшийся в делах министерства, демонстрировал ему ведомости фальшивые и ведомости настоящие» (правка Е. С. Булгаковой фиолетовыми чернилами) [12, л. 112]. Слова «холодный», «ледяной», «стальной», «немигающий», «не мигая», «спокойно» оказываются в одном ряду, работая на создание образа монарха, обладающего «колоссальной» силой волей и сумевшего полностью подчинить ей свое окружение. В этом отношении целесообразно сравнить предложение из первой и второй редакций – именно эпитет «колоссальный» добавляет Булгаков, оттачивая описание выдержки короля.

Таблица 2

Сопоставление фрагмента первой и второй редакций романа М. А. Булгакова о Мольере

Первая редакция	Вторая редакция
«Выдержка молодо Людовика поразительна. Николя Фуке прожил благополучно весь август [10, л. 52].	«Людовик даже в молодости отличался колоссальной выдержкой, поэтому Николай Фуке весь август прожил благополучно» [12, л. 115].

Во второй редакции Булгаков добавляет еще одну деталь портрета Людовика – «капризно выпяченная нижняя губа». Примечательно, что эту деталь Булгаков впоследствии использует для создания портрета императора в романе «Мастер и Маргарита».

Таблица 3

Сопоставление фрагмента первой, третьей и пятой редакций романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Первая редакция (1929–1930)	Третья редакция (1936)	Пятая редакция (1937–1938)
«В потемневшем дне по	«<...> на лысой голове,	«На этой плешивой го-

залу проплыло старческое обрюзгшее беззубое лицо, бритое, с сифилитической болячкой разъедавшей кость на желтом лбу, с золотым редкозубым венцом на плешивой голове» [17, т. 1, с. 55–56].	криво надетый, сидел редкозубый венец; на лбу – смазанная свиным салом с какой-то специей разъедавшая кожу и кость круглая язва; рот беззубый, нижняя губа отвисла» [17, т. 1, с. 380–381].	лове, сидел редкозубый золотой венец; на лбу [была] круглая язва, разъедающая покровы и смазанная мазью; [<i><p></i>] запавший, беззубый рот с отвисшей нижней капризной губой» [17, т. 1, с. 508–509].

В первой редакции романа «Мастер и Маргарита» данная деталь отсутствует, Булгаков вводит ее на следующем этапе работы над этой главой – в третьей редакции – «нижняя губа отвисла», в пятой же редакции (практически полностью повторившейся в шестой, за исключением: «разъедающая кожу», «капризную губой») меняет глагол на причастие «отвисшей» и добавляет эпитет «капризной», тем самым повторяя повествовательный ход из романа о Мольере, что связывает образы короля и императора двух произведений. Между тем как образ Людовика в пьесе «Кабала святош» оказывается близок образу Понтия Пилата – оба героя подчиняются власти императора и священников.

Описание короля в романе о Мольере отличается его окружение. В первой редакции Булгаков вписывает в эту картину образы брата короля, королевь-матери и принца Конде. Во второй же редакции Булгаков стирает с полотна эти образы и вводит деталь «один среди всех» – король велик настолько, что никого рядом с ним Мольер просто не замечает.

Величие образа короля второй редакции подчеркивается также ремаркой «не сняв своей шляпы», появление которой здесь связано с размышлениями автора в начале романа.

Таблица 4

Сопоставление фрагмента первой и второй редакций романа М. А. Булгакова о Мольере

Первая редакция	Вторая редакция
«Словом он не входил, шляпы уж ни в коем случае ни перед кем не снимал и о бессмертии Мольера не говорил» [8, л. 5 об.] (глава I [<i>Обезьяний дом</i>] { Что нужно рассказать по-	«Тот, кто правил землей, шляпы ни перед кем никогда, кроме как перед дамами [<i>никогда</i>] [правка в процессе печати. – Е. К.] не снимал, и к умирающему Мольеру [<i>он</i>] [прав-

вивальной бабке. } [8, л. 2)].	ка фиолетовыми чернилами. – Е. К.] не пришел бы» [12, л. 6] (пролог «Я разговариваю с акушеркой» [12, л. 1]).

Верность мысли о том, что король шляпы ни перед кем не снимал, обуславливает также правку в конце романа второй редакции – писатель убирает целое предложение (правка Е. С. Булгаковой фиолетовыми чернилами), нарушающее замысел образа: «Но верный кюрэ не покинул ее, и они оказались в Сен-Жермене в королевском дворце. Тут Арманду ждала удача. Король ее принял немедленно, и ее ввели в зал, где он, стоя у стола, дожидался ее. [*Приподняв шляпу, [он] {Коро} поклонился Арманде.*] Та не стала ничего говорить, а сразу стала на колени и заплакала» [12, л. 198].

В отношении создания образа королевской власти целесообразно обратить внимание на правку Булгакова в написании имени короля. В машинописном тексте романа второй редакции в прологе «Я разговариваю с акушеркой» внесена следующая правка рукой Булгакова фиолетовыми чернилами: «– Что понимаете вы под словом – знатный? Этот младенец станет более известен, чем ныне царствующий король ваш Людовик XIII, он станет более знаменит, чем следующий король, а этого короля, сударыня, назовут Людовик[ом] Велики[м]{ий} или Корол[ем]{ь}-Солнце!» [12, л. 2]. Выбор формы именительного падежа имени направлен на создание величественного образа короля.

Вторая редакция характеризуется стремлением создать величественный образ монарха, символизирующего собой абсолютную власть. Так, если в первой редакции в картине восшествия на престол дается краткая характеристика короля – «жестокий и решительный, завоеватель», то во второй редакции эту картину Булгаков разворачивает – читатель становится свидетелем встречи короля с министрами, которая дается как его монолог.

Таблица 5

Сопоставление фрагмента первой и второй редакций романа М. А. Булгакова о Мольере

Первая редакция	Вторая редакция
«В марте 1661 года умер кардинал Мазарини и великий король Людовик XIV вступил в управление Францией. Вступил король	«Большое событие произошло в начале 1661-го года. Кардинал Мазарини 9-го марта скончался, а на следующий же день двадцатитрехлетний ко-

жестокий и решительный, завоеватель с тем, чтобы довести жизнь до величайшей пышности, а затем к концу жизни разорить свое царство» [10, л. 45–45 об.].	роль Людовик XIV совершенно оглушил министров. – Я призвал вас, господа, – сказал молодой король, не мигая глядя на министров, – для того, чтобы сказать вам, что настала пора мне самостоятельно управлять государством. Вы будете помогать мне советами, но лишь в тех случаях, когда я вас буду спрашивать. Отныне я запрещаю подписывать без моего приказа какую бы то ни было бумагу, будь это хоть самый незначительный паспорт. Вы ежедневно лично будете давать мне отчет в вашей работе!» [12, л. 109].

Вторая редакция характеризуется созданием не просто образа величественного монарха, но Короля-Солнце. Центральным в создании этого образа является эпизод «майских празднеств в Версале». Эти празднества проходили 7–14 мая 1664 г. и носили название «Забавы Волшебного острова». Для эпохи правления Людовика XIV это событие имело знаковое значение, так как было «первым масштабным празднеством, организованным в Версале, а точнее, в Версальском парке. Людовик пригласил всего 600 гостей-придворных. Так он хотел выделить тех, к кому был больше расположен <...>» [18, с. 30]. Приведем текст черновики, демонстрирующих динамику становления этого эпизода в романе о Мольере, полностью.

1. Рабочие записи Булгакова 1932 г. «1664 год. Майские празднества в Версале **начались 7-го мая**. Что это за шествие на тему „Неистового Роланда“ Ариосто? Словом в шествии участвовал Король: сбруя на коне с золотом, панцирь в алмазах, за ним группы музыкантов, колесница с богом Аполлоном, двенадцать знаков зодиака. Ла-Гранж Мольер в костюме Пана. Празднества назывались „Утехи очарованного острова“» [9, л. 81 об.].

2. Первая редакция романа, «Глава XXII. Королевский кум. Кум египтянина» [10, л. 69 об.].

«Никаким пером нельзя описать зрелища Версаля [7-го мая] в начале мая.

По громадной аллее между стриженной зелени двигался кортеж. Впереди его верхом на лошади ехал король. || Весенние лучи били прямо и нужно было жмурить глаза, чтобы не ослепнуть. Сбруя коня горела золотом. На панцире и шлеме короля горели алмазы. Перья развевались на шлемах конвоя и кони **тысячные кавалерийск<ие>** танцовали.

Шли оркестры и трубы кричали так, что слышно было [*пожал*] чуть не в Париже.

Среди оркестров ехала колесница. На одной из них возвышался загримированный бог Аполлон он же актер Ла-Гранж. Далее ехали двенадцать знаков зодиака. А далее [*ехал*] виден был на колеснице в виде бога лесов Пана с козлиными ногами и рогами главный актер труппы Пале-Рояля г. де-Мольер. **Ехали и шли костюмированные рыцари, негры и нимфы.**» [10, л. 74 об. –75]

3. Вторая редакция романа.

«По необозримой аллее, меж стен стриженной зелени, двигался кортеж, и в голове [опубликовано „во главе“. – Е. К.] его верхом на коне ехал король Франции. Весенние лучи били прямо в панцирь королю, и можно было ослепнуть, возведя на короля взор. Сбруя на коне горела золотом, на шляпе короля сверкали алмазы. На шлемах конвоя развевались перья, и танцовали под конвоем кровные кавалерийские лошади.

Шли оркестры, и трубы в них кричали так оглушительно, что, казалось, будто бы слышно за двадцать километров, в Париже. Между хорами музыки ехали колесницы, и на одной из них возвышался загримированный богом Аполлоном – Шарль Варлэ де Ла Гранж. На следующих колесницах ехали актеры, одетые в костюмы знаков Созвездий Зодиака. Шли и ехали костюмированные рыцари, негры и нимфы. И виден был среди них, на колеснице, бог лесов Пан с козлиными ногами, которого изображал господин де Мольер» [12, л. 139].

Динамика становления текста эпизода версальского торжества от рабочих записей до второй редакции романа демонстрирует, что Булгаков стремился создать образ Короля-Солнце, поставив солнце на службу королю, – каждая деталь в этом эпизоде пронизана солнечными лучами, и каждая работает на создание портрета монарха, которому покровительствует сам бог солнца Аполлон, сопровождающий его в колеснице.

Таблица 6

Сопоставление эпизода «майских празднеств в Версале» в рабочих записях М. А. Булгакова 1932 г., первой и второй редакциях романа о Мольере

Рабочие записи Булгакова 1932 г.	Первая редакция	Вторая редакция
«Словом в шествии участвовал Король»	«Впереди его верхом на лошади ехал король».	«в голове его верхом на коне ехал король Франции»
	«Весенние лучи били прямо и нужно было жмурить глаза, чтобы не ослепнуть».	«Весенние лучи били прямо в панцирь королю, и можно было ослепнуть, возведя на короля взор».
«сбруя на коне с золотом»	«Сбруя коня горела золотом».	«Сбруя на коне горела золотом»
«панцирь в алмазах»	«На панцире и шлеме короля горели алмазы».	«на шляпе короля сверкали алмазы»
«колесница с богом Аполлоном»	«загримированный бог Аполлон»	«загримированный богом Аполлоном»

Во второй редакции подчеркивается главенствующая позиция короля – он едет «в голове» кортежа. Лучи солнца Булгаков направляет именно в панцирь короля – теперь ослепнуть можно не от солнца как такого, но от короля, «возведя на него взор».

И если в этом эпизоде король соседствует с Аполлоном, то в эпизоде представления комедии-балета «Блистательные возлюбленные» Людовик сам становится богом солнца. Приводимый далее фрагмент из второй редакции с большим количеством правки (фиолетовыми чернилами рукою Е. С. Булгаковой) позволяет увидеть, как тщательно Булгаков работал над созданием не просто величественного, но божественного образа монарха.

Таблица 7

Сопоставление фрагмента первой и второй редакций романа М. А. Булгакова о Мольере

Первая редакция	Вторая редакция
«Под музыку и стук жемчужных раковин явился морской бог	«Под грохот труб и стук жемчужных раковин

Нептун и был он никто иной как сам король Людовик XIV-й.

Затем он переодевался и в последней интермедии в грохоте труб и в пылании бенгальских огней являлся как бог солнца Аполлон. И танцевал...» [10, л. 88 об.] (глава XXIX «Египтянин превращается в [Аполлона] **Нептуна** затем в **Аполлона**, [а затем] в **Людовика навсегда**» [10, л. 87 об.]

подн[имался]{ялся} из морской пучины бог Нептун, и все узнали в нем короля Франции, Людовика XIV. Затем, по ходу дивертисмента, король переоде[ва]лся, и в последней интермедии, [опять-таки в реве труб,] в освещении бенгальским огнем, яв[ля]{и}лся, как бог солнца Аполлон. Бог Аполлон танцевал, [при криках восторга] {под восторженный шепот} придворных.

Все шло очень гладко и, казалось, что и в следующие дни увеселений не умолкнет [восторженный] хор, восхваляющий короля <...>» [12, л. 173].

В пьесе «Кабала святош» в обеих редакциях король сравнивается с золотым идолом с изумрудными глазами [16, с. 57, 290]. В романе же божество солнца является лично, вместо своего бездушного представителя – идола. Тем самым образ солнца прочно связывается с образом короля, более того, оно уравнивается с ним – солнце есть король, что обусловлено не только исторической достоверностью (в романе изображается монарх, в реальности называемый Король-Солнце и намеренно использовавший этот символ для создания собственного образа), но также и традиционная трактовка солнца как символа власти. «Как наиболее яркое из всех небесных тел, солнце – эмблема королевского величия и имперского блеска» [19]. Людовик XIV с юности работал над созданием своего «положительного общественного образа, центральным персонажем-символом которого стало Солнце (или Аполлон)» [18, с. 227].

Создаваемый на страницах романа Булгакова о Мольере образ Людовика Великого, Короля-солнце, неизбежно опалил и страницы другого романа, в котором герой теперь пишет роман о Пилате и Иешуа Га-Ноцри. Если в черновиках 1931–1932 г. образ мастера только намечается, то 29 октября 1933 г. Булгаков вводит его в роман, то есть в период работы над второй его редакцией.

Роман о Мольере и роман о Пилате были настолько связаны в тот период в сознании Булга-

кова, что он планировал назвать первый «Всадник де-Мольер» в 1932 г.

«Примерная разбивка на главы.

Всадник де-Мольер [подчеркнуто Булгаковым двумя линиями. – Е. К.]

Полное описание жизни Жана Баптиста Поклена де Мольера с присовокуплением некоторых размышлений о драматургии» [8, л. 59].

Важно также отметить, что в первой редакции пьесы «Кабала святош» герой именовался «ЖАН-БАТИСТ ПОКЛЕН, всадник де Мольер» [16, с. 259].

Это наименование подчеркивает связь образов Мольера и Пилата. С одной стороны, можно сделать вывод, что повествование о Пилате и Иешуа Га-Ноцри повлияло на пьесу и роман о Мольере, так как было создано раньше – в первой редакции во втором варианте главы, где уже используется существительное «всадник» как обращение к Пилату: 1) в вычеркнутом фрагменте: «– Знаю тебя **всадник** Понтий, – сказал Каафа, – **много беды принесешь ты бедному еврейскому народу, но вовсе не погубишь его.** только неосторожен ты...»; «– Уйду, всадник, если ты еще одно слово оскорбительное произнесешь и не выйду на лифостротон, – и стал Каафа бледен как мрамор» [17, т. 1, с. 60], 2) в заменившей его вставке: «– Если ты еще хоть одно слово оскорбительное произнесешь, всадник, – трясущимися белыми губами откликнулся Каафа, – уйду, не выйду на гаввефу!» [17, т. 1, с. 61]. Использовалось ли это обращение в первом варианте главы установить трудно, так как листы с текстом сильно повреждены [20, л. 27–31] – вырезаны ножницами, сохранились только корешки с фрагментами букв и слов. Но мы полагаем, что не использовалось, так как в первом варианте главы эпизода встречи Пилата и Каифы не было – судя по следующему сохранившемуся фрагменту текста, Пилат получил ответ Каифы в письменной форме:

«Ответ пришел и
которых только, пр
суд над самозванце<и>
у лизостротона,
Ответ был корот
Свидетельствуя сво
славя цезаря довер
<прав>ление Иудеей
о выпуске сына <А>» [20, л. 32]

При этом сама форма наименования, построенная на использовании сочетания имени собственного и имени нарицательного «всадник» и носящая официальный, торжественный оттенок, уподобляющий имя титулу, в романе «Мастер и Маргарита» появляется только в пятой (послед-

ней рукописной) редакции (1937–1938): «– Нет, – сказал Пилат, – это не оттого, что душно, а оттого, что мне стало тесно с тобою, Каафа, – и, сузив глаза, Пилат улыбнулся и добавил: – побереги себя, Каафа! [*Это я тебе говорю – Пилат Понтийский! Я – всадник Золотое Копье!*]» [17, т. 1, с. 514].

Эта особенность наименования подчеркивается в первой редакции пьесы «Кабала святош» – 1) в докладе камердинера королю: «Жан-Батист, всадник де Мольер просит разрешения» [16, с. 271]; 2) в словах святош: «Дворянин, в высокой степени сомнительный. Присвоил он себе титул всадника, фамилию де Мольер» [16, с. 282].

Выше мы писали о том, что в обеих редакциях пьесы «Кабала святош» король сравнивается с золотым идиолом. Важно обратить внимание, в каком контексте появляется этот образ – в контексте болезненного видения Мольера.

Таблица 8

Сопоставление фрагмента первой и второй редакций пьесы М. А. Булгакова «Кабала святош»

Первая редакция	Вторая редакция
«Видел сегодня – золотой идол. Изумрудные глаза. О, что это за человек, Бутон...» [16, с. 290]	«Золотой идол, а глаза, веришь ли, изумрудные. Руки у меня покрылись холодным потом. Поплыло все косяком, все боком, и соображаю только одно, что он меня давит! Идол!» [16, с. 57]

И в этом отношении образ Мольера сближается с образом Пилата, которому в момент получения доноса Иуды является видение императора, власти которого он противостоять так и не смог.

Видение Пилата Булгаков создает уже в первой редакции – во втором варианте главы: «Пилат взвел глаза на арестованного, но увидел не его лицо, а лицо другое» [17, т. 1, с. 55]. Но это видение здесь еще не связывается с влиянием солнца, напротив, подчеркивается его отсутствие: «В потемневшем дне по залу проплыло старческое обрюзгшее **беззубое** лицо, бритое, с сифилитической болячкой **разъедавшей кость** на желтом лбу, с золотым **редкозубым** венцом на плешиной голове» [17, т. 1, с. 55–56]. Более того, на этом этапе работы солнце в контексте создания образа Пилата не связывается с угрозой, напротив, символизирует радость жизни: «Солнце зашло в душе Пилата, день || померк» [17, т. 1, с. 56].

На следующем же этапе работы над главой – в третьей редакции – видение Пилата связывается именно с возрастающей силой солнца: «Тут с Пилатом произошло что-то странное. Виноват ли был в этом усиливающийся зной, били ли ему в глаза лучи, отражавшиеся от белых колонн балкона, только ему померещилось, что лицо арестанта исчезло и заменилось другим <...>» [17, т. 1, с. 380–381].

История текста романа «Мастер и Маргарита» демонстрирует, что, начиная с третьей редакции (1936), то есть после создания романа о Мольере, Булгаков использует образ солнца не только для реалистического изображения действительности, но для создания символа власти, подчиняющего себе Понтия Пилата и губящего Иешуа Га-Ноцри [21], [22].

Выводы

Творческая история романа Булгакова «Мастер и Маргарита» демонстрирует, что тема «художник и власть» входит в него под влиянием размышлений в связи с работой над романом о Мольере.

Если в пьесе «Кабала святош» король становится жертвой кабалы и является связанным с образом Пилата, то в романе о Мольере он является собой символ государственной власти и оказывается связанным с образом императора в романе «Мастер и Маргарита».

Тема «художник и власть» в романе «Мастер и Маргарита», по сути, раскрывается не напрямую через образ мастера – мы видим результат того, что власть с мастером сделала, но через образ героя, которого он создает, – Понтия Пилата: именно в контексте этого образа мы видим процесс взаимоотношений героя с властью – попытки противостояния власти и ломки ею героя.

Тема «художник и власть» является одной из основных не только в романе Булгакова «Мастер и Маргарита», но во всем его творчестве. Е. С. Булгакова в письме к П. А. Маркову четко сформулировала значение этой темы: «Это трагическая тема Булгакова – Художника в столкновении все равно с кем – с Людовиком ли, с кабалой, с Николаем или с режиссером» (15 ноября 1965) [23, л. 1].

Список источников

1. Булгакова Е. С. Письма к Нюренбергу, Александру Сергеевичу. 1961–1963. Москва. Машинописные отпуски. 14 п. 15 лл. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 33. Ед. хр. 19.
2. Симонян А. С. «Мольер» В. Зотова и «Жизнь господина де Мольера» М. Булгакова: рецепция сюжета // М. А. Булгаков. Русская и национальная лите-

ратуры: Материалы международной научно-практической конференции. Ереван: «Антарес», 2017. С. 480–485.

3. Грубин А. О некоторых источниках пьесы М. Булгакова «Кабала святош» («Мольер») // М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени: Сб. ст. / Сост. А. Нинов; науч. ред. В. Гудкова. М.: Союз театр. деятелей РСФСР, 1988. С. 140–153.

4. Масако Омори. Булгаков и Мольер в советском идеологическом контексте 1920–1930-х годов // Михаил Булгаков, его время и мы: коллективная монография под редакцией Гжегоша Пшебинды и Януша Свежего. Краков: Институт восточнославянской филологии Ягеллонского университета, 2012. С. 497–504.

5. Колышева Е. Ю. Н. Р. Эрдман и роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1933–1934) (статья 1) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2024. № 4. С. 116–122.

6. Колышева Е. Ю. Н. Р. Эрдман и роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1934–1940) (статья 2) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2024. № 5(2). С. 44–51.

7. Булгаков М. А. «Биография Мольера» – материалы к роману «Жизнь господина де Мольера». [1932] Автограф. 34 лл. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 4.

8. Булгаков М. А. [«Жизнь господина де Мольера»] «Мольер. Жизнеописание. Тетрадь I» – материалы к роману и главы 1 и 2 первоначальной редакции. 1932. Москва. Автограф. 70 лл. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 5.

9. Булгаков М. А. [«Жизнь господина де Мольера»] «Мольер. Жизнеописание. Тетрадь II» – материалы к роману и продолжение первоначальной редакции (гл. [3]–[11]). 1932. Москва. Автограф и рукою Л. Е. Белозерской. 188 с. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 6.

10. Булгаков М. А. [«Жизнь господина де Мольера»] гл. 11–30 первоначальной редакции романа [1932] Автограф; частично рукою Л. Е. Белозерской и Е. С. Булгаковой. 92 л. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 7.

11. Булгаков М. А. [«Жизнь господина де Мольера»] «Де-Мольер. Жизнеописание. Тетрадь IV» – материалы к роману. 1932. Автограф и рукою Е. С. Булгаковой. 55 л. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 8.

12. Булгаков М. А. [«Жизнь господина де Мольера»] «Мольер» – роман. Вторая редакция. [1933] Машинопись с авторской правкой и подписью автографом. 202 лл. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 4. Ед. хр. 1.

13. Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2023. 832 с.

14. Яновская Л. М. Творческий путь Михаила Булгакова. М.: «Советский писатель», 1983. 320 с.

15. Чудакова М. О. Новые работы: 2003–2006. М.: Время, 2007. 560 с.

16. Булгаков М. А. Пьесы 1930-х годов / Театральное наследие. СПб.: Искусство – СПб, 1994. 671 с.

17. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Полное собрание черновиков романа. Основной текст. В 2 т. / Сост., текстол. подгот., публикатор, авт. предисл., коммент. Е. Ю. Колышева. М.: Пашков дом, 2014. Т. 1. 840 с. Т. 2. 816 с.

18. Сидоренко М. А. Король танцует: Политический театр королевской власти Франции при Людовике XIV. СПб.: Наука, 2019. 281 с.

19. Тресиддер Дж. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с. URL: https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slover_sim/ (дата обращения: 03.06.2024).

20. Булгаков М. А. [«Мастер и Маргарита»] «Сын...», «<Гастроль...>», «<П[одкова иностранца?]>», «<Черный маг>» – роман (с вариантами названия). Первая редакция (главы 1 – начало 15-й). 1928(?) – начало 1929. Автограф карандашом и чернилами. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 6. Ед. хр. 1. 180 лл.

21. Колышева Е. Ю. Солярное пространство в истории текста романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (часть 1) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2023. № 5. С. 71–77.

22. Колышева Е. Ю. Солярное пространство в истории текста романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (часть 2) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2023. № 6. С. 125–131.

23. Булгакова Е. С. Письмо к Маркову П. А. 1965 г., ноябрь 15. М. – М. Автограф. 2 л. Музей МХАТ. М.П.А. № 286.

References

1. Bulgakova, E. S. *Pis'ma k Nyurenbergu, Aleksandru Sergeevichu* [Letters to Nuremberg, Alexander Sergeevich]. 1961–1963. Moskva. Mashinopisnye otpuski. 14 p. 15 ll. NIOR RGB. F. 562. K. 33. Ed. hr. 19. (In Russian)

2. Simonyan, A. S. (2017). “*Mol'era*” V. Zotova i “*Zhizn' gospodina de Mol'era*” M. Bulgakova: *retseptsiya syuzheta* [“Moliere” by V. Zotov and “The Life of Mr. de Moliere” by M. Bulgakov: Reception of the Plot]. M. A. Bulgakov. *Russkaya i natsional'naya literatura: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, pp. 480–485. Erevan, “Antares”. (In Russian)

3. Grubin, A. (1988). *O nekotorykh istochnikakh p'esy M. Bulgakova “Kabala svyatosh” (“Mol'era”)* [About Some Sources of M. Bulgakov's Play “The Cabal of the Saint” (“Moliere”)]. M. A. Bulgakov-dramaturg i khudozhestvennaya kul'tura ego vremeni: Sb. st. Sost. A. Ninov; nauch. red. V. Gudkova. Pp. 140–153. Moscow, Soyuz teatr. deyateli RSFSR. (In Russian)

4. Masako Otori. (2012). *Bulgakov i Mol'era v sovetskom ideologicheskom kontekste 1920–1930-kh godov* [Bulgakov and Moliere in the Soviet Ideological Context of the 1920s and 1930s]. Mikhail Bulgakov, ego vremya i my: kollektivnaya monografiya pod redaktsiei Gzhegosha Pshebindy i Yanusha Svezhego. Pp. 497–504. Krakov, Institut vostochnoslavianskoi filologii Yagellonskogo universiteta. (In Russian)

5. Kolysheva, E. Yu. (2024). *N. R. Erdman i roman M. A. Bulgakova “Master i Margarita” (1933–1934)*

(*stat'ya 1*) [N. R. Erdman and M. A. Bulgakov's Novel “The Master and Margarita” (1933–1934) (Article 1)]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*. No. 4, pp. 116–122. (In Russian)

6. Kolysheva, E. Yu. (2024). *N. R. Erdman i roman M. A. Bulgakova “Master i Margarita” (1934–1940) (stat'ya 2)* [N. R. Erdman and M. A. Bulgakov's Novel “The Master and Margarita” (1934–1940) (Article 2)]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*. No. 5, pp. 44–51. (In Russian)

7. Bulgakov, M. A. (1932). “*Biografiya Mol'era*” – *materialy k romanu “Zhizn' gospodina de Mol'era”* [“Biography of Moliere” – Materials for the Novel “The Life of Mr. de Moliere”]. *Avtograf*. 34 ll. NIOR RGB. F. 562. K. 3. Ed. hr. 4. (In Russian)

8. Bulgakov, M. A. (1932). “*Zhizn' gospodina de Mol'era*”. “*Mol'era. Zhizneopisanie. Tetradi I*” – *materialy k romanu i glavy 1 i 2 pervonachal'noi redaktsii* [“The Life of Mr. de Moliere”. “Moliere. Biography. Notebook I” – Materials for the Novel and Chapters 1 and 2 of the Original Edition]. Moscow. *Avtograf*. 70 ll. NIOR RGB. F. 562. K. 3. Ed. hr. 5. (In Russian)

9. Bulgakov, M. A. (1932). “*Zhizn' gospodina de Mol'era*”. “*Mol'era. Zhizneopisanie. Tetradi II*” – *materialy k romanu i prodolzhenie pervonachal'noi redaktsii (gl. 3–11)* [“The Life of Mr. de Moliere”. “Moliere. Biography. Notebook II” – Materials for the Novel and Continuation of the Original Edition (Ch. 3–11)]. Moscow. *Avtograf i rukoyu L. E. Belozerskoi*. 188 p. NIOR RGB. F. 562. K. 3. Ed. hr. 6. (In Russian)

10. Bulgakov, M. A. (1932). “*Zhizn' gospodina de Mol'era*”. *Gl. 11–30 pervonachal'noi redaktsii romana* [“The Life of Mr. de Moliere”. Ch. 11–30 of the Original Edition of the Novel]. *Avtograf; chastichno rukoyu L. E. Belozerskoi i E. S. Bulgakovoi*. 92 l. NIOR RGB. F. 562. K. 3. Ed. hr. 7. (In Russian)

11. Bulgakov, M. A. (1932). “*Zhizn' gospodina de Mol'era*”. “*De-Mol'era. Zhizneopisanie. Tetradi IV*” – *materialy k romanu* [“The Life of Mr. de Moliere”. “De Moliere. Biography. Notebook IV” – Materials for the Novel]. *Avtograf i rukoyu E. S. Bulgakovoi*. 55 l. NIOR RGB. F. 562. K. 3. Ed. hr. 8. (In Russian)

12. Bulgakov, M. A. (1933). “*Zhizn' gospodina de Mol'era*”. “*Mol'era*” – *roman. Vtoraya redaktsiya* [“The Life of Mr. de Moliere”. “Moliere” as a Novel. Second Edition]. *Mashinopis' s avtorskoj pravkoj i podpis'yavtografom*. 202 ll. NIOR RGB. F. 562. K. 4. Ed. hr. 1. (In Russian)

13. Chudakova, M. (2023). *Zhizneopisanie Mihaila Bulgakova* [Biography of Mikhail Bulgakov]. 832 p. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus. (In Russian)

14. Yanovskaya, L. M. (1983). *Tvorcheskii put' Mihaila Bulgakova* [The Creative Path of Mikhail Bulgakov]. 320 p. Moscow, “Sovetskii pisatel”. (In Russian)

15. Chudakova, M. O. (2007). *Novye raboty: 2003–2006* [The New Works: 2003–2006]. 560 p. Moscow, Vremya. (In Russian)

16. Bulgakov, M. A. (1994). *P'esy 1930-kh godov* [Plays of the 1930s]. *Teatral'noe nasledie*. 671 p. St. Petersburg, Iskustvo – SPB. (In Russian)

17. Bulgakov, M. A. (2014). *Master i Margarita. Polnoe sobranie chernovikov romana. Osnovnoi tekst. V 2 t.* [The Master and Margarita. Complete Drafts of the Novel. The Main Text. In 2 Vols.]. Sost., tekstol. podgot., publikator, avt. predisl., komment. E. Yu. Kolysheva. Tom 1. 840 p. Tom 2. 816 p. Moscow, Pashkov dom. (In Russian)

18. Sidorenko, M. A. (2019). *Korol' tantsuet: Politicheskii teatr korolevskoi vlasti Frantsii pri Lyudovike XIV* [King Dances: The Political Theatre of France's Royalty under Louis XIV]. 281 p. St. Petersburg, Nauka. (In Russian)

19. Tresidder, Dzh. (1999). *Slovar' simvolov* [Dictionary of Symbols]. Per. s angl. S. Pal'ko. 448 p. Moscow, FAIR-PRESS. URL: https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/ (accessed: 03.06.2024). (In Russian)

20. Bulgakov, M. A. (1928(?) – nachalo 1929). “*Master i Margarita*” “*Syn...*”, “*<Gastrol'...>*”, “*<P(odkova inostrantsa?)>*”, “*<Chernyj mag>*” – *roman (s variantami nazvaniya). Pervaya redaktsiya (glavy 1 – nachalo 15-i)* [“The Master and Margarita”, “Son...”,

“*<Tour...>*”, “*<H(orseshoe of a Foreigner?)>*”, “*<The Black Magician>*” – a Novel (with variants of the name). First edition (Chapters 1 – the beginning of the 15th). Avtograf karandashom i chernilami. NIOR RGB. F. 562. K. 6. Ed. hr. 1. 180 ll. (In Russian)

21. Kolysheva, E. Yu. (2023). *Solyarnoe prostranstvo v istorii teksta romana M. A. Bulgakova “Master i Margarita” (chast' 1)* [The Solar Space in the History of the Text of M. A. Bulgakov's Novel “The Master and Margarita” (Part 1)]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*. No. 5, pp. 71–77. (In Russian)

22. Kolysheva, E. Yu. (2023). *Solyarnoe prostranstvo v istorii teksta romana M. A. Bulgakova “Master i Margarita” (chast' 2)* [The Solar Space in the History of the Text of M. A. Bulgakov's novel “The Master and Margarita” (Part 2)]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*. No. 6, pp. 125–131. (In Russian)

23. Bulgakova, E. S. (1965). *Pis'mo k Markovu P. A.* [A Letter to Markov P. A.] Noyabr' 15. M. – M. Avtograf. 2 l. Muzei MHAT. M.P.A. No. 286. (In Russian)

The article was submitted on 02.11.2024

Поступила в редакцию 02.11.2024

Колышева Елена Юрьевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Московский городской педагогический
университет,
129226, Россия, Москва,
2-ой Сельскохозяйственный проезд, 4.
elenakolysheva@yandex.ru

Kolysheva Elena Yur'evna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Moscow City University,

4 Vtoroi Selskokhozyaistvennyi Proezd,
Moscow, 129226, Russian Federation.
elenakolysheva@yandex.ru

ОБРАЗ ЛЕСА И КУЛЬТУРНАЯ МОДЕЛЬ ИНИЦИИ В РОМАНЕ Е. ДВОРЕЦКОЙ «ОЛЬГА, ЛЕСНАЯ КНЯГИНЯ»

© Яна Королькова

THE IMAGE OF THE FOREST AND THE CULTURAL MODEL OF INITIATION IN THE NOVEL “OLGA, THE FOREST PRINCESS” BY E. DVORETSKAYA

Yana Korolkova

This article examines the transformation features of the archaic motif of sending the main character into the forest and its connection with the cultural model of initiation in E. Dvoretzskaya's novel “Olga, the Forest Princess”. The choice of this work is connected with the author's personality, as E. Dvoretzskaya is considered to be one of the founders of “Slavic” fantasy, the fact raising interest in the degree to which the author engages with archaic cultural models in a historical novel. The research is based on a text analysis supported by V. Propp's works, discussing the connection between the fairy-tale structure and initiation rituals. The image of the forest, explicitly reflected in the title of the novel, is associated with the images of deceased ancestors, a shaman in an animal skin and a witch living away from people. The characteristics of these figures, such as lameness and zoomorphic traits, indicate their belonging to the “world of the dead”. When the main character Elga enters the forest, she finds herself in this “world of the dead” and undergoes trials comparable to ancient initiation rituals. The author describes the ritual in detail, striving for maximum realism; however, in the finale, Elga behaves not as a bearer of mythological consciousness, ready to repeat the fate of her ancestors, but as a literary heroine, capable of resisting circumstances and making her own choices. The cyclical nature of time, associated with mythological consciousness, is repeatedly emphasized at the plot level through embedded “fables” depicting recurring situations in Elga's family, it is also verbally referenced through the theme of rings and circles. The study concludes that the author of the fantasy, by utilizing archaic cultural models in a historical novel, portrays the process of the heroine's coming of age in traditional society. However, the transformation of the final stage of initiation and its essential substitution demonstrates that Elga represents a romantic rather than a mythological type of heroine.

Keywords: historical novel, cultural model, initiation, female initiation, image of the forest, E. Dvoretzskaya

Исследуются особенности трансформации архаического мотива отправки героя в лес и его связь с культурной моделью инициации в романе Е. Дворецкой «Ольга, лесная княгиня». Выбор произведения связан с личностью автора: Елизавету Дворецкую называют одним из основоположников «славянского» фэнтези, поэтому представляет интерес степень обращения автора фэнтези к архаическим культурным моделям в историческом романе. Исследование основано на анализе текста с опорой на работы В. Я. Проппа о связи сказочной структуры с обрядом инициации. Образ леса, эксплицированный в названии романа, оказывается связан с образами умерших предков, «медведя» – волхва в звериной шкуре, и Буры-бабы – ведуньи, живущей вдали от людей. Детали в их описании: хромота, зооморфные черты, особенности жилищ – указывают на их принадлежность к «миру мертвых». Оказываясь в лесу, героиня Эльга попадает в этот «мир мертвых» и проходит в нем испытания, соотносимые с древним обрядом инициации. Автор подробно описывает обряд, стремясь к максимальной реалистичности, однако в финале Эльга ведет себя не как носитель мифологического сознания, готовый повторять судьбу предков, а как литературная героиня, способная противостоять обстоятельствам и делать собственный выбор. Цикличность времени, соотносимая с мифологическим сознанием, многократно подчеркивается на уровне сюжета с помощью вставных «басен», рассказывающих о повторяющихся ситуациях в семье Эльги, а также вербально, за счет упоминания темы кольца, круга. Циклической концепции времени противопоставляется линейная концепция, реализованная благодаря образу героини и ее родичей-варягов, готовых менять свою судьбу. Делается вывод, что автор произведений фэнтези, используя в историческом романе архаические культурные модели, изображает процесс взросления героини в тради-

ционном обществе. Однако трансформация завершающего этапа инициации и его сущностная подмена показывает героиню романного, а не мифологического типа.

Ключевые слова: исторический роман, культурная модель, инициация, женская инициация, образ леса, Е. Дворецкая

Для цитирования: Королькова Я. Образ леса и культурная модель инициации в романе Е. Дворецкой «Ольга, лесная княгиня» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 260–266. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-260-266

Елизавета Дворецкая – современный автор, которого называют одним из основоположников «славянского» («русского») фэнтези наряду с М. Семеновой, Ю. Никитиным и др. Начав творческий путь в середине 1990-х гг. как автор романов фэнтези, ориентированных на славянскую и скандинавскую древность, в 2000-х гг. Е. Дворецкая обратилась к историческим романам. В центре ее внимания – эпоха становления древнерусской государственности, период правления первых русских князей Рюрика, Олега (цикл «Огнедева», 2010–2015), Ольги, Игоря, Святослава (цикл «Княгиня Ольга», с 2015). Если генетическая связь романов фэнтези с мифом и сказкой активно исследуется и практически не вызывает сомнений, то представляет интерес поэтика современных исторических романов, написанных автором фэнтези об эпохе язычества: степень обращения к древним сюжетам и мотивам, их функции.

Цель статьи – выявить особенности трансформации архаического мотива отправки героя в лес и его связь с культурной моделью инициации в романе «Ольга, лесная княгиня», определить их роль в поэтике произведения. Выбор объекта анализа объясняется его экспликацией как в официальном, предложенном издательством названии романа, так и в авторском варианте – «Княгиня Ольга. Невеста из чаши».

Роман «Ольга, лесная княгиня» – первая книга цикла, который на момент выхода статьи состоит из пятнадцати книг и посвящен истории прихода к власти Ольги и Игоря, периоду правления их сына Святослава и принятию христианства Ольгой.

В первом романе описывается детство героини, ее знакомство с Игорем и смена власти в Киеве. Согласно художественной версии Е. Дворецкой, будущая княгиня происходит из племени кривичей, носит имя Эльга (один из документально подтвержденных вариантов написания имени Ольга) и является внучкой плесковского князя по материнской линии. По отцовской линии она приходится племянницей киевскому князю Олегу Вещему, как и ее двоюродная сестра Ута, от лица которой ведется повествование.

Впервые образ леса возникает в сюжете в связи с предстоящей свадьбой старшей сестры девочек Вояны:

«Разногласия касались чего-то загадочного, имевшего отношение к лесу. Однажды мы услышали, как кто-то произнес странные слова „медвежья свадьба“, а Эльгин отец после этого вскипел <...>, выругался и сказал, что придушит каждого, кто еще хоть раз заговорит об этом. Нас это успокоило: образы леса и медведя пугали <...>. С одной стороны, приятно было знать, что наши отцы не пустят нас в страшный лес. А с другой, складывалось впечатление, что в этот поход снаряжают только лучших дочерей самых знатных старинных родов <...>. Эта честь была опасна, но уклониться от зова предков – стыдно» [1, с. 62].

Всячески подчеркиваются отрицательные коннотации образа леса и связанного с ним медведя, возникающие в сознании семилетних героинь и выстраивающиеся в нарастающей градации: от «загадочного», «странного» к «пугающему», «страшному», «опасному», причем страх девочек перед лесом иррационален.

На данном этапе сюжета отсутствует объяснение слов «медвежья свадьба», вместо них возникают «медвежьи каши». Бабушка Эльги спрашивает, не забоятся ли внучки пойти в лес кормить медведя, и рассказывает им «баснь». Ее героиня, девочка Нежданка, заблудилась в лесу и попала к медведю, который обещал проводить ее домой, если она хорошо послужит ему. Девочка приготовила для медведя кашу, а потом благодаря помощи мышки, которая вместо нее играла с медведем в жмурки, убежала домой.

Сюжет вставного рассказа-«басни» явно отсылает к известной фольклорной сказке «Маша и медведь». Однако в ее наиболее распространенных вариантах отсутствуют мышка-помощница и описание игры в жмурки. Значение этих привнесенных фрагментов поясняется в тексте романа:

«В виде мышки приходили духи давно умерших прабабок <...>. Значит, Нежданке на помощь пришла прабабка, и у нас polegало на душе: эта не выдаст!» [Там же, с. 64].

Четкое объяснение получает и игра в жмурки:

«Особенно страшной казалась слепота зверя: это означало, что здесь, в земном мире, он – чужак, пришелец. Гость из мира мертвых. Позволь девочка ему поймать себя – он проглотил бы ее и забрал с собой туда, в вечный мрак» [Там же, с. 65].

Перед нами подробно описанный В. Я. Проппом архаический сюжет инициации героини, которая пересекает границу между мирами и оказывается в мире мертвых. На это указывают и специфическое пространство – лес, и невозможность есть приготовленную кашу («*пищу мертвых*»), и слепота медведя. Этот сюжет со временем трансформируется в фольклорную сказку о хитрой девочке, обманувшей глупого медведя.

Включение «басни», отсылающей к древнему мифологическому сюжету, дополнительно усиливает отрицательные коннотации образа леса и живущего в нем медведя как существа чуждого, враждебного миру живых. Попытка Уты подчеркнуть неопределенно-прошедшее время действия «басни»: «*Такого сейчас не бывает! Это в древние времена*» [Там же, с. 66], не воспринята Эльгой всерьез: «*Для князей это бывает и сейчас. Ведь Вояна ходила в лес*» [Там же]. Также Эльга объясняет сестре, зачем бабушка рассказывала им эту историю:

«Чтобы мы знали, что делать, <...> когда пойдем в лес и встретим медведя» [Там же, с. 65];

«Сварить кашу, покормить мышку, потом покормить медведя, а мышка поможет, чтобы он не пойма» [Там же, с. 67].

Соположение «басни» и ее комментариев, данных героинями, намечает циклическую концепцию времени: то, что происходило в древние времена, повторяется до сих пор в каждом поколении с неизменным составом участников и в четкой последовательности.

Приблизительно через полгода семилетние героини встречаются «медведя». Заблудившись в лесу, они наткнулись на хромого мужчину в маске и шкуре медведя, который отвел их в свою избушку и приказал варить кашу. Описание этого фрагмента дает основания проводить параллели с древним обрядом инициации, этапы которого подробно исследует В. Я. Пропп.

Действие происходит не в безопасных лугах или рощах, где девочки привыкли собирать целебные травы и корни, а в лесу, огромном и незнакомом детям. По словам В. Я. Проппа, это обязательное для инициации пространство: «Связь обряда посвящения с лесом настолько прочна и постоянна, что она верна и в обратном порядке. Всякое попадание героя в лес вызывает

вопрос о связи данного сюжета с циклом явлений посвящения» [2, с. 40]. Лес, с одной стороны, служит границей между мирами, а с другой, является частью мира мертвых. Оказавшиеся в лесу дети воспринимают его именно так:

«Я была разбита вдребезги и выброшена, как чепки от горшка – в мир мертвых» [1, с. 77].

Связь с миром смерти подчеркивается визуальными образами:

«Кости были повсюду – они валялись кучками на моховой полянке, были свалены, будто хворост, под стенами избушки, до половины ушедшей в землю. Старые, высохшие, выбеленные, они усеивали поляну – ребра, позвонки, длинные трубчатые кости... черепа с оскаленными зубами, обломки рогов <...>. Мы были в мире мертвых» [Там же, с. 78].

Не случайна хромота «медведя». В. Я. Пропп указывает, что любой физический изъян (слепота / кривой глаз, хромота / отсутствие ноги) также является признаком принадлежности к иному, не человеческому миру. Здесь встреченный девочками мужчина – волхв, который, надевая личину медведя, теряет связь с миром живых.

Задание приготовить кашу можно рассматривать как один из вариантов инициации девочек, не достигших полового созревания. Женский обряд посвящения, судя по всему, был менее жесток, чем мужской, не сопровождался испытаниями на выносливость и истязаниями. В случае с девочками проверялось умение выполнять обязанности будущей жены: готовить, убирать и т. д. Эльга и Ута успешно прошли нелегкое для семилетних детей испытание, и «медведь» отвел их домой. Девочки получили передники и «*стали носить их с гордым чувством, что отныне мы – не детища, а отроковицы!*» [Там же, с. 86–87]. Эта деталь соотносится с завершающим этапом инициации – повышением социального статуса.

Множество деталей выстраивается в четкую структуру посвятельного женского обряда, причем с сохранением хронологической последовательности и внешних атрибутов, указывающих на перемещение в мир мертвых и возвращение из него по завершении испытаний. Но перед нами не фрагменты повествования, выступающие в функции инициации, угадываемые опытным читателем, а подробное описание обряда, стремящееся к реалистичности. В тексте отсутствуют элементы сверхъестественного: волшебные помощники, перемещения за тридевять земель и пр. Именно эта деталь отличает идентичный по содержанию сюжет вставной «басни» о

Нежданке, в которой появлялась говорящая мышка-помощница, сумевшая обмануть медведя. Можно полагать, что эти два фрагмента сознательно включены в одну главу друг за другом. Их сопоставление по принципу контраста усиливает ощущение правдоподобия всего происходящего с Эльгой и Утой, подчеркивает, что такой обряд был частью действительности. Становится понятна и функция подробных комментариев, данных от лица героинь: они могут быть предназначены неосведомленному читателю для создания более четкой картины описываемых событий.

В следующем эпизоде героиням уже одиннадцать лет, они стали девушками и могут быть просватаны. Эльга считается невестой Ингвара, сына волховецкого князя, но никогда не видела жениха, который живет в Киеве в качестве заложника от своей семьи. К этому времени умер старый плесковский князь, дедушка Эльги, а его жена, бывшая княгиня, *«однажды, на летней заре, вышла из детинца в простом белом платочке, повязанном по-вдовьи, с маленькой котомкой, и ушла по росной тропе»* [Там же, с. 134]. Старшие дети поясняют младшим, что бабушка ушла *«к дедам»*, то есть к умершим предкам. В тексте отсутствует прямое указание на место пребывания предков (мир мертвых), но можно полагать, что единственное пристанище старая женщина могла найти в лесу. Тема предков усиливается описанием родового свадебного полотенца, на котором схематично изображают всех членов рода до последнего известного поколения:

«перед нами стояла целая роща чуров, тот самый „дремучий лес“, где живут их души» [Там же, с. 133].

Связь «лес – предки» очевидно подчеркнута и подтверждает предположение о лесе как месте обитания предков (или стариков, желающих уйти к ним).

Вновь возникает мотив *«медвежьей свадьбы»*, связанный с замужеством старшей сестры Вояны. Эльга и Ута оказываются только свидетелями некоторых событий, и происходящее дано в восприятии Уты.

Вояну накануне свадьбы похищает и уносит в лес мужчина в медвежьей шкуре и маске, в котором девочки узнают того самого «медведя». Ута воспринимает это событие как нечто жуткое, сковывающее тело от осознания близости с иным миром. А в глазах Эльги она видит *«странное чувство: не то страх, не то обреченность, не то решимость»* [Там же, с. 137]. Девушка, зная, что она внучка князей и будущая княгиня, про-

являет готовность участвовать в обряде, через который проходили все женщины ее рода.

Сущность этого обряда, так называемой *«медвежьей свадьбы»*, разъясняет девушкам мать Эльги, рассказывая им новую «баснь». Ее героиней оказывается бабушка Эльги, бывшая плесковская княгиня. Молодой девушкой она год прожила в лесу с медведем, родила от него сына, а потом вернулась домой, вышла замуж, родила еще нескольких детей. Спустя семь лет Князь-Медведь забрал первенца в лес, чтобы сделать его своим преемником.

Мать Эльги также поясняет смысл этого обряда: волхв в облике медведя, олицетворяющий первопредка, взяв девушку в жены, наделяет ее своей силой, дает возможность рожать много здоровых детей, что было одной из первостепенных задач женщины. Первый ребенок считается сыном медведя и должен вернуться к отцу, если тот уже стар и ему требуется преемник.

Благодаря включению этой «басни» вновь актуализируется циклическая концепция времени: то, что происходило с бабушкой, повторяется с ее дочерью (мать Эльги упоминает, что тоже была в лесу у медведя), со старшей внучкой и, возможно, скоро произойдет с младшей, Эльгой, так как она должна стать женой князя и родить ему наследников. Подчеркивается, что *«медвежья свадьба»* воспринимается членами рода как обязательный этап жизни женщины-княгини, без прохождения которого она не может занять соответствующее место в обществе. Старшая сестра Вояна благополучно проходит это испытание: спустя три дня после похищения ее будущий муж отправляется в лес, после обрядового поединка с Князем-Медведем возвращает невесту домой и женится на ней.

Все происходящее вновь, как и в случае с *«медвежьими кашами»*, описывается предельно реалистично. Читатель оказывается погружен в ситуацию древнего обряда, в котором все действия строго регламентированы, выстроены в определенной последовательности и воспринимаются участниками как неприятная, но необходимая часть действительности. Кроме того, логика повествования подготавливает читателя к тому, что Эльгу ждет что-то подобное.

В обоих случаях (с *«медвежьими кашами»* и *«медвежьей свадьбой»*) сюжет похода девочки/девушки в лес удваивается или утраивается, подчеркивая цикличность происходящего.

Еще один «лесной» образ в романе – образ Бура-бабы. К ней приводит пятнадцатилетних Эльгу и Уту дядя, плесковский князь, чтобы узнать, за кого из двух князей отдавать замуж племянницу.

Бура-баба живет в дремучем лесу, и дорогу к ней знают только посвященные. Упоминание костей и черепов в описании ее жилища актуализирует мотив смерти, который поддерживается множеством других деталей. Перед девушками предстает *«не то женщина, не то птица, не то старуха, не то мертвец. Вместо лица – бледная береста, вместо глаз – черные круги, вместо носа – черный клюв»* [Там же, с. 225]. Зооантропоморфный облик существа подчеркивает его чуждость миру живых, указывая на принадлежность к миру мертвых. Эта коннотация поддержана упоминанием вкушения *«пищи мертвых»*, без которого девушки не могут находиться в доме Бура-бабы, и *«живой воды»*, которую нужно выпить на выходе.

Обнаруживается отчетливая параллель Бура-бабы с Бабой Ягой фольклорных сказок, образ которой подробно проанализирован В. Я. Проппом. Как и сказочная Баба Яга, Бура-баба Е. Дворецкой одиноко живет в глухом лесу, кормит всех приходящих к ней *«пищей мертвых»*, имеет зооморфные черты, о которых В. Я. Пропп пишет как о древнейшей форме облика Яги [2, с. 58]. Однако в облике Бура-бабы отсутствует важная деталь – костяная нога, с которой сразу ассоциируется сказочная Баба Яга. Вероятно, автор намеренно отказывается от элементов фантастического в описании героя, подчеркивая таким образом реалистичность событий. Необходимая для создания образа деталь – человеческая кость – здесь получает правдоподобное объяснение: чтобы Бура-баба открыла ворота, нужно постучать в них лежащей рядом костью. Кроме того, подчеркивается совершенно человеческое «происхождение» Бура-бабы: девушки понимают, что перед ними старая княгиня Годонегга, которая несколько лет назад добровольно ушла в лес *«к предкам»*. Таким образом, через ряд подчеркнуто реалистичных деталей Е. Дворецкая создает образ, прямо соотносимый с фольклорной Ягой, находящейся в мире мертвых или охраняющей границу между мирами.

В. Я. Пропп описывает множество вариантов этого образа и его функций в сюжете сказки: дарительница (дает герою волшебные дары), похитительница (уносит детей в лес), воительница (разрушает, сжигает, бьет героя), но представляется, что они не соотносимы с функцией Бура-бабы в сюжете романа. Она не причиняет физического вреда девушкам, не дает волшебные предметы. Бура-баба предсказывает Эльге ее судьбу: говорит, что у нее будет только один сын, и она овдовеет через двенадцать лет. Это внешне незначимое предсказание (тем более если читателю известны факты биографии истори-

ческой княгини Ольги) тем не менее определяет развитие событий. Эльга принимает решение выйти замуж за Ингвара, потому что у него, в отличие от другого жениха, нет детей, и ее единственный сын станет наследником. Кроме того, она твердо отказывается участвовать в *«медвежьей свадьбе»*, чтобы не отдавать сына на воспитание медведю. Бура-баба здесь выступает в несвойственной сказочной Яге функции предсказательницы судьбы, встреча с которой поясняет последующее поведение героини.

Однако Бура-баба скрыла от Эльги важную часть предсказания:

«От корня ее погибнет наша земля. Вижу, как огни священные погашены, капи дубовые иссечены, капи каменные повержены и в болота зыбучие да реки бегучие сброшены» [1, с. 239].

Читателю понятно, что речь идет о свержении языческих идолов и принятии Русью христианства, у истоков которого стояла историческая княгиня Ольга. Но романной Бура-бабе это не известно, и она приказывает Князю-Медведю забрать девушку в лес, чтобы избежать такого исхода.

Желание Эльги противостоять судьбе приводит к тому, что она твердо решает сбежать к одному из женихов, за которого ее не хотят отдавать замуж, – Ингвару. Здесь не идет речи о любви, так как героиня никогда не видела жениха. Ее решение обусловлено двумя причинами: заботой о будущем единственном ребенке и стремлением найти человека, который сможет отомстить викингам-наемникам за смерть ее отца. Но сам Ингвар находится в далеком Киеве, и в действие вступает его побратим Мистина, согласившийся помочь Эльге.

Когда «медведь» все же уводит Эльгу в лес, ее сестра Ута бросается за помощью к Мистине, который должен освободить девушку и забрать с собой в Киев. В это время Эльга оказывается в уже знакомом пространстве: вместе с Князем-Медведем проходит мимо избышки Бура-бабы, вкушает *«пищу мертвых»* и двигается через болото в глубь леса к его жилищу. Это пространство отмечено знаками мира мертвых: черепа, кости.

В избышке «медведя» Эльга вспоминает свою бабушку, несколько лет прожившую тут с прежним волхвом, и в связи с этим вновь актуализируется циклическая концепция времени:

«Судьба лесной жены-медведицы ходила по кольцу, повторяясь снова и снова. Это та опора, на которой стоит и возобновляется племя плесковских

кривичей. И в ней никогда не будет никаких перемен» [Там же, с. 259].

Если до сих пор цикличность происходящего создавалась за счет повторяемости мотива отправки в лес, то в ситуации перелома в жизни героини эта «закольцованность» вербализована. Эльга должна выбрать, повторить судьбы своих предшественниц или найти собственный путь. Перед нами определенно романная героиня в ситуации выбора, так как действующее лицо обряда (каковым является «медвежья свадьба») не может изменить его порядок по собственной воле или отказаться от участия. Готовность Эльги выбрать другой путь определяется ее происхождением от матери-кривичанки и отца-варяга, представителей разных культур, носителей разного сознания:

«Голос предков-русов звучал в душе Эльги, звал двигаться вперед, раздвигать границы своего прежнего мира» [Там же, с. 260].

Эльга здесь – носитель представления о линейном развитии истории, который вынужден включаться в циклические события, не дающие качественных изменений. Именно поэтому она готова разорвать круг и поступить не так, как принято в ее роду: избежать свадьбы с «медведем» и выйти замуж за неугодного родственникам Ингвара.

Убийство волхва варягом Мистиной дано в восприятии Уты:

«Это было, как если бы у меня на глазах рухнул Мер-Дуб. <...>. Это существо – не то человек, не то зверь, не то свой по крови, не то чужой и даже чуждый, не то мертвый и вечный – воплощал всех наших предков и сам был почти богом. Они убили его – так сможет ли существовать дальше племя плесковских кривичей?» [Там же, с. 267–268].

Мер-Дуб, с которым сравнивается Князь-Медведь, – один из вариантов оси, центра, организующего и структурирующего мир в мифологическом сознании [3, с. 330–336]. Для Уты, его носительницы, нарушение циклического хода вещей становится синонимом крушения мира. В противоположность сестре, Эльга просто рада избавлению от угрозы стать женой «медведя». Спасенная Мистиной, она все-таки добирается до Киева и становится женой Ингвара, а через несколько лет вместе с ним занимает киевский престол.

Мотив отправки героини в лес, многократно реализованный в романе, семантически связан с образами Бура-бабы и медведя, которые отсылают к архаической культурной модели женской

инициации. Как отмечает В. Я. Пропп, в более позднее время представление о них выразилось в волшебных сказках о «лесном доме» (по типу «Амур и Психея», «мертвая царевна и богатыри»). По мнению исследователя, пребывание девушки в лесу и временный брак с жителем/жителями этого дома и даже рождение ребенка обеспечивает ей в дальнейшем, по возвращении из леса, возможность заключения нового брака. Е. Дворецкая обращается к этому архаическому сюжету, восстанавливая его обрядовую сущность. Убийство «лесного мужа», событие невозможное для носителя мифологического сознания, что подчеркивается реакцией Уты, способствует созданию образа героини, отличающейся от соплеменников, готовой двигаться вперед в нарушение древних законов. Обряд инициации трансформируется и как бы «выворачивается наизнанку»: если в древнем обществе девушка могла стать невестой, побывав в доме «медведя», то в романе современного писателя героиня получает жениха, только отказавшись от участия «медвежьей жены». Завершающим инициационным испытанием становится не вступление в брак с «медведем», а готовность убить его и покинуть свой род. Так формируется образ литературной героини, самостоятельно выбирающей свою судьбу.

Таким образом, культурная модель женской инициации представлена в современном романе в полном объеме компонентов: отправка героини в лес, прохождение испытаний, возвращение и повышение социального статуса – и показывает процесс взросления героини в традиционном обществе. Однако завершающий этап инициации в романе сущностно трансформируется: героиня получает возможность выйти замуж не благодаря прохождению обряда, а нарушив его течение, что подчеркивает ее инакость, стремление вырваться из круга древних родовых законов.

Список источников

1. Дворецкая Е. Ольга, лесная княгиня: роман. М.: «Эксмо», 2015. 512 с. (О России с любовью. Исторические романы Елизаветы Дворецкой).
2. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2007. 332 с.
3. Мифы народов мира: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 2008. 1147 с. URL: <https://prussia.online/books/mifi-narodov-mira-1980-el> (дата обращения: 10.10.2024).

References

1. Dvoretzskaya, E. (2015). *Ol'ga, lesnaya knyaginya* [Olga, the Forest Princess]. 512 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)

2. Propp, V. Ya. (2007) *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical Roots of Fairy Tales]. 332 p. Moscow, Labirint. (In Russian)

3. *Mify narodov mira* (2008) [Myths of the Peoples of the World]. 1147 p. Moscow, Sovetskaya

entsiklopediya. URL: <https://prussia.online/books/mifi-narodov-mira-1980-el> (accessed: 10.10.2024). (In Russian)

The article was submitted on 11.10.2024

Поступила в редакцию 11.10.2024

Королькова Яна Владимировна,
кандидат филологических наук,
Томский политехнический университет,
634050, Россия, Томск,
проспект Ленина, 30.
korolkovatomsk@yandex.ru

Korolkova Yana Vladimirovna,
Ph.D. in Philology,
Tomsk Polytechnic University,
30 Lenin Avenue,
Tomsk, 634050, Russian Federation.
korolkovatomsk@yandex.ru

УДК 82.0

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-267-276

ЖАНРОВЫЕ ПАРАМЕТРЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РОМАНА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНИСТИКИ В. В. НАБОКОВА)

© Дмитрий Котомцев

GENRE PARAMETERS OF AN INTELLECTUAL NOVEL (BASED ON V. NABOKOV'S NOVELISTICS)

Dmitry Kotomtsev

The subject of our study is invariant genre parameters of the intellectual novel. The purpose of the study is to identify and describe the theoretical model of the intellectual novel genre, implemented in the novelistics of V. Nabokov, whose works have a strong intellectual source. The methodology of the research is based on the theory of genre, developed by M. Bakhtin and significantly supplemented and refined at the school of theoretical poetics by N. Tamarchenko (the concepts of “internal measure” and the invariant of genre). In the analysis of texts, we used the methods combining elements of structural-semiotic and functional approaches, and the method of hermeneutical interpretation to characterize the genre parameters of the intellectual novel. The conducted research made it possible to study the theoretical potential of the intellectual prose concept based on V. Nabokov's novels “The Gift”, “Lolita” and “Pale Fire”. The article identifies the structural and semantic model of the intellectual novel genre whose matrix can contribute to clarifying and deepening the interpretation of the poetics of some modernist and postmodern texts focused on intellectualism as a genre strategy. We highlight the following invariant parameters: a narrative strategy of provocation that creates an occasional world and programmatically complicates the composition of the text (generating textual riddles, puzzles and secrets); an intellectual protagonist as a narrating (interpreting and world-modeling) instance in the narrative; a stable thematic complex (aestheticization of themes of art, love, fate of a fictional world and death); the permeability of the boundary between the world of the text and the world of the reader, leaving the choice of a strategy for constant reinterpretation of the work and relativizing the philosophical, aesthetic and ideological context of the text.

Keywords: intellectual protagonist, intellectual novel, narrative strategy of provocation, reinterpretation, “plot of thought”, “aestheticization”

Предметом изучения в статье являются инвариантные жанровые параметры интеллектуального романа. Цель исследования – выявление и описание теоретической модели жанра интеллектуального романа, реализованной в романистике В. В. Набокова, в творчестве которого сильно интеллектуальное начало. В основу методологии исследования положена теория жанра, разработанная М. М. Бахтиным и существенно дополненная и уточненная в школе теоретической поэтики Н. Д. Тмарченко (концепция «внутренней меры» и инварианта жанра). Для характеристики жанровых параметров интеллектуального романа применялись методы, сочетающие в себе элементы структурно-семиотического и функционального подходов, при анализе текстов использовался метод герменевтического толкования. Проведенное исследование позволило изучить теоретический потенциал концепции интеллектуальной прозы на материале романов В. В. Набокова «Дар», «Лолита» и «Бледный огонь». В статье выявлена структурно-семантическая модель жанра интеллектуального романа, матрица которой может способствовать уточнению и углублению интерпретации поэтики некоторых модернистских и постмодернистских текстов, ориентированных на интеллектуализм как жанровую стратегию. Среди инвариантных параметров выделены следующие: нарративная стратегия провокации, создающая окказиональный мир и программно усложняющая композицию текста (которая генерирует текстуальные загадки, ребусы, тайны); герой-интеллектуал как повествовающая (интерпретирующая и миромоделирующая) инстанция в нарративе; устойчивый тематический комплекс (эстетизация тем искусства, любви, судьбы вымышленного мира, смерти); проницаемость границы между миром текста и миром читателя, за которым остается выбор стратегии постоянной переинтерпретации произведения, что релятивизирует философско-эстетический и идеологический контекст текста.

Ключевые слова: герой-интеллектуал, интеллектуальный роман, нарративная стратегия провокации, перинтерпретация, сюжет мысли, «эстетизация»

Для цитирования: Котомцев Д. Жанровые параметры интеллектуального романа (на материале романистики В. В. Набокова) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 267–276. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-267-276

Не сны я на земной язык переведу,
но невозможность осязания.
А. Пурин. «Euterpe nabokovi»

Вопрос о жанровом своеобразии прозы XX в. – один из дискуссионных в современном литературоведении. Некоторые исследователи даже признают несущественным анализ жанровой поэтики литературы неклассической парадигмы художественности, ссылаясь на позиции писателей и критиков, провозглашавших «смерть романа». Например, В. В. Набоков считал, что «никакого романа вообще не существует» [1, с. 115] и что «любой оригинальный роман – это и „антироман“, потому что он не укладывается в жанровые рамки своих предшественников» [Там же, с. 173]. Н. Г. Мельников (под псевдонимом Н. Г. Синеусов) отмечает, анализируя роман «Ада, или Страсть», считающийся предтечей постмодернистской прозы, что в набоковском творчестве разрушается жанровый канон, а на смену ему приходит гибридная форма «романа-музея» (актуализированная в романистике А. Г. Битова, У. Эко, М. Павича, Ж. Арпман, Дж. Барта и многих других), в котором «собранные, учтены и классифицированы экспонаты, представляющие едва ли не все литературные школы и направления, где воспроизведены главные жанрово-тематические разновидности романа: роман-воспитание (sic! – Д. К.), семейная хроника, научно-фантастический, философский, эпистолярный, любовно-эротический роман» [2, с. 568]. «Ревизия романного жанра», произведенная писателями второй половины XX в., таким образом, была столь кардинальна, что в полиструктурной форме (В. А. Пестерев) новейшего типа романа соединены компоненты различных литературных и внелитературных жанров – от драматического отрывка и романтической баллады до философского эссе и критической рецензии.

Действительно, многие романы вполне соотносимы с жанровой матрицей так называемой «энциклопедии жанров». Однако представляется, что в поэтике неклассической прозы реализуется принцип «нарративного палимпсеста» (В. И. Тюпа), позволяющий актуализировать в форме романа те или иные интенции художественного осмысления мира, присущие жанрам-претекстам. Отмеченные жанровые компоненты,

реально функционирующие в тех или иных романах («Дар», «Лолита» В. В. Набокова, «Черный принц» А. Мёрдок, «Мантисса» Дж. Фаулза, «Химера» Дж. Барта, «Лесной царь» М. Турнье, «Обладание» А. С. Байетт и др.), свидетельствуют скорее о полистилистике и полижанровости мышления писателей новейшего времени, а не о сознательном разрушении канона. Роман, будучи все еще «становящимся жанром» (М. М. Бахтин), несомненно, открыт родовым, жанровым, стилевым, шире – дискурсивным трансформациям [3], которые трудно причислять исключительно к деформирующим тенденциям. Поэтому судить о жанровой специфике неклассической прозы вполне возможно в терминах и понятиях современной теории романа, которая имеет достаточный опыт изучения подобных явлений.

Интеллектуализм как жанровая стратегия

Одной из заметных и характерных черт современного искусства является его интенция к интеллектуализации, причем интеллектуальная проза оказалась настолько активной формой освоения мира, что некоторые литературоведы склонны считать ее доминантой художественной литературы XX в. [4]. Эстетическая парадигма, которая легла в основу модернистского искусства, актуализирует, по мнению И. Р. Ратке, аналитичность, автокомментирующее начало, разрушение традиционного миметического повествования (с принципами жизнеподобия, фабульности, психологизма) [5, с. 4]. Однако обращение к творчеству Андрея Белого, Федора Сологуба, Максима Горького, Л. М. Леонова, М. Пруста, Ф. Кафки, В. Вулф, У. Фолкнера и других романистов первой половины XX в. показывает ограниченность и преувеличенность подобного подхода (особенно это очевидно в постмодернистской парадигме, отмеченной полиструктурными изменениями художественной формы на всех уровнях). Впрочем, как отмечает С. А. Ильин, «интеллектуальный элемент, действительно, весьма активен, он пронизывает все модификации романа и даже теснит их базовые видовые признаки» [6, с. 138].

Интеллектуализация литературы – это, с одной стороны, направленность на интеллектуальное постижение мира в ущерб эмоциональному переживанию, что создает дисбаланс в художественном образе [7, с. 12], а с другой – процесс

порождения интеллектуализма как принципа поэтики. Ю. Б. Боров определяет интеллектуализм как «содержательно-стилистические особенности литературы, которые появляются благодаря чрезвычайно весоному проникновению в произведение философского начала» [8, с. 105–107]. Интеллектуализм в искусстве XX в. продолжает традиции литературы эпохи Просвещения во Франции (Д. Дидро, Вольтер), Англии (Дж. Свифт, Л. Стерн, Д. Дефо), Германии (Г. Лессинг), а также в России – как в XVIII в., так и в XIX в. (А. Н. Радищев, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Ф. М. Достоевский). Многие писатели XX в. обращаются к традициям тех, в чьем творчестве сильно как раз интеллектуальное начало: в частности, Л. М. Леонов писал о емкости, обобщенной алгебраичности, шекспиральности философской партитуры, «исключающей бытовой сор, частное и местное, с выделением чистого продукта национальной мысли» (цит. по: [8, с. 106]) в русской философской прозе. Н. Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий справедливо связывают это с «драматизмом художественного кризиса» эпохи, который нуждается в осмыслении: «Поиск источников противостояния катастрофическим процессам в социальной действительности ведется в иной сфере – в сфере субъективной, сугубо личностной, а именно во *внутренних* (курсив Н. Л. Лейдермана, М. Н. Липовецкого. – Д. К.) ресурсах человека» [9, с. 191–192].

В художественном тексте, ориентированном на интеллектуализм как жанровую стратегию, ключевым способом создания виртуальной реальности становится не просто изображение событий, а философская рефлексия, анализ, интерпретация. Автор-творец (а вместе с ним – герой, которому часто переданы неограниченные нарративные полномочия) становится не просто художником или скриптором, но и наблюдателем, комментатором и толкователем. Подобная нарративизация литературного философствования ослабляет внимание к традиционному сюжетосложению, линейному повествованию. В центре внимания – не фабульная история, а организация системы мотивов, что, в свою очередь, усложняет композицию. Л. Л. Мармазова пишет, что в модернистском дискурсе «постижение авторского замысла становится возможным только при максимально полном охвате тех заложенных в произведения смысловых пластов, посредством которых выражается авторское видение мира. Внутренняя семантическая насыщенность текста не сводима к однозначным трактовкам» [10, с. 5]. Создателям интеллектуальной прозы «интересен сам процесс мышления человека как форма его

деятельности, как работа по самоориентации в мире, как способ поиска путей преодоления напора обезмысливающих жестоких обстоятельств» [9, с. 192]. Интеллектуализация, таким образом, является философско-эстетической доминантой идейного мира, однако представляется, что в ней заложена и структурно-семантическая модель – жанр интеллектуального романа. Философско-эстетическое и социокультурное основание интеллектуализма в романе может быть дополнено выявлением его поэтики. Поэтому важно обозначить комбинацию жанровых параметров, выделяющих интеллектуальный роман как структурно-семантическую жанровую модель.

Теоретическая модель жанра интеллектуального романа

На поэтику интеллектуализма обратили внимание А. Г. Бочаров [11, с. 280–283] и Р. В. Комина [12, с. 115–124], проанализировавшие прозу В. В. Быкова, В. Ф. Тендрякова, Д. А. Гранина, а начало ее концептуализации в теоретических категориях, видимо, предпринято Н. Л. Лейдерманом, М. Н. Липовецким. Литературоведы отметили специфику повествования («в нем запечатлевается интеллектуальный процесс, в который погружен автор») и своеобразие героя-нарратора – интеллектуала, исследователя, экспериментатора, чьи «вопрошания, раздумья, сомнения создают интригу, направляют сюжет, задают общий эмоциональный тон» [9, с. 192].

А. Г. Бочаров отмечает, что эксплицитная и имплицитная реализация мысли и философской рефлексии в интеллектуальной прозе выражается в «сюжете диспута», нравственном эксперименте, парадоксах, а поэтика характеризуется условностью – «смещением реального и ирреального», «двойничеством» [11, с. 283]. Представления об интеллектуализации художественного произведения уточнили Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий: по их мнению, в ценностной основе поэтики интеллектуализма лежит «мысль человека как главное орудие овладения миром» [9, с. 193].

Обобщающе точную характеристику интеллектуального романа предложил В. Д. Днепров на материале творчества Т. Манна (к слову, автора термина «интеллектуальный роман»). По мысли литературоведа, это отнюдь не увлекательное и даже не занимательное чтение. Длинные, сложно построенные фразы, подробное изложение научных взглядов, обильное использование специальной терминологии грозят исчерпать терпение читателя. Сюжетное действие ретардировано, а самые обыденные и ежедневные явления, не претендующие на статус «события»,

развертываются нарратором в нечто сложное, в потенциально интеллектуально неисчерпаемый ступок смыслов. Для нарративного рисунка интеллектуального романа характерны вовлечение новых связей и ассоциаций, реализация «мозговой игры» (Андрей Белый), причем как в пространстве текста, так и в затекстовой реальности, в которой свою компетенцию проверяет читатель («мощная затекстовая сила, которую иначе не назовешь как *силою мысли* (курсив И. З. Сурат. – Д. К.)», – отмечает И. З. Сурат [13, с. 269]), а фигура героя-интеллектуала оказывается парадоксальной и загадочной, ненадежной, «непроницаемой», чья речь не всегда оказывается верной его этическим и эстетическим воззрениям. Подобная структурная усложненность «уплотняет и отяжеляет текст, опасно приближая художника велеречивости» [6, с. 139]. «Сам автор, – пишет В. Д. Днепров, – становится первым интерпретатором своих произведений, присоединяя к ним замечательно интересные эссе или аналитические мемуары, воспроизводящие процесс задумывания, подготовки и создания романа» [14, с. 309] (что применимо не только к «вненаходимому автору», но и к герою-нарратору, который делает то же самое, только в границах художественной реальности).

Соглашаясь с выводами исследователей, нам следует, однако, отметить некоторую метафоричность и «импрессионизм» оценок, которые нуждаются в конкретизации и углублении. Концепция теоретической модели жанра, предложенная М. М. Бахтиным и развитая Н. Д. Тмарченко (см., напр.: [15, с. 9–20]), позволяет выявить «внутреннюю меру» жанра: разграничить вариативное и инвариантное в структурно-семантической модели интеллектуального романа. «Внутренняя мера» жанра, по мнению Н. Д. Тмарченко, это «соотношение полярных свойств в каждом из важнейших параметров художественного целого, таких как „тематическое содержание, стиль, композиционное построение“, неразрывно связанных „в целом высказывании“ и определяемых „спецификой данной сферы общения“ (М. М. Бахтин)» [16, с. 40]. Жанровые характеристики романа определены в трудах М. М. Бахтина; среди них – «стилистическая трехмерность» (взаимодействие различных языков и речевых манер), отнесение мира персонажей и сюжетного события к «настоящему в его незавершенной современности» (то есть открытое движение сюжетной истории), построение образа героя в «зоне максимально близкого контакта с незавершенной современностью» (при котором герой не воплощается до конца, не совпадая с самим собой) [17, с. 398].

Тип композиционно-речевого целого

Инвариант композиционной формы интеллектуального романа – это «Я»-повествование (или хроникерское (В. И. Тюпа) повествование, при котором нарратор непосредственно связан с миром героев и не стремится к объективности), ведущей нарративной стратегией которого является провокация. Нарративной провокации свойственны такие установки романного повествования, как самоутверждение, свобода, игра (эстетизация опыта, саморефлексия) [18, с. 5]. Для такого типа композиционной организации нарратива характерен ненадежный нарратор (У. Бут), в интеллектуальном романе получающий обертоты толкователя, креативного интерпретатора действительности, связанного с миром искусства, – такой, как литературовед и писатель Гумберт Гумберт в «Лолите», скрывающий отчаяние и боль Лолиты, которая переживает травматический опыт общения с насильником; филолог Чарльз Кинбот в «Бледном пламени», намеренно искажающий факты жизни своего коллеги, Джона Шейда, автора одноименной поэмы, в которую Кинбот, как комментатор, «вчитывает» искусственные смыслы (история Зембли, свое королевское происхождение, побег от убийцы Градуса и т. д.). Впрочем, негативные коннотации ненадежности повествования вовсе не обязательны: в «Даре» Годунов-Чердынцев, нарратор и главный герой романа, не стремится к искажению фактов или заведомому обману; создаваемые им вымышленные эпизоды или сегменты текста (например, сюжеты о мнимом походе в Гималаи или о возвращении отца, а также «переписанное» стихотворение А. С. Пушкина «О нет, мне жизнь не надоела»: «Еще судьба меня согреет, / Романом гения упьюсь, / Мицкевич пусть еще созреет, / Кой-чем я сам еще займусь» [19, с. 89]) призваны подтвердить идею текстуального преобразования реальности, преодоления онтологической трагедии с помощью эстетизации личного опыта (ср. с мыслью Гумберта Гумберта, который говорит о «тайне прочных пигментов, о предсказании в сонете, о спасении в искусстве» [20, с. 339]). Даже грубые, натуралистичные, дискредитирующие пассажи (драка Чернышевского с Добролюбовым, порочность Ольги Сократовны, духовная «близорукость» Чернышевского), посвященные Н. Г. Чернышевскому в «Жизнеописании Чернышевского», которые составили четвертую главу «Дара», все же приводят Годунова-Чердынцева (не случайная фонетическая корреляция фамилий: Чернышевский – Чердынцев) к осознанию жалости к Другому, пусть и духовно чуждому, человеку, эстетической милости: в сонете, сочиненном в

честь Чернышевского, есть и такой риторический вопрос: В. В. Набоков вместе с героем размышляет, что же может сказать потомок о делах выдающегося шестидесятника:

«Что подвиг твой не зря свершался, – труд сухой
в поэзию добра попутно обращая
и белое чело кандальника венчая
одной воздушною и замкнутой чертой?»
[19, с. 191].

«Интеллектуальная провокация» манифестирует «„нестабильность“, изменчивость, незавершенность» «окказионального повествуемого мира», взывающие «к воображению читателя» [18, с. 124], что обуславливает активизацию энигматической интриги (интриги тайны) в нарративной структуре интеллектуального романа, в тексте которого моделируется загадка, призывающая к постоянному постижению. Загадка «авторства» романа «Дар» семантически усложняется введением нескольких повествовательных инстанций: перволичного нарратора, обобщенного повествователя от лица «мы», аукториального нарратора, что в итоге корректирует стратегию чтения текста, – смысл его может быть интерпретирован как поиск авторской идентичности, самосознания себя как творца, ощущения силы креативного слова. Н. Г. Мельников отметил, что даже «детективная» сюжетная формула (расследование, предпринятое героем-повествователем, вмещающее догадки, намеки, тайны), которая лежит в основе нарратива В. В. Набокова, направлена на психологическое самораскрытие и поиск собственной идентичности [21, с. 59–74]. Текст «Лолиты», написанный Гумбертом Гумбертом, сам ставит под сомнение реальность описанных событий; напомним, что повествователь убеждает Шарлотту Гейз в том, что его дневник – это черновик романа, что в совокупности с жанровой рамкой текста – «исповедью» – гипотетически разрушает всю событийную коллизию и по-другому заставляет взглянуть на странности, связанные с двойником Гумберта – Клэром Куильти (см.: [2, с. 81–151]). Грей Стар, «Серая звезда», «столица» повести Гумберта, где умирает Лолита, в этом контексте может быть осознана как серое вещество, мозг художника, в котором зарождается и, развиваясь, живет произведение искусства. Однако абсолютизировать эту интерпретацию вслед за А. А. Долининым [23, с. 294–330] опасно. Концептуально-эстетическая загадка, заложенная в нарратив интеллектуального романа, постулирует полемику с идеями и теориями, претендующими на некую завершенность, и отторгает ее как противную самой сущности искусства своей

принципиальной смысловой открытостью и альтернативностью.

Сложно продуманная, обнаженно рационализированная система ложных догадок (как читателя, так и персонажа), сюжетные провокации, намеки, толковать которые можно различно, лишают повествование интеллектуального романа некой смысловой стабильности – причем это не принципиальная многозначность гениального художественного произведения, в интерпретации которой все же есть некий спектр адекватности (И. А. Есаулов), обеспечиваемая семиотической природой искусства, а намеренная полисемантность, задуманная автором-творцом, которая достигается отсутствием некоторых важных сюжетообразующих фактов, противоречивостью намеков, ненадежностью повествуемой истории¹. Интересный ответ на вопрос об актуализации энигматической интриги дал Дж. Кавелти (J. Cawelty): по мнению литературоведа, подобная «эффективная структура» позволяет создать «иллюзию рационального контроля над тайнами жизни» [24, с. 137], соответствующую философской интенции интеллектуального романа к постижению неопределенности, алогичности и таинственности человеческого «я» [21, с. 61–64], что особенно отчетливо ощутимо в набоковском творчестве (см.: [25]).

Читательская рецепция, таким образом, в интеллектуальном романе основана на неоднократном прочтении, которое необходимо для поиска лейтмотивов, система которых, по мысли И. Р. Ратке [5, с. 5–6], заменяет традиционное построение сюжета, сконструированном двойственно, как отмечает С. А. Белоконов [26, с. 3–7]: с одной стороны, «фабульная», жизнеподобная событийность рассказанной истории (жизнь Годунова-Чердынцева в эмиграции и его становление как художника; история любви Гумберта к Лолите; биография Кинбота, которую легко вычленишь из его комментария к поэме «Бледное пламя») в сюжете очевидна; с другой стороны, ведущую миромоделирующую функцию обретает «сюжет мысли» – композиционная форма медитации в повествовании, отмеченная В. Д. Днепровым: рефлексия, резонерство, комментирование событий героя-повествователя, не просто созидающего текстовую реальность, но

¹ Осложняющим фактором может служить и интертекст, который расширяет мысли о хронотопе, делает представления о том или ином смысле убедительнее, обогащает варианты понимания сюжетных версий происходящего. Так, к примеру, актуализированные коды творчества Данте (история его любви к юной Беатриче) и Э. А. По позволяют Гумберту Гумберту «оправдать» свою страсть к нимфеткам.

осознающего мир как текст. Существование кинботовской Зембли возможно только в границах созданного Кинботом псевдонаучного текста, который становится формой исповеди о травматическом опыте и возможности побега от реальности; аналогичную функцию выполняет поэма «Бледный огонь» для сочинившего ее Шейда, который пытался осмыслить самоубийство дочери посредством эстетизации. Интересна трактовка Б. Бойда, который убедительно продемонстрировал возможную фальсификацию всего комментария, якобы сочиненного Кинботом; по мнению ученого, автором комментария может быть сам Джон Шейд при участии своей дочери Хейзел (смерть, которой, возможно, тоже художественный вымысел), что объясняет появление в тексте комментария фактов, которые Кинбот знать не мог [27].

Налицо очередная мистификация (подобно вымышленной авторецензии на сборник «Стихи», сочиненной Годуновым-Чердынцевым, или выдуманному «Страннолюбскому», «известному» биографу Чернышевского), которая, по существу, не поясняется. Для поэтики интеллектуального романа принципиально отсутствие окончательного объяснения. Нарративная стратегия провокации, организующая «двойной» сюжет интеллектуального романа (историю героя и его мыслительный дискурс), включает в себя «игру с сюжетом, угадывания, доказательство», а само разгадывание загадки (загадок) – одно из «движущих сил сюжета, свойство, качество текста» [6, с. 145].

Тип действительности героя (изображенный мир)

В интеллектуальном романе создается особый тип героя-интеллектуала с «крайне изощренной психикой, нетрадиционными формами самооценки и восприятия мира, мономана и эгоцентрика, связанного с искусством, обладающего уникальной культурной памятью» [6, с. 140], человека интеллектуально-творческой профессии (писателя, переводчика, критика, музыканта, режиссера, ученого). Выбор такого типа героя связан с ведущей для интеллектуального романа темой искусства. В. В. Набоков неоднократно рассуждал о природе искусства; так, в «Даре» концепция искусства связана с преображающей силой слова, меняющей ценностно-смысловые ориентиры человека, что в дальнейшем будет углублено и уточнено. В послесловии к «Лолите» искусство определено как «любопытность, нежность, доброта, стройность, восторг», доставляемые художественным текстом [20, с. 345], что может быть определено в качестве это-

са нарративности интеллектуального романа: искусство, связанное с лучшим, что есть в человеческой личности (любовью, красотой, добротой, восторгом перед бытием, любознательностью при постижении мира), позволяет с помощью креативности, созидательной силы приблизиться к тайне мира и человека, выводя героя за рамки личной судьбы, индивидуализма, эгоизма с помощью акта творчества. Отсюда – тематические контуры интеллектуального романа, которые сохраняют стабильность уже на протяжении столетия: тематизация взаимоотношений судьбы и человека (адекватность судьбы в границах человечности), текстуальное постижение действительности («перевод» событийной коллизии в текст ради этико-философского осмысления бытия в мире), проблема самоидентификации, самоопределения, самопознания через текст (текст становится средством постижения личного бытия благодаря структурированности, упорядоченности, иерархичности в архитектонике смысла).

Для Федора Годунова-Чердынцева, Гумберта Гумберта, Джона Шейда и Чарльза Кинбота (как и для многих других героев В. В. Набокова) эстетическое наслаждение жизнью, искусством, словом неразрывно с чувством любви. Годунов-Чердынцев делится с возлюбленной, Зиной Мерц, замыслом написать роман, тематически и сюжетно схожий с набоковским «Даром», в котором будет творчески воссоздана и преображена их жизнь (см. об этом: [28]):

«Ну, положим, – я это все так перетасую, перекручу, смешаю, разжую, отрыгну... таких своих спесий добавлю, так пропитаю собой, что от автобиографии останется только пыль, – но такая пыль, конечно, из которой делается самое оранжевое небо» [19, с. 314].

Гумберт вдохновенно создает для себя и Лолиты неповторимую «*страну, лиловую и черную Гумбрию*» подобно «*княжеству у моря (почти как у По)*» [20, с. 186, 21]. Тонко чувствующий красоту, ценящий ее и умеющий ее видеть, Гумберт живет, по собственному признанию, в фантастическом мире, где все позволено, в мире, который он, по-видимому, и создает в «Исповеди светлогожего вдовца» для того, чтобы спасти себя и Лолиту от смерти – и «*это – единственное бессмертие, которое мы можем с тобой разделить, моя Лолита*» [Там же, с. 283]. Искусственный мир (с коннотацией «искушения») создает как Джон Шейд, сохраняя образ умершей дочери в поэтическом слове, так и Кинбот, моделируя в комментарии образ Зембли – утраченного им коро-

левства, подлинного рая, который жив только в творческом акте. Герой-интеллектуал строит мир по законам искусства, которое является для них высшим ценностно-смысловым ориентиром: «*А все прочее – ржа и рой звездный*», – как сказано в стихотворении Гумберта [Там же, с. 339]. Реальность же, соприкасаясь с вымышленными мирами героев-интеллектуалов – этой хрупкой, тонкой, изящной конструкцией, «*где все так, как должно быть*», как сказано в «Других берегах», – выступает в роли рока, неумолимой судьбы (еще одна тематическая константа интеллектуального романа) – гумбертовской «вторичной судьбы (незадачливой секретарши Мак-Фатума)» [Там же, с. 135], забытых Годуновым-Чердынцевым ключей от квартиры, случайности, которая привела к гибели Шейда якобы от руки Градуса. Судьба подчеркивает трагическую связанность искусства с тайнами жизни: одиночество и неприкаянность, «бездомность» героев (эмиграция Федора, его постоянные поиски съемного жилья; путешествие Гумберта по Америке, остановки в мотелях; переезды Кинбота, его неорганичность в профессорской среде из-за специфических сексуальных интересов), неотвратимую гибель (смерть Гумберта в тюрьме, самоубийство Кинбота), «отрешенье от слова» и «молчанье любви» (слова из стихотворения В. В. Набокова «Поэты» (1939)) – вершинный итог жизни героев, написавших свои главные книги или мечтающие о такой книге, как Годунов-Чердынцев, чей замысел романа о счастье не равен роману «Дар».

Осознание подлинной реальности как чего-то рационализированного, как интеллектуального конструкта заставляет героя-художника задействовать всю свою внушительную культурную память для пересоздания мира. В свою очередь, культурная поликодовость изображенного в интеллектуальном романе мира обуславливает диалогическую установку сознания героя-интеллектуала, обращенного к «будущему» читателю, «*который, в свою очередь, лишь отражение автора во времени*» [19, с. 305], в коммуникативном пространстве и явную или замаскированную работу с «чужим словом»: полемику не только с чуждыми философскими, но и художественными системами, а также создание собственной философско-эстетической концепции (непринятие эстетической программы Чернышевского в «Даре»; обыгрывание и пародирование философии общества потребления и образа массовой культуры в «Лолите»; переакцентировка концепции инобытия, предложенной Шейдом, в «Бледном пламени»).

Тип взаимоотношений между миром героя и действительностью автора и читателя

Граница интеллектуализированного «иллюзорного» мира, который моделируется героем-повествователем, проницаема: в интеллектуальном романе постоянно демонстрируется присутствие демиурга текста, мыслящего субъекта, что развеивает иллюзию достоверности миметического повествования и актуализирует диалектическое взаимодействие триады «автор – герой-интерпретатор – читатель» (см. подр.: [29, с. 31–35]), в которой читатель получает внушительные рецептивные и интерпретационные возможности.

Вся структура текста направлена на полилог с читателем. Например, паратекстуальные элементы, актуализированные в интеллектуальном романе (мы предлагаем называть их «псевдопаратекстом» ввиду их обнаженной искусственности и явной художественной функции [30, с. 361–363]), обогащают, меняют и усложняют рецепцию центрального текста. Это позволяет создать нескольких художественно убедительных версий происходящего в сюжете и идейном мире (С. А. Ильин), которые можно доказать, обратившись к тексту. Читатель-соавтор может самостоятельно сконструировать текст благодаря семантическим, символическим «связкам», то есть сильным позициям текста, которые создают ассоциативный ряд за счет неисчерпаемых возможностей фантазии и интеллекта читателя и силы семантических многозвучий слова. Это не принципиальная многозначность любого художественного текста, а результат нарративной стратегии провокации, которая обуславливает альтернативность толкования виртуального мира. Фикциональный комментарий, написанный Кинботом, призван прояснить «темные места» поэтического текста Шейда (иронично, что его фамилия переводится как «тень»), однако это назначение не выполняет, а становится пространством формирования новых смыслов (в котором, в частности, самовольно рассказывается о королевстве Зембле, о побеге короля Карла Возлюбленного, кем был Кинбот ранее, от убийцы Градуса). Комментарий не объясняет поэму, а вносит новые смыслы, демонстрируя облик расколотого сознания профессора Кинбота. У читателя, кроме поэмы, указателя и комментария, нет достоверных источников информации, поэтому стратегией чтения и взаимодействия с текстом становится поиск семантических «связок» (к примеру, загадочного имени Всеслава Боткина), который позволяет сконструировать собственную версию происходящего или придать убедительности той или иной трактовке. Торжествует

в данном случае лишь «бледный огонь», украденный у солнца (У. Шекспир), – искусство.

Интеллектуальный роман манифестирует свободную структуру художественного текста для читателя (перечитывателя), готового к игре в «лабиринте мышления» (С. Д. Павлычко). Это обеспечивается разомкнутостью пространственно-временной организации интеллектуального романа. Мнимая «незавершенность», открытость текста, создающая семантическую «пустоту», порождает целый спектр интерпретаций, который и заполняет смысловые лакуны, причем акт толкования происходит не в результате позднейшего осмысления, а в процессе чтения.

Усиление условности повествования (чаще всего – личного) происходит из-за субъективности восприятия мира [31, с. 208], что приводит к ощущению «конструктивности мира», фальсификации, имитации, к установке на создание сакральных и фантастических моделей реальности. Так, Годунов-Чердынцев непрерывно удваивает реальность: реальные события в его тексте сплетены с вымышленными, фантастическими, даже сакрализованными. В первой главе он имитирует присутствие на званом вечере фигуры уже мертвого героя – Яши Чернышевского; во второй и третьей главах выдумывает вариант продолжения жизни А. С. Пушкина, сумевшего пережить дуэль, и мнимое, воистину сакральное путешествие в Тибет вместе с отцом; а смысловыми центрами пятой главы становятся эпизоды сна о возвращении отца и загадочного духовного отделения от телесного бытия в лесу Груневальд. Гумберт Гумберт мечтает создать «княжество у моря», навеянное как детскими воспоминаниями, так и творчеством Э. А. По, и реализует замысел в своей исповеди, сохраняя (спасая) жизнь Долорес Скиллер (в девичестве – Гейз), умершей после родов, в образе Лолиты. Реальность романа «Бледное пламя» – мерцающая, гиперболизировано текстуальная (структура текста: предисловие – поэма – указатель – комментарий), обращенная не к фикциональному миру, а действительности читателя, вызывающая к непрерывной переинтерпретации.

Заключение

Итак, выявление жанровых параметров интеллектуального романа на материале романистики В. В. Набокова (творчество которого, по слову О. Н. Михайлова, ориентировано на «высококолобого читателя»), среди которых провокативная нарративная стратегия, создающая окказиональный, рационализированный образ мира, программная усложненность композиции, родственный тип героя-интеллектуала, исключитель-

ное внимание к темам искусства, любви и судьбы, которые конверсионно взаимодействуют, чтобы изменить представление о действительности, позволило доказать жизнеспособность как концепции интеллектуализации литературы XX в., так и поэтики интеллектуализма, реально функционирующей в неклассических художественных текстах.

Интеллектуализм становится одной из стратегий жанрообразования в неклассической литературе XX–XXI вв.: в частности, романы В. В. Набокова конструируют облик героя-интеллектуала, релятивизируют идеологический контекст, расширяют интерпретационный «горизонт» читателя в осмыслении текста и т. д. Поэтому показательны финальные строки «Дара»:

«... судьба сама еще звенит, и для ума внимательного нет границы там, где поставил точку я: продленный призрак бытия синее за чертой страницы, как завтрашние облака, и не кончается строка» [19, с. 329].

В перспективе исследования – изучение реализации потенциала жанра интеллектуального романа в творчестве типологически и генетически близких художников слова: А. Мёрдок, Дж. Барта, М. Турнье, А. Г. Битова, Ю. О. Домбровского, М. А. Палей и других.

Список источников

1. Набоков В. В. Строгие суждения. М.: КоЛибри, 2018. 413 с.
2. Синеусов Н. Г. Комментарии // В. Набоков. Ада, или Страсть. Киев: Кишинев, 1994. С. 568.
3. Пестерев В. А. Интеллектуализм романа Паскаля Мерсье «Ночной поезд на Лиссабон» (к проблеме культурных кодов) // Русская германистика. Том 8. Нижний Новгород: Языки славянской культуры, 2011. С. 155–164.
4. Павлычко С. Д. Лабіринти мислення: інтелектуальний роман сучасної Великобританії. Київ: Наукова думка, 1993. 104 с.
5. Ратке И. Р. Русская интеллектуальная проза 20-х годов XX века (Б. Пильняк, Е. Замятин, В. Набоков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 24 с.
6. Ильин С. А. Интеллектуальный роман в творчестве В. Набокова и А. Мёрдок: «Лолита» и «Черный принц» // Вестник Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. Сер. А: Филология. Социальные коммуникации. 2009. № 2. С. 139–146.
7. Белая Г. А. Закономерности стилового развития советской прозы 1920-х гг. М.: Наука, 1977. 253 с.
8. Боров Ю. Б. Интеллектуализм в литературе // Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. С. 105–107.

9. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учеб. пос.: в 2 т. Т. 2: 1968–1990. М.: Изд. центр «Академия», 2003. 689 с.

10. Мармазова Л. Л. Поэтика постмодернистской интеллектуальной драмы Т. Стоппарда: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Днепрпетровск, 2006. 23 с.

11. Бочаров А. Г. Бесконечность поиска: Художественные поиски современной советской прозы. М.: Советский писатель, 1982. 422 с.

12. Комина Р. В. Современная советская литература: Художественные тенденции и стилевое многообразие. М.: Высшая школа, 1984. 232 с.

13. Сураг И. З. Человек в стихах и прозе: Очерки русской литературы XIX–XXI вв. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 344 с.

14. Днепров В. Д. Идеи времени и формы времени. М.; Л.: Советский писатель, 1980. 598 с.

15. Поэтика литературных жанров: проблемы типологии и генезиса / Под ред. Д. М. Магомедовой, В. В. Савелова. М.: РГГУ, 2019. 354 с.

16. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 424 с.

17. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. писатель, 1963. 363 с.

18. Жиличева Г. В. Нарративные стратегии в жанровой структуре романа (на материале русской прозы 1920–1950-х гг.). Новосибирск: НГПУ, 2013. 317 с.

19. Набоков В. В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М.: Правда, 1990. 480 с.

20. Набоков В. В. Лолита. М.: Художественная литература, 1991. 418 с.

21. Мельников Н. Г. О Набокове и прочем. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 416 с.

22. Погребная Я. В. Поиски «Лолиты»: герой-автор-читатель-книга на границе миров. 2-е изд. М.: ФЛИНТА, 2011. 168 с.

23. Долинин А. А. «Двойное время» у Набокова. (От «Дара» к «Лолите») // Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. СПб.: Академический проспект, 2004. С. 294–330.

24. Cawelti J. Adventure, Mystery, and Romance. Chicago, London: University of Chicago Press, 1976. 348 p.

25. Майер П. Набоков и неопределенность: Случай «Истинной жизни Себастьяна Найта». СПб.: БиблиоРоссика, 2020. 272 с.

26. Белоконов С. А. Особенности сюжетно-композиционной организации интеллектуального романа // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2019. № 2. С. 3–7.

27. Бойд Б. «Бледный огонь» Владимира Набокова: волшебство художественного открытия. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2015. 571 с.

28. Клецкая С. И. Роман «Дар»: круг или палимпсест? // Филология: научные исследования. 2019. № 5. С. 64–74. DOI 10.7256/2454-0749.2019.5.30977.

29. Белоконов С. А. Особенности субъектной организации интеллектуального романа (на материале романа К. Вагинова «Труды и дни Свистонов») // Вест-

ник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 31–35.

30. Котомцев Д. О. Паратекст как прием (о поэтике интеллектуального романа) // Актуальные проблемы науки: взгляд студентов: Материалы Всероссийской с международным участием студенческой научной конференции. СПб.: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2023. С. 361–363.

31. Гурина Т. Л. Некоторые предпосылки изучения авторской позиции в интеллектуальном романе XX века // Проблема автора в художественной литературе. Ижевск, 1974. С. 200–226.

References

1. Nabokov, V. V. (2018). *Strogie suzhdeniia* [Strong Opinions]. 413 p. Moscow, KoLibri. (In Russian)

2. Sineusov, N. G. (1994). *Kommentarii* [Comments]. Nabokov V. Ada, or Passion. P. 568. Kiev, Kishinev. (In Russian)

3. Pesterev, V. A. (2011). *Intellektualizm romana Paskalya Mers'e "Nochnoi poezd na Lissabon" (k probleme kul'turnykh kodov)* [Intellectualism of Pascal Mercier's Novel "Night Train to Lisbon" (on the problem of cultural codes)]. *Russkaya germanistika*. Vol. 8, pp. 155–164. Nizhny Novgorod, Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian)

4. Pavlichko, S. D. (1993). *Labirinti mislennya: intelektual'niy roman suchasnoi Velikobritanii* [Labyrinths of Thought: An Intellectual Novel of Modern Great Britain]. 104 p. Kiev, Naukova dumka. (In Ukrainian)

5. Ratke, I. R. (2005). *Russkaya intelektual'naya proza 20-kh godov XX veka (B. Pil'nyak, E. Zamyatin, V. Nabokov): avtoref. dis. ... k-ta filol. nauk* [Russian Intellectual Prose of the 1920s (B. Pilnyak, E. Zamyatin, V. Nabokov): Ph.D. Thesis Abstract]. Volgograd, 24 p. (In Russian)

6. Il'in, S. A. (2009). *Intellektual'nyi roman v tvorchestve V. Nabokova i A. Merdok: "Lolita" i "Chernyi prints"* [Intellectual Novel in the Works of V. Nabokov and A. Murdoch: "Lolita" and "The Black Prince"]. *Vestnik Luganskogo natsionalnogo universiteta imeni Tarasa Shevchenko. Ser. A: Filologiya. Sotsialnaya kommunikatsiya*. No. 2, pp. 139–146. (In Russian)

7. Belaya, G. A. (1977). *Zakonomernosti stilevogo razvitiya sovetskoi prozy 1920-kh gg.* [Patterns of Stylistic Development of Soviet prose in the 1920s]. 253 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

8. Borev, Yu. B. (1974). *Intellektualizm v literature* [Intellectualism in Literature]. *Slovar' literaturnykh terminov*. Pp. 105–107. Moscow, Prosveshchenie. (In Russian)

9. Leiderman, N. L., Lipovetskii, M. N. (2003). *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody* [Modern Russian Literature: 1950–1990]. Vol. 2: 1968–1990. 689 p. Moscow, Akademia. (In Russian)

10. Marmazova, L. L. (2006). *Poetika postmodernistskoi intelektual'noi dramy T. Stopparda: avtoref. dis. ... k-ta filol. nauk* [Poetics of T. Stoppard's Postmodern Intellectual Drama: Ph.D. Thesis Abstract]. Dnepropetrovsk, 23 p. (In Russian)

11. Bocharov, A. G. (1982). *Beskonechnost' poiska: Khudozhestvennye poiski sovremennoi sovetskoi prozy* [Infinity of Search: The Artistic Search for Modern Soviet Prose]. 422 p. Moscow, Sovetskii pisatel'. (In Russian)
12. Komina, R. V. (1984). *Sovremennaya sovetskaya literatura: Khudozhestvennye tendentsii i stilevoe mnogoobrazie* [Modern Soviet Literature: Artistic Trends and Stylistic Diversity]. 232 p. Moscow, Vyssh. shk. (In Russian)
13. Surat, I. Z. (2017). *Chelovek v stikhakh i proze: Ocherki russkoi literatury XIX – XXI vv.* [Man in Poems and Prose: Essays of Russian Literature of the 19th–21st Centuries]. 344 p. Moscow, IMLI RAN. (In Russian)
14. Dneprov, V. D. (1980). *Idei vremeni i formy vremeni* [Ideas of Time and Forms of Time]. 598 p. Moscow; Leningrad, Sovetskii pisatel'. (In Russian)
15. *Poetika literaturnykh zhanrov: problemy tipologii i genezisa* (2019) [Poetry of Literary Genres: Problems of Typology and Genesis]. Red. D. M. Magomedova, V. V. Savelov. 354 p. Moscow, RGGU. (In Russian)
16. Bakhtin, M. M. (1986). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. 424 p. Moscow, Iskusstvo. (In Russian)
17. Bakhtin, M. M. (1963). *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. 363 p. Moscow, Sov. pisatel'. (In Russian)
18. Zhilicheva, G. V. (2013). *Narrativnye strategii v zhanrovoy strukture romana (na materiale russkoi prozy 1920–1950-kh gg.)* [Narrative Strategies in the Genre Structure of the Novel (based on Russian prose of the 1920s – 1950s)]. 317 p. Novosibirsk, NSPU. (In Russian)
19. Nabokov, V. V. (1990). *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected Works: In 4 Volumes]. Vol. 3, 480 p. Moscow, Pravda. (In Russian)
20. Nabokov, V. V. (1991). *Lolita* [Lolita]. 418 p. Moscow, Khudozh. lit. (In Russian)
21. Mel'nikov, N. G. (2014). *O Nabokove i prochem* [About Nabokov and Other Things]. 416 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
22. Pogrebnaya, Ya. V. (2011). *Poiski "Lolity": geroi-avtor-chitatel'-kniga na granitse mirov* [Search for "Lolita": Hero-Author-Reader-a Book on the Border of Worlds]. 168 p. Moscow, FLINTA. (In Russian)
23. Dolinin, A. A. (2004). *"Dvoynoe vremya" u Nabokova. (Ot "Dara" k "Lolite")* [Nabokov's "Double Time". (From "The Gift" to "Lolita")]. *Istinnaya zhizn'* pisatelya Sirina: Raboty o Nabokove. Pp. 294–330. St. Petersburg, Akademicheskii prospect. (In Russian)
24. Cawelti, J. (1976). *Adventure, Mystery, and Romance*. 348 p. Chicago, London, University of Chicago Press. (In English)
25. Mayer, P. (2020). *Nabokov i neopredelennost': Sluchai "Istinnoi zhizni Sebast'iana Naita"* [Nabokov and Uncertainty: The Case of "The True Life of Sebastian Knight"]. 272 p. St. Petersburg, BiblioRossika. (In Russian)
26. Belokon', S. A. (2019). *Osobennosti siuzhetno-kompozitsionnoi organizatsii intellektual'nogo romana* [Features of the Plot and Compositional Organization of the Intellectual Novel]. *Vestnik Donetskogo Natsionalnogo Universiteta. Seriya D: Filologiya i psikhologiya*, No. 2, pp. 3–7. (In Russian)
27. Boid, B. (2015). *"Blednyi ogon'" Vladimira Nabokova: volshebstvo khudozhestvennogo otkrytiia* ["Pale Fire" by Vladimir Nabokov: The Magic of Artistic Discovery]. 571 p. St. Petersburg, izd-vo Ivana Limbakha. (In Russian)
28. Kletskaya, S. I. (2019). *Roman "Dar": krug ili palimpsest?* [Novel "The Gift": A Circle or Palimpsest?]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. No. 5, pp. 64–74. (In Russian)
29. Belokon', S. A. (2017). *Osobennosti sub"ektnoi organizatsii intellektual'nogo romana (na materiale romana K. Vaginova "Trudy i dni Svistonova")* [Features of the Intellectual Novel Subjective Organization (based on K. Vaginov's novel "The Works and Days of Svistonov")]. *Vestnik Donetskogo natsionalnogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psikhologiya*. No. 2, pp. 31–35. (In Russian)
30. Kotomtsev, D. O. (2023). *Paratekst kak priem (o poetike intellektual'nogo romana)* [Paratext as a Technique (on the poetics of the intellectual novel)]. *Aktual'nye problemy nauki: vzglyad studentov: Materialy Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem studencheskoi nauchnoi konferentsii*, pp. 361–363. St. Petersburg, LSU imeni A. S. Pushkina. (In Russian)
31. Gurina, T. L. (1974). *Nekotorye predposylki izucheniya avtorskoi pozitsii v intellektual'nom romane XX veka* [Some Prerequisites for Studying the Author's Position in the Intellectual Novel of the Twentieth Century]. *Problema avtora v khudozhestvennoi literature*, pp. 200–226. Izhevsk. (In Russian)

The article was submitted on 02.10.2024
Поступила в редакцию 02.10.2024

Котомцев Дмитрий Олегович,
ассистент,
Луганский государственный педагогический университет,
291011, Россия, Луганск,
Оборонная, 2.
dima_kot_94@mail.ru

Kotomtsev Dmitry Olegovich,
Assistant Professor,
Lugansk State Pedagogical University,
2 Oboronnaya Str.,
Lugansk, 291011, Russian Federation.
dima_kot_94@mail.ru

УДК 81'33

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-277-282

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ВЗРОСЛЕНИЯ РЕБЕНКА В КОНТЕКСТЕ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

© Игорь Кудряшов, Зухра Аглеева

THE PROBLEM OF CONCEPTUAL MODELING OF THE CHILD GROWING UP IN THE CONTEXT OF CHILDREN'S LITERATURE

Igor Kudryashov, Zukhra Agleeva

Based on the five-volume novel "Leningrad Fairy Tales" by Y. Yakovleva, the article systemically identifies multidimensional relationships between stereotypical relevant knowledge and scenarios of the child characters' physical and psychological development, examines the problem of a growing individual's operative memory and its cognitive role in the process of linguistic embodiment of current events. We have established that the reader's attention is focused on the strategies for interpreting objective reality, which are effective for a growing child character in the context of culturally defined children's literature discourse. The processes of growing of a child character are conceptualized in the texts of children's literature based on cultural scenarios and embodied metaphors. In this regard, we can trace the interrelationships between the metaphorical embodiment and the structure of the narrative, in particular, how a child's knowledge of the surrounding reality influences the architectonics of the narrative. The article concludes that textuality is generated and perceived through the prism of physicality, being based on audiovisual channels, and the child-reader maintains communicative contact with the author by activating memories, predetermined by the cultural context, which cause intense emotional reactions. Of essential importance in the format of children's literature are such aspects of age-related cognizing of the current eventuality as stereotypical background knowledge and cognitive scripts, which, in turn, are predetermined by physical and cultural vectors, embodied models of consciousness as developed patterns of expression that exist in the discursive construction of childhood. Child-readers rely on cognitive functions such as memory, perception and emotion to analyze cause-and-effect relationships in a storyline. All of these cognitive functions work together to convey information about the emotional potential and collective nature of storytelling.

Keywords: children's literature, physical and psychological growing-up, embodied metaphor, cultural scenario, memory, child-reader

На материале пятитомного романа «Ленинградские сказки» Ю. Яковлевой в статье системно выявляются многомерные взаимоотношения между стереотипными актуальными знаниями и сценариями физического и психологического развития персонажа-ребенка, исследуется проблема оперативной памяти подрастающего индивида и ее когнитивной роли в процессе языкового воплощения текущей событийности. Установлено, что читательское внимание фокусируется на стратегиях интерпретации объективной реальности, которые являются действенными для взрослеющего персонажа-ребенка в контексте культурно определенных дискурсов детской литературы. Процессы взросления персонажа-ребенка концептуализуются в текстах детской литературы преимущественно с опорой на культурные сценарии и воплощенные метафоры. В связи с этим прослеживаются взаимосвязи между метафорическим воплощением и структурой повествования: в частности, как познание окружающей действительности ребенком оказывает влияние на архитектуру повествования. Делается вывод о том, что текстuality порождается и воспринимается сквозь призму телесности и с опорой на аудиовизуальные каналы, а читатель-ребенок поддерживает коммуникативный контакт с автором, в том числе активировав воспоминания, предопределяемые культурным контекстом, все еще вызывающие интенсивные эмоциональные реакции. В формате детской литературы сущностное значение приобретают такие аспекты познания окружающей реальности, имеющие отношение к взрослению, как актуальные стереотипные знания и сценарии, которые, в свою очередь, обусловлены биофизическими и культурными факторами, воплощенные паттерны мышления как разработанные модели выражения, которые существуют в дискурсивной конструкции детского возраста. Читатели-дети полагаются на такие когнитивные функции, как память, восприятие и эмоции, чтобы анализировать причинно-следственные связи в сюжетной ли-

нии. Все эти когнитивные функции работают сообща, чтобы донести информацию об эмоциональном потенциале и коллективной природе повествования.

Ключевые слова: детская литература, физическое и психологическое взросление, воплощенная метафора, культурный сценарий, память, читатель-ребенок

Для цитирования: Кудряшов И., Аглеева З. Проблема концептуального моделирования взросления ребенка в контексте детской литературы // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 277–282. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-277-282

Актуальность исследования заключается в том, что концептуализация становления детской индивидуальности лежит в основе формирования как сюжетной линии повествования, так и читательской компетенции целевого адресата текста, представителей подрастающего поколения. При этом постепенный переход от инфантильного солипсизма к многомерному социальному сознанию в ходе постижения реальности и самовосприятия зеркально отражается как в образах героев произведений, так и в личностях юных читателей. Цель исследования – проследить, как многомерное отражение физического и психологического взросления совпадает с тем моментом повествования, когда типизированный персонаж приобретает действенные знания и прозрения об окружающем – не всегда добром и ободряющем – универсуме и, следовательно, становится более зрелой личностью.

В этой связи решаются следующие задачи:

1) проследить взаимосвязи между стандартными сценариями (такими, в частности, как «взрослеющий ребенок в нестабильной исторической обстановке») и тем, как воплощенные в них образы персонажей-детей предопределяют характер когнитивного восприятия сценария читателем-ребенком;

2) проанализировать, как взросление ребенка воспроизводится с опорой на воплощенные метафоры, которые являются механизмом неявного сравнения процессов психического роста с физически выражаемыми переживаниями;

3) выявить, как процессы воплощения культурных сценариев и концептуальной метафоры влияют на дискурсивное моделирование сюжета автором и ее последующее осмысление подрастающим читателем с опорой на память, восприятие и эмоции.

Производимый в статье анализ механизмов и средств художественной концептуализации взросления – обработка актуальной информации сознанием в формате культурных сценариев и метафоры – опирается на исследования когнитивной лингвистики и теории текста. Общим знаменателем данного анализа выступают постулаты о том, что:

1) воплощенная способность к категоризации влияет на формирование представлений об окружающей повседневности [1, с. 58];

2) некогда сформированные репрезентации предопределяют последующие навыки целостно воспринимать объективную реальность [2, с. 37].

Научная новизна исследования связывается с доказательством того, что потребность персонажа-ребенка в концептуализации тревожной и проблематичной повседневности приводит к доминированию в сознании представлений о мире, которые являются метафорическими как в ментальном плане, так и языковой фиксации. Установлено, что процессы осознанного ментального структурирования актуальной информации – как и детализация лингвистической компетенции – в терминах формирования культурных сценариев и метафорического воплощения характеризуются у персонажей-детей особой интенсивностью.

Начиная с раннего детства метафоры формируют оперативную базу для обработки актуальной информации [3, с. 89]. Взросление – это комплексный феномен, понимание которого предопределяется соотношением с процессами воплощения [4]. Эмоциональное взросление ребенка квалифицируется как воплощенное переживание [5, с. 42–43]. Схема повествования, включающая мотив столкновения взрослеющего героя с реальностью, порождает захватывающую сюжетную линию, поскольку подразумевает приобретение повседневного опыта, предполагающего метафорическое путешествие. Это путешествие часто анализируется в терминах жизненных этапов, которые предстоит пройти взрослеющему герою [6]. Как следствие бесконечного поиска себя, герой претерпевает экзистенциальную метаморфозу, которая облегчает восприятие и осознание мира взрослых, сталкивается с этим обескураживающим миром [7, с. 74].

Память, восприятие и эмоции квалифицируются как базовые функции рационального сознания [8, с. 102]. Анализ специфики активации этих функций и механизмов в авторском и читательском сознании является эпистемологической основой изучения того, что собой представляют литературные знания [9, с. 29]. Когнитивная тео-

рия текста настаивает на том, что функционирование сознания играет конструктивную роль в культурном производстве: мышление формируется как внешними (дискурсивными), так и внутренними (когнитивными) факторами [10, с. 63]. Концепция, связывающая воплощение с познавательными процессами, основывается на когнитивной идее сценариев [11, с. 28]. Сценарий – это (1) динамичный репертуар, состоящий из ряда последовательностей, своего рода структуры памяти, хранящие знания об определенных ситуациях и формирующие основу понимания этих ситуаций; (2) то, как будет разворачиваться последовательность событий [12, с. 44, 52, 67].

В когнитивной нарратологии сценарии приобретают исследовательскую ценность при изучении их предопределенности стереотипными знаниями, способности в той или иной степени изменять устойчивые шаблоны поведения и восприятия [13, с. 94]. Если сценарии свести к наименьшему общему знаменателю, их можно представить в качестве эффективного способа сознания сохранять экзистенциальные процессы в виде стереотипных знаний [14, с. 153]. В романе «Дети ворона», первой книге цикла «Ленинградские сказки», множество сценариев переплетаются, создавая несколько сюжетных линий: миф о Ленинграде, основывающийся на перевернутом мире предвоенной советской повседневности, сочетается с историями маленького героя Шурки, который вместе со старшей сестрой – через диалоги с птицами – отправляется на поиски загадочного Ворона, «унесшего» их родителей.

Сценарная упаковка сюжетной линии повествования, разворачивающейся на фоне предвоенного Ленинграда, вызывает читательское чувство эмпатии по отношению к главному герою, взрослому Шурке. Выдвижение актуальных сценариев на передний повествовательный план соотносится с теми фрагментами, в которых рассказчик воспроизводит альтернативные точки зрения на текущее положение дел, чтобы сфокусировать читательское внимание на эмоционально-волевых состояниях взаимодействующих персонажей, Шурки и Тани. Повышение читательской осведомленности реализуется, как правило, через преувеличение последствий, критическую оценку действий Шурки со стороны Тани. Ср.:

«– Совершенно незнакомый человек просто так угостил тебя эскимо? Вот чудеса! Глядите, граждане! – Угостил. Свою порцию даже мне отдал... Танины глаза вдруг распахнулись. Из щелок превратились в два огромных ... крыжовника. – И ты обе съел? – А вот и съел. Шурка с вызовом посмотрел на нее. Ну что теперь скажет? – Шурка! Шурка сложил руки на

груди, придав лицу надменное выражение. Танька стояла с разинутым ртом, как громом пораженная... – Обе съел, – горделиво подтвердил он... – Шурка! Теперь она не шутила» [15, с. 36].

В цитируемом фрагменте активируется культурный сценарий, определяющий правила общения ребенка с незнакомыми людьми. Согласно этому сценарию, Шурка не должен был брать мороженое у незнакомого человека. Сценарий оказывается в фокусе внимания читателя как следствие моделирования диалогического общения персонажей, в котором стимулы и реакции характеризуются контрастными иллюзиями: Шурка и Таня высказывают противоположные точки зрения на обсуждаемое положение дел. В ходе спора явно проявляется полярность эмоционально-волевого настроения персонажей: Шурка выражает спокойствие и невозмутимость, Таня – крайнее удивление и испуг. Автор стимулирует читателя, взрослого ребенка, размышлять об эмоциональном развитии персонажей, соотносить полученные знания со своим повседневным жизненным опытом. Персонажи иллюстрируют этот момент: акцент Шурки на отсутствии соперничества Тани (ср. характеристики брата, подчеркиваемые рассказчиком: *с вызовом посмотрел на нее, сложил руки на груди, придав лицу надменное выражение, горделиво подтвердил*) подтверждает, что читатель осознает важность эмпатии в создании конструктивной атмосферы общения.

Сущностным механизмом реализации детских сценариев персонажами является мышечная память. Например:

«Продавщица откинула доску-стол... – А вы почему одни? Без взрослых? – спросила она. – А бабушка у Гостиного двора ждет, – соврала Таня. ... Таня увидела, как продавщица, кивнув напарнице..., отошла к черному блестящему телефону и сняла трубку. – Шурка, бежим, – прошептала Таня. Они выкатились в торговый зал, выскочили на улицу... Шмыгнули в ближайшую подворотню» [Там же, с. 52].

В детской картине мира вступление в коммуникативный контакт с незнакомыми людьми всегда трактуется как угроза безопасности. Этот когнитивный посыл закладывается родителями с самого раннего детства (в контексте анализируемого повествования: не говори с незнакомцами, они тебя отправят в милицию!), формируется у детей в качестве условного рефлекса, предотвращающего психологическую травму. В связи с этим реализация указанного посыла детьми осуществляется на уровне автоматической мышечной памяти, которая предполагает мгновенную

реакцию в виде: (1) сокрытия истинного положения дел (ср. реплику Тани о том, что бабушка ждет их у Гостиного двора); (2) стремительного бегства и укрытия в надежном пространстве (ср. предикаты, выражающие одноактный характер, молниеносность действий детей: *выкатились, выскочили, шмыгнули*); (3) безопасного владения эмоциями и телом.

Старшие дети всегда отвечают за безопасность тех, за кем присматривают и о ком заботятся (ср. императивную реплику Тани, побуждающую Шурку к совместному действию бегства). В результате мышечная память нейтрализует страх персонажей, камуфлируя сценарий бегства от незнакомцев, которые представляют собой явную угрозу для детей, под сценарий увлекательного приключения и геройства. Взрослеющие дети проявляют умение справляться с переполняющим их чувством страха, контролировать вербальное и невербальное поведение, чтобы сохранить эмоциональную и физическую безопасность для себя. У ног Тани есть мышечная память – точно так же, как «мышцы» ее сознания хранят воспоминания о предшествующих аналогичных событиях, – которая позволяет ей решительно действовать в сложившейся ситуации. Восстановление точных воспоминаний дает возможность Тане вырасти и повзрослеть настолько, чтобы мгновенно найти релевантное решение в новой ситуации-угрозе, обеспечить безопасность младшему брату.

Когнитивная нарратология не отдает предпочтение воплощению перед дискурсом, но предлагает осознать, как воплощение влияет на дискурс посредством концептуализации. Отмечается, что когнитивное освоение искусства, языка и литературы связывается с моделями мышления и способами выражения и природой их взаимосвязи [16, с. 73]. В «Ленинградских сказках» Ю. Яковлевой сценариями оказываются воплощенные метафоры. Согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону, «каждая первичная метафора имеет минимальную структуру и возникает естественно, автоматически и бессознательно в ходе повседневного опыта посредством слияния, в ходе которого формируются междисциплинарные ассоциации» [17, с. 49]. Распространенной первичной метафорой является тело – это вместилище. При постижении окружающей действительности главный герой «Ленинградских сказок» часто опирается на эту базовую метафору. Так, Шурка, со слов рассказчика, воспринимает свое тело как вместилище, в которое заселились инородные объекты, являющиеся метафорическими обозначениями страха и голода:

«– Пей залпом! Шурка послушно выпил. В животе теперь, казалось, стоял стеклянный шар» [15, с. 38].

Герой также воспринимает тела других детей как контейнеры:

«Таня и Бобка смотрели на него ошалело. У Бобки замер за щекой тающий кусок, он шумно проглотил слюну» [18, с. 36].

Как представляется, указанная тенденция реализует в тексте две авторские цели: (1) возможность воспроизвести психологическое становление взрослеющего героя в терминах его физического образа, релевантного для читательского восприятия; (2) фиксирование читательского внимания на воплощенных метафорах, раскрывающих взаимосвязи между разумом и телесностью.

Вместилище его тела в буквальном смысле испытывает недостаток еды и в переносном смысле переполняется остро ощущаемыми эмоциями. Более того, он думает о тоске по дому как о внутреннем чувстве в животе: он отождествляет тоску по дому с чувством тяжести в животе, а о боли думает как о чем-то, что проникает в его тело снаружи внутрь:

«Непослушные от усталости ноги запнулись одна об другую, Шурка со всего маху грохнулся на каменный пол. Боль пронзила разбитые колени и локти» [15, с. 142].

Шурка описывает себя как ребенка, сдерживающего эмоции, потому что он воспринимал свое тело в качестве вместилища. Герой объединяет физическую наполненность (или пустоту) с эмоциональной наполненностью (или опустошенностью) в сенсомоторном опыте, который зависит от его субъективного опыта и влияет на него. Шурка не осознает того факта, что сам создает эту логику, относящуюся к предметной области; он проводит эти сравнения без особых усилий. Тем не менее его концептуализации неотделимы от его воплощения. Базовая метафора тело – это вместилище сочетается с другой базовой метафорой изменение – это движение, порождая читательские метафорические представления о том, что тело Шурки – это живое вместилище в путешествии: тело как-вместилище путешествует по жизни. Создавая сложные метафоры, главный герой демонстрирует предопределенность сценариев взросления их имманентным смешением, а также то, что эти сочетания способствуют сохранению культурных нарративов. Шурка воспринимает перемещения в физическом пространстве

(по Ленинграду, в эвакуацию) как метафорическое путешествие взросления. Его тело как вместилище, наполненное пирожными и лимонадом, чувствует себя «вжавшимся в угол», стремящимся в зону комфорта. Герой чувствует себя раздробленным, потому что часть его тела, служащая вместилищем, не путешествовала вместе с ним: та часть его эмоций, которая, по его ощущениям, осталась с его семьей:

«Шурке все это надоело. Он хотел обратно в тот мир, где ... мама, папа и Бобка дома» [15, с. 57].

В конечном счете собственная сила помогает Шурке достичь единственно возможного пункта назначения – внутреннего самоутверждения. Воплощенные представления и опыт приводят к созданию языка, который, в свою очередь, усиливает эти представления и опыт. Хотя этот процесс в значительной степени неосознаваем, создание культурных нарративов, тем не менее, зависит от сочетания сложных метафор и сценариев.

Процессы взросления в детской литературе выражаются как через воплощенные метафоры, так и через сценарии психологического и физического роста индивида. Один из способов обобщения сценария взросления в детской литературе заключается в следующем: ребенок переживает кризис, узнает что-то о том, как справиться с этим кризисом, и в результате растет. Тема взросления приобрела роль культурного нарратива: от ребенка требуется расти.

Культурные нарративы – это сценарии, которые прививают детям определенную экзистенциальную идеологию, разрабатываются таким образом, чтобы устанавливать и внедрять некоторые модели мира. Их базовая функция состоит не в том, чтобы проблематизировать мир, который читатели только думают, что знают, а скорее в том, чтобы помочь им приобрести больше стратегий для знакомства с ним.

Список источников

1. Дмитриева Д. Ю., Самигуллина А. С. Лингвокогнитивный подход к проблеме категоризации интеллектуальных способностей человека (на материале английского языка). Краснодар: Издательский дом «ХОРС», 2018. 152 с.
2. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта, 2018. 296 с.
3. Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Метафора в свете национальной ментальности. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. 226 с.
4. Кокконен Е. И., Рыжкова Е. В. В фокусе – человек: проблемы взросления. Великий Новгород:

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2024. 106 с.

5. Терещенко В. В. Современный подросток в системе отношений взаимодействия «ребенок – взрослый». Смоленск: Смоленский государственный университет, 2015. 172 с.
6. Аверин В. А. Психология развития человека: рождение и жизнь. СПб: СпецЛит, 2021. 432 с.
7. Нефедова Л. К. Онтологическая семантика образов детства. Омск: Амфора, 2010. 194 с.
8. Гадиева М. З. Когнитивная психология. Махачкала: Алеф, 2018. 154 с.
9. Нефедова Л. К. Граничное бытие детства. Омск: Омский государственный педагогический университет, 2005. 111 с.
10. Александрова М. И. Подтекст как феномен когнитивно-прагматической организации текста. Ростов-на-Дону: АкадемЛит, 2016. 138 с.
11. Филатова А. А. Когнитивные формы культуры. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2009. 248 с.
12. Ардашев Р. Г. Феномен сознания в социально-философском аспекте. М.: Российский государственный социальный университет, 2022. 160 с.
13. Мельчук О. А. Повествование от первого лица. Интерпретация текста. М.: Московский государственный университет, 2002. 208 с.
14. Огнева Е. А., Гламазда С. Н. Концепция контекстной поляризации. М.: Эдитус, 2021. 230 с.
15. Яковлева Ю. Ленинградские сказки. Дети ворона. М.: Самокат, 2021. 264 с.
16. Нефедова Л. К. Философский смысл детства. Омск: Амфора, 2020. 153 с.
17. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2023. 255 с.
18. Яковлева Ю. Ленинградские сказки. Краденый город. М.: Самокат, 2021. 424 с.

References

1. Dmitrieva, D. Yu., Samigullina, A. S. (2018). *Lingvokognitivnyi podkhod k probleme kategorizatsii intellektual'nykh sposobnostei cheloveka (na materiale angliiskogo yazyka)* [Linguocognitive Approach to the Problem of Categorization of Human Intellectual Abilities (based on the English language)]. 152 p. Krasnodar, Izdatel'skii dom "HORS". (In Russian)
2. Maslova, V. A. (2018). *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku* [Introduction to Cognitive Linguistics]. 269 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)
3. Gridina, T. A., Kononova, N. I. (2020). *Metafora v svete natsional'noi mental'nosti* [Metaphor in the Light of National Mentality]. 226 p. Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. (In Russian)
4. Kokkonen, E. I., Ryzhkova, E. V. (2024). *V fokuse – chelovek: problemy vzrosleniya* [The Focus is on Man: The Problems of Growing Up]. 106 p. Velikii Novgorod, Novgorodskii gosudarstvennyi universitet im. Yaroslava Mudrogo. (In Russian)
5. Tereshchenko, V. V. (2015). *Sovremennyyi podrostok v sisteme otnoshenii vzaimodeistviya "rebenok*

– *vzroslyi*” [The Modern Teenager in the System of the Child –Adult Interaction]. 172 p. Smolensk, Smolenskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)

6. Averin, V. A. (2021). *Psihologiya razvitiya cheloveka: rozhdenie i zhizn'* [Psychology of Human Development: Birth and Life]. 432 p. St. Petersburg, SpecLit. (In Russian)

7. Nefedova, L. K. (2010). *Ontologicheskaja semantika obrazov detstva* [Ontological Semantics of Childhood Images]. 194 p. Omsk, Amfora. (In Russian)

8. Gadieva, M. Z. (2018). *Kognitivnaya psihologiya* [Cognitive Psychology]. 226 p. Mahachkala, Alef. (In Russian)

9. Nefedova, L. K. (2005). *Granichnoe bytie detstva* [The Borderline Existence of Childhood]. 111 p. Omsk, Omskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. (In Russian)

10. Alexandrova, M. I. (2016). *Podtekst kak fenomen kognitivno-pragmaticheskoi organizatsii teksta* [Subtext as a Phenomenon of Cognitive-Pragmatic Text Organization]. 138 p. Rostov-na-Donu, AkademLit. (In Russian)

11. Filatova, A. A. (2009). *Kognitivnye formy kul'tury* [Cognitive Forms of Culture]. 248 p. Rostov-on-Don, Yuzhnyi federal'nyi universitet. (In Russian)

12. Ardashev, R. G. (2022). *Fenomen soznaniya v sotsial'no-filosofskom aspekte* [The Phenomenon of Consciousness in the Socio-Philosophical Aspect]. 160 p. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi sotsial'nyi universitet. (In Russian)

13. Melchuk, O. A. (2002). *Povestvovanie ot pervogo litsa. Interpretatsiya teksta* [Narration in the First Person. Interpretation of the Text]. 208 p. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)

14. Ogneva, E. A., Glamazda, S. N. (2021). *Kontseptsiya kontekstnoi polyarizatsii* [The Concept of Contextual Polarization]. 230 p. Moscow, Editus. (In Russian)

15. Yakovleva, Y. (2021). *Leningradskie skazki. Deti vorona* [Leningrad Fairy Tales. Raven's Children]. 264 p. Moscow, Samokat. (In Russian)

16. Nefedova, L. K. (2010). *Filosofskii smysl detstva* [The Philosophical Meaning of Childhood]. 153 p. Omsk, Amfora. (In Russian)

17. Lakoff, J., Johnson, M. (2023). *Metafori, kotorymi my zhivem* [The Metaphors We Live By]. 255 p. Moscow, URSS. (In Russian)

18. Yakovleva, Y. (2021). *Leningradskie skazki. Kradenyi gorod* [Leningrad Fairy Tales. The Stolen City]. 424 p. Moscow, Samokat. (In Russian)

The article was submitted on 15.11.2024

Поступила в редакцию 15.11.2024

Кудряшов Игорь Александрович,
доктор филологических наук,
профессор,
Южный федеральный университет,
344008, Россия, Ростов-на-Дону,
Б. Садовая, 105 / 42.
igalk@mail.ru

Аглеева Зухра Равильевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Астраханский государственный университет
им. В. Н. Татищева,
414056, Россия, Астрахань,
Татищева, 20 А.
z.agleeva@yandex.ru

Kudryashov Igor Aleksandrovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Southern Federal University,
105/42 B. Sadovaya Str.,
Rostov-on-Don, 344008, Russian Federation.
igalk@mail.ru

Agleeva Zukhra Ravil'evna,
Doctor of Philology,
Professor,
V. N. Tatishchev Astrakhan State University,
20 A Tatishchev Str.,
Astrakhan, 414056, Russian Federation.
z.agleeva@yandex.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-283-292

МОТИВЫ ХОРРОРА В РОМАНЕ Э. ВЕРКИНА «СНАРК СНАРК»

© Дарья Куликова

HORROR MOTIFS IN E. VERKIN'S NOVEL "SNARK SNARK"

Daria Kulikova

The article is dedicated to the modern Russian writer E. Verkin. His novel "Snark Snark" was analysed using the methods of a motif analysis and the elements of a comparative and mythological approach. Verkin's work is examined from the point of view of its use of horror techniques and motifs. The article considers intertextual connections with precedent texts of Russian classical literature and works of horror (for example, the works of S. King). We identify the sources of the cinematographic allusions of the novel and highlight the references to classic horror films. The article studies the transformations of the horror chronotope, refractions of traditional horror characters and the inclusion of folklore components. We have established that the author uses both genuine folklore motifs and the folkloresque, i.e. imitation, narrative. The theme of sacrifice, popular in the horror genre, is analyzed, suggesting that in the novel "Snark Snark", the theme of sacrifice is pushed to the periphery of the plot, encrypted in the intertextual code. The article proves that the writer uses horror genre clichés to create certain genre expectations, but often subverts them without leading the plot to a horror ending. Verkin deconstructs horror clichés, violates genre expectations, thus creating a distinctive fictional world.

Keywords: horror, modern Russian literature, literary cinematography, folklore, chronotope, intertext, myth, Stephen King

Статья посвящена современному русскому писателю Э. Веркину. Его роман «Снарк снарк» с помощью методов мотивного анализа, элементов компаративного и мифологического подхода рассмотрен с точки зрения использования в нем приемов и мотивов ужасов. Рассмотрены интертекстуальные связи с прецедентными текстами русской классической литературы и произведений ужасов (например, произведения С. Кинга). Были выявлены источники кинотекста романа, а именно отсылки к классическим кинохоррорам. Исследованы трансформации хронотопа ужасов, преломления традиционных персонажей хоррора, включение фольклорных компонентов. Установлено, что автор использует как подлинно фольклорные мотивы, так и фольклореск, то есть имитацию устного народного нарратива. Проанализирована тема жертвоприношения, популярная в жанре хоррор, в статье сделано предположение, что в романе «Снарк снарк» тема жертвоприношения была вытеснена на периферию сюжета, зашифрована в интертекстуальном коде. Доказано, что писатель использует жанровые клише хоррора, чтобы создать определенные жанровые ожидания, но зачастую разрушает их, не приводя сюжет к хоррорной развязке. Веркин деконструирует клише ужасов, нарушает жанровые ожидания и таким образом создает особый художественный мир.

Ключевые слова: хоррор, современная русская литература, литературная кинематографичность, фольклореск, хронотоп, интертекст, миф, Стивен Кинг

Для цитирования: Куликова Д. Мотивы хоррора в романе Э. Веркина «Снарк снарк» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 283–292. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-283-292

Введение

Э. Н. Веркин – известный российский писатель, автор десятков произведений для детей и подростков. Его роман «Облачный полк» был удостоен ряда литературных премий, а его «взрослые» произведения становятся литературными событиями. Роман «Снарк снарк» прошел в

финал премии «Большая книга» в 2023 г. и занял третье место по результатам читательского голосования. Детской прозе Веркина посвящены работы ряда литературоведов (С. Г. Маслинской [1], [2], И. А. Сергиенко [3] и др.), его произведения для взрослой аудитории исследованы меньше, что определяет актуальность нашей статьи.

Необходимо отметить, что роман «Снарк снарк» – произведение, на разных уровнях скрывающее несколько систем шифров, каждый из которых требует расшифровки. И поэтика названия каждой главы, и система лейтмотивов, и комплекс отсылок к мировой и отечественной классике, и связи с микрокосмом авторского художественного мира – все это приглашает к размышлению и интерпретации писательского кода. В настоящей работе мы сосредоточимся на разнообразии мотивов хоррора, широко представленных в диалогии. Методология работы включает элементы компаративного и мифологического подхода, метода мотивного анализа. Целью работы является анализ поэтики ужасного в романе. В ходе работы поставлены следующие задачи: выявить, классифицировать и интерпретировать мотивы хоррора, выраженные на уровнях хронотопа, фольклорных мотивов, системы образов и интертекста.

Роман Э. Веркина «Снарк снарк» нельзя определить как хоррор, потому что жанровая природа этого произведения значительно сложнее. В то время как роман ужасов подчиняется определенной повествовательной стратегии [4], Веркин не пользуется существующей нарративной моделью, а внедряет клише хоррора на разных уровнях: встраивает внесюжетные элементы хоррора, вводит традиционных персонажей ужасов (чучельника, городскую сумасшедшую – «Бабу Ягу», мефистофелевского персонажа) и «страшные» пространства (заброшенные места, кладбище, морг). Неслучайно критик В. Владимирский отмечает: «„Снарк“ — не эксплуатация популярного жанра, а попытка создать новый, неслыханный, большая амбициозная задача для большого амбициозного писателя» [5]. Можно было бы говорить о фольклорных мотивах в образной системе романа, но под жанровой обложкой былички или городской легенды писатель прячет авторские ужасы, в некотором смысле превращая роман в альманах страшных историй. Эксперименты Веркина в жанре хоррора уже были ранее поставлены в его произведениях для подростков, поэтому в «Снарке» мотивы хоррора – опробованные приемы, выверенные и выполняющие строго определенные функции. Традиционно фантастика хоррора на уровне подтекста выводит читателя к социальному, философскому и политическому содержанию, Веркин строит роман по обратному принципу: нефантастическое повествование в подтексте скрывает страшную фантастику. Страхное вытесняется на периферию повествования в том числе через прием ненадежного повествователя. В романе Веркина мы встречаемся с повествованием от

первого лица, что весьма характерно для ужасов – сближение точки зрения героя с точкой зрения читателя способствует внушению эмоции страха. Однако в «Снарке» повествователю нельзя доверять вполне. Бывший писатель Виктор в «Снеге Энцелада» манифестирует практику «когнитивной депривации», положенную в основу его жизни:

«Самая примитивная музыка, самая вкусная еда – вот верное средство для здоровья, причем как физического, так и умственного» [6, с. 278].

Стремление сберечь свое здоровье, ментальное и физическое, любой ценой заставляет Виктора блокировать любую тревожащую информацию. Страшную правду о событиях в Чагинске прячет каламбур, языковая игра, обилие отвлекающих деталей. Это актуально для обеих частей диалогии, так как если в более зрелом возрасте Виктор сознательно игнорирует страшную правду, то в молодости ему это помогает делать алкогольное опьянение. Так Веркин переворачивает жанровую модель.

Жанровая природа хоррора такова, что литературные и кинематографические ужасы находятся в постоянном взаимном влиянии, поэтому в связи с «Чагинском» необходимо вспомнить о таком явлении современного кино ужасов, как «слоубёрнер» [7, с. 118]. В литературе кинематографический эффект медленного разворачивания действия достигается максимальным снижением темпа повествования (обратим внимание на то, что события нескольких дней в Чагинске изложены автором на 768 страницах, объем двух томов превышает 1500 страниц). Киноцитаты в романе косвенно указывают на связь художественной природы романа с новой тенденцией кинематографа ужасов – так называемым постхоррором. А. Павлов критически отзываясь об этом термине, но не отрицает существования в искусстве кинохоррора определенной тенденции к освобождению от клейма поверхностности, несерьезности и китчевости. Исследователи отмечают, что для постхоррора важен нарратив, а не сюжет, а порой даже не нарратив, а аффект – как отмечает Павлов, весьма «скользкое» [8, с. 302] понятие, аффект – это трудноопределимая тревога, которая в избытке обнаруживается на страницах романа «Снарк снарк». Кинематографичность романа Веркина – не просто дань традиции жанра и его инновациям, но и инструмент создания у читателя ложного ожидания, речь о котором еще пойдет ниже.

Фрагментарность элементов хоррора у Веркина при этом не означает второстепенности этого

мотивного субстрата. Далее мы рассмотрим многообразие образов страшного, преломленных в тексте Веркина, и попытаемся дать им интерпретацию.

Интертекст

Жонглирование отсылками, препарирование «чужого слова» в процессе артикулирования слова собственного – и черта идиостиля, и свойство хоррора как жанра, апеллирующего к прецедентам ради эмоциональной суггестии, возрастания ужаса. Герои ужасов всегда ощущают себя как в фильме или книге, и это можно считать жанровым клише. У Веркина Виктор в какой-то момент начинает сходство происходящего во-круг с событиями некоего фильма ужасов:

«<...> апофеоз праздника – сожжение четырехметрового березового человека – фигуры, сплетенной из свежайшей бересты...» [9, с. 685].

Этот намек на фильм «Плетеный человек» (1973, реж. Робин Харди) – классический хоррор о столкновении с абсурдным миром культа и жертвоприношении – заставляет обратить внимание на то, какое большое значение играет в романе тема жертвенного празднования. Отметим, что отсылка к «Плетеному человеку» может, во-первых, предсказывать будущую гибель Хазина, во-вторых, служит приемом разрушения жанрового ожидания. Хазин умрет (или будет убит) через много лет после того самого Дня Города в Чагинске, Виктор тоже не окажется непосредственно под угрозой, хотя саспенс, напряженное ожидание страшной опасности, пронизывает всю первую часть дилогии. Таким образом, цитата заставляет читателя прогнозировать альтернативное развитие событий в соответствии с ожиданиями от хоррора, но эти ожидания не будут воплощены в книге.

В романе «Снарк снарк» мы также находим примеры интертекстуальных связей с литературными прецедентами. Когда Хазин и Витя попадают в больницу после укуса мыши, фотографа охватывает паника, заключение в больнице и беспомощность вызывают у него ужас и воспоминание об одном страшном рассказе:

«Знаешь, Витя, есть такой рассказ... „Комната Изабель“... Это самое страшное, что я читал в жизни... Ужас» [Там же, с. 383].

Трудно с точностью определить, какой рассказ имеет в виду герой, однако можно предположить, что страх перед властью врача и безумием напомнил Хазину рассказ Ш. П. Гилмон «Желтые обои», в котором героиня сходит с ума

в комнате, где ее держит муж якобы с целью вылечить от нервных недугов. Тревоги Хазина завершаются самым неожиданным поворотом в судьбе его и Виктора: Виктор на три дня впадает в кому по невыясненной причине, а Хазин, судя по всему, оказывается награжден за помощь в организации жертвенного праздника, речь о котором пойдем ниже.

Другой формой цитирования произведений ужасов являются внесюжетные вставки, синопсисы написанных и ненаписанных произведений Виктора. Он то и дело вспоминает свой неудачный роман о зомби. Зомби как персонажи хоррора не появляются непосредственно в романе Веркина, а превращаются в деталь, намекающую на генетическую связь с хоррором. Эта деталь к концу «Чагинска» разрастается и мутирует, в связи с чем упоминается один из синтетических хоррор-жанров – мэшп, который предполагает соединение классического сюжета с хоррором, боевиком и т. п. Роман предлагает Виктору совместить локфик про адмирала Чичагина с ужасником: «Свежо. Адмирал Чичагин против зомби» [Там же, с. 704]. Далее тема романа про адмирала Чичагина в сознании Виктора вырождается в приписывание ему новых качеств гигиениста и просветителя, боровшегося против дикостей в ритуальных обычаях:

«Христианский люд, селян, мещан и прочих городских обывателей хоронить по возможности дальше от их деревень, сел и городов, в лесу или за рекой. Это стоит делать прежде всего из гигиенических соображений, ибо разрастающиеся кладбища становятся прибежищем одичавших собак, которые разрушают могилы и устраивают на городских площадях и улицах безобразные драки из-за останков, добытых из этих самых могил» [Там же, с. 748].

Чичагин предстает в этом сюжете как единственный просвещенный человек в страшных варварских землях, где дикие собаки растаскивают тела мертвецов с кладбища, где процветает ведовство и прочие суеверия.

Отдельно следует отметить влияние творчества Стивена Кинга на страшную сторону романа «Снарк снарк». Плодовитость Кинга как автора и его популярность привела к тому, что редкий ужастик не пересекается с чем-то, что прежде было открыто «королем». Не избегает этого и роман Веркина. Сам факт того, что главным героем сделан писатель, можно воспринять как кинговскую аллюзию: как известно, множество произведений Кинга ставит в центр фигуру писателя. Роман С. Кинга «Оно» (1986) превратил сюжет об исчезновении подростков в маленьком городе при потворствовании злу взрослых в

классический для литературы ужасов, именно поэтому такое скрытое цитирование у Веркина легко считывается.

Прочие мотивы хоррора проявляются на разных уровнях: в системе персонажей, хронотопе, мифологических и фольклорных мотивах. Подробнее эти явления будут рассмотрены ниже.

Хронотоп

Помещение действия ужастика в определенное пространство – один из законов жанра, отчасти автор «Чагинска» и «Снега Энцилада» подчиняется этому закону.

Трагический финал «Чагинска» приводит героев на провинциальное кладбище на похороны Кристины. Традиционно кладбище в хорроре – место столкновения с ужасным (призраком, зомби и т. п.), место ритуала или нарушения сакрального запрета. Рассмотрим, в какой степени писатель реализует клише ужасов. Герои Веркина на кладбище не пересекают запретной границы, так как попадают в это пространство (которое сам автор не изображает как священное) с закономерной целью. В то же время они везут хоронить на кладбище самоубийцу, и это можно считать за кощунственное нарушение. Однако намеки автора указывают на то, что Кристина была убита, а не покончила с собой, следовательно, этот мотив хоррора у Веркина вывернут наизнанку. Ситуация похорон мотивирует введение натуралистического изображения мертвого тела, дополненного мортальным нарративом Снаткиной, излагающей свою классификацию покойников. Открытым остается вопрос о ритуале: в похоронах Кристины принимает участие Светлов, владелец корпорации НЭКСТРАН, один из наиболее загадочных персонажей романа. Едва ли Светлов хоронит Кристину из сочувствия к ее смерти, его участие больше походит на часть ритуала, элементом которого, например, является его кровная жертва: *«Веревка сорвала кожу с ладони Алексея Степановича, он удивленно рассматривал руку, кровь стекала по ребру ладони в рукав»* [Там же, с. 761]. Как и в других случаях, Веркин только намекает на привычные мотивы хоррора, но не развивает их буквально.

Образ заброшенного кладбища в «Снеге Энцилада» создается через яркий и при этом умиротворяющий пейзаж, что противоречит традиции хоррора наделять мортальное пространство противоположными характеристиками:

«Золото разлилось по всему кладбищу, в нем утонули могилы, их было не видно под желтым, золотарник задушил старые деревья, кладбище облысело,

превратилось в широкую поляну посреди соснового леса» [6, с. 494].

Действие многих отечественных хорроров происходит в деревне или в маленьком провинциальном городе (Ю. Нестеренко «Черная топь», А. Иванов «Псоглавцы», М. Романова «Болото», В. Белобров и О. Попов «Красный Бубен», К. Шаинян «С ключом на шее»), «ужасы маленького городка» стали визитной карточкой «короля ужасов» Стивена Кинга и продолжают находить новые и новые отражения в творчестве авторов по всему миру. Веркин показывает Чагинск как страшный город, но использует для этого не столько инструментарий хорроров, сколько традицию классической литературы и «уездный ужас» из произведений Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. П. Чехова, Ф. К. Сологуба и М. А. Булгакова. Чагинск, подобно провинциальным городам Н. у Гоголя и Сологуба мгновенно погружает новоприбывших в гротесковый мир на грани сна и действительности, в котором можно отравиться радоном, лечиться лисой, в котором былички о шушуне и визите мертвеца настолько же правдоподобны, как неправдоподобна подлинная действительность. *«Чагинск действует деструктивно...»* [Там же, с. 298]. И действительно, в определенном смысле изображение упадка города Чагинска – тема для сатиры в духе классиков. Но, если посмотреть на это с другой стороны, Веркин описывает и необъяснимую деградацию мира, оскудение природы и духа.

«Но я помнил, как Ингирь кишел рыбой. <...> А в две тысячи первом рыбы не было, и для тех, кто родился в начале века – это обычная картина. Мы живем в засыхающем мире...» [Там же, с. 218].

Из колодцев в Чагинске в 2018 г. начинает уходить вода, жители боятся отравления радоном и ядовитой пылью золотарника. Изображение иррационального упадка сравнимо с лавкрафтианским космическим ужасом перед материей, которая живет и таит опасности или умирает, унося с собой в иной мир жизни целых цивилизаций.

Любое пространство, связанное с мертвецами и похоронными ритуалами, может превращаться в пространство страшного. Во второй части дилогии герои попадают в морг, но ничего такого, кроме неприятного созерцания мертвого тела, не происходит. Напротив, напряжение в сцене разряжается почти гоголевской сатирой и игрой в мнимых ревизоров. Как и в эпизоде в заброшенном краеведческом музее, герои думают, что их кто-то запер, но столкновения с этим неведомым

злодеем так и не произойдет, да и само его существование остается под вопросом. И морг, и музей в итоге вызывают тревогу и страх героев, но реальной опасности в действительности не представляют.

Как отмечал Н. Кэрролл и другие исследователи, именно заброшенные места зачастую рожают чудовищ, которые имеют обыкновение обитать вдали от человеческих глаз [10, с. 35]. В первой части дилогии, изображающей, скорее, расцвет Чагинска, такого рода местом можно считать грязелечебницу, где проводится ритуальный пир с барбекю, который приобщает наиболее важных участников жизни чагинского общества к жертвоприношению. Виктор, несмотря на свое давнее знакомство с Чагинском и окрестностями, слышит о наличии этого учреждения впервые. Кроме того, все намекает на то, что место это было специально оформлено для загадочного мероприятия.

«Грязелечебница не выглядела отреставрированной. Хотя я никогда не видел старых грязелечебниц севера России, но эта походила на несколько обычных длинных барачков, покрашенных белой краской» [9, с. 179].

Виктор, который построил карьеру на создании мнимых достопримечательностей и вымышленных биографиях провинциальных городков, наяву встречает иллюзию, поддельную грязелечебницу, и не распознает обмана. Все догадки о статусе этого места так и остаются догадками, в тексте ритуальность мнимой грязелечебницы не эксплицируется. Имплицитность страшного в целом можно считать чертой романа и одним из ведущих приемов, позволяющих автору переворачивать жанровые клише.

Подводя промежуточный итог осмысления хронотопа хоррора в «Чагинске» и «Снеге Энциклада», можно сказать, что он строится на принципе разрушенного ожидания: Веркин создает пространства, нагруженные тревожными ассоциациями, и либо оставляет вопрос об их истинном статусе открытым, либо развенчивает их ужас.

Фольклор

Эксперименты с жанрами страшного фольклора писателем были проведены уже в его произведениях для детей. Сергиенко обращает внимание на использование Веркиным фольклорных мотивов как элемента поэтики ужасного и констатирует тесную связь «жанровой специфики и поэтики „детского триллера“ с различными формами аутентичного страшного детского фольклора – быличкой, страшилкой, садистским стиш-

ком, широкое и декларируемое заимствование фольклорных сюжетов, образов, художественных приемов и пр.» [3, с. 145].

Наиболее заметным жанром страшного фольклора в романе «Снарк снарк» выступает быличка. Тексты быличек зачастую вводятся через Снаткину – «макабрическую старуху», по выражению одной из героинь, – или в связи с ней. Так, Виктор создает воображаемую биографию Снаткиной, согласно которой она встречала в лесу шушуна, и едва от него спаслась, а также получила от колдуна через ложку дар ведовства. Сама Снаткина некоторыми чертами напоминает Бабу-Ягу из волшебной сказки: она не может покинуть Чагинск, но он словно бы дает ей особые жизненные силы, отчасти она Яга-дарительница, которая снабжает Ивана волшебным инвентарем (Снаткина дает Виктору мазь и велосипед), она хромотает на одну ногу, а ее жилище неизбежно становится временным пристанищем Виктора, когда бы он ни приехал в Чагинск, словно изба на курьих ногах – в сказке пропускной пункт в мир мертвых.

Тексты подлинных фольклорных быличек содержат круг повторяющихся тем и образов – былички повествуют о лесовых, домовых, банниках, водяных, о колдунах и встречах с бесами и дьяволами, и некоторые из этих сюжетов реализованы в историях Снаткиной. Например, быличка про бабу с гнидами – типичная история о злодействах колдуньи, как и повествование о том, что бабка Виктора получила дар от умирающего колдуна, и поэтому запретила внуку себя хоронить. А вот сообщение Снаткиной о том, что Сарычев «чучелит» людей наряду со зверями, выглядит уже квази-фольклорно. Выделяется и искусственность пласта сюжетов о так называемом снежном человеке, с которым можно встретиться в чагинских лесах; быличка «Как мужик встретил шушуна» выглядит скорее предупреждением-угрозой, чем фольклорным нарративом. Введение пародийно-смехового начала в связи с образом шушуна не дает воспринимать его как традиционного главного монстра в хорроре, столкновение с которым должно быть кульминацией страшного повествования.

Нужно отметить, что в связи с воспроизведением фольклорных текстов в произведениях популярной культуры некоторые исследователи используют термин «фольклореск» [11], [12], который подчеркивает симулятивную природу фольклорного в хорроре. Веркин не столько населяет свой художественный мир героями страшного фольклора, сколько имитирует страхи из народных поверий. Фольклор в романе – это дискурс Чагинска, где реальным начинает ка-

заться и шушун, и голос мертвой кошечки, и эффективность лечения отваром из бобра.

Обращает на себя внимание сюжет о посещении мертвеца. Аня (бабушка Виктора) получила похоронку на мужа, пропавшего на войне, а через несколько лет к ней стал приходить он сам. Эти визиты мертвеца удалось прекратить путем магического ритуала, но впоследствии эта связь с миром мертвых заставит бабушку Виктора наложить запрет для своих потомков на жизнь в Чагинске. Это, в свою очередь, превратится в другой важный мотив героического фольклора – нарушение запрета и пересечение символической границы, неизбежный элемент обряда перехода, в который Виктор входит, но, не будучи героем в высоком смысле этого слова, не завершает с успехом. То же снижение героя подчеркивается переворачиванием другого фольклорного мотива – в конце своих злоключений успех определяется счастливой женитьбой в том числе. Виктор, мечтающий о прекрасной девушке Аглае, на деле становится любовником Зинаиды Захаровны, мэра Чагинска.

Персонажи хоррора

Одной из жанровых характеристик хоррора является наличие источника опасности, зачастую воплощенного в пугающем и/или отвратительном монструозном существе. Реализации монстра разнообразны: и маньяки, и проклятые дома, и игрушки-убийцы, и медведи-людоеды, и вампиры, и оборотни, и злобные инопланетяне – все они заполняют валентность жанра, предназначенную для страшного и опасного существа. Сразу необходимо сказать, что Веркин не выводит на страницах романа ни одного традиционного монстра хоррора.

Мышь – значимый символический образ романа. Среди прочего Виктор придумывает сюжет романа-отмщения Хазину, где обыгрывает сюжет оборотничества, но превращения не в ужащающего волка, а в мышь. «*Мышь есть лев микропутов*» [6, с. 344], – думает Виктор, пока говорит со Сватовым. Отметим, что в романе активно задействован прием смысловой инверсии: в писательских заметках Виктора всячески восхваляется гений адмирала Чичагина (чей гений кажется сомнительным всем, в том числе самому Виктору), а подлинный самородок и талант Костя Лапшин, одаренный мальчик-фантазер, остается незамеченным и погибает. Такая перестановка делает и мышь не только объектом иронической игры в хазинских философствованиях, но и подлинным монстром этой страшной истории. Провинциальная жизнь людей превращает в «микропутов», и это масштабирование делает огромной

и страшной мышь. Мышь кусает Хазина: общая абсурдность этой сцены перерастает в серьезное испытание для всех героев. Хазин бросает Виктора и символически переходит на сторону зла (в «Снеге Энцелада» становится известно, что он занимает серьезный пост в партии врио губернатора). Виктор, оказавшись во власти медицинского учреждения, переживает то ли подлинную болезнь, то ли покушение на убийство. Финал главы романа «*Jerry is here*» отсылает к известному анекдоту о мыши в гостинице, но в действительности подразумевает наступление финального столкновения со злом для героя. Мышь ассоциируется в романе со злом вообще, с мелочностью и пошлостью, которая губит человека изнутри. Если это и не похоже на традиционных монстров ужасов, то страшно в художественной системе автора.

Саспенс, то есть состояние напряженного ожидания и тревоги, заставляет читателя подозревать монстра то в одном, то в другом персонаже. Сюжет об исчезновении детей в первую очередь намекает на фигуру маньяка, но эта линия не развивается. Если события в грязелечебнице для повествователя оказываются смутны и неясны, то читатель, которому нужно связать логически разрозненные детали, заподозрит ритуальный характер пира первых лиц города Чагинска. В этой ситуации фигура монстра/убийцы заместится образом демонического культа, но прояснения этого образа в романе не состоится.

В паноптикуме провинциальных чудачков наиболее подходящим кандидатом на место среди персонажей хорроров представляется Арсений Михайлович Сарычев, чучельник. Чучельник, как создающий подобия жизни из мертвых тел, уже вошел в историю хоррора, для самих героев это очевидно:

«Чучельники нередко маньячат. Норман Бейтс, например. Потом он явно непростой чучельник, чучельник-затейник...» [Там же, с. 211].

Встречи с его произведениями пугают, причин этому несколько. Необъяснимое – хороший источник страха. Герои набредают на машину Сарычева, полную чучел птиц:

«Птицы, они свешивались с зеркал, клеились липучками к стеклу, а на руле сидела желтая красивая птаха, решил, что иволга, желтая» [9, с. 242].

Рассматривая этот эпизод, следует обратить внимание на дополнительную сенсорную деталь – запах соленой рыбы, конфликтующий с визуальными деталями сцены. Такого рода расхождения подкрепляют странность впечатления,

weirdness, которую исследователи страшного видят частью хоррора. Сами по себе чучела птиц едва ли страшны, но, помещенные в неожиданный контекст, начинают пугать. Аналогична сцена с коллекцией чучел Сарычева в заброшенном краеведческом музее:

«Помещение было забито чучелами, и кто-то остроумный расставил их так, что все смотрели на входящего. Я все это уже видел...» [6, с. 244].

Совмещение черт живого и неживого в одном существе – значимый прием ужасного, в этом эпизоде эту идею подкрепляет такая деталь, как глаза чучел, которые кажутся живыми:

«Ротвейлер печально выглядывал из-за ноги левого лося. Звери смотрели гладкими блестящими глазами, телефонный свет отражался в них, вероятно, чучельник для своих моделей выписывал высококачественные импортные глаза» [Там же, с. 244].

Глаза самого чучельника кажутся стеклянными, словно он становится родственен своим творениям:

«Лицо у чучельника гладкое и бархатистое, фарфоровые зубы ровные и белые, глаза гладкие, отлитые из лучшего богемского стекла, а вот добыть волос с расчески можно не стараться – Сарычев был лыс» [Там же, с. 314].

Как мы знаем, Сарычев так и не проявит признаков монструозного персонажа, маньяка, с которым герои могли бы вступить в конфронтацию. Однако само введение такого персонажа должно быть расценено как жанровый жест, очередной намек на развитие сюжета хоррора, который обрывается, не дойдя до кульминации.

Отдельной категорией монстров можно считать воплощения демонических существ, которые часто появляются в произведениях ужасов. Представляется, что герой романа, бизнесмен Светлов – персонаж, генетически родственный Мефистофелю и Воланду. В. Владимирский отмечает «фаустианское обаяние» [5] Светлова. Необходимо также добавить, что «Родство» Светлова и Мефистофеля прослеживается не напрямую, а через Чичикова. Такое предположение легко сделать, если принять во внимание силу гоголевских реминисценций в романе в целом, а также сатирически-бытовую окраску, которую принимает зачастую мистически-страшное. О связи образа Чичикова и образа князя тьмы пишет С. А. Шульц: «Чичиков сочетает в себе черты и Фауста, и Мефистофеля в их освещении Гете. <...> Чичиков, подобно черту, с помощью дешевых приемов пытается всем понравиться, пре-

следуя лишь корыстные цели» [13, с. 92]. Светлов – человек, который, по подозрению Виктора, купил весь Чагинск:

«Светлов задумался, мне стало страшно. Он купил Чагинск, не исключено, что решит сделать из него чучело. Хотя мне-то что? Чагинск вполне достоин чучельной судьбы» [9, с. 649].

Корпорация Светлова роет котлован якобы для будущей стройки, но никакой стройки не начинается. Он принимает участие в праздничных шествиях (дне города и его «репетиции»), которые больше напоминают торжественные магические обряды с принесением человеческих жертв. Ничто из этого не получает однозначного подтверждения в тексте, кроме оброненных свидетельств Хазина и Зинаида Захаровны: «Светлов. Это был он. Ты не представляешь, что тогда здесь случилось» [6, с. 285]. Светлов предположительно обладает нечеловеческим знанием. Например, он знает поименно случайно встреченных жителей Чагинска – эта деталь тоже дает возможность связать его с Чичиковым, имевшим на руках поименные списки умерших купленных крестьян. Светлов слишком легко для человека перемещается в пространстве, его путь то и дело пересекается с путем Виктора. В заключительной главе Светлов снова буквально материализуется в Чагинске: «Вокруг ни машины, ни катера, ни вертолета, только Светлов» [Там же, с. 682].

Булгаковское прочтение образа Сатаны также прослеживается в образе Светлова. Булгаков обостряет амбивалентность Сатаны, подчеркивает его благие поступки и юмором и сатирой маскирует зло. Светлов тоже имеет свою «светлую сторону», очевидно выраженную, во-первых, через его говорящую фамилию, а во-вторых, через его настойчивые призывы к Виктору писать книгу. Очевидно, это связано с перформативностью писательского дара Виктора: его фантазии о судьбах Чагинска, даже самые невероятные, вскоре становятся реальностью. Автор в интервью обращает на это внимание: «А поскольку Виктор писатель неплохой, он еще (иногда невольно) окружающую реальность формирует, что особенно заметно во второй книге» [14]. Если жертвенный праздник, за которым стоял Светлов, было «темным» путем творения будущего, то книга Виктора о Чагинске или о чем-то еще могла бы отредактировать реальность силой писательского слова.

Мефистофелевские черты в Светлове делают его загадочным персонажем, не характерным для современного хоррора, в котором морально-этический комплекс мотивов готической литера-

туры, генетически укорененный в христианской проблематике, отошел на второй план.

Жертвоприношение

Одним из значимых мотивов хоррора является мотив жертвоприношения. Он идет рука об руку с темой исторического прошлого, неразрешенные конфликты которого воплощаются в настоящем героев. Жертвоприношение обнажает в человеке первобытное, возвращая во времена, когда сакральное насилие служило заместительной формой потенциального всеобщего насилия. Рене Жиар писал об институализации ритуального жертвоприношения, обеспечивающего стабильность социального строя и благополучие сообщества. Именно таким представляется один из смыслов ритуала, разворачивающегося «за кулисами» романа «Снарк снарк». Неслучайно самые страшные события романа (гибель мальчиков и Кристины) происходят в обстановке праздника: «Функция праздника не отличается от функции других жертвенных обрядов. Она, как ясно понял Дюркгейм, состоит в том, чтобы укреплять и возобновлять культурный порядок, повторяя учредительный опыт, воспроизводя первоначало, понятое как источник всякой жизненности и всякого плодородия...» [15, с. 161]. Немало страниц романа посвящено разнообразной риторике надежд на возрождение и новое начало для Чагинска: но финал романа окончательно убеждает в том, что всякого рода «построение будущего» отнюдь не было целью хозяев города. Жертвоприношение должно было возвысить его участников, и именно так объясняется неожиданный личный успех фотографа Хазина, скромной заведующей клубом Зинаиды Захаровны, милиционера Федора Сватова, чучельника Сарычева, да и самого Виктора. Пиршество в так называемой грязелечебнице, поедание шашлыка, приготовленного (почему-то) Сарычевым, «необычный запах» [9, с. 182] этого мяса заставляет задуматься, а нет ли здесь намек на ритуальный каннибализм, существовавший в архаических религиях.

Саспенс второго тома поддерживается намеками на недостаточность той давней жертв. Зинаида Захаровна признается:

«Мы сделали, как ему нравится, все как он любит... Но все не так получилось, эта сучка вывернулась, я не виновата, что она вывернулась...» [6, с. 631].

Как угроза звучат слова Сватова:

«Раньше ты поумнее был, Витенька. Поумнее... А в этот раз сучка не соскочит, ты уж мне поверь...» [Там же, с. 651].

В связи с этим поведение Виктора, который заканчивает всякие попытки расследования, можно понимать как спасение Аглаи, спасение Романа, и принесение в жертву самого себя – Чагинску, пустоте, безумию.

Заключение

Итак, нами были рассмотрены мотивы хоррора в романе Э. Веркина «Снарк снарк». Не предлагая относить роман к жанру хоррора, мы тем не менее настаиваем на важности той роли, которую мотивы и клише ужасов играют в этом произведении. Было установлено, что мотивы хоррора в романе заявляют о себе на уровне интертекстуальных отсылок, в системе персонажей, в образах страшного фольклора и организации пространства и времени в романе. Цитаты из хорроров литературных и кинематографических задают жанровое ожидание, но саспенс не завершается столкновением с подлинным ужасом, он заходит в тупик или ведет к дальнейшему усложнению повествования. Традиционные персонажи ужасов причудливо трансформируются: в полусумасшедшей старухе скрывается Баба Яга, наиболее подходящий на роль маньяка персонаж никак не разоблачает себя, и возможный дьявол тоже не снимает свою маску, а монструозным существом хоррора становитсямышь. Веркин переворачивает и хронотоп хоррора – заброшенные места, кладбище, морг не представляют для героев подлинной опасности, а самое страшное случается вне поля зрения повествователя в сосновом бору, залитом солнцем. Нарратив страшного фольклора у писателя соседствует с квазифольклором, который концентрирует авторскую иронию и сатиру. Веркин деконструирует клише ужасов, нарушает жанровые ожидания и таким образом создает особый художественный мир.

Список источников

1. Маслинская С. Г. Забыть, чтобы вспомнить (память о пионерах-героях в XXI веке) // Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 138–159. DOI: 10.17223/2312461X/34/10
2. Маслинская С. Г. Немец, фашист, гитлеровец: образ врага в детской литературе 1950–2010-х годов // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2018. № 3. С. 181–190.
3. Сергиенко (Антипова) И. «Страшные» жанры современной детской литературы // Детские чтения. Вып. 1. М., 2012. С. 131–147.
4. Куликова Д. Л. Композиционная логика хоррора (А. В. Иванов «Комьюнити», «Псоглавцы», «Пищелок») // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2020. Т. 53. № 2. С. 116–121. DOI: 10.25744/vestnik.2021.53.2.013

5. Владимирский В. «Смело говорите правду – все равно вам никто не поверит» // Горький Медиа. 12.12.2022. URL: <https://gorky.media/reviews/smelo-govorite-pravdu-vse-ravno-nikto-ne-poverit/> (дата обращения: 07.02.2024).

6. Веркин Э. Снарк снарк. Книга 2. Снег Энциклада. М.: Inspiria, 2022. 704 с.

7. Косенко А. В. Слоубёрнер – новая эпоха фильмов ужасов (2014–2019) // Новые медиа для современной молодежи: Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции. СПб., 2021. С. 113–120.

8. Павлов А. В. Постхоррор?: рецензия на книгу Дэвида Черча // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5. № 2. С. 294–313. DOI: 10.17323/2587-8719-2021-2-294-313.

9. Веркин Э. Снарк снарк. Книга 1. Чагинск. М.: Inspiria, 2022. 768 с.

10. Carroll N. *Philosophy of Horror, Or, Paradoxes of the Heart*. New York: Routledge. 1990. 256 pp.

11. Ковалева Р. М. Восточнославянский фольклор и литература: типология фольклоризма // Славянская литература и кантэкстэ сусветнай. Мінск, 2011. С. 161–168.

12. Foster M. D. *The Folkloresque: Reframing Folklore in a Popular Culture World*. University Press of Colorado, Utah State University, 2016. 272 p.

13. Шульц С. А. «Мертвые души» Гоголя в контексте сюжета о Фаусте (К. Марло, И. В. Гете, Т. Манн) // Творчество Гоголя и европейская культура. Пятнадцатые Гоголевские чтения: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, Москва, Вена, 23–27 марта 2015 года. Новосибирский издательский дом, 2016. С. 88–95.

14. Скоровадева А. Почему нужно прочитать 1500 страниц нового романа Эдуарда Веркина // Интернет-портал «ГодЛитературы.РФ» 23.11.2023. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2023/11/23/pochemu-nuzhno-prochitat-1500-stranic-novogo-romana-finalista-bolshoj-knigi-eduarda-verkina> (дата обращения: 14.02.2024).

15. Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 448 с.

References

1. Maslinskaya, S. G. (2021). *Zabyt', chtoby vspomnit' (pamiat' o pionerakh-geroyakh v XXI veke)* [To Forget in Order to Remember (Memory of Pioneer-heroes in the 21st Century)]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. No. 4, pp. 138–159. DOI: 10.17223/2312461X/34/10. (In Russian)

2. Maslinskaya, S. G. (2018). *Nemets, fashist, gitlerovets: obraz vraga v detskoj literature 1950–2010-kh godov* [A German, a Fascist, a Hitlerite: The Image of the Enemy in Children's Literature of the 1950s–2010s]. *Ural'skii filologicheskii vestnik*. Seriya: Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya. No. 3, pp. 181–190. (In Russian)

3. Sergienko (Antipova), I. (2012). *“Strashnye” zhanry sovremennoi detskoj literatury* [“Scary” Genres of

Modern Children's Literature]. *Detskie chteniya*. No. 1, pp. 131–147. Moscow. (In Russian)

4. Kulikova, D. L. (2020). *Kompozitsionnaya logika khorrora (A. V. Ivanov “Kom'yuniti”, “Psoglavtsy”, “Pishcheblok”)* [Compositional Logic of Horror (A. V. Ivanov “Community”, “Psoglavtsy”, “Pishcheblok”)]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoi Respubliki*. Tom 53, No. 2, pp. 116–121. DOI: 10.25744/vestnik.2021.53.2.013. (In Russian)

5. Vladimirovsky, V. (2022). *Smelo govorite pravdu – vse ravno vam nikto ne poverit* [Boldly Tell the Truth – No One Will Believe You Anyway]. *Gorky Media*. 12/12/2022. URL: <https://gorky.media/reviews/smelo-govorite-pravdu-vse-ravno-nikto-ne-poverit/> (accessed: 02.07.2024). (In Russian)

6. Verkin, E. (2022). *Snark snark. Kniga 2. Sneg Entselada* [Snark Snark. Book 2. Snow of the Enceladus]. 704 p. Moscow, Inspiria. (In Russian)

7. Kosenko, A. V. (2021). *Slouberner — novaya epokha fil'mov uzhasov (2014–2019)* [Slowburner - a New Era of Horror Films (2014–2019)]. *Novye media dlya sovremennoi molodezhi: Sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, pp. 113–120. St. Petersburg. (In Russian)

8. Pavlov, A.V. (2021). *Postkhorrор: retsenziya na knigu Davida Cherkha* [Post-horror?: Review of the Book by David Church]. *Filosofiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki*. Tom 5, No. 2, pp. 294–313. DOI: 10.17323/2587-8719-2021-2-294-313. (In Russian)

9. Verkin, E. (2022). *Snark snark. Kniga 1. Chaginsk* [Snark Snark. Book 1. Chaginsk]. 768 p. Moscow, Inspiria. (In Russian)

10. Carroll, N. (1990). *Philosophy of Horror, or Paradoxes of the Heart*. 256 pp. New York, Routledge. (In English)

11. Kovaleva, R. M. (2011). *Vostochnoslavjanskii fol'klor i literatura: tipologiya fol'klorizma* [East Slavic Folklore and Literature: Typology of Folklorism]. *Slavyanskiya literatury i kontekstse susvetnai*. Pp. 161–168. Minsk. (In Russian)

12. Foster, M. D. (2016). *The Folkloresque: Reframing Folklore in a Popular Culture World*. 272 p. University Press of Colorado, Utah State University. (In English)

13. Shul'ts, S. A. (2016). *“Mertvye dushi” Gogolya v kontekste syuzheta o Fauste (K. Marlo, I. V. Gete, T. Mann)* [Gogol's “Dead Souls” in the Context of the Plot of Faust (C. Marlowe, J. V. Goethe, T. Mann)]. *Tvorchestvo Gogolya i evropeiskaya kul'tura*. Pyatnadsatsye Gogolevskie chteniya: sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, pp. 88–95. Moscow, Viena, 23–27 marta 2015 goda. Novosibirskii izdatel'skii dom. (In Russian)

14. Skorovadeva, A. *“Pochemu nuzhno prochitat' 1500 stranits novogo romana Eduarda Verkina”* [“Why You Need to Read 1500 Pages of the New Novel by Eduard Verkin”]. *Internet-portal “GodLiteratury.RF”* 23.11.2023. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2023/11/23/pochemu-nuzhno-prochitat-1500-stranic-novogo-romana-finalista-bolshoj-knigi-eduarda-verkina> (accessed: 14.02.2024). (In Russian)

15. Girard, Rene. (2010). *Nasilie i sviashchennoe* literaturnoe obozrenie. (In Russian)
[Violence and the Sacred]. 448 p. Moscow, Novoe

The article was submitted on 02.11.2024

Поступила в редакцию 02.11.2024

Куликова Дарья Леонидовна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы имени
А. М. Горького Российской академии наук,
121069, Россия, Москва,
Поварская, 25а.
dasha0kulikova@yandex.ru

Kulikova Daria Leonidovna,
Ph.D. in Philology,
Senior Research Fellow,
A. M. Gorky Institute of World Literature
of Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str.,
Moscow, 121069, Russian Federation.
dasha0kulikova@yandex.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-293-300

ИНДЕКСАЛЬНАЯ РЕТАРДАЦИЯ КАК ОСНОВА ЭПИЧЕСКОЙ ПЬЕСЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ДРАМАТУРГИИ А. Н. ОСТРОВСКОГО)

© Анастасия Лебедева

INDEX RETARDATION AS THE BASIS OF AN EPIC PLAY (A CASE STUDY OF A. OSTROVSKY'S DRAMATURGY)

Anastasiia Lebedeva

Retardation plays a significant role in A. Ostrovsky's artistic universe, being prevalent in his works and indicating the intermedial nature of the author's oeuvre. The strengthening of intertextual connections between literature, theatre, painting and music has contributed to the evolution of traditional genres. In terms of genre, Ostrovsky highlighted the importance of capturing static space, referring to his comedies as paintings, scenes and so on. Small dramatic forms are characterized by a substantial conflict, owing to the fact that the playwright's focus is not on the development of intrigue but rather on the characters. We discuss the fusion of arts, bringing the static quality inherent in literary paintings and scenes closer to the genre painting. Retardation as the emphasis on the lack of significant movement in a play allows the audience to enter the portrayed space from a distant perspective. The purpose of this article is to examine the artistic time and space in Ostrovsky's paintings and scenes. The study has found that Ostrovsky frequently employs index retardation within the narrative of his characters. Event-based retardation, which builds tension prior to the climax, differs from index-based retardation. In Ostrovsky's dramaturgy, index-based retardation serves as a means of emphasizing relaxation, introducing characters into the realm of everyday concerns. The playwright slows down the action in the play by incorporating extraneous elements into the plot, such as repetitions, parallels, quotations and reminiscences. Additionally, he employs plot devices such as metaphors representing unreal spaces (both conscious and unconscious dreams), as well as visual cues such as mirrors, maps, imagery of water and so forth. Focusing on the states rather than actions, as the primary category of fine arts, enables us to imbue the intratextual space in Ostrovsky's dramaturgy with pictorial art characteristics.

Keywords: A. Ostrovsky, epic drama, plot, retardation, space

Ретардация играет важнейшую роль в художественном мире А. Н. Островского и широко распространена в его пьесах, что свидетельствует об интермедальности творчества писателя. Усиление интертекстуальных связей между литературой, театром, живописью и музыкой способствовало модификации традиционных жанров. В жанровом отношении Островский подчеркивал значимость охвата статичного пространства, называя свои комедии картинами, сценами и др. Малые драматические жанры выделяются субстанциональным конфликтом. Это связано с тем, что интерес драматурга сконцентрирован не на ведении интриги, а на характерах действующих лиц. Автор статьи рассуждает о синтезе искусств, сближая общую для литературных картин и сцен статичность с жанровой живописью. Ретардация как акцент на отсутствии значимого движения в пьесе позволяет зрителю войти в изображаемое пространство с позиции дистанции. Цель статьи – рассмотреть художественное время и пространство картин и сцен у Островского. Результаты исследования показали, что Островский часто использует индексальную ретардацию во вставных нарративах персонажей. Событийная ретардация, служащая усилению напряжения перед кульминацией пьесы, отличается от ретардации индексальной. В эпической драматургии Островского индексальная ретардация служит маркером подчеркнутой расслабленности, вводит в круг повседневных интересов персонажей. Драматург ретардирует действие пьесы через внесюжетные элементы: повторы, параллелизм, цитаты и реминисценции, а также сюжетные: метафоры ирреального пространства (сознательные грезы и бессознательные сны), зрительные маркеры (зеркало, карты, образы воды и др.), цветообразы. Сосредоточенность не на действии, но на состояниях как основной категории изобразительного искусства позволяет наделить внутритекстовое пространство в драматургии Островского чертами живописного.

Ключевые слова: А. Островский, эпическая драма, сюжет, ретардация, пространство

Для цитирования: Лебедева А. Индексальная ретардация как основа эпической пьесы (на материале драматургии А. Н. Островского) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 293–300. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-293-300

Молодой человек в драматической фантазии «Сон по случаю одной комедии» (1851) Эраста Благодного (литературный псевдоним Б. Н. Алмазова), сравнивая талант Н. В. Гоголя с А. Н. Островским, выразил разницу в изображении последним характеров:

«Они, в отношении своей живости и конкретности, относятся к героям Гоголя, как картина, нарисованная красками, относится к картине, нарисованной тушью» [1, с. 218].

В свою очередь, М. П. Алексеев отмечал влияние на русских художников-жанристов (В. Е. Маковского, В. В. Пукирева и др.) драматургии А. Н. Островского: она сама сравнима с холстом, на котором писатель благодаря пластике слова приблизил миметический показ к диалектическому рассказу. В творчестве А. Островского есть немало произведений, в жанровом отношении отнесенных автором к картинам, сценам, драматическим этюдам. Долгое время теории не признавали малые жанры самостоятельными до А. И. Журавлевой, полагавшей, что «жанровое определение, предложенное для этих пьес автором, вызвано, видимо, двумя обстоятельствами: обилием и идейно-художественной значимостью для них бытовых описательных сцен и смелым смешением комического и драматического элементов в содержании» [2, с. 123]. При отсутствии строгой композиции, присущей традиционной драме, они все-таки «развивают интересный сюжет, имеющий четкую развязку» [3, с. 14]. Визуальное начало драматургии кроется в способности драматурга, уподобившись живописцу, наблюдать не действие, но состояния и обращаться к воображению как внутреннему зрению читателя.

Сравнение пьес русских драматургов с картинами неслучайно – вплоть до XVIII в. приемы изображения в живописи и поэзии отождествлялись. Нечетко в русском театре XIX в. среди светской публики были чрезвычайно популярны живые картины (фр. *tableaux vivants*). Драматурги осваивали модный жанр не только в оригинальном исполнении, но и предпринимали попытки адаптировать его к традиционной пьесе «как драматургический прием или элемент сюжета» [4, с. 226]. Некоторые пьесы Островского (например, комедия «Доходное место») заканчиваются выразительной ремаркой: «Картина», указывая актерам на необходимость замереть в

неподвижности. Г. В. Мосалева отмечает, что у Островского «„иконический“ принцип построения текста – не вспомогательный, а мировоззренческий» [5, с. 1012]. Отличительные особенности картин и сцен – в особой пространственно-временной организации.

Исследователи, в частности Т. В. Чайкина, неоднократно отмечали: коллизия в пьесах Островского «продолжается и после того, как опущен занавес» [6, с. 65]. Для приближения обстоятельств, характеризующих субстанциональный конфликт, необходим элемент статичности, медленности. Индексация «зоны безопасности, спокойствия, передышки» [7, с. 208] способствует растяжению пьесы во времени с целью речевой характеристики персонажа. Это возможно благодаря введению в текст пьесы декоративного экфрасиса, который «описывает и построен так, чтобы вызвать зрительные иллюзии» [8, с. 416]. О. Фрейденберг и Б. Кассен связывают понятие экфрасиса с категорией метафоры. Экфрасистический тезаурус Островского шире традиционных определений данного понятия: в его творчестве органично сочетаются статика и динамика, взаимно усиливающие надтекстовую смысловую нагрузку.

Нарушение единства места и времени в драме происходит благодаря сюжетной *ретардации* (от лат. *retardatio* – запаздывание), которая позволяет драматургу проникать в суть вещей, сохраняя театральную действенность. На наш взгляд, следует различать ретардацию драматическую от ретардации эпической: ее сущность зависит от коммуникативной установки по отношению к адресату текста. Так, драматическая ретардация обычно появляется в четвертом действии перед кульминацией как некое событие, уводящее от известной развязки, и потому призвана усилить напряжение ожидания, чего не скажешь о ретардации эпической. Последняя обусловлена рецептивным «этосом покоя» [9, с. 195–197] и более сосредоточена на демонстрации характеров персонажей, а потому может равномерно располагаться в разных частях действия. По своей сути она близка к *статическому мотиву*: это «эпизод, характеризующий персонажа и временно нейтрализующий действие» [10, с. 195]. Для терминологического удобства мы предлагаем отграничить событийную ретардацию от индексальной.

Визуальное начало в пьесе определяется через присутствие в тексте графических маркеров («pictorial markers», в терминологии Л. Лувель), которые отвечают за кодировку визуального образа: лексика, цветообразы, цитаты и аллюзии на произведения изобразительного искусства, рамочные эффекты, приостановка времени и др. Живые картины «provide narrative elements combining description and plot, and generating an action whose origin and consequences <...> have to be imagined» [11, с. 95]: «содержат повествовательные элементы, сочетающие описание и сюжет и порождающие действие, происхождение и последствия которого <...> необходимо представить» (перевод наш. – А. Л.). Живописность представлена в картинах и сценах за счет того, что сюжетная ретардация происходит не на уровне события (уводящего от развязки перед кульминацией в традиционной драме), а на уровне вставных нарративов персонажей по ходу развития действия.

Для пьес малого жанра Островского характерен хронотоп «здесь и сейчас», представляющий будничную жизнь, которой не всегда удовлетворены герои. Персонажи пытаются выйти за ее рамки и тем самым создают второе художественное пространство-убежище, более счастливого, при помощи воображения, снов, гадания. Творчество Островского тяготеет к развернутой экспозиции, растягивающей временные рамки действия. Помимо ретроспективы в прошлое, время пьесы расширяется благодаря индексальной ретардации, предлагающей исчерпывающую информацию о характерах. Это может происходить как в результате самохарактеристики персонажей через монолог, так и в диалогическом взаимодействии с другими героями. Для сцен и картин, далеких от традиционной драматической динамики, наиболее типичным является *д о с у ж и й* *р а з г о в о р*.

Перейдем к анализу индексальной ретардации разных уровней в картинах и сценах Островского, пользуясь классификацией, разработанной нами путем анализа и синтеза существующих в нарратологии концепций замедления в литературном тексте.

Индексальная ретардация структурируется на три типа:

- 1) декоративный экфрасис;
- 2) метафоры ирреального пространства (сны, зеркало, карты и др.);
- 3) цветообразы.

Декоративный экфрасис:

Сквозным мотивом в бальзаминовской трилогии (картины «Праздничный сон – до обеда», «Свои собаки грызутся – чужая не приставай»,

«Женитьба Бальзаминова») проходит необразованность Мишеньки, его сентиментальная вера в сны и приметы. Это обстоятельство прямо вытекает из особенностей драматического пространства – «*сторона глухая, народ темный*». Центральное событие в каждой из пьес трилогии окружено индексальными ретардациями. Так, в картине «Праздничный сон – до обеда» (1857) дома у Бальзаминовых после визита свахи переполох:

«Матрена. Ведь крандаш у тебя все равно что у солдата ружье. Так нешто солдаты ружья теряют?

Бальзаминов. Какой я писарь! Я скоро барин буду.

Матрена. Ты барин? Непохоже.

Бальзаминов. А вот увидишь, как триста тысяч получу.

Матрена. Триста тысяч! Не верю. У кого ж это такие деньги бешеные, чтоб за тебя триста тысяч дали. Да ты их счесть-то не умеешь» [12, т. 2, с. 120].

Метафорические остроты Матрены декоративны по отношению к основному сюжету о смотринах у Ничкиных, но без них образ Мишеньки был бы неполным. Простодушная служанка как глас объективной реальности противопоставлена праздным хозяевам дома, подчеркивая внутреннее единство пьесы. В произведениях Островского нередко можно встретить комических слуг, исторически восходящих к импровизациям итальянских *дзанни* (итал. *zanni*, образовано от имени Gianni), веселящих публику грубыми проделками. Во времена расцвета комедии дель арте маски «были столпами, на которых покоился успех и залог популярности» [13, с. 76] народного театра, поэтому позднее их активно использовали и в заранее написанном репертуаре (например, К. Гольдони, переводчиком которого был Островский). Комические слуги у русского драматурга не подражательны по отношению к европейским маскам: они соответствуют нравам и бытовому укладу купеческого Замоскворечья XIX в. благодаря особой языковой манере *о*краины, *с*нисходительно-покровительственной поведенческой стратегии.

В завязке картины «Свои собаки грызутся – чужая не приставай» (1861) Мишенька учит умные слова для приятного общения с барышнями. Диалог указывает на поверхностное образование персонажей, смешных в своей попытке неумелой маскировки:

«Бальзаминова. Коль человек или вещь какая-нибудь не стоит внимания, ничтожная какая-нибудь, – как про нее сказать? Дрянь? Это как-то неловко. Лучше сказать по-французски: „Гольтепа!“

Бальзаминов. Гольтепа. Да, это хорошо.

Бальзаминова. А вот если кто заважничает, очень возмечтает о себе, и вдруг ему форс-то событ, - это «асаже» называется.

Бальзаминов. Я этого, маменька, не знал, а это слово хорошее. Асаже, асаже...

Бальзаминова. Дай только припомнить, а то я много знаю» [12, т. 2, с. 327].

Неумная мечта о богатстве, являющемся для персонажей синонимом счастья, доминирует в желании Мишеньки не только говорить, но и выглядеть по последней моде. В навязчивом стремлении понравиться взыскательной девушке из хорошей семьи герой чуть не завил уши «а ля полька» в экспозиции первой части трилогии.

Индексальная ретардация в пьесах малого жанра Островского нередко проявляется в композиционном параллелизме, что, скорее, типично для романа. Это обстоятельство подтверждает тот факт, что при работе над картинами «Не сошлись характерами!» (1858) Островский изначально хотел воплотить их в одном из жанров эпоса – повести или очерка, но передумал и переработал произведение в драматическую форму. В пределах действия параллелизм проявляется в разговоре двух слуг, показывая отношение мужчин к женщинам на уровне конкретного сословия:

«1-й кучер. Я кучер, понимаешь ты это? Я свое дело правлю. А ты что? Типун-дворянка! Тонко ходите, чулки отморозите! Значит, ты его (показывая на самовар) и волоки.

Матрена. Да ведь в нем пудов пять будет, где ж девке его стащить!» [12, т. 2, с. 151].

Комический гротеск заключен в манере второстепенных персонажей держаться и разговаривать: речь героев актуализирует субъективное динамическое портретирование оппонентов через взаимные колкости про «рыло» кучера, позавадовавшего «жиру» Матрены. Для театрального зрителя, не нуждающегося в описании внешности героев, эти характеристики несут психологический подтекст, возвращая к незамысловатому грубому юмору народного театра. Кроме того, в пьесе постоянно присутствуют разговоры второстепенных персонажей (кучеров, домашних слуг), не связанные прямо с основным сюжетом, но дающие зрителю представление о мире за пределами сцены.

За обозначенной словесной перепалкой слуг следуют праздные рассуждения Улиты Никитишны об удачном замужестве, раздражающие практичного Карпа Карпыча. Несмотря на более высокое социальное положение персонажей, патриархальная иерархия взаимоотношений

идентична предыдущему эпизоду. Двойничество пар носит явно смеховой пародийный характер:

«Улита Никитишна. Да я так... Вот кабы Серафимочка замуж вышла, так уж сшила бы себе, кажется... Все дамы носят.

Карп Карпыч. А ты нешто дама?

Улита Никитишна. Обнаковенно дама.

Карп Карпыч. Да вот можешь ты чувствовать, не могу я слышать этого слова... когда ты себя дамой называешь» [12, т. 2, с. 152].

Характер бойкой Пульхерии Андреевны из картин «Старый друг лучше новых двух» (1860) проявляется в ее повествовательной речи о городских пересудах, создавая у зрителя ощущение эпической дистанцированности от основного действия. Вместо драматического показа текущих событий в пьесе рассказывается об уже совершившихся фактах, требующих переосмысления и нравственной оценки:

«Пульхерия Андреевна. У нас хоть по крайней мере этого нет. А у Чепчуговых вчера история-то вышла: мне кухарка их сегодня на рынке сказывала, – вот так уж комедия!

Татьяна Никоновна. Что же такое?

Пульхерия Андреевна. Сила-то, что ли, у ней не берет, так она какую же штуку придумала: взяла да мужу вареньем и лицо и бороду и вымазала. Насилу отмyli. Ну, скажите, на что это похоже!» [12, т. 2, с. 273].

Метафоры ирреального пространства:

В картине «За чем пойдешь, то и найдешь (Женитьба Бальзаминова)» (1861) приятные мечты заносят Мишеньку к стезе военного, о которой он задумался накануне встречи с Белотеловой. Но его нежный, почти девичий, склад ума, очевидно идущий от женского воспитания, выдает трепетное отношение к снам. Вторая реальность проецирует разрыв желаемого персонажей с действительностью, на что косвенно указывают емкие, ближе к сказочным, характеристики внешности действующих лиц:

«Бальзаминова. Разве ты что-нибудь во сне видел?

Бальзаминов. Да помилуйте! на самом интересном месте! Вдруг вижу я, маменька, будто иду я по саду; навстречу мне идет дама красоты необыкновенной и говорит: „Господин Бальзаминов, я вас люблю и обожаю!“ Тут, как на смех, Матрена меня и разбудила. Как обидно! Что бы ей хоть немного погодить? Уж очень мне интересно, что бы у нас дальше-то было. Вы не поверите, маменька, как мне хочется доглядеть этот сон. Разве уснуть опять? Пойду усну. Да ведь, пожалуй, не приснится» [12, т. 2, с. 348].

Герой, пытающийся остановить время, постоянно изображается после сна или в периоды мечтательности. Повествовательные монологи Балзамина о грезах во сне и наяву в разных частях трилогии являются важным средством включения в действие ситуаций, происходящих за сценой. Движение и преображение в барина происходит для Мишеньки только в ирреальном пространстве, тогда как его будничная реальность остается неизменной. Элементы мироздания в речи Балзамина о приметах также представлены в его целостности и статике. В частности, реплики Ничкиной о рутинной послеобеденной дреме утверждают семантику отсутствия значимого движения в пространстве пьесы.

В пьесе «Воспитанница» (1859) индексальная ретардация наблюдается в длительной сцене чаепития, решающей для судьбы Нади. Визуальный образ омута возникает в досужем разговоре ключницы с приживалкой, утрирующей тяжесть своего положения:

«Гавриловна. Лучше бы вы чужих-то грехов не трогали. А то помирать собираетесь, а чужие грехи пересуживаете. Нешто вы не боитесь?

Василиса Перегриновна. Чего бояться? Чего мне бояться?

Гавриловна. А того, что с крючком-то сидит. Уж он, чай, поджидает.

Василиса Перегриновна. Где я! Где я! Боже мой! Точно я в омуте каком, изверги...» [12, т. 2, с. 179].

Любовная сцена Нади и Леонида на пруду продолжает пространственный мотив омута, затянувшего девушку на ложный путь. В предшествующей откровенной беседе с Лизой отчаявшаяся воспитанница Уланбековой использует сослагательное наклонение, визуализируя разные возможности потенциального будущего. Обреченный союз с молодым учтивым баринком представляется девушке более привлекательным печальной перспективы связать свою жизнь с пьяницей. Благодаря водному зеркалу в пьесе появляются два пространства – земной реальности и мечты. При этом последняя существует только в воображении Нади, подталкивая ее к опрометчивым поступкам, ставшими поводом для сплетен Василисы Перегриновны.

Внесюжетные элементы у Островского нередко создают видимость остановки в развитии действия, но в структурном отношении при сопоставлении эпизодов, напротив, способствуют его движению. Подобные рефлексивные образы становятся движущей силой, подталкивающей развитие драматического действия: уловка Оленьки против бесхитростного Васютина предвосхищена женскими разговорами в экспозиции.

В пьесе также есть семиотический посредник между словом и изображением – рисунок:

«Оленька. Все будет по-вашему, только не горячитесь, пожалуйста! Нарисуйте мне рисунок, как жить; так точно я и буду.

Татьяна Никоновна. Рисовать нечего. Потому что узоры не мудреные» [12, т. 2, с. 300].

В сценах «Тяжелые дни» (1863) Островский развивает тип честного чиновника, Василия Досужева, уже известного зрителю по комедии «Доходное место» (1856). В экспозиции драматург вводит образ морской пучины как метафору московской периферии:

«Досужев. Ну, я объяснюсь проще: я оставил службу и занимаюсь частными делами. А живу в той стороне, где дни разделяются на легкие и тяжелые; где люди твердо уверены, что земля стоит на трех рыбах и что, по последним известиям, кажется, одна начинает шевелиться: значит, плохо дело; где заболевают от дурного глаза, а лечатся симпатиями; где есть свои астрономы, которые наблюдают за кометами и рассматривают двух человек на луне; где своя политика, и тоже получают депеши, но только все больше из Белой Арапии и стран, к ней прилежащих. Одним словом, я живу в пучине» [12, т. 2, с. 450].

Семантическая насыщенность образов достигает у Островского изобразительных масштабов. При этом незначительный случай, лежащий в основе пьесы, легко укладывается в вышеупомянутое резюме Досужева, поэтому классической интриги в пьесе нет. Время, растянутое ретроспективой, ретардирующими разговорами о вреде романов, усиливает закрытое пространство. Свободному мироощущению Кругловых резко противопоставлена картина мира Брусковых: мать и сын, находящиеся под гнетом властного Тита Титыча, постоянно приводят сравнения «арестант», «омут», «кандалы».

Цветообразы:

Пьесы Островского тяготеют к ретардирующим повторам, усиливающим комический эффект от нарратива. В сценах «Не все коту масленица» (1871) появляется образ черного ворона, усиливающий мистификацию Ипполита. Однако угрозы-обманы сначала в сцене с Феоней, потом – с дядюшкой, не несут реальной физической угрозы его жизни:

«Ипполит. Всему конец, – прощай навек!

Феона. Неужто оставить нас хочешь?

Ипполит. И даже – так, что глаза закроются навек, и сердце биться перестанет.

Феона. Что ты говоришь только! Нескладный!

Ипполит (печально качая головой). Черный ворон, что ты вьешься над моею головой!

Феоны. Да батюшки! В уме ли ты?

Ипполит. Всеми концы, прости навеки» [12, т. 3, с. 372].

Для уверенности в успехе шантажа вынужденный плут сперва пробует свои силы на ключнице. «Игра ума», выразившаяся в цитатах и реминисценциях, позволила робкому Ипполиту хитростью добиться от скупого Ахова заслуженного вознаграждения, необходимого для свадьбы с Агнией. И. А. Овчинина предполагает, что их основой явились «трактирные песни, жестокие романсы», которыми Ипполит «пользуется как готовыми формулами, чтобы выразить свое тяжёлое внутреннее состояние» [14, с. 85].

Троекратные обманы зрения происходят через повторы в докладе забывчивой кухарки Кругловых о посетителях дома и снимают драматическое напряжение перед визитом высокомерного Ахова:

«Маланья (говорит медленно). Шла я тут-то по улице...

Круглова. Так что ж?

Маланья. Так он... Как его?

Круглова. Кто, он-то?

Маланья. Как, бишь, его?.. В сусеках-то...

Круглова. Что же?

Маланья. Да нешто их тут всех... Много их. Такой черноватый...

Круглова. Седой, что ли?

Маланья. Да, седой. Что я!.. А я черноватый...» [12, т. 3, с. 341].

Зрение Маланьи не столько фактическое, сколько субъективно-оценивающее. Богатый купец Ахов представляется Маланье черноватым в эпизодах сватовства к Агнии, когда он пытается казаться для окружающих молодым. В развязке пьесы Ермил Зотыч уже действительный «*дединька сединький*», а темноволосый Ипполит, напротив, стал «*беловатый*» — после делового визита к дядюшке герой, наконец, психологически повзрослел, преобразившись из робкого юноши в ответственного мужчину. Образ зеркала, в которое смотрится молодой приказчик перед кульминацией, фиксирует значимый момент раздвоения героя на до и после. Меткими штрихами Островский, подобно художнику, изменяет цветообразы главных действующих лиц в зависимости от их внутреннего перевоплощения.

В драматическом этюде «Неожиданный случай» (1850) номинация Розовый в рамке текста указывает на стыдливость героя, который уже в монологе в экспозиции укоряет себя за излишнюю эмоциональность. Эпизод прощания в сильной позиции текста разоблачает перед зрителем истинные мотивы обиды скептического

Дружнина, попавшего под естественное обаяние Софьи Антоновны:

«Дружнин (из передней). Не простудитесь, Софья Антоновна! Прощайте-с.

Розовый (тоже из передней). Прощайте!

Дружнин (подходя к двери). Прощайте, Софья Антоновна. Так я завтра чем свет-с!» [12, т. 1, с. 191].

Соблюдая простую вежливость при переходе из комнат в переднюю, друзья незаметно для себя включаются в соревнование за внимание дамы. Взаимоотношения Дружнина и Розового имеют все шансы на продолжение в духе открытого соперничества, выходя за рамки драматического этюда.

Характеры в сценах «Поздняя любовь» (1874) раскрываются через увлечения действующих лиц. Так, услужливая Шаблова угождает импульсивной Лебедкиной, гадая на поклонников. Карты, заменяющие внешний образ внесценического персонажа, расширяют рамки текста до воображаемого портрета. Как и сны, карты связаны с визуальной культурой посредством зрительного восприятия. Динамические портреты загадочных трефового и червонного королей представлены в завязке и финале пьесы, закольцовывая линию кокетливой барыни:

«Шаблова. Опять на трефового?

Лебедкина. Нет, ну его! Надоел. Не знаю, какой его масти-то положить.

Шаблова. Разношерстный, что ли?

Лебедкина. Усы другого цвету.

Шаблова. Да какого ты ни изобрази, какой бы он шерсти ни был, хоть и в колоде такой не найдешь, я для тебя все-таки гадать буду. Рыжему червонному королю черные усы выведу и загадаю» [12, т. 4, с. 58].

Эпизод с гаданием раскрывает образ Лебедкиной в сюжете пьесы, построенной на конфликте долга и чувства. Затеяв обман против Маргаритова, Лебедкина предстает в образе классического трикстера. После того, как ее хитрый план рушится благодаря Николаю, автор вновь вводит эпизод с картами. Возврат Лебедкиной к прежним праздным удовольствиям служит маркером устойчивого миропорядка, показывая беспечность героини. О сознательном использовании ретардации в сюжете пьесы свидетельствует ответ А. Н. Островского Ф. А. Бурдину от 29 октября 1873 г.: «Ты еще находишь ошибку в том, что после окончания пьесы идет разговор о картах; да помилуй, ради бога! Это обыкновенный, вековой классический прием, ты его найдешь и у испанцев и у Шекспира» [12, т. 11, с. 441].

Таким образом, Островский нередко вводит в сюжет индексальную ретардацию для характери-

стики действующих лиц. С развитием реализма первостепенное значение для пьесы приобретает действие, основанное на наблюдении за внутренним миром персонажей, бытовой обстановкой, окружением. Индексальная ретардация реализуется через внесюжетные элементы (повторы, параллелизм, цитаты и реминисценции), а также сюжетные – метафоры ирреального пространства (сознательные грезы и бессознательные сны), зрительные маркеры (зеркало, карты, образы воды и др.), цветообразы. Фиксация состояний наделяет творчество Островского чертами живописного.

Список источников

1. Алмазов Б. Н. Сон по случаю одной комедии. Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века. М.: Искусство, 1982. 544 с.
2. Журавлева А. И. Русская драма и литературный процесс XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1988. 198 с.
3. Чернец Л. В. Жанры пьес А. Н. Островского // Русская словесность. 2009. № 1. С. 11–20.
4. Константинова А. В. «Живые картины»: визуальный театр дорежиссерской эпохи (к истории русского театра первой половины XIX в.) // Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой. 2015. № 4 (39). С. 219–236.
5. Мосалева Г. В. Слово изображенное и изображающее: А. Н. Островский, Н. С. Лесков, И. С. Шмелев // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2019. Т. 29. Вып. 6. С. 1012–1017.
6. Чайкина Т. В. «Шутники» А. Н. Островского как пьеса-картина // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2010. Т. 16. № 1. С. 62–65.
7. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов. Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с фр. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. 536 с.
8. Стахорский С. Нарративы театральной драматургии и их экранные отражения (диегезис и экфрасис). Вопросы театра. 2019. № 3-4. С. 412–435.
9. Тюна В. И. Осевая нарратологическая категория в исторической перспективе // Studia Litterarum. 2021. Т. 6. № 1. С. 10–31. DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-1-10-31>
10. Пави П. Словарь театра: Пер. с фр. / Под ред. К. Разлогова. М.: Прогресс, 1991. 480 с.
11. Louvel L. Poetics of the Iconotext. Edited by Karen Jacobs, translated by Laurence Petit. Burlington, VT: Ashgate, 2011. 206 p.
12. Островский А. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. / Под общ. ред. Г. И. Владыкина. М.: Искусство, 1973–1980.
13. Миклашевский К. La commedia dell'arte, или Театр итальянских комедиантов XVI, XVII и XVIII столетий. М.: NAVONA, 2017. 338 с.
14. Овчинина И. А. «Эта вещь писана для знатоков» (пьеса А. Н. Островского «Не всё коту масленица») // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26. № 4. С. 83–88. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-83-88>

References

1. Almazov, B. N. (1982). *Son po sluchayu odnoi komedii* [A Dream on the Occasion of a Comedy]. *Russkaya ehstetika i kritika 40–50-kh godov XIX veka* 544 p. Moscow, Iskusstvo. (In Russian)
2. Zhuravleva, A. I. (1988). *Russkaya drama i literaturnyi protsess XIX veka*. [Russian Drama and the Literary Process of the 19th Century]. 198 p. Moscow, izd-vo MGU. (In Russian)
3. Chernets, L. V. (2009). *Zhanry p'es A. N. Ostrovskogo* [Genres of Plays by A. N. Ostrovsky]. *Russkaya literatura*. No. 1, pp. 11–20. (In Russian)
4. Konstantinova, A. V. (2015). “*Zhivye kartiny*”: *vizual'nyi teatr dorezhisserskoi epokhi (k istorii russkogo teatra pervoi poloviny XIX v.)* [“Live Pictures”: Visual Theater of the Pre-director Era (on the History of the Russian Theater of the First Half of the 19th Century)]. *Vestnik Akademii Russkogo baleta im. A. Ya. Vaganovoi*. No. 4(39), pp. 219–236. (In Russian)
5. Mosaleva, G. V. (2019). *Slovo izobrazhennoe i izobrazhayushchee: A. N. Ostrovskii, N. S. Leskov, I. S. Shmelev* [The Word Depicted and Depicting: A. N. Ostrovsky, N. S. Leskov, I. S. Shmelev]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya istoriya i filologiya*. Tom 29, vyp. 6, pp. 1012–1017. (In Russian)
6. Chaikina, T. V. (2010). “*Shutniki*” *A. N. Ostrovskogo kak p'sa-kartina* [“Jokers” by A. N. Ostrovsky as a Play-Picture]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*. Vol. 16, No. 1, pp. 62–65. (In Russian)
7. Barthes, R. (2000). *Vvedenie v strukturnyi analiz povestvovatel'nykh tekstov* [Introduction to the Structural Analysis of Narrative Texts]. *Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu*. Per. s fr. i vstup. st. G. K. Kosikova. 536 p. Moscow, izdatel'skaya gruppа “Progress”. (In Russian)
8. Stakhorsky, S. (2019). *Narrativy teatral'noi dramaturgii i ikh ekrannye otrazheniya (diegezis i ekfrasis)* [Narratives on Drama and Its On-screen Reflection (Diegesis and Ecphrasis)]. *Questions of the Theater*. No. 3-4. Pp. 412–435. (In Russian)
9. Tyupa, V. I. (2021). *Osevaya narratologicheskaya kategoriya v istoricheskoi perspektive* [The Pivotal Narratological Category in a Historical Perspective]. *Studiya Litterarum*. Vol. 6, No. 1. Pp. 10–31. DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-1-10-31>. (In Russian)
10. Pavi, P. (1991). *Slovar' teatra* [Dictionary of Theater]. Per. s fr. Pod red. K. Razlogova. 480 p. Moscow, Progress. (In Russian)
11. Louvel, L. (2011). *Poetics of the Iconotext*. Edited by Karen Jacobs, translated by Laurence Petit. 206 p. Burlington, Ashgate. (In English)

12. Ostrovskii A. N. (1973–1980). *Poln. sobr. soch.: v 12 t.* [Complete Works: In 12 Volumes]. Pod obshch. red. G. I. Vladykina. Moscow, Iskustvo. (In Russian)

13. Miklashevsky, K. (2017). *La commedia dell'arte, ili Teatr ital'yanskikh komediantov XVI, XVII i XVIII stoletii* [La Commedia Dell'arte, or the Theater of Italian Comedians of the 16th, 17th and 18th Centuries]. 338 p. Moscow, NAVONA. (In Russian)

14. Ovchinina, I. A. (2020). “*Eta veshch' pisana dlya znatokov*” (*p'esa A. N. Ostrovskogo “Ne vse kotu Maslenitsa”*) [“This... is Written for Pundits” (Alexander Ostrovsky’s Play “It’s Not All Shrovetide for the Cat”)]. Vestnik Kostromskogo gos. universiteta. Vol. 26, No. 4, pp. 83–88. DOI: <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-83-88>. (In Russian)

The article was submitted on 02.11.2024

Поступила в редакцию 02.11.2024

Лебедева Анастасия Игоревна,
аспирант кафедры теории литературы,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, 1.
liebedeva@yandex.ru

Lebedeva Anastasiia Igorevna,
graduate student,
Lomonosov Moscow State University,
GSP-1, Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russian Federation.
liebedeva@yandex.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-301-307

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ МИФОВ О ЕВРОПЕ В «ПИСЬМАХ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА» Н. М. КАРАМЗИНА

© Елена Приказчикова

FORMATION OF NATIONAL CULTURAL MYTHS ABOUT EUROPE IN “LETTERS OF A RUSSIAN TRAVELER” BY N. KARAMZIN

Elena Prikazchikova

The article is devoted to the formation mechanism of national cultural myths about Europe in “Letters of a Russian Traveler” by N. Karamzin. Using the example of four countries, visited by the Russian traveler (Germany, Switzerland, France and England), we explore the main models for creation of national cultural myths. The example of Germany shows the importance of the traveler’s empirical experience in the absence of literary cultural mythology concerning this country. The experience of Switzerland allows the traveler to project his own personal experience on the myth already established in literature, describing Switzerland as the Arcadia of modern times, the country where the “golden age” reigns. The national cultural mythology of France allows the traveler to compare the 18th-century myth of Francocentric Europe, when France performed the role of cultural hegemon, with the historical realities of the French Revolution, which gradually turn France into an outsider country in the eyes of other European monarchies. N. Karamzin’s world image of England is the most complex version of the national cultural myth. On the one hand, the Russian traveler compares the realities of genuine English life with the image of foggy Albion and its inhabitants, which he formed under the influence of reading English novels in the context of the Enlightenment bibliophilic cultural myth. On the other hand, his analysis of the main national features of the English people allows the traveler to think about identifying himself as a Russian person, to compare the English world image with the Russian one, stating the existence of a number of differences between them.

Keywords: N. Karamzin, travel genre, Age of Enlightenment, “Letters of a Russian Traveler,” cultural myths, national world images, Germany, Switzerland, France, England

Статья посвящена механизму формирования национальных культурных мифов о Европе в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина. На примере четырех стран, которые посещает русский путешественник (Германия, Швейцария, Франция, Англия), рассматриваются основные модели создания национальных культурных мифов. Пример Германии показывает важность эмпирического опыта путешественника в условиях отсутствия литературной культурной мифологии, касающейся данной страны. Опыт Швейцарии дает возможность путешественнику спроецировать свой личный опыт на уже сложившийся в литературе миф о Швейцарии как об Аркадии нового времени, где царит «золотой век». Национальная культурная мифология Франции позволяет путешественнику сравнить уже сложившийся в XVIII веке миф о франкоцентричной Европе, где Франции уготовлена роль культурного гегемона, с историческими реалиями Французской революции, постепенно превращающими Францию в страну аутсайдера перед лицом других европейских монархий. Наиболее сложный вариант национального культурного мифа дает у Н. М. Карамзина миробраз Англии. С одной стороны, русский путешественник сравнивает реалии подлинной английской жизни с тем образом туманного Альбиона и его жителей, который у него сложился под влиянием чтения английских романов в контексте библиофильского культурного мифа эпохи Просвещения. С другой стороны, анализ основных национальных черт английского народа позволяет путешественнику задуматься об идентификации себя как русского человека, сопоставить английский миробраз с миробразом российским, констатируя существование целого ряда отличий между ними.

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, жанр путешествия, эпоха Просвещения, «Письма русского путешественника», культурные мифы, национальные миробразы, Германия, Швейцария, Франция, Англия

Для цитирования: Приказчикова Е. Формирование национальных культурных мифов о Европе в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 301–307. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-301-307

XVIII в. был временем, когда общество задумалось о проблеме национальной самоидентификации. Для России новое мироощущение уже не укладывалось в привычную антитезу «православный мир – басурманский мир», то есть мир, лишенный правильной веры. Уже говоря о петровской эпохе, В. Парсамов и Т. Шанская делают акцент на том, что в это время Запад перестает восприниматься в качестве «мира греха», приобретает черты «мира Разума» [1, с. 246]. В XVIII в. русская дворянская интеллигенция стремится максимально быстро преодолеть границу, отделяющую культурное пространство Западной Европы от культурного пространства России, стремясь «натурализоваться» в европейском просветительском топосе. Данное стремление наиболее ярко находило свое отражение в эго-документах эпохи, прежде всего в жанре путешествия. Одним из первых авторов-путешественников стал известный дипломат петровской эпохи, ставший благодаря своей автобиографии, опубликованной в 1706 г. в Карлсбаде, родоначальником российской мемуарно-автобиографической литературы. Речь идет о князе Б. Куракине, чьи «Путевые заметки 1705–1710-х годов» становятся первой попыткой достаточно объективно познакомить русского читателя с европейским «миром Разума», отказавшись как от его чрезмерного восхваления, так и от его критики [2]. Понятно, что ни о какой культурной мифологии Западной Европы речь у него еще не идет.

В Западной Европе, олицетворяющей с точки зрения философии Просвещения истинную цивилизацию, во II половине XVIII в. был создан миф о Восточной Европе, занимающей, по словам американского слависта Л. Вульфа, «промежуточную культурную зону» [3, с. 39] и являющейся «полудвойником, полупротивоположностью» [Там же, с. 35] Европы Западной.

Культурная мифология национальных отношений находила свое отражение в философской географии эпохи, основывающейся на климатических теориях. Так, французский философ Ш. Монтескье доказывал, что национальный характер того или иного народа во многом определяется климатом их стран, став одним из основоположников так называемой климатической теории развития цивилизации. В силу этого он констатировал «робость» народов «жарких клима-

тов» и отважность народов «холодных климатов» [4, с. 198].

До того, как Н. Карамзин написал свои «Письма русского путешественника», в России уже появился некоторый литературный опыт критического описания Западной Европы. Прежде всего это относится к екатерининской эпохе, когда количество русских путешественников в Европу на порядок возрастает. Например, Д. Фонвизин в «Письмах из Франции» (1777–1778) демонстрирует черты галлофобии как естественной национальной культурной реакции на галломанию значительной части российского дворянства II половины XVIII в. В результате, по словам историка В. Ключевского, формируется такой тип личности российского дворянина, как «межеумок» [5, с. 184], а «европейничанье», по мнению историка Н. Данилевского, начинает восприниматься как «болезнь русской жизни» [6].

Одним из проявлений галлофобии становится желание разрушить культурный миф о франкоцентричной Европе, где Франция выполняет функцию просветительского Эдема, центром которого является Париж. Фонвизин, напротив, во время своего путешествия создает культурный миф о Париже как об «истинной заразе» [7, с. 477], куда молодые русские дворяне не должны допускаться отцами до достижения ими 25 лет, так как иначе этот город сделает юношу «навек шалуном и ни к чему не способным» [Там же, с. 477]. Можно вспомнить, что в комедии Фонвизина «Бригадир» Иванушка побывал в Париже до того, как ему исполнилось 25 лет, что и объясняет произошедшую с ним национально-культурную метаморфозу.

Через 10 лет после Фонвизина Карамзин в «Письмах русского путешественника» формирует культурные национальные миробообразы многих западноевропейских стран, уже не преследуя конкретной политической или идеологической цели.

Его культурная мифология во многом предвещает концепцию Г. Гачева о Космо-Психологосе, понятие, под которым понимается единство «национальной природы, склада психики и мышления» [8, с. 311]. В своих «Письмах...» Карамзин во многом на уровне интуиции, опираясь на собственные впечатления в духе теории Д. Юма, показывает читателям различные варианты национальных культурных космосов. В ос-

нове их формирования лежат важнейшие пункты климатической теории, начиная с природных условий в той или другой европейской стране и кончая ее культурой, литературой и философией.

Передвижение русского путешественника по Европе через Германию, Швейцарию, Францию, Англию представляет собой процесс формирования и осмысления национальных культурных мифов. Вначале герой «Писем русского путешественника» еще не осознает тесную связь климата страны с характером народа. Но уже к моменту приезда во Францию в марте 1790 г. существование этой связи воспринимается им как очевидный факт. В силу этого солнце Лангедока становится у автора лучшим лекарством от английского сплина, воспринимаемого русским писателем в качестве национальной болезни жителей «Туманного Альбиона». Можно сказать, что само английское слово *spleen* (сплин) вошло в словарь русского языка благодаря Карамзину и его путешествию. Т. А. Алпатова справедливо увидела в английских впечатлениях русского путешественника, включая «деятельность английского климата», проявление «„географической“ теории национального характера» [10, с. 170].

Находясь в Англии, русский путешественник почувствовал прямую зависимость национального характера от любимой пищи народа, которую Г. Гачев не случайно назвал «сгустком национального мироздания» [8]. Любимая пища англичан, включая бифтекс и ростбиф, способствует, по Карамзину, чрезмерному сгущению крови, превращая их во флегматиков и меланхоликов, склонных к самоубийству.

Карамзин отмечает влияние на черты национального характера литературы и философии той или иной страны. По его мнению, «естественность» немецкой литературы, изображающей «человека, каков он есть» [9, с. 77], обусловлена «естественностью» немецкого национального характера. Такая же установка характера и для английской литературы. Зато прямой противоположностью немецкой или английской литературам является литература французская с ее страстью к патетике и декламации. Уже в эпоху Серебряного века поэт М. Волошин поэтически охарактеризует эту «неестественность» французской литературы как «жест трагический и хмель красивых фраз» [11, с. 323]. Этот «хмель красивых фраз» французской культуры в сатирико-ироническом ключе представлял Л. Толстой в «Войне и мире». Однако первым на этот аспект обратил внимание именно Карамзин.

Философский аспект культурного мифотворчества Карамзина наиболее отчетливо проявляет себя при сравнении характера француза-

парижанина с вихрями Р. Декарта и проявляет себя через «живость народных движений, удивительную скорость в словах и делах» [9, с. 299].

Процесс создания национальных мироздаваний в «Письмах русского путешественника» определялся уровнем развития системы культурных мифов относительно той или иной европейской страны. Такой системы у автора не было в случае с Германией, включая Пруссиию. Именно поэтому путешественник демонстрирует читателям опыт «самовидца»-первооткрывателя, чьи представления о национальном характере тех же немцев еще очень далеки от уровня национальных стереотипов.

Так, герой-путешественник удивляется грубости толстого часового у ворот Кенигсберга, который пытается получить у него быстрый ответ на вопрос «*Wer sind Sie? Kmo Вы?*» [Там же, с. 47], делая это несколько раз просто «*пре-страшным голосом*» [Там же] или же «*еще страшнейшим голосом: «Wer sind ihr?» – гораздо уже неучтивее!*» [Там же]. К этим чертам немецкой грубости Карамзин будет возвращаться еще не раз, так же как и к немецкому милитаризму, выражающему себя в любви к фрунтмании, парадомании и искреннему преклонению перед чинами. Неслучайно в Германии все знаменитые поэты, включая К. М. Виланда и И. В. Гете, находятся на службе и имеют чины, которыми искренне гордятся. Для молодого Карамзина, вышедшего в отставку в чине поручика в 19 лет, такая установка уже мало соответствовала реалиям «эпохи чувствительности». Отмечает путешественник неумение немцев хорошо одеваться и устраивать развлечения таким образом, чтобы на них не царила скука. Зато любовь немцев к ученым разговорам заставит его с величайшим уважением отозваться об ученых мужах Германии (на первом месте среди них будет философ И. Кант). Среди позитивных черт национального характера немцев называется их любовь к порядку и неизменное трудолюбие, позволяющее достичь благодаря немецкой экономике изобилия и процветания маленьких по сравнению с Россией немецких государств. Тем не менее герой Карамзина признается на страницах «Писем русского путешественника», что немцы «*далеки от моего сердца*», он «*не хотел бы жить вместе с немцами*» [Там же, с. 65].

Культурная мифология Швейцарии показана в «Письмах русского путешественника» в основном через литературную составляющую, через аркадский миф, берущий свое начало в идиллиях Феокрита и буколиках Вергилия, где в центре авторского внимания находится фигура пастуха,

прославляющего естественную жизнь на лоне природы.

Само пребывание на земле Швейцарии делает героя Карамзина свободной личностью. Он признается: *«стан мой распрямился, голова моя сама собою подымается вверх, и я с гордостью помышляю о своем человечестве»* [Там же, с. 149].

Однако именно в «швейцарской» части путешествия можно обнаружить конфликт между аркадским мифом Швейцарии, с которым Карамзин познакомился в ранней юности, осуществив перевод идиллии С. Геснера «Деревянная нога», и «правдой голого факта» травелога, который, несмотря на всю свою художественную составляющую, обладает и чертами эго-документальной литературы. Например, путешественника не устраивают традиции знаменитого *«альпийского нищенства»*, когда *«почти беспрестанно подбегали к коляске моей ребятишки и требовали (разрядка моя. – Е. П.) подаяния»* [Там же, с. 185]. Именно требовали, а не просили, так как это не было следствием бедности и нужды, но рассматривалось лишь как *«легкий способ получать деньги»* [Там же, с. 185]. Эстетическую красоту аркадского мифа подрывает, по мнению путешественника, некрасивая с эстетической точки зрения одежда швейцарских девушек и женщин. Например, прекрасный пол носит в Цюрихе *«на головах предлинные рога, отчего они кажутся похожими на сатиров»* [Там же, с. 186]. В альпийской долине Гасли местные красавицы *«подвязывают юбку под самыми плечами, и кажется, будто они в мешках зашиты»* [Там же, с. 202].

Иногда ирония автора оказывается направленной на самого героя-путешественника. Так происходит, к примеру, при описании альпийской свадьбы, когда путешественник дарит молодоженам бесполезную для них медную медаль, на которой выгравирована голова греческого юноши, как знак своего доброжелательства. Подношение сопровождается чувствительным чтением отрывка из поэмы швейцарского поэта А. фон Галлера «Альпийские горы», в то время как жених и невеста, перешептываясь, с удивлением смотрят на странный для них дар. Второй эпизод подобного рода происходит в пастушеских хижинах на горе Венгенальп, где гостеприимные швейцарские пастухи угостили русского путешественника сливками, творогом и сыром. Однако веселые девушки-пастушки искренне смеялись над заявлением молодого русского дворянина, что он хочет остаться жить вместе с ними *«и вместе с ними доить коров»* [Там же, с. 196].

К моменту, когда Карамзин отправился в свое европейское путешествие, на волне галломании в Европе и в России сложился культурный миф о франкоцентричной Европе, где Франция рассматривалась в качестве центра европейской цивилизации. В результате подобного мировидения, по словам А. Ф. Строева, в любой европейской стране уровень цивилизации любой оказался «обратно пропорционален расстоянию от центра» [12, с. 10], то есть от Франции. Русский путешественник в начале своего пути в полной мере разделяет этот миф, поэтому Франция однозначно воспринимается им как *«прекраснейшее в свете государство»* [9, с. 292]. Что касается Парижа, то он получает у Карамзина поэтические определения в духе «Одиссеи» Гомера и «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо: *«Калипсовый остров, Армидны замок»* [Там же, с. 298].

Тем не менее этот позитивный национальный культурный миф Франции испытывается у писателя правдой впечатлений путешественника-самовидца, которая не всегда свидетельствует в пользу прекрасной Франции. Одним из первых разочарований путешественника оказывается грязь на улицах Парижа и бедность парижан, особенно живущих в предместьях города. Еще большим разочарованием для человека эпохи Просвещения становятся проявления невежества и революционного деспотизма, нашедшие свое отражение в анекдотах о Французской революции, помещенных в текст «Писем русского путешественника». Например, анекдот о молодом аристократе, которого крестьяне в деревне близ Парижа заставляли кричать *«Да здравствует нация!»*, не зная, что означает слово «нация» [Там же, с. 309–310]. К разряду таких же анекдотов можно отнести и историю про одного маркиза-заика, который некогда был убежденным роялистом, а во время революции стал сторонником свержения монархии, уверяя окружающих: *«Что делать? Я люблю мя-те-те-тежи!»* [Там же, с. 310]. История переменчивого маркиза заставляет путешественника задаться риторическим вопросом: *«...читал ли маркиз историю Греции и Рима? Помнит ли цикуту и скалу Тарпейскую?»* [Там же]. Упоминание о цикуте и Тарпейской скале является в данном случае цитатой из речи О. Мирабо, произнесенной им в Национальном собрании 22 мая 1790 г.

В соответствии с этикой сентиментализма и традицией «сентиментального путешествия» писатель отмечает «общежительность» французской нации: вежливость, любезность, искусство жить в обществе. Эти качества вместе со знаменитым галльским остроумием искупают ветреность и непостоянство французского националь-

ного характера, превращаясь чуть ли не в достоинство, когда русский путешественник отмечает в письме госпоже Н*: «Я не знаю народа умнее, пламеннее и ветренее вашего» [Там же, с. 421]. Спустя 20 лет под влиянием патриотического подъема Отечественной войны 1812 года Ф. Глинка в своих «Письмах русского офицера» назовет французский народ за это качество «народом вертушек» [13, с. 324].

Тем не менее культурный миропорядок Франции, сложившийся у Карамзина к началу европейского путешествия, выдерживает испытание опытом реального путешествия. В том же письме госпоже Н* герой Карамзина признается: «...после России нет земли приятнее Франции, где иностранец часто забывается, что он не между своими» [9, с. 421].

Следующей страной, куда отправляется герой Карамзина, была Англия. Впечатление о ней у него было сформировано под влиянием библиофильского культурного мифа эпохи Просвещения, то есть под воздействием английской литературы, прежде всего английских романов вроде романов Г. Филдинга, С. Ричардсона, Л. Стерна. В них, по его мнению, находит отражение своеобразие английского характера, включая простодушие, меланхолию и мечтательность. В результате усердного чтения путешественник «воображал Англию приятнейшей для своего сердца землей» [Там же, с. 495].

Поэтому нет ничего удивительного в том, что первоначально русский путешественник видел в английском образе жизни исключительные преимущества по сравнению с жизнью во Франции, особенно если речь шла о сравнении двух столиц: «Лондон прекрасен! Какая разница с Парижем! Там огромность и гадость, здесь простота с удивительной чистотой» [Там же, с. 434].

Путешественник последовательно отмечал яркий свет фонарей и отсутствие привычного парижского шума на лондонских улицах, широкие тротуары, которые путешественник называет для себя по-русски «намошки», богатые магазины, наполненные товарами из Ост-Индии, сытные завтраки в пирожных лавках.

Однако достаточно быстро опыт самовидца заставляет героя Карамзина задуматься об отрицательных сторонах английской жизни. И этих отрицательных сторон оказывается очень много, начиная со знаменитых лондонских карманников и кончая исключительной дороговизной земли, частная собственность на которую распространяется на все поля и леса. В результате путешественник вынужден довольствоваться общественной дорогой, не имея права даже нарвать букет

луговых цветов, так как «здесь все обгорожено» [Там же, с. 492].

К концу путешествия у автора формируется представление о принципиальной противоположности культурного миропорядка Англии культурному миропорядку России. Это касается и английского характера, похвала которого «так холодна, как они сами» [Там же, с. 495].

Русскому путешественнику не нравится климат Англии, где все «покрыто туманами, мраком и дымом земляных угольев» [Там же, с. 496], из-за чего англичанин не может «не смотреть сентябрем» [Там же, с. 496]. С. А. Джанумов делает интересное предположение, что Н. Карамзин, вернувшийся из своего заграничного путешествия 15 июля 1790 г., специально пометил последнюю английскую запись сентябрем, чтобы «разделить с читателем традиционное представление о сыром климате Англии, об английских туманах, что было бы невозможно сделать в солнечном июле» [14, с. 110]. Его отталкивает холодный характер англичан, который один остроумный французский эмигрант сравнил с покрытым льдом вулканом: «...пламени не вижу, а между тем зябну» [9, с. 496]. Для Карамзина как для сентименталиста холодный характер является завесой, скрывающей эгоизм, так как в подобных людях «действует ум, нежели сердце; ум же всегда обращается к собственной пользе, как магнит к северу» [Там же, с. 498].

Путешественник пишет об англичанах: «рассудительны – и скучны!» [Там же, с. 497], признаваясь вслед за Г. Филдингом, что иностранцам практически невозможно понять своеобразие английского юмора, включающего в себя не только веселость, но и замысловатость. Одной из самых неприятных черт жителей «туманного Альбиона» путешественник, воспитанный на этических идеалах «эпохи чувствительности», считает отсутствие у них сострадания к несчастным, оказавшимся на дне жизни, так как они подзревают их в обмане, притворстве и лени. С детства считающий, что гостеприимство, в том числе по отношению к иностранцам, – важная черта истинного человека, герой Карамзина констатирует наличие некоторого презрения и даже агрессии у англичан по отношению к представителям других наций, которых они считают «какими-то несовершенными, жалкими людьми» [Там же, с. 498]. Достаточно сказать, что сам путешественник удостоился от английской черни нелестного прозвища «французская собака» [Там же, с. 498] на том основании, что на нем был сшитый в Париже модный фрак.

Но, несмотря на фактический отказ путешественника видеть в Англии и англичанах идеал

европейской страны, почерпнутый из литературы в эпоху господства просветительской бибблиофилической мифологии, он не теряет к ней интереса и как путешественник, и как русский человек, личность которого сформировалась под влиянием другого национального мироздания. Он признается: «Я и в другой раз приехал бы с удовольствием в Англию, но выведу из нее без сожаления» [Там же, с. 502].

Данное обстоятельство позволяет охарактеризовать Карамзина, так же как и его героя-путешественника, термином *русский европеец*, что, по мнению В. Н. Топорова, свойственно для человека, который «органически сочетал две любви – к России и к Западу, точнее, испытывал чувство двуединой любви» [15, с.21].

«Письма русского путешественника» Карамзина заставляют задуматься не только о культурной мифологии национальных отношений в последней четверти XVIII в., но и о проблеме возникновения национальных стереотипов как таковых, которым будет суждено пережить века. Данный процесс можно идентифицировать как начало формирования понятия национального «мы», которое, по мнению Л. Ф. Хабибуллиной и Т. Н. Бреевой, «происходит через соотнесение этого „мы“ с „другим“, который может рассматриваться как „чужой“» [16, с.71]. «Письма русского путешественника» Карамзина находятся в самом начале данного процесса, тем не менее нивелируя традиции политического мифотворчества в духе концепции Восточной Европы или мифа о франкоцентричной Европе.

Список источников

1. Парсамов В. Власть и Просвещение в России // Логос. 2003. № 4–5. С. 243–259.
2. Куракин Б. Дневник и путевые заметки князя Б. И. Куракина. 1705–1708 г. // Архив князя Ф. А. Куракина: в 8 кн. Кн. 1. СПб., 1890. С. 101–240.
3. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
4. Монтескье Л. -III. О духе законов. М.: Мысль, 1999. 672 с.
5. Ключевский В. О. Сочинения: В 8 т., Т. 5. М.: Соцэкгиз, 1958. 503 с.
6. Данилевский Н. Я. России и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Книга, 1991. 574 с.
7. Фонвизин Д. И. Письма из второго заграничного путешествия // Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2 т., Т. 2. М.; Л., 1959. С. 412–496.
8. Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс: Культура, 1995. 479 с.
9. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. М.: Правда, 1988. 544 с.

10. Алпатова Т. А. Проза Н.М. Карамзина: поэтика повествования. М.: Изд-во МГОУ, 2012. 560 с.
11. Волошин М. Стихотворения и поэмы. Екатеринбург: Сред.-Урал. книж. из-во, 1992. 400с.
12. Строев А. Россия глазами французов XVIII – начала XIX века // Логос. 1999. № 8. С. 8–41.
13. Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М.: Правда, 1990. 448 с.
14. Джанумов С. А. Англия и англичане в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 108–119.
15. Топоров В. Н. Из истории русской литературы. Т. 2: Русская литература второй половины XVIII века: исследования, материалы, публикации; М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. 1. М.: Языки русской культуры, 2001. 912 с.
16. Хабибуллина Л. Ф., Бреева Т. Н. Национальный миф в художественной литературе. М.: ФЛИНТА, 2019. 500 с.

References

1. Parsamov, V. (2003). *Vlast' i Prosveshcheniye v Rossii* [Power and Enlightenment in Russia]. Logos. No. 4–5, pp. 243–259. (In Russian)
2. Kurakin, B. (1890). *Dnevnik i putevyye zametki knyazya B. I. Kurakina 1705–1708 g.* [Diary and Travel Notes of Prince B. I. Kurakin. 1705–1708]. Arkhiv knyazya F. A. Kurakina: v 8 kn. Kn. 1, pp. 101–240. St. Petersburg. (In Russian)
3. Vul'f, L. (2003). *Izobretaya Vostochnuyu Yevropu. Karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya* [Inventing Eastern Europe. Map of Civilization in the Consciousness of the Age of Enlightenment]. 560 p. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russian)
4. Montesquieu, L.-Sh. (1999). *O dukhe zakonov* [On the Spirit of Laws]. 672 p. Moscow, Mysl'. (In Russian)
5. Fonvizin, D. I. (1959). *Pis'ma iz vtorogo zagranichnogo putesthestviya* [Letters from the Second Trip Abroad]. Fonvizin D. I. Sobr. soch.: v 2 t., T. 2, pp. 412–496. Moscow, Leningrad. (In Russian)
6. Klyuchevskii, V. O. (1958). *Sochineniya* [Works]. V 8 t. T. 5. 503 p. Moscow, Sotsekgiz. (In Russian)
7. Danilevskii, N. Ya. (1991). *Rossiya i Yevropa: vzglyad na kul'turnye i politicheskiye ot-nosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu* [Russia and Europe: A Look at the Cultural and Political Relations of the Slavic World and the German-Romanic One]. 574 p. Moscow, Kniga. (In Russian)
8. Gachev, G. (1995). *Natsional'nyye obrazy mira. Kosmo-Psikhologos* [National Images of the World. Cosmo-Psychology-Logos]. 479 p. Moscow, Progress, Kul'tura. (In Russian)
9. Karamzin, N. M. (1988). *Pis'ma russkogo putesthestvennika* [Letters of a Russian Traveler]. 544 p. Moscow, Pravda. (In Russian)
10. Alpatova, T. A. (2012). *Proza N. M. Karamzina: poetika povestvovaniya* [N. M. Karamzin's Prose: Poetics

of Narration]. 560 p. Moscow, izd-vo MGOU. (In Russian)

11. Voloshin, M. (1992). *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and Poems]. 400 p. Yekaterinburg, Sred.-Ural. knizh. iz-vo. (In Russian)

12. Stroeve, A. (1999). *Rossiya glazami frantsuzov XVIII – nachala XIX veka* [Russia through the Eyes of the French in the 18th–Early 19th Centuries]. Logos. No. 8, pp. 8–41. (In Russian)

13. Glinka, F. N. (1990). *Pis'ma russkogo ofitsera* [Letters of a Russian Officer]. 448 p. Moscow, Pravda. (In Russian)

14. Dzhanumov, S. A. (2016). *Angliya i anglichane v "Pis'makh russkogo puteshestvennika"* N. M. Karamzina [England and the British in "Letters of a Russian Traveler" by N. M. Karamzin]. Vestnik

Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. No. 4, pp. 108–119. (In Russian)

15. Toporov, V. N. (2001). *Iz istorii russkoy literatury. T. 2: Russkaya literatura vtoroy poloviny XVIII veka: issledovaniya, materialy, publikatsii* [From the History of Russian Literature. V. 2: Russian Literature of the Second Half of the 18th Century: Research, Materials, Publications]. M. N. Murav'yev: Vvedeniye v tvorcheskoye naslediyе. Kn. 1. 912 p. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. (In Russian)

16. Khabibullina, L. F., Breyeva, T. N. (2019). *Natsional'nyi mif v khudozhestvennoi literature* [National Myth in Fiction]. Monografiya. 500 p. Moscow, FLINTA. (In Russian)

The article was submitted on 10.10.2024

Поступила в редакцию 10.10.2024

Приказчикова Елена Евгеньевна,
доктор филологических наук,
доцент,
профессор кафедры русской и зарубежной
литературы,
Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина,
620000, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51.
miegata-logos@yandex.ru

Prikazchikova Elena Evgen'evna,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Professor in the Department of Russian and Foreign Literature,
B. Yeltsin Ural Federal University,
51 Lenin Str.,
Ekaterinburg, 620000, Russian Federation.
miegata-logos@yandex.ru

УДК 821.133.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-308-316

«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» Б. ЛУКЬЯ КАК ПРИМЕР ГРАФИЧЕСКОГО РОМАНА-АДАПТАЦИИ

© Ирина Прудюс

BASTIEN LOUKIA'S "CRIME AND PUNISHMENT" AS AN EXAMPLE OF A GRAPHIC NOVEL ADAPTATION

Irina Prudius

This article analyses the graphic novel adaptation "Crime and Punishment" (2019) written by a French writer and artist Bastien Loukia. This analysis has been conducted for the first time in Russian literary studies. The aim of the work is to identify the main features of modern graphic adaptation based on the book by B. Loukia. The relevance of our work lies in the study of one of the most currently popular genres – the genre of the graphic novel. It is also relevant to consider Loukia's work as the most common subgenre of the graphic novel – a graphic novel adaptation. The study uses comparative and structural methods. We analyze the system of characters and compare them with the characters of Dostoevsky. We have come to the conclusion that in Loukia's book the crime, committed by Raskolnikov, is connected with the dominance of violence in his reality. For this reason, the central character commits murder. The analysis of the spatial and temporal organization of the work proves that the events of Dostoevsky's novel are being projected to B. Loukia's contemporary reality. The article concludes that by referring to a famous work, the authors of graphic novel adaptations, in their books, comprehend philosophical and socio-psychological problems of their own time. We identify the following features among the main characteristics of the graphic novel adaptations of the last decade: remaking of the plot, character system and the chronotope of the precedent text in order to represent themes and problems relevant to the author of the 20th century and complicating the graphic component. The analysis of the graphic component allows presenting several possible interpretations of the graphic novel and its problematics.

Keywords: graphic novel, graphic novel adaptation, subgenres of a graphic novel, "Crime and Punishment", Bastien Loukia

В статье впервые в отечественном литературоведении проводится анализ графического романа-адаптации французского писателя и художника Бастьена Лукья «Преступление и наказание» (2019). Целью работы является выявление основных черт современной графической адаптации на примере обозначенного произведения. Актуальность исследования заключается в обращении к одному из самых популярных в настоящее время жанров – к жанру графического романа, а также в рассмотрении произведения Лукья с точки зрения его наиболее распространенного субжанра – графического романа-адаптации. В исследовании использованы сравнительно-сопоставительный и структурный методы. Исследуется система персонажей, сопоставляемая с героями Достоевского, делается вывод о том, что преступление Раскольникова у Лукья связано с господством жестокости в современном ему мире, именно поэтому он и совершает убийство. Анализ пространственно-временной организации произведения доказывает мысль о проекции событий романа Достоевского на современную для Б. Лукья действительность. Делается вывод о том, что авторы графических романов-адаптаций через обращение к известному произведению осмысляют в своих книгах философские и социально-психологические проблемы непосредственно их эпохи. Среди основных черт графического романа-адаптации последнего десятилетия определены следующие: переработка сюжета, системы персонажей, хронотопа прецедентного текста с целью репрезентации тем и проблем, актуальных для автора XXI века, усложнение графической составляющей, анализ которой позволяет представить несколько возможных трактовок графического романа и его проблематики.

Ключевые слова: графический роман, графический роман-адаптация, субжанры графического романа, «Преступление и наказание», Бастьен Лукья

Для цитирования: Прудюс И. «Преступление и наказание» Б. Лукья как пример графического романа-адаптации // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 308–316. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-308-316

«Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского как неотъемлемая часть «национального мифа» в русской литературе [1] часто становилось материалом для визуальных адаптаций, поскольку роман почти «фотографически отражал реальность» XIX века [2, с. 111]. Исследователь Эмил Димитров отмечает, что писатель изображает человека «объемно, как бы одновременно со всех сторон» [3, с. 98], то есть персонажи и окружающая их действительность часто описаны так, что их легко визуализировать, что упрощает задачу для художника или режиссера. А благодаря диалогической структуре романов Достоевского, его тексты легче превращать в сценарий, что открывает практически безграничные возможности для визуальной адаптации.

С середины 1950-х гг. «Преступление и наказание» является одним из наиболее популярных текстов для визуальной адаптации как в кино [4], так и в произведениях, где на первый план выходит графическая составляющая: например, это комикс «Преступление и наказание» (1951) американского автора Руди Палайса, «Преступление и наказание» (1953) японского мангаки Осаму Тэдзука, «Комикс Достоевского: „Преступление и наказание“» (2009) американского художника Роберта Сикоряка, где Раскольников предстает в образе персонажа вселенной Marvel Бэтмена, итальянская версия «Преступления и наказания» Гвидо Скалы (2013) с диснеевскими героями Микки Маусом и Плуто [5]. Отметим, что особенностью многих адаптаций является то, что авторы кардинально изменяют или же исключают эпилог, который Достоевский считал наиболее важной частью романа. Таким образом, мы можем предположить, что они предлагают читателям и зрителям самостоятельно ответить на вопрос о возможности или невозможности раскаяния за убийство.

В нашем исследовании мы обратимся к анализу графического романа, жанр которого остается дискуссионным. Однако автор статьи, наряду с еще несколькими зарубежными и отечественными исследователями, все же отделяет жанр графического романа от жанра комикса, безусловно, из него выросшего (например, термин «графический роман» и его рассмотрение с точки зрения жанра мы встречаем в работах У. Айснера, [6], Т. Гронстена [7], Х. Шут [8], Ж. Баэтанса [9], Г. Риппла и Л. Эттера [10], А. Ромеро-Ходара [11], О. А. Алимурادова и В. З. Шубитидзе [12], М. Дебрэнн [13],

Э. В. Васильевой [14], Я. И. Струневской [15]), и трактует как самостоятельный жанр, уже распадающийся на субжанры [16], в число которых входит и графический роман-адаптация [17]. Следует отметить, что филолог Елена Новикова, также анализировавшая произведения Достоевского в японских комиксах, считает, что при «переводе» произведений классики в визуальную форму «более уместно использование термина „графический роман“» [18, с. 76], что согласуется и с мнением французского литературоведа Ж. Баэтанса, отмечающего «более высокий коэффициент литературности» [9, с. 205] графических романов в отличие от комиксов, а также тематику, ориентированную на взрослую аудиторию читателей. О. И. Максименко замечает, что графическая адаптация как «неоднозначный поликодовый объект» [19, с. 115] может нести новые «имплицитные смыслы» [19, с. 115], отличные от оригинала. Так, «снижение информативности» [20, с. 217], присущей первоисточнику, компенсируется новыми возможными интерпретациями, которые открывает визуальная адаптация за счет игры с цветовой палитрой, использования различных графических техник прорисовки персонажей и отсылки к тем или иным стилям живописи (импрессионизм, авангардизм, минимализм и т. п.). К примеру, анализ одного определенного цвета или изображенной детали может привести к нескольким трактовкам произведения. Таким образом, можно предположить, что автор, переосмысляющий классический текст, дополняет графическую адаптацию своим видением происходящих в ней событий, соотнося их больше с современностью, нежели желанием визуально воссоздать исходное произведение.

В качестве примеров определения авторами жанра своего произведения как графический роман хотелось бы назвать еще две адаптации романа Достоевского: это книга американского сценариста Дэвида Зейна Майровитца и французского художника Алана Коркоса «„Преступление и наказание“ Федора Достоевского: графический роман» («Fyodor Dostoevsky's Crime&Punishment: a graphic novel», 2008) [21] и книга отечественного писателя Аскольда Акишина «Преступление и наказание. Графический роман» (2019) [22]. Ранее обозначенный тезис о соотношении классического текста с современностью замечен в этих произведениях. В мрачной адаптации Коркоса и Майровитца 2008 г. герои «Преступления и наказания» переносятся в пост-

советскую российскую действительность 1990-х гг., представленную как суровое и жестокое по отношению к человеку пространство. Петербург Коркоса и Майровитца полон бессердечных персонажей, не испытывающих ни жалости, ни сочувствия друг к другу. Мир, в котором живут герои, не дает им возможности измениться, поскольку жизнь в развалившемся государстве больше похожа на борьбу за выживание, где Раскольников как типичный представитель маргинальных слоев убивает и грабит Алену Ивановну, чтобы добыть средства на существование. Коркос и Майровитц изменяют основные сцены романа Достоевского таким образом, что с каждой новой сценой русская действительность становится все мрачнее и пессимистичнее. Например, сцена убийства Алены Ивановны и Лизаветы полна жестокости (художник рисует женские головы, отрубленные топорами). В этом эпизоде Раскольников предельно жесток: после убийства герой не испытывает угрызений совести, а к концу графического романа его гнев только усиливается. Образ Сонечки намеренно снижен: Коркос рисует героиню полуобнаженной брюнеткой, которую мало заботит душа Раскольникова. В финале главный герой не соединяется с Соней, он болен как физически, так и ментально, и только в его воображении, скорее всего в галлюцинациях, ему представляется, что Сонечка находится с ним рядом. Следовательно, у Коркоса и Майровитца уже нет речи о возможном просветлении души Раскольникова, напротив, та реальность, где он живет, приводит его к мысли о бессмысленности и ничтожности жизни человека.

Совершенно другая действительность представлена в графическом романе российского автора Аскольда Акишина: действие происходит в футуристическом мире роботов, где они занимают лидирующее положение в обществе и где им подчиняются люди. У Акишина инженер Раскольников являлся одним из тех, кто участвовал в создании роботов, но не смог жить в мире, где они превзошли человека. Схематичные, почти эскизные рисунки Акишина намекают и на схематичность, фальшивость чувств и отношений в этом мире. Люди становятся похожими на роботов – безжизненными внутри, замкнутыми в собственном гневе. «Убив», то есть буквально разбив робота-банкомата по имени «Алена Ивановна», Раскольников воплощает идею человека-революционера, который хочет свергнуть правящий класс. В то же время произведение Акишина наполнено скрытой иронией над современной действительностью: Раскольников совершает акт вандализма в поисках легких денег, то есть

его поступок хоть и жесток, но мелочен; идея Достоевского о превосходстве одних людей над другими заменяется простой жадной наживой у героя Акишина. Однако ближе к финалу автор все же дает надежду на возможное положительное изменение центрального персонажа, если он приложит к этому усилия и если получит поддержку от близких. Уничтожение робота, а не убийство человека все же смягчает его спонтанное, хотя и жестокое действие. Сонечка у Акишина летит за Раскольниковым на каторгу на планету Уран, где она занимается ремонтом роботов. В финале меняется и стиль рисунка: вместо схематичной прорисовки персонажей автор изображает Раскольникова похожим на монументальных людей эпохи СССР, осваивавших космос. На Уране герой разрабатывает новую колонию для совместной жизни людей и роботов, а Сонечка, по сути, становится целительницей – как роботов, так и души главного персонажа. В итоге Акишин перерабатывает идею Достоевского о возможности перерождения грешной души даже в автоматизированном, буквально бесчеловечном мире роботов.

Итак, при обзорном сопоставлении двух графических романов мы уже замечаем два видения российской действительности. Различная пространственно-временная организация по-разному влияет на героев и ведет их к возможному или невозможному обновлению души.

В нашем же исследовании мы более подробно остановимся на произведении французского художника, писателя, сценариста и режиссера Бастьена Лукья и попытаемся выделить основные характеристики графического романа-адаптации на примере его работы [23]. «Преступление и наказание» («Crime et Châtiment») Лукья создал в 2019 г. по итогам своего путешествия в Россию, где он работал в архивах и общался с исследователями творчества Достоевского. Книга Лукья интересна в первую очередь тем, что из обозначенных адаптаций его произведение наиболее приближено к реалиям романа Достоевского, миру XIX в., где центральный персонаж делает судьбоносный выбор. Казалось бы, в адаптации Лукья должна быть сохранена и основная мысль романа Достоевского, однако французский писатель все больше соотносит поведение Раскольникова с поведением человека XXI в., раздираемого внутренними противоречиями, которые он постепенно пытается осмыслить. Кроме того, графический роман создан в последние 10 лет, что позволяет определить некоторые характерные в настоящее время черты. На конкретных примерах мы разберем «домысливание» [20, с. 217] и авторскую интерпрета-

цию исходного текста, философскую составляющую и игру с временем и пространством.

Формальные особенности графического романа, предполагающие заметное сокращение исходного текста и переноса большей его части в графику, сохраняются: объем произведения Лукья гораздо меньше оригинального текста – это 160 страниц в отличие от 300–400 стандартных страниц «Преступления и наказания» (в зависимости от издательства). Все описательные части уходят в графику: к примеру, портреты, интерьер художник рисует, а не описывает. Диалоги Достоевского Лукья не только намеренно сокращает, но и упрощает: речь персонажей дополнена разговорной лексикой XXI в., что делает восприятие текста понятным для современного французского читателя, ведь именно популяризация произведения Достоевского являлась одной из главных задач писателя, о чем он не раз говорил в интервью. Однако отметим, что в графическом романе присутствуют и объемные текстовые части – это комментарии автора в предисловии и послесловии, где он пишет об особенностях российской действительности XIX в. и русского быта в целом.

В произведении Лукья сохранена реальность XIX в., в которой жил Достоевский, но писатель философски осмысляет не теорию превосходства Раскольникова, а внутренний мир человека, которого окружающая реальность толкает на совершение жестокого поступка. В предисловии автор пишет:

«J'ai été plongé dans [...] ce monde mystérieux qui effraie [...] lorsqu'on l'approche de trop près : le monde de l'âme humaine, celui que Dostoïevski traverse dans toute son œuvre comme un explorateur, avec le regard de l'inquiétante étrangeté, où les phénomènes fantastiques se confondent avec ceux de la réalité, où le destin des personnages semble parfois se jouer dans une réalité qui leur échappe») [23, с. 3]. – «Я погрузился <...> в тот таинственный мир, который пугает <...>, если подойти к нему слишком близко: мир человеческой души, мир произведений, где Достоевский сам блуждает как исследователь, с тревожно-странным взглядом, где фантастические явления сливаются с реальными, где кажется, что судьба героев разыгрывается в реальности, которая от них ускользает» (здесь и далее перевод текстовой части графического романа наш. – И. П.).

Мы помним, что Достоевский в теории Раскольникова условно делил людей на два типа – «твари дрожащие» и «право имеющие», и в романе осмыслил эту проблему. Лукья сохраняет двойственность мира русского писателя, но она иная: это мир фантастических и безумных явлений, снов, захватывающих воображение Раскольникова, и мир реальный, от которого он от-

рекается. В графическом романе Лукья Раскольников тоже блуждает «с тревожно-странным взглядом», в итоге он совершает убийство не потому, что «право имеет», а потому что пространство современного ему мира, его законы и истины, где правят «глупые и злые люди» [Там же, с. 40], не испытывающие сочувствия ни к нему, ни к семье случайно встреченного им Мармеладова, толкают героя на страшный поступок, одна мысль о котором вселяет в него «настоящий ужас» [Там же, с. 36]. Следовательно, с помощью убийства ненавистного ему человека, по его мнению, приносящего людям только вред, Раскольников Лукья желает хоть как-то противостоять этому миру, избавив людей хотя бы от одного ненужного человека. Но герой ненамеренно убивает и Лизавету, с чем он не в силах смириться. Жестокость и агрессия, направленные на Алену Ивановну, но ставшие причиной смерти ее невинной сестры, постепенно разрушают Раскольникова изнутри. Отметим, что у Лукья Раскольников после убийства переживает не по поводу того, что он не принадлежит к тем, кто «право имеет», а скорее переживает по поводу своего жестокого преступления.

Отечественные исследователи писали, что нередко в адаптациях упрощается исходный текст, на первый план выводится одна сюжетная линия, и один персонаж становится центральным [20, с. 224–225]. В графическом романе Лукья одна линия не становится основной: автор сохраняет линию между Раскольниковым и Сонечкой, где ее любовь-милосердие спасает героя, сохраняются и линии Раскольников – Мармеладов, Раскольников – Порфирий Петрович, Раскольников – Свидригайлов, Раскольников – Разумихин. То есть мы видим философское осмысление романа Достоевского современным автором, но Лукья задается другими вопросами: почему человек способен совершить убийство, что его на это толкает, как он становится жестоким? И, как мы уже заметили, теорию превосходства французский писатель оставляет на втором плане. Следовательно, меняется и его трактовка репрезентированных сюжетных линий. Социальная линия, представляющая маргинальный класс и связанная с образом Мармеладова и его семьи, скорее не толкает Раскольникова на убийство, а показывает его героем, способным сочувствовать. Антитедетивная психологическая линия Раскольников – Порфирий Петрович, где последний играет с центральным персонажем, как в шахматы (это подчеркивается и графической составляющей – пол полицейского участка нарисован в виде шахматной доски), представлена Лукья в большей степени для того, чтобы следова-

тель постепенно привел героя к признанию своего именно чудовищного и бессмысленного поступка. Следовательно, во всех обозначенных линиях мы видим Раскольникова как человека ХХI в., который совершил страшную ошибку и который постепенно приходит к осознанию своей жестокости, порой доходящей до сумасшествия.

Обратимся к анализу композиции обоих произведений и финалов, поскольку в случае анализа книги Лукья они не могут рассматриваться отдельно. В отличие от линейной структуры романа Достоевского, где эпилог являлся важной частью произведения и завершал историю Раскольникова, композиция графического романа Лукья ретроспективная. На первых страницах книги мы видим Раскольникова на каторге в Сибири, он плачет, что заставляет читателя думать о том, что герой страдает, а значит, его душа, возможно, ищет искупления. *«De quoi les hommes ont-ils le plus peur?»* [23, с. 7]. – *«Чего люди боятся больше всего на свете?»* – это первая реплика Раскольникова и также первый текстовый элемент в графическом романе, что указывает на его значимость. Таким образом, именно на этот вопрос читатель будет искать ответ в книге (а не на вопрос Раскольникова о том, кто «право имеет»). У Достоевского в романе эта фраза также появляется в самом начале, во внутреннем монологе Раскольникова: *«Любопытно, чего люди больше всего боятся? Нового шага, нового собственного слова они всего больше боятся...»* [24, с. 29]. Лукья вырывает нужную ему фразу из контекста, поэтому она приобретает новый смысл. Кроме того, Лукья исключает из текстовой составляющей и возможные ответы, над которыми размышлял герой Достоевского. Так, на протяжении графического романа читатель следит за Раскольниковым, который осознает, что бояться стоит самого себя, темной стороны своей души, безумной жестокости, внутреннего мира, где правят *«чистые химеры»* (*«de pures chimères»*) [23, с. 8], толкающие его на убийство. В книге Достоевского вместо слова «химеры» мы находим слово *«фантазии»* (*«Ну зачем я теперь иду? <...> Так, ради фантазии сам себя теши; игрушки!»*) [24, с. 29]. Лукья вводит античных хтонических «химер» неспроста: так он подчеркивает иллюзорность, фантазмагоричность, болезненность внутреннего мира его Раскольникова. То есть не просто жестокая фантазия об убийстве омрачает мысли Раскольникова, а реальные темные существа, некие химеры, подобные химерам Жерара де Нерваля, окружают героя и пагубно влияют на него. Это существа из мира, в котором он живет: город и его несчаст-

ные обитатели. И через этот иллюзорный мир химер главный герой будет пробираться на протяжении всего произведения, в конце попадая в Сибирь. Таким образом, композиция становится кольцевой, и только на каторге Раскольников находит ответ на свой вопрос. Итак, мы видим, что Лукья предлагает в самом начале читателю загадку, задает ему вопрос и предлагает искать ответ, следуя за сюжетом графического романа. То есть «домысливание», выделяемое филологами, автор оставляет за читателем.

Фраза *«Чего люди боятся больше всего на свете?»* становится заключительной в произведении Лукья, что меняет смысл его финала, отличающегося от концовки Достоевского. Французский автор исключает и сон Раскольникова о моровой язве, а оставляет лишь приезд Сонечки к нему на каторгу. Часть «Эпилог» у Лукья начинается не с пребывания Раскольникова на каторге в Сибири, а с прихода героя в полицейский участок, чтобы признаться в убийстве. Так же, как и у Достоевского, сначала он боится и хочет убежать, но встречает на улице Сонечку и только тогда возвращается и сознается в преступлении. Сонечка нарисована в черном пальто и платке, она уже знает его предстоящую тяжелую судьбу и будто оплакивает ее, оплакивает смерть души, запятнавшей себя убийством, но готовой к возрождению. Лукья сокращает прецедентный текст и вместо *«Это я убил тогда старуху-чиновницу и сестру ее Лизавету топором, и ограбил»* [24, с. 643] оставляет простое: *«Это я»* (*«C'est moi»*) [23, с. 155], понятное современному читателю, уже читавшему текст Достоевского.

Важно, что на этой же странице мы видим Раскольникова в Сибири. Над лагерем ссыльных художник рисует голубое небо и летящих птиц, что намекает на возможное перерождение его души. К герою приезжает Сонечка. Она уже нарисована иначе, нежели всего одну страницу назад: траурный черный платок сменяется на белый, также символизирующий надежду. Цвет ее платка соединяется с цветом снега, и белый заполняет всю следующую страницу. Кроме того, на дереве, нарисованном на снежном фоне, появляются красные почки, одна из которых изображена на переднем плане и похожа на бутон красной розы. Можно предположить, что эта почка будущего прекрасного цветка, символизирующего зарождение чего-то нового, обновления и даже любви.

«— Pourquoi me suis-je tant attachée à toi ?

— Parce que je n'ai que toi, toi seule. [...] Tu es ma vie, mon destin, mon guide» [23, с. 156]. —

«— Почему я так привязался к тебе? (спрашивает Раскольников).

– Потому что у меня нет никого, никого, кроме тебя. Ты моя жизнь, моя судьба, мой проводник (отвечает Сонечка)».

После этого небольшого диалога между Сонечкой и Раскольниковым мы слышим голос нарратора: *«Les grands hommes sont des êtres heureux. Leur douleur et leur détresse sont des bonheurs... Qu'on les mette sur une croix ne signifie rien... Alors de quoi les hommes ont-ils le plus peur»* [24, с. 156–157.]. – «Великие люди – счастливые создания. Их боль и страдания – это счастье... Если их распять на кресте, это ничего не значит... Так все-таки чего больше всего боится человек?». Как мы отмечали ранее, этим вопросом автор графического романа начинает и заканчивает произведение, и в начале этим вопросом задается Раскольников, а в финале нарратор обращается во вне, на этот вопрос уже должен ответить читатель.

Кроме того, мы находим и выводы самого Лукья: великие личности всегда страдают, они могут бояться страданий, но, несмотря на боль, принимают их и идут дальше. В тексте нарратора мы замечаем отсылку к библейскому мифу о распятии Христа и о молении о чаше в Гефсиманском саду. Несмотря на страх, Христос принял свою судьбу. Читая этот графический роман, мы находим ответы, спрятанные в полотне текста: человек может бояться собственной гордыни, страшных поступков, то есть темных уголков своей души, другого человека (даже его любви). Страх может погрузить человека в страдание, заставить совершить ужасный поступок, но, приняв эти страхи, он способен измениться и стать лучше. Упомянутый нами бутон красного цветка, напоминающего еще не распустившуюся розу, также может быть отсылкой как к кровавому преступлению Раскольникова, так и к цвету его обновленного сердца, которое теперь расцветает, чтобы помочь этому миру измениться. Возможно, что автор делает отсылку и к сердцу Христа, которое тоже смогло биться вновь, и Христос смог воскреснуть из мертвых. В финале Лукья сохраняет идею Достоевского о способности человека измениться и «обновить» свою душу, в том числе при поддержке близких ему людей.

Хотелось бы обратиться к анализу пространства и времени в графическом романе. Мы указали, что Лукья сохраняет реальность XIX столетия, однако она сплетается с реальностью современной, что соотносится с нашим тезисом о непременной связи текста автора графического романа с современной ему действительностью, даже если он обращается к прошлому. Так, у Лукья

примерами реалий XIX в. могут служить изображения Церкви Спаса на Сенной (разрушенной взрывом в 1961 г. во время антирелигиозной кампании в СССР), конных повозок вместо карет, старинных интерьеров квартир и одежды героев. Но мы видим, что для читателя XXI в. изображенные интерьеры и одежда персонажей выглядят в то же время вполне современными, так как относятся к стилю «винтаж», их легко можно встретить в большом городе (к примеру, Лукья рисует спальню небогатого Раскольникова, но по вещам в комнате невозможно с уверенностью определить, кому принадлежит эта квартира: бедняку XIX в., жителю питерской коммуналки или же современному поклоннику винтажа). Другими словами, художник Лукья, представляя атмосферу XIX в., воспроизводит, намеренно или нет, реальность своего времени и тем самым подчеркивает современность текста Достоевского. Следовательно, можно сделать вывод, что это мифологизированная реальность, объединяющая две эпохи: XIX в. и более поздний период 2000–2020-х гг.

Подобное сплетение двух временных пластов заметно и в образе Санкт-Петербурга, играющего важную роль в романе Достоевского. В графическом романе представлены многочисленные виды Петербурга XIX в., которые немногим отличаются от города XXI столетия: это вид на Петропавловскую крепость, а также на питерские мосты и каналы; изображение стандартных желтых казенных домов, обычных домов, расположенных рядом с каналами, парадных с круговыми лестницами и коваными перилами, традиционных петербургских дворишков-колодцев, рисунки скульптур львов. Таким образом, в сознании читателя эти два, казалось бы, разных города (Петербург Достоевского и Петербург XXI в.) объединяются в единое мифологизированное пространство – город, где может как погибнуть, так и возродиться человеческая душа (например, мрачный вид окраин Петербурга Лукья дополняет красивыми видами набережных и т. д.). Положительное и отрицательное неразрывно связаны в этом городе, нечто восхитительное может прятаться за стенами темных парадных. Так, читатель может сделать вывод, что этот внешне бесчеловечный, но внутри прекрасный город способен подарить человеку надежду (голубое небо).

Выводы

На примере графического романа французского художника и писателя Бастьена Лукья мы установили, что для графических романов-адаптаций последнего десятилетия характерны следующие черты: модификация оригинальной

сюжетной линии посредством добавления актуальных для человека XXI в. тематики и проблематики, авторская трактовка центральных образов, переработка структуры и хронотопа прецедентного текста. Кроме того, визуальная составляющая таких произведений часто представлена не в гротескной манере, а, напротив, в довольно сложном графическом стиле. Так, в книге Лукья сохраняется действительность XIX в., но переплетается с реальностью XXI столетия, характеры и графические образы главных героев усложняются, сцена убийства не становится центральной, а философская составляющая выходит на первый план. Концепция Лукья отличается от концепции Достоевского, который оспаривал теорию Раскольникова о превосходстве «право имеющих» над «дрожущими тварями». Вместо этого современный автор показывает человека XXI в.: его Раскольников борется не с гордыней, а с собственным нарастающим гневом и его последствиями. Таким образом, для Лукья важно представить не покаяние героя, а процесс его внутреннего изменения, принятия себя, своих жестоких мыслей и желаний и возможного преобразования, обновления души.

Список источников

1. Хабибуллина Л. Ф., Бреева Т. Н. Национальный миф в художественной литературе. М.: Флинта, 2019. 500 с.
2. Marinov V. Figures du crime chez Dostoïevski. Paris: Presses universitaires de France, 1990. 456 p.
3. Димитров Э. Достоевский и роман-икона // Современные проблемы изучения поэтики и биографии Достоевского: рецепция, вариации, интерпретации. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 328 с. С. 91–103.
4. Сараскина Л. И. Литературная классика в соблазне экранизаций. М.: Прогресс-Традиция, 2018. 582 с.
5. Литвин Е. А. Достоевский-стрип. Комиксы по роману «Преступление и наказание»: от адаптаций для детей до триллеров и детективов, от историй про Бэтмена до аниме. 2021. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2021/02/16/dostoevskij-strip> (дата обращения: 21.10.2024).
6. Айснер У. Комикс и последовательное искусство. Пер. с англ. М. Заславского. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022. 192 с.
7. Groensteen T. La bande dessinée: une littérature graphique. Toulouse – Milan: Les Essentiels Milan, 2005. 63 p.
8. Chute H. Comics as literature? Reading graphic narrative // Publications of the Modern Language Association of America. 2008. № 123 (2). P. 452–465.
9. Baetens J. Le roman graphique // La bande dessinée: une médiaculture. Paris: Armand Colin, coll. «Médiacultures», 2012. P. 200–216.
10. Rippl G., Etter L. Intermediality, transmediality and graphic narrative // From comic strips to graphic novels: contributions to the theory and history of graphic narrative: collection of articles. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. P. 157–179.
11. Romero-Jódar A. Comic Books and Graphic Novels in their Generic Context. Towards a Definition and Classification of Narrative Iconical Texts // ATLANTIS. Journal of the Spanish Association of Anglo-American Studies. 2013. No 35.1. P. 117–135.
12. Алимуратов О. А., Шубитидзе В. З. Графический роман: вехи эволюции жанра в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах. Черты креолизации в текстовом пространстве графического романа как переводчески значимая особенность // Филологический аспект. 2020. № 09 (65). С. 54–74.
13. Дебрени М. Ситуация полилингвального общения во франкоязычных графических романах о России // Полилингвальность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 1. С. 66–76.
14. Васильева Э. В. Трансформация готической поэтики в графическом романе-адаптации (на материале графического романа Эми Чу и Су Ли «Кармила. первый вампир») // Сибирский филологический форум. 2024. № 1 (26). С. 69–79.
15. Струневская Я. И. Особенности адаптации классического произведения в жанре графического романа на примере «451° по Фаренгейту» Р. Брэдли // Научный старт-2024. М.: ООО «Языки народов мира». 2024. С. 667–672.
16. Меркулова М. Г., Прудис И. Г. Жанр графического романа: к постановке проблемы (на материале современных франко- и англоязычных текстов). Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 10. С. 3379–3385.
17. Меркулова М. Г., Прудис И. Г. Графический роман-адаптация: к определению субжанра (на материале франко- и англоязычных текстов) // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 6. С. 250–265.
18. Новикова Е. Г. Ф. М. Достоевский в японских комиксах // Текст. Книга. Книгоиздание. 2019. № 19. С. 75–94.
19. Максименко О. И. Адаптация художественного произведения: от романа к комиксу // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2016. № 2. С. 111–116.
20. Цветкова М. В., Кризская Е. В. Комикс Н. Батлер «Гордость и предубеждение» как вариант прочтения одноименного романа Дж. Остин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. № 17 (2). С. 217–231.
21. Korkos A., Mairowitz D. Z. Fyodor Dostoevsky's Crime&Punishment: a graphic novel. London: SelfMadeHero, 2008. 128 p.
22. Акишин А. Преступление и наказание. Графический роман. СПб.: КомФедерация, 2017. 72 с.
23. Loukia B. Crime et Châtiment. Paris: Éditions Philippe Rey, 2019. 160 p.
24. Достоевский Ф. Преступление и наказание. М.: «ОЛМА-ПРЕСС образование», 2003. 795 с.

References

1. Khabibullina, L. F., Breeva, T. N. (2019). *Natsional'nyi mif v khudozhestvennoi literature* [National Myth in Fiction]. 500 p. Moscow, Flinta. (In Russian)
2. Marinov, V. (1990) *Figures du crime chez Dostoïevski* [Dostoyevsky's Crime Figures]. 456 p. Paris, Presses universitaires de France. (In French)
3. Dimitrov, E. (2016). *Dostoevskii i roman-ikona* [Dostoevsky and the Icon Novel]. *Sovremennye problemy izucheniya poetiki i biografii Dostoevskogo: retseptsiya, variatsii, interpretatsii*. Pp. 91–103. St. Petersburg, DMITRII BULANIN. (In Russian)
4. Saraskina, L. (2018). *Literaturnaya klassika v soblazne ekranizatsii* [Classics in Literature in the Seduction of Screen Adaptations]. 582 p. Moscow, Progress-Traditsiya. (In Russian)
5. Litvin, E. A. (2021). *Dostoevskii-strip. Komiksy po romanu "Prestuplenie i nakazanie": ot adaptatsii dlya detei do trillerov i detektivov, ot istorii pro Betmena do anime* [Dostoevsky-Strip. The Comics Based on the Novel "Crime and Punishment": From Adaptations for Children to Thrillers and Detectives, from Batman Stories to Anime]. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2021/02/16/dostoevskij-strip> (accessed: 21.10.2024). (In Russian)
6. Eisner, W. (2022). *Komiks i posledovatel'noe iskusstvo* [Comics and Sequential Art]. 192 p. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber. (In Russian)
7. Groensteen, T. (2005). *La bande dessinée: une littérature graphique* [Comics: Graphic Literature]. 63 p. Toulouse – Milan, Les Essentiels Milan. (In French)
8. Chute, H. (2008). *Comics as Literature? Reading Graphic Narrative*. Publications of the Modern Language Association of America. No. 123(2), pp. 452–465. (In English)
9. Baetens, J. (2012). *Le roman graphique* [The Graphic Novel]. *La bande dessinée: une médiaculture*. Pp. 200–216. Paris, Armand Colin. (In French)
10. Rippl, G., Etter, L. (2013). *Intermediality, Transmediality and Graphic Narrative*. From comic strips to graphic novels: Contributions to the theory and history of graphic narrative: A Collection of articles. Pp. 157–179. Berlin, De Gruyter Mouton. (In English)
11. Romero-Jódar, A. (2013). *Comic Books and Graphic Novels in Their Generic Context. Towards a Definition and Classification of Narrative Iconical Texts*. ATLANTIS. Journal of the Spanish Association of Anglo-American Studies, No. 35.1, pp.117–135. (In English)
12. Alimuradov, O. A., Shubitidze, V. Z. (2020). *Graficheskii roman: vekhi evolyutsii zhanra v angloyazychnoi i russkoyazychnoi lingvokul'turakh. Cherty kreolizatsii v tekstovom prostranstve graficheskogo romana kak perevodcheski znachimaya osobennost'* [The Graphic Novel: Stages of Genre Evolution in English- and Russian-Speaking Linguocultures. Features of Creolisation in the Textual Space of the Graphic Novel as a Translationally Significant Feature]. *Filologicheskii aspekt*. No. 09 (65), pp. 54–74. (In Russian)
13. Debrenne, M. (2023). *Situatsiya polilingval'nogo obshcheniya vo frankoyazychnykh graficheskikh romanakh o Rossii* [The Situation of Polylingual Communication in French-Language Graphic Novels about Russia]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*. Vol. 20, No. 1, pp. 66–76. (In Russian)
14. Vasil'eva, E. V. (2024). *Transformatsiya goticheskoi poetiki v graficheskom romane-adaptatsii (na materiale graficheskogo romana Amy Chu i Soo Lee "Karmilla. pervyi vampir")* [The Transformation of Gothic Poetics in a Graphic Novel Adaptation (Based on the Graphic Novel by Amy Chu and Soo Lee "Carmilla. The First Vampire")]. *Sibirskii filologicheskii forum*. No 1(26), pp. 69–79. (In Russian)
15. Strunevskaya, Ya. I. (2024). *Osobennosti adaptatsii klassicheskogo proizvedeniya v zhanre graficheskogo romana na primere "451° po Farengeitu" R. Bradbury* [The Specificity of Adaptation of a Classical Work in the Genre of Graphic Novel Based on R. Bradbury's "451° Fahrenheit"]. *Nauchnyi start-2024*. Pp. 667–672. Moscow, OOO "Yazyki narodov mira". (In Russian)
16. Merkulova, M. G., Prudius, I. G. (2023). *Zhanr graficheskogo romana: k postanovke problemy (na materiale sovremennykh franko- i angloyazychnykh tekstov)* [Genre of the Graphic Novel: On the Formulation of the Problem (Based on Modern French and English Texts)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 16, No. 10, pp. 3379–3385. (In Russian)
17. Merkulova, M. G., Prudius, I. G. (2024). *Graficheskii roman – adaptatsiya: k opredeleniyu subzhanra (na materiale franko- i angloyazychnykh tekstov)* [Graphic Novel – Adaptation: On the Definition of the Subgenre (based on French- and English-language texts)]. *Nauchnyi dialog*. Vol. 13, No. 6. pp. 250–265. (In Russian)
18. Novikova, E. G. (2019). *F. M. Dostoevskii v yaponskikh komiksakh* [F. M. Dostoevsky in Japanese Comics]. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie*. No. 19, pp. 75–94. (In Russian)
19. Maksimenko, O. I. (2016). *Adaptatsiya khudozhestvennogo proizvedeniya: ot romana k komiksu* [Adaptation of Fictional Text: From Novels to Comics]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. No. 2, pp. 111–116. (In Russian)
20. Tsvetkova, M. V., Krizskaya, E. V. (2020). *Komiks Nancy Butler "Gordost' i predubezhdenie" kak variant prochleniya odnoimennogo romana Jane Austen* [Nancy Butler's Comics "Pride and Prejudice" as a Variant of Reading Jane Austen's Novel]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. No. 17(2), pp. 217–231. (In Russian)
21. Korkos, A., Mairowitz, D. Z. (2008). *Fyodor Dostoevsky's Crime&Punishment: A Graphic Novel*. 128 p. London, SelfMadeHero. (In English)
22. Akishin, A. (2017). *Prestuplenie i nakazanie. Graficheskii roman* [Crime and Punishment. A Graphic Novel]. 72 p. St. Petersburg, KomFederatsiya. (In Russian)
23. Loukia, B. (2019). *Crime et Châtiment* [Crime and Punishment]. 160 p. Paris, Éditions Philippe Rey. (In French)
24. Dostoevskii, F. (2003). *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment]. 795 p. Moscow, "OLMA-PRESS obrazovanie". (In Russian)

The article was submitted on 02.11.2024
Поступила в редакцию 02.11.2024

Прудиус Ирина Геннадьевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Красноярский государственный
педагогический университет
имени В. П. Астафьева,
660049, Россия, Красноярск,
Ады Лебедевой, 89.
m-i-g@yandex.ru

Prudius Irina Gennadievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V. P. Astafyev,

89 Lebedeva Str.,
Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation.
m-i-g@yandex.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-317-322

ПРИЕМ ОСТРАНЕНИЯ В ТРИЛОГИИ Л. Н. ТОЛСТОГО «ДЕТСТВО», «ОТРОЧЕСТВО», «ЮНОСТЬ»

© Альбина Саяпова

METHOD OF “DETACHMENT” IN LEO TOLSTOY’S TRILOGY “DETSTVO”, “OTROCHESTVO”, “YUNOST”

Albina Sayapova

The article examines the method of “detachment” in Leo Tolstoy’s trilogy “Childhood”, “Boyhood” and “Youth” (“Detstvo”, “Otrochestvo” and “Yunost”) as one of the theoretical concepts characteristic of Tolstoy’s entire creative work. This method first appeared in the works of Russian formalists R. Jakobson and V. Shklovsky who made their contributions to the literary theory. Their imagery system perception of a literary work is based on the conviction that in fiction language is removed from the ordinary automatic perception. As the formalists believe, the goal of art is to give a sense of a thing as vision, not as recognition. The creation of art should bring forth the truth about existence. This “emergence of truth” (a term coined by M. Heidegger) is conceivable only on the basis of creation, i.e., on the basis of the “making” of a literary work. Tolstoy’s “strange” perception of the material world and ordinary phenomena speaks not of recognition, but of sensitivity, when one sees a particular object or a phenomenon for the first time. The method of “detachment”, to which Tolstoy came through his own artistic sense, allows one to grasp the actual deep essence of ordinary objects and phenomena within the author’s conception of his work. Thus, an ordinary object (a flapper), seen by the author with a “strange” perception of things, provides the impetus for the formation of an artistic creation about the world of childhood, boyhood and youth.

Keywords: first trilogy “Detstvo”, “Otrochestvo”, “Yunost” by Leo Tolstoy, method of “detachment”, Tolstoy’s “strange” perception

В статье рассматривается прием остранения в трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» как одно из теоретических понятий, характерное для всего творчества Л. Н. Толстого. Прием остранения восходит к работам русских формалистов Р. Якобсона, В. Шкловского, которые внесли свою лепту в теорию литературы. В основе их восприятия образной системы художественного произведения лежит убеждение в том, что в литературном произведении язык выведен из обычного автоматизма восприятия. Как считали формалисты, целью искусства является дать ощущение вещи как видение, а не как узнавание. Создание искусства должно производить на свет истину о сущем. И такой «выход наружу истины» (термин М. Хайдеггера) мыслим лишь на основе творения, то есть на основе «делания» художественного произведения. «Странное» восприятие Толстым предметного мира и обычных явлений жизни говорит не об узнавании, а об ощущении, когда видишь тот или иной предмет или то или иное явление в первый раз. Прием остранения, к которому Толстой пришел по собственному художественному чувству, дает возможность постигнуть действительную глубинную суть обычных предметов и явлений в авторской концепции произведения. Так, обычный предмет (хлопушка), увиденный автором «странным» взглядом, дает толчок формированию художественного творения о мире детства, отрочества и юности.

Ключевые слова: трилогия Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность», прием остранения, «странный» взгляд Толстого

Для цитирования: Саяпова А. Прием остранения в трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 317–322. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-317-322

Филологическая наука, как и любая другая, всегда стремится к освоению новых методов изучения художественного произведения. В рамках данной статьи речь пойдет о приеме остра-

нения, который внес свою лепту в методологию комплексного анализа литературного произведения, поскольку прием этот стал объектом теории литературы и эстетики.

В контексте сказанного представляется интересным рассмотреть прием остранения как одно из теоретических понятий, характерное для всего творчества Л. Н. Толстого, начиная с первой его трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность».

О приеме остранения впервые заговорили русские формалисты Р. Якобсон, В. Шкловский, которые считали, что предметом литературных исследований является не произведение, текст как таковой, а приемы, то есть теоретические понятия, разработанные теми, кто, изучая литературу, оперирует абстрактными категориями, позволяющими утверждать, что «предметом теории литературы является не литература, а литературность, то есть то, что делает данное произведение литературным произведением». Такое определение «литературности» в теории русских формалистов дает Р. Якобсон в 1919 г., который считается одним из первых теоретиков русского формализма и создателем понятия «остранение» (цит. по: [1, с. 188]). Виктор Шкловский свои рассуждения о том, что делает то или иное произведение литературным произведением, соответствующим требованиям Р. Якобсона, начинает с того, что в литературном произведении язык выведен из обычного автоматизма восприятия. Известно, что общие законы восприятия говорят о том, что, становясь привычными, действия делаются автоматическими. О результате автоматизма восприятия Шкловский пишет следующее: «Под влиянием такого восприятия вещь сохнет, сперва как восприятие, а потом это сказывается и на их делании...» [2, с. 12]. Формалисты считали, что именно «делание» делает вещь искусством. Автоматизация, считает Шкловский, уничтожает все. «И вот для того, чтобы вернуть ощущение жизни, почувствовать вещи, для того, чтобы делать камень каменным, существует то, что называется искусством. Целью искусства является дать ощущение вещи, как видение, а не как узнавание» [Там же, с. 13]. При автоматизации восприятия вещи воспринимаются узнаванием: «вещь находится перед нами, мы знаем об этом, но ее не видим» [Там же], то есть узнаем ее в нашем общем представлении о ней, но не видим ее глубинной сути.

Основным приемом искусства, дающим возможность ощущения вещи как видение, а не как узнавание, Шкловский называет приемом остранения.

Интерес к нетрадиционным работам В. Б. Шкловского повысился в последние десяти-

летия. Так, Р. Ю. Ливанова на примере повести «Детство» Л. Толстого поднимает феноменологическую проблему формирования сознания героя [3]. Н. Н. Смирнова в своей статье «Фрагментация и остранение как процесс: В. Б. Шкловский перечитывает Л. Н. Толстого» справедливо пишет: «Начиная с интерпретации толстовских идей с точки зрения стиля художественного мышления, уже во второй половине 1920-х гг. Шкловский отмечает особое значение внеэстетического для понимания коллизий свободы/несвободы в искусстве» [4, с. 77].

Любопытно, что к понятию приема остранения близко подходит немецкий философ Мартин Хайдеггер (1889–1976). Об этом можно судить по комментариям отдельных фрагментов текста Хайдеггера «Истоки художественного текста» (1955), осуществленным исследователем и переводчиком работ философа Г.-Г. Гадамером. Так, он пишет: «Вещи – это „просто“ вещи, они существуют безотносительно к тому, служат ли они для какой-либо надобности. Хайдеггер же показывает, что такое понятие наличествования отвечает методам современной науки (которая фиксирует и рассчитывает, исчисляет сущее), но не позволяет нам ни мыслить вещьность вещи, ни мыслить дельность дельного» [5, с. 125]. Гадамер подводит читателя его Введения к «Источнику художественного творения» Хайдеггера к пониманию того, что в искусстве называется приемом остранения. Гадамер рассуждает об этом приеме философа следующим образом: для того, чтобы увидеть «дельность» предмета, он (Хайдеггер) «... прибегает к помощи искусства, к картине Ван Гога, изображающей крестьянские башмаки». И далее он комментирует то, как в восприятии Хайдеггера осуществляется «дельность» крестьянских башмаков, изображенных Ван Гогом: «На этой картине становится зрима сама „дельность“, то есть не какое-либо сущее, которое можно использовать для каких-нибудь целей, но нечто такое, само бытие чего исчерпывается тем, чтобы служить тому, кому эти башмаки принадлежат. В творении художника выступает наружу и впечатляюще изображается не случайная пара крестьянских башмаков, а истинная сущность „дельности“, то есть того, что они суть. Получается, что здесь создание искусства производит на свет истину о сущем. И такой выход наружу истины мыслим лишь на основе творения, но никоим образом не на основе его вещного базиса» [Там же, с. 125].

Наш интерес к «странному» приему Толстого начался с работы В. Шкловского «Искусство, как прием». Нас привлекло то, что доказательства своим рассуждениям о приеме остранения в ли-

тературе он находит в текстах Толстого. По его убеждению, этим методом Толстой «пользовался почти постоянно». Он считал, что Толстой – тот писатель, который «дает вещи так, как он их сам видит, видит до конца, но не изменяет» [2, с. 14]. Причем Шкловский считал, что «остранение есть почти везде, где есть образ», однако важно то, что целью образа является создание особого восприятия предмета, создание «виденья» его, а не «узнавания» [Там же, с. 18].

Соглашаясь со Шкловским в том, что прием остранения становится основным художественным приемом Толстого, мы, в свою очередь, добавим, что этот прием характерен для Толстого с самого начала его творчества, с повести «Детство». Удивительно, что именно этим приемом достигается глубина философской мысли Толстого. Об этом и представляется нам интересным порассуждать.

Трилогия Толстого – это поток памяти, который провел автора от детства до юности, взросления, от пробуждения сознания до формирования личности. Понятие «поток памяти» мы берем в феноменологическом значении. У Толстого в названной трилогии поток памяти становится интенцией его творческого сознания, когда предметы в качестве объектов познания оказываются воспринятыми в интенциональных актах познающего сознания. Интенциональный акт познающего сознания может быть направлен как в будущее («чистая фантазия»), так и в прошлое (опыт «как-будто-бы») (см. об этом у интенционалиста Э. Гуссерля: [6]).

Поток памяти о формировании личности в трилогии Толстого сформировал не только «диалектику» (Н. Г. Чернышевский) отдельной души, но через нее – диалектику (развитие) всего человеческого мира, поскольку человеческий мир, как и все мироздание, устроено по принципу «все одно, одно во всем», что составляет единое Целое. Целое с извечным диалектическим процессом развития, с имманентной закономерностью перехода от детства к отрочеству, от отрочества к юности.

Повесть «Детство» начинается с описания утра в памяти героя-повествователя, а именно с того, как странно его разбудили:

«<...> ровно в третий день после дня моего рождения, в который мне минуло десять лет и в который я получил такие чудесные подарки, в семь часов утра Карл Иванович разбудил меня, ударив над моей головой хлопнушкой – из сахарной бумаги на палке – по мухе» [7, с. 3].

Хлопушка – вещь практического, повседневного использования в летнее время, когда много

мух. Мы все об этом знаем. И в нашем сознании восприятие назначения этой вещи является автоматическим. Однако в художественном сознании Толстого разрушается привычный автоматизм восприятия этой вещи: она получает новое осмысление. Необычность восприятия автором вещи, выхваченной из обычной повседневной жизни, в том, что удар хлопнушки разбудил сознание героя: начинается поток памяти как история жизни героя. Пробудившееся сознание как память героя выстраивает мир его детства, отрочества, юности как действительность. В этом необычность, странность изображенной Толстым хлопнушки, о функциональности которой мы знали, но не видели в нашем автоматизме восприятия на что «способна» простая вещь из нашей повседневной жизни. Толстой увидел эту вещь выведенной из ее бытового контекста и осмыслил ее в новой сути. В «странном» восприятии Толстым хлопнушки – не изображение предметного мира, а ощущение вещи, как видение, а не как узнавание, что и является приемом остранения.

Использованный Толстым прием остранения и дает возможность постигнуть действительную суть хлопнушки в авторской концепции произведения. Творение Толстого, которое начинается с обычного действия обычного предмета (удара хлопнушки), определяется не предметностью начала произведения, но тем, что этот предмет, увиденный автором «странным» взглядом, дает толчок формированию художественного творения о мире детства, отрочества и юности.

Таким образом, нужно подчеркнуть, что творение Толстого, его «странный» взгляд на вещь (хлопушку), определяется не тем, что она реально представляет из себя, но тем, чем она является в глубинной своей сути, как выразился Хайдеггер, в «стоянии в самом себе» [5, с. 125], благодаря чему и распаивается мир художественного творения Толстого.

Эпизод с хлопнушкой, выдуманном сном в начале произведения должен был стать незначительным в сюжете произведения, описывающим обычное утро десятилетнего мальчика. Однако авторский необычный взгляд на предметы и явления жизни из потока памяти своего героя, от имени которого ведется повествование, выхватывает «странный» сон ребенка, который, как и хлопнушка, становится выразителем своеобразного эстетического восприятия художником каких-то явлений действительности, осмысленных не в общеизвестных понятиях и представлениях, а в отношениях, остающихся вне поля зрения

обычного восприятия. Герой Толстого вспоминает, что в ситуации смешанных чувств (*«Мне было досадно и на самого себя, и на Карла Ивановича, хотелось смеяться и хотелось плакать: нервы были расстроены»*) совершенно неожиданной реакцией на вопрос Карла Ивановича (*«не видел ли я чего дурного во сне?»*) является следующее: *«Я сказал ему, что плачу оттого, что видел сон – будто татап умерла и ее несут хоронить»* [Там же, с. 4]. Этот «странный» ответ, казалось бы, ни с того ни с сего пришедший в голову ребенка, в авторской концепции играет существенную роль. Сон о смерти татап реализуется в жизни. Первая часть трилогии начинается со смерти, смерти во сне ребенка, и завершается описанием реакции на смерть, искреннего горя близких татап – бабушки и Натальи Савишны.

Кольцевая композиция мотива смерти в первой части трилогии воспринимается как смысловой ключ, предваряющий все дальнейшее повествование трилогии. Сон в произведении – аллегория, ставшая не только художественным образом прямого смысла в сюжетной линии повести, «странный» сон в художественном сознании Толстого получает какой-то другой, высокий смысл. И здесь у Толстого опять прием остранения.

Хлопушка как предмет, выхваченный эстетическим взглядом из явлений самой действительности, и сон о смерти татап в философско-эстетической концепции автора становятся предметом художественного осмысления и изображения. Прием остранения в первой части трилогии заключается в том, что Толстой не называет хлопушку и сон, якобы увиденный ребенком, тем, что они будут значить в художественной концепции автора. Толстовская суть вещи (хлопушки) и обыденного явления (сна) в том, что этими двумя явлениями, ставшими образами и осмысленными через прием остранения, он говорит о том, что остается вне поля зрения читателя, следующему только за сюжетным содержанием произведения. Толстовская суть этих двух образов заключается в восприятии Толстым человеческой жизни в ее экзистенциальном определении, характеризующем смысловое содержание всего повествования о формировании и становлении человека как личность. Базовое понятие о формировании личности определяется убеждением в том, что мир вообще, и человеческий в частности, находятся в состоянии непрерывного возникновения и уничтожения. Для реализации этой мысли в первой части трилогии и понадобился Толстому прием остранения с образами хлопушки и странного сна. Кольцевая

композиция мотива смерти, последовательное описание событий детства как память о жизни до смерти maman являются у Толстого выражением движения того, что называется человеческой жизнью, которая, как окажется чуть позже, уже в отрочестве, устроена по принципу «все течет и меняется».

Принцип этот как диалектический закон неумолимости движения человеческой жизни выражен Толстым в начале второй части трилогии, в «Отрочестве», в котором вновь дается описание пробуждения от сна. Однако пробуждение это совершенно другое. Это пробуждение после «сладкого утреннего сна» во время короткой остановки в «поездке на долгих» в Москву. Об этом пробуждении герой вспоминает так:

«Как ни жмешься, ни хитришь, ни сердишься, чтобы хоть еще на четверть часа продлить сладкий утренний сон, по решительному лицу Василия видишь, что он неумолим и готов еще двадцать раз сдернуть одеяло, вскакиваешь и бежишь на двор умыться» [8, с. 4].

Как видим, реакция героя на настойчивые жесты будившего в этом случае совершенно другая, нежели реакция на удар хлопушки, который разбудил его в детстве. Глаголы *«вскакиваешь и бежишь умываться»* говорят об активных действиях героя. Если в первой части трилогии основным мотивом потока памяти являлся «странный» сон о смерти татап, то во второй части таковым становится «отрадное чувство сознания жизни»:

«По мере удаления от предметов, связанных с тяжелыми воспоминаниями, наполнявшими до сей поры мое воображение, воспоминания эти теряют свою силу и быстро заменяются отрадным чувством сознания жизни, полной силы, свежести и надежды» [Там же, с. 3].

Заметим, что у Толстого «тяжелые воспоминания» в памяти героя действительно связаны с «предметом», их создающим. Это хлопушка, удар которой разбудил подсознание и вызвал из него предчувствие страшного горя.

Поездка в Москву на долгих (Глава I «Поездка на долгих»), пережитая гроза (Глава II «Гроза») способствовали формированию в герое нового взгляда на жизнь (Толстой так и называет следующую часть своей повести – «Новый взгляд»). «Новый взгляд» – это взгляд на мир уже не ребенка, а отрока, взрослеющего человека, что естественно. Однако нам важно другое. Толстой в отрывке с обращением своего героя к читателю говорит не только об изменении взгляда

да отрока на мир. Через мироощущение своего героя он вполне отчетливо излагает свой эстетический прием остранения.

В первой части трилогии прием остранения реализуется в представлении детства своего героя в его ощущениях, переживаниях. В «Детстве» не герой, а автор своим своеобразным эстетическим восприятием художника, своим особым «видением» вполне обычных предметов (хлопушки) и явлений жизни (сна) дает читателю возможность дойти до вложенного автором смысла, скрытой глубинной сути обыденных предметов, вещей или каких-то жизненных явлений.

Во второй части трилогии рассуждения Толстого о мироощущении своего героя проецируются на своеобразие философско-эстетического восприятия мира и человека в нем самого автора. Если в первой части трилогии прием остранения прочитывается через авторский взгляд на обыденный предмет и вызванное им явление, то во второй части трилогии герой Толстого рассуждает о «странных» изменениях в своем мировоззрении. «Странность» эта изображается здесь в необычайной простоте, как естественные изменения взгляда на мир взрослеющего человека, что весьма важно в авторской концепции. Вдруг изменившийся взгляд героя на все, что было привычным, — свидетельство остранения не только каких-то отдельных вещей, предметов, увиденных необычным взглядом; здесь «странным» становится весь мир в своих моральных, нравственных, этических проявлениях. В данном случае не автор рассуждает об общих законах бытия через глубинную философскую суть предметов, увиденных «странным» взглядом художника, здесь о странном восприятии всего обычного, в котором существует человек, говорит его герой, проецированный на человека вообще, склонного к рассуждениям о морально-нравственных взаимоотношениях между людьми. Автор ведет повествование о своем герое периода отрочества, когда в человеке и формируются эти морально-этические устои. Так, герой Толстого говорит:

«Случалось ли вам, читатель, что ваш взгляд на вещи совершенно изменяется, как будто все предметы, которые вы видели до тех пор, вдруг повернулись к вам другой, неизвестной еще стороной? Такого рода моральная перемена произошла во мне в первый раз во время нашего путешествия, с которого я и считаю начало моего отрочества» [Там же, с. 15].

Таким образом, перемены в мироощущении героя, происходящие в определенном возрасте, воспринимаются Толстым как естественное со-

стояние человеческого «я», когда изменяется взгляд на многое, что являлось привычным. Это, во-первых.

Однако нам важно другое. Толстой уже своей во многом автобиографической трилогией дает понять, что своеобразное художественно-эстетическое восприятие явлений действительности, когда, как говорит он устами своего героя, «будто все предметы» вдруг поворачиваются к человеку «другой, неизвестной еще стороной», выводят его из обычного автоматизма восприятия, становится характерным для Толстого уже с периода его отрочества. Подобное восприятие действительности в конечном итоге становится особенностью всего творчества Толстого.

Новый взгляд героя выводит его из привычного восприятия многих явлений действительности социального, морально-этического характера. Важно подчеркнуть, что в «Отрочестве», «Юности» главным объектом рассуждений автора становятся моральные перемены в своем герое, которые (в подтекстовом акценте автора) являются естественными и обязательными в нравственном становлении личности. О «моральной перемене», которая произошла во время поездки в Москву и которая стала чертой перехода в отрочество, Толстой пишет следующее:

«Мне в первый раз пришла в голову ясная мысль о том, что не мы одни, то есть наше семейство, живем на свете, что не все интересы вертятся около нас, а что существует другая жизнь людей, ничего не имеющих общего с нами, не заботящихся о нас и даже не имеющих понятия о нашем существовании» [Там же, с. 15].

Рассуждения Толстого о морально-этических особенностях личности тоже изображаются как «странные». Здесь прием остранения выражается в отсутствии авторского морализаторского тона, а также оценочных установок в изображении поступков героев. Толстой своим необычным приемом выводит из автоматизма восприятия ставшие традиционными морально-нравственные явления действительности.

Повесть «Юность» начинается с фразы: *«Я сказал, что дружба моя с Дмитрием открыла мне новый взгляд на жизнь, ее цель и отношения»* [Там же, с. 79]. И далее в том же абзаце герой, проецируемый на самого автора, говорит о сущности этого взгляда, которая состоит в убеждении, что *«...назначение человека есть стремление к нравственному усовершенствованию и что усовершенствование это легко, возможно и вечно»* [Там же]. Однако усовершенствование дальше составления *«...блестящих планов нрав-*

ственной, деятельной будущности» не пошло [Там же]. Повесть и завершается тем, что герой, «оправившись» после переживаний по причине неперехода на следующий курс учебы в университете, решается «снова писать правила жизни...» [Там же].

Любопытно, что рассказ о дружбе Николеньки Иртеньева с Дмитрием Нехлюдовым завершается определением отношений как «странных» со «странными правилами откровенности»: «...наше правило откровенности уже давно, очевидно для нас, не соблюдалось и часто стесняло нас и производило странные между нами отношения» [Там же, с. 206]. Из этого откровенного высказывания героя следует, что «новый взгляд на жизнь», полученный благодаря дружбе, оказывается «странным» в том смысле, что он разрушил источник этого «нового взгляда» — дружбу.

Список источников

1. Хованская З. И. Анализ литературного произведения в современной французской филологии. М.: Высшая школа, 1980. 393 с.
2. Шкловский В. О теории прозы. М.: Федерация, 1929. 267 с.
3. Ливанова Р. Ю. Формирование сознания героя в повести Л.: Толстого «Детство» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7, ч. 1. С. 44–48.
4. Смирнова Н. Н. Фрагментация и остранение как процесс В. Б. Шкловский перечитывает Л. Н. Толстого // Два века русской классики. 2024. Т. 6. № 2. С. 66–79.
5. Хайдеггер М. Феноменология. Герменевтика. Философия языка. М.: Гнозис, 1993. 336 с.
6. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Том 1. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: Гнозис, 1994, 192 с.

7. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. Том 1: Детство. Юношеские опыты. М.: Художественная литература, 1935. 378 с.

8. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. Том 2: Отрочество. Юность. М.: Художественная литература, 1935. 426 с.

References

1. Khovanskaya, Z. I. (1980). *Analiz literaturnogo proizvedeniya v sovremennoi frantsuskoj filologii* [Analysis of a Literary Work in Modern French Philology]. 393 p. Moscow, "Vysh. Shkola". (In Russian)
2. Shklovskii, V. (1929). *O teorii prozy* [About the Theory of Prose]. 267 p. Moscow, "Federatsiya". (In Russian)
3. Livanova, R. Yu. (2017). *Formirovanie soznaniya geroya v povesti L. N. Tolstogo "Detstvo"* [Formation of the Protagonist's Consciousness in Leo Tolstoy's Story "Childhood"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 7. Ch. 1, pp. 44–48. (In Russian)
4. Smirnova, N. N. (2024). *Fragmentatsiya i ostranenie kak protsess: V. B. Shklovskii perechityvaet L. N. Tolstogo* [Fragmentation and Estrangement as a Process. V. B. Shklovsky Rereads Leo Tolstoy]. *Dva veka russkoi klassiki*. Tom 6. No. 2, pp. 66–79. (In Russian)
5. Heidegger, M. (1993). *Fenomenologiya. Germevntika. Filosofiyazyka* [Phenomenology. Hermeneutics. Philosophy of Language]. 336 p. Moscow, "Gnozis". (In Russian)
6. Husserl, E. (1994). *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Tom 1. *Fenomenologiya vnutrennego soznaniia vremeni*. 192 p. Moscow, "Gnozis". (In Russian)
7. Tolstoi, L. N. (1935). *Polnoe sobranie sochinenii v 90 tomakh* [Complete Works: In 90 Volumes]. Tom 1. *Detstvo. Yunosheskie opyty*. 378 p. Moscow, Khudogestvennaya literatura. (In Russian)
8. Tolstoi, L. N. (1935). *Polnoe sobranie sochinenii v 90 tomakh* [Complete Works: In 90 Volumes]. Tom 2. *Otrochestvo. Yunost*. 426 p. Moscow, Khudogestvennaya literatura. (In Russian)

The article was submitted on 12.11.2024

Поступила в редакцию 12.11.2024

Саяпова Альбина Мазгаровна,
доктор филологических наук,
профессор,
главный научный сотрудник Центра
по изучению наследия Льва Толстого,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
albina.sayapova@kpfu.ru

Sayapova Albina Mazgarovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Chief Scientific Officer in Leo Tolstoy's
Heritage Studies Center,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
albina.sayapova@kpfu.ru

УДК 821.111 (73)

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-323-327

РЕЦЕПЦИЯ РОМАНА ГЕНРИ ДЖЕЙМСА «КРЫЛЬЯ ГОЛУБКИ» В ИНОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ

© Тамара Селитрина

RECEPTION OF HENRY JAMES'S NOVEL "THE WINGS OF THE DOVE" IN A FOREIGN-LANGUAGE ENVIRONMENT

Tamara Selitrina

The reception of a literary work in a foreign culture continues to be a topical issue for both literary scholars and linguists. Researchers study the facts of the texts' primary and subsequent reception and their entry into a new language environment. The first translations of Henry James's novels into Russian appeared at the end of the 19th century ("The Portrait of a Lady" and "Daisy Miller"). In the 1950s–60s, Russian literary criticism believed that the writer preached sophisticated psychologism, a cult of form, that he was far away from the current problems of life. It was in the second half of the 20th century, when Henry James's novels and stories were available to Russian readers, that the importance of the American writer's work in world literature became obvious. This is evidenced by the international conference "Henry James Today", held by the American University of Paris in 2002. The article shows that in one of his best novels "The Wings of the Dove", James revealed a more complex view of the inner world of man and the nature of his perception of reality. We continue the study of the writer's psychological mastery and show the variety of interpretations of the novel "The Wings of the Dove" given by Japanese and French scholars.

Keywords: Henry James, "The Wings of the Dove", A. M. Zverev, reception, foreign-language environment

Рецепция произведения литературы в инациональной культуре продолжает оставаться актуальной темой как литературоведа, так и лингвиста. Изучаются факты первичной и дальнейшей рецепции текстов, их вхождения в новую языковую среду. Первые переводы романов Генри Джеймса на русский язык появились еще в конце XIX века («Женский портрет», «Дейзи Миллер»). В 50–60-е годы XX века в отечественном литературоведении считалось, что писатель проповедует изощренный психологизм, культ формы, что он далек от актуальных проблем жизни. Лишь во второй половине XX века, когда романы и повести Генри Джеймса были доступны российскому читателю, стал очевиден факт значения творчества американского писателя в мировой литературе. Об этом свидетельствует международная конференция, проведенная Американским университетом города Парижа в 2002 году под названием «Генри Джеймс сегодня» («Henry James today»). В статье показано, что Джеймс в одном из лучших своих романов «Крылья голубки» раскрыл усложнившийся взгляд на внутренний мир человека и на характер его восприятия действительности, продолжено исследование психологического мастерства писателя, показано разнообразие трактовок романа «Крылья голубки» японскими и французскими учеными.

Ключевые слова: Генри Джеймс, «Крылья голубки», А. М. Зверев, рецепция, иноязычная среда

Для цитирования: Селитрина Т. Рецепция романа Генри Джеймса «Крылья голубки» в иноязычной среде // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 323–327. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-323-327

Ушли в прошлое обвинения Генри Джеймсу (1843–1916) в «спасительной безыдейности» (Томас Элиот), стремлении эстетизации действительности и отчуждения от жизни. Если Ван Вик Брукс в книге «Паломничество Генри Джеймса» называл позднее творчество Джеймса упадочни-

ческими, то Ф. Маттисен считал этот же период расцветом. К позднему периоду (1900–1916) относятся его знаковые романы «Крылья голубки» (1902), «Послы» (1903), «Золотая чаша» (1904).

В отечественном литературоведении роман «Послы» анализировался О. И. Осипенковой в

кандидатской диссертации «Поздний Джеймс (мировоззрение, поэтика, метод)» (1985), а также в аналитической статье А. М. Зверева «Джеймс: пора зрелости» (журнал «Вопросы литературы», 1999), вошедшей затем в качестве послесловия к переводу романа на русский язык в серии «Литературные памятники» (2000). Спустя два года была защищена докторская диссертация О. Ю. Анцыферовой «Творчество Генри Джеймса и проблема литературной саморефлексии», в которой дан анализ романа «Золотая чаша». В статьях Т. Л. Селитриной, посвященных роману «Крылья голубки», раскрывается психологическое мастерство Генри Джеймса.

Роман «Крылья голубки» был переведен на русский язык лишь в 2016 г. А. М. Зверев, выдающийся российский литературовед, совершенно справедливо заметил, что поэтика прозы Генри Джеймса станет чрезвычайно характерной для прозы XX в., в первую очередь для англоязычной прозы. Сам Джеймс полагал, что его главной творческой удачей стал роман «Послы». Полагаем, что с тем же основанием можно отнести оценку Джеймса и к его романам «Золотая чаша» и «Крылья голубки». Сам Джеймс в предисловии к нью-йоркскому изданию в 1929 г. отмечал, что «чувствовал удовольствие от своих разделов, ритмов и пропорций всей книги в целом, имея в виду „Крылья голубки“» [1, с. 616]. Что касается фабулы романа «Крылья голубки», то она буквально уместается в несколько строк, известным по дневниковым записям писателя: «умирающая девушка, молодой человек и девушка, с которой он обручен» [2, с. 228]. Беспреданница Кейт Крой не решается соединить свою судьбу с журналистом Мертоном Деншером, молодым человеком с весьма ограниченными средствами. Когда в их обществе появляется безнадежно больная молодая американка Милли Тилл, познакомившаяся с Деншером во время его краткого пребывания в Нью-Йорке, влюбленная в него, Кейт советует Деншеру жениться на ней, а после ее кончины завладеть ее миллионным наследством, что даст им возможность безбедного существования.

В своей записной книжке Джеймс пометил: «девушка узнает, что жить ее осталось совсем немного. Она восстает против этого, ее охватывает ужас, тревога выражается в ней непосредственно в трагическом молодом отчаянии. Она любит жизнь, мечты ее были огромны, и она страстно цепляется за жизнь, молит о ней» [Там же, с. 224]. Чуть позже, перечитывая эту свою запись об умирающей девушке, которая «хочет жить – жить и любить», Джеймс сам признается себе, что в этой теме заключен «глубокий, волнующий

рассказ... большого интереса и красоты, вещь, обладающая строгим и сильным художественным остовом» [Там же, с. 226].

Оказавшись в Европе, Милли полна надежд, она жаждет новых впечатлений, воспринимая английскую столицу как обитель персонажей литературной классики Диккенса и Теккерея. Более того, сам Лондон, как ей казалось, олицетворял «свет мира», «стены мира», «ковер мира» [1, с. 206]. Величественное историческое здание – аристократическое поместье Четтем, куда она была приглашена, показался ей вместе с террасой и парком грандиозной композицией в духе Ватто. Само величие стиля особняка становится для нее «символом предназначенного счастливому преуспевания ... все несло на себе особый оттенок, словно старое золото, блеск которого приглушен самим качеством воздуха, соответствующим самому совершенному вкусу» [Там же, с. 181]. Общество, в котором она оказалась, напомнило ей картину «Галантные праздники» Ватто, кавалеров и дам, расположившихся в куртуазных позах на лоне природы. У нее возникло ощущение, будто она сама находится в центре картины, причудливого живописного полотна, где стены комнаты выполняют функции декорации. Милли видит окружающих ее людей в романтическом свете, в «голубой неизвестности» [Там же, с. 186].

Ей казалось, что ее новая подруга Кейт Крой рождена для «великих общественных дел» [Там же, с. 182]. А тетюшка Кейт, Мод Лоудер, с ее «откровенной ласковостью» к Милли и ее спутнице Сьюзи Шеперд «грандиозным воплощением сил природы» [Там же, с. 188]. Милли уверена, что все они искренне расположены к ней и отличаются благородством действий и помыслов: это было «какое-то всеобщее празднество доброжелательности» [Там же, с. 190]. Омрачил ее только портрет молодой женщины Лукреции Панчиатики, кисти итальянского художника XVI в. Адольфо Бронзино. Лорд Марк обратил ее внимание на поразительное сходство ее внешности с портретом. Вглядевшись в портрет, ей показалось, что женщина, изображенная на картине, исполнена печали, а не радости. «Она мертва», – повторяет про себя Милли, как бы прозревая свое будущее. Милли не сознает, что окружающее светское общество привлекают в ней в первую очередь ее деньги, а внимание к ней – лишь дань условности, принятой в аристократических кругах. Лорд Марк объясняет ей, что богатые люди приносят большую социальную пользу. Кейт назвала Милли голубкой, надеясь, что крылья голубки Милли накроют их с

Деншером и защитят от житейских невзгод и лишений.

Воодушевленная советами знаменитого доктора Люка Стретта *«жить во всю полноту сил»*, уверенная, что Деншер отвечает ей взаимностью, Милли отправляется в Венецию, ощущая в себе подъем жизненных сил и надежду на счастье. Однако лорд Марк, уязвленный отказом Милли выйти за него замуж, сообщает ей о тайной помолвке Кейт Крой и Деншера. В судьбе Милли Джеймс раскрывает трагедию обманутого доверия, горькое осознание того, что ее богатство привлекло людей, заинтересованных в ее капиталах.

В романе использован излюбленный прием Джеймса – «центральное сознание». Роман, по существу, изображает трансформирующееся сознание Деншера, исполнителя коварного плана Кейт Крой. В этой книге, так же как и в «Послах», при минимуме событий будет поддерживаться «наибольшее психологическое напряжение, соответствующее ритму душевной жизни героев» [3, с. 247]. В «Крыльях голубки», в образе Деншера, будет изображен мучительный процесс самопознания, раскрытия правды о себе.

Получивший образование в Швейцарии и Германии, где служил пастором его отец, Деншер вернулся в Англию, где начал работать журналистом в одной из газет. Во второй книге романа дается его характеристика с точки зрения стороннего наблюдателя. Во всем подчеркивается его заурядность:

«хорошо образованный, хорошо воспитанный, но для армии он уже не годился, а для палаты общин был слишком молод, скептичен для церкви, легковверен для дипломатической службы и научной деятельности, слишком утончен для Сити, мог бы сойти за поэта, чистотой своих чувств, мог даже казаться художником, но у него не было идей: он был заметно рассеян, не всегда умен, склонен отказываться от синицы в руках и гнаться за журавлем в небе» [1, с. 47].

Однако, Кейт Крой увидела в нем *«драгоценную непохожесть»* на других. Он показался ей *«загадочным, сильным и мужественным»* [Там же, с. 49]. Познакомившись с ним на званом вечере, она сразу выделила его из всех присутствующих, тем более что им, как оказалось, было скучно в этом случайном обществе. Очень скоро к ним, как поясняет рассказчик, пришло обоюдное чувство любви. Деншера даже стали принимать в тетушкином особняке Ланкастер Гейт. Повествователь не случайно говорит о том, что поместье расположено в привилегированном районе города, на пересечении Гайд-парка и Кенсингтон-парка, что само по себе говорит о

его респектабельности. Высокий и массивный богатый дом Мод Лоудер, по мнению Кейт, олицетворял *«рыночную Британию»*, а покои тетушки напоминали ей и Деншеру *«клетку львицы»*. Деншер также сравнил Мод Лоудер с грифом, а затем уточнил, что она больше похожа *«на орлицу с золочеными когтями и клювом, да еще с мощными крыльями для великих полетов»* [Там же, с. 70].

Тетушка Мод не стесняясь говорит Деншеру, что она готова согласиться вести переговоры относительно замужества Кейт лишь с тем покупателем, *«кто предложит наивысшую цену за нее»* [Там же, с. 77]. Поэтому она считает, что самой достойной партией для девушки может быть лорд Марк.

Джеймс противопоставляет хрупкий одухотворенный мир «Крыльев голубки» Милли *«мощным крыльям орлицы»* Мод Лоудер, ее миру купли-продажи. Творчество Джеймса характеризуется изысканной поэтикой, которая достигается также многообразной метафоричностью. Метафоры *«львицы»*, *«голубки»*, *«принцессы»*, *«рыночной площади»*, *«театральных подмостков»* являются неотъемлемой частью характеристики персонажей, сопровождая описание и мотивировку каждого их действия, изменяя свою окраску созвучно движениям души героев. Отличительной особенностью стиля Джеймса является семантическая незавершенность его метафор, как будто писатель ставит в конце многоточие, что свидетельствует о незавершенности конфликта или относительности решения, принимаемого персонажем.

Находясь в Венеции, Деншер первоначально не задумывается о предательском плане Кейт. Он хладнокровно выполняет ее требования – играть роль влюбленного в Милли. Неслучайно он воспринимает все с ним происходящее как спектакль, а себя в качестве актера драматического театра. Он не задумывается о нравственной стороне своего поступка. Но постепенно Деншер начинает сознавать, что Милли воплощает в себе искренность, нежность, доброту, человечность и отзывчивость. Он понимает, что символ голубки вполне соотносится с состоянием ее души. После ее смерти он отказывается от денег, завещанных ему, признавая *«моральную сторону поражения»* плана Кейт. Отныне он не в состоянии делиться своими сокровенными чувствами с ней, *«он держал их в себе, словно любимую боль»* [Там же, с. 598]. У него было ощущение, что он потерял бесценную жемчужину, *«выброшенную в бездонную пучину моря»* [Там же].

Роман Джеймса исполнен внутреннего драматизма. Так же как Стрезер в «Послах», Деншер

«совершает насилие над собой», надев на себя «бесстыдно дерзкую маску», что стала его «Голгофой» [Там же, с. 470]. Милли догадалась об их плане с Кейт Крой, что и послужило косвенной причиной ее скорострительной смерти.

А. Зверев заметил, что у Джеймса «зло неотменимо ассоциируется с темой предательства – в отношении к другим или к тому лучшему, что заложено в собственной личности» [3, с. 259].

Этот мотив станет одним из определяющих в исследованиях японской американистки Ясуко Танимото, касающейся романа «Крылья голубки». Ее доклад был прочитан на крупной международной конференции в Париже в 2002 г., посвященной Генри Джеймсу. Американский университет города Парижа собрал весьма представительный симпозиум, на котором присутствовали ученые из практических всех европейских стран, а также Кореи, Японии и Южной Америки. Доклад Я. Танимото затем был опубликован под названием «Кто такой Мертон Деншер. Главный мужской персонаж „Крыльев голубки“». В ее статье было представлено подробное аналитическое прочтение текста, обращено внимание на слабохарактерность и пассивность Деншера. Подчеркивается его латентный эгоизм (самолюбие, самовлюбленность) [4, с. 14]. Ясуко Танимото даже пытается провести параллели между Деншером и личностью Генри Джеймса.

В самом деле, во всех биографических трудах о Джеймсе отмечается его нежная привязанность к двоюродной сестре Минни Темпл, умершей от туберкулеза в 22 года. Биографы даже высказывали предположение, что это чувство было столь сильно, что он так и не создал своей семьи, оставаясь холостяком. Изучая письма Генри Джеймса, его дневниковые записи, японская исследовательница предвзято оценивает поведение Джеймса по отношению к Минни Темпл, приписывая ему эгоизм, самолюбие и самовлюбленность. По ее мнению, собственные индивидуальные черты, присущие писателю, были переданы герою романа.

Всякий, занимающийся изучением художественной литературы, знает, что есть правда жизни и правда искусства. Известно также, что черты автобиографичности присутствуют во многих произведениях мировой литературы. Достаточно изучить биографии Марселя Пруста, Томаса Манна, Льва Толстого, Тургенева. Однако исследовательница устроила буквально суд над Генри Джеймсом, предвзято оценивая факты его биографии, что же касается Деншера, то текст романа не дает подтверждения фактов его самолюбия и самовлюбленности. Этих качеств у него просто нет. Деншер – «герой обыденного созна-

ния», лишь постепенно начинает сознавать, сколь недостойную роль он играет в отношении Милли. Именно об этом писал Джеймс в своем предисловии к роману. В то же время нам импонирует наблюдение Ясуко Танимото, что в письме, отправленном Милли Деншеру перед рождением, было, безусловно, поздравление с праздником и, вероятно, пожелание благополучия и т. д. Полагаем, что письмо было искренним и доброжелательным, без тени укоризны или обиды. Но Кейт, опасаясь возможного разоблачения, швырнула письмо нераспечатанным в огонь. Кейт просит отдать ей деньги, завещанные Деншеру, понимая, что их пути отныне разошлись навсегда.

Самые содержательные доклады, прочитанные на симпозиуме в Париже, были опубликованы частью в журнале «Henry James review» в 2003–2004 гг., а также в сборнике «Henry James and other essays» в 2003 г. в университете Реюньон (Франция).

Мари Одиль Салати из французского университета в Савойе рассматривает венецианский эпизод романа «Крылья голубки» в статье «Венецианское барокко в романе „Крылья голубки“», подчеркивая, что архитектура и достопримечательности Венеции служат своеобразными театральными декорациями, в которых находятся Деншер и Милли.

Исследовательница обратила внимание на атмосферу бала, устроенного Милли во дворце Лепорелли, где музыканты, как в старинных комедиях, то удаляются от хозяйки, то приближаются к ней. Мари Одиль Салати усмотрела в этой сцене аллюзию на картину Веронезе «Брак в Кане», где гостей развлекает квартет, в участниках музыкального ансамбля которого можно узнать Тициана, Тинторетто, Бассано и самого Веронезе [5, с. 54].

Преподаватель Кембриджского университета Киоко Миябе считает, что картина Бронзино может считаться кульминационным моментом романа «Крылья голубки» и служит приемом драматизации прозы.

Волнующая поэтичность Милли заставит Деншера сравнить ее с меланхолической мелодией. Неслучайно Венецию считают «мелодией мира», а в операх Венеция изображалась с «мечом и весами в руках» [6, с. 478]. Питер Акройд писал, что для «Генри Джеймса Венеция была самой красивой в мире усыпальницей, где прошлое похоронено с такой нежностью, такой печалью и смирением» [Там же, с. 428]. Акройд считает, что «Генри Джеймс ощутил фатальную притягательность города для страдающей Милли в «Крыльях

голубки»» [Там же]. Она сказала, что ей кажется, что здесь было бы приятно умереть.

Неслучайно мотив смерти в Венеции вызывает множество ассоциаций, в первую очередь новелла Томаса Манна «Смерть в Венеции». По справедливому замечанию А. М. Зверева, чувство трагизма жизни, изображенное в романах и повестях Джеймса, по-прежнему выражает современное состояние мира.

Романы позднего периода творчества не предвосхищают поток сознания Джойса, как это представлялось ранее некоторым англоязычным ученым. Джеймс создавал «реализм простейшего случая», доводя свой анализ до «первоэлементов обыденной жизни». Для Джеймса конечный результат психологического процесса обычно беднее самого процесса мысли и чувства, поэтому, чтобы раскрыть внутренний мир героя, нужно показать весь сложный лабиринт многочисленных сцеплений, через который проходят чувства, втягивая в себя моменты внешней и внутренней жизни персонажа [7, с. 40]. Джеймс абсолютизировал значение нравственного начала в историческом развитии человечества. Он считал нравственность наивысшей формой человечности. Эти аспекты станут определяющими в восприятии творчества Джеймса в иноязычной среде.

Список источников

1. Джеймс Г. Крылья голубки / предисловие автора к нью-йоркскому изданию (1909); пер. с англ. И. Бессмертной. М.: Иностранка, 2016. 640 с.
2. Маттисен Ф. О. Ответственность критики. М.: Прогресс, 1972. 376 с.
3. Зверев А. М. Джеймс: пора зрелости // Журнал критики и литературоведения «Вопросы литературы». 1999. Май–июнь. 384 с.
4. Tanimoto Ya. Who is Merton Densher? The Male Protagonist of The Wings of the Dove // Henry James and

Other Essays. Alizes Revue angliciste de La Reunion, September 2003. №. 23. P. 13–24.

5. Salati M.-O. The Baroque Appeal of Venice in The Wings of the Dove // Henry James and Other Essays. Alizes Revue angliciste de La Reunion, September 2003. №. 23. P. 53–62.

6. Акройд П. Венеция. Прекрасный город / Пер. с англ. В. Кулагиной-Ярцевой, Н. Кротовской, Г. Шульги. М.: Издательство Ольги Морозовой, 2016. 496 с.

7. Селитрина Т. Л. Генри Джеймс и проблемы английского романа: автореф. дис. ... докт. филол. Наук. М.: МГУ, 1989. 45 с.

References

1. Dzheims, G. (2016). *Kryl'ya golubki* [The Wings of the Dove]. Predislovie avtora k n'yu-yorkskomu izdaniyu (1909). Per. s angl. I. Bessmertnoi. 640 p. Moscow, izdatel'stvo "Inostranka". (In Russian)
2. Mattisen, Frensis O. (1972). *Otvstvennost' kritiki* [Responsibility of Criticism]. 376 p. Moscow, izdatel'stvo "Progress". (In Russian)
3. Zverev, A. M. (1999). *Dzheims: pora zrelosti* [James: Time of Maturity]. Zhurnal kritiki i literaturovedeniya "Voprosy literatury", may-dzune 1999, 384 p. (In Russian)
4. Tanimoto, Ya. (2003). *Who is Merton Densher? The Male Protagonist of The Wings of the Dove*. Henry James and Other Essays. Alizes Revue angliciste de La Reunion, September 2003. No. 23, pp. 13–24. (In English)
5. Salati, M.-O. (2003). *The Baroque Appeal of Venice in The Wings of the Dove*. Henry James and Other Essays. Alizes Revue angliciste de La Reunion, September 2003. No. 23, pp. 53–62. (In English)
6. Akroid, P. (2016). *Venetsiya. Prekrasnyi gorod* [Venice. A Beautiful City]. Per. s angl. V. Kulagina-Yartsevoi, N. Krotovskoi, G. Shul'ga. 496 p. Moscow, izdatel'stvo Ol'gi Morozovoi. (In Russian)
7. Selitrina, T. L. (1989). *Genri Dzheims i problemy angliiskogo romana: avtoreferat diss. doktora filol. nauk* [Henry James and the Problems of the English Novel: Doctoral Thesis Abstract]. Moscow, MGU, 45 p. (In Russian)

The article was submitted on 17.10.2024

Поступила в редакцию 17.10.2024

Селитрина Тамара Львовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Башкирский государственный
педагогический университет
имени М. Акмуллы,
450088, Россия, Уфа,
Октябрьский революции, 3а.
selitrina@yandex.ru

Selitrina Tamara Lvovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Bashkir State Pedagogical University
named after M. Akmulla,

3a October Revolution Str.,
Ufa, 450088, Russian Federation.
selitrina@yandex.ru

УДК 821.512.145

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-328-333

ВКЛАД И. А. МУХАМАТГАЛИЕВА В РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ ТАТАРСКОЙ ДЕТСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

© Милеуша Хабутдинова, Раушания Нурмухаметова, Ренат Латыпов

I. A. MUKHAMATGALIEV'S CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF MODERN TATAR CHILDREN'S DRAMA

Mileusha Khabutdinova, Raushaniya Nurmukhametova, Renat Latypov

The article systematizes information on the work of the screenwriter, the Honored Artist of the Republic of Tatarstan I. A. Mukhamatgaliev. We reveal the contribution of the playwright-translator to the development of Tatar children's drama. The research is based on the plays "Kiyok Kaz yuli" ("The Formula of Beauty", 2022), the fairy tale play "Myraubatyr Majaralary" ("The Adventures of Myraubatyr", 2023) and the kaleidoscope play "Makarjad Theater" ("Once Upon a Time at the Fair...", 2024). The work of I. A. Mukhamatgaliev is an interesting experience of thorough work conducted by theaters with specific authors to satisfy repertoire hunger. We prove that when creating dramatizations in order to reflect his author's and director's vision of reality, the actor-playwright reworks "someone else's text", sometimes several plots by completely different authors. I. A. Mukhamatgaliev can preserve the main storyline and rework the text to make it completely unrecognizable. During the analysis of I. A. Mukhamatgaliev's plays, we came to the conclusion that staging was part of the literary process. The works of I. A. Mukhamatgaliev are author's dramatizations reflecting his worldview and conducting a dialogue with the original text.

Keywords: Tatar literature, drama for children, theatrical pedagogy, I. A. Mukhamatgaliev, staging

В статье систематизированы сведения по творчеству сценариста, заслуженного артиста Республики Татарстан И. А. Мухаматгалиева. Выявлен вклад драматурга-переводчика в развитие татарской детской драматургии. Материалом исследования послужили пьесы «Киек Каз юлы» («Формула Прекрасного», 2022), пьеса-сказка «Мыраубатыр мажаралары» («Приключения Мыраубатыра», 2023), пьеса-калейдоскоп «Мәкәржәдә театр» («Однажды на ярмарке...», 2024). Творчество И. А. Мухаматгалиева представляет интересный опыт точечной работы театров с конкретными авторами для ликвидации репертуарного голода. Доказано, что при создании инсценировок с целью отражения своего авторского и режиссерского видения реальности артист-драматург перерабатывает «чужой текст», порой – несколько сюжетов совершенно разных авторов. И. А. Мухаматгалиев может сохранить основную сюжетную линию, переработав текст до полной неузнаваемости. Большинство пьес представляет из себя переработку классических произведений. В ходе анализа пьес И. А. Мухаматгалиева доказано, что инсценирование является частью литературного процесса. Произведения И. А. Мухаматгалиева являются авторскими инсценировками, отражающими его мировидение, вступающее в диалог с текстом оригинала.

Ключевые слова: татарская литература, драматургия для детей, театральная педагогика, И. А. Мухаматгалиев, инсценировка

Для цитирования: Хабутдинова М., Нурмухаметова Р., Латыпов Р. Вклад И. А. Мухаматгалиева в развитие современной татарской детской драматургии // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 328–333. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-328-333

Современная татарская детская драматургия переживает кризис. Писатели упрекают режиссеров в невнимании к их творчеству, а театральные коллективы критикуют художников слова за создание текстов, не отвечающих ожиданиям со-

временного зрителя и архаичных по форме. Этот спор затянулся уже на два десятилетия.

Татарские театры предприняли ряд активных шагов по преодолению репертуарного голода: проводятся фестивали, конкурсы, организуются театральные лаборатории, школы. К сожалению,

татарская критика очень редко обращает свое внимание на современную детскую драматургию. Встречающиеся в СМИ рецензии, как правило, написаны журналистами и являются пересказом аннотации и сюжетной канвы спектакля. Это имеет негативные последствия, так как положительный опыт не систематизируется и не пропагандируется. В современном татарском литературоведении можно встретить работы, посвященные как творчеству отдельных авторов [1], [2], так и анализу тенденций развития татарской детской драматургии [3], [4], [5] и др.

Новизна нашего исследования обусловлена тем, что до сих пор драматургическое творчество артиста Татарского государственного академического театра (ТГАТ) имени им. Г. Камала И. А. Мухаматгалиева не было предметом научного изучения, хотя в 2016 г. увидела свет его книга переводов и сценических произведений [6]. В фокусе нашего внимания оказались сценические произведения, адресованные детской и подростковой аудитории: «Киек Каз юлы» («Формула Прекрасного», 2022), пьеса-сказка «Мыраубатыр мажаралары» («Приключения Мыраубатыра», 2023) [7], пьеса-калейдоскоп «Мәкәржәдә театр» («Однажды на ярмарке...», 2024) [8], – которые стали событием в культурной жизни Казани. Для анализа материала использовались описательный, сравнительный, исторический, статистический методы, а также все частные приемы лингвистического анализа (фонетический, словообразовательный, лексический, морфологический и синтаксический). Цель нашего исследования – выявить вклад писателя в пропаганду классики и сохранение родного языка.

И. А. Мухаматгалиев в Татарском государственном академическом театре имени Г. Камала работает с 1995 г. За 30 лет творческой деятельности на театральной сцене им создана целая галерея образов. Он известен и как опытный переводчик, сценарист. Первой работой для детей стал аудиоспектакль драматурга «Сөтбирә белән Йонсылу» (по мотивам сказки Г. Тукая «Коза и Баран»). 20 лет назад для Альметьевского театра драматург подготовил инсценировку по сказке «Чүлмәктә мени хикмәт» («Разве волшебство в горшке»), затем по заказу ТГАТ им. Г. Камала – по сказке А. Ахмета «Үги кыз» («Падчерица»). Львиную долю творчества составляют переводы мировой классики. Из недавних работ можно назвать инсценировки по роману Ф. М. Достоевского «Идиот», по пьесе А. П. Чехова «Дядя Ваня».

И. А. Мухаматгалиев накопил серьезный опыт по адаптации татарской классики к требо-

ваниям современной детской драматургии. Заслуживает всяческого одобрения его деятельность по пропаганде шедевров татарской литературы в детской и юношеской аудитории. Так, сценарий к спектаклю-мюзиклу «Мыраубатыр мажаралары» («Приключения Мыраубатыра») был создан драматургом по мотивам цикла приключений «Бәрәзә песие Мыраубай батыр» («Храбрый кот») Наки Исанбета, пьеса-калейдоскоп «Мәкәржәдә театр» («Однажды на ярмарке...») вобрала в себя материал из «золотого фонда» татарской драматургии (Г. Камал «Беренче театр» («Первый театр»), «Банкрот», К. Тинчурин «Портфель» («Хикмәтле доклад»), Т. Гиззат «Башмагым» («Башмачки»), «Кыю кызлар» («Смелые девушки») и др., а поэтический спектакль «Киек Каз юлы» («Формула Прекрасного», 2022) – из «золотого фонда» татарской поэзии (Тукай, Дәрдемнәд, Х. Такташ, Зүльфат, М. Аглямәв, Л. Шагирзян, Р. Зәйдүлла, М. Мирза, Р. Мухаметшин и др.).

И. А. Мухаматгалиев в поэтическом спектакле размышляет со зрителями о категории Прекрасного. Этот спектакль – признание любви к мирозданию, созданному Богом, и в то же время мастер-класс по математике. Сценарист сдувает пыль со знаний, полученных в школе. И. А. Мухаматгалиев заставляет заискриться новыми красками математические формулы: число π (Пи) становится мерой гармонии в мире, Числа Фибоначчи – формулой «золотого сечения» (золотой пропорции) в поэзии, природе, живописи.

В поэтический венок Прекрасного И. А. Мухаматгалиев стремится вплести свой «цветок», чтобы увековечить свое представление о Прекрасном. Анализируя поэзию, сценарист выходит на закономерность. Для него воплощением Прекрасного становится поэтическая традиция. Так, И. А. Мухаматгалиев дает зрителям прочувствовать внутреннюю преемственность, существующую в поэзии Г. Тукая и М. Аглямәва, Дәрдемнәда, Фәта и И. Бродского, Х. Такташа и Ю. Миннуллиной, Р. Зәйдүллы и Р. Мухаметшина.

Проявлением Прекрасного для сценариста является Гениальность. Важное значение приобретают в пьесе вставные эпизоды. И. А. Мухаматгалиев с благоговением рассказывает о таланте мальчика Елисея Годочкина, который стал знаменитостью благодаря стихотворению «Ангел мой». Сценарист в рамках поэтического спектакля позволяет прочувствовать роль артиста в мире Прекрасного. Ведь Е. Годочкин обрел всесоюзную известность благодаря тому, что его стихотворение исполнила Алиса Фрейндлих.

И. А. Мухаматгалиев размышляет в пьесе над магией поэтического слова, о природе невырази-

мого, над музыкальной гармонией, таящейся в поэтическом слове. Вниманию зрителей были предложены переводы стихотворений известных поэтов, выполненные национальными поэтами. Например, стихотворения А. С. Пушкина прозвучали в переводе Дэрдменда – таким образом сценарист организует встречу двух национальных гениев.

И. А. Мухаматгалиев, выстраивая поэтический диалог со зрителем на тему Прекрасного, раскрывает в пьесе природу интертекстуальных связей в литературе. Так, в зеркале поэтического гения Г. Тукая на примере стихотворения «Мотылек» находят отражение стихи поэтов о бабочке, принадлежащие разным векам мировой поэзии и поэтическим традициям, то есть сценарист выводит зрителя на суфийское понимание Прекрасного.

Формула Прекрасного для И. Мухаматгалиева – это Гармония, царящая в мире вокруг нас. Она присутствует в архитектуре, музыке, поэзии. Одним из ключевых образов поэтического спектакля становится образ струны, что находит продолжение в музыкальном ряде постановки. Ценность этой пьесы состоит в том, что зрители получают возможность соприкоснуться не только с Ка'абой сердца известного артиста, но и делают шаг к постижению Прекрасного, Божественного. Произведение выстроено таким образом, что состав текстов может меняться в зависимости от задач, которые преследует режиссер-постановщик.

«Мырау батыр» по произведению Наки Исанбета – первый детский проект Казанской филармонии на татарском языке (режиссер-постановщик И. Хайруллин). И. А. Мухаматгалиеву потребовалось превратить цикл приключений в мюзикл. В 1991 г. был снят телемюзикл «Мырау батыр» (сценарист И. Сирматов). Очевидно, что И. А. Мухаматгалиев опирался и на опыт советского мюзикла «Буратино», что вылилось в стилистическую переключку песен, составивших «фразу» его мюзикла. Для новой постановки были написаны новые песни для юных исполнителей, поэтому оригинальный текст пережил известную трансформацию. В систему персонажей был введен образ сказочника, который обеспечивает единство музыкальных, хореографических номеров и драматургического материала.

Сценарист сохраняет авторскую интонацию народного балагурства, настроенную на современный лад. Чтобы привлечь внимание юных зрителей, источником информации о главном герое становится не народная молва, как у Н. Исанбета, а «интер-Исәнбэт-нет». Это назва-

ние создано по аналогии с сайтом Интертат. Портретная характеристика для сокращения дистанции с героем дается в стилистике анкеты:

«– родина – Заказанье, деревня Бирези;
– место проживания – дом Ризван-бая;
– любимое блюдо – молоко, сметана, масло;
– недостатки – лентяй (не любит ловить мышей), вор (часто крадет сметану, масло);
– любовь – Марьям, дочь Ризван-бая» (здесь и далее подстр. перевод наш. –М. М., Р. Н., Р. Л.) [7, с. 4].

Сократив 12 приключений, И. А. Мухаматгалиев внес изменения и в сюжетную линию главного героя. Музыкальным лейтмотивом спектакля становится тема «Мырау-батыр и Марьямбика». Мырау-батыр переживает известную эволюцию: из рядового кота-разбойника превращается в кота-батыра, защитника слабых, мечтающего вернуть уважение хозяина Ризван-бая. По воле сценариста кот спешит на помощь к Зайчихе с зайчатами и к подружке Марьям, которую взяли в заложники лесные бандиты: Медведь, Волк, Кабан, Лиса. В роли помощников выступает мышиная стая во главе с Крысой. Детский мюзикл И. А. Мухаматгалиева тяготеет к синтезу искусств, универсальному сценическому языку, в котором соединяются музыкальные, драматические, изобразительные и пластические выразительные средства.

Этот спектакль поставлен с участием детей – воспитанников Детской филармонии и детской студии ансамбля танца «Казань». По сути, сценарист заново переписал произведение, обогатив его мотивами из других произведений Н. Исанбета: «Эннә Куян» («Мать-зайчиха»), «Безнең пәси» («Наша кошка»), упростив текст. Вместо 12-тистрочной строки использовал 5-6 строчную, чтобы облегчить детям исполнение музыкальных партий. Изменения в ритмике были вызваны к жизни и характером песен, далеких от фольклорной традиции, тяготеющим к рок-н-роллу или другим современным ритмам. Часовая история получилась достаточно простой, но современной. Благодаря этому мюзиклу появилось много детских песен, прославляющих родной край и ее героев.

Для студии «Апуш» в 2024 г. И. А. Мухаматгалиев написал пьесу для спектакля-калейдоскопа «Мәкәржәдә театр» («Однажды на ярмарке...») [8]. Согласно С. И. Городецкому, в калейдоскопической пьесе должно быть несколько сюжетных линий, не связанных напрямую [9]. И. А. Мухаматгалиев сквозь детское восприятие главных героев – юных слуг – пропустил отрывки из ряда знаковых татарских пьес первой половины XX в. В рамках детской пьесы

оживают отдельные сцены из «Беренче театр» («Первый театр»), «Банкрота» Г. Камала, «Хикмәтле доклад» («Портфель») К. Тинчурина, «Башмагым» («Башмачки»), «Кыю кызлар» («Смелые девушки») Т. Гиззата. Вторым критерием является повторение такого мелкого структурного элемента текста, как каламбур на протяжении всего сюжетного действия: «*театрга*» – «*төяттергә*» [8, с. 2], «*төяп китерделәр*» [Там же, с. 2], «*Үзләре т ө я т е р г ә киттеләр*» [Там же, с. 5], «*Биби тиатр уйный мени?*» [Там же, с. 11], «*Ә тиатр калыр микән?*» [Там же, с. 13] и др. Сюжетное действие нацелено на разрешение главного вопроса, который беспокоит героев, оказавшихся в пространстве Макарьевской ярмарки: «*Ниндирәк нәрсә икән ул тиатр?*». – «*Что же из себя представляет театр?*» [Там же, с. 3].

И. А. Мухаматгалиев использует богатый арсенал языковых средств для выражения комического. В студии «Апуш» занимаются дети 9–15 лет, обладающие определенным читательским опытом, поэтому сценарист в обрисовке образов прибегает к звукописи. И. А. Мухаматгалиев включает элементы разговорной речи, в которых допущены какие-либо отклонения от произносительной нормы: «*Миңа берәү парашутта барганда сөйләде, тиатр ул, имеш, теге, аттракцион бакчасындагы күктән йолдыз карый торган торба шикелле бер нәрсә икән*» [8, с. 3]; «*Бер савыт белән варинжә!*» [Там же, с. 4]. Комизм создается и за счет переосмысления семантики слов: «*Бай кайтса, күрсәтер аттракцион*» [8, с. 3]. Очень удачно сценарист использует в пьесе потенциал звуко-символизма: «*Тиз, тыз, тез, таз, тоз, төз, туз, түз...*» [Там же, с. 4], а также повторения неправильно услышанных персонажами слов: «*чебеиш – жимеиш*» [Там же, с. 9]. В пьесе интересно обыгран потенциал звукоподражания: «*Чеее-беееишии!*» [Там же, с. 9]. И. А. Мухаматгалиев включает в пьесу игру слов, основанную на перечислении предметов, подсмотренную в «Банкроте» Г. Камала [Там же, с. 4], успешно использует алогизм-находку Т. Гиззата: «*Ашыкканда трамвайга утыралармыни?*» – «*Разве садятся в трамвай, когда спешат?*» [Там же, с. 6]. Чтобы подробнее описать мир юных слуг – девочек и мальчиков на побегушках, И. А. Мухаматгалиев органично вплетает в ткань своего произведения фольклор, бытовавший в их среде: байт «*Асраулар бәете*» («*Баит служанок*»), шуточную песню «*Баеп булмый эш белән!*» («*Не разбогатеешь работая*»). Удачным получилось пародирование знаменитого байта о семи девушках. Так, драматург переосмыслил подвиг татарских девушек, шагнувших, презрев народные

предубеждения, впервые на театральную сцену. Не менее интересным получился и танцевальный этюд с примеркой кожаных сапожек – предела мечтаний сельской детворы, отсылающий нас к рассказу Г. Исхаки «*Кәжүл читек*» («*Чудесные сапожки*»).

Сценарист знакомит юных зрителей и артистов с особенностями национального гостеприимства в этюде с чаепитием «*Чэй йоласы*». Полна внутреннего комизма и сцена с лечением мальчика, разговаривающего во сне, с помощью народных заклинаний. Источником смеха становится возрастное несоответствие героев с ситуацией, в которой они оказались. Драматург вкладывает реплики старухи-знахарки в уста девочки. И. А. Мухаматгалиев передает полифонизм городской среды, прибегая к смене стилистических регистров.

Связь с главной темой создается через элементы театральности внутри пьесы. Карнавальное начало поддерживается, благодаря включению в пьесу сцены переодевания, которая отсылает искушенного зрителя к пьесам «*Артист*» К. Тинчурина и «*Гульдзамал*» Н. Исанбета. Дети разыгрывают у себя в комнате «*Хур кансирты*», примеряя на себе амплу исполнителей русских оперетт и романсов. Прием «театр в театре» очень удачно вписывается в фантастическое допущение, когда служанка Биби балагурит на предмет сценической судьбы своего образа в татарском театре: «*Әле анда минем турында тиатр уйнап яталар икән бит, „Биби тиле“, дип*» [Там же, с. 14]. Очень зрелищной получилась мизансцена «театр за шторкой», подсмотренная в жизни шакирдов медресе.

В финале пьесы И. А. Мухаматгалиев очень интересно обыгрывает сюжет произведений Ф. Амирхана «*Фатхуллал-хазрет*» и Г. Исхаки «*Йке йөз елдан соң инкыйраз*» («*Конец света через 200 лет*»), превратив гротесковые и антиутопические мотивы в фантастические. Юные герои пьесы на глазах у зрителей заглядывают в будущее татарского театра. Итогом их размышлений становится реплика: «*Театр шундый могҗиза инде ул. Анда һәркем үзен таный*» [Там же, с. 18]. Так эффективно И. А. Мухаматгалиев использует в своей пьесе раздробленность действия, порой прибегая к смещению перспективы. Драматург отбрасывает множество деталей из комедий-оригиналов, сосредоточивая внимание на специально отобранных, которые превращаются в многозначные художественные образы.

Игровая природа пьесы-калейдоскопа, таким образом, определяется включением игры в ее текст на разных уровнях. Помимо пародирования, игры со словом, переодеваний, драматург

прибегает к игре как таковой: дети через самоварную трубу, как в подзорную, разглядывают город, постигая незнакомое культурное пространство через концерт, аттракцион, театр и др. Важными категориями у И. А. Мухаматгалиева выступают категории «время» и «память». Короткая поездка на городскую ярмарку переворачивает жизнь сельских ребятишек, раздвигает их жизненный горизонт. Причем эти знания демонстрируют в пьесе миражную природу. Благодаря юным героям, их увлекательному путешествию, дистанция между современностью и прошлым татарского театра существенно сокращается (см.: [10]). Благодаря детским фантазиям, герои пьесы заглядывают в будущее.

Пьеса И. А. Мухаматгалиева «Мәкәржәдә театр» («Однажды на ярмарке...») ценна не только своим просветительским потенциалом, но и тем, что с юных лет окунает детей в богатство родного языка, готовя к восприятию комического. Языковые средства подобраны автором с учетом психофизиологических особенностей детской памяти, мышления, логики. Писателю удалось найти живой, не «дистиллированный» язык для общения с современным ребенком через художественную литературу на родном языке. При этом произведения, изначально адресованные взрослой аудитории, после адаптации обрели внутри пьесы свои «детские версии». Эта работа потребовала от сценариста известного мастерства. Успех постановки, реакция юных зрителей – лучшее доказательство наличия у артиста ТГАТ им. Г. Камала многогранного таланта сценариста, смело экспериментирующего в разных жанрах. Спектакль студии «Апуш» «Мәкәржәдә театр» («Однажды на ярмарке...», реж. З. Валеева, М. Шайхутдинова) стал обладателем Гран-при XIX Всероссийского фестиваля-форума «Действующие лица».

Творчество И. А. Мухаматгалиева представляет интересный опыт точечной работы театров с конкретными авторами. Как сценарист он тонко чувствует потребности аудитории, поэтому в его творческом портфеле мы найдем удачные пьесы для детей разных возрастов: от дошкольников до подростков. Пьесы драматурга содействуют расширению общего и художественного кругозора детей, формированию и развитию их зрительской культуры. При инсценировании чужих произведений драматург перерабатывает тексты исходя из собственного мировидения, осовременивая классику, акцентируя внимание на богатстве языковых средств в выражении комического в родном языке. Драматургический материал нацелен на развитие творческих способностей детей и подростков. Пьесы И. А. Му-

хаматгалиева отличаются литературоцентризмом: как сценарист он бережно работает с текстами-оригиналами, стремясь дать почувствовать живую связь времен в культуре, как драматург он ориентирован на формирование у читательской и зрительской аудитории в результате знакомства с богатым литературным материалом национальной, гражданской, ценностной, эстетической идентичности. Пьесы И. А. Мухаматгалиева в известной мере провоцируют зрителей на чтение классики, возвращая в условиях кризиса литературоцентризма интерес к забытым произведениям.

Исследование выполнено в рамках темы ФПСР-2/24

Список источников

1. Хабутдинова М. Дитя // Сәхнә. №6. 18-21 б.
2. Nureeva G. I., Mingazova L. I., Sayfulina F. S., Khabutdinova M. M. The personality of children's dramaturgy by Galimjan Gyilmanov // International Journal of Criminology and Sociology. 2020. Vol. 9. P. 2353–2359.
3. Khabutdinova M. M. The Image of Abugalisa in Tatar Literature // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 5 (41). P. 1–7.
4. Nureeva G. I., Khabutdinova M. M., Mingazova L. I. The System of Genres in Modern Tatar Children's Drama // Journal of Research in Applied Linguistics. 2019. No. 10. P. 746–753.
5. Sagitova G.R., Khabutdinova M. M. Tatar Bayt «Sak-Sok» From the Perspective of the 21ST Century Art // Tatarica. 2016. № 2 (7). P. 177–201.
6. Мухаматгалиев И. Тәржемәләр һәм сәхнә эсәрләре. Казань: Заман, 2016. 488 с.
7. Мөхәммәтгалиев И. А. «Мыраубатыр мажаралары» (Нәкый Исәнбәтнең шул исемдәге эсәрәнең нигезләненең язылган әкият-мюзикл). Кулъязма. 2024. 19 б. (И. А. Мөхәммәтгалиев архивынан).
8. Мөхәммәтгалиев И. А. Мәкәржәдә-тиатыр. Татар Театрына мәдхия. Бер пәрделек тамаша-калейдоскоп (Балалар театры өчен вариант). Кулъязма. 2024. 16 б. (И. А. Мөхәммәтгалиев архивынан).
9. Городецкий С. И. Что такое калейдоскопизм? // Новый филологический вестник. 2011. № 2 (17). С. 34–58-21 б.
10. Khabutdinova M. M. Tatars and Russian theater in nineteenth century Kazan // Tatarica. 2022. 2 (19). P. 139–154.

References

1. Khabutdinova, M. M. (2019). *Ditya* [Child]. Sәхнә. No. 6, pp.18–21. (In Tatar)
2. Nureeva, G. I. (2020). *The Personality of Children's Dramaturgy by Galimjan Gyilmanov*. G. I. Nureeva, L. I. Mingazova, F. S. Sayfulina, M. M. Khabutdinova. International Journal of Criminology and Sociology. Vol. 9, pp. 2353–2359. (In English)

3. Khabutdinova, M. M. (2023). *The Image of Abugalisina in Tatar Literature*. M. M. Khabutdinova. Russian Linguistic Bulletin. No. 5 (41), pp. 1–7. (In English)
4. Nureeva, G. I. (2019). *The System of Genres in Modern Tatar Children's Drama*. G. I. Nureeva, M. M. Khabutdinova, L. I. Mingazova. Journal of Research in Applied Linguistics. No. 10, pp. 746–753. (In English)
5. Sagitova, G. R. (2016). *Tatar Bayt "Sak-Sok" from the Perspective of the 21st Century Art*. Tatarica. No. 2 (7), pp. 177–201. (In English)
6. Məkhəmmətgaliyev, I. A. (2024). "My`raubaty`r maşaralary`" [The Adventures of a Brave Cat]. (Nəky`i İsənbətnə şul isemdəgə əsərenə nigezlənər yazılgan əkiyat-myuzikl). Kul`yazma. 19 p. I. A. Məkhəmmətgaliyev arxivı`nnan. (In Tatar)
7. Məkhəmmətgaliyev, I. A. (2024). *Məkarəqədətiaty`r* [Theatre at the Makaryevskaya Fair]. Tatar Teatry`na mədxiya. Ber pərdəlek tamasha-kalejdoskop. (Balalar teatry` öchen variant). Kul`yazma. 16 p. I. A. Məkhəmmətgaliyev arxivı`nnan. (In Tatar)
8. Mukhamatgaliev, I. (2016). *Tərcemələr həm səhnə əsərləre* [Translations and Stage Works]. 488 p. Kazan, izd-vo "Zaman". (In Tatar)
9. Gorodetskiy, S. I. (2011). *Chto takoe kaleidoskopizm?* [What Is Kaleidoscopy?]. Novy`i filologicheskii vestnik. No. 2 (17), pp. 34–58. (In Russian)
10. Khabutdinova, M. M. (2022). *Tatars and Russian Theater in Nineteenth Century Kazan*. Tatarica. No. 2(19). pp. 139–154. (In English)

The article was submitted on 05.12.2024
Поступила в редакцию 05.12.2024

Хабутдинова Милеуша Мухаметзяновна,
кандидат филологических наук,
доцент,
старший научный сотрудник,
НОЦ стратегических исследований
в области родных языков и культур,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
mileuscha@mail.ru

Khabutdinova Mileusha Mukhametsyanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Senior Researcher at the Research Center
for Strategic Research in the Field of Native
Languages and Cultures,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
mileuscha@mail.ru

Нурмухаметова Раушания Сагдатзяновна,
кандидат филологических наук,
доцент,
старший научный сотрудник,
НОЦ стратегических исследований
в области родных языков и культур,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
rsagadat@yandex.ru

Nurmukhametova Raushaniya Sagdatzyanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Senior Researcher at the Research Center
for Strategic Research in the Field of Native
Languages and Cultures,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
rsagadat@yandex.ru

Латыпов Ренат Исламгареевич,
кандидат филологических наук,
доцент,
ведущий научный сотрудник,
НОЦ стратегических исследований
в области родных языков и культур,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
latipov77@mail.ru

Latypov Renat Islamgareyevich,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Leading Researcher at the Research Center
for Strategic Research in the Field of Native
Languages and Cultures,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
latipov77@mail.ru

УДК 821.111-192

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-334-340

МЕСТОИМЕННЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ В КОМПОЗИЦИИ Р. ДЖ. ДИО «THE MAN WHO WOULD BE KING»

© Андрей Хохряков

PRONOUNAL METAMORPHOSES IN “THE MAN WHO WOULD BE KING” BY R. J. DIO

Andrei Khokhryakov

The article examines the conflict structure in the song lyrics of “The Man Who Would Be King” (2004) by the American rock musician R. J. Dio. The article emphasizes the cross-interference of literary framework and grammar. The high compression of the song lyrics intensifies the polysemantic potential of words, pronouns in particular. The choice of pronouns, in turn, allows spaciouly depicting the status and progress of the lyrical character, conveyed by Dio in singular and plural simultaneously. The pronouns help to designate different aspects of the conflict within the lyrics: “we and the infidels”, “me and (Holy) Father/God”, “me and my allies in faith”, and to escalate the conflict of the lyrical character with himself. In the absence of response, Dio’s narration becomes an unrequited dialogue, a one-sided reasoning of the lyrical character with himself. The article draws parallels with the story “The Man Who Would Be King” (1888) by R. Kipling, which for Dio serves an intertextual reference, taking us back to earlier events in British history, revealing a common motif of the White Man’s Burden, a colonial mission, and the archetype of the crusader and liberator for both stories. The article concludes that it was “them”, the defeated infidels, who were the dragging force that made the lyrical character grow as “I” and “we”. “Them” also served a basis for the uneasy changing authority of “him”, the super-ego – (Holy) Father/God, King, the Devil, the Man – testifying to the important role of pronouns in the progress of the song’s plot.

Keywords: Dio, Kipling, pronouns, British history, intertextuality, archetype, rock poetry

Автор статьи исследует структуру конфликта в песенном тексте. Материалом для исследования выступает текст композиции «The Man Who Would Be King» (2004) американского рок-музыканта Р. Дж. Дио. В статье обращается внимание на взаимное влияние формы художественного произведения и грамматики: обладая повышенной компрессией, музыкально-поэтический текст усиливает многозначность слов, в частности местоимений; в свою очередь, выбор местоимений позволяет более емко обозначить позицию и развитие героя, который передан у Дио в единственном и во множественном числе одновременно. Местоимения в песне помогают обозначить разные аспекты конфликта: «мы и иноверцы», «я и святой отец/Господь», «я и единоверцы», а также способствуют обозначению нарастающего конфликта лирического героя с самим собой. В отсутствие ответных реплик повествование Дио превращается в диалог-рассуждение лирического героя с самим собой. В статье проводятся параллели с одноименным рассказом Р. Киплинга (1888), который выступает интертекстуальной отсылкой для Дио и возвращает нас к более древним событиям в истории Великобритании, позволяя установить общий для обоих произведений мотив просветительской миссии, «бремени белого человека» и архетип крестоносца-освободителя. Автор статьи приходит к выводу, что именно побежденные иноверцы, «они» и были той силой, которая заставляла лирического героя развиваться как «я» и «мы» и строить шаткий подвижный авторитет «его», «сверх-я» – Бога, Дьявола, Короля, Человека, подтверждая важную роль местоимений в развитии сюжета песни.

Ключевые слова: Дио, Киплинг, местоимения, история Великобритании, интертекстуальность, архетип, рок-поэзия

Для цитирования: Хохряков А. Местоименные метаморфозы в композиции Р. Дж. Дио «The man who would be king» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 334–340. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-334-340

Целостный литературоведческий анализ произведения невозможен без учета лингвистической составляющей. Конфликт, лежащий в основе художественного произведения, находит выражение в противостоянии субъекта и объекта, индивида и множества, выраженных лингвистически, в том числе и грамматически.

Одним из важнейших средств языковой референции, актуализации и логико-психологического построения высказывания выступают местоимения. Внимание к местоимениям в любом тексте помогает понять, кто его автор, как меняется авторская позиция, и, главное, проследить, как развивается повествование. Личные местоимения «реализуют в тексте широкую палитру семантических и стилистических значений, могут превращаться в средство полного обозначения личности» [1, с. 129] и, как мы увидим ниже, обозначают скрытые черты героя. Не зря этимологически слово «местоимение» означает «вместо имени» [Там же, с. 125].

Местоимения в поэтическом тексте повышают многозначность, поскольку «ограниченное языковое пространство способствует тому, что слово становится семантически осложненным, а смысловые ассоциации углубляются» [2, с. 13]. «Разряд местоимений, в узальной языковой системе не обладающий значительностью, системой стиха выдвигается на первый план, добавочно семантизируется, укрупняется» [3, с. 348]. Многозначность слова возрастает в условиях максимальной компрессии, свойственной для песенного текста [4], [5].

Автор композиции «The Man Who Would Be King» – известный американский автор и исполнитель Ронни Джеймс Дио (1942–2010), лидер хэви-металлической группы Dio (1982–2010). Песня была выпущена им незадолго до смерти на альбоме «Master Of The Moon» (2004) [6]. Являясь американским музыкантом, Дио связан с европейским континентом итальянскими корнями: его мать и отец были выходцами из эмигрантской среды. В детстве Дио любил читать романы Вальтера Скотта, легенды о короле Артуре и научную фантастику [7].

Любители творчества Редьярда Киплинга без труда обнаружат интертекстуальные переклички песни Дио с рассказом британского классика «The Man Who Would Be King» (1888) [8]. На эпоху юношества рок-музыканта приходится создание фильма по рассказу Киплинга с одноименным названием (реж. Джон Хьюстон, 1975) [9]. Герои киплинговского рассказа, отставные британские солдаты викторианской эпохи, ищут себе «королевство» в бывших британских колониях и объявляют себя правителями по праву

более хитрого и сильного господина, а по сути, колонизатора. Однако их замыслы завершаются крахом. Произведение Киплинга «вписывается в традицию «колониальной» прозы, отражая его идеологию «бремени белого человека», «насильственного прогресса» и насаждаемого блага европейской цивилизации» [10, с. 132].

Песня Дио – не единственная в рок-музыке, выступающая отсылкой к рассказу «The Man Who Would Be King». Драматические события, сопряженные с распадом Британской империи в середине XX в., включая участие Великобритании в Корейской войне (1950–1953), Суэцкий кризис (1956), нападки на мигрантов в рядах политической элиты в лице Энока Пауэлла (1968), расстрел мирной демонстрации в Северной Ирландии (1972), растущая инфляция и безработица, протестные движения в сфере энергетики (1973), недоверие к власти – все это находит отражение в искусстве как части общественной жизни, включая британскую литературу [11, с. 165], [12]. Детство рок-музыкантов и их обращение к поэтическому творчеству связано с эпохой, когда молодежь задается вопросом: кто мы, куда идем?

Цитируя «The Man Who Would Be King» в названии песни, Дио выходит за пределы сюжета Киплинга, вычленив архетипические черты героев и объединяя их с эпохой, в которую он создает песню. По признанию Дио, «there's definitely a political tone, reflecting the dangers we face almost everyday in modern life» [13]. – «<В композиции> определенно присутствует политический тон, отражающий опасности, с которыми мы сталкиваемся почти каждый день в современной жизни» (здесь и далее перевод наш. – А. Х.). Будучи американцем, Дио также проводит параллели с современной историей США:

«It started out to be a song about Richard the Lionhearted, who led the first Crusades back in the 9th Century¹. He sends soldiers down to Jerusalem to take the city back from the infidels, who were the Islamic people. As I wrote the song it began to sound like George Bush to me. We have soldiers dying in the Middle East for what I think is no apparent reason. The song evolved into a correlation between the Crusades and what is going on now. I guess that kind of shows that the world really doesn't change now, does it? In those days, they had bows, arrows and

¹ В прямой речи Дио ошибается относительно времени правления Ричарда Львиное Сердце (1157–1199) и датировке первых крестовых походов (XI в. н. э.). Слова Дио относятся скорее к памяти об истории, чем самой истории. Оговорка Дио – типичный пример архетипизации фигуры героя, которая, по сути, упрощается и существует вне времени в сознании более поздних поколений.

knives and now we have nuclear weapons that could destroy the earth. This song is my little political statement but I am not a political person. I don't think musicians should be that. I am not going to stop a war. The only thing that will stop a war is the number of body bags lined up on the pier and the amount of mothers and fathers crying for them» [14]. – «Изначально это была песня о Ричарде Львиное Сердце, который возглавил первые крестовые походы еще в IX веке. Он посылает воинов в Иерусалим, чтобы отбить город у неверных, людей исламского вероисповедания. В процессе написания песни она стала напоминать мне события, связанные с фигурой Джорджа Буша. Наши солдаты умирают на Ближнем Востоке без всякой видимой причины. Песня позволяет соотнести крестовые походы с тем, что происходит сейчас. Полагаю, это прекрасный способ показать, что мир в сущности не меняется, не так ли? Когда-то это были стрелы и мечи, сейчас это ядерное оружие, способное уничтожить землю. Эта песня – мое маленькое политическое заявление, хотя я далек от политики. Я не считаю, что музыкантам следует в нее играть. Я не собираюсь останавливать войну. Единственное, что остановит войну, – это вереница мешков с трупами и количество оплакивающих их матерей и отцов».

Для анализа текста нами был выбран «фанатский» ресурс <http://www.dio.net>, на странице которого представлены все тексты альбома «Master Of The Moon» [15]. К сожалению, многие популярные ресурсы, представляющие собой библиотеки текстов самых разных исполнителей, грешат ошибками в изложении «The Man Who Would Be King» Р. Дж. Дио, поэтому мы остановили выбор именно на этом источнике.

Главный вопрос, который решает герой Дио, – может ли превосходство в физической силе служить основой превосходства веры. Рок-текст Дио построен от первого лица и обращен к разным собеседникам – священнику и иноверцам. Принципиально, что герой «предстает» в двух числах – единственном (*I, me*) и множественном (*we, us*), и в зависимости от этого выстраивает коммуникацию с миром. Противоположная сторона – это некий Святой отец или даже сам Господь Бог (*Father*), а также обезличенные варвары, к которым главный герой обращается прямо (*you people of the sand*) и косвенно (*the ones who don't believe*). Использование разных местоимений позволяет автору четче обозначить уровни конфликта: «мы и иноверцы» (очевидный конфликт), «я и святой отец/Господь» (скрытый конфликт), а также «я и единоверцы» (разворачивающийся конфликт) и, как мы увидим при более детальном изучении, конфликт лирического героя с собственным «я».

Структурно песня Дио «The Man Who Would Be King» не разделена на куплеты и припевы. В

ней разворачиваются две сюжетные линии: разговор со Святым отцом (линия 1) и обращение к иноверцам (линия 2). Они написаны разными стихотворными размерами: линия 1 (одно пятистишие и четыре повторяющихся варьируемых двустистишья) написана каталектическим хореем с варьирующимся количеством стоп; линия 2 (четыре четверостишия) написана трехстопным акаталектическим ямбом. Использование разных стоп «усиливает синтаксис, приближая его к разговорному языку, развивая в нем сказовую, выразительную интонацию, выделяя при помощи коротких строк наиболее выразительные места» [16, с. 289], а частая и нерегулярная смена стоп «позволяет говорить об использовании свободного стиха, что также приближает лирическое повествование к естественной человеческой речи» [17, с. 137], сопрягая его с драматическим изложением. Различие в размере и количестве стоп усиливает контраст сюжетных линий, но и способствует более сложному музыкальному развитию музыкальной композиции.

Песня начинается как разговор со священником. Это видно по ритуальным маркерам “*bless me, father*”, “*confess me, father*”, “*I have sinned*”, которые выражают просьбу о благословении и исповеди. В первом же отрывке присутствуют слова *save, believe, angels*, которые подчеркивают религиозный характер разговора:

«Bless me, father, I must go away
To save us from the ones who don't believe
Confess me, father, I have sinned
But maybe angels really sing
For the man who would be king» [15].

Обратим внимание на исповедальный характер этого разговора, и личные местоимения усиливают это впечатление. Тайная молитва, наряду с тайным постом и тайной милостыней являются основными качествами христианина и должны быть совершены втайне и наедине с самим собой, причем о милостыне упомянуто прежде всего (Матф. 6:1–18). Ритуальные формулы «*благослови*», «*исповедуй*» говорят о просительном характере молитвы [18].

Отношения «я тебе – ты мне» придают разговору со священником характер соглашения и даже сделки: «*благослови, и я спасу*», «*исповедуй, и ангелы воспоют*». При этом вводное *may be* служит экспозицией и предвосхищением дальнейшего конфликта: может быть, это и случится, но не точно. Условием соглашения выступает *to save us from the ones who don't believe* – наказание очевидных участников конфликта сюжетной линии 2 – иноверцев, против которых начинается крестовый поход.

Финальная строка *for the man who would be king* отсылает к одноименному рассказу Р. Киплинга. Как мы отметили выше, Крестовый поход Дио и Крестовый поход у Киплинга – разные походы. Киплинг обращается к образам современников – британских отставных солдат. Дио развивает ассоциативный ряд в сторону архетипизированного героя – Ричарда Львиное Сердце. Условность персонажей в компрессии песенного текста позволяет увидеть в них нечто большее и найти связи с любой эпохой, включая вторжение американцев в Ирак и Афганистан. В силу многозначности слова *king* мы не можем быть уверены, говорится ли здесь о возведении главного героя (лидера правоверных) на царство или речь о Царе небесном. Вместе с тем мы понимаем, что и для Киплинга, и для Дио оба значения пересекаются: это богоизбранность, связь земного правителя с всевышним. «Киплингская» строка в строфе и в заглавии песни предвосхищает развитие событий у Дио: у любого, кто знаком с рассказом Киплинга, подсознательно возникает ощущение, что лирический главный герой Дио – не тот, за кого себя выдает, а потому обречен на неудачу.

Сюжетная линия 2 обнажает конфликт «мы и иноверцы»:

«We laugh at your religion
You people of the sand
We have no superstition
You can read it in our hands» [15].

Синоним для иноверцев – «люди песка», которые могут быть поняты и как мусульмане, захватившие Иерусалим, и как жители полумифической страны Кафиристан из рассказа Р. Киплинга. Обратим внимание, что в этой ситуации лирический герой говорит о себе во множественном числе: *we*. Ассоциируя себя с правоверными, он насмехается над религией чужаков.

Отличительная черта всех строф, обращенных к иноверцам, – скрытый парадокс, противопоставление намерений и поступков. В данном случае это одновременно и убеждение в истинности своей веры, и магическая, внехристианская практика, связанная со словом *read* ‘читать, предсказывать по руке по руке’. По сути, «крестоносцы», желая доказать свою правоту, используют ритуалы чужеземцев.

Продолжением линии 1 выступает просьба о прощении:

«Forgive me, father, for the change we bring
But it's all for the man who would be king» [Там же].

Желание искупления идет рука об руку с идеей миссионерства, которое оправдывает угнетение иноверцев во имя обретения истинного «короля» – Царя Небесного, Бога. Лирический герой осознает необратимые последствия своих деяний, которые меняют привычный уклад иноверцев и, как мы увидим далее, правоверных тоже.

Линия 2 демонстрирует разрушительный характер этих перемен:

«Don't leave a body standing
Not the holy, not the small
Deliver us from evil
If it's yours we want it all» [Там же].

Во-первых, мы обнаруживаем здесь не просто неприятие инаковых ценностей, но и жестокое истребление неверных: «не щадите ни святых (старцев), ни малых (детей)». Во-вторых, в этой строфе также содержится парадокс (с явным ироничным подтекстом): объявляя неверных неугодными, завоеватели претендуют на их богатства: неуютное становится уютным.

Линия 1 продолжает беседу со святым отцом, которая также обнаруживает парадокс: а что если дьявол – это человек, претендующий на место Бога? Конечно, в этом смысле слово *king* стоит понимать многозначно: король, хозяин, Царь небесный и в то же время смертный, покусившийся на священное, Человек в обобщенном, онтологическом смысле:

«Lately, father, I've been wondering
Is the devil just the man who would be king»
[Там же].

Разворачивающийся конфликт заключается в том, что герой не принимает ответственности за личные поступки открыто, а перекладывает их на человеческую природу вообще (*man*). При этом героя беспокоит, что человеческую личину может принять и сам Дьявол. И если иноверцы не рассматриваются им как люди, то увидеть Дьявола в себе, в человеке как вместилище Нечистого – тревожная мысль.

В диалоге со священником (Святым отцом, Богом) лирический герой продолжает говорить о себе в единственном числе. Очевидно, так Дио стремится передать ощущение личной ответственности за содеянное, что говорит о зрелости субъекта и вместе с тем его внутренней противоречивости, что выражается в конфликте героя с самим собой.

В обращении к иноверцам от множественного лица мы наблюдаем иной конфликт: как правое может быть неверным? Тем более, если сила

на стороне правды? А сами правоверные – венец творения? С одной стороны, это риторический вопрос. С другой стороны, если вопрос возникает, то, значит, на противоположном конце существует голос, который мы не слышим:

«How can right be ever wrong?
We are glory, we are stronger than you» [Там же].

В развитии сюжетной линии 2 вопрос к иноверцам сменяется обращением к соплеменникам, братьям по оружию:

«We never got an answer
It's just too late to ask
The bloody flag was waving
Our hearts just ran too fast» [Там же].

Голос варваров более не слышен, возможно, они побеждены (в отличие от рассказа Р. Кипплинга): в воздухе реет кровавое знамя победы. Лирический герой приходит к пониманию, что вопрос о насаждении блага ценой жестокости (*How can right be ever wrong?*) более неуместен: когда враги побеждены, поздно задаваться вопросом о собственной правоте. Получается, что именно побежденные и были той силой, которая заставляла лирического героя развиваться.

В параллельной сюжетной линии 1, лирический герой абстрагируется от «мы» и заканчивает исповедальную беседу со священником и Богом. Реальная это беседа или воображаемая, не имеет значения, важен ее финал: это парадоксальное стремление быть проклятым за совершенные поступки. Лирический герой не усомнился в важности Высшего суда, но при этом разочаровался в человеке. Отсюда в диалог со святым отцом наравне с *me* вводится множественное местоимение *we*:

«Curse me, father, for the chains we bring
And don't believe the man who would be king» [Там же].

Если в интерпретации слова *king* мы придерживаемся его многозначности, то отсылка к Иисусу Христу как Царю Небесному подрывает вопросы веры (*don't believe*). Ведь если и Дьявол, и человек способны взойти на трон, то, значит, исключительность верховного правителя под вопросом. Это не означает, что лирический герой лишен веры, поскольку фигура Христа не равнозначна фигуре Создателя и вселенской истины. Такое противоречивое понимание бога как получеловека встречалось в рок-музыке ранее – в рок-опере Э. Л. Уэббера и Т. Райса «Jesus Christ Superstar» (1970) [19], обусловленное отходом

рок-поэтов от традиционных ценностей в поисках идентичности.

Сюжетная линия 2 замыкается на участниках крестового похода, обнаруживая смещение акцента с «они» (чужие) на четкое противопоставление «я – мы» (свои). Вопрос о смысле насилия адресован от множественного числа. Его возврат в единственное число – там, где это не предусмотрено логической структурой песни, – обретает особую ценность: это личная ответственность лирического героя в диалоге с самим собой, самым строгим судьей на фоне молчания Бога:

«We never got an answer
The question slipped my mind
I've been so busy killing
I haven't found the time» [15].

Местоименные метаморфозы у Дио кореллируют с тем, как описывает себя солдат в рассказе Кипплинга, когда он «говорит о себе в третьем лице, являя пример нарочитого смешения „я“, „нас“ и „его“, обозначая таким образом потерю рассудка» [10, с. 135]. У Дио мы видим четкое разделение героя на «я» и «мы», а также «его» (моральный ориентир, Святой Отец, Господь Бог) в противопоставлении «они» (иноверцы). Разговор со священником доверительный и выстроен в единственном числе; обращение к неверным требует силы, им противопоставлено множественное «мы». В отсутствие ответных реплик повествование Дио превращается в рассуждение лирического героя с самим собой, мысленный диалог с другими возможными участниками действия. В завершение композиции мы приходим к пониманию, что именно побежденные иноверцы, «они», и были той силой, которая заставляла лирического героя развиваться как «я» и «мы» и строить шаткий и подвижный авторитет «его», а точнее, «сверх-я» – Бога, Дьявола, Короля, Человека. Благодаря местоименным метаморфозам Дио удается показать развитие сюжета и эволюцию героя в сжатом пространстве рок-поэтического текста.

Обозначая интертекстуальные переключки с рассказом Кипплинга, Дио обнаруживает общие корни персонажей «The Man Who Would Be King» в британской истории, в эпохе Крестовых походов, устанавливая архетипическое сходство главного героя с Ричардом Львиное Сердце. Употребление местоимений позволяет завуалировать этот архетип, придавая тексту пластичный, вневременной характер. Отчетливый мотив насаждения прогресса путем насилия выходит за пределы британской колониальной доктрины и

позволяет провести аналогии с событиями новейшего времени.

Список источников

1. Советов И. М. Личные местоимения в текстообразовании // Вестник Костромского государственного университета. 2009. Т. 15. № 2. С. 125–129.
2. Мурашева О. П. Семантика и функции местоимений в поэтическом тексте // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 1–2 (38). С. 13–19.
3. Селиверстова О. Н. Местоимения в языке и речи. М.: Наука, 1988. 151 с.
4. Брейтбург В. В. Принцип клипового мышления при создании мюзиклов // Культура культуры. 2020. № 2. С. 103–107.
5. Мокрова Н. И. Песня как явление комплексного характера // Вестник ИрГТУ. 2015. № 6 (101). С. 389–393.
6. Dio – The Man Who Would Be King, 2004. URL: https://www.youtube.com/watch?v=4mgq_PPZ35w (дата обращения: 14.10.2024).
7. Дрибушак В. Ritchie Blackmore. Ловец радуги. М.: Издательство Е. Г. Галининой. 2008. Т. 4. 448 с.
8. Kipling R. The Man Who Would be King. Oxford: Oxford University Press, 2008. 352 p. URL: <https://www.gutenberg.org/files/8147/8147-h/8147-h.htm> (дата обращения: 14.10.2024).
9. The Man Who Would Be King (film), dir. J. Huston, 1975. URL: <https://www.warnerbros.com/movies/man-who-would-be-king> (дата обращения: 14.10.2024).
10. Проскурнин Б. М., Хохряков А. Л. Композиция группы Iron Maiden The Man Who Would Be King и одноименный рассказ Р. Киплинга: интертекстуальное и архетипическое // Филологический класс. 2024. Т. 29. № 1. С. 131–142.
11. Wiener M. J. English Culture and the Decline of the Industrial Spirit. 1850–1980. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 328 p.
12. Bentley N. Contemporary British Fiction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008. 245 p.
13. Studio Report: Dio // Classic Rock. No. 67. June 2004. P. 16.
14. Dio – Inside Master of the Moon. September 20, 2004 // BraveWords. URL: <https://bravewords.com/news/dio-inside-master-of-the-moon> (дата обращения: 14.10.2024).
15. Dio: Master Of The Moon // Dio.Net. URL: http://www.dio.net/lyrics/master_of_the_moon.html (date of access: 14.10.2024).
16. Тимофеев Л. Вольный стих // Литературная энциклопедия: В 11 т. М.: Издательство Коммунистической Академии, 1929. Т. 2. С. 288–292.
17. Abbs P., Richardson, J. The Forms of Poetry: A Practical Study Guide for English (15th ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 218 p.
18. Молитвы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907. URL: <https://rus-brokgauz->

efron.slovaronline.com/83248-Молитвы (дата обращения: 14.10.2024).

19. Михайлова О. С., Нехвядович Л. И. Креативная рецепция библейской музыкальной драмы XIX века в рок-опере Э. Л. Уэббера «Иисус Христос – Суперзвезда» // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2023. Т. 16. № 8. С. 1355–1364.

References

1. Sovetov, I. M. (2009). *Lichnye mestoimeniya v tekstoobrazovanii* [Personal Pronouns in Text Formation]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 15, No. 2, pp. 125–129. (In Russian)
2. Murasheva, O. P. (2004). *Semantika i funktsii mestoimenii v poeticheskom tekste* [Semantics and Functions of Pronouns in Poetic Text]. Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. No. 1–2 (38), pp.13–19. (In Russian)
3. Seliverstova, O. N. (1988). *Mestoimeniya v yazyke i rechi* [Pronouns in Language and Speech]. 151 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
4. Breitburg, V. V. (2020). *Printsip klipovogo myshleniya pri sozdanii myuziklov* [The Principle of Clip Thinking at Creating Musicals]. Kul'tura kul'tury. No. 2, pp. 103–107. (In Russian)
5. Mokrova, N. I. (2015). *Pesnya kak yavlenie kompleksnogo kharaktera* [Song as a Complex Phenomenon]. Vestnik IrGTU, No. 6 (101), pp. 389–393. (In English)
6. Dio (2004). *The Man Who Would Be King*. URL: https://www.youtube.com/watch?v=4mgq_PPZ35w (accessed: 14.10.2024). (In English)
7. Dribushchak, V. (2008). *Ritchie Blackmore. Lovets radugi*. [Ritchie Blackmore. The Rainbow Catcher]. 448 p. Moscow, izdatel'stvo Galininoi E. G. Vol. 4. (In Russian)
8. Kipling, R. (2008). *The Man Who Would be King*. 352 p. Oxford, Oxford University Press. URL: <https://www.gutenberg.org/files/8147/8147-h/8147-h.htm> (accessed: 14.10.2024). (In English)
9. *The Man Who Would Be King* (film) (1975). Dir. J. Huston, URL: <https://www.warnerbros.com/movies/man-who-would-be-king> (accessed: 14.10.2024). (In English)
10. Proskurnin, B. M., Khokhryakov, A. L. (2024). *Kompozitsiya gruppy Iron Maiden The Man Who Would Be King i odnoimennyi rasskaz R. Kiplinga: intertekstual'noe i arkhetyipicheskoe* [Iron Maiden's The Man Who Would Be King and the Initial Short Story by R. Kipling: The Intertextual and Archetypal]. Filologicheskii klass. Vol. 29, No. 1, pp. 131–142. (In Russian)
11. Wiener, M. J. (1981). *English Culture and the Decline of the Industrial Spirit. 1850 – 1980*. 328 p. Cambridge, Cambridge University Press. (In English)
12. Bentley, N. (2008). *Contemporary British Fiction*. 245 p. Edinburgh, Edinburgh University Press. (In English)
13. *Studio Report: Dio* (2004). Classic Rock. No. 67, p. 16. (In English)

14. Dio – *Inside Master of the Moon*. (2004). BraveWords. URL: <https://bravewords.com/news/dio-inside-master-of-the-moon> (accessed: 14.10.2024). (In English)
15. Dio: *Master of the Moon*. Dio.Net. URL: http://www.dio.net/lyrics/master_of_the_moon.html (accessed: 14.10.2024). (In English)
16. Timofeev, L. (1929). *Vol'nyi stikh* [Free Verse]. Literaturnaya entsiklopediya. Vol. 2, pp. 288–292. Moscow, izdatel'stvo Kommunisticheskoi Akademii. (In Russian)
17. Abbs, P., Richardson, J. (1990). *The Forms of Poetry: A Practical Study Guide for English*. 218 p. Cambridge, Cambridge University Press. (In English)
18. Molitvy [Prayers]. Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona. URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/83248-Molitvy> (accessed: 14.10.2024). (In Russian)
19. Mikhailova, O. S., Nekhvyadovich, L. I. (2023). *Kreativnaya retseptsiya bibleiskoi muzykal'noi dramy XIX veka v rok-opere E.L. Uebbera "Iisus Khristos - Superzvezda"* [The Creative Adaptation of 19th Century Biblical Musical Drama in Andrew Lloyd Webber's Rock Opera "Jesus Christ Superstar"]. Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Vol. 16, No. 8, pp. 1355–1364. (In Russian)

The article was submitted on 15.11.2024
Поступила в редакцию 15.11.2024

Хохряков Андрей Леонидович,
аспирант,
старший преподаватель,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет (ПГНИУ),
614068, Россия, Пермь,
Букирева, 15.
andreipsu@gmail.com

Khokhryakov Andrei Leonidovich,
graduate student,
Assistant Professor,
Perm State National Research University
(PSNU),
15 Bukireva Str.,
Perm, 614068, Russian Federation.
andreipsu@gmail.com

РОЛЬ ПЕРЕВОДА В ИССЛЕДОВАНИИ КОНФУЦИАНСТВА: ТРУДЫ УЧЕНЫХ ИНСТИТУТА КИТАЯ И СОВРЕМЕННОЙ АЗИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

© Чан Ваньцзун, Татьяна Бочина

THE ROLE OF TRANSLATION IN THE STUDY OF CONFUCIANISM: WORKS OF SCHOLARS FROM THE INSTITUTE OF CHINA AND MODERN ASIA OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Chang Wanjun, Tatyana Bochina

The article presents an overview of works on Confucianism prepared by researchers from the Institute of China and Modern Asia (Institute of Far East) in the post-Soviet period. Particular attention is paid to the history of scholars' translation activities, which in this period became increasingly intensive. The article focuses on the translations of the classical canons 四书 "The Four Books" and 五经 "The Pentateuch", which had a great influence on the spiritual culture of China. Translations of Confucian works are compared in the framework of "scientific - poetic, special - popular, full – partial". The aim of the study is to determine the role of translation in the study and popularization of Confucian philosophy. The paper demonstrates that the translations by scholars from the Institute of China and Modern Asia are based on a deep theoretical analysis of Confucian philosophy, the study of original sources in Chinese, taking into account the scientific results of Chinese textual scholars and clarifying previous Russian-language translation versions. Thus, many years of research on Confucianism have prepared the ground for the rapid development of translation in this sphere. At the same time, the appearance of new translated versions and translations of Chinese monuments, previously unknown to Russian readers, on the one hand, contribute to the deepening and intensification of scientific research on Confucianism; on the other hand, they popularize an important component of Chinese spiritual culture due to the accessibility of the presentation of postulates and a wide-range-of-readers orientation of new translations. The article concludes that the bi-directionality (scholarly research - translation, translation - scholarly research) and mutual enrichment of scholarly and translation activities have contributed to the emergence of a large number of good books that synergistically combine scholarly accuracy and objectivity with a popular style of presentation that is close to modern readers.

Keywords: Confucianism, Chinese canon, Four Books, The Pentateuch, translation from Chinese into Russian, Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences

Статья представляет собой обзор трудов по вопросам конфуцианства, подготовленных исследователями Института Китая и современной Азии (Института Дальнего Востока) в постсоветский период. Особое внимание уделяется истории переводческой деятельности ученых, которая в данный период приобрела необычайную интенсивность. Главное внимание уделяется переводам классических канонов 四书 «Четверокнижие» и 五经 «Пятиканоние», оказавших определяющее влияние на духовную культуру Китая. Переводы конфуцианских памятников сопоставляются в аспекте научный – поэтический, специальный – популярный, полный – частичный. Целью исследования является определение роли перевода в изучении и популяризации конфуцианской философии. В работе демонстрируется, что переводы ученых Института Китая и современной Азии основаны на глубоком теоретическом анализе конфуцианской философии, изучении оригинальных источников на китайском языке и учете научных результатов китайских текстологов, уточнении предшествующих русскоязычных переводческих версий. Таким образом, многолетние исследования конфуцианства подготовили почву для бурного развития переводческой деятельности в этой сфере. В то же время появление новых переводческих версий и переводов ранее не известных русскому читателю китайских памятников способствовали, с одной стороны, углублению и активизации научных исследований конфуцианства, а с другой – популяризации важной составляющей ду-

ховной культуры Китая благодаря доступности изложения постулатов и ориентированности новых переводов на широкий круг читателей. Делается вывод о том, что двунаправленность (научное исследование – перевод, перевод – научное исследование) и взаимообогащение научной и переводческой деятельности способствовали появлению большого числа книг, в которых синергетически сочетаются научная точность и объективность и популярный, приближенный к современному читателю, стиль изложения.

Ключевые слова: конфуцианство, китайский канон, четверокнижие, пятиканоние, перевод с китайского языка на русский, Институт Китая и современной Азии РАН

Для цитирования: Чан Ваньцзюн, Бочина Т. Роль перевода в исследовании конфуцианства: труды ученых Института Китая и современной Азии Российской Академии наук // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 341–347. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-341-347

Современный этап исследования конфуцианства в России ознаменовался значительным ростом переводов конфуцианской классики. Несмотря на то что первые переводы на русский язык китайских канонов известны еще с XVIII в. [1, с. 59], на протяжении длительного периода, особенно в XX в., в российской синологии количество переводов китайских источников значительно уступало историко-философскому теоретическому осмыслению учения Конфуция и монографическим исследованиям, ориентированным в первую очередь на специалистов. Для этого, безусловно, существовали весьма серьезные объективные причины. Прежде всего, классические тексты, написанные на древнекитайском языке *вэньянвэнь*, требуют специального декодирования и внутриязыкового перевода на современный китайский язык, сопровождающегося толкованиями и пояснениями, без чего даже для китайского читателя древние тексты остаются непонятными. При этом для внутриязыковых переводов весьма существенной проблемой является перевод многозначных терминов (см., напр., анализ переводов числа *три* в статье Сюй Жуй [2]). Во-вторых, специфика перевода философского текста связана с точным пониманием авторской интенции и адекватностью отражения лингвокультурных концептов, стоящих за подавляющим большинством конфуцианских терминов, в связи с чем перевод конфуцианских памятников немыслим без погружения в сущность древнекитайской философии.

В постсоветский период переводческая деятельность в синологии существенно оживилась, при этом китаисты адресовали ее результаты уже не только зрелым и (или) молодым ученым, но и широкому кругу читателей, что определило разнообразие и вариативность переводов (частичный и полный перевод памятника, научный и поэтический перевод одного и того же текста).

Безусловно, значительный вклад в перевод китайских канонических текстов внесли иссле-

дователи Института Китая и современной Азии РАН (далее – ИКСа) (до 2022 г. Институт Дальнего Востока РАН). Остановимся на их переводах канонов, знаковых для конфуцианства. Общеизвестно, что определяющее влияние на духовную культуру Китая оказали такие труды, как *四书* «Четверокнижие» и *五经* «Пятиканоние».

Как известно, *四书* («Сы шу») «Четверокнижие» [3] состоит из канонов о человеке и нормах поведения под названиями *大学* «Да сюэ» («Великое учение»), *中庸* «Чжун юн» («Следование середине»), *论语* «Лунь юй» («Суждения и беседы») и *孟子* «Мэн-цзы». Данные тексты на протяжении более шести веков (с четырнадцатого по двадцатый) составляли важную часть государственного экзамена для детей и юношей и являлись, таким образом, основой китайского образования и воспитания. Прежде чем был осуществлен полный русский перевод этого программного памятника конфуцианства, российскими синологами были неоднократно осмыслены и переведены его составные части, которые нередко рассматриваются как самостоятельные творения.

Целых пять переводческих версий создано учеными ИКСа для суждений и бесед «Лунь Юй». В 1994 г. был опубликован частичный перевод А. Е. Лукьянова, вошедший в книгу о даосизме «Начало древнекитайской философии» [4]. Это объясняет, почему ученый свое внимание сконцентрировал только на тех фрагментах из Лунь Юй, которые посвящены Дао и Дэ. Позднее А. Е. Лукьянов издал полный перевод «Лунь Юй» в составе книги «Лао-цзы и Конфуций: Философия дао» [5]. В данном труде, как и во многих других изданиях, подготовленных в ИКСа, теоретическое осмысление даосской и конфуцианской философии подкрепляется авторским научным переводом памятников древнекитайской философии.

Первым научным (исследовательско-комментаторским) переводом канонического

текста «Суждений и бесед» признан труд Л. С. Переломова [6], который стал вершиной огромной предварительной работы: детального изучения жизни и учения Конфуция, а также влияния его философии на духовную культуру Китая и других стран региона с древности до наших дней; сопоставления множества переводов «Лунь юй» на современный китайский, русский, английский, французский, немецкий, корейский и японский языки. Научный подход позволил автору, по общему признанию синологов, в своем переводе воссоздать первоначальный смысл древнего канона¹. Подлинная научность перевода Л. С. Переломова сочетается с доступностью текста для понимания неспециалистами благодаря изящным и точным комментариям как самого переводчика, так и известных текстологов Китая. Множество пояснений, избавляющих от возможных непониманий, дается также в Приложении к книге.

От научных переводов, сопровождаемых комментариями и пояснениями переводчиков, существенно отличаются поэтические. Первый в мире поэтический перевод «Лунь Юй» вышел в 2017 г. в составе двухтомника «Китайская философская классика в поэтических переводах» [8], содержащего поэтические переводы пяти произведений древнекитайских текстов. Позднее была издана книга, в которой главный текст конфуцианства приведен в оригинале, в научном переводе А. Е. Лукьянова и поэтическом переводе В. П. Абраменко [9].

Об огромной социальной значимости этой работы ученых ИКСА свидетельствует тот факт, что в специальный выпуск Российской газеты под названием «Дыхание Китая» [10] включены образцы параллельных переводов из «Лунь юй».

Еще один вариант частичного научного перевода «Лунь юй» принадлежит перу А. Маслова, известного российского востоковеда, неразрывно связанного с ИКСА. Данная версия переводного текста сделана с целью иллюстрации монографического изложения истории жизни и идей Конфуция [11].

Как уже отмечалось, специфической трудностью перевода китайских философских текстов является подбор русских эквивалентов к ключевым конфуцианским терминам, данную проблему различные переводчики решают по-разному. Однако анализ переводческих соответствий не входит в наши задачи, ибо требует специальных исследований. Например, целая глава диссертации

Чэнь Л. посвящена способам передачи основных философских терминов конфуцианства 仁 [жэнь] ‘гуманность’, 义 [и] ‘справедливость’, 礼 [ли] ‘ритуал’, 知 [чжи] ‘мудрость’, 信 [синь] ‘искренность’ и др. [12, с. 47–86]. В диссертации Ван Цзянли [13] подробно анализируются особенности номинаций модусных субъектов, например, философ / учитель / наставник; князь / государь / император / правитель / владетель и др., и диктумных субъектов, к примеру, благородный / совершенный муж, с одной стороны, и маленький / низкий / подлый / малый человек – с другой. Ван Цзянли в своей диссертации выявляет предпочтения переводчиков, а также анализирует соответствие переводческих версий традициям как китайской, так и русской лингвокультуры.

Что касается другой части «Четверокнижия» – 中庸 «Чжун юн» («Следование середине»), то на сегодняшний день в ИКСА были созданы две версии перевода: научная [14] и поэтическая [15].

В 2003 г. увидела свет книга «Конфуцианский трактат „Чжун юн“», подготовленная профессором Института Дальнего Востока А. Е. Лукьяновым [14]. Кроме перевода самого составителя под названием «Следование середине», в это издание вошли переводческие версии Д. Конисси «Средина и постоянство» (Священная книга последователей Конфуция, 1895), В. Г. Бурова «Учение о середине» и В. Б. Югай «Срединное-обыкновенное». Примечательно, что сама В. Б. Югай рассматривает свой перевод как лингвистическую передачу текста, которая понимается как «максимально точное отражение языковой ткани, а скорее ее неоднородности, специфической для китайского языка и культуры» [Там же, с. 70]. По сложившейся традиции, под одной обложкой научный перевод дается вместе с исследовательскими статьями переводчиков: так, весьма подробный анализ китайского памятника (более 80 страниц) опубликовал А. Е. Лукьянов.

В 2017 г. ИКСА выпустил поэтический вариант перевода «Чжун юн», осуществленный В. П. Абраменко [15]. Широко известный своими поэтическими переводами автор определяет жанр трактата «Чжун юн» (как и других конфуцианских канонических текстов) как философскую поэзию, в которой «задаются моральные горизонты китайского духа, его интеллектуальные ценности, и здесь же, повинувшись искренности Великого Учителя, неминуемо пересекаются пути философии и поэзии» [Там же, с. 7]. Вполне закономерно, что именно поэтичность содержания и формы (в частности, особый ритм) первоисточников мотиви-

¹ О переводе Л. С. Переломова в сопоставлении с 7 предшествующими переводческими версиями см.: [7].

вирует высокую значимость поэтических переводов, мастером которых признан В. П. Абраменко: «Как и „Лунь юй“, „Чжун юн“ поёт голо- сом просветлённой культуры, уместая в себе и музыку, и ритуал, и стихи, т. е. поэзию» [Там же].

Многолетняя переводческая и научно-исследовательская деятельность ученых ИКСА увенчалась юбилейным изданием главного трактата конфуцианской философии. К 2555-летию Конфуция в 2004 г. учеными Института Дальнего Востока впервые в России был подготовлен и издан перевод на русский язык полного свода конфуцианских канонических текстов 四书 («Сы шу») «Четверокнижие» [3]. Редактор данного издания, ведущий китаевед Л. С. Переломов, собрал в книге наиболее известные и признанные научным сообществом переводы четырех памятников: «Великое учение» («Да сюэ») представлено в переводе ведущего китаиста Института Дальнего Востока А. И. Кобзева; канон «Следование середине» («Чжун юн») дан в переводческой версии А. Е. Лукьянова; трактат «Суждения и беседы» («Лунь юй») – в переводе Л. С. Переломова, а текст «Мэн-цзы» – в трактовке классика российского китаеведения П. С. Попова, опубликованной более ста лет назад [16]. Во вступительной статье (которую с полным правом можно назвать программной) [Там же, с. 10–70] президент Русского конфуцианского фонда Л. С. Переломов убедительно показал, что «Четверокнижие» – ключ к постижению конфуцианства, разъяснив широкому кругу читателей, «когда и в каких исторических условиях возникло конфуцианство, как на основе конфуцианских принципов и моделей управления была построена империя, сохранившаяся без каких-либо структурных изменений с III в. до н. э. вплоть до 1911 г.» [Там же, с. 10]. Важнейшей идеей вступительного слова российского синолога является указание на триединую сущность учения Конфуция, на то, что при всем «разномыслии» философских суждений и бесед их ключевыми проблемами всегда были человек, общество и государство.

Научная составляющая сборника переводов «Четверокнижия» реализована не только во вступительной статье и заключении-обзоре на китайском языке о «Сы-шу» в России авторства Л. С. Переломова, но также во Введениях к каждому из четырех переводов, которые содержат справочную информацию об истории оригинального текста, смысле его названия и сущности данной части конфуцианского учения, а также обзор имеющихся переводов на русский язык.

Кроме того, издание содержит указатели имен и письменных памятников.

Наряду с «Четверокнижием» канонизированным памятником раннего конфуцианства является 易经 «И Цзин» («Пятиканоние»), в изучение и перевод которого большой вклад внесли ученые ИКСА. С 1992 по 2020 г. опубликовано пять переводческих версий классических канонов. Три из них сделаны А. Е. Лукьяновым: сначала вышли два частичных перевода различных фрагментов памятника [17], [18], а через 25 лет после первой версии знаменитый синолог издал полный перевод «И цзин» [19]. В этой книге по традиции изданий ИКСА научный перевод неразрывно связан с детальным анализом истории оригинала, вариантов названий канона, исследованием роли данного источника в духовной культуре Китая.

Важнейший конфуцианский канон 尚书 «Шан Шу», несмотря на его значимость в китайской философии, традиционной и политической культуре страны, долгое время практически не исследовался российскими учеными из-за отсутствия полного перевода: за сто лет (1885–1981) было переведено на русский язык всего 30 % китайского текста [20, с. 252]. Данный пробел был восполнен в 2014 г. В. М. Майоровым, осуществившим первый полный перевод «Шан шу» на русский язык [21]. Вне всяких сомнений, и сам перевод, и историографический анализ, и сопоставление трех версий китайского текста обогатили российское китаеведение и открыли новые возможности для исследований конфуцианства².

И, наконец, нельзя не вспомнить полный поэтический перевод 诗经 «Ши цзин» В. П. Абраменко [23]. Заметим, что «Канон стихов» неоднократно привлекал внимание сиологов и до В. П. Абраменко переводился 7 раз [1, с. 68]. Однако выпущенный ИКСА в 2014 г. новый поэтический перевод опирался на научный перевод А. Е. Лукьянова, а примечания к тексту написаны еще одним профессором ИКСА В. М. Майоровым, что, безусловно, обогатило поэтическую интерпретацию научной точностью.

Последнее десятилетие ознаменовалось расширением научной и переводческой деятельности ученых ИКСА, которые обратили свое внимание и на другие каноны раннего конфуцианства, а также нео- и современного конфуцианства. Приведем лишь один пример. В 2022 г. впервые опубликован полный русский перевод конфуцианского памятника 孔子家语 «Кун-цзы цзя юй», содержание которого составляют истории из

² Подробный анализ особенностей перевода дан в рецензии Г. С. Поповой и М. Ю. Ульянова [22].

жизни великого древнекитайского философа Конфуция, его беседы с ближайшими учениками, а также видными политическими деятелями того времени. По признанию автора монографии Анастасии Юрьевны Блажкиной, «в ней не только освещены этические и онтологические постулаты конфуцианства, но и подробно раскрыто значение важнейших ритуальных практик, повлиявших на всю традиционную культуру Востока» [24, с. 12] (о философской направленности данного перевода см. рецензию Л. В. Стеженской [25]).

Итак, больше всего переводов канонов раннего конфуцианства было создано учеными ИКСА в постсоветский период. Данные переводы основаны на глубоком теоретическом анализе конфуцианской философии, изучении оригинальных источников на китайском языке и учете научных результатов китайских текстологов, уточнении предшествующих русскоязычных переводческих версий. Таким образом, многолетние исследования конфуцианства подготовили почву для бурного развития переводческой деятельности в этой сфере. В то же время появление новых переводческих версий и переводов ранее не известных русскому читателю китайских памятников способствовали, с одной стороны, углублению и активизации научных исследований конфуцианства, а с другой – популяризации важной составляющей духовной культуры Китая благодаря доступности изложения постулатов и ориентированности новых переводов на широкий круг читателей. Такая двунаправленность (научное исследование – перевод, перевод – научное исследование), взаимообогащение научной и переводческой деятельности способствовали появлению большого числа книг, в которых синергетически сочетаются научная точность и объективность и популярный, приближенный к современному читателю стиль изложения.

Мы благодарны за то, что данное исследование было профинансировано проектом Citation Project (G2023011007L) и проектом Фонда гуманитарных и социальных наук Министерства образования (ЗУЯ740040). Мы благодарим Хэйлунцзянский университет науки и технологии за предоставление исследовательской платформы.

We are grateful that this study was funded by the project of Citation Project (G2023011007L) and the project of Humanities and Social Sciences Foundation of the Ministry of Education (ЗУЯ740040). We thank Heilongjiang University of Science and Technology for providing the research platform.

Список источников

1. Лю Жун. Исследование конфуцианства ИКСА РАН после распада СССР: дис. ... магистр. филол. наук: Цзинань, 2023. 147 с.
2. Сюй Жуй. Герменевтический подход в переводе китайских философских текстов (на примере русских переводов «Лунь Юя») // Новый филологический вестник. 2018. № 3 (46). С. 253–261.
3. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). Пер. с кит. и коммент. А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л. С. Переломова, П. С. Попова при участии В. М. Майорова. М.: Вост. лит., 2004. 431 с.
4. Лукьянов А. Е. Начало древнекитайской философии: [перевод с древнекитайского основных текстов и фрагментов трактата]. М.: Радикс, 1994. 109 с.
5. Лукьянов А. Е. Лао-Цзы и Конфуций. Философия Дао. М.: Вост. лит. РАН, 2000. 383 с.
6. Переломов Л. С. Конфуций. Лунь Юй. М.: Восточная литература, 1998. 588 с.
7. Ли Юйхань, Ли Минхуэй. Межкультурная интерпретация классики: перевод и распространение «Лунь юй» в России // Мир науки, культуры и образования. 2022. № 2 (93). С. 434–436.
8. Абраменко В. П. Китайская философская классика в поэтических переводах: В 2 т. М.: ИДВ; Чэнду, 2017. Т.1– 635 с.; Т. 2 – 348 с.
9. Конфуций. Суждения и беседы. Лунь юй. Научный перевод [с китайского]: А. Е. Лукьянов, поэтический перевод: В. П. Абраменко. М.: Шанс, 2018. 420 с.
10. Российская газета – Спецвыпуск: Дыхание Китая. 29.03.2022. № 66 (8714). URL: <https://rg.ru/2022/03/29/rg-predstavliaet-nauchnyj-i-poeticheskij-perevod-besed-iz-filosofskogo-traktata-lun-iuj.html> (дата обращения: 15.09.2024).
11. Маслов А. А. Конфуций. Беседы с одиноким мудрецом. М.: Рипол Классик, 2020. 320 с.
12. Чэнь Лян. Лингвокультурологический анализ китайского трактата «Лунь Юй» и его переводов на русский язык: дис. ...канд. филол. наук: М., 2022. 175 с.
13. Ван Цзяньли. Лингвистический анализ русских переводов трактата «Лунь юй»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: М., 2016. 23 с.
14. Конфуцианский трактат «Чжун юн»: Переводы и исследования / Сост. А. Е. Лукьянов; Отв. ред. М. Л. Титаренко. М.: Вост. лит., 2003. 247 с.
15. Чжун юн (Следование середине) / поэтический перевод В. П. Абраменко. М.: ИДВ РАН, 2017. 100 с.
16. Попов П. С. Китайский философ Мэн-Цзы: Перевод с китайского, снабженный примечаниями. Послесл. Л. С. Переломова. Репринт. изд. М.: Восточная литература, 1998. 278 с.
17. Лукьянов А. Е. Дао «Книги Перемен». М.: ИНСАН, 1993. 240 с.
18. И цзин. Канон перемен: пер. и исслед. / сост. А. Е. Лукьянов; [пер. с кит. Ю. К. Щуцкий, А. Е. Лукьянов]. М.: Вост. лит. РАН, 2005. 245 с.

19. И цзин (Канон перемен) / Пер. и примеч. А. Е. Лукьянова. М.: ИПЦ «Маска»; Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2018. 392 с.

20. Попова Г. С. Введение в системное описание Шуцзина («Канона [исторических] документов») как исторического источника // Общество и государство в Китае. 2012. Т. 42. № 1. С. 240–257.

21. Чтимая книга: Древнекитайские тексты и перевод «Шан шу» («Шу цзин») и «Малого предисловия» («Шу сюй»). Подгот. древнекит. текстов В. М. Майорова; Л. В. Стеженской. М.: ИДВ РАН, 2014. 1149 с.

22. Попова Г. С., Ульянов М. Ю. Чтимая книга: древнекитайские тексты и перевод «Шан шу» («Шу Цзина») и «Малого предисловия» («Шу сюй»). Подгот. древнекит. текстов и илл., пер., примеч. и предисл. В. М. Майорова; послесл. В. М. Майорова и Л. В. Стеженской. М.: ИДВ РАН. 2014. 1149 с. // Восток (Oriens). 2016. № 4. С. 213–224.

23. Канон поэзии. Ши цзин / поэтический пер. [кит.] В. П. Абраменко. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2015. 397 с.

24. Кун-цзы цзя юй (Речи школы Конфуция) / пер. с кит., исслед. и примеч. А. Ю. Блажкиной; отв. ред. В. М. Майоров; Ин-т Китая и совр. Азии РАН. М.: ИКСА РАН, 2022. 318 с.

25. Стеженская Л. В. Кун-цзы цзя юй (Речи школы Конфуция): К выходу русского перевода А. Ю. Блажкиной // Российское китаеведение. 2022. № 1. С. 223–230.

References

1. Lyu Zhun (2023). *Issledovanie konfutsianstva IKSA RAN posle raspada SSSR: Diss. ... magistr filol.n.* [Study of Confucianism by IKS RAS after the Collapse of the USSR: Master's Thesis]. Czzinan', 147 p. (In Chinese)

2. Syui Zhui (2018). *Germeneticheskii podkhod v perevode kitaiskikh filosofskikh tekстов (na primere russkikh perevodov "Lun' Yuya")* [Hermeneutic Approach in Translation of Chinese Philosophical Texts (based on Russian translations of "Lun Yuya")]. *Novyi filologicheskii vestnik*. No. 3(46), pp. 253–261. (In Chinese)

3. *Konfutsianskoe "Chetveroknizhie" ("Sy' shu")* (2004) [Confucian "Four Books" ("Sy Shu")]. Per. s kit. i komment. A. I. Kobzeva, A. E. Luk'yanova, L. S. Perelomova, P. S. Popova pri uchastii V. M. Maiorova. 431 p. Moscow, Vost. lit. (In Russian)

4. Luk'yanov, A. E. (1994). *Nachalo drevnekitaiskoi filosofii* [The Beginning of Ancient Chinese Philosophy]. *Perevod s drevnekitaiskogo osnovnykh tekстов i fragmentov traktata*. 109 p. Moscow, Radiks. (In Russian)

5. Luk'yanov, A. E. (2000). *Lao-Czy' i Konfutsii. Filosofiya Dao* [Lao Tzu and Confucius. Philosophy of Tao]. 383 p. Moscow, Vost. lit. RAN. (In Russian)

6. Perelomov, L. S. (1998). *Konfutsii. Lun' Yui* [Confucius. Lun Yu]. 588 p. Moscow, Vostochnaya literatura. (In Russian)

7. Li Yuihan', Li Minhuei (2022). *Mezhkul'turnaya interpretatsiya klassiki: perevod i rasprostranenie "Lun' yui" v Rossii* [Intercultural Interpretation of the Classics: Translation and Distribution of "Lun Yu" in Russia]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya*. No. 2 (93), pp. 434–436. (In Russian)

8. Abramenko, V. P. (2017). *Kitaiskaya filosofskaya klassika v poe'ticheskikh perevodakh: V 2 t.* [Chinese Philosophical Classics in Poetic Translations: In 2 Volumes]. Moscow, IDV; Che'ndu. (In Russian)

9. Konfutsii (2018). *Suzhdeniya i besedy. Lun' yui* [Judgments and Conversations. Lun Yu]. *Nauchny'i perevod s kitaiskogo: A. E. Luk'yanov; poe'ticheskii perevod: V. P. Abramenko*. 420 p. Moscow, Shans. (In Russian)

10. *Rossiiskaya gazeta - Spetsvypusk: Dy'khanie Kitaya* [Rossiyskaya Gazeta – Special Issue: Breath of China]. 29.03.2022. No. 66 (8714). URL: <https://rg.ru/2022/03/29/rg-predstavliaet-nauchnyj-i-poeticheskij-perevod-besed-iz-filosofskogo-traktata-lun-iuj.html> (accessed: 15.09.2024). (In Russian)

11. Maslov, A. A. (2020). *Konfutsii. Besedy s odinokim mudretsom* [Confucius. Conversations with a Lonely Sage]. 320 p. Moscow, Ripol Klassik. (In Russian)

12. Chen' Lyan (2022). *Lingvokul'turologicheskii analiz kitaiskogo traktata "Lun' Yui" i ego perevodov na russkii yazyk: diss. ...kand.filol.n.* [Linguocultural Analysis of the Chinese Treatise "Lun Yu" and Its Translations into Russian: Ph.D. Thesis]. Moscow, 175 p. (In Russian)

13. Van Czzyan'li (2016). *Lingvisticheskii analiz russkikh perevodov traktata "Lun' yui": avtoref. diss. ... kand.filol.n.* [Linguistic Analysis of Russian Translations of the Treatise "Lun Yu": Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 23 p. (In Russian)

14. *Konfutsianskii traktat "Chzhun yun"* (2003) [Confucian Treatise "Zhong Yong"]. *Perevody i issledovaniya*. Sost. A. E. Luk'yanov; Otv. red. M. L. Titarenko. 247 p. Moscow, Vost. lit. (In Russian)

15. *Chzhun yun (Sledovanie seredine)* (2017) [Zhong Yong (Following the Middle)]. *Poeticheskii perevod* V. P. Abramenko. 100 p. Moscow, IDV RAN. (In Russian)

16. Popov, P. S. (1998). *Kitaiskii filosof Me'n-Czy'* [Chinese Philosopher Mencius]. *Perevod s kitaiskogo, snabzhenny'i primechaniyami*. Poslesl. L. S. Perelomova. Reprint. izd. 278 p. Moscow, Vostochnaya literatura. (In Russian)

17. Luk'yanov, A. E. (1993). *Dao "Knigi Peremen"* [The Tao of "The Book of Changes"]. 240 p. Moscow, INSAN. (In Russian)

18. *I tszin. Kanon peremen* (2005) [I Ching. Canon of Changes]. Per. i issled. Sost. A. E. Luk'yanov; per. s kit. Yu. K. Shchutskii, A. E. Luk'yanov. 245 p. Moscow, Vost. lit. RAN. (In Russian)

19. *I tszin (Kanon peremen)* (2018) [I Ching. Canon of Changes]. Per. i primech. A. E. Luk'yanova. 392 p. Moscow, IPCz "Maska"; Che'ndu: Sy'chuan' zhe'n'min' chuban'she'. (In Russian)

20. Popova, G. S. (2012). *Vvedenie v sistemnoe opisanie Shuczzina ("Kanova (istoricheskikh) dokumentov") kak istoricheskogo istochnika* [Introduction to the Systematic Description of Shujing (Canon of (His-

torical) Documents) as a Historical Source]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. T. 42, No. 1, pp. 240–257. (In Russian)

21. *Chtimaya kniga: Drevnekitaiskie teksty i perevod "Shan shu" ("Shu tszin") i "Malogo predisloviya" ("Shu syui")* (2014) [The Revered Book: Ancient Chinese Texts and Translation of "Shang shu" ("Shu jing") and "Small Preface" ("Shu xu")]. Podgot. drevnekit. tekstov V. M. Maiorova; L. V. Stezhenskoi. 1149 p. Moscow, IDV RAN. (In Russian)

22. Popova, G. S., Ul'yanov, M. Yu. (2014). *Chtimaya kniga: drevnekitaiskie teksty i perevod "Shan Shu" ("Shu Tsu") i "Malogo predisloviya" ("Shu Syui")* [A Revered Book: Ancient Chinese Texts and Translation of "The Shang Shu" ("Shu Jing") and "The Small Preface" ("Shu Xu")]. Podgot. drevnekit. tekstov i ill., per., primech. i predisl. V. M. Maiorova; poslesl. V. M.

Maiorova i L. V. Stezhenskoi. Moscow, IDV RAN. 1149 p. Vostok (ORIENS), No. 4, pp. 213–224. 2016. (In Russian)

23. *Kanon poe'zii. Shi tszin* (2015) [Canon of Poetry. Shi Jing]. Poe'ticheskii per. [kit.] V. P. Abramenko. 397 p. Moscow, In-t Dal'nego Vostoka RAN. (In Russian)

24. *Kun-tsy tszya yui (Rechi shkoly Konfutsiya)* (2022) [Kongzi yia yu (Speeches of the Confucius School)]. Per. s kit., issled. i primech. A. Yu. Blazhkinoi; otv. red. V. M. Maiorov; In-t Kitaya i sovr. Azii RAN. 318 p. Moscow, IKSA RAN. (In Russian)

25. Stezhenskaya, L. V. (2022). *Kun-tsy tszya yui (Rechi shkoly Konfutsiya)* [Kongzi yia yu (Speeches of the Confucius School)]. K vykhodu russkogo perevoda A. Yu. Blazhkinoi. Rossiiskoe kitaevedenie. No. 1, pp. 223–230. (In Russian)

The article was submitted on 24.10.2024

Поступила в редакцию 24.10.2024

Чан Ваньцзюнь,
постдокторантура,
Хэйлунцзянский университет,
лектор,
Хэйлунцзянский университет науки
и технологий,
150080, Китай, Харбин,
74, Xuefu Road, Nangang District Str.,
1959808630@qq.com

Бочина Татьяна Геннадьевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
tbochina@yandex.ru

Chang Wanjun,
postdoctoral student,
Heilongjiang University,
Lecturer,
Heilongjiang University of Science
and Technology,
74 Xuefu Road, Nangang District Str.,
Harbin, 150080, China.
1959808630@qq.com

Bochina Tatyana Gennadevna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
tbochina@yandex.ru

УДК 372.881.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-348-355

РЕГИОНОВЕДЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ УРОКОВ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

© Лилия Абдуллина, Шаура Рахматуллина, Лиана Саттарова

REGIONAL STUDIES SCOPE OF BASHKIR LANGUAGE LESSONS IN PRIMARY SCHOOL

Liliya Abdullina, Shaura Rakhmatullina, Liana Sattarova

The article discusses the issue of studying the Bashkir language as a state language in Russian-language educational institutions. The relevance of the study lies in the fact that the tasks of language education, as a factor in an individual's adaptation in the social environment, are among the most in demand. They are considered by scholars, methodologists, and are reflected at the legislative level. The article defines the concepts of "a communicative competence", "a cultural competence" and "a regional studies competence". We analyze programs and textbooks on the Bashkir language, included in the current Federal List of Textbooks, to determine the study content, designed to develop appropriate competencies, and the role of regional studies competence in the development of speech activity and students' coherent speech, and discuss the regional studies scope of Bashkir language lessons in primary school. As a result of the analysis of textbooks, we identify the need to experimentally substantiate methodological ways of developing regional studies competence of junior schoolchildren in Bashkir language lessons; the development, systematization and adaptation of didactic materials related to the formation of regional studies competence of junior schoolchildren; the elaboration of practical recommendations and experimental learning results that can be used in the course of theory and technology of teaching the Bashkir language in primary school, etc.

Keywords: junior classes, speech development, language, communicative competence, regional competence

В статье рассматривается вопрос изучения башкирского языка в статусе государственного в русскоязычных образовательных организациях. Актуальность исследования заключается в том, что задачи языкового образования как фактора адаптации индивида в социальной среде одни из востребованных и рассматриваются в трудах ученых, методистов, а также находят отражение на законодательном уровне.

В статье определяются понятия «коммуникативная компетенция», «культуроведческая компетенция», «регионоведческая компетенция». Анализируются программы, учебники по башкирскому языку, включенные в актуальный Федеральный перечень учебников, с точки зрения определения содержания обучения для формирования соответствующих компетенций, роли формирования регионоведческой компетенции в развитии связной речи обучающихся, а также рассматриваются регионоведческие возможности уроков башкирского языка в начальной школе. В результате проведенного анализа учебников выявлена необходимость экспериментального обоснования методических путей формирования регионоведческой компетенции младших школьников на уроках башкирского языка; подбора, систематизации и адаптирования дидактических материалов с использованием регионоведческого материала; разработки практических рекомендаций и результатов опытного обучения, которые могут быть использованы в курсе теории и технологии обучения башкирскому языку в начальной школе, и др.

Ключевые слова: младшие классы, развитие речи, язык, коммуникативная компетенция, регионоведческая компетенция

Для цитирования: Абдуллина Л., Рахматуллина Ш., Саттарова Л. Регионоведческие возможности уроков башкирского языка в начальной школе // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 348–355. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-348-355

В мире, в котором происходят постоянные изменения в различных сферах деятельности, грамотное владение языком является частью образа современного человека, поэтому актуальной становится задача языкового образования как фактора адаптации индивида как члена общества.

Набирающая обороты тенденция – знание ряда языков – актуальна не только для ситуаций общения в личных целях, но и для выполнения профессиональной деятельности. Такая компетентность в языках предусматривает толерантное отношение к культурным и языковым разнообразиям. Межличностное общение представителей различных культур может быть воплощено, если в основе будут лежать взаимопонимание, взаимообогащение средствами межкультурной коммуникации. Б. С. Гершунский определяет языковое образование как многоаспектное понятие, предлагая рассматривать его как ценность (общественная, государственная, личностная), процесс, результат, систему [1, с. 36]. Освоение любого языка, несомненно, должно сопровождаться ознакомлением с культурой народа – его носителя, таким образом обеспечивая приобщение человека к духовному наследию предшествующих поколений и являясь основой формирования этнического и гражданского самосознания личности.

В последние несколько десятилетий в образовательный процесс был введен компонент, который ориентирует на достижение цели развития личности обучающегося. В связи с этим цель языкового образования начинает рассматриваться в личностном измерении и становится возможной в ходе формирования коммуникативной, языковой, лингвистической, культуроведческой компетенций. Базовыми для разработки концептуальных основ формирования коммуникативной компетенции являются работы Э. Г. Азимова, Р. Т. Белл, А. А. Вербицкого, М. В. Вятютнева, Н. Д. Гальсковой, Н. И. Гез, Д. И. Изаренкова, И. А. Зимней, И. В. Михалкиной, Дж. Савиньона, Т. В. Самосенковой, В. В. Сафоновой, Г. С. Трофимовой, А. Н. Щукина и др.

Теоретическое исследование взаимосвязи языка и культуры представлено в работах В. фон Гумбольдта, М. Л. Алексеевой, Т. Б. Банковой, Е. М. Верещагина, В. А. Козырева, В. Г. Костомарова, В. В. Красных, В. А. Масловой, Е. Ф. Тарасова, В. Н. Телия, В. Д. Черняк и др. авторов.

Существуют различные определения понятия «культуроведческая компетенция». Е. А. Быстрова определяет ее как «национально-культурный уровень владения языком» [2, с. 69]. Куль-

туроведческая компетенция определяется как «осознание языка как формы выражения национальной культуры, понимание взаимосвязи языка и истории народа, национально-культурной специфики языка, освоение норм речевого этикета, культуры межнационального общения» [3, с. 45]. Л. И. Новикова отмечает, что культуроведческую компетенцию не следует подводить только к одному из уровней владения языком [4, с. 130].

Освоение языка происходит путем установки эмоционального контакта с языком через культуру. Л. Х. Самситова отмечает, что для методики обучения неродному языку определяющим является учет системы изучаемого языка по отношению к русскому, их сопоставительнотипологических сходств и различий [5, с. 9].

В качестве составляющей культуроведческой компетенции выделяют регионоведческую компетенцию. Мы будем опираться на определение Т. Ф. Новиковой. Исследователь под регионоведческой компетенцией понимает «комплекс знаний и представлений человека о „малой родине“, приобретенного опыта деятельности и эмоционально-ценностных отношений, способствующий развитию гражданских и патриотических чувств, воспитанию сознательного отношения к истории и современному состоянию, специфическим чертам „малой родины“, освоенные „действия с языком“, сформированное позитивное (ценностное) отношение к приобретению знаний о „языковых чертах“ среды обитания» [6, с. 72]. Данное определение предельно конкретно отражает специфику и структуру рассматриваемого понятия. Надпредметной компетенцией в данном случае выступает коммуникативная компетенция.

В Республике Башкортостан (далее – РБ) в зависимости от уровня получения образования изучаются четырнадцать родных языков народов РФ. Специфику языковой ситуации Башкортостана составляет владение двумя или тремя языками подавляющим числом населения. Н. Искужина подчеркивает, что большинство жителей Республики Башкортостан «билингвально и диглоссно» [7, с. 65]. Республика Башкортостан в числе первых в России по продвижению и изучению родных языков.

Изучение языка региона, в котором проживает индивид, является той основой, на которой будет строиться личность, отождествляющая себя с определенным этносом, со страной, с регионом своего проживания, а также умеющая самоидентифицироваться в геополитическом пространстве и готовая к межкультурной коммуникации. Соответственно, необходимо создать ус-

ловия для социального, интеллектуального, личностного развития индивидуальности носителя языка.

Башкирский язык является государственным языком в Республике Башкортостан, имеет равноправное функционирование наряду с русским языком, и в настоящее время существуют следующие стратегии его изучения как:

- государственного (башкирского) языка в русскоязычных школах;
- родного (башкирского) языка в русскоязычных школах;
- родного (башкирского) в башкирских школах.

Вклад в развитие методики преподавания башкирского языка в условиях многоязычия, двуязычия в семье внесли Р. А. Абуталипова, Ф. Ф. Азнабаева, М. С. Давлетшина, К. З. Закирьянов, З. Г. Нафикова, З. Г. Сахипова, Х. А. Тулумбаев, М. Г. Усманова, Л. Р. Файзуллина, И. Э. Шарапов, Н. М. Яныбаев и др. Вопросы билингвизма рассматриваются в работах К. З. Закирьянова, М. Р. Львова, М. М. Михайлова, З. Г. Сахиповой и др. Вопросы полилингвального образования изложены в трудах В. Ф. Габдулхакова, Ф. Г. Ялалова и др.

Рассмотрим вопросы формирования региональной компетенции средствами учебного предмета «Государственный (башкирский) язык» в начальной школе, так как данный аспект в методике преподавания до сих пор не был предметом специальных исследований. Все это приводит к тому, что учителя башкирского языка не всегда ведут целенаправленную и систематическую работу по формированию региональной компетенции, являющейся базой коммуникативной компетенции и межкультурной коммуникации.

Содержание преподаваемых учебных предметов в общеобразовательных организациях, реализующих образовательные программы, направлено на достижение личностных, метапредметных и предметных результатов обучения, где научно-методологическую основу составляет системно-деятельностный подход [8, с. 7].

Изучение башкирского языка в статусе государственного подразумевает его освоение как способа духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся и как средства коммуникации. В Конституции Республики Башкортостан отмечается, что владение двумя государственными языками составляет основу взаимопонимания и согласия между народами, проживающими в республике [9, с. 8].

Обучение государственному (башкирскому) языку в настоящее время ведется по учебникам

для начальной школы «Башкорт теле» авторов Х. А. Тулумбаева, М. С. Давлетшиной, Ф. М. Гиниятуллиной, Н. Н. Киньябаевой (2 класс), М. С. Давлетшиной, Н. Н. Киньябаевой, Г. М. Садыковой (3, 4 класс), которые включены в Федеральный перечень учебников [10, с. 65].

Цель изучения предмета «Государственный (башкирский) язык Республики Башкортостан» в начальной школе – «формирование у обучающихся коммуникативной компетенции, обеспечивающей возможность общения на башкирском языке в социально-бытовой, учебно-трудовой и социально-культурной сферах» [11, с. 8], она реализуется через содержательные линии:

– Развитие речи (формирование коммуникативных навыков через основные виды речевой деятельности).

– Основы лингвистических знаний (сведения из фонетики, лексики, грамматики).

В рассматриваемых учебно-методических комплексах изучение башкирского языка, как и любого другого, определяется коммуникативной направленностью процесса обучения. Коммуникативная компетенция относится к группе ключевых, то есть имеющих особую значимость в жизни человека, поэтому ее формированию следует уделять особое внимание.

Изучив лингвистическую, методическую и психолого-педагогическую литературу, посвященную формированию коммуникативной компетенции, межкультурной коммуникации, установили, что повышение эффективности формирования региональной компетенции возможно при условии учета:

- 1) различных аспектов формулировки понятий «коммуникативная компетенция» и «региональная компетенция»;
- 2) роли формирования региональной компетенции в формировании речевой деятельности и в развитии связной речи обучающихся;
- 3) региональных возможностей уроков башкирского языка в начальной школе;
- 4) подходов и принципов формирования коммуникативно-речевых навыков обучающихся;
- 5) использования речевых ситуаций в формировании коммуникативной компетенции.

Целью исследования является изучение региональных возможностей учебного предмета «Государственный (башкирский) язык Республики Башкортостан» в начальной школе.

Отметим, что региональную компетенцию можно представить формулой, где слагаемыми являются:

- знания (знаниевый компонент);

- способы деятельности (деятельностный компонент);
- отношения (мотивационно-ценностный компонент).

Рассмотрим перечисленные компоненты регионоведческой компетенции на материале учебников башкирского языка. Знаниевый компонент включает в себя сведения и представления человека о «малой родине», которые усваиваются в процессе изучения языка. Так, с первых уроков преподавания башкирского языка во 2 классе обучающимся дается информация о регионе проживания («Без Башкортостанда йэшэйбез. Башкортостанда рус һәм башкорт телдәре – дәүләт телдәре» / «Мы живем в Башкортостане. Русский и башкирский язык в Башкортостане – государственные языки») [12, с. 5], о многообразии места жительства таких же школьников, как и сам читающий. Например, по теме «Һин кайза йэшәйһең?» («Где ты живешь?») даны названия таких городов и районов республики, как Сибай, Уфа, Бураево, Зилаир, Ишимбай, Чишмы, Салават, Аскинский район, Белорецк, Благоварский район и др.; в ходе изучения тематических блоков «Семья», «Моя улица», «Путешественники» обучающиеся знакомятся с другими названиями населенных пунктов РБ через чтение текстов писателей, вырезок из журналов, заметок из Википедии, рубрики «Это интересно», стихотворений, включение в определенную коммуникативную ситуацию (содержательная линия «Развитие речи») – «Я живу...», «Мой дедушка живет...», «Летом я еду к бабушке в деревню, она живет ...» и др. Отметим, что большинство обучающихся не знают названия населенных пунктов, районов той территории, на которой проживают. Введение данного языкового материала на первых этапах обучения вызывает интерес и стимулирует их говорить на языке народа, название которого заложено в имени Республики Башкортостан – родного края. В 3-м классе знакомятся с флагом и гербом РБ, с их авторами, даются представления о членах семьи, возрасте, увлечениях и др. [13, с. 14].

В 3-4 классах расширяются представления о малой родине, даются более полные сведения о районах, городах, селах, об их площади, о количестве проживающих людей, о происхождении названий, о памятниках, об основателях города, села, о выпускаемой продукции, об известных личностях – земляках (композиторах, писателях, спортсменах и др.). Например:

1. Прочитай книги, написанные современными писателями-земляками: Тансулпан Гариповой, Гузель Ситдиковой, Гульсиной Юсуповой, Зульфией Кускильдиной [14, с. 14].

2. Подготовьте сообщение о писателе Мустае Кариме, советском военном летчике Мусе Гарееве, просветителе Ахмет-Заки Валиди, о спортсмене Иреке Зарипове [Там же, с. 65], артисте балета Рудольфе Нуриеве, хирурге Эрнсте Мулдашеве, дирижере Владимире Спивакове, певце Аскаре Абдразакове («Улар нимә белән билдәле?» / «Чем они знамениты?») [Там же, с. 106].

Особенно интересны обучающимся медийные личности в век интернета (Лейсан Утяшева, Тамара Тансыкужина, Эльбрус Нигматуллин, Рима Баталова, Габдрахман Кадыров, Игорь Кравчук, Максим Чудов), которые для некоторых являются кумирами. Они знакомятся также с горами (Уральские горы, Ямантау, Мурадымовские горы, Иремель, Шиханы и др.), с реками, протекающими в республике, озерами, родниками, с краткими справками о них, (например, «Красный ключ – самый мощный водный источник в России и второй по величине в мире, памятник федерального значения») [Там же, с. 69]; с известными на весь мир памятниками природы (Шульганташ), с национальным парком «Башкортостан», с природными парками (Аслыкуль, Кандрыкуль, Мурадымово, Иремель) и с природными заказниками. Предлагаются вопросы на активизацию речи и мышления (например: «Что вы знаете о них? Зачем они нужны? Как можно сохранить природу?» и др.). Знакомство со многими объектами природы сопровождается стихотворениями поэтов, которые передают красоту и могущество окружающего мира. Представлена информация о России, о ее территориальном расположении на карте мира, о странах-соседях; в учебнике дана карта Башкортостана с отмеченными на ней городами и районами. Например, одно из заданий: «Найти названные объекты на карте» – такие упражнения формируют метапредметные компетенции.

Деятельностный компонент регионоведческой компетенции представляется через освоение норм башкирского речевого этикета, культуры межнационального общения, опыта коммуникативной деятельности, умения демонстрировать свои ощущения, мысли, чувства во всевозможных коммуникативных ситуациях.

Для этого в учебники включены устойчивые выражения, необходимые для ведения разговора. Например, диалоги, обозначающие ситуацию знакомства (тема «Танышыу»):

– со сверстниками («Сәләм! Мин Әмир» «Сәләм! Мин Әлиә. Ә һин кем?» «Мин – укыусы» / «Привет! Я Амир» «Привет! Я Алия. А ты кто?» «Я ученик» [12, с. 2];

– со взрослыми («Һез кем?» / «Вы кто?»), «Һаумыһығыз, укыусылар! ... Мин Ирина Ринатовна. Мин башкорт теле укытыусыһы» / «Здравствуйте, ученики!... Я Ирина Ринатовна. Я учитель башкирского языка» [Там же];

– с героями мультфильмов. Например:

– Познакомьтесь с героями сказок (Буратино, Лиса Алиса, кот Базилио) [Там же, с. 8].

– Познакомьте Лунтика со своими друзьями [Там же, с. 4].

– Познакомьтесь с героями мультфильма:

– Һинең исемен нисек?

– Минең исемем ...

– Ә һинең исемен нисек?

– Минең исемем ...

– Ә уның исемен кем?

– Уның исемен ... (Карлсон) [Там же, с. 9].

В качестве языкового материала представлены наиболее употребительные синтаксические модели. Обучающиеся изучают слова приветствия и прощания (*Һаумыһығыз, һау булығыз* / 'здравствуйте', 'до свидания'), речевого этикета (*Ғәфү ит, ашығыз тәмле булһын, инергә мөмкинме (яраймы)? сығырға яраймы? Ғәфү итегеһеҙ, беләһеһеҙме, әйт (әйтегеһеҙ) әле, зинһар, тыңлағыҙ әле, тыңла әле* и др.), необходимые для успешной организации общения. В учебниках находим ситуативные и коммуникативные задания с целью активизации речевых навыков – ситуация «Без азаштыҡ» («Мы потерялись»), «Спроси дорогу к музею им. Нестерова», «Спроси, в какой школе учиться, в каком классе?», «Покупка в магазине», «Общение врача с пациентом» и др.

В рубрике «Это интересно» представлена информация о традициях приветствия («У башкир используются различные виды приветствий...») [13, с. 11]. Возможны различные методы и приемы работы: чтение по ролям, заучивание устойчивых выражений, продолжение диалога, составление диалога, похожего на аналогичный; составление предложений по схеме с использованием представленных вариантов слов; заучивание стихотворений наизусть, составление предложений, описательного текста о семье, рассказа по картине, ответы на вопросы по тексту, исправление ошибок в языковом материале и др.

По каждой теме обучающиеся усваивают определенные речевые действия, находя ответы вопросы: «кем?» ('кто?'), «нимә?» ('что?'), «ниндәй?» ('какой?'), «ни эшләй?» ('что делает?'), «нисә?» ('сколько?'), «кайза?» ('где?').

Особое место в учебниках занимают слова с национально-культурным компонентом, то есть единичные термины, не имеющие аналогов в других языках. Например:

а) многообразные имена (*Гаяз, Галинур, Гузель, Альфия, Галия, Гариф, Галим, Газим, Гафур, Гата, Булат, Фануз, Илюс, Хайдар, Галима, Наиль* и др.);

б) многообразные клички животных (*Актуш, Һарыбай, Мыраухан, Муйнак, Актырнак* и др.);

в) названия блюд башкирской кухни (*бәләш, корот, кымыз, сәксәк* и др.);

г) названия музыкальных инструментов (*курай*). Задание: «Прочитайте стихотворение. Что вы знаете о курае? Поговорите об этом в группе». «Курайсы мин бик беләм, Ағайым уйнай гелән. Бейетеп йә йырлатып Була ул курай менән» (Муса Ғәли) [12, с. 54];

д) отдельные слова (*Навруз, шежере, Аяу байрамы, Йәйге Нардуган, Толпар, Акбузат, Урал-батыр, кубаир* и др.);

е) названия природных объектов (*Аслыкуль, Яктыкуль* и др.).

С целью овладения словами с национально-культурным компонентом значения необходимо познать ту содержательную информацию, которая содержится в значении этих слов на уровне лексического понятия и фона, а это целая система смыслов и ассоциаций [15, с. 1]. Например, через сказки народов мира даются сведения о происхождении имен, названий природных объектов – гор, рек, озер, тем самым формируются представления об окружающем мире, о мировоззрении народа. Обращение педагога к таким названиям позволяет не только расширить кругозор обучающихся, углубить их знания, пробудить интерес к изучению языка, но и служит средством для воспитания патриотических чувств, что сегодня особенно важно.

Мотивационно-ценностный компонент региональной компетенции включает в себя формирование мотивационно-ценностной сущности общения, понимания роли языка для продуктивного общения. Языковой материал в учебниках представлен текстами, в которых говорится о многообразии языков, национальностей и регионов нашей страны. Работа с подобного рода информационными материалами позволяет обучающему осознать свою принадлежность к стране и региону проживания, а также помогает отождествлять себя с определенным этносом.

В качестве учебного материала представлены короткая справочная информация на русском языке в рубрике «Это интересно» по изучаемым темам, в которой описаны обычаи, традиции других стран, регионов, что позволяет провести их сравнительную характеристику. Например, даются сведения о традициях приветствия, встречи Нового года, празднования дня рожде-

ния, сроках начала учебного года в Норвегии, Финляндии, Японии, Тибете и др.; о системах обучения в разных странах; о происхождении слов; об алфавитах народов; о системах оценивания (Россия, Чехия, Франция, Китай, Норвегия) и др.

Обучающиеся получают представления об обычаях башкирского народа через представленные в учебниках отрывки произведений известных писателей и поэтов РБ, газеты и журналы, печатающиеся в республике (Йәншишмә, Аманат, Акбузат, Толпар и др.), переводные тексты с русского языка, статьи из Википедии, сказки народов мира, кубаиры, малые фольклорные формы – поговорки, загадки, пословицы, скороговорки и т. д. Весь материал служит для углубления знаний учащихся, активизации коммуникативных навыков и повышения интереса к особенностям носителей языка, следовательно, к диалогу культур.

Полученные знания о республике, культуре башкирского народа позволяют использовать их на других учебных дисциплинах и накопить определенный жизненный опыт. Отметим, что содержание программы задается целями и задачами обучения башкирскому языку как государственному: формированию способности и готовности обучающегося общаться с носителями языка на уровне своих речевых возможностей и потребностей; ознакомлению с языковой системой; расширению лингвистического кругозора обучающихся [11, с. 8]. Все эти задачи можно решать в совокупности с формированием у них доброжелательного отношения, уважения и толерантности к другим народам, а это станет возможным только тогда, когда учащийся осознает, что у каждой культуры есть свое назначение, и сформируется понимание, что они вносят свой значимый вклад в развитие мировой культуры.

Таким образом, в рассмотренных учебниках башкирского языка представленный языковой материал имеет огромный потенциал для формирования регионоведческой, культуроведческой, коммуникативной компетенций. Но так как для многих обучающихся башкирский язык не является повседневным языком общения, то следует развивать их активность, интерес и желание к его изучению как к важнейшей духовно-нравственной ценности народа, используя на уроках различные дополнительные дидактические материалы с регионоведческим компонентом, детский фольклор, художественную литературу, которые служат средством приобщения обучающихся к культуре изучаемого народа, создания условий для формирования компетентности в межкультурном диалоге. Формирование регио-

новедческой, коммуникативной компетенций представляется возможным через создание мотивации к изучению государственного языка республики, осознание его роли для межнационального общения, освоения культуры и традиций народов РФ.

Разумеется, наша работа не исчерпывает все аспекты формирования регионоведческой компетенции у младших школьников через уроки башкирского языка (как государственного), но дополняет уже существующие данные и открывает дальнейшие перспективы для исследования рассматриваемого вопроса в педагогической науке, а именно:

- 1) разработки и экспериментального обоснования методических путей формирования регионоведческой компетенции младших школьников на уроках башкирского языка;
- 2) разработки «Сборника упражнений с использованием регионоведческого материала» для обучающихся 3-4 классов, в котором будут систематизированы и адаптированы дидактические материалы, связанные с формированием регионоведческой компетенции младших школьников;
- 3) описания специфики проведения занятий с регионоведческим содержанием на уроке башкирского языка;
- 4) разработки практических рекомендаций и результатов опытного обучения, которые могут быть использованы в курсе теории и технологии обучения башкирскому языку в начальной школе.

Список источников

1. *Гершунский Б. С.* Философия образования для XIX в. (в поисках практикоориентированных образовательных концепций). М.: ИнтерДиалект+, 1997, 697 с.
2. *Быстрова Е. А.* Культуроведческий аспект преподавания русского языка в национальной школе. Текст. // *Русская словесность*. 2001. № 8. С. 66–74.
3. *Быстрова Е. А.* Обучение русскому языку в школе: учеб. пособие для студентов пед. вузов / Е. А. Быстрова, С. И. Львова, В. И. Капинос и др.; под ред. Е. А. Быстровой. М: Дрофа, 2004. 240 с.
4. *Новикова Л. И.* Культуроведческий аспект обучения русскому языку в 5-9-х классах как средство постижения учащимися национальной культуры: дис. ... д-ра пед. наук: Москва, 2005. 515 с.
5. *Самситова Л. Х.* Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: Учебное пособие. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2022. 104 с.
6. *Новикова Т. Ф.* Культурологический подход к преподаванию русского языка: модель регионального компонента: дис. ... д-ра пед. наук: Москва, 2007. 440 с.

7. Искужина Н. Г. Двухязычие в городах Республики Башкортостан (социолингвистический аспект). Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. 252 с.

8. Приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 286 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400807193/> (дата обращения: 13.07.2023)

9. Конституция Республики Башкортостан от 24 декабря 1993 года N BC-22/15 (с изменениями на 1 октября 2021 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/935100256> (дата обращения: 10.08.2023)

10. Приказ Минпросвещения России от 21 сентября 2022 г. № 858 «Об утверждении федерального перечня учебников, допущенных к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования организациями, осуществляющими образовательную деятельность, и установления предельного срока использования исключенных учебников». URL: <https://fpu.edu.ru/> (дата обращения: 10.09.2023)

11. Давлетшина М. С. Примерная рабочая программа учебного предмета «Государственный (башкирский) язык Республики Башкортостан» для 1–4 классов начального общего образования. Уфа: Ресурсный центр по национальному образованию ИРО РБ, 2022. 60 с.

12. Башкорт теле: укытыу рус телендә алып барылған дөйөм белем биреү ойошмаларының 2-се класы өсөн башкорт телен (дәүләт теле буларак) өйрәнү өсөн дәреслек / Х. А. Толомбаев, М. С. Дәүләтшина, Ф. М. Финиәтуллина, Н. Н. Кинйәбаева. Өфө: Китап, 2014. Һүрәттәре менән 148 б.

13. Башкорт теле : укытыу рус телендә алып барылған дөйөм белем биреү ойошмаларының 3-сө класы өсөн башкорт телен (дәүләт теле буларак) өйрәнү өсөн укыу кулланмаһы. 2-се басма / М. С. Дәүләтшина, Н. Н. Кинйәбаева, Г. М. Садыкова. Өфө : Китап, 2017. Һүрәттәре менән 124 б.

14. Башкорт теле: укытыу рус телендә алып барылған дөйөм белем биреү ойошмаларының 4-се класы өсөн башкорт телен (дәүләт теле буларак) өйрәнү өсөн укыу кулланмаһы. 2-се басма / М. С. Дәүләтшина, Н. Н. Кинйәбаева, Г. М. Садыкова. Өфө: Китап, 2017. Һүрәттәре менән 152 б.

15. Шаповалова А. Э. Слова с национально-культурным компонентом как содержательный центр знакомства с лингвокультурологическими особенностями русского языка // Международный научно-исследовательский журнал, 2023. №3 (129). С. 1–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slova-s-natsionalno-kulturnym-komponentom-kak-soderzhatelnyy-tsentr-znakomstva-s-lingvokulturologicheskimi-osobennostyami-russkogo> (дата обращения: 10.08.2023)

praktikoorientirovannykh obrazovatel'nykh kontsetsii [Philosophy of Education of the 19th Century (in search of practice-oriented educational concepts)]. 697 p. Moscow. (In Russian)

2. Bystrova, E. A. (2001). *Kul'turovedcheskii aspekt prepodavaniya russkogo yazyka v natsional'noi shkole* [Cultural Aspect of Teaching the Russian Language in the National School]. *Russkaya slovesnost'*. No. 8, pp. 66–74. (In Russian)

3. Bystrova, E. A. (2004). *Obuchenie russkomu yazyku v shkole: ucheb. posobie dlya studentov ped. vuzov* [Teaching Russian at School: A Textbook for Students of Pedagogical Universities]. E. A. Bystrova, S. I. Lvova, V. I. Kapinos, et al; red. E. A. Bystrova. 240 p. Moscow, Druzhba. (In Russian)

4. Novikova, L. I. (2005). *Kul'turovedcheskii aspekt obucheniya russkomu yazyku v 5-9-kh klassakh kak sredstvo postizheniya uchashchimisya natsional'noi kul'tury: dis. ... d-ra ped. nauk* [Cultural Studies Aspect of Teaching the Russian Language in Grades 5-9 as a Means of Mastering National Culture by Students: Doctoral Thesis]. Moscow, 515 p. (In Russian)

5. Samsitova, L. H. (2022). *Lingvokul'turologiya i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: Uchebnoe posobie* [Cultural Linguistics and Intercultural Communication: A Textbook]. 104 p. Sterlitamak, Sterlitamakskii filial BashGU. (In Russian)

6. Novikova, T. F. (2007). *Kul'turologicheskii podkhod k prepodavaniyu russkogo yazyka: model' regional'nogo komponenta: dissertatsiya ... doktora pedagogicheskikh nauk: 13.00.02* [Culturological Approach to Teaching the Russian Language: A Model of the Regional Component: Doctoral Thesis]. Moscow, 440 p. (In Russian)

7. Iskuzhina, N. G. (2014). *Dvuyazychie v gorodakh Respubliki Bashkortostan (sociolingvistic aspect)* [Bilingualism in the Cities of the Republic of Bashkortostan (a sociolinguistic aspect)]. 252 p. Ufa, RITS Bash GU. (In Russian)

8. *Prikaz Ministerstva prosveshcheniya RF ot 31 maya 2021 g. № 286 "Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta nachal'nogo obshchego obrazovaniya"* [Order of the Ministry of Education of the Russian Federation of May 31, 2021 No. 286 "On approval of the federal state educational standard for primary general education"]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400807193/> (accessed: 13.07.2023). (In Russian)

9. *Konstitutsiya Respubliki Bashkortostan ot 24 dekabrya 1993 goda NO VS-22/15 (s izmeneniyami na 1 oktyabrya 2021 goda)* [Constitution of the Republic of Bashkortostan dated December 24, 1993 N BC-22/15 (as amended on October 1, 2021)]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/935100256> (accessed: 10.08.2023). (In Russian)

10. *Prikaz Minprosveshcheniya Rossii ot 21 sentyabrya 2022 g. № 858 "Ob utverzhdenii federal'nogo perechnya uchebnikov, dopushchennykh k ispol'zovaniyu pri realizatsii imeyushchikh gosudarstvennuyu akkreditatsiyu obrazovatel'nykh program nachal'nogo obshchego, osnovnogo obshchego, srednego obshchego obrazovaniya organizatsiyami, osushchestvlyayushchimi*

References

1. Gershunskii, B. S. (1997). *Filosofiya obrazovaniya dlya XIX v. (v poiskah*

obrazovatel'nyuyu deyatelnost' i ustanovleniya predel'nogo sroka ispol'zovaniya isklyuchennykh uchebnikov" [Order No. 858 of the Ministry of Education of the Russian Federation dated September 21, 2022 "On approval of the federal list of textbooks approved for use in the implementation of state accredited educational programs of primary general, basic general, secondary general education by organizations engaged in educational activities, and establishing a deadline for the use of excluded textbooks" URL: <https://fpu.edu.ru/> (accessed: 10.09.2023). (In Russian)

11. Davletshina, M. S. (2022). *Primernaya rabochaya programma uchebnogo predmeta "Gosudarstvennyi (bashkirskii) yazyk Respubliki Bashkortostan" dlya 1–4 klassov nachal'nogo obshchego obrazovaniya* [Approximate work program for the academic subject "State (Bashkir) language of the Republic of Bashkortostan" for grades 1–4 of primary general education]. Ufa, 60 p. (In Russian)

12. *Bashkirskii yazyk: uchebnik dlya izucheniya bashkirskogo yazyka (kak gosudarstvennogo) 2-go klassa obshcheobrazovatel'nykh organizatsii s russkim yazykom obucheniya* (2014) [Bashkir Language: A Textbook for Studying the Bashkir Language (as the State Language) for the 2nd Grade of General Education Organizations with Russian as the Language of Instruction]. Kh. A. Tulumbaev, M. S. Davletshina, F. M. Giniyatullina, N. N. Kinzyabaeva. 148 p. s risunkami. Ufa, Kitap. (In Bashkir)

13. *Bashkirskii yazyk: uchebnoe posobie dlya izucheniya bashkirskogo yazyka (kak gosudarstvennogo)*

dlya 3-go klassa obshcheobrazovatel'nykh organizatsii s russkim yazykom obucheniya (2017) [Bashkir Language: A Textbook for Studying the Bashkir Language (as the State Language) for the 3rd Grade of Educational Institutions with Russian as the Language of Instruction]. 2-e izdanie. M. S. Davletshina, N. N. Kinzyabaeva, G. M. Sadykova. 124 p. Ufa, Kitap. (In Bashkir)

14. *Bashkirskii yazyk: uchebnoe posobie dlya izucheniya bashkirskogo yazyka (kak gosudarstvennogo) v 4-m klasse obshcheobrazovatel'nykh organizatsii s russkim yazykom obucheniya* (2017) [Bashkir Language: A Textbook for Studying the Bashkir Language (as the State Language) in the 4th Grade of Educational Institutions with Russian as the Language of Instruction]. 2-e izdanie. M. S. Davletshina, N. N. Kinzyabaeva, G. M. Sadykova. 152 p. Ufa, Kitap. (In Bashkir)

15. Shapovalova, A. E. (2023). *Slova s natsional'no-kul'turnym komponentom kak soderzhatel'nyi tsentr znakovstva s lingvokul'turologicheskimi osobennostyami russkogo yazyka* [Words with a National-Cultural Component as a Meaningful Center of Acquaintance with the Linguistic and Cultural Features of the Russian Language]. MNIZh. No. 3 (129), pp. 1–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slova-s-natsionalno-kulturnym-komponentom-kak-soderzhatelnyy-tsentr-znakomstva-s-lingvokulturologicheskimi-osobennostyami-russkogo> (accessed: 10.08.2023). (In Russian)

The article was submitted on 12.12.2023
Поступила в редакцию 12.12.2023

Абдуллина Лилия Бакировна,
доцент,
Стерлитамакский филиал «Уфимский
университет науки и технологий»,
453103, Россия, Стерлитамак,
Островского 1а.
l.b.abdullina@struust.ru

Рахматуллина Шаура Мажитовна,
доцент,
ГАУ ДПО Институт развития образования
Республики Башкортостан,
450005, Россия, Уфа,
Мингажева, 120.
shaura1234@xmail.ru

Саттарова Лиана Сибгатовна,
старший преподаватель,
Стерлитамакский филиал «Уфимский
университет науки и технологий»,
453103, Россия, Стерлитамак,
Нахимова, 1а.
l.s.sattarova@struust.ru

Abdullina Liliya Bakirovna,
Associate Professor,
Sterlitamak branch of "Ufa University
of Science and Technology",
1a Ostrovsky Str.,
Sterlitamak, 453103, Russian Federation.
l.b.abdullina@struust.ru

Rakhmatullina Shaura Mazhitovna,
Associate Professor,
GAU DPO Institute for Educational
Development of the Republic of Bashkortostan,
120 Mingazhev Str.,
Ufa, 450005, Russian Federation.
shaura1234@xmail.ru

Sattarova Liana Sibgatovna,
Assistant Professor,
Sterlitamak branch of "Ufa University
of Science and Technology",
1a Nakhimov Str.,
Sterlitamak, 453103, Russian Federation.
l.s.sattarova@struust.ru

УДК 372.881.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-356-362

КАТЕГОРИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ / НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ: РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТЫ

© Юлия Агеева, Виктория Гмызина

THE ANIMATE/INANIMATE CATEGORY IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: THE RESULTS OF EXPERIMENTAL WORK

Yuliya Ageeva, Victoria Gmyzina

The article presents the results of the development and implementation of a methodological system of tasks aimed to develop grammatical competence of international students on the basis of the animate/inanimate category, which is a unique linguistic phenomenon 'built' on the opposition of 'the animate' to 'the inanimate'. The study of this grammatical category in the linguodidactic aspect has a great potential due to the specifics of the category under consideration, as it requires not only the knowledge of grammatical rules, but also the ability to evaluate the semantic characteristics of nouns in a particular context. The presented linguodidactic system includes the following types of tasks – preparatory (imitative, substitutional, transformational and retelling) and speech tasks. In addition, when preparing educational materials, the principle of clarity is taken into account, which we believe to be a key element of working with the Russian grammatical category under consideration.

During the experimental work it was revealed that the developed system of exercises in combination with theoretical material enabled students from other language backgrounds to gain a deeper and more systematic understanding of the grammatical material and prepare them for the effective application of the acquired knowledge and skills in real communication.

The results of this study will be in demand by teachers of RFL and students from other language backgrounds studying Russian both at the initial and more advanced stages of learning in order to form and improve their grammatical competence in Russian.

Keywords: Russian as a foreign language, animate/inanimate category, grammatical competence, students from other language backgrounds, experimental work, system of exercises

В статье представлены результаты разработки и внедрения методической системы заданий по развитию грамматической компетенции иностранных обучающихся на основе категории одушевленности / неодушевленности, которая является уникальным лингвистическим феноменом, «построенным» на противопоставлении «живого» «неживому». Исследование данной грамматической категории в лингводидактическом аспекте имеет большой потенциал, обусловленный спецификой рассматриваемой категории, так как ее изучение требует не только знания грамматических правил, но и умения оценить семантические характеристики существительных в конкретном контексте. Представленная лингводидактическая система включает в себя следующие типы заданий – подготовительные (имитативные, подстановочные, трансформационные и репродуктивные) и речевые. Кроме того, при подготовке учебных материалов учитывается принцип наглядности, который, по мнению авторов, является ключевым элементом работы с рассматриваемой грамматической категорией русского языка.

В ходе опытно-экспериментальной работы было выявлено, что разработанная система упражнений в сочетании с теоретическим материалом может обеспечить возможность более глубокого и системного понимания студентами-инофонами рассматриваемого грамматического материала, а также подготовить их к эффективному применению полученных знаний и навыков в реальной коммуникации.

Результаты данного исследования будут востребованы преподавателями РКИ и инофонами, изучающими русский язык как на начальном, так и на более продвинутом этапах обучения с целью формирования и совершенствования грамматической компетенции на русском языке.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, категория одушевленности / неодушевленности, грамматическая компетенция, студенты-инофоны, опытно-экспериментальная работа, система упражнений

Для цитирования: Агеева Ю., Гмызина В. Категория одушевленности / неодушевленности в обучении русскому языку как иностранному: результаты опытно-экспериментальной работы // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 356–362. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-356-362

В процессе обучения русскому языку как иностранному (далее – РКИ) у студентов не только формируются различные речевые навыки, они получают знания об основных языковых явлениях, в том числе и о грамматических категориях изучаемого языка. К таким категориям можно отнести категорию одушевленности / неодушевленности имени существительного (далее – КОН), которая занимает свое особое место в курсе РКИ. КОН – одна из древнейших грамматических категорий, истоки которой прослеживаются еще в древних индоевропейских языках, однако в качестве отдельной грамматической категории она была выделена позже – в середине XIX века. С тех пор началось активное исследование данной категории, что дало возможность глубже понять её сущность и специфику. Так, в российском языкознании представлены работы, посвященные разным аспектам, связанным с категорией одушевленности / неодушевленности. Например, КОН сопоставляется с «категорией личности / неличности» [1], рассматриваются «нормы и тенденции развития категорий одушевленности / неодушевленности» [2], затрагивается проблема колеблющихся грамматических показателей одушевленности / неодушевленности [3]. Ученые, изучающие КОН, пришли к общему заключению – семантическая оппозиция одушевленности / неодушевленности в русском языке не всегда точно отражается в грамматическом выражении. Это несоответствие обуславливает проблемы, которые становятся крайне важными для дальнейшего исследования.

На сегодняшний день проводятся исследования, направленные на уточнение различий между одушевленными и неодушевленными существительными и определение природы квазидушевленных существительных. Цель подобных исследований заключается в понимании того, каким образом биологические и другие признаки могут определять принадлежность существительного к живому или неживому объекту. Однако уточнение определения конкретной категории существительных не всегда совпадает с разделением на живое и неживое. Грамматическое выражение одушевленности существительных в основном основано на анализе соответствия словоформ разных падежей (И.п., В.п., Р.п.).

Исследование данной грамматической категории имеет большое значение как в лингвистике, так и в методике РКИ. С позиции лингводидактики при работе с КОН необходимо тщательно продумывать систему обучения, включая разные типы заданий. Иностранцам важно объяснить, что различие одушевленных и неодушевленных имен существительных отражает противопоставление живого и неживого в человеческом восприятии окружающего мира; также следует учитывать, что грамматические и семантические характеристики категории одушевленности / неодушевленности не всегда совпадают между собой. Только комплексный методический подход к обучению КОН, сочетающий теоретическое осмысление грамматики и семантики и практическую отработку данных форм в упражнениях, позволит студентам освоить достаточно сложную грамматическую область русского языка.

Цель данной работы – показать лингводидактический потенциал грамматической категории одушевленности / неодушевленности, овладение которой является важной частью формирования грамматической компетенции (далее – ГК) у иностранцев, изучающих русский язык, поэтому необходимо определить, что в современной методике РКИ подразумевается под понятием «грамматическая компетенция». Грамматическая компетенция предполагает умение правильно применять различные грамматические конструкции, формы слов, синтаксические правила при построении высказываний. ГК – это не только автоматическое употребление грамматических форм, но и «умение передавать свои мысли, используя правильные языковые средства, в том числе и грамматические» [4, с. 675].

Итак, обучение КОН является частью развития грамматической компетенции иностранных студентов, которая представляет собой одну из базовых составляющих иноязычной коммуникативной компетенции. Работа преподавателя по развитию ГК подразумевает тщательный отбор необходимого грамматического материала, его систематизацию, постепенное введение и объяснение, в то время как задача студента заключается в освоении грамматического материала, начиная с форм одного слова и заканчивая уровнем

предложения. Иностранцы в процессе общения употребляют слова, словосочетания, фразы, составляют предложения, следуя грамматическим правилам изучаемого языка. Студенты не только механически воспроизводят готовые языковые образцы, но и активно применяют грамматические знания для продуцирования собственных высказываний.

При работе с КОН необходимо учитывать еще один аспект. Как известно, современная методика РКИ строится на принципах концепции иноязычного образования, основоположником которой является Е. И. Пассов. В основе концепции заложена мысль о том, что в процессе изучения иностранного языка наряду с овладением языковыми и речевыми навыками происходит взаимодействие студентов с иноязычной культурой. Рассуждая о создании модели культуры, ученый полагает, что составляющие содержание данной модели черпаются из следующих источников: визуально представленной действительности; действительности, вербализованной в виде текстов; изобразительного искусства; художественной литературы; СМИ [5, с. 128]. Безусловно, на начальном этапе обучения РКИ наиболее актуален первый тип источников, так как на этом этапе обучающиеся владеют лексическими и грамматическими знаниями, соответствующими минимальному уровню владения языком. Визуализация действительности непосредственно связана с наглядностью. Наглядность способствует лучшему пониманию и запоминанию, например, грамматических конструкций, когда студенты визуально могут увидеть связь между различными языковыми явлениями.

Принцип наглядности играет важную роль в ходе обучения РКИ, так как способствует более эффективному усвоению нового языкового материала посредством гармоничного сочетания визуальных и вербальных средств. Данный принцип является существенной дидактической составляющей процесса формирования ГК при изучении КОН у студентов-инофонов, так как позволяет им не только получить необходимые теоретические знания, но и развить различные речевые умения. Его грамотная реализация способствует лучшему пониманию, запоминанию и практическому применению данной грамматической категории в речи.

В рамках исследования с учетом перечисленных моментов разработана и апробирована лингвометодическая система по обучению КОН, эффективность которой была проверена в ходе эксперимента, построенного в форме корректирующего урока по русскому языку для студентов-инофонов. Эксперимент проводился в Институте филологии и

межкультурной коммуникации Казанского федерального университета у иностранных бакалавров 1 курса, обучающихся по специальности «Лингвистика», и был ориентирован на студентов, имеющих уровень владения русским языком В1. Следует уточнить, что категорию одушевленности / неодушевленности начинают изучать на элементарном уровне на материале лексики, включенной в лексический минимум данного уровня. Однако опыт работы с данным контингентом обучающихся показал, что рассматриваемую тему необходимо продолжать изучать далее, поэтому в качестве языкового материала для эксперимента отбирались слова и из лексического минимума уровня В1. Таким образом было решено в процессе эксперимента расширить лексический минимум и включить более сложные задания с целью дальнейшего развития грамматической и коммуникативной компетенции участников эксперимента.

Далее перейдем непосредственно к этапам опытно-экспериментальной работы. Первый констатирующий этап, который осуществлялся в форме письменного тестирования, составленного по аналогии с лексико-грамматическим тестом ТРКИ, был направлен на выявление у студентов-инофонов имеющихся знаний о категории одушевленности / неодушевленности. Результаты данного этапа эксперимента показали, что большинство студентов обладают недостаточным уровнем знаний по КОН, несмотря на то, что они учатся в бакалавриате и должны владеть русским языком на уровне В1. Полученные данные подтвердили необходимость в разработке и внедрении системы заданий, работа с которыми позволит студентам-инофонам скорректировать и усовершенствовать имеющиеся грамматические навыки и умения, связанные с категорией одушевленности / неодушевленности.

Второй (основной) этап эксперимента – непосредственно внедрение разработанной системы упражнений. Безусловно, «вопрос о том, как найти наиболее оптимальные формы для проведения занятий, всегда занимает важное место в педагогическом исследовании» [6, с. 176]. В ходе подготовки эксперимента, включающей в себя и исследование научно-методической литературы по данному вопросу, мы остановились на наиболее оптимальной, по нашему мнению, классификации типов упражнений по формированию грамматической (в составе коммуникативной) компетенции: подготовительные задания, включающие в себя «1) имитативные упражнения; 2) подстановочные упражнения; 3) трансформационные упражнения; 4) репродуктивные упражнения» [5, с. 128] и речевые.

Мы полностью согласны с тем, что начинать необходимо с имитативных заданий, так как они обеспечивают формирование грамматических умений и навыков за счет многократного воспроизведения образцов. Данный тип актуализируется с целью ознакомить студентов с языковым материалом и научить использовать его в определенном контексте. Представим примеры имитативных упражнений:

Упражнение 1. А. Прочитайте слова и скажите, какие из них отвечают на вопрос *Кто?*, а какие слова – на вопрос *Что?* Используйте словарь.

Человек, кукла, стая, месяц, тюфяк, девочка, стадо, мидии, кумир, здание, дом, группа, иностранец, друг, русалка, гость, килька, институт, ученый, домовый, толпа, леший, лампа, культура, кошка, кофе, курица, лето, магазин, мальчик, окно, отдых, самолет, ресторан, поезд, водяной.

Б. Используя слова из списка, скажите, что изображено на картинках (*Это ...*).

Упражнение 2. Определите, какие существительные из списка являются одушевленными, а какие неодушевленными. Образуйте форму мн.ч. и просклоняйте их по образцу без подготовки.

Образец:

Одушевленные имена существительные	Неодушевленные имена существительные
Студент – студенты В.п. мн.ч. (вижу) студентов Р.п. мн.ч. (нет) студентов И.п. мн.ч. (это) студенты	Пакет – пакеты В.п. мн.ч. (вижу) пакеты Р.п. мн.ч. (нет) пакетов И.п. мн.ч. (это) пакеты

Водяной, тетрадь, город, берёза, больница, библиотека, диван, леший, девочка, бабушка, дом, женищина, зуб, матрешка, квартира, космонавт, машина, домовый, мальчик, подруга, русалка.

При выполнении подстановочных упражнений иностранные обучающиеся должны подставлять другую лексическую единицу в уже известную и усвоенную грамматическую конструкцию. Например:

Упражнение 3.

А. Задайте вопросы к словосочетаниям, как указано в образце.

Образец: Это мой папа. – Кто это?

Это старый учебник. – Что это?

1. Это родной брат. 2. Это любимый университет. 3. Это зимний спорт. 4. Это опытный турист. 5. Это толстая книга. 6. Это умная девочка. 7. Это бумажные деньги. 8. Это современная наука. 9. Это наша группа. 10. Это интересный урок.

Б. Далее посмотрите на картинки и определите, что на них изображено, используя данные словосочетания (*Это ...*).

Упражнение 4. Прочитайте словосочетания. Скажите, в каких словосочетаниях употреблены одушевленные, а в каких – неодушевленные имена существительные.

1. Увидеть брата. 2. Изучать берёзы. 3. Есть мидии. 4. Ловить мидий. 5. Видеть большую толпу. 6. Одеть куклу. 7. Увидеть домового. 8. Есть кильки. 9. Ловить килек. 10. Смотреть на русалку. 11. Встретить маму.

Упражнение 5. Распределите словосочетания на 2 группы. В левый столбец запишите одушевленные имена существительные, в правый – неодушевленные. Запишите дополнительно по 3 словосочетания в каждой группе.

Словосочетания: *школьный автобус, вкусные мидии, добрая бабушка, опытный врач, деревянный идол, глупая курица, старое общежитие, удобная обувь, большой подарок, опасная рыба, известный спортсмен, умный студент.*

Одушевленные имена существительные	Неодушевленные имена существительные

Упражнение 6. Сопоставьте картинки с верным высказыванием. Какие слова относятся к одушевленным именам существительным, а какие – к неодушевленным?

А) Это килька. Б) Это корова. В) Это русалка. Г) Это берёза. Д) Это мидии. Е) Это леший.

	
1	2
	
3	4
	
5	6

Выполняя трансформационные упражнения, студенты должны самостоятельно изменять лексические единицы и использовать их в

нужной форме. Далее представлен пример трансформационного упражнения:

Упражнение 7. Вставьте в начале вопроса слова *Кто* или *Что* в нужной форме. Ответьте на вопрос по образцу.

Образец: – ... *ест* на обед дедушка? – *Жареная курица.*

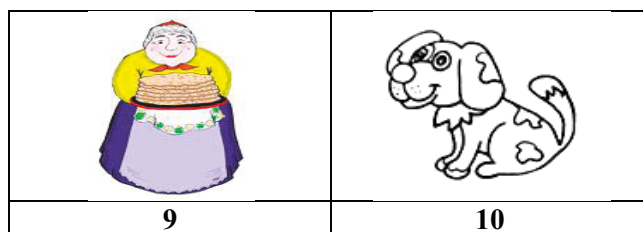
Что ест на обед дедушка? – *Дедушка ест на обед жареную курицу.*

- ... любит сестра? – Старший брат.
- ... изучает студент? – Русский язык.
- ... боятся дети? – Водяной и леший.
- ... приготовила на обед моя подруга? – Вкусные мидии.
- ... ловят рыбаки в Черном море? – Рыба и морепродукты

При выполнении репродуктивных упражнений необходимо самостоятельно определить, какая лексическая единица употребляется в грамматической конструкции. Например:

Упражнение 8. Задайте вопросы *Кто это на картинке номер 5? Что это на картинке № 6?* Дайте ответы на данные вопросы (*Это ...*) [7, с. 5–6]. Составьте текст, используя по 3 картинки с изображением одушевленных / неодушевленных существительных (10 минут). Расскажите его.

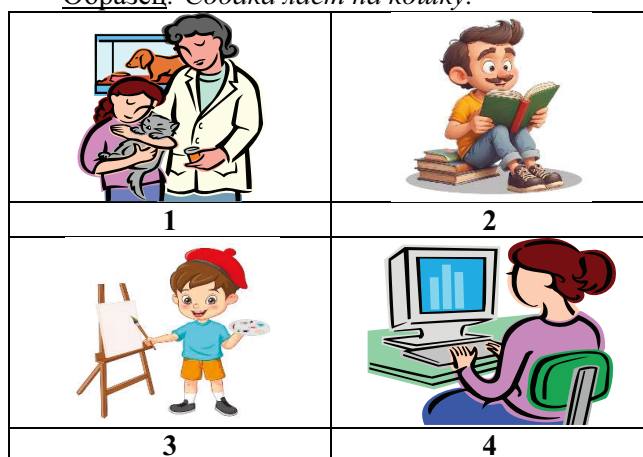
	
1	2
	
3	4
	
5	6
	
7	8

Необходимо отметить, что репродуктивные упражнения являются переходным этапом от подготовительных упражнений к речевым. Представим примеры речевых упражнений:

Упражнение 9. Скажите, что вы видите на картинках.

Образец: Собака лает на кошку.

Упражнение 10. Расскажите об увлечениях членов Вашей семьи. Используйте в своем тексте одушевленные / неодушевленные имена существительные, которые были в предыдущих упражнениях.

При выполнении комплекса упражнений формирующего этапа эксперимента обучающиеся закрепляли знания и отрабатывали лексические и грамматические навыки, расширяли свой лексический минимум и как итог – совершенствовали коммуникативную компетенцию.

На последнем этапе эксперимента также с помощью тестирования проводился контроль полученных знаний, который должен был показать, как студенты-инофоны освоили материал. В контрольный тест были включены дополнительные лексические единицы, представленные в учебных материалах, которые прошли апробацию на втором этапе. По результатам выполненных упражнений было выявлено отсутствие студентов с низким уровнем знаний и отмечен рост числа обучающихся, обладающих средним и высоким уровнем знаний.

В приведенных диаграммах отражено соотношение результатов первого (констатирующего) и третьего (контрольного) этапов эксперимента.

Рис.1. Результаты констатирующего и контрольного этапов эксперимента

Таким образом, в ходе эксперимента разработанная лингводидактическая система по обучению КОН показала положительные результаты в формировании грамматической компетенции иностранных студентов, что позволило сделать вывод о целесообразности и эффективности применения данной системы заданий, построенной с учетом реального уровня владения языком и особенностей усвоения данного грамматического материала.

Стоит отметить, что представление КОН имен существительных – неотъемлемая часть преподавания РКИ как на начальном, так и на корректирующем этапе обучения, поскольку она тесно связана не только с грамматикой (с изучением падежной системы), но и семантической стороной языка. Понимание данной категории как важной лингвистической составляющей русского языка, осознание её роли в формировании грамматической компетенции, а также применение системы соответствующих упражнений занимают свое особое место в методике РКИ. Все эти моменты необходимо учитывать в комплексе, так как важно не только учить студентов грамматическим правилам, но и объяснять обучающимся семантические особенности слов и их потенциальные изменения в различных контекстах. Усвоение данной категории и связанных с ней грамматических форм способствует формированию грамматической компетенции ино-

странных обучающихся, что, в свою очередь, является ключевым компонентом их иноязычной коммуникативной компетенции.

Список источников

1. Ельмслев Л. О категориях личности / неличности и одушевленности / неодушевленности // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С.114–152.
2. Ицкович В. А. Существительные одушевленные / неодушевленные в современном русском языке (норма и тенденции) // Вопросы языкознания. 1980. № 4. С. 84–96.
3. Нарушевич А. Г. Несколько вопросов о категории одушевленности / неодушевленности // Русский язык. 2002. № 41. URL: <https://rus.lsept.ru/article.php?ID=200204103> (дата обращения: 22.05.2024).
4. Великий Д. С. К вопросу об обобщенной структуре компетенций и уровнях их развития в области школьного и высшего образования // Молодой ученый. 2013. № 5. С. 674–677.
5. Пассов Е. И. Методика как наука будущего. Краткая версия новой концепции. СПб.: Златоуст, 2019. 172 с.
6. Агеева Ю. В., Юань Л. Комбинированная форма обучения русскому языку как иностранному: из опыта внедрения // Русский язык в поликультурном мире: сборник науч. статей III Межд. симпозиума. Ялта: «Издательство Типография "Ариал"», 2019. С. 176–182.
7. Русский язык без ошибок: уровень А1: учебное пособие / сост.: Ю. В. Агеева, В. Н. Яппарова. Казань: Издательство Казанского университета, 2020. 100 с.

References

1. El'msl'ev, L. (1972). *O kategoriyakh lichnosti / nelichnosti i odushevlennosti / neodushevlennosti* [About

the Categories of Personality/Non-Personality and Animate/Inanimate]. *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya*. Pp. 114–152. Moscow, Nauka. (In Russian)

2. Itskovich, V. A. (1980). *Sushhestvitel'nye odushevlennyye / neodushevlennyye v sovremennom russkom yazyke (norma i tendentsii)* [Animate/Inanimate Nouns in Modern Russian (Standards and Trends)]. *Voprosy yazykoznanija*, No. 4, pp. 84–96. (In Russian)

3. Narushevich, A. G. (2002). *Neskol'ko voprosov o kategorii odushevlennosti / neodushevlennosti* [A Few Questions about the Animate/Inanimate Category]. *Russkii Yazyk*, No. 41. URL: <https://rus.lsept.ru/article.php?ID=200204103> (accessed: 22.05.2024). (In Russian)

4. Velikii, D. S. (2013). *K voprosu ob obobshhennoi strukture kompetentsii i urovnyakh ikh razvitiya v oblasti shkol'nogo i vysshego obrazovaniya* [On the Issue of the Generalized Structure of Competencies and Levels of Their Development in the Field of School and Higher Education]. *Molodoi uchenyi*, No. 5, pp. 674–677. (In Russian)

5. Passov, E. I. (2019). *Metodika kak nauka budushhego. Kratkaya versiya novij kontseptsii* [Methodology as the Science of the Future. A Short Version of the New Concept]. 172 p. St. Petersburg, Zlatoust. (In Russian)

6. Ageeva, Yu. V., Yuan', L. (2019). *Kombinirovannaya forma obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu: iz opyta vnedreniya* [Combined Form of Teaching Russian as a Foreign Language: From Implementation Experience]. *Russkii yazyk v polikul'turnom mire: sbornik nauch. statei III Mezhd. simpoziuma*. Pp. 176–182. Yalta, izdatel'stvo Tipografiya "Ariall". (In Russian)

7. *Russkii yazyk bez oshibok: uroven' A1: uchebnoe posobie* (2020) [Russian Language without Errors: Level A1: A Study Guide]. Sost.: Yu. V. Ageeva, V. N. Yapparova. 100 p. Kazan', izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. (In Russian)

The article was submitted on 12.11.2024

Поступила в редакцию 12.11.2024

Агеева Юлия Викторовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
jageeva@yandex.ru

Гмызина Виктория Сергеевна,
ассистент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
vicagmyzina6@mail.ru

Ageeva Yulya Victorovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
jageeva@yandex.ru

Gmyzina Victoria Sergeevna,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
vicagmyzina6@mail.ru

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-363-369

ТРИ АСПЕКТА РАБОТЫ НАД ПРЕДЛОЖЕНИЕМ (ИЗ ОПЫТА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК НЕРОДНОМУ)

© Кабир Закирьянов, Радиф Замалетдинов

THREE ASPECTS OF WORKING ON A SENTENCE (FROM EXPERIENCE OF TEACHING RUSSIAN AS A NON-NATIVE LANGUAGE)

Kabir Zakiryanov, Radif Zamaletdinov

The article examines the content of the work on the sentence in the process of teaching Russian as a non-native language. Despite the availability of methodological works on the study of syntax in the Russian language school course, we believe that insufficient attention is paid to the sentence as a syntactic unit. We propose to consider a sentence as a complex, multidimensional linguistic and speech unit. In our opinion, the central link in the process of learning a sentence in Russian lessons is mastering the mechanism of a sentence construction. At the same time, we note that this work should begin as early as at the stage of studying morphology to be later consolidated in syntax lessons. As the core ones in educational practices, we propose to highlight three aspects of working on the sentence, in particular, when working on language acquisition: 1) syntactic connections of words, 2) word order, 3) intonation. In our opinion, not all these aspects are implemented in practice. Each of the three aspects has its own specifics; at the same time, they are organically interconnected. This relationship contributed to the emergence of the idea of multidimensional (complex) teaching of the Russian language based on a syntax. In this methodology, the sentence is considered to be a component of a coherent text, which implies the use of the text as the main didactic material when teaching Russian as a non-native language.

Keywords: Russian language, educational unit, sentence, syntactic connections of words, word order, intonation

В статье рассматривается содержание работы над предложением в процессе обучения русскому языку как неродному. Несмотря на наличие методических разработок изучения синтаксиса в школьном курсе русского языка, считаем, что предложению как синтаксической единице уделяется недостаточно внимания. Предлагаем рассматривать предложение как комплексную, многоаспектную языковую и речевую единицу. По нашему убеждению, центральным звеном в процессе изучения предложения на уроках русского языка является овладение механизмом построения предложения. При этом считаем, что данную работу необходимо начать уже при изучении морфологии, далее закрепить на уроках по изучению синтаксиса. Как основные, в учебной практике мы предлагаем выделить три аспекта работы над предложением, в частности работа над усвоением: 1) синтаксической связи слов, 2) порядка слов. 3) интонации. На наш взгляд, не все указанные аспекты находят свое воплощение на практике. Каждый из трех аспектов имеет свою специфику, но в то же время надо учитывать, что они органически взаимосвязаны. Такая взаимосвязь способствовала возникновению идеи многоаспектного (комплексного) обучения русскому языку на синтаксической основе. В этой методике предложение рассматривается как компонент связного текста, что предполагает использование текста в качестве основного дидактического материала при обучении русскому языку как неродному.

Ключевые слова: русский язык, учебная единица, предложение, синтаксические связи слов, порядок слов, интонация

Для цитирования: Закирьянов К., Замалетдинов Р. Три аспекта работы над предложением (из опыта обучения русскому языку как неродному) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 363–369. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-363-369

В современной многонациональной и многоязычной Российской Федерации, где русский язык функционирует в качестве государственного языка страны и языка-посредника – средства межнационального общения разноязычного населения во всех ее регионах, практическое владение русским языком как средством речевой коммуникации является обязательным условием для совместного проживания (преодоления языкового барьера) и успешного сотрудничества всех ее граждан на одной территории.

Свою основную, коммуникативную функцию (вспомним фразу: *Язык – важнейшее средство человеческого общения*) язык реализует только в речи, основной (и минимальной) единицей которой является предложение. Без овладения навыками построения предложения нельзя говорить ни о какой речевой коммуникации. Значит, основной задачей при обучении русскому языку как неродному в нерусской школе является обучение учащихся механизму построения предложения.

Конечно, для конструирования предложений любой структуры нужно знать слова данного языка (предложение строится из слов). «Без знания слов, причем большого их количества, нельзя знать язык, пользоваться им» [1, с. 3]. Однако знание изолированных слов еще не обеспечивает умение пользоваться языком как средством общения. Чтобы строить речь, недостаточно знать только отдельные слова, нужно уметь еще правильно связывать их между собой. По этому поводу Ф. Ф. Советкин писал: «Если ученик даже хорошо усвоит определенное количество русских слов, но не научится связывать их между собой в осмысленные фразы, русской речи у него все равно не получится» [2, с. 4].

Слова участвуют в сообщении мысли только в составе предложения, вне контекста они безжизненны. Очень образно писал об этом О. Есперсен в своей книге «Как обучать иностранным языкам»: «Не связанные друг с другом слова – все равно что камни вместо хлеба, с помощью одних списков слов не скажешь ничего вразумительного... Слова, взятые вне своего окружения, чахнут и хиреют и в конце концов перестают выполнять естественную функцию слов, а именно: выражать мысли через понятия. Изолированные слова, если они подаются бессвязно и в парадигмах, – это лишь призраки или трупы слов» (цит. по [3, с. 87]). Слова оживут, «придут в движение» при условии, если они будут усвоены во всех грамматических формах. А достигается это путем изучения лексики в контексте, в котором слова употребляются в конкретном лексическом значении и выступают в определенном грамматическом оформлении.

Значит, основой, главным условием практического владения языком является умение строить из слов предложения. Соответственно, правомерно утверждение: «Тот, кто усвоил умение свободно оперировать словами, составляя из них предложения..., тот усвоил основы изучаемого языка, основы, на которых можно развернуть широкое пользование языком. Кто не усвоил основ построения предложения, тот все время будет беспомощен в практике русской речи» [4, с. 277].

При таком утверждении естественно напрашивается следующий методический вывод: работа по привитию навыков построения русского предложения должна составлять основное содержание обучения русскому языку в нерусской школе.

Возникает вопрос: каково же это содержание, что оно включает в себя? Попробуем ответить на него.

Предложение – комплексная языковая и речевая единица. Содержание работы над ним определяется особенностями его построения.

В структурном оформлении предложения как основной коммуникативной единицы выделяются два уровня: 1) конструктивно-синтаксический и 2) коммуникативно-синтаксический [5, с. 31].

На конструктивно-синтаксическом уровне предложение представляет собой синтаксическое соединение слов, образующих цепь иерархических зависимостей. На данном уровне происходит грамматическое членение предложения – квалификация слов как членов предложения – главных и второстепенных. Объектом изучения предложения является оформление связи между словами – образование предикативной основы предложения (главные члены) и состав распространителей предикативной основы (второстепенные члены).

На коммуникативно-синтаксическом уровне в соответствии с коммуникативным заданием (целью сообщения) происходит актуальное членение предложения, которое реализуется в письменной речи с помощью порядка слов, в устной речи – посредством интонации.

Отсюда вытекает, что изучение построения предложения обязательно предполагает усвоение: 1) синтаксических связей слов, 2) закономерностей словорасположения (порядка слов), 3) особенностей интонации. Этим и определяется основное содержание работы над предложением на уроках русского языка в нерусской школе. Таким образом, изучение предложения в школе становится трехаспектным, и без усвоения хотя бы одного из них овладение структурой предложения будет неполноценным.

Изучение каждого из аспектов предложения имеет свою специфику, которой определяется система работы над ними и выбор методических приемов. Рассмотрим содержание работы каждого из аспектов.

Синтаксическая связь слов в предложении. Построение любого (любой степени сложности) предложения основано, прежде всего, на умении правильно оформлять связь между словами: без этого умения невозможна никакая речь. Значит, этот аспект работы над предложением является первостепенным и должен находиться в центре внимания в течение всего процесса обучения русскому языку в нерусской школе.

Связь между словами осуществляется в русском языке посредством таких средств, как окончание слов, служебные слова (предлоги и союзы), порядок слов и интонация. Главными из них являются окончания, которые образуют грамматические формы слов, и предлоги, которые вместе с окончаниями именных частей речи образуют предложно-падежную систему русского языка. Поэтому изучение их, окончаний слов и предлогов, составляет основу работы по усвоению синтаксических связей слов в предложении.

Поскольку грамматические формы слов (формы рода, числа, падежа, лица, времени) изучаются в разделе морфологии, то именно на этих уроках создаются наиболее благоприятные условия для осмысления лингвистической природы и для практического усвоения синтаксических связей слов в предложении. Этим обуславливается необходимость изучения морфологии на синтаксической основе, то есть в составе синтаксических единиц.

Так, нормы синтаксических связей слов в русском языке учащиеся нерусских школ лучше усвоят путем изучения структуры словосочетаний, компоненты которых связаны и по смыслу, и грамматически. Представляя собой микроконтекст, словосочетание является достаточным для раскрытия конкретного лексического значения слова и усвоения его грамматических форм. Поэтому словосочетание целесообразно использовать в качестве учебной единицы. Так как грамматическая форма зависимого слова обусловлена принадлежностью компонентов словосочетания к той или иной части речи, целесообразно изучать структуру словосочетания на уроках морфологии, рассматривая каждую изучаемую часть речи в роли как главного, так и зависимого компонентов словосочетания (если слово по своей грамматической природе способно быть тем и другим). Такая работа обеспечит к концу изучения морфологии практическое усвоение учащи-

мися всех основных типов словосочетаний: именных, глагольных, наречных. Более того, при таком изучении частей речи автоматизируются навыки оформления грамматической связи зависимого слова с главным, осмысливается различие способов синтаксической связи слов – согласование, управление, примыкание – в зависимости от принадлежности компонентов словосочетания к той или иной части речи. А это, в свою очередь, подготавливает учащихся к теоретическому обобщению способов связи слов на уроках в 8 классе.

Кроме трех способов связи слов – согласования, управления, примыкания, реализуемых в словосочетании, вместе с ним и в предложении (словосочетание входит в состав предложения в качестве строительного материала), есть еще другие способы соединения слов. Это предложенческие связи, которых нет в словосочетании и которые реализуются в предложениях разных структурных типов. Наличие их объясняется сложностью синтаксической структуры предложения как коммуникативной единицы. Эти связи обусловлены не сочетательными свойствами слов, как в словосочетании, а выражаемыми смысловыми отношениями (они выражают новые типы смысловых отношений, которые невозможны в словосочетаниях). К ним относятся следующие виды и способы связи слов, с которыми учащиеся знакомятся при изучении соответствующих типов синтаксических конструкций: сочинительная связь, координация, соположение, тяготение, аппликация (наложение), интродуктивная связь (включение), детерминативная связь [6], [7].

При построении предложения цепь синтаксических связей начинается с его главных членов, вокруг которых группируются второстепенные члены, распространители грамматической основы (предикативного ядра). Поэтому усвоение грамматической связи между собой подлежащего и сказуемого играет важную роль в структурной организации предложения.

Связь сказуемого с подлежащим существенно отличается от связи слов в словосочетании. Между ними устанавливаются предикативные отношения (а компоненты словосочетания не могут выражать эти отношения), которые оформляются разными способами, отличающимися от способов связи компонентов словосочетания (и второстепенных членов предложения). Многообразие морфологических способов выражения подлежащего и сказуемого делает очень трудным для учащихся, особенно для нерусских, правильный выбор грамматической формы сказуемого, которая определяется подлежащим, его

частеречной принадлежностью и структурой – выражено одним словом или словосочетанием [8].

Порядок слов в предложении. Слова в предложении располагаются в определенном порядке. Порядок слов в русском языке многофункционален. Он выполняет три функции: 1) грамматическую, 2) коммуникативную, 3) стилистическую, которые тесно взаимосвязаны и взаимодействуют и в соответствии с которыми устанавливается в каждом конкретном случае тот или иной словопорядок [9]. В силу своей многофункциональности порядок слов в русском языке обслуживает все предложение в целом: существенным является не столько место какого-либо отдельного члена предложения, сколько их взаимное расположение. Перемещение одного из членов сказывается на взаимосвязи всех членов внутри данного предложения, на его коммуникативном значении и стилистической окраске. Вот почему выбор правильного словорасположения при построении предложения на русском языке оказывается для нерусского ученика делом чрезвычайно трудным. К тому же нормы словорасположения в русском и родном языках обучающихся (например, в башкирском или татарском) значительно расходятся, и родной язык оказывает интерферирующее влияние при построении русского предложения.

Этим фактором обуславливается необходимость целенаправленной систематической работы над усвоением порядка слов параллельно с усвоением синтаксической связи слов в предложении. Целесообразно поэтапное ознакомление нерусских учащихся с нормами порядка слов в русском предложении.

В первую очередь необходимо добиться усвоения норм прямого порядка слов: подлежащее предшествует сказуемому, а место второстепенных членов определяется характером их синтаксической связи – согласуемые слова располагаются препозитивно, управляемые – постпозитивно, а слова, связанные по способу примыкания, в зависимости от их морфологического выражения стоят в препозиции или постпозиции, то есть сохраняется словопорядок, свойственный словосочетанию. Например, предложение *Учащиеся прилежно изучают на уроках русский язык* построено по нормам прямого порядка слов.

Необходимость изучения в первую очередь норм прямого порядка слов обусловлена, главным образом, наибольшей употребительностью их в речи. По нашим весьма приблизительным подсчетам, в текстах разных жанров по нормам прямого порядка слов строится от 60 до 80 процентов предложений. Кроме того, предложения с

прямым порядком слов нейтральны в стилистическом отношении. В учебных и научных текстах преобладают предложения с прямым порядком слов.

При изучении норм прямого порядка слов в предложении усваивается его грамматическая функция, тесно связанная с грамматическим членением предложения.

В потоке связной речи возможны изменения норм прямого порядка слов. Эти изменения обусловлены коммуникативными задачами и стилистической окраской речи – вступают в действие коммуникативная и стилистическая функции порядка слов. Именно этими функциями объясняется построение предложений с прямым и обратным порядком слов. Поэтому после усвоения норм прямого порядка слов, основанных на грамматической функции, необходимо знакомить учащихся и с коммуникативной, и стилистическими функциями предложения. По смыслу предложение делится на две части: в первой (начальной) части сообщается то, что известно говорящему (пишущему) о предмете речи, во второй (конечной) части содержится цель сообщения, то, что является новым в сообщении. Такое смысловое деление предложения в научной грамматике получило название «актуальное членение предложения». Для обозначения смысловых делений предложения используются термины *тема* (1-я часть) и *рема* (2-я часть). (В школьной практике можно пользоваться терминами *данное* (1) и *новое* (2) или *известное* (1) и *неизвестное* (2). Но предпочтительно использовать научные термины *тема* и *рема*.)

В спокойной речи важное в коммуникативном отношении слово (новое в сообщении – *рема*) располагается в конце предложения, в устной речи оно выделяется и интонацией – на него падает логическое ударение. Например:

- 1) *В шахматном турнире Юлай занял / первое место* (какое место?).
- 2) *Юлай занял первое место / в шахматном турнире* (где?).
- 3) *В шахматном турнире первое место занял / Юлай* (кто?).

Как видно из примеров, актуализируемое слово выносится в конец предложения. В третьей фразе актуализируется подлежащее (*Юлай*), и оно вынесено в конец высказывания, что послужило основанием для построения предложения с обратным порядком слов.

В стилистически окрашенной речи порядок расположения компонентов актуального членения может меняться – располагаться по схеме: *рема – тема*. В этом случае важное в смысловом отношении слово (актуализируемое слово) выно-

сится в начало предложения, в устной речи сила логического ударения на этом слове возрастает. Сравним:

Юлай / занял первое место в шахматном турнире (кто?).

Первое место / занял Юлай в шахматном турнире (какое место?).

В стилистических целях возможны изменения норм прямого порядка слов (варьирование словопорядка) также внутри темы и ремы.

Варьирование порядка слов в соответствии с коммуникативными и стилистическими задачами характерно, главным образом, для повествовательных предложений. Что касается вопросительных и побудительных предложений, то порядок слов в них относительно устойчивый. В вопросительных предложениях начальную позицию занимает вопрос: *Кто написал оперу «Евгений Онегин»? Кто сегодня дежурный в классе? Когда родился А.С.Пушкин? Где вы живете? Сколько вам лет? Знаете ли вы его? Знакомы вы с ним?* В побудительных предложениях начальную позицию занимает слово, призывающее, побуждающее к совершению какого-либо действия: *Позвони мне вечером. Любите свой язык, свой народ, свою родину. Переведите данный текст на свой родной язык. Закройте форточку. Не мешайте мне работать* и под.

Итак, при целенаправленной работе над порядком слов его грамматическая функция усваивается одновременно с усвоением синтаксических связей слов в словосочетании и предложении. Для ознакомления с коммуникативной функцией порядка слов целесообразно выделить специальные уроки при изучении членов предложения по курсу синтаксиса в 8 классе. Далее на основе этих знаний организуются систематические наблюдения над стилистической функцией порядка слов в процессе работы над учебными текстами, используемыми в качестве дидактического материала при изучении грамматических тем.

Интонация. Для построения и практического пользования предложениями в устной речевой коммуникации недостаточно знать только слова и владеть нормами грамматической сочетаемости и порядка расположения их, нужно еще уметь оформлять их интонационно, ибо интонация является одним из обязательных признаков предложения как речевой единицы в устном общении. (Подробнее об особенностях интонации русских предложений см. [10],[11],[12].)

Работа над интонацией русского предложения также должна проводиться систематически, в связи с анализом любого предложения. Главная цель этой работы заключается в формировании у

учащихся навыков правильного интонирования русских предложений изученных структурных типов в соответствии с содержанием контекста (в связной речи), ознакомлении их с основными интонационными средствами: логическим ударением, паузой, силой голоса, изменением высоты голоса, темпом речи и т. д.

Большие возможности для формирования интонационных навыков открывает изучение коммуникативной и стилистической функций порядка слов: в зависимости от местоположения компонентов актуального членения (темы и ремы) предложение принимает ту или иную интонационную окраску, правильное определение темы и ремы поможет выделить логическим ударением нужное слово и т. д.

Заметим, что работе над интонацией предложения в школьной практике обучения русскому языку уделяется очень мало внимания. Это объясняется недостаточной разработанностью данного аспекта работы над предложением в методике обучения русскому языку как в русской, так и в нерусской школе.

На основе всего изложенного можно сделать следующие методические выводы.

1. Практическое овладение русским языком как основная цель обучения русскому языку в нерусской школе предполагает прежде всего усвоение механизма построения предложения, являющегося основной коммуникативной (речевой) единицей. Соответственно, работа над усвоением структуры предложения и по привитию навыков построения предложения должна стать центральной в практике обучения русскому языку как неродному в нерусской школе.

2. Предложение – комплексная, многоаспектная речевая единица, включающаяся в себя и лексику, и грамматику языка, поэтому работа по усвоению механизма его построения будет многосторонней. Как основные, в учебной практике выделяются три аспекта работы над предложением: 1) синтаксическая связь слов, 2) порядок слов, 3) интонация.

3. Каждый из аспектов работы над предложением имеет свою специфику и нуждается в разработке своей методической системы. В то же время изучение предложения в указанных трех аспектах должно идти во взаимосвязи, потому что все средства построения предложения функционируют в тесном единстве. Такая специфика построения и функционирования предложения в речи способствовала порождению идеи многоаспектного (комплексного) обучения русскому языку на синтаксической основе.

4. Наиболее эффективным способом реализации данной идеи в учебной практике является

использование предложения в качестве основной учебной единицы, рассмотрение его как компонента связного текста.

5. Поскольку предложение строится из слов и словосочетаний, то работа над усвоением механизма его построения обязательно включает в свое содержание работу над словом и его грамматическими формами. Так осуществляется взаимосвязанное изучение лексики и грамматики, морфологии и синтаксиса.

6. Предложение как минимальная коммуникативная единица, подобно слову, также функционирует лишь в контексте – в составе связного текста, который строится из предложений. Этим обуславливается необходимость рассмотрения предложения как компонента связного текста – в составе текста, что предполагает использование текста в качестве основного дидактического материала на уроках русского языка.

Список источников

1. Земская Е.А. Как делаются слова / Ответ. ред. В. В. Виноградов. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 96 с.
2. Советкин Ф. Ф. Как обучать русскому языку солдат, не владеющих русским языком: Методические указания к занятиям по книге проф. Ф. Ф. Советкина «Краткий учебник рус. языка для солдат, не владеющих рус. языком». М.: Воен. изд-во, 1952. 32 с.
3. Вопросы обучения и воспитания в национальной школе Сборник статей / М-во просвещения РСФСР. Науч.-исслед. ин-т нац. школ. М.: Педагогика, 1971. 221 с.
4. Чистяков В. М. Основы методики русского языка в нерусских школах: Пособие для учителей. 4-е изд., испр. М.: Учпедгиз, 1958. 464 с.
5. Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М.: Просвещение, 1970. 191 с.
6. Закирьянов К. З. Предложение как основная учебная единица: Учебное пособие. Уфа: Изд-е Башк. ун-та, 1979. 84 с.
7. Закирьянов К. З. Способы синтаксической связи сказуемого с подлежащим // Образование: традиции и инновации. Научно-практический журнал. 2019. № 3. С. 58–66.
8. Закирьянов К. З. Синтаксические связи в предложении // Учитель Башкортостана, 2021, № 11. С. 50–54.
9. Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение. 2-е изд. М.: УРСС, 2002. 239 с.
10. Интонация // Русская грамматика. В 2-х томах. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Том 1. С. 96–122.
11. Садыкова И. А. Русская интонация: учебное пособие по фонетике для иностранных студентов и стажеров филологических специальностей. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. 64 с.
12. Иванова-Лукьянова Г. Н. Культура устной речи: интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм: Учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2002. 197 с.

References

1. Zemskaya, E. A. (1963). *Kak delayutsya slova* [How Words Are Made]. *Otv. red. V. V. Vinogradov*. 96 p. Moscow, izd-vo AN SSSR. (In Russian)
2. Sovetkin, F. F. (1952). *Kak obuchat' russkomu yazyku soldat, ne vladeyushchikh russkim yazykom* [Russian Language Training for Soldiers Who Do Not Speak Russian]. *Metodicheskie ukazaniya k zanyatiyam po knige prof. F. F. Sovetkina "Kratkii uchebnik rus. yazyka dlya soldat, ne vladeyushchikh rus. yazykom"*. Prof. F. F. Sovetkin. 32 p. Moscow, Voen. izd-vo. (In Russian)
3. *Voprosy obucheniya i vospitaniya v natsional'noi shkole. Sbornik statei* (1971) [Issues of Education and Upbringing in the National School. A Collection of Articles]. M-vo prosveshcheniya RSFSR. Nauch.-issled. in-t nats. shkol. 221 p. Moscow, Pedagogika. (In Russian)
4. Chistyakov, V. M. (1938). *Osnovy metodiki russkogo yazyka v nerusskikh shkolakh* [Fundamentals of the Methodology of Teaching Russian in Non-Russian Schools]. *Posobie dlya uchitelei*. 4-e izd., ispr. 464 p. Moscow, Uchpedgiz. (In Russian)
5. Raspopov, I. P. (1970). *Stroenie prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [The Structure of a Simple Sentence in Modern Russian]. 191 p. Moscow, Prosveshchenie. (In Russian)
6. Zakir'yanov, K. Z. (1979). *Predlozhenie kak osnovnaya uchebnaya edinitsa* [The Sentence as a Basic Educational Unit]. *Uchebnoe posobie*. 84 p. Ufa, izd-e Bashk. un-ta. (In Russian)
7. Zakir'yanov, K. Z. (2019). *Sposoby sintaksicheskoi svyazi skazuemogo s podlezhashchim* [Methods of Syntactic Connection of the Predicate with the Subject]. *Obrazovanie: traditsii i innovatsii. Nauchno-prakticheskii zhurnal*. No. 3, pp. 58–66. (In Russian)
8. Zakir'yanov, K. Z. (2021). *Sintaksicheskie svyazi v predlozhenii* [Syntactic Relations in a Sentence]. *Uchitel' Bashkortostana*. No. 11, pp. 50–54. (In Russian)
9. Kovtunova, I. I. (2002). *Sovremennyyi russkii yazyk. Poryadok slov i aktual'noe chlenenie* [Modern Russian Language. Word Order and Actual Division]. 2-e izd. 239 p. Moscow, URSS. (In Russian)
10. *Intonatsiya* (1980) [Intonation]. *Russkaya grammatika*. V 2-kh tomakh. Gl. red. N. Yu. Shvedova. Tom 1, pp. 96–122. Moscow, Nauka. (In Russian)
11. Sadykova, I. A. (2015). *Russkaya intonatsiya: uchebnoe posobie po fonetike dlya inostrannykh studentov i stazherov filologicheskikh spetsial'nostei* [Russian Intonation: A Phonetics Textbook for International Students and Trainees of Philological Specialties]. 64 p. Kazan', izd-vo Kazan. un-ta. (In Russian)
12. Ivanova-Luk'yanova, G. N. (2002). *Kul'tura ustnoi rechi: intonatsiya, pauzirovaniye, logicheskoye udarenie, temp, ritm. Uchebnoye posobie*. [Culture of Oral Speech: Intonation, Pausing, Logical Stress, Tempo, Rhythm. A Textbook]. 197 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 02.11.2024
Поступила в редакцию 02.11.2024

Закирьянов Кабир Закирьянович,
доктор филологических наук,
профессор,
главный научный сотрудник,
Уфимский университет науки и технологий,
450076, Россия, Уфа,
Заки Валиди, 32.
farni@rambler.ru

Замалетдинов Радиф Рифкатович,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
director.ifmk@gmail.com

Zakiryanov Kabir Zakiryanovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Chief Researcher,
Ufa University of Science and Technology,
32 Zaki Walidi Str.,
Ufa, 450076, Russian Federation.
farni@rambler.ru

Zamaletdinov Radif Rifkatovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
director.ifmk@gmail.com

УДК 372.881.111.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-370-375

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНЫХ МЕТОДАХ ПРИ ОБУЧЕНИИ УСТНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ СТУДЕНТОВ

© Наталья Кривошеева

ON THE ISSUE OF EFFECTIVE METHODS IN TEACHING ORAL FOREIGN LANGUAGE SPEECH TO STUDENTS

Natalia Krivosheeva

The relevance of the article is justified by the fact that in the modern world it is difficult to overestimate the importance of speaking a foreign language. Speaking is becoming key in the process of learning foreign languages, especially English. Modern realities present students with new tasks that can cause difficulties. Foreign language teachers need not only to teach the basic components of speech activity, but also to prepare students for interaction in real life. For many students, speaking is one of the most difficult aspects of learning. Our research is devoted to identifying the potential of the direct method in teaching students. Research methods include an analysis of theoretical sources, generalization and systematization of key concepts, an oral interview of students, an analysis of the data obtained and a plan of further research. A theoretical review of the literature on the research topic helped to establish that despite some disadvantages, the direct method has many supporters and many advantages. In the study, we propose to launch an experiment in which students of beginning levels of English will be tested, divided into groups, and during the academic year they will learn the language using the direct method. The practical part of the work was the collection of data and their analysis using the criteria of the IELTS exam.

Keywords: foreign language, language training methods, codeswitching

Актуальность статьи обоснована тем, что в условиях современного мира трудно переоценить важность устной иноязычной речи. Говорение становится ключевым в процессе изучения иностранных языков, особенно английского. Современные реалии ставят перед студентами новые задачи, которые могут вызывать сложности. Преподавателям иностранных языков необходимо не только обучать основным компонентам речевой деятельности, но и готовить студентов к взаимодействию в реальной жизни. Для многих учащихся говорение представляет собой один из самых трудных аспектов обучения. Наше исследование посвящено выявлению потенциала прямого метода при обучении устной речи студентов. Методы исследования включают в себя анализ теоретических источников, обобщение и систематизацию ключевых понятий, устный опрос студентов, анализ полученных данных и планирование дальнейших исследований. Теоретический обзор литературы по теме исследования помог установить, что, несмотря на некоторые недостатки, у прямого метода есть много сторонников и много преимуществ. В исследовании нами было предложено запустить эксперимент, в котором студенты начальных уровней английского языка будут протестированы, поделены на группы, и в течение года они будут обучаться языку с применением прямого метода. Практическая часть работы представляла собой сбор данных и их анализ с помощью критериев экзамена IELTS.

Ключевые слова: прямой метод, иностранный язык, методика обучения иностранному языку, переключение кодов

Для цитирования: Кривошеева Н. К вопросу об эффективных методах при обучении устной иноязычной речи студентов // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 370–375. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-370-375

Сегодня в мире накопилось значительное количество методов и приемов обучения иностранным языкам, и их число растет с каждым днем. Стоит отметить тем не менее, что на настоящий

момент не существует одного универсального, подходящего всем уровням и возрастам учащихся метода, который бы удовлетворял всем целям, что ставит перед собой учитель при обучении

иностранным языку. Каждый учитель в процессе профессиональной деятельности сталкивается с необходимостью выбрать какой-либо метод изучения. Еще А. Н. Щукин утверждал, что без соответствующих методов обучения невозможно реализовать цели и задачи обучения [1, с. 75].

Одним из действенных и проверенных методов является прямой метод. Прямой метод, который также называют естественным методом, заключается в использовании только изучаемого языка без обращения к родному языку в процессе изучения. Данный метод был введен в пользование в начале XX в. и использовался на контрасте с методом грамматического перевода и двуязычным методом. В разработке прямого метода участвовали известные лингвисты и методисты В. Фиетор, О. Есперсен, Ш. Швейцер и др. Представители прямого метода ставили перед собой задачу обучить учащихся практическому владению языком преимущественно в его устной форме.

Несмотря на существующие недостатки, именно прямой метод показал себя как наиболее эффективный при обучении устной речи.

Рассмотрим более подробно особенности данного метода. Х. С. Наик объяснял прямой метод как процесс установления аудиовизуальной связи между словами и фразами, идиомами и значениями, правилами и опытом при помощи умственных и физических способностей учителя без непосредственной помощи родного языка [2, с. 68]. Как уже указывалось выше, ключевым в данном методе является изучение устной речи. Отбор лексического материала для занятий с использованием данного метода определяется преимущественно темами и коммуникативными ситуациями. Создатели метода делали упор на использовании индуктивного подхода, что подразумевает наблюдение учащимися за использованием моделей языка в речи, нахождение языковых закономерностей, последующее приведение данных закономерностей в определенную систему в виде правил и инструкций. Основным преимуществом данного метода составители называли обращение к живому разговорному языку. Как указывала Е. Н. Соловова, хороший урок иностранного языка должен вестись на изучаемом языке, а не должен быть уроком о языке [3, с. 165].

Прямой метод тесно связан с освоением родного языка и в значительной степени копирует процесс его усвоения ребенком, что делает его наиболее естественным, в частности, при обучении говорению. Первое, чему учится ребенок в процессе освоения языка, это воспринимать, копировать и впоследствии воспроизводить речь

других людей, неосознанно копировать речевые модели, используемые взрослыми носителями языка. Как указывал Б. Ф. Скиннер, ребенок изучает язык, приобретая навыки речевого поведения в процессе соотнесения каждого предложения с ситуацией и одобрительного или негативного поведения взрослых (перевод наш. – Н. К.) [4, с. 478]. Прямой метод копирует данную модель, создавая «искусственную естественную» среду. Обучающимся необходимо переживать опыт, близкий к ситуациям в реальной жизни, и соответствующе применять изучаемый язык. Так, хорошим примером подобного использования прямого метода в учебниках является так называемый Classroom English: всевозможные инструкции, приводимые в учебниках («Open your books on page...», «Turn to the page...», «Talk to your partner» etc.), погружают в ситуации реального общения на изучаемом языке.

Согласно Шифману, обучающимся не нужно понимать все, что им говорит преподаватель, а использование переключения языковых кодов может негативно отразиться на языковых и ситуативных навыках обучающихся. Таким образом, переход на родной язык подрывает процесс обучения, в то время как обучение на изучаемом языке имеет множество преимуществ, таких как, например, погружение в иностранный язык и культуру [5, с. 120]. С. Chaudron утверждал, что иностранный язык должен преподаваться исключительно при использовании данного языка, без вкраплений родного языка, так как учитель должен создавать чистую языковую среду для своих учеников [6, с. 279].

Цели изучения новых иностранных языков во всех странах по сути своей едины, как отмечает Н. С. Найденова: практическое усвоение языка для беседы с иностранцем и ознакомления учеников со страной изучаемого языка, с ее культурой, искусством и пр. [7, с. 4]. Такие цели наиболее эффективно будут достигнуты именно в процессе погружения в языковую среду, и целью учителя при использовании прямого метода является имитирование подобной среды, искусственное ее создание.

В то же время нельзя не отметить недостатки прямого метода. Педагог сталкивается с такими ситуациями, как долгие и пространственные объяснения каких-либо понятий, правил или значений слов, часто не достигая при этом необходимого понимания от обучающихся. В данном случае прибегают к родному языку и использование метода переключения кодов и метода двух языков может быть не только оправданным, но и более эффективным. Кроме того, особой сложностью является преподавание грамматики посред-

ством прямого метода. Грамматическая составляющая языка является тем слоем, который необходимо не просто заучивать, но и понимать, и данное понимание не всегда достигается посредством объяснения на изучаемом языке. Исследования многих ученых и методистов, а также опыт практикующих учителей указывают на то, что прямой метод не является эффективным при изучении грамматики иностранного языка: так, еще в 1985 г. исследователь Wong-Fillmore установил экспериментальным путем, что обучающиеся настолько привыкли к использованию лишь одного языка в процессе обучения, что игнорировали родной язык, что в процессе привело к более низким результатам, ввиду их неумения обращаться в случае необходимости к родному языку (здесь и далее перевод наш. – К. Н.) [8, с. 30]. Обращаясь к А. Бетиву, языковое погружение – это двуязычный метод обучения, при котором различные предметы могут преподаваться на двух языках, так как процесс погружения может быть разных видов – от культурного до лингвистического [9, с. 357].

Мы придерживаемся мнения вслед за такими учеными, как С. Шодрон, Д. Шифман, что использование родного языка при изучении иностранного языка, в частности говорения, устной коммуникации, должно быть сведено к минимуму. При планировании занятия педагогу важно создавать такие условия, в которых использование иностранного языка будет единственным способом достижения цели. Обращаясь к Д. Шифману, отметим, что если у обучающихся в языковой среде есть возможность использовать родной язык на учебных занятиях или в какой-либо другой группе, то использование изучаемого языка как инструмента жизнедеятельности может уменьшаться [6, с. 279].

При использовании прямого метода на уроках иностранного языка нельзя забывать о таком важном понятии, как переключение кодов (code switching). П. М. Лайтбоун определял переключение кодов как систематическое переключение между двумя языками или языковыми вариантами в ходе одной языковой ситуации. Лайтбоун утверждал, что использование родного языка, как намеренное, так и непреднамеренное (что является частым феноменом среди билингвов), приведет к негативным эффектам при изучении языка [10, с. 84].

В данной работе мы исследуем потенциал использования прямого метода при обучении студентов первого курса устной речи. Наше исследование представляет собой опытно-экспериментальную работу, проведенную среди студентов 1 курса специальности Педагогиче-

ское образование (с двумя профилями подготовки) (Изобразительное искусство и иностранный (английский) язык). Данные студенты в большинстве являются билингвами, и среда их обучения является полилингвальной, так как при обучении они используют три языка: русский, татарский (родные языки) и английский (иностраный язык). В ходе данной работы нами было проведено устное входное тестирование в виде диалога/беседы. Основные вопросы тестирования охватывали следующие темы: семья (family), свободное время (leisure time), хобби (hobby), образование (education), будущая карьера (future career), отпуск (holidays). Уровень, охватываемый вопросами, не превышал уровень владения языком A2 по шкале CEFR (Общеввропейские компетенции владения иностранным языком).

Анализ собранных данных проводился по критериям устной части международного экзамена IELTS (Speaking Band Descriptors):

- Fluency and coherence (Беглость и связность);
- Lexical resource (Лексический запас;
- Grammatical range and accuracy (Грамматический диапазон и правильности речи);
- Pronunciation (Произношение).

Кроме этого, мы принимали во внимание такие факторы, как скорость реакции на вопрос, степень развернутости ответа, необходимость в переводе вопроса на родной язык.

IELTS (Speaking Band Descriptors) – это набор критериев оценки, которые экзаменатор использует для оценки устной речи. Критерии оценки разбиты на четыре категории по 9 диапазонам. Пояснения критериев представлены в приложении (табл. А.1) [11].

В таблице 1 представлены результаты входного тестирования студентов, которое было оценено по критериям IELTS (Speaking Band Descriptors). В данной таблице критериям соответствуют уровни владения языком, в которых уровень 1 соответствует самому примитивному владению (студент может воспроизводить бессвязные слова и фразы, делает много ошибок в произношении, коммуникация почти невозможна), а 9 – это высший уровень владения. В данной группе уровень владения устной иноязычной речью не превысил показатель 4.

Таблица 1
Результаты устного входного тестирования студентов

Критерий	Уровень владения	Количество студентов на уровне, в процентном соотношении
Fluency and	1	30 %

coherence	2	40 %
	3	20 %
	4	10 %
Lexical resource	1	20 %
	2	20 %
	3	20 %
	4	40 %
Grammatical range and accuracy	1	20 %
	2	50 %
	3	30 %
	4	0 %
Pronunciation	1	10 %
	2	20 %
	3	40 %
	4	20 %

В графике, представленном ниже (рис. 1), систематизированы результаты входного тестирования обучающихся. На графике можно проследить, что различные аспекты вызывают у студентов те или иные сложности. Так, наиболее сложными аспектами говорения для опрошенных стали грамматический диапазон и правильности речи, что можно проследить на графике. Данный факт объясняется тем, что во время спонтанных высказываний студенты не думают в первую очередь о грамотности, а стараются среагировать на задаваемые вопросы, что часто приводит к использованию неправильной структуры предложения на иностранном языке. Часть опрошенных студентов отметили, что строят предложения, копируя структуру русского языка, и не думают о системе английских времен, просто выбирают подходящий определенному контексту глагол, не ставя его в определенную форму. Наиболее легким аспектом оказалась лексика, так как студенты в первую очередь генерируют глоссарий по той или иной теме и готовы использовать имеющиеся у них лексические навыки, общаясь на простые социальные темы.

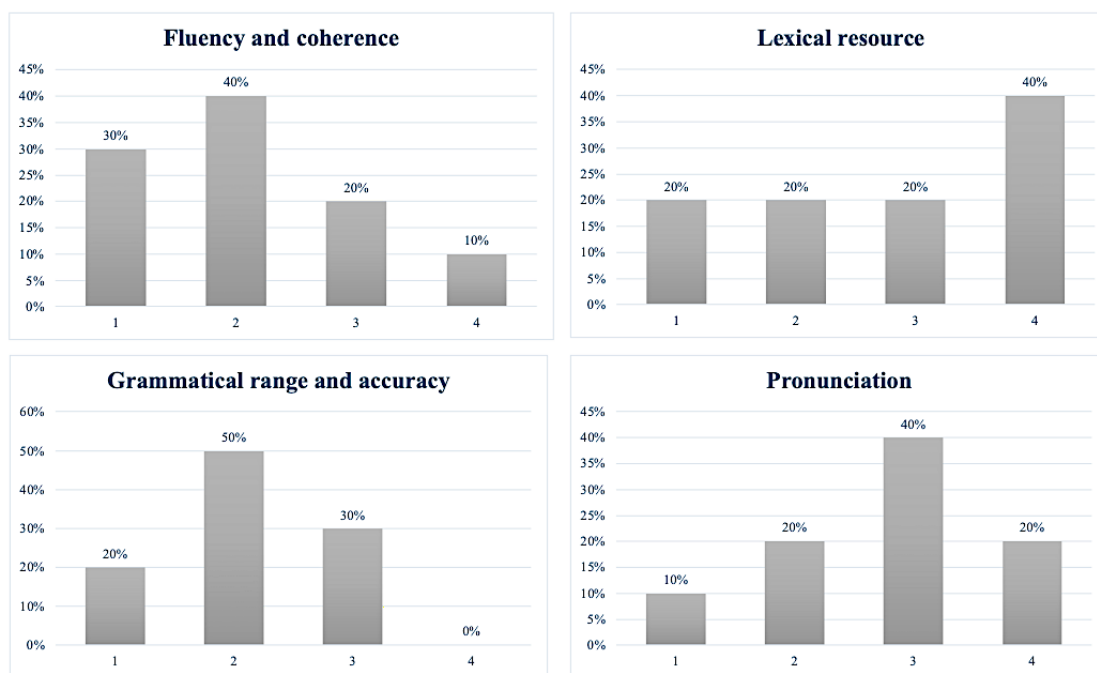

Рис. 1. Результаты входного тестирования студентов по выбранным критериям оценивания. Критерии соответствуют показателям в таблице в приложении (А.1)

Главной целью дальнейших этапов эксперимента является повышение всех четырех цифровых показателей.

Помимо общих групповых результатов, в нашем эксперименте мы также заинтересованы личной траекторией совершенствования устной речи каждого отдельно взятого обучающегося. Повышение эффективности обучения иностранному языку предполагает персонализацию контроля, когда, помимо мониторинга уровня ком-

муникативной компетенции и проведения анализа полученных результатов преподавателем совместно с учащимся, мы можем предложить ему самостоятельно, исходя из своих установок и затруднений, выбрать индивидуальную траекторию совершенствования иноязычной компетенции, опираясь на личные достижения, полученные при погружении в иноязычную языковую среду [12, с. 243]. Для достижения этих целей впоследствии будут отобраны несколько человек

с разными входными данными. Их прогресс и промежуточные результаты будут изучены отдельно, так как необходимо принимать во внимание многие факторы, которые могут повлиять на результаты группы в целом. Полученные данные смогут служить доказательством или опровержением основной гипотезы.

Заключение

Прямой метод обучения не является идеальным, но при соблюдении определенных условий и в определенных группах он представляется нам весьма эффективным при обучении устной иноязычной речи.

Четкие прямые инструкции, исключая непонимание, уменьшают тревожность и дискомфорт обучающихся. Очень важно учитывать уровень владения языком в каждой группе обучающихся во время построения каждого высказывания в процессе обучения. Стоит принимать во внимание грамматические и лексические единицы юнита или модуля, который изучают студенты, использование именной этой определенной лексики и грамматики будут способствовать более легкому пониманию речи педагога. Стоит заметить, что педагогу немаловажно не только упрощать свою речь в начале работы с учащимися, но и постепенно увеличивать ее сложность – данный факт позволит обучающимся чувствовать себя увереннее, а также постепенно развивать свои навыки понимания и воспроизведения речи.

Педагог играет важнейшую роль в овладении иностранным языком. В современных условиях перед педагогом ставятся задачи, решение которых зависит от его компетентности: обеспечение персонализированного подхода к каждому обучающемуся, выявление сильных и слабых сторон, выбор приемов и видов деятельности, способствующих достижению успешных результатов.

Прямой метод при изучении иностранного языка обладает высоким потенциалом эффективности, в особенности в современных условиях развития технологий, которые позволяют погружение в языковую среду вне аудиторных занятий. Фильмы, подкасты, видеоматериалы способствуют закреплению языковых навыков обучающихся, позволяют услышать речь носителей языка в реальных условиях общения и могут быть дополнительными инструментами обучения пониманию и воспроизведению иноязычной речи.

В нашей работе рассмотрен первый этап эксперимента. В перспективе планируется разделить студентов на фокус-группу и контрольную груп-

пу для сбора материалов в течение всего академического года с целью доказать эффективность прямого метода в данных условиях.

Приложение А

Таблица А.1

Критерии оценивания IELTS (Speaking Band Descriptors)

Fluency and coherence	Этот дескриптор оценивает, насколько свободно говорит экзаменуемый, его способность поправлять себя и продолжать речь. Связанность говорения – как слова, идеи и мысли сочетаются друг с другом, используются различные слова и фразы, чтобы связать и упорядочить идеи, перейти от одного вопроса к другому и т. д.
Lexical resource	Этот дескриптор оценивает выбор правильных слов и фраз, чтобы ясно выразить свои мысли. Какие слова использует экзаменуемый, помогают ли они прояснить его идеи, а также являются ли эти слова понятными, уместными и имеющими отношение к теме.
Grammatical range and accuracy	Этот дескриптор ориентирован на способность экзаменуемого воспроизводить грамматически правильную речь, используя как простые, так и сложные структуры. Правильность речи – умение ограничить количество грамматических ошибок.
Pronunciation	Этот дескриптор определяет, насколько легко понять то, что говорит экзаменуемый, как использует ударение и интонацию, чтобы подчеркнуть важные слова и идеи, и как использует ударение для контраста идей.

Список источников

1. Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам. Теория и практика: учеб. пособие для преподавателей и студ. М.: Филоматис: Омега-Л, 2010. 480 с.
2. Naik Hemavathi S. Content Methodology of Teaching English. Sapna Book House, 2013. P. 68.
3. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: пособие для студентов педагогических вузов и учителей. М.: Просвещение, 2006. 238 с.
4. Skinner B. F. Verbal behavior. New York: Appleton-Century-Crofts, 1957. 478 p.
5. Найденова Н. С. Прямой метод обучения иностранным языкам // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2008. № 3. С. 119–122.

6. Шифман Д. Обучение иностранному языку с помощью переключения языковых кодов в неязыковом вузе // Филология и культура. Philology and Culture. 2021. № 4 (66). С. 275–281.

7. Chaudron C. Second language classrooms: Research on teaching and learning. UK: Cambridge University Press, 1988. 221 p.

8. Wong-Fillmore L. Learning a second language: Chinese children in the American classroom / In J. Alatis & J. Stacek (eds.) // Perspectives on bilingualism and bilingual education. Washington, DC: Georgetown University Press, 1985. P. 17–50.

9. Betivu A. Learning a Foreign Language in the Context of Immersion // Educatia 21 Journal 25. 2023. Special issue. P. 356–363.

10. Lightbown P. M. Input filters in second language acquisition / In S. Foster Cohen & A. Nizgorodcew (eds.) // Eurosla Yearbook. Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 79–97.

11. Idt IELTS. Understanding the IELTS Speaking band descriptors. URL: <https://ielts.idp.com/russia/prepare/article-understanding-the-ielts-speaking-band-descriptors> (дата обращения: 12.08.2024).

12. Свирина Л., Ашрапова А., Ратнер Ф. Персонализированный контроль в обучении иностранному языку // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 240–244.

References

1. Shchukin, A. N. (2010). *Obuchenie inostrannym yazykam. Teoriia i praktika. Ucheb. posobie dlia prepodavatelei i stud.* [Teaching Foreign Languages. Theory and Practice. A Textbook for Teachers and Students]. A. N. Shchukin. 4-e izd. 75 p. Moscow, Filomatis, Omega-L. (In Russian)

2. Naik, Hemavathi S. (2013). *Content Methodology of Teaching English*. P. 68. Sapna Book House. (In English)

3. Solovova, E. N. (2006). *Posobie dlya studentov pedagogicheskikh vuzov i uchitelei "Metodika obucheniya*

inostrannym yazykam" [A Handbook for Students of Pedagogical Universities and Teachers "Methods of Teaching Foreign Languages"]. 165 p. Moscow "Prosveshchenie". (In Russian)

4. Skinner, B. F. (1957). *Verbal Behavior*. P. 478. New York, Appleton-Century-Crofts. (In English)

5. Naidenova, N. S. (2008). *Pryamoi metod obucheniya inostrannym yazykam. Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*. [Direct Method of Teaching Foreign Languages. Polylingualism and Transcultural Practices]. No. 3, pp. 119–122. (In Russian)

6. Shifman, D. (2021). *Obuchenie inostrannomu yazyku s pomoshh'yu pereklyucheniya yazykovykh kodov v neyazykovom vuze* [Teaching a Foreign Language by Switching Language Codes in a Non-Linguistic University]. Philology and Culture. No. 4(66), 279 p. (In Russian)

7. Chaudron, C. (1988). *Second Language Classrooms: Research on Teaching and Learning*. UK, Cambridge University Press. (In English)

8. Wong-Fillmore, L. (1985). *Learning a Second Language: Chinese Children in the American Classroom*. In J. Alatis & J. Stacek (eds.), Perspectives on bilingualism and bilingual education. Pp. 17–50. Washington DC, Georgetown University Press. (In English)

9. Alexandra Betivu. *Learning a Foreign Language in the Context of Immersion*. Educatia 21 Journal 25 (2023) – Special issue, p. 357. (In English)

10. Lightbown, P. M. (2001). *Input Filters in Second Language Acquisition*. In S. Foster Cohen & A. Nizgorodcew (eds.), Eurosla Yearbook. Pp. 79–97. Amsterdam, John Benjamins. (In English)

11. Idt IELTS. Understanding the IELTS Speaking band descriptors. URL: <https://ielts.idp.com/russia/prepare/article-understanding-the-ielts-speaking-band-descriptors> (accessed: 12.08.2024). (In English)

12. Svirina, L., Ashrapova, A., Ratner, F. (2023). *Personalizirovannyi kontrol' v obuchenii inostrannomu yazyku* [Personalized Control in Teaching a Foreign Language]. Philology and Culture. No. 4(74), 243 p. (In Russian)

The article was submitted on 15.11.2024

Поступила в редакцию 15.11.2024

Кривошеева Наталья Николаевна,
аспирант,
старший преподаватель,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
nataliakrivosheeva@yahoo.com

Krivosheeva Natalia Nikolaevna,
graduate student,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
nataliakrivosheeva@yahoo.com

УДК 372.881.111.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-376-381

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ: СОДЕРЖАНИЕ И СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ (ПСКОВСКИЙ ОПЫТ)

© Татьяна Никитина, Елена Роголёва

REGIONAL COMPONENT IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: THE CONTENT AND METHODS OF ITS IMPLEMENTATION (THE EXPERIENCE OF PSKOV UNIVERSITY)

Tatiana Nikitina, Elena Rogaleva

The article presents the concept, developed at Pskov State University: The regional component implementation in teaching the Russian language to foreigners. The relevance of the topic under consideration is determined by the need to optimize the process of foreigners' socio-cultural adaptation in the region of study and residence. The article shows the variety of implementation forms of the regional component of education and the used teaching tools, which are developed taking into account the communicative needs of the addressees and their level of proficiency in Russian. The principles of drawing up the regional linguoculturological minimum and the techniques of its activation in speech are described in relation to international students of the pre-university level of training. Much attention is paid to the issues of adaptation of bachelors who have undergone pre-university training in other regions: an adaptation crash course of the Russian language including a regional component and an extensive program of activities in extracurricular regional studies are offered to students of non-philological specialties. A special discipline has been developed for international students of philology, preparing them to work with Pskov folklore and dialect material; during their educational practice on the streets of the city they master its toponymic space. International undergraduates and graduate students of philology who are competent in regional linguoculturology participate in projects of the University Lexicographic Laboratory. The article emphasizes that the proposed system for developing a regional component in teaching Russian as a foreign language can be implemented based on other Russian cities and regions, which determines the practical significance of the concept and the article presenting it.

Keywords: Russian as a foreign language, competence in regional linguoculturology, socio-cultural adaptation of foreigners, regional component of Russian language teaching, educational dictionary, international students of philology

В статье представлена разработанная в Псковском государственном университете концепция реализации регионального компонента в обучении русскому языку инофонов. Актуальность рассматриваемой темы определяется необходимостью оптимизации процесса социокультурной адаптации иностранцев в регионе обучения и проживания. Предлагается комплексное решение проблемы с охватом широкого контингента обучающихся. Показано разнообразие форм реализации регионального компонента обучения и используемых при этом средств обучения, разрабатываемых с учетом коммуникативных потребностей адресата и уровня его владения русским языком. Принципы комплектования лингвокраеведческого минимума и приемы его активизации в речи инофонов раскрываются применительно к иностранным студентам предвузовского уровня подготовки. Большое внимание уделяется вопросам адаптации бакалавров, проходивших предвузовскую подготовку в других регионах: адаптационный экспресс-курс русского языка, включающий региональный компонент, и обширная программа внеаудиторных регионоведческих мероприятий предлагаются студентам нефилологических специальностей. Для иностранных студентов-филологов разработана специальная дисциплина, готовящая их к работе с псковским фольклорным и диалектным материалом, в ходе учебной практики на улицах города они осваивают его топонимическое пространство. Иностранные магистранты и аспиранты-русисты с высоким уровнем сформированности лингвокраеведческой компетенции участвуют в проектах университетской лексикографической лаборатории. Подчеркивается, что предлагаемая система разработки регионального компонента в обучении русскому языку как иностранному может быть реализована на

материале других российских городов и регионов, что определяет практическую значимость концепции и представляющей ее статьи.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, лингвокраеведческая компетенция, социокультурная адаптация иностранцев, региональный компонент обучения русскому языку, учебный словарь, иностранные студенты-филологи

Для цитирования: Никитина Т., Роголёва Е. Региональный компонент в обучении русскому языку как иностранному: содержание и способы реализации (Псковский опыт) // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 376–381. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-376-381

Актуальные проблемы разработки и реализации регионального компонента в преподавании русского языка рассматриваются в последние годы в связи с потребностями социокультурной адаптации студентов-инофонов в российских регионах и возможностями формирования на региональном материале их страноведческих знаний в процессе обучения русскому языку как иностранному (РКИ) [1], [2]. В методических статьях представлен опыт реализации регионального компонента языковой подготовки иностранных студентов в вузах Казани [3], [4], Нижнего Новгорода [5], Барнаула [6]. Регионально ориентированные материалы разработаны для иноязычных обучающихся различных профилей: школьного [7], предвузовского [4], вузовского нефилологического [8], филологического [1] и представлены в учебных средствах различных видов и форм – учебных пособиях [9], «музейных текстах» [5], проектах [10]. Реализуется региональный компонент обучения РКИ и в Псковском государственном университете (ПсковГУ). Инновационность псковской концепции и научная новизна ее репрезентации в данной статье заключается в комплексном подходе: осваивая материалы регионального компонента, иностранные студенты проходят здесь путь от адаптационного курса «Первые дни в Пскове» до лингвокраеведческого исследования в магистратуре и аспирантуре.

Региональный компонент обучения РКИ на предвузовском этапе разработан в ПсковГУ особенно тщательно. Для уровня А1, когда со студентами, помимо преподавателя, работают тьюторы из числа магистрантов и аспирантов программы «Русский язык как иностранный», разработан специальный адаптационный лексический и коммуникативно-прагматический минимум. Он включает актуальные для студента уже в первые дни его пребывания в Пскове городские топонимы: наименования улиц, на которых расположены общежития и корпуса университета; продовольственные магазины, аптеки, ближайшие автобусные остановки. Первые виртуальные экскурсии, которые предлагаются студентам со зву-

чащими на русском языке единицами лексического минимума и субтитрами на родном языке, ведут студентов из общежития к университету, в магазин, в аптеку, на автобусную остановку. Коммуникативно-прагматический раздел минимума включает этикетные формы приветствия и прощания, просьбы, благодарности: они также представлены в видеодialogах с субтитрами, которые студенты подключают при необходимости, если рядом нет тьютора, готового ответить на вопросы, проконтролировать и откорректировать употребление единиц минимума. По мере освоения русского языка виртуальные экскурсии для студентов предвузовского уровня усложняются в языковом и содержательном плане, выходят за пределы Пскова, например, на уровне А2, ближе к переходу на В1, иностранным студентам предлагается 45-минутная видеоэкскурсия по Пушкиногорскому заповеднику [11], к которой студенты уже подготовлены дозированным введением региональной информации, скоординированной с материалами основного учебника РКИ. Например, к репрезентации достопримечательностей Москвы и Санкт-Петербурга, которые в основном и представлены в учебниках РКИ, материалы регионального компонента добавляют информацию об архитектурных памятниках и современных объектах Пскова. Другие страноведческие сведения учебника будут соответственно дополняться информацией об исторических событиях и героях – защитниках Псковской земли и России, об известных писателях, художниках, композиторах, творчество которых связано с Псковом.

Для предвузовского этапа обучения РКИ разработано и специальное учебно-методическое пособие на региональном материале, работа с которым направлена на формирование лингвокраеведческих знаний студентов и развитие навыков чтения и говорения – «Добро пожаловать в Псков!» [12]. Используются на данном этапе и словари городской топонимии, к разработке которых привлекаются иностранные магистранты-русисты: «О чем говорят городские названия» [13], «История региона в названиях улиц» [14].

В индивидуальном порядке мы стараемся учесть и дальнейший маршрут иностранного студента, который после завершения предвузовской подготовки отправляется из Пскова в другой регион России. Включенная в курс РКИ тема «Переключка городов» обеспечивает комфортный переход студента к новому региональному компоненту с помощью ознакомительных текстов из регионально ориентированных учебных пособий по РКИ и научных статей, опубликованных в различных городах России [15], [16], а также разработанного в ПсковГУ словарного пособия в жанре травелога «Путешествуем по России с русскими пословицами и поговорками» [17].

К сожалению, иностранные студенты, поступающие на программы бакалавриата в ПсковГУ, проходившие предвузовскую подготовку в других регионах России или у себя на родине, как правило, мало знакомы с историческими и современными реалиями Пскова. Региональный компонент их обучения РКИ реализуется в интенсивном адаптационном экспресс-курсе русского языка, где используются перечисленные выше пособия и словари, изданные в Пскове, комплекс виртуальных экскурсий по городу, рассчитанных на уровень владения РКИ В1. В дальнейшем при небольшом количестве часов, выделяемых на освоение РКИ (язык специальности) для студентов нефилологических профилей, региональный компонент обучения реализуется в элективных курсах по лингвокраеведению. Лингвокраеведческая внеаудиторная работа ведется кураторами и тьюторами, в том числе студенты-инофоны привлекаются к участию в региональных праздниках «День города», «День скобара», «Ольгин град», топографических квестах, университетских культурно-познавательных мероприятиях, организация которых часто становится целью научно-исследовательских проектов магистрантов программы «Русский язык как иностранный» и находит отражение в их выпускных квалификационных работах.

Лингвокраеведческие аспекты обучения РКИ студентов-филологов разрабатываются на уровне кандидатских диссертаций [18], [19], результаты которых внедряются в процесс обучения. Для лингвокультурологического анализа иностранным бакалаврам-русистам предлагаются произведения псковских поэтов и писателей – И. В. Виноградова, Е. Ф. Самуйлова, Л. Г. Тишаевой [18, с. 88–90]. К освоению дисциплин «Устное народное творчество» и «Русская диалектология», которые строятся на псковском материале, студентов готовит лингвокраеведческий практикум, включающий модули «Псковская

сказка», «Псковские говоры и их исследователи». Студенты работают с материалами университетской лаборатории «Социогуманитарная регионалика» – фольклорным архивом и картотекой Псковского областного словаря, знакомятся с особенностями народной речи, получая при этом информацию о народном быте и традициях региона, особенностях мировоззрения местных жителей [19, с. 72–80].

Изучение городского топонимического пространства организовано для иностранных студентов-филологов в рамках учебной практики, проходящей на улицах города. Следуя по маршрутам, проложенным по карте, студенты расшифровывают и комментируют топонимы, используя информацию лингвокраеведческих словарей. Объектом выполняемого ими лингвокраеведческого анализа становятся и эргонимы, включающие региональный компонент, например: *Т-67* – кафе на ул. Труда, 67 (название содержит элементы адреса заведения); *Трактирь 903* – кафе на ул. Набат (903 г. – дата первого упоминания Пскова в летописи); *трактир* – старинное название закусочной, написание – по норме 1918 г. с Ъ в конце слова) [Там же, с. 90–97].

Таким образом, иностранные студенты разных уровней и профилей, осваивая языковые курсы и включенный в их содержание материал регионального компонента, совершенствуют свою лингвокраеведческую компетенцию, в структуру которой входят знания об истории, культуре, современном социуме региона, отраженные в региональной лексике и текстах, а также навыки использования языковых единиц с региональным культурным компонентом в речи. Замеры уровня сформированности данной компетенции у иностранных студентов, проведенные аспирантами в рамках их исследований [18], [19], подтверждают эффективность предложенной концепции разработки и реализации регионального компонента в обучении РКИ. В качестве положительной характеристики данной концепции можно отметить ее комплексный характер как по охвату обучающихся, так и по формам реализации регионального компонента (элективные курсы, экспресс-курсы, лингвокраеведческая учебная практика, внеаудиторная работа, научно-исследовательские и творческие проекты, тьюторская поддержка), а также по типам разработанных средств обучения (учебные пособия, учебные словари, сопроводительные региональные материалы к основному курсу РКИ, видеоматериалы).

Представленная система разработки регионального компонента в обучении РКИ может

быть реализована на материале других городов и регионов России, авторские лексикографические разработки будут полезны составителям лингвокраеведческих словарей. В перспективе предлагаемые формы работы будут совершенствоваться с учетом все возрастающего интереса обучающихся к информационным и игровым технологиям.

Список источников

1. *Выхованец Н. А.* Региональный компонент как основа культууроориентированной методики преподавания РКИ // Ученые заметки ТОГУ. 2015. Т. 6. № 4. С. 424–428.
2. *Сорокина М. О.* Курс «Региональная лингвокультурология» как база для формирования страноведческой компетенции студентов иностранцев (методические заметки) // Terra scimus. Сб-к статей по итогам научно-практич. семинара. Барнаул: АлтГУ, 2020. С. 121–125.
3. *Бочина Т. Г., Агеева Ю. В.* Как время катится в Казани золотое // Мир русского слова. 2005. № 1–2. С. 115–120.
4. *Башарова Н. Ф., Фархетдинова Г. Д.* Региональный компонент в преподавании русского языка как иностранного // Казанский педагогический журнал. 2018. №1. С. 99–102.
5. *Шевелева Т. Н., Элгаева Е. П.* Дидактический потенциал «музейных текстов» при изучении русского языка как иностранного // Нижегородское образование. 2023. № 3. С. 69–74.
6. *Глушкова С. А.* Региональный компонент при обучении РКИ (опыт Алтайского государственного педагогического университета) // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2024. № 1. С. 29–34.
7. *Зиновьева Т. И.* Поликультурная школа современного российского мегаполиса // Известия института педагогики и психологии образования. 2020. № 1. С. 38–47.
8. *Винокурова М. И.* О месте регионального компонента в разработке учебных пособий по русскому языку как иностранному для студентов-медиков // Русский язык в современном Китае. Мат-лы IX Междунар. научно-практич. конфер. Чита: Забайкальский государственный университет, 2021. С. 55–58.
9. *Пылкова А. А.* Педагогический дизайн учебного пособия по русскому языку как иностранному с учетом регионального компонента: концепция коммуникативного моделирования на примере краеведческого материала Хабаровска // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 1. С. 223–231.
10. *Толмачева Е. В., Пархомова Е. С., Легочкина Е. Н.* Реализация национально-регионального компонента в обучении русскому языку студентов-иностранцев на проектной основе // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2021. Т. 25. № 3. С. 163–171.

11. *Рубис А. Г.* Виртуальная экскурсия как новая форма работы в преподавании РКИ // Молодёжь – науке – 2021: Мат-лы научно-практич. конфер. ПсковГУ. Т. VI. Псков: ПсковГУ, 2023. С. 117–121.
12. *Грицкевич Ю. Н., Лукьянова С. В., Попкова Л. М.* Добро пожаловать в Псков! Учебно-методическое пособие. Псков: ПсковГУ, 2018. 140 с.
13. *Варламова М. П., Головина Л. С., Галактионова Г. В.* О чем рассказывают городские названия: учебный лингвокультурологический словарь. Псков: Логос, 2012. 136 с.
14. *Рогалёва Е. И., Никитина Т. Г., Муратова М. И.* История региона в названиях улиц: лингвокраеведческий словарь. Псков: Логос, 2018. 115 с.
15. *Сенаторова О. А.* Регионы России. Владимирская область: учеб. пособие по лингвокраеведению для изучающих русский язык как иностранный. Владимир: ВлГУ, 2019. 204 с.
16. *Бочина Т. Г.* Юрта и ее детали в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. 2024. № 2. С. 125–140.
17. *Рогалёва Е. И., Никитина Т. Г.* Путешествуем по России с русскими пословицами и поговорками. М.: Русский язык. Курсы, 2019. 136 с.
18. *Борисенко Н. Ю.* Формирование лингвокультурологических навыков иностранных бакалавров-русистов на материале образных сравнений: дис. ... канд. пед. наук: Казань, 2020. 237 с.
19. *Муратова М. И.* Формирование лингвокраеведческой компетенции иностранных студентов-русистов с учетом профессиональной направленности обучения: дис. ... канд. пед. наук: Казань, 2021. 168 с.

References

1. Vychovanets, N. A. (2015). *Regional'nyi komponent kak osnova kul'turoorientirovannoi metodiki prepodavaniya RKI* [The Regional Component as the Basis of a Culturally Oriented Methodology for Teaching Russian as a Foreign Language]. *Uchenye zametki TOGU*. V. 6. No. 4, pp. 424–428. (In Russian)
2. Sorokina, M. O. (2020). *Kurs "Regional'naya lingvokul'turologiya" kak baza dlya formirovaniya stranovedcheskoi kompetentsii studentov inostrantsev (metodicheskie zametki)* [The Course "Regional Linguoculturology" as a Basis for the Formation of the Regional Competence of Foreign Students (Methodological Notes)]. *Terra scimus. Sbornik statei po itogam nauchno-prakticheskogo seminar*. Pp. 121–125. Barnaul, AltGU. (In Russian)
3. Bochina, T. G., Ageeva, Yu. V. (2005). *Kak vremya katitsya v Kazani zolotoe* [The Golden Time is Rolling in Kazan]. *Mir russkogo slova*. No. 1–2, pp. 115–120. (In Russian)
4. Basharova, N. F., Farkhetdinova, G. D. (2018). *Regional'nyi komponent v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Regional Component in Teaching Russian as a Foreign Language]. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal*. No. 1, pp. 99–102. (In Russian)
5. Sheveleva, T. N., Elgaeva, E. P. (2023). *Didakticheskii potentsial "muzeinykh tekstov" pri izuchenii russkogo yazyka kak inostrannogo* [The Di-

dactic Potential of "Museum Texts" in the Study of Russian as a Foreign Language]. *Nizhegorodskoe obrazovanie*. No. 3, pp. 69–74. (In Russian)

6. Glushkova, S. A. (2024). *Regional'nyi komponent pri obuchenii RKI (opyt Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta)* [Regional Component in Teaching Russian as a Foreign Language (experience of Altai State Pedagogical University)]. *Mezhdunarodnyi aspirantskii vestnik. Russkii yazyk za rubezhom*. No. 1, pp. 29–34. (In Russian)

7. Zinov'eva, T. I. (2020). *Polikul'turnaya shkola sovremennogo rossiiskogo megapolisa* [Multicultural School of the Modern Russian Metropolis]. *Izvestiya instituta pedagogiki i psikhologii obrazovaniya*. No. 1, pp. 38–47. (In Russian)

8. Vinokurova, M. I. (2021). *O meste regional'nogo komponenta v razrabotke uchebnykh posobii po russkomu yazyku kak inostrannomu dlya studentov-medikov* [About the Place of the Regional Component in the Development of Textbooks on Russian as a Foreign Language for Medical Students]. *Russkii yazyk v sovremennom Kitae. Materialy IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, pp. 55–58. Chita, Zabaikal'skii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)

9. Pyrkova, A. A. (2021). *Pedagogicheskii dizain uchebnogo posobiya po russkomu yazyku kak inostrannomu s uchetom regional'nogo komponenta: kontseptsiya kommunikativnogo modelirovaniya na primere kraevedcheskogo materiala Khabarovska* [Development of Regionally Oriented Electronic Textbook on Russian as a Foreign Language (Based on the Material of the Khabarovsk Region)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. V. 14. No. 1, pp. 223–231. (In Russian)

10. Tolmacheva, E. V., Parkhomova, E. S., Legochkina, E. N. (2021). *Realizatsiya natsional'no-regional'nogo komponenta v obuchenii russkomu yazyku studentov-inostrantsev na proektnoi osnove* [Implementation of the National-Regional Component in Teaching Russian to Foreign Students on a Project Basis]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. V. 25. No. 3, pp. 163–171. (In Russian)

11. Rubis, A. G. (2023). *Virtual'naya ekskursiya kak novaya forma raboty v prepodavanii RKI* [Virtual Tour as a New Form of Work in Teaching Russian as a Foreign Language]. *Molodezh' – nauke – 2021: Materialy molodezhnykh nauchno-prakticheskikh konferentsii Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, pp. 117–121. V. VI. Pskov, PskovGU. (In Russian)

12. Gritskovich, Yu. N., Luk'yanova, S. V., Popkova, L. M., Yakovleva, A. S. (2018). *Dobro pozhalovat' v Pskov! Uchebno-metodicheskoe posobie* [Welcome to Pskov! Educational and Methodical Manual]. 140 p. Pskov, PskovGU. (In Russian)

13. Varlamova, M. P., Golovina, L. S., Galaktionova, G. V. (2012). *O chem rasskazyvayut gorodskie nazvaniya: uchebnyi lingvokul'turologicheskii slovar'* [What the City Names Tell You: An Educational Linguocultural Dictionary]. 136 p. Pskov, Logos. (In Russian)

14. Rogaleva, E. I., Nikitina, T. G., Muratova, M. I. (2018). *Istoriya regiona v nazvaniyakh ulits: lingvokraevedcheskii slovar'* [The History of the Region in Street Names: A Linguistic Dictionary of Local Lore]. 115 p. Pskov, Logos. (In Russian)

15. Senatorova, O. A. (2019). *Regiony Rossii. Vladimirskaia oblast': ucheb. posobie po lingvokraevedeniyu dlya izuchayushchikh russkii yazyk kak inostrannyi* [Regions of Russia. The Vladimir Region: A Textbook on Linguistic and Local Studies for Students of Russian as a Foreign Language]. 204 p. Vladimir, VIGU. (In Russian)

16. Bochina, T. G. (2024). *Yurta i ee detali v tuvinskikh zagadkakh* [The Yurt and Its Details in Tuvan Riddles]. *Novye issledovaniya Tuvy*. No. 2, pp. 125–140. (In Russian)

17. Rogaleva, E. I., Nikitina, T. G. (2019). *Puteshestviem po Rossii s russkimi poslovitsami i pogovorkami* [We Travel around Russia with Russian Proverbs and Sayings]. 136 p. Moscow, Russkii yazyk. Kursy. (In Russian)

18. Borisenko, N. Yu. (2020). *Formirovanie lingvokul'turograficheskikh navykov inostrannykh bakalavrov-rusistov na materiale obraznykh sravnenii: dis. ... kand. ped. nauk* [Formation of Linguistic and Cultural Skills of Foreign Students of Russian Studies Based on Figurative Comparisons: Ph.D. Thesis]. Kazan, 237 p. (In Russian)

19. Muratova, M. I. (2021). *Formirovanie lingvokraevedcheskoi kompetentsii inostrannykh studentov-rusistov s uchetom professional'noi napravlenosti obucheniya: dis. ... kand. ped. nauk* [Formation of Regional Linguoculturological Competence of Foreign Students, Taking into Account the Professional Orientation of Education: Ph.D. Thesis]. Kazan, 168 p. (In Russian)

The article was submitted on 01.10.2024

Поступила в редакцию 01.10.2024

Никитина Татьяна Геннадьевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Псковский государственный университет,
180000, Россия, Псков,
пл. Ленина, 2.
cambala2007@yandex.ru

Nikitina Tatiana Gennadiievna,
Doctor of Philology,
Professor,
Pskov State University,
2 Lenin Square,
Pskov, 180000, Russian Federation.
cambala2007@yandex.ru

Рогалёва Елена Ивановна,
доктор филологических наук,
профессор,
Псковский государственный университет,
180000, Россия, Псков,
пл. Ленина, 2.
cambala2010@list.ru

Rogaleva Elena Ivanovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Pskov State University,
2 Lenin Square,
Pskov, 180000, Russian Federation.
cambala2010@list.ru

УДК 372.881.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-382-386

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМ. М. К. АММОСОВА)

© Светлана Петрова, Милана Петрова

THE ROLE OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE PROFESSIONAL TRAINING OF INTERNATIONAL STUDENTS OF MEDICINE AT AMMOSOV NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

Svetlana Petrova, Milana Petrova

The article considers the importance of Russian as a foreign language in the professional training of medical students studying at Ammosov North-Eastern Federal University. The article indicates the importance of cooperation between the Department of Russian as a Foreign Language of the Faculty of Philology and specialized departments of the Medical Institute as an effective tool in linguistic and professional training of international students, future doctors. We present the system of training international medical students from the countries of the Middle East, Africa and the Asia-Pacific Regions based on the academic discipline "History of Medicine". The article describes the joint work of a medical teacher and a teacher of Russian in drawing up a "road map" for teaching Russian to international students who, as a rule, do not speak this language. We recommend the teacher of Russian as a foreign language to use tasks on working with a thematic thesaurus, to expand professionally oriented vocabulary and to develop oral coherent speech, based on adapted educational texts, using modern information technologies. The article concludes that this approach to training enables international medical students to actively participate in the educational process in such forms as: collage compiling on the topics and sections under study, reports on the history of medicine in their countries for participation in the conference "A Week of Youth Science" and in various versions of the business game "Medicine Yesterday and Today". The methodology presented in the article can be used to create an educational and methodological complex unity that contributes to a more effective teaching of the Russian language to international medical students. Thus, interdepartmental cooperation in teaching the Russian language to international medical students plays an important role in the professional development of future doctors.

Keywords: Russian as a foreign language, professional training, interdepartmental cooperation of teachers of medicine and Russian, practice-oriented vocabulary, modern technologies

Статья рассматривает значение русского языка как иностранного в профессиональной подготовке студентов-медиков, обучающихся в Северо-Восточном федеральном университете им. М. К. Аммосова. Указана роль сотрудничества кафедры русского языка как иностранного филологического факультета и профильных кафедр Медицинского института как эффективного инструмента языковой и профессиональной подготовки иностранных студентов, будущих врачей. На материале учебной дисциплины «История медицины» представлена система обучения иностранцев-медиков из стран Ближнего Востока, Африки, Азиатско-Тихоокеанского региона. Показана совместная работа преподавателя-медика и русиста в составлении «дорожной карты» обучения русскому языку иностранцев, как правило, не владеющих этим языком. Преподавателю русского языка как иностранного рекомендуются задания по работе с тематическим тезаурусом, по расширению профессионально ориентированной лексики, развитию устной связной речи, по работе с учебным адаптированным текстом с использованием современных информационных технологий. Делается вывод о том, что при таком подходе к учебным занятиям иностранцы-медики готовы к активному участию в учебном процессе в таких формах, как составление коллажей по изучаемым темам и разделам, подготовка докладов по истории медицины в своих странах для участия в конференции «Неделя молодежной науки», в различных вариантах деловой игры «Медицина вчера и сегодня». Представленная в статье методика может использоваться для создания учебно-методического комплекса, способствующего более эффективному обучению русскому языку иностранцев-медиков. Делается вывод о том, что

межкафедральное сотрудничество в обучении русскому языку иностранцев-медиков играет важную роль в профессиональном становлении будущих врачей.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, профессиональное обучение, межкафедральное сотрудничество медиков и русистов, практико-ориентированная лексика, современные технологии

Для цитирования: Петрова С., Петрова М. Роль русского языка в профессиональной подготовке иностранных студентов-медиков (из опыта работы в Северо-восточном федеральном университете им. М. К. Аммосова). // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 382–386. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-382-386

Как справедливо отмечают исследователи, профессионально ориентированное обучение русскому языку иностранцев приобретает все большую актуальность в настоящее время [1, с. 48]. Многими учеными делаются попытки создания современных моделей обучения [2, с. 48], а также многоаспектного использования образовательных технологий [3, с. 359].

Обучение русскому языку иностранцев на первом курсе – это начальная ступень профессионального образования, где закладываются основы дальнейшего успешного обучения в вузе. Особое значение в процессе обучения русскому языку иностранных студентов имеет их готовность к профессиональному общению [4, с. 24]. В связи с этим во многих исследованиях правомерно ставится вопрос о координации работы медицинских и филологических кафедр вуза [5, с. 20]. В целях повышения эффективности учебного процесса необходимо учитывать требования образовательного стандарта по русскому языку как иностранному (РКИ) [6, с. 56].

Обучение русскому языку иностранцев – это многоаспектная работа преподавателя-медика и русиста. Важнейшей составляющей учебного процесса является обучение иностранцев не только разговорному русскому языку, но и культуре профессиональной речи, что необходимо во время прохождения практики будущих врачей (понимать обстановку в больнице, вести опрос больных, заполнять необходимую медицинскую документацию) [7, с. 31], а также и научному стилю [8, с. 25]. Овладев азами научного стиля, иностранцы смогут читать статьи, более углубленно работать со специальной литературой, научатся правильно формулировать свои мысли, используя профессиональную лексику, что поможет им успешно выходить из проблемных ситуаций во время учебных занятий и в период прохождения практики.

В начале учебного года в первом семестре иностранные студенты 1 курса Медицинского института СВФУ слушают учебную дисциплину «История медицины». О том, какую роль играет эта дисциплина в профессиональном становлении будущего врача, свидетельствует тот факт,

что, согласно рабочему учебному плану, эта дисциплина опирается на такие учебные дисциплины, как «История», «Философия», «Введение в специальность», «Биоэтика», и является опорой для таких дисциплин, как «Профилактическая медицина», «Организация здравоохранения». На освоение программы дисциплины «История медицины» выделяется за семестр 14 часов – лекции, 30 часов – практические занятия, 28 часов – СРС. Кроме того, по дисциплине «Иностранный язык» (русский как иностранный) в семестр выделяется 72 часа. Согласно цели освоения данной дисциплины, в течение одного семестра иностранцы должны познакомиться с историей медицины от древности до нашего времени, узнать о выдающихся деятелях медицины и здравоохранения разных эпох и стран, о наиболее известных открытиях в области медицины. Однако, как правило, у иностранных студентов, которые знакомятся с дисциплиной «История медицины», нулевой уровень знания русского языка. Особые трудности возникают при обучении китайских студентов. У преподавателя-медика нет времени и возможности обучать иностранцев русскому языку (это и не его функция). В данной ситуации цели и задачи обучения – дать общее представление о развитии медицины, остановиться на ключевых фигурах зарубежной (например, Гиппократ, Авиценна, Галилео Галилей, Леонардо да Винчи, Парацельс, Р. Кох и др.) и русской (И. П. Павлов, И. И. Мечников, И. М. Сеченов) медицины, сыгравших важнейшую роль в развитии современного здравоохранения. Для успешного освоения дисциплины «История медицины» необходимо профессиональное сотрудничество как преподавателя-медика, так и преподавателя русского языка, благо по учебному плану первокурсники один раз в неделю изучают иностранный язык (русский язык как иностранный). Вместе они создают «дорожную карту» по обучению русскому языку, используя при этом эффективные методы, приемы и средства обучения. Русист получает задание от преподавателя-медика провести с иностранными студентами объяснительную работу с тематическим блоком тезауруса, готовит методические разработки по расши-

рению профессионально ориентированной лексики, развитию устной связной речи, по работе с учебным адаптированным текстом с использованием современных информационных технологий. На занятиях по РКИ отрабатываются различные языковые ситуации (проговаривание сложных слов, отработка правильного построения предложения на русском языке, совершенствование навыков различных видов пересказа и др.). В качестве примера представляем учебный адаптированный текст, в котором соблюдены основные требования к такому виду деятельности обучающихся: в раздаточном материале в каждом слове проставляются ударения, курсивом выделяются ключевые слова темы, которые объясняет преподаватель на своих занятиях по РКИ. Затем даются задания, реализация которых развивает устную речь иностранцев, расширяет их словарный запас, выявляет роль данного врача в развитии медицины, развивает аналитическую деятельность обучающихся в поисках их ответов на представленные в задании вопросы.

«Греческий врач Клавдий Гален – автор многочисленных трудов в области медицины и философии. Он создал теорию *кровообращения*, описал примерно триста человеческих *мышц*, определил роль *нервов* в *организме* человека, был *основоположником фармакологии*».

Задание № 1.

1. Прочитайте текст.

2. Выпишите незнакомые слова, запишите их в словарь. Найдите значение этих слов в родном языке.

3. Произнесите слова: *кровообращение*, *мышца*, *основоположник*, *фармакология*.

В связи с тем что в представленном выше тексте есть незнакомые иностранцам слова, преподаватель выписывает их, находит в словаре определения и формулирует задание.

Задание № 2.

Прочитать выделенные курсивом слова, запомнить их определение и использовать эти слова в пересказе текста:

труд (в данном контексте) – книга;

философия – наука о законах развития природы, общества и мышления;

кровообращение – движение крови в организме человека;

мышцы – органы, состоящие из мышечной ткани;

нерв – составная часть нервной системы;

основоположник – создатель, основатель учения;

фармакология – наука о лекарственных веществах и их действии на организм.

Для того чтобы китайские студенты хорошо понимали текст, на занятиях используется перевод на их родной язык, что помогает им осмысленно воспринимать учебный материал.

Задание № 3.

Прочитать на родном языке перевод терминов, данных в тексте, и найти их аналог на русском языке:

工作——活动、工作、工作——科学工作的结果。

循环——血液在人体内的运动

肌肉 – 由肌肉组织组成的器官

神经 – 神经系统的一部分

创始人 – 创造者, 学说的创始人

药理学 – 药用物质及其对身体影响的科学

Перевод на родной язык сложных терминов и понятий помогает китайским студентам лучше понять учебный материал.

Вопросы на закрепление учебного материала:

1. Кто такой Гален?

2. Что создал Гален?

3. Что он описал?

4. Что определил Гален?

5. Основоположником чего был Гален? (Трудные слова переводятся на родной язык обучающихся).

Преподаватель, ведущий дисциплину «История медицины», выстраивает свои занятия таким образом, чтобы использовать различные методические приемы и мультимедийные средства наглядности. Одной из таких форм является создание тематического коллажа, который оформляют сами студенты. Под руководством преподавателя-медика составляется коллаж, который дает представление о роли того или иного врача в развитии здравоохранения. Так, знакомя с личностью М. Я. Мудрова, выдающегося русского врача на рубеже XVIII–XIX вв., преподаватель представляет в коллаже материал о его вкладе в развитие высшего медицинского образования: создание отечественной школы терапевтов, ведение опроса больного, разработка плана обследования больного, введение понятий «профилактика» и «лечение», создание военной гигиены. Студенты принимают активное участие в мастер-классе по педагогическому мастерству доцента М. Н. Петровой в формате лекции-консультации на тему «Клиническая медицина нового времени в Европе и в России XVIII–XIX вв.», на котором демонстрируется составление коллажа в соответствии с изучаемой темой. Преподаватель-медик на практических занятиях использует различные виды игровых ситуаций («Приезд в Якутию», диалог с местным жителем, как добраться до больницы, на приеме у врача и др.).

Как показала практика, межкафедральное сотрудничество медика и русиста в значительной степени помогает иностранным студентам успешно осваивать учебный материал, овладевать коммуникативными и профессиональными компетенциями как с точки зрения русского языка, так и в плане восприятия и понимания учебной дисциплины «История медицины», что нашло отражение в создании совместного учебного пособия «Русский язык как иностранный. Основы медицинских знаний» [9].

Список источников

1. Никитина Т. Г. Профессионально ориентированный курс русского языка: принципы отбора и организации материала // Вестник педагогических наук. 2024. № 7. С. 48–53.
2. Ковынева И. А., Петрова Н. Э. Работа с аудиовизуальными средствами в процессе профессионально ориентированного обучения русскому языку как иностранному в медицинских вузах Российской Федерации // Азимут научных исследований: Педагогика и Психология. 2023. Т. 12. № 2 (43). С. 48–53.
3. Помигуева Е. А. Кейс-технологии в обучении научно-профессиональной речи студентов-иностранцев на занятиях по русскому языку в техническом вузе // Современные наукоемкие технологии. 2019. № 11 (2). С. 359–364.
4. Анфалова Л. В. Готовность иностранных студентов к профессиональному общению. Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2020. № 11(189). С. 24–28.
5. Курьянова С. А. Реализация межпредметного сотрудничества при обучении иностранных студентов языку специальности // Вопросы педагогики. 2018. № 4 (2). С. 20–23.
6. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Профессиональные модули. Первый уровень. Второй уровень / Н. П. Андрияшина и др. М.-СПб.: Златоуст, 2000. 56 с.
7. Чиркова В. М. Интеграция учебной и профессиональной деятельности в процессе изучения русского языка как иностранного в подготовке студентов-медиков к клинической практике // Карельский научный журнал. 2018. № 3 (24). Т. 7. С. 31–34.
8. Ван Ямэн. Анализ профессионализмов в научных текстах русского языка в контексте восприятия китайского студента // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 9 (1). С. 25–28.
9. Соловьева М. С. Русский язык как иностранный. Основы медицинских знаний / М. С. Соловьева, М. Н. Петрова. Якутск: Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, 2021. 83 с.

References

1. Nikitina, T. G. (2024). *Professionalnoorientirovannyi kurs russkogo yazyka:*

printsipy otbora i organizatsii materiala [Professionally Oriented Course of the Russian Language: Principles of Selection and Organization of Material]. *Vestnik pedagogicheskikh nauk*. No. 7, pp. 48–53. (In Russian)

2. Kovyneva, I. A., Petrova, N. E. (2023). *Rabota s audiovizualnymi sredstvami v protsesse professionalnoorientirovannogo obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu v meditsinskikh vuzakh Rossiiskoi Federatsii* [Working with Audiovisual Means in the Process of Professionally Oriented Teaching of Russian as a Foreign Language in Medical Universities of the Russian Federation]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: Pedagogika i Psihologiya*. T.12. No. 2(43), pp. 48–53. (In Russian)

3. Pomigueva, E. A. (2020). *Keis-tehnologii v obuchenii nauchno-professionalnoi rechi studentov-inostrantsev na zanyatiyakh po russkomu yazyku v tehničeskom vuze* [Case Technologies in Teaching Scientific and Professional Speech of Foreign Students in Russian Language Classes at a Technical University]. *Sovremennye naukoymkie tekhnologii*. No. 11 (2), pp. 359–364. (In Russian)

4. Anfalova, L. V. (2020). *Gotovnost inostrannykh studentov k professionalnomu obsheniyu* [Readiness of Foreign Students for Professional Communication]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. No. 11 (189), pp. 24–28. (In Russian)

5. Kuryanova, S. A. (2018). *Realizatsiya mezhpredmetnogo sotrudnichestva pri obuchenii inostrannykh studentov yazyku spetsialnosti* [Implementation of Interdisciplinary Cooperation in Teaching Foreign Students the Language of Their Specialty]. *Voprosy pedagogiki*. No. 4 (2), pp. 20–23. (In Russian)

6. *Gosudarstvennyi obrazovatelnyi standart po russkomu yazyku kak inostrannomu. Professionalnye moduli* (2000) [State Educational Standard in Russian as a Foreign Language. Professional Modules]. *Pervyi uroven. Vtoroi uroven*. N. P. Andryushina i dr. 56 p. Moscow – St. Petersburg, Zlatoust. (In Russian)

7. Chirkova, V. M. (2018). *Integratsiya uchebnoi i professionalnoi deyatelnosti v protsesse izucheniya russkogo yazyka kak inostrannogo v podgotovke studentov-medikov k klinicheskoi praktike* [Integration of Educational and Professional Activities in the Process of Studying Russian as a Foreign Language in the Preparation of Medical Students for Clinical Practice]. *Karelskii nauchnyi zhurnal*. No. 3(24). T. 7, pp. 31–34. (In Russian)

8. Van Yamen (2019). *Analiz professionalizmov v nauchnykh tekstakh russkogo yazyka v kontekste vospriyatiya kitaiskogo studenta* [Analysis of Professionalisms in Scientific Texts of the Russian Language in the Context of Perception of a Chinese Student]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. No. 9(1), pp. 25–28. (In Russian)

9. Soloveva, M. S. (2021). *Russkii yazyk kak inostrannyi. Osnovy medicinskikh znaniy* [Russian as a Foreign Language. Basics of Medical Knowledge]. M. S. Soloveva, M. N. Petrova. 83 p. Yakutsk, Severo-Vostochnyi federalnyi universitet imeni M. K. Ammosova. (In Russian)

The article was submitted on 15.11.2024
Поступила в редакцию 15.11.2024

Петрова Светлана Максимовна,
доктор педагогических наук,
профессор,
Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова,
677000, Россия, Якутск,
Белинского, 58.
metlit@mail.ru

Петрова Милана Николаевна,
кандидат медицинских наук,
доцент,
Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова,
677000, Россия, Якутск,
Белинского, 58.
mn.petrova_svfu@mail.ru

Petrova Svetlana Maksimovna,
Doctor of Pedagogy,
Professor,
Ammosov North-Eastern Federal University,

58 Belinsky Str.,
Yakutsk, 677000, Russian Federation.
metlit@mail.ru

Petrova Milana Nikolaevna,
Ph.D. in Medicine,
Associate Professor,
Ammosov North-Eastern Federal University,

58 Belinsky Str.,
Yakutsk, 677000, Russian Federation.
mn.petrova_svfu@mail.ru

УДК 37.02

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-387-392

ПОЛИЛИНГВАЛЬНАЯ СРЕДА ВУЗА: ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ

© Искандер Ярмакеев, Римма Ахмадуллина, Нелли Валиахметова

EXPERIENCE IN ORGANIZING POLYLINGUAL ENVIRONMENT AT UNIVERSITY

Iskander Yarmakeev, Rimma Akhmadullina, Nelly Valiakhmetova

The article actualizes the problem of finding effective forms of organizing students' activities at a university in a polylingual educational environment. We focus on systematizing the valuable experience gained in organizing the university polylingual environment, based on analyzing the forms of students' involvement in this environment as the subjects of pedagogical interactions. The paper presents theoretical provisions concerning the content of the concepts "polylingual educational space" and "polylingual environment". These concepts are considered to be systemic, based on a set of such structural components as information-content, activity-event, value-orientation and communication-norm. The results of the study provide data on various types of research, cultural, leisure and creative activities of students on a polylingual basis, in which they exploit their potential through their immersion in the linguistic environment and the diversity of cultural relations. In a systematic form, we compare the components of the polylingual environment, highlighting their target characteristics and the corresponding forms of the KFU students' organized activities. The article can be recommended to teachers, employees of institutions organizing leisure activities and the students themselves for their involvement in the polylingual space of the university on a multilingual basis.

Keywords: polylingual environment, polylingual educational space, organization forms, activity

В статье актуализируется проблема поиска эффективных форм организации деятельности студентов в вузе в условиях полилингвальной образовательной среды. Авторы статьи сосредоточили свое внимание на систематизации ценного опыта по организации полилингвальной среды университета на основе анализа форм включения студентов в данную среду как субъектов организованного педагогического взаимодействия. В работе излагаются теоретические положения, касающиеся содержания понятий «полилингвальное образовательное пространство», «полилингвальная среда». Эти понятия рассматриваются как системные, основанные на совокупности таких структурных компонентов, как информационно-содержательный, деятельностно-событийный, ценностно-ориентационный, коммуникативно-нормативный. В результатах исследования приводятся данные о разнообразных видах научно-исследовательской, культурно-досуговой, творческой деятельности студентов на полиязыковой основе, в которых они реализуют свой личностный потенциал через погружение в языковую среду, многообразие культурных отношений. В систематизированной форме авторы сопоставляют компоненты полилингвальной среды с выделением их основных целевых характеристик и соответствующие им формы организованной деятельности студентов в Казанском федеральном университете. Статья может быть рекомендована преподавателям, руководителям студенческих групп, работникам структурных подразделений, организующих досуговую деятельность, и самим студентам для включения в поликультурное пространство вуза на полилингвальной основе.

Ключевые слова: полилингвальная среда, полилингвальное образовательное пространство, формы организации, деятельность

Для цитирования: Ярмакеев И., Ахмадуллина Р., Валиахметова Н. Полилингвальная среда вуза: опыт организации // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 387–392. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-387-392

Процессы интеграции и мобильности в высшем образовании сопровождаются усилением тенденции на полилингвальность обучения, спо-

собствуя усвоению студентами языков и культур других народов, воспитывая их в традициях уважения иноязычных жизненных и мировоззренче-

ских ценностей. Языковая политика в России направлена на необходимость овладения как минимум тремя языками: родным, русским и иностранным. Это отражается в таком явлении, как би- или полилингвизм. Полилингвизм выступает и как среда, в которой формируется поликультурная личность, и как необходимый компонент поликультурного образования. Непременным условием для его реализации является особая организация педагогического процесса, который определяется как «полилингвальная среда» или «полилингвальное образовательное пространство». Образовательный процесс такого рода характеризуется более высоким уровнем целостности, поскольку строится на принципах культуросообразности, языкового плюрализма и служит укреплению дружественных связей между представителями разных народов. Одновременно он устанавливает цели, направления и стратегию развития национального образования в современной России.

В последние годы этническое, культурное и конфессиональное разнообразие контингента студентов, обучающихся в отечественных вузах, усиливается. Активизируются практики разработки совместных с иностранными вузами образовательных программ, расширяется объем совместных научных исследований, интенсивно развивается обучение на основе обмена студентами, открываются программы обучения на иностранном языке. Поэтому практически каждая организация высшего профессионального образования решает задачи, связанные не только с полилингвизмом как явлением современного мира, но и с необходимостью формирования особой полилингвальной образовательной среды.

Несмотря на накопленный теоретический и практический опыт в области поликультурного и полилингвального образования, остаются нерешенными многие вопросы, связанные с обоснованием отбора эффективных форм организации полилингвальной среды вуза с учетом международного, национального и регионального опыта. Эта проблема и обусловила цель настоящего исследования: выявить эффективные формы организации деятельности студентов в вузе для создания полилингвальной среды.

Методологической основой исследования послужили поликультурный подход, смысл которого состоит в обеспечении равной доступности к образованию высокого качества всех членов общества вне зависимости от их этнической и культурной принадлежности и уничтожении любых форм неравенства в образовательных организациях [1], а также культурологический и деятельностный подходы.

Теоретическая часть заключалась в содержательном анализе научных источников, основным методом практической части была систематизация опыта организации полилингвальной среды университета путем анализа форм включения в нее студентов как субъектов организованного педагогического взаимодействия.

Термин «полилингвизм», с точки зрения современных исследователей, понимается как важное условие для полноценного взаимодействия представителей различных народов и сообществ на основе межъязыкового и межкультурного общения [2]. Достижение полилингвизма возможно путем одновременного изучения нескольких языков и требует организации специфической «полилингвальной образовательной среды» или «полилингвального образовательного пространства». Последнее трактуется в качестве единой совокупности, в которой важное место отведено полиязыковому компоненту как сфере языков, на которых говорят его непосредственные участники в поисках смысла, своего места в мире [3]. Подчеркивается уникальность подобной полиязыковой среды, поскольку она обладает такими характеристиками, как полифоничность, событийность, креативность, проектность [4].

Мы основывались на понимании полилингвальной среды вуза как окружении, содержащем потенциал для многообразных этнокультурных контактов и профессионально-личностного развития обучающихся, сохранения их этнической идентичности. В данном контексте понятия «полилингвальная среда» и «поликультурная среда» сближаются, поскольку организация среды является необходимым компонентом в осуществлении образования.

Вслед за Г. Х. Хажгалиевой мы рассматриваем полилингвальное пространство вуза как совокупность структурных компонентов:

- информационно-содержательный: включение в содержание образования лингвострановедческих, культурологических знаний;
- деятельностно-событийный: включение в образовательную среду мероприятий, направленных на освоение культуры других народов, формирование толерантности и восприятия языковых и культурных отличий;
- ценностно-ориентационный: положительное восприятие ценностей (универсальных (культура), национальных (отечественная культура, этнос), личностно-ориентированных (личность, индивидуальность, межкультурное общение));
- коммуникативно-нормативный: акцент в обучении на полилоговую коммуникацию с уче-

том разнообразия языков и культур представителей многих народов [5].

Казанский федеральный университет (КФУ) – один из крупнейших вузов России, в нем обучаются более 40 000 российских и 12 000 иностранных студентов. КФУ представлял Россию в международном проекте «Actions of Lifelong Learning addressing Multicultural Education and Tolerance in Russia» (ALLMEET) (2013–2017 гг.), направленном на разрешение вопросов эффективного участия высшей профессиональной школы в организации поликультурного пространства. В рамках проекта в КФУ была создана межкультурная образовательная платформа.

При КФУ учрежден межвузовский Координационный совет по поликультурному образованию, который решает вопросы реализации законодательства РФ и РТ о языках, а также вопросы изучения истории и культуры Татарстана. По инициативе Совета создан методический центр, который оказывает методическую помощь, проводит курсы обучения татарскому и иностранным языкам для различных организаций. С 2018 г. также реализуется программа подготовки преподавателей для работы в билингвальных и полилингвальных учебных заведениях в рамках республиканского проекта «Адымнар». Идея проекта, успешно реализуемого с 2019 г., – создание полилингвальных образовательных комплексов в Татарстане, где обучение происходит на татарском, русском и английском языках, а также сохранение национальных традиций и их интеграция в современную жизнь.

Казанский университет является инициатором проведения различных мероприятий, направленных на сохранение и развитие родных языков, культуры и традиций народов РФ, Татарстана. Эта деятельность, в свою очередь, формирует уникальную полилингвальную среду, в условиях которой появляются новые возможности для личностного и профессионального развития обучающихся.

На основе анализа деятельности Институтов КФУ приведем примеры форм организации деятельности студентов для создания полилингвальной среды в вузе в соответствии с каждым из ее структурных компонентов (табл. 1).

Таблица 1

Формы организации полилингвальной среды в Казанском федеральном университете

№ №	Компонент полилин- гвальной среды	Примеры форм организации (мероприятий) полилингваль- ной среды в КФУ
1.	информаци-	Казанский международный

онно- содержатель- ный (обога- щение языко- выми, лин- гвострано- ведческими, культуровед- ческими зна- ниями)	лингвистический саммит; От- крытый городской конкурс юного переводчика им. Шарафа Муддариса. Декада иностранных языков, посвященная Европейскому дню языков: открытое занятие «Учимся говорить по-русски: уроки Льва Толстого»; лек- ция, посвященная двуязыч- ным словарям татарского язы- ка XIX в.; интерактивная вик- торина по немецкому языку «Deutschland entdecken», мас- тер-классы по португальско- му, турецкому, китайскому языку и каллиграфии, интел- лектуальная игра «Jeopardy» на английском языке; лин- гвистическая викторина «Язык – душа народа», Пуш- кинский диктант; веб-квест «Пушкин. XXI век». Выпуск студенческой газеты «Раушан».
2. деятельност- но- событийный (активная творческая деятельность с целью при- общения к культурному наследию, формирова- ния этно- культурной идентично- сти)	Всероссийский конкурс моло- дых журналистов «Каурыз каләм» («Перо»); Студенческий фестиваль «Язык. Культура. Коммуника- ция»; Республиканский молодеж- ный научно-творческий кон- курс «Кузгатмакчы булсаң ха- лык күнелләрен...» («Если хо- чешь затронуть душу наро- да...», посвященный дню ро- ждения Г. Тукая. Флешмоб #МинемТукай. Фотомарафон #КФУвкадре / #мывместе (фотосессии в на- циональных костюмах и сю- жетные фото на территории кампуса КФУ). Турнир по национальной борьбе корэш. Флешмоб «Читаем Пушкина». Приволжский студенческий фестиваль народного творче- ства «Национальное достоя- ние». Ежегодный фестиваль культур «Мозаика народов мира». Фестиваль народного творче- ства Поволжья «Милли хэзинә» – «Национальное дос-

		тояние».
3.	ценностно-ориентационный (приобщение к ценностям общечеловеческого, национального, личностного характера, позволяющее сформировать их отношение к поликультурному окружению)	Международный научно-методический семинар «Повышение профессиональной компетентности молодого учителя» (для студентов средних и высших профессиональных учебных заведений, педагогов билингвальных и полилингвальных образовательных организаций). Научно-практическая конференция «Лингвометодическая школа в Республике Татарстан: опыт и перспективы». Международный онлайн-семинар «Билингвальное образование: опыт и перспективы». Конференция «Мой язык – моя душа». Организация работы площадки по обсуждению лучших практик в сфере сохранения языкового многообразия и культурной самобытности народов РФ. Научно-методический семинар с международным участием «Этнопедагогика как фактор сохранения российской идентичности». Международная научно-практическая конференция «Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы». Цикл передач «#Tatarhistory» на UNIVER TV. Студенческая научно-практическая конференция с международным участием «Языковой вкус эпохи». Международный форум «Русский язык и литература как средство формирования российской идентичности и международной интеграции».
4.	коммуникативно-нормативный (развитие навыков межкультурной коммуника-	Олимпиада по русскому языку среди иностранных студентов. Республиканский фестиваль родного языка для общеобразовательных организаций «Калейдоскоп культур: мастер-классы иностранных сту-

ции, основанной на уважении многообразия культур, традиций, языков разных народов)	дентов по родным языкам». Студенческая олимпиада по русскому языку. Международная акция «Татарча диктант». Подготовка и выпуск телевизионной программы (совместно с детским телеканалом «Шаян-ТВ»). «Учимся говорить и писать по-татарски». Межрегиональная Универсиада по татарскому языку и литературе. Студенческий дискуссионный клуб «Политсквородка». Международная конференция «Точка зрения».

В университете осуществляют свою деятельность творческие и научные объединения студентов. Их особенность в том, что участники коллективов реализуют свой личностный потенциал через погружение в языковую среду, многообразие культурных отношений.

Вокальный ансамбль «Ал Зэйнабем» («Прекрасная Зэйнаб») объединяет будущих филологов. В его репертуаре лучшие образцы татарского народного и современного песенного творчества. Ансамбль «Зарница» представляет слушателям фольклорное песенное наследие различных регионов России в современной обработке. Коллектив народной песни «Смородина» своеобразен тем, что исполняет стилизованные народные песни а-Capella на разных языках мира. Участники ансамбля «Бэйрэм» («Праздник»), помимо исполнения татарских народных песен, танцуют и играют на народных музыкальных инструментах (гармонь, кубыз, думбыра, курай и др). В состав вокального ансамбля «Юан фэн» («Yuanfen») входят студенты и стажеры из Китая, изучающие русский язык. Их репертуар составляют русские и китайские песни. В университете работает молодежный театр «Мизгел» (с тат. «Мгновение»). Его миссия – нравственное воспитание, сохранение и развитие родного языка. Целью литературно-творческого объединения «Эллуки» является не только сохранение и развитие национальных литературных традиций, но и патриотическое, гражданское воспитание студенческой молодежи.

Развитие научных интересов в полилингвальном контексте представлено деятельностью дискуссионного клуба «Полимирие», созданного инициативной группой иностранных студентов КФУ. Клуб представляет возможность участвовать в грантах и конкурсах, конференциях, мас-

тер-классах. Его участники совместно ищут решение значимых политических, социальных проблем и одновременно овладевают ораторским искусством, навыками публичных выступлений. Для студентов старших курсов в КФУ функционирует дискуссионный клуб «Влияние билингвальной среды на формирование личности на примере многонационального региона РТ». Цель кружка «Этнофорум» - привлечение внимания к межэтническим процессам в современном мировом сообществе, важности сохранения основ традиционной культуры. В КФУ активно реализуется деятельность, направленная на развитие у студентов навыков межкультурной коммуникации. Проект «Англоязычная среда КФУ» способствует формированию у студентов высокого уровня языковых компетенций, программа помощи иностранным студентам (buddy-program, система «Юниор» и т. п.) ставит своей целью помочь им адаптироваться в новой социальной и образовательной среде во время учебы.

Объективные процессы слияния языков и культур чрезвычайно сложны и неоднозначны, в связи с этим исследования процессов полилингвизма и мультикультурализма необходимо осуществлять во многих направлениях. Руководители и преподаватели высшей школы должны постоянно обращать особое внимание на соблюдение межэтнического баланса в отношениях студентов, контролировать процессы поликультурного воспитания, решать задачи интеграции и обучения языкам [2].

С одной стороны, овладение иностранным языком расширяет культурный опыт и одновременно выступает источником осознания уникальности родного языка. С другой, по мнению исследователей, этот процесс может стать причиной ослабления интереса к национальным ценностям [6, с. 47]. В связи с этим особое значение имеют условия, в которых осуществляется процесс полилингвального образования. И здесь необходима выстроенная на научно-теоретической основе, тщательно продуманная организация специального поликультурного и полилингвального пространства [5].

В результате проведенного исследования можно говорить о том, что эффективная полилингвальная образовательная среда может быть спроектирована и реализована с помощью многообразных форм организации деятельности студентов. При этом имеет значение ее системный характер, основанный на совокупности таких структурных компонентов, как информационно-содержательный, деятельностно-событийный, ценностно-ориентационный, коммуникативно-нормативный. Представленный нами анализ

опыта создания полилингвальной образовательной среды на примере Казанского федерального университета не исчерпывает всех возможных подходов к ее организации, вопрос о структурных компонентах и их взаимодействии на уровне целостной системы остается принципиально открытым. Считаем, что данная проблема остается актуальной, а ее дальнейшая теоретическая разработка и экспериментальная апробация являются перспективными направлениями педагогических исследований в контексте выхода отечественного образования на международный уровень.

Список источников

1. Banks J. A. Citizenship education for a pluralistic democratic society // *Social studies*. 2012. Vol. 81. No. 2. P. 210–214.
2. Сидакова Н. В. Переосмысление приоритетов и ценностных установок в полилингвальном и поликультурном образовании // *АНИ: Педагогика и психология*. 2018. № 1 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pereosmyslenie-prioritetov-i-tsennostnyh-ustanovok-v-polilingvalnom-i-polikulturnom-obrazovanii> (дата обращения: 24.10.2023).
3. Буланкина Н. Е. Полиязыковое образовательное пространство в контексте культуры // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: общественные науки*. 2003. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poliyazykovoe-obrazovatelnoe-prostranstvo-v-kontekste-kultury> (дата обращения: 24.10.2024).
4. Мосиенко Л. В., Хажгалиева Г. Х. Развитие полилингвальной культуры как цель современного языкового образования // *Вестник ОГУ*. 2017. № 2 (202). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-polilingvalnoy-kultury-kak-tsel-sovremennogo-yazykovogo-obrazovaniya> (дата обращения: 24.03.2024).
5. Хажгалиева Г. Х. Организация полилингвального образовательного пространства вуза // *Проблемы современного педагогического образования*. 2018. № 61-1. С. 322–326.
6. Соколов Е. А., Буланкина Н. Е. Проблемы поликультур и полиязычий в гуманитарном образовании. М.: Университетская книга. Логос, 2008. 207 с.

References

1. Banks, J. A. (2012). *Citizenship Education for a Pluralistic Democratic Society*. *Social Studies*. Vol. 81. No. 2, pp. 210–214. (In English)
2. Sidakova, N. V. (2018). *Pereosmyslenie prioritetov i tsennostnykh ustanovok v polilingval'nom i polikult'urnom obrazovanii*. *ANI: Pedagogika i psikhologiya*. [Revision of Priorities and Values in Polylingual and Polycultural Education. ASR: Pedagogy and Psychology]. No. 1 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pereosmyslenie-prioritetov-i-tsennostnyh-ustanovok-v-polilingvalnom-i>

polikulturnom-obrazovanii (accessed: 24.10.2023). (In Russian)

3. Bulankina, N. E. (2003). *Poliiazykovoie obrazovatel'noe prostranstvo v kontekste kul'tury* [Multilingual Education Space in the Cultural Context]. *Izvestiya vuzov. Severo-kavkazskii region. Seriya: obshchestvennye nauki.* No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poliyazykovoie-obrazovatelnoe-prostranstvo-v-kontekste-kul'tury> (accessed: 24.10.2024). (In Russian)

4. Mosienko, L. V., Khazhgalieva, G. Kh. (2017). *Razvitie polilingval'noi kul'tury kak tsel' sovremennogo iazykovogo obrazovaniya.* [The Development of Polylingual Culture as the Goal of Modern Language Ed-

ucation]. *Vestnik OSU.* No. 2. (202). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-polilingvalnoy-kul'tury-kak-tsel-sovremennogo-yazykovogo-obrazovaniya> (accessed: 24.03.2024). (In Russian)

5. Khazhgalieva, G. Kh. (2018). *Organizatsiya polilingval'nogo obrazovatel'nogo prostranstva vuza* [Organization of the Polylingual Educational Space of the University]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya.* No. 61–1, pp. 322–326. (In Russian)

6. Sokolov, E. A., Bulankina, N. E. (2008). *Problemy polikul'tur i poliyazychii v gumanitarnom obrazovanii* [Problems of Multiculturalism and Polylinguism in Humanitarian Education]. P. 47. Moscow, Universitetskaya kniga. Logos. (In Russian)

The article was submitted on 15.11.2024

Поступила в редакцию 15.11.2024

Ярмакеев Искандер Энгелевич,
доктор педагогических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
ermakeev@mail.ru

Ахмадуллина Римма Маратовна,
кандидат педагогических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
akhrimma@mail.ru

Валиахметова Нелли Раисовна,
кандидат педагогических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
nellyv1975@mail.ru

Yarmakeev Iskander Engelevich,
Doctor of Pedagogy,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ermakeev@mail.ru

Akhmadullina Rimma Maratovna,
Ph.D. in Pedagogy,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
akhrimma@mail.ru

Valiakhmetova Nelly Raisovna,
Ph.D. in Pedagogy,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
nellyv1975@mail.ru

РУКОВОДСТВО ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения

Научный журнал «Филология и культура. *Philology and Culture*» публикует статьи по следующим разделам:

- филологические науки;
- психологические науки;
- педагогические науки.

Журнал «Филология и культура. *Philology and Culture*» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его высоким научным критериям (актуальность, научная новизна и др.). В тексте статей следует отдавать предпочтение ссылкам на публикации последних 15 лет. В журнале печатаются материалы, которые не опубликованы и не переданы в другие редакции.

Все статьи проходят рецензирование. Результаты рецензирования и решение редколлегии о принятии представленной статьи к публикации в журнале «Филология и культура. *Philology and Culture*» сообщаются авторам по электронной почте.

Небольшие исправления стилистического и формального характера вносятся в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или статья направляется авторам на доработку.

Рукописи авторам не возвращаются.

Порядок приема и движения рукописи

Редакция журнала принимает статьи исключительно в электронном виде (формат Word, файл типа .doc) на электронный адрес журнала: journal@ifi.kpfu.ru

Научные статьи должны быть объемом от 20 000 до 40 000 знаков (с пробелами).

Аннотация на русском и английском языках должна включать характеристику основной темы, проблемы, стоящие перед автором, цели работы и ее результаты. Не рекомендуется приводить цитаты из текста статьи. Средний объем аннотации от 150 до 250 слов. В тексте аннотации должны быть использованы все ключевые слова (5–7 понятий, терминов и имен собственных).

В конце статьи приводится краткая информация об авторе на русском и английском языках:

- фамилия, имя, отчество (жирным шрифтом),
- научная степень (если есть),
- должность, место работы с указанием почтового адреса, e-mail (данные – 12 кегль, почтовый адрес – 10 кегль).

Образец:

Иванов Петр Александрович,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
ivamariak@mail.ru

Ivanov Petr Aleksandrovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ivamariak@mail.ru

Художественные тексты, исторические источники должны быть на языке оригинала, при переводе текста указывается автор перевода.

Образец:

(перевод наш. – П. И., М. А.).

(перевод Б. Л. Пастернака. – П. И.).

Качество иллюстраций должно быть максимальным (не ниже 600 dpi). Иллюстрации прилагаются к статье отдельным файлом в формате jpeg и должны быть с подписями на русском и английском языках, указанием места иллюстрации в статье. Подписи к иллюстрациям дублируются в отдельном файле.

После того как рукопись пройдет двойное «слепое» рецензирование, мнение рецензента сообщается автору.

Анкета статьи должна быть заполнена следующим образом:

ФИО автора / Author

Организация / Organization

Страна / Country

Город / City

E-mail:

Наименование статьи / Title of article

Аннотация / Abstract

Ключевые слова / Keywords

1. Перечень затекстовых библиографических ссылок помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников». Использование слов «Библиографический список», «Библиография» не рекомендуется.

2. В перечень затекстовых библиографических ссылок включают записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи.

3. Библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи. Для связи с текстом статьи порядковый номер библиографической записи и страницу указывают в квадратных скобках. Сведения разделяют запятой. Пример:

В тексте статьи:

[10, с. 81]

В Списке источников:

10. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

4. Пристатейный библиографический список помещают после перечня затекстовых ссылок с предшествующими словами «Библиографический список» (в пристатейный библиографический список включают записи на ресурсы по теме статьи, на которые не даны ссылки).

5. Библиографические записи в пристатейном библиографическом списке нумеруют и располагают в алфавитном порядке.

Библиографический список оформляется следующим образом:

– Список литературы (по центру);

– труды должны быть представлены в алфавитном порядке: сначала указывается литература на русском языке, затем – на иностранном языке (согласно алфавиту иностранного языка);

– References (по центру);

– транслитерированный список литературы (порядок должен быть изменен согласно алфавиту английского языка).

Просьба оформлять научные статьи по следующему образцу:

Текст научной статьи должен быть оформлен на листе формата А4 по ГОСТ 9327-60, ориентация книжная, шрифт Times New Roman, кегль 14. Межстрочный интервал 1,5.

- Формат MS Word
- Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2 см.
- Абзацный отступ – 1,25.
- Выравнивание текста статьи по ширине.

Межбуквенный интервал – обычный.

Квадратные скобки – на латинской клавиатуре.

Межсловный пробел – в один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях т. е., т. п., т. д.

Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: М., 1995. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: А. С. Пушкин.

Дефис должен отличаться от тире, например: литературно-художественный (дефис), русская литература конца XIX – начала XX века (тире с пробелами слева и справа, без пробелов – в числах и датах, например: 1960–1970 гг., с. 52–65.

Кавычки в тексте статьи:

- французские («елочки»), внутри цитаты – немецкие („лапки“).

Образец:

«Роман И. С. Тургенева „Отцы и дети“ был опубликован в журнале „Русский вестник“».

– при переводе значения иноязычного слова используют английские одиночные (‘марровские’) кавычки.

Образец:

Критика в комментарии может быть также выражена при помощи лексемы *leider* ‘к сожалению’.

- в тексте на иностранном языке употребляются “английские двойные кавычки”.

Образец:

I. S. Turgenev’s novel “Fathers and Sons” was published in the journal “Russian Messenger”.

Точка, запятая и точка с запятой при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски.

Римские цифры набираются с помощью латинской клавиатуры.

Буква ё / Ё заменяется буквой е / Е за исключением важных для смыслового различия контекстов и имен собственных, например: Генрих Бёль.

При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.

Не допускаются пробелы между абзацами.

Выделения в тексте должны осуществляться по следующим правилам:

Жирный шрифт – для заголовков, подзаголовков.

Разрядка – для смысловых выделений.

Светлый курсив – для коротких примеров.

Образец:

Значение оборота «по сравнению с чем-нибудь» в составе устойчивой конструкции *против / противу прежнего*: «Я думал издерживать втрое против прежнего, вышло вдесятеро...» [1, т. 8, с. 7–47].

Мелкий шрифт с отбивкой от основного текста (полуторный интервал, кегль 12) – для фрагментов текста.

Образец:

Так, у А. И. Куприна читаем:

«В середине августа, перед рождением молодого месяца, вдруг наступили отвратительные погоды, какие так свойственны северному побережью Черного моря. То по целым суткам тяжело лежал над землею и морем густой туман, и тогда огромная сирена на маяке ревела днем и ночью, точно бешеный бык. То с утра до утра шел не переставая мелкий, как водяная пыль, дождик, превращавший глинистые дороги и тропинки в сплошную густую грязь, в которой увязали надолго возы и экипажи» [1, с. 3].

Порядок оформления статьи

В начале статьи указывается УДК (в левом верхнем углу).

Название статьи – по центру, без отступа, прописными буквами.

Автор (ы): имя, фамилия.

Далее необходимо продублировать название статьи, имя и фамилию автора (или авторов) на английском языке.

Аннотация на английском языке (интервал 1,5; кегль 12).

Ключевые слова на английском языке. Слово *keywords* курсивом. После ключевых слов точка не ставится.

Аналогично – аннотация и ключевые слова на русском языке. После ключевых слов точка не ставится.

Текст статьи.

Список источников.

Библиографический список (если есть).

References. Библиографический список (если есть).

Данные об авторе: на русском языке и английском языках.

Внимание! Обязательны указания на количество страниц в издании и на страницы цитируемых статей.

Для ссылок на электронные ресурсы используют аббревиатуру URL (Uniform resource Locator – унифицированный указатель ресурса) и дату обращения.

Например: URL: <http://www.ruslit.ru> (дата обращения: 12.01.2016).

Список источников оформляется на языке оригинала издания с обязательным указанием места издания, издательства, года, количества страниц.

К статье прикладывается расшифровка использованных сокращений.

Примеры оформления списка литературы:

Список источников

Гринвалд Д. Кассандра // Сюжеты. 1990. № 10. С. 3–103.

Зайцев В. В. Теория и практика развития личностной свободы учащихся в системе начального образования: автореф. дис. ... д-ра. пед. наук: Волгоград, 1999. 48 с.

Ильинская С. Б. Константинос Кавафис. На пути к реализму в поэзии XX века. М.: Наука, 1984. 320 с.

Исаева Е. Две жены Париса // Isaeva.ru: Поэтесса и драматург Елена Исаева, 2015. URL: <http://www.isaeva.ru/plays/wife.html> (дата обращения: 24.02.2015).

Rabassa G. One hundred years of solitude. New York: Harper Perennial Modern Classics, 2006. 417 p.

References

Grinvald, D. (1990). *Kassandra* [Cassandra]. Siuzhety, No. 10, pp. 3–103. (In Russian)

Ilinskaya, S. B. (1984). *Konstantinos Kavafis. Na puti k realizmu v poesii XX veka* [Constantinos Cavafy. On the Way to Realism in the Poetry of the Twentieth Century]. 320 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Isaeva, E. (2015). *Dve zheny Parisa* [Two Wives of Paris]. Isaeva.ru: Poe'tessa i dramaturg Elena Isaeva. URL: <http://www.isaeva.ru/plays/wife.html> (accessed: 24.02.2015). (In Russian)

Rabassa, G. (2006). *One Hundred Years of Solitude*. 417 p. New York, Harper Perennial Modern Classics. (In English)

Zaitsev, V. V. (1999). *Teoriia i praktika razvitiia lichnostnoi svobody uchashchikhsia v sisteme nachal'nogo obrazovaniia*: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk [Theory and Practice of the Learner Personal Freedom Development in Primary Education: Doctoral Thesis Abstract]. Volgograd, 48 p. (In Russian)

Транслитерация текста (пошаговая инструкция)

1. На главной странице сайта <http://translit.net> в строке «Включен» выбираем «русский транслит», вариант BSI (при этом следует делать исключение для имен собственных и названий периодических изданий, которые необходимо транслитерировать в соответствии со сложившейся традицией).

Например:

Вопросы языкознания = Voprosy jazykoznaniiia, а не Voprosy iazykoznaniiia.

2. Копируем из списка литературы данные об источнике (например: *Ильинская С. Б. Константинос Кавафис. На пути к реализму в поэзии XX века. М.: Наука, 1984. 320 с.*), вставляем в поле и нажимаем кнопку «в транслит». Получаем: P'inskaya S. B. Konstantinos Kavafis. Na puti k realizmu v poe'zii XX veka. M.: Nauka, 1984. 320 s.

3. После фамилии автора ставим запятую, затем инициалы.

4. В скобках год издания.

5. После названия книги (дается курсивом) в квадратных скобках даем перевод на английский язык.

6. Количество страниц (на английском).

7. Город (указывается полностью, например: Moscow, Leningrad, Kazan, St. Petersburg).

8. Издательство (без кавычек).

9. В скобках указываем язык оригинала:

На русском – (In Russian)

На татарском – (In Tatar)

На английском – (In English)

На немецком – (In German)

На французском – (In French)

На испанском – (In Spanish)

На китайском – (In Chinese)

На турецком – (In Turkish)

На казахском – (In Kazakh)

На польском – (In Polish)

На чешском – (In Czech)

На башкирском – (In Bashkir)

На чувашском – (In Chuvash)

На хакасском – (In Khakas)

На туркменском – (In Turkmen)

На киргизском – (In Kyrgyz)

На корейском – (In Korean)

На узбекском – (In Uzbek)

На азербайджанском – (In Azerbaijani)

На якутском – (In Yakut)

С требованиями к рукописям, обзорами номеров журнала можно ознакомиться на сайте: <http://philology-and-culture.kpfu.ru>

Филология и культура. Philology and Culture

№ 4 (78)

Дата выхода в свет 13.12.2024.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60х84 1/8. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 46,2.

Тираж 1000 экз. Заказ 83/12

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

Адрес издательства:

420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Профессора Нухина, д. 1/37

Тел. (843) 206-52-14 (1704), 206-52-14 (1705)

Свободная цена

